

АРХЕОЛОГИ- ЧЕСКИЕ ВЕСТИ

-9-

•2002•

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ARCHAEOLOGICAL NEWS

№ 9

ДБ

St.-PETERSBURG

2002

Археологические Вести

№ 9

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2002

В очередной том ежегодника «Археологические Вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии. Впервые дается анализ мустьерских жилищ, в конструкциях которых использовались кости мамонта. Публикуются новые материалы по памятникам эпохи камня средней полосы России и Карелии, а также эпохи бронзы Центральной Азии и юго-восточного Башкортостана. Особое место в сборнике занимает работа, освещающая исследования царского погребального комплекса времени сюнну Забайкальской экспедицией ИИМК РАН. В ряде статей анализируются отдельные группы археологических находок различных эпох. В разделе «Актуальные проблемы археологии» рассматриваются некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагьябской культуры Южного Приаралья, метод С. А. Семенова в современном палеолитоведении и некоторые вопросы античной археологии. В сборнике дается информация о важнейших международных конференциях и обзорные новейших археологических публикаций. Один из разделов посвящен истории науки. В данном сборнике начата публикация библиографии работ советских и российских ученых, изданных за рубежом.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (ответственный редактор),
В. А. Алёкшин, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева, В. А. Завьялов,
Н. В. Хвоцинская (отв. секретарь), Л. Г. Шаяхметова.

Адрес редакции: Россия, 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 3119271
<http://www.archeo.ru>

Издательская группа: Н. В. Головачева, Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова, В. Я. Стеганцева.

Editorial board: E. N. Nosov (editor in chief),
V. A. Alëkshin, M. Yu. Vakhtina, T. S. Dorofeeva, V. A. Zav'yalov,
N. V. Khvoshchinskaya, L. G. Shayakhmetova.

Address: Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences,
Dvortzovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186, Russia
Phone: 7-812-31121484; *Fax:* 7-812-3116271
<http://www.archeo.ru>

Publishing group: N. V. Golovacheva, T. S. Dorofeeva, G. A. Kuznetsova, V. Ya. Stegantzeva.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 01-01-16032д*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Штрихи к портрету</i> (к юбилею Э. С. Шарафутдиновой)	9
--	---

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Н. К. Анисюткин.</i> Проблема мустьерских жилищ с использованием многочисленных костей мамонта	11
<i>Г. В. Григорьева.</i> Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 2000 г.	24
<i>А. Е. Матюхин.</i> Михайловская балка — новый палеолитический памятник в устье Северского Донца (предварительное сообщение)	34
<i>А. Ю. Тарасов, А. И. Мурашкин.</i> Новые материалы с поселения Залавруга I и проблема датировки петроглифов Новой Залавруги	41
<i>А. К. Каспаров.</i> Скелет лошади из захоронения в некрополе Нимфея	45
<i>А. Я. Щетенко.</i> Археологические комплексы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана (По материалам Намазга-депе)	51
<i>Ю. А. Заднепровский (†), В. Н. Васильев, Ю. А. Морозов.</i> Новые материалы по эпохе бронзы юго-восточного Башкортостана	65
<i>Г. А. Романова, Н. Н. Скакун.</i> Исследование верхнего горизонта поселения Нагорное II в Подунавье	73
<i>С. С. Миняев, Л. М. Сахаровская.</i> Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам	86
<i>Ю. Е. Березкин.</i> Керамика из района бухты Оля на острове Итуруп	119
<i>Е. Я. Рогов (†), С. В. Кашаев.</i> Чернолаковая керамика из раскопок поселения Вышестеблиевская II	124
<i>К. А. Михайлов, Е. Н. Носов.</i> Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище	136
<i>А. В. Плохов.</i> Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода	141
<i>А. В. Курбатов.</i> Погребальная обувь средневековой Руси	155

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Е. Ю. Гиря, Ана Ресино Леон, С. А. Семенов, Костенки, палеолитоведение</i>	173
<i>Ю. Г. Кутимов.</i> Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагьябской культуры Южного Приаралья (по материалам могильника Кокча 3)	191
<i>М. В. Скржинская.</i> Какому божеству поклонялись ольвиополиты в святилище на Гипполаевом мысу?	204
<i>С. Д. Крыжицкий.</i> Ольвия и скифы в V в. до н. э. К вопросу о скифском «протекторате»	208

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Что же такое «Восточный граветт»? Восточный граветт (отв. редактор Х. А. Амирханов). 329 с. 166 илл. 15 табл. 1998. Москва: Научный мир. (Рец. З. А. Абрамовой)</i>	222
<i>Северная Европа на рубеже палеолита и мезолита. L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire: confrontation des modèles régionaux de peuplement. B. Valentin, P. Bodu, M. Christensen (Dir.). Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile-de-France, № 7. 364 pages. 2000. Nemours: Ed. A.P.R.A.I.F. (Рец. С. А. Васильева)</i>	229
<i>Нижний и средний палеолит Леванта и Европы: на перекрестке мнений. Towards Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400—50 k-years ago. Proceedings of a Congress held at the University of Haifa. November 3—9, 1996. Ed. by Avraham Ronen and Mina Weinstein-Evron. 236 pages and 106 figures. BAR International Series 850. 2000. Oxford: Archaeopress. (Рец. Е. В. Беляевой)</i>	232
<i>Археология и этнография индейцев Плато. Handbook of North American Indians. William C. Sturtevant, general editor. Volume 12, Plateau, Deward E. Walker, Jr., volume editor. 791 p. 1998. Washington: Smithsonian Institution. (Рец. Ю. Е. Березкина)</i>	239
<i>О современной иранской археологической литературе. Majalle-ye Bâstânšenâsi va Tariḫ — № 8/2, 1994, № 9/2, 1995; Mirâth-e Farhangî — № 14, 15, 1996 г. (Обзор П. Б. Лурье)</i>	245

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК—ЗАПАД

- С. А. Васильев.* Международная конференция «Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий» (Куртук, 22—31 июля 2000 г.) 253
- Ю. А. Виноградов, Е. Я. Rogov, С. В. Кашаев.* Международный коллоквиум «Греки и негры на северном берегу Черного моря» (Мюнстер, 15—16 января 2001 г.) 254

ИСТОРИЯ НАУКИ

- С. А. Васильев.* Андре Леруа-Гуран и отечественная наука о первобытности (из истории русско-французских научных связей в археологии) 257
- Н. И. Платонова.* Панорама отечественной археологии на «великом переломе» (по страницам книги В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры») 261

ПЕРСОНАЛИИ

- Александр Натанович Бернштам. Из плеяды первопроходцев среднеазиатской археологии (К 90-летию со дня рождения) 279

ХРОНИКА

- С. А. Кулаков.* Институт истории материальной культуры РАН в 2000 г. 282
- О. Н. Сажина, Р. Ш. Левина.* Работы отечественных ученых, опубликованные в зарубежных изданиях (1941—1991 гг.) 284

CONTENTS

<i>Some Touches to the Portrait</i> (E. S. Sharafutdinova)	9
--	---

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>N. K. Anisyutkin</i> . The Problem of Mousterian Dwellings with Large Amounts of Mammoth Bones	11
<i>G. V. Grigoryeva</i> . Studies of the Upper Palaeolithic Site of Yudinovo in 2000	24
<i>A. E. Matyukhin</i> . Mikhailovskaya Balka — a New Palaeolithic Site	34
<i>A. Yu. Tarasov, A. I. Murashkin</i> . The New Material from the Site Zalavruga I and the problem of dating New Zalavruga's rock carvings	41
<i>A. K. Kasparov</i> . Horse Skeleton from a Burial at the Nymphaion Necropolis	45
<i>A. Ya. Shchetenko</i> . Archaeological Complexes of the Late Bronze Age of South Turkmenistan (based on materials of Namazga-Depe)	51
<i>Yu. A. Zadneprovskiy</i> (†), <i>V. N. Vasil'ev, Yu. A. Morozov</i> . New Materials on the Bronze Age in South-Eastern Bashkortostan	65
<i>G. A. Romanova, N. N. Skakun</i> . Studies of the Upper Horizon of the Settlement of Nagornoe II in the Danube Region	73
<i>S. S. Minyaev, L. M. Sakharovskaya</i> . Accompanying Burials of «Royal» Complex No. 7 at the Tsaram Cemetery	86
<i>Yuri E. Berezkin</i> . Ceramics from the area of Olya Bay on Iturup Island	119
<i>E. Ya. Rogov</i> (†), <i>S. V. Kashaev</i> . Black-glazed Pottery from Excavations of the Settlement of Vyshesteblievskaya II	124
<i>K. A. Mikhailov, E. N. Nosov</i> . New finds of chapes of sword scabbards from Rurik Gorodishche	136
<i>A. V. Plokhov</i> . Handmade Pottery from Rurik Gorodishche and Novgorod	141
<i>A. V. Kurbatov</i> . The Funerary Footwear in the Medieval Rus	155

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>E. Ju. Gira, Ana Resino Leon, Semenov</i> — Kostionki — Palaeolithic Science	173
<i>Yu. G. Kutimov</i> . Some Aspects of the Development and Absolute Dating of the Tazabagyab Culture of the Southern Aral Region in the Context of Central Asian Cultural Connections (materials from the burial ground of Kokcha 3)	191
<i>M. V. Skrzhinskaya</i> . What Deity Was Worshiped by Olbiapolitians at the Sanctuary on the Hippolaus's Cape	204
<i>S. D. Kryzhitskiy</i> . Olbia and Scythians in the 5 th Century B. C. To the Question of the Scythian «Protectorate»	208

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

<i>The «Eastern Gravette»: what is it actually?</i> The Eastern Gravette (Kh. A. Amirkhanov general editor). 329 pages, pls. 1998. Moscow. Nauchny Mir. (Rev. by Z. A. Abramova)	222
<i>The Northern Europe at the Turn of the Palaeolithic and Mesolithic Periods</i> . L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire: confrontation des modèles régionaux de peuplement. B. Valentin, P. Bodu, M. Christensen (Dir.). Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile-de-France, N° 7. 364 pages. 2000. Nemours: Ed. A.P.R.A.I.F. (Rev. by S. A. Vasil'ev)	229
<i>The Lower and Upper Palaeolithic of Levant and Europe: at the Crossroad of Opinions</i> . Towards Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400—50 k-years ago. Proceedings of a Congress held at the University of Haifa. November 3—9, 1996. Ed. by Avraham Ronen and Mina Weinstein-Evron. 236 pages and 106 figures. BAR International Series 850. 2000. Oxford: Archaeopress. (Rev. by E. V. Belyaeva)	232

- Archaeology and Ethnography of the Plateau Indians*. Handbook of North American Indians. William C. Sturtevant, general editor. Volume 12, Plateau, Deward E. Walker, Jr., volume editor. 791 p. 1998. Washington: Smithsonian Institution. (Rev. by Yu. E. Bereskin) 239
- The Modern Iranian Archaeological Literature*. *Majalle-ye Bâstânšenâsi va Tariḫ* — № 8/2, 1994, № 9/2, 1995; *Mirath-e Farhangi* — № 14, 15, 1996 г. (Rev. by P. B. Lur'e) 245

THE EAST—WEST COOPERATION

- S. A. Vasil'ev*. International Conference «Palaeogeography of the Stone Age. The Correlation of Natural Events and Archaeological Cultures of the Palaeolithic Period in Northern Asia and the Contiguous Regions» (Kurtak, July 22—31, 2000) 253
- Yu. A. Vinogradov, E. Ya. Rogov, S. V. Kashaev*. International Colloquium «Greeks and Non-Greeks on the Northern Coast of the Black Sea» (Münster, January 15—16, 2001) 254

HISTORY OF SCIENCE

- S. A. Vasil'ev*. André Leroi-Gurand and the Russian Science of the Primeval Period (from the history of Russo-French scientific relations in archaeology) 257
- N. I. Platonova*. Panorama of Russian Archaeology at the «Great Turn» (after the book by V. I. Ravdonikas «For the Marxist History of Material Culture») 261

PERSONALIA

- Alexander Natanovich Bernshtam*. From the Pleiad of the Pathfinders of the Archaeology of Central Asia (to the 90th Anniversary) 279

CHRONICLE

- S. A. Kulakov*. IIMK in 2000 282
- O. N. Sazhina, R. Sh. Levina*. Works of Soviet and Russian Scholars Published Abroad (1941—1991) . . . 284

Эльза Самуиловна Шарафутдинова

Штрихи к портрету

Эльза Самуиловна Шарафутдинова принадлежит к той категории людей, к которым невозможно относиться спокойно и равнодушно. Вероятно, это вызвано тем, что сама она очень живо реагирует на все, что происходит вокруг нее. Природное любопытство и любознательность заставляют Э. С. Шарафутдинову вести активный образ жизни. Она всегда чем-то занята, о чем-то хлопочет. Оторвать ее от дел очень трудно. Правда, она охотно вступает в дискуссию на интересующие ее темы. Таких тем очень много и среди них две любимейших — мораль как таковая и правила хорошего тона. Но вести с ней диалог очень непросто. Она говорит быстро, энергично и непрерывно возражает собеседнику. Не все это выдерживают. Такая манера разговора очень угнетающе действовала на советских начальников низших рангов. Эти люди совершенно не были подготовлены для проведения демократических дискуссий. Они тут же ломались. В Краснодарском крае, где много лет проработала Кубанская экспедиция, Э. С. Шарафутдинову знали очень хорошо. Достаточно было упомянуть ее имя, как угрюмых бригадиров и гордых начальников передвижных механизированных колонн охватывал трепет. Они незамедлительно посылали в экспедицию долгожданную технику, перечисляли положенные деньги и т. д.

Но в действительности Эльза Самуиловна — добрый, веселый и отзывчивый человек. Это хорошо знают ее близкие друзья, хорошо чувствует экспедиционная молодежь. В их среде она совершенно преображается. К ней часто обращаются за советом, помощью, поддержкой. Она никому не отказывает, но дотошно вникает во все детали дела.

Путь в науку не был для Э. С. Шарафутдиновой простым и легким. В основном это связано с тем, что к науке, к археологии она относилась и относится очень серьезно, с большим пиететом. По ее собственному признанию, в присутствии А. А. Иессена, М. П. Грязнова и других наших корифеев она боялась открыть рот. Но прошли годы. Для Э. С. Шарафутдиновой они были наполнены непрерывным трудом. Сейчас она сама является признанным авторитетом в археологии эпохи бронзы Восточной Европы. Среди специалистов ее имя стало широко известно после выхода в свет монографии о кобьяковской культуры. Она фактически открыла эту культуру. За прошедшие четверть века основные выводы Э. С. Шарафутдиновой получили полное подтверждение. Ею опубликовано около сотни работ по различным вопросам эпохи бронзы. Все они выполнены очень добротнo. Заинтересованные читатели знают, что выводы Э. С. Шарафутдиновой всегда тщательно продуманы, выверены и лишены какой-либо конъюнктурности. Ее постоянно и охотно приглашают на конференции и симпозиумы. Она активно участвует в их работе: выступает с докладами, дискутирует с коллегами, знакомится с новыми материалами и т. д.

Много лет своей жизни Э. С. Шарафутдинова провела в экспедициях. Она копала в Сибири и в Казахстане, на Нижнем Дону и на Кубани, в Поднепровье и в бассейне Северского Донца. Она любит экспедиционную жизнь и стойко переносит все ее неудобства. На раскопках она строга, педантична и беспощадно требовательна к чертежникам и художникам. По этой причине все ее полевые отчеты выполнены безукоризненно и имеют образцовый характер.

Э. С. Шарафутдинова никогда не стремилась громко заявить о себе, быть на виду. Ей это не нужно. Она просто работала и добросовестно выполняла свой профессиональный долг. В конечном итоге на таких людях, как она, и держится наша наука.

В год славного юбилея сердечно поздравляем нашу дорогую Эльзу Самуиловну. Желаем ей оставаться такой, какая она есть: живой, энергичной и веселой.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРОБЛЕМА МУСТЬЕРСКИХ ЖИЛИЩ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МНОГОЧИСЛЕННЫХ КОСТЕЙ МАМОНТА¹

Н. К. АНИСЮТКИН²

1. Введение.

Проблема палеолитических жилищ (и мустьерских в частности) — одна из наиболее интересных проблем мирового палеолитоведения. Для ее постановки первостепенное значение имели работы советских специалистов по палеолиту, которые не только первыми открыли и описали эти жилища, но и разработали методику их изучения. В предлагаемой статье рассматриваются мустьерские жилища с использованием многочисленных костей мамонта.

Автор, в значительной мере, использует такое понимание палеолитических жилищ, которое сформулировано в работе З. А. Абрамовой и, на наш взгляд, является наиболее приемлемым (Абрамова, Григорьева 1997: 5—7). Некоторые наши наблюдения созвучны интересным разработкам А. А. Чубура о роли мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Восточной Европы (Чубур 1998). Однако ряд положений, сформулированных этим исследователем, неприемлем.

В настоящее время имеются многочисленные данные о том, что люди мустьерской эпохи умели сооружать разнообразные, и, вместе с тем, простые жилища (Desbrosse, Kozłowski 1994). Если говорить об открытых стоянках, это были преимущественно кратковременные, сезонные сооружения, которые не всегда можно было бесспорно выделить. Поэтому публикации, в которых приводятся данные о долговременных жилищах на открытых

мустьерских стоянках, привлекают особое внимание.

В этом плане большой интерес представляет открытие, сделанное в 60-е годы XX века украинским археологом А. П. Чернышом в среднем течении реки Днестр, долговременного, по его мнению, жилища с использованием значительного количества специально отобранных крупных костей и бивней мамонта. Последние образовывали как бы круговые обкладки, внутри которых прослеживался насыщенный находками культурный слой, включающий остатки многочисленных кострищ. За пределами жилища культурный слой становился менее выразительным и менее насыщенным. Это жилище, которое исследователь сопоставляет с жилищами типа «яранг» сибирских охотничьих народов недавнего прошлого, обнаружено в мустьерском слое 4 стоянки Молодова I (Черныш 1960).

В течение последующих двух десятилетий в Среднем Приднестровье удалось открыть сходные, но несколько своеобразные жилые конструкции на мустьерских стоянках Молодова 5 и Кетросы (Черныш 1965; Анисюткин 1981). Подобные же объекты выявлены на правом берегу реки Прут, на стоянке Рипичени-Извор в Румынии (Paunescu 1993: 31—130); они отличались от жилых конструкций с берегов Днестра широким использованием крупных известняковых камней и меньшим количеством костей и бивней мамонта.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 00—06—80429.

² Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

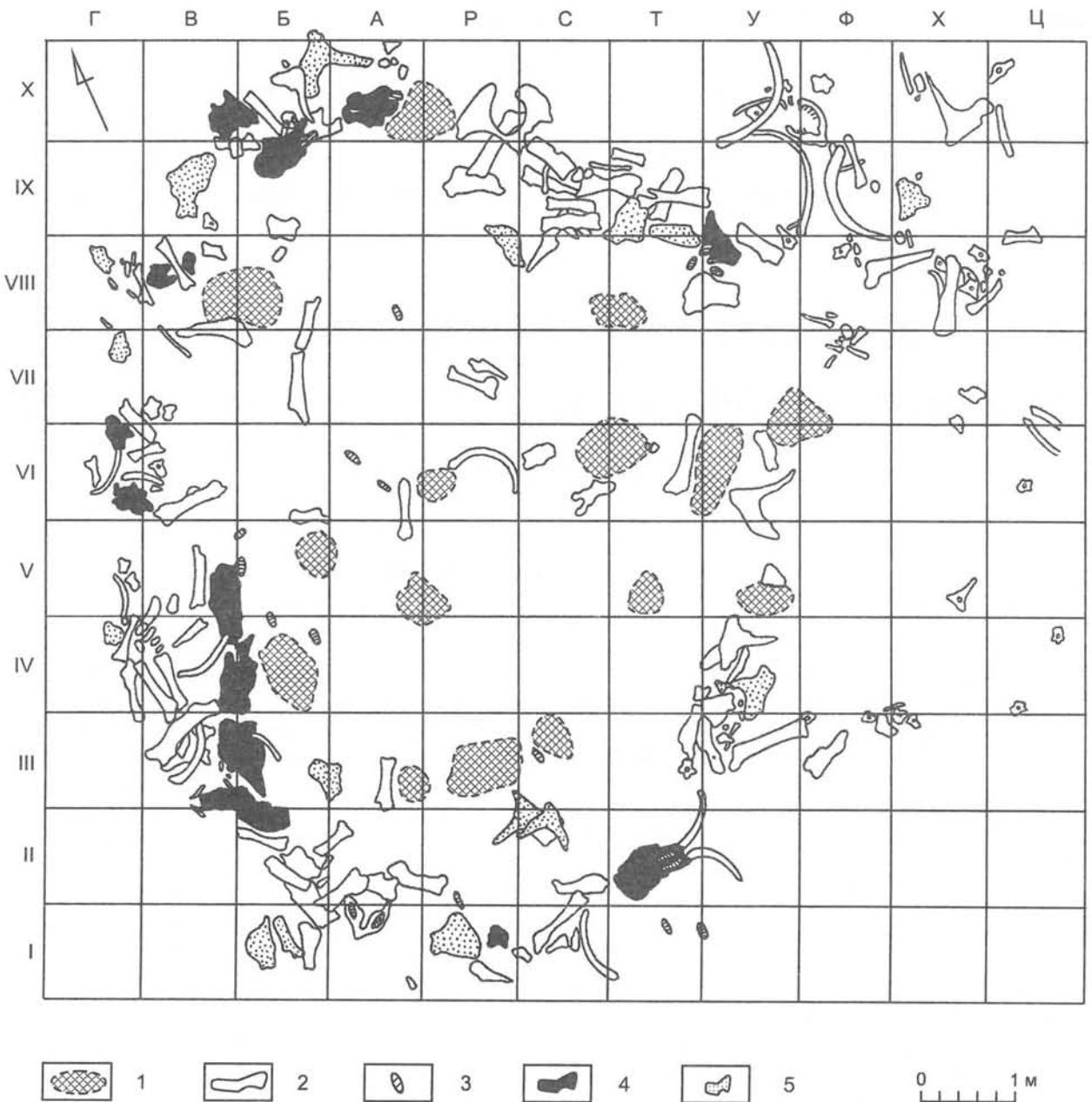

Рис. 1. План жилища 4 культурного слоя стоянки Молодова 1. По А. П. Чернышу. 1 — остатки кострищ, 2 — кости животных, 3 — зубы мамонта, 4 — череп мамонта, 5 — лопатка мамонта.

Fig. 1. Plan of a dwelling in the 4th cultural layer at the site of Molodova 1 (after A. P. Chernysh): 1 — remains of places of burning; 2 — animal bones; 3 — mammoth teeth; 4 — a mammoth skull; 5 — a mammoth scapula.

Современные данные дают основание утверждать, что жилые конструкции, для сооружения которых во множестве использовались кости мамонта и — не столь многочисленные — крупные камни, характерны только для территории Восточного Прикарпатья. В остальных регионах Европы и Северной Азии подобные объекты до сих пор не обнаружены. Поэтому в статье рассматриваются материалы именно этого региона.

2. Стоянки Молодова 1 и 5.

2.1. Обе стоянки расположены недалеко друг от друга, у бывшего украинского села Молодова Сокирянского района Черновицкой

области. Стоянка Молодова 1 находится на фрагменте II-ой надпойменной террасы правого берега реки Днестр, на широком мысу, который образован глубокими оврагами. В стенке одного из них, носящего название Байлово Рипа, были выявлены верхние культурные слои с каменными орудиями, относящимися к концу верхнего палеолита. Мустьерское же поселение, обнаруженное на большой глубине, располагалось относительно недалеко от тылового шва террасы, вблизи от прислона к более высокой террасе. Молодова 5 так же находится на мысу, но гипсометрически несколько выше, соответствуя по уровню III-ей надпой-

менной террасе реки Днестр. Стратиграфия памятников в целом очень близка, но на поселении Молодова 5 слои менее деформированы и лучше сохранились. Мустьерские слои обнаружены в нижней части субаэральных отложений, представленных многометровой позднелайстоценовой лессово-почвенной толщей.

2.2. На основании радиоуглеродного анализа остатков угля из кострищ так называемого «долговременного жилища» слоя 4 стоянки Молодова 1 получена абсолютная дата — более 44 000 лет тому назад (GrN-3659), которая фиксирует лишь возможный верхний хронологический предел существования мустьерской стоянки (Черныш 1982: 57), демонстрируя недостаточность радиоуглеродного метода для объектов древнее 40000 лет. Согласно геохронологии, предложенной в свое время И. К. Ивановой, основные мустьерские слои существовали во время интерстадиала бреруподдерате (Иванова 1982), что весьма спорно, если учесть находки в слое 4 таких представителей сугубо арктической фауны как *Lemmus* и *Dicrostonyx* (Агаджанян 1982: 158). Молодовское мустье явно моложе брерупского интерстадиала и соответствует более позднему холодному и сухому стадиалу раннего вюрма.

Рассмотрим более детально наиболее выразительную жилую конструкцию, которую А. П. Черныш интерпретировал как долговременное жилище. Так называемый овал состоял из 12 расколотых черепов, 34 лопаток и тазовых костей, 51 кости конечностей, 15 бивней и 5 нижних челюстей (Черныш 1965: 37). Четко выделяются два интенсивных скопления — западное (кв. Г-У—I-V) и восточное (кв. В-У—VIII-X). В северо-западной части «яранги» (кв. В, Г—VI-IX) находятся три небольших обломка черепов и несколько костей. Как соотносятся эти кости между собой по глубинам — неясно. При описании культурного слоя А. П. Черныш неоднократно указывал на перекрывание одних костей другими, что наряду с трехслойной ямой-кладовой (Черныш 1989: 76—80), о которой речь пойдет ниже, указывает на многогоризонтность культурного слоя. Возможно об этом свидетельствуют и хаотично рассеянные тонкие кострища. Отсюда следует, что основное внимание нужно обратить на участки с четкими выкладками из костей мамонта. К их числу относятся, прежде всего, западный и восточный участки. Особенно выразителен западный участок — кв. В, Б, А, Р, С, Т, У—I, II, III, IV, V, с выкладкой сегментовидной формы, состоящей из четырех плотно прилегающих друг к другу черепов мамонта и менее компактной группы крупных костей, ориентированной на северо-запад. Этот участок является наиболее мощным и имеет в длину около 7 м.

Довольно выразительна и восточная часть жилища (кв. В, Б, А, Р, С, Т, У-VIII, IX, X),

длина которой равна примерно 6 м. Жилое пространство, расположенное между этими двумя участками, заполнено насыщенным культурным слоем с остатками нескольких рассеянных кострищ. Скорее всего, оно не имело сплошного перекрытия в виде крыши, как это представлено в реконструкции А. П. Черныша. Подобное перекрытие могло быть лишь частичным.

По своей форме эти сегментовидные скопления несколько напоминают каменные выкладки среднего каменного века Африки, которые были описаны как ветровые заслоны. Южный и юго-восточные участки (кв. У-V—VIII) «яранги» стоянки Молодова I почти пустые, имеют отдельные крупные кости и остатки трех кострищ. Выкладки из крупных костей мамонта на восточном и западном участках ограничивают и защищают жилое пространство от ветров северо-восточного и юго-западного направлений. В эти стороны открыта каньонообразная долина Днестра, по которой в позднем плейстоцене, как и в настоящее время, прокатывались циклоны. Известно, что в плейстоцене в Восточной Европе обычными были северные, северо-западные и западные ветры, которые дули от края ледников (Марков, Величко 1967: 124). Однако, значительные циклонические вихри могли двигаться и со стороны теплого Черного моря. Вероятно, стремление защититься от северо-западных и юго-восточных ветров вынуждало мустьерцев создавать своеобразные ветровые заслоны, ограждая участки, в пределах которых протекала их жизнедеятельность. Естественно, эти ветровые заслоны могли иметь сходство с южноафриканскими прежде всего формой ограждений, а также наибольшей концентрацией находок внутри полукруга, что заметно при внимательном изучении плана «яранги» А. П. Черныша.

Анализ распределения находок слоя 4 показывает, что наиболее законченной и выразительной жилой конструкцией является именно так называемая «яранга». Остальные весьма невыразительны. Все 11 скоплений, которые выделены автором раскопок (Черныш 1982: 27), расположены достаточно хаотично, часто «наползают» одно на другое, не имеют четких обкладок по периметрам скоплений, отличаясь тем самым от основного объекта. Это может указывать на их разновременность.

Для более полного понимания характера поселения большое значение имеет мощное скопление костей, заполнявшее древнюю промоину, являвшуюся боковым ответвлением четвертичного оврага в северной части мыса, которое, на наш взгляд, справедливо названо А. П. Чернышом «кладовой» (Черныш 1989: 76—80). Здесь найдены остатки 8 черепов мамонта, 19 бивней, 8 лопаток, 8 тазовых костей,

позвонки, ребра, 14 нижних челюстей, 15 костей конечностей мамонта. А. П. Черныш считал, что эта «кладовая» имела перекрытие (Черныш 1989: 77). В ней выделено три четких уровня залегания костей мамонта, что позволяет сделать вывод о многогоризонтности 4-го культурного слоя, указывая на возможную деформацию выкладок из костей в более позднее (в пределах мустье) время. В данном случае речь идет о нескольких вероятных этапах заселения мыса, на котором расположены палеолитические стоянки. В этом случае рассматриваемая «кладовая», на наш взгляд, указывает на то, что кости, добытые тем или иным способом, должны были храниться и накапливаться в качестве запасов. В этом же слое найдена (но не описана) и вторая «кладовая». Нельзя исключать того, что некоторые кости принадлежали мамонтам, которые были убиты мустьерскими охотниками, но вряд ли их количество было очень значительным. Плохая сохранность почти всех выявленных в культурном слое жилых конструкций из костей мамонта, вероятно, указывает на то, что они были позднее частично разрушены прибывшими на стоянку первобытными людьми, которые дополнительно использовали их для строительства новых жилищ или модернизации старых. В данном случае «яранга» является, вероятно, самым поздним жилым объектом, который сохранился в слое 4. Поэтому можно предположить, что обширный мыс в период накопления 4-го культурного слоя заселялся мустьерскими людьми неоднократно (не менее трех раз).

Таким образом, рассматриваемая жилая конструкция не была долговременным жилищем. Скорее всего, это два усложненных ветровых заслонов, которые ограждали жилую площадку, где в течение теплого и сухого сезона обитала группа мустьерцев, с двух сторон. В этой связи напомним замечание А. П. Черныша, о том, что мустьерцы жили здесь «под открытым небом, скорее всего летом» (Черныш 1965: 47), опровергавшее его же сформулированный позднее тезис о долговременности жилища.

2.3. Сходные ветровые заслоны были распространены, как уже отмечалось выше, в среднем каменном веке на территории Южной Африки, имеют полуовальные (сегментовидные) формы и разные размеры и отличаются от анализируемых конструкций использованием исключительно камней крупных и средних размеров (Sampson Garth 1976). Насыщенный культурный слой располагался, как правило, с одной стороны внутри полуовала. Наши конструкции, в отличие от африканских моделей, в силу специфики природной среды, должны были иметь определенные отличия. Эффективными ветровые заслоны могут быть только при очень сухом климате. Однако данные спо-

рово-пыльцевого анализа, которые получены для стоянок Среднего Приднестровья, не указывают на существование аридных условий в первой половине позднего плейстоцена. Европейские жилые структуры, аналогичные по форме африканским ветровым заслонам, не только предохраняли мустьерских людей от сильных ветров, но и должны были защищать их от ненастья, свойственного перигляциальной зоне Восточной Европы.

Предполагаемое жилище с широким применением костей мамонта найдено также в наиболее богатом слое 11 стоянки Молодова V (Черныш 1987), для которого получены две радиоуглеродных датировки, обе древнее 40 300 (GrN 4017) и 45600 (ЛГ-17) лет тому назад. Эти даты, как и дата из слоя 4 стоянки Молодова I, не являются окончательными.

В отличие от описанной выше жилой конструкции слоя 4 стоянки Молодова I, выявленное здесь скопление костей мамонта имело менее четкие очертания. Основное пятно культурного слоя со слабо выраженными кострищами было овальной формы, ограниченной с северо-востока и юго-запада крупными скоплениями костей (Черныш 1987: 8).

3. Стоянка Кетросы.

3.1. Интересные предполагаемые жилые сооружения с использованием крупных костей и бивней мамонта выявлены на стоянке Кетросы, расположенной также в долине реки Днестр, но примерно в 40 км от молодовских стоянок ниже по течению. Раскопки проводились в течение 7 лет (с 1973 по 1979 гг.), вскрыв почти полностью 2 локализации, которые отделены друг от друга конусами выноса шириной от 10 до 20 м. Очень существенно, что хорошо сохранившийся культурный слой стоянки имеет небольшую мощность и является отчетливо одногоризонтным, исключая тем самым возможность какой-либо значительной вторичной деформации мустьерскими людьми более ранних жилых конструкций. Этот редкий факт имеет исключительно важное значение.

В отличие от молодовских стоянок, расположенных на обширных мысах, мустьерское поселение Кетросы находится на узкой полосе, ограниченной с одной стороны водотоком, а с другой — обрывом высокой IV-ой надпойменной террасы Днестра (Анисюткин 1981). Для жилых участков мустьерцы выбирали относительно ровные поверхности, которые находились между конусами выносов высотой более 2-х м. Стоянки располагались в устьевых частях постоянных водотоков, по которым во время сильных паводков в Днестр выносились многочисленные обломки и осколки горных пород, галька и гравий, слагавшие обширные отмели. На последних застревали туши крупных млекопитающих, прежде всего мамонтов,

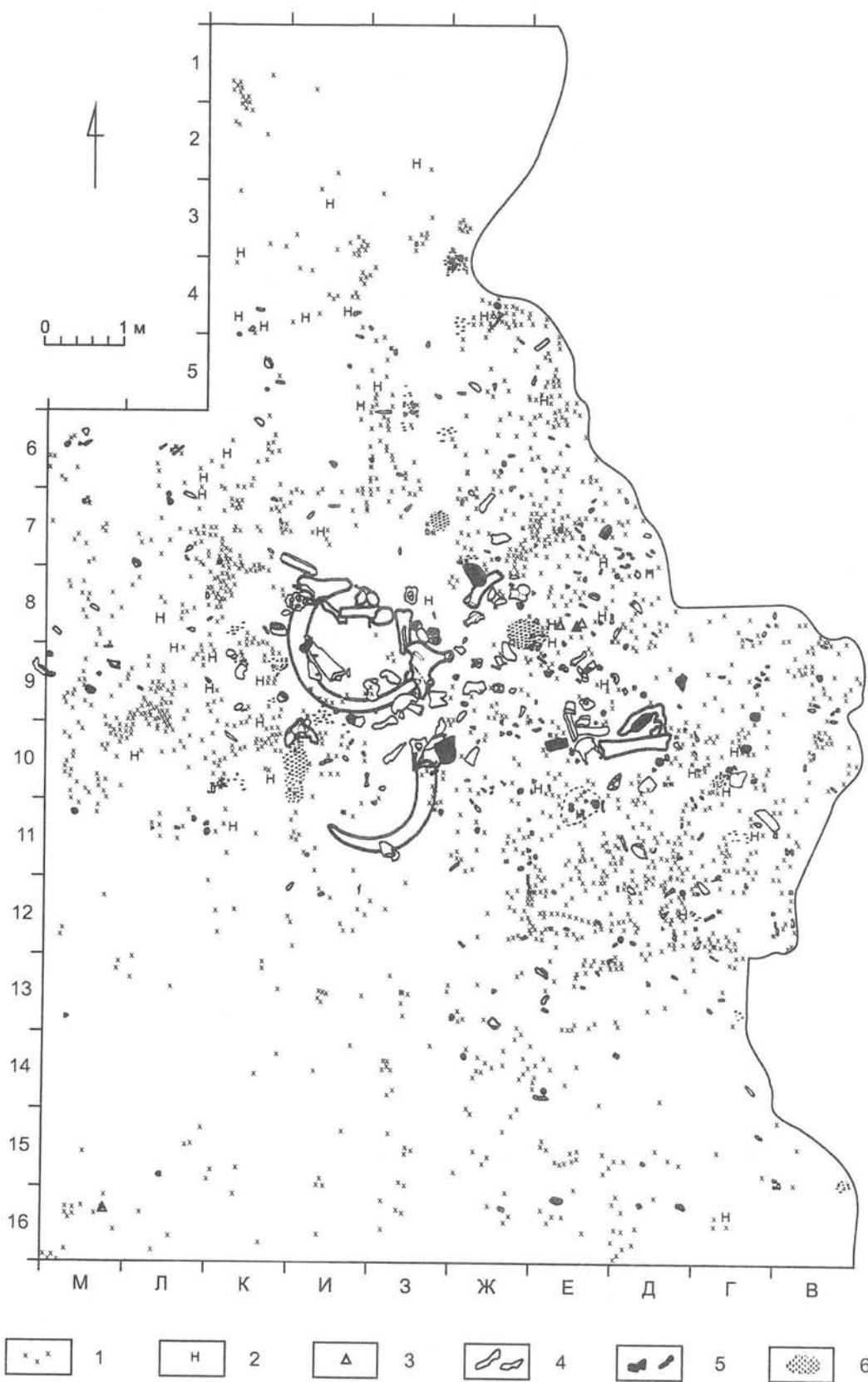

Рис. 2. Кетросы. План расположения культурного слоя раскопа I. Условные обозначения: 1 — кремневые изделия, 2 — нуклеусы, 3 — орудия, 4 — кости, 5 — камни, 6 — очаг.

Fig. 2. Ketrosy. Plan of the cultural layer in excavation I. Notations: 1 — flint artefacts; 2 — cores; 3 — tools; 4 — bones; 5 — stones; 6 — hearth.

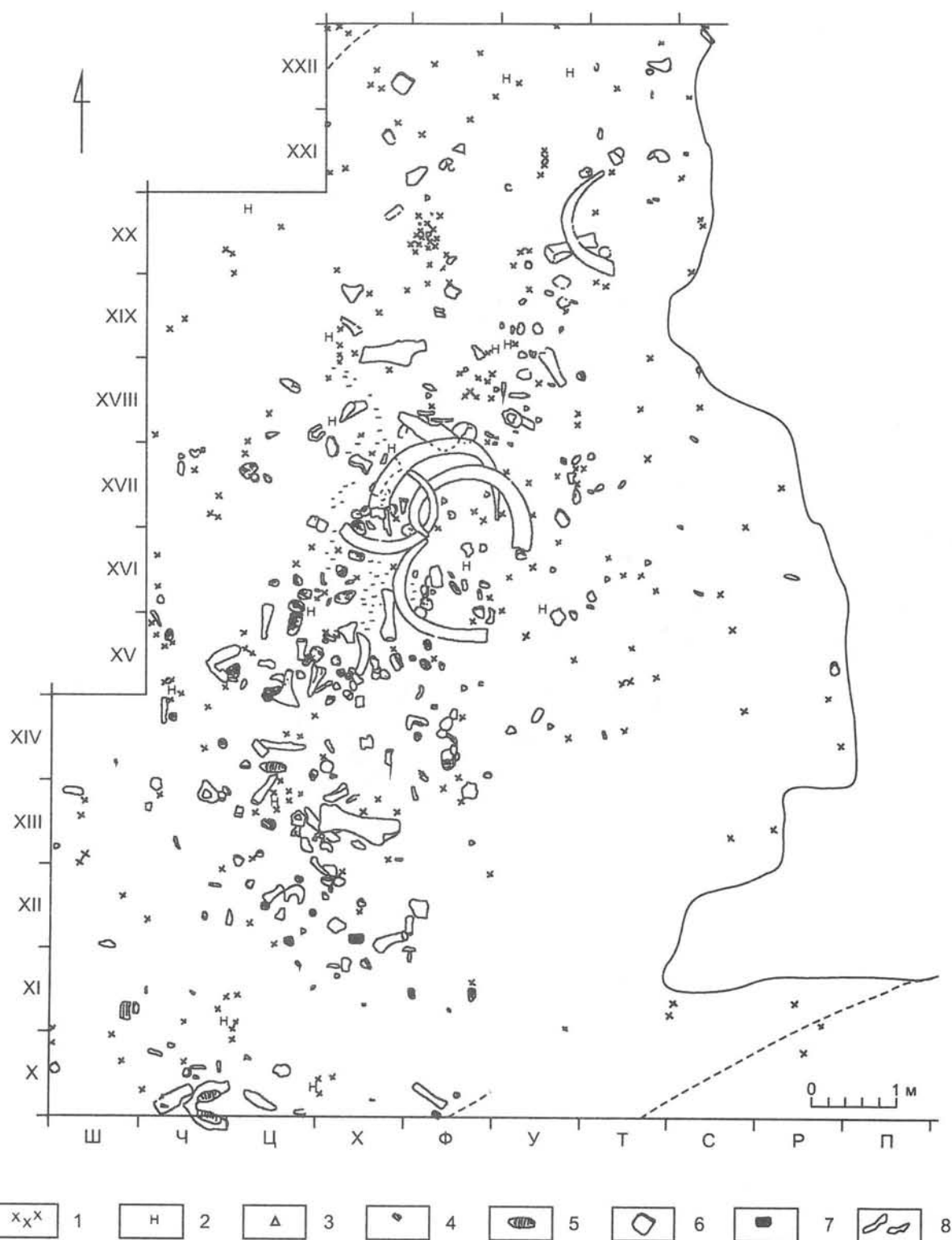

Рис. 3. Кетросы. План расположения культурного слоя раскопа 2. Условные обозначения: 1 — кремневые изделия, 2 — нуклеусы, 3 — орудия, 4 — зубы животных, 5 — зубы мамонта, 6 — камни, 7 — куски кремня, 8 — кости животных.

Fig. 3. Ketrosoy. Plan of the cultural layer in excavation 2. Notations: 1 — flint artefacts; 2 — cores; 3 — tools; 4 — animal teeth; 5 — mammoth teeth; 6 — stones; 7 — pieces of flint; 8 — animal bones.

кости которых могли использоваться мустьерцами для строительства своих жилых сооружений.

3.2. *Комплекс (раскоп) 1.* Первая предполагаемая жилая конструкция, расположенная в центре скопления культурного слоя, вскрытого на общей площади более 120 кв. м, представляет собой западину глубиной 0,1—0,2 м и площадью около 10—12 кв. м, ограниченную с севера, то есть со стороны долины Днестра, выкладкой из крупных трубчатых костей мамонта и больших камней. Значительный участок этой «стены» (около 3 м) лишен всяких находок, но здесь прослеживается узкая насыпь высотой до 10 см. С востока, то есть со стороны речки Кишлянский яр, западина ограничена нижней челюстью мамонта с отсеченной правой ветвью, к которой примыкает крупная трубчатая кость. Важно указать на то, что последняя имеет более интенсивно выветренную поверхность, чем челюсть. С запада (точнее, юго-запада) данная западина также ограничена нижней челюстью мамонта. Южная сторона вообще лишена крупных костей, исключая 2 бивня мамонта, лежащих на полу и перекрытых культурным слоем. Южный бивень, лежащий за пределами западины, примыкает своим основанием к крупному диоритовому (?) камню, который находится почти в 2-х метрах южнее аналогичного камня, найденного на северной окраине западины. Очень крупный бивень расчищен в западной части западины. Его изогнутый верхний конец «уходит» в пол, в плохо выраженную ямку. Основание бивня примыкает к очень крупной трубчатой кости, располагаясь почти в 2-х метрах южнее нижней челюсти мамонта. По этой линии проходит западная окраина западины. Можно допустить, что в месте контакта крупной трубчатой кости (кв. Д, Е-10) и нижней челюсти у восточной границы западины, а также у 2-х камней — в центре и около основания крупного бивня на контакте с нижней челюстью (кв. И-8, 10), располагались места крепления караса, приуроченные к краям западины.

В пределах этого сооружения (в западине) обнаружены немногочисленные древесные и костные угольки, каменные изделия и обломки костей животных, а также крупный бивень, лежащий в основании культурного слоя. Здесь же выявлено локализованное скопление костного угля, которое можно рассматривать как «вторичный очаг», аналогии которому известны в верхнем палеолите в Костенках (Рогачев 1970: 69). Важно обратить внимание на то, что обломки костей животных, принадлежащие бизону, лошади и оленю, которые выявлены в пределах западины, отличаются от костей с других участков раскопа лучшей сохранностью. К тому же, здесь отсутствовали места первичного расщепления, а среди каменных изделий преобладали качественные сколы-заго-

товки и орудия. Рядом со «вторичным» очагом, под крупным камнем, найдены 2 зуба пещерного (?) медведя и кусочек красной охры.

Можно предположить, что западина образовалась, главным образом, в результате усиленного уплотнения супесчанистого грунта, утоптанного в пределах жилища ногами первобытных людей. Здесь необходимо указать на наличие своего рода «насыпи», которая фиксировалась в районе «восточной» челюсти и вдоль северной окраины скопления крупных костей мамонта (то есть вдоль северной и восточной границы полукруга), которые, вероятно, вместе с конусом выноса, являлись своего рода конструктивными элементами укрытия от ветра со стороны речной долины. За пределами этого сооружения зафиксировано 2 скопления древесного угля, представлявших остатки кострищ, одно из которых, учитывая глубинные отметки, функционировало вероятно до строительства данной жилой конструкции. Несколько рабочих площадок, на которых производилось первичное расщепление кремня, выявлены за ее пределами, ближе к тыловому шву высокой террасы.

3.3. *Комплекс (раскоп) 2.* Вторая локализация связана с раскопом 2, который расположен на 15 м севернее (то есть ближе к Днестру) раскопа 1 и отделен конусом выноса шириной до 16 м. Здесь, на площади более 100 кв. м интенсивный культурный слой представлен полосой длиной 12 м и шириной до 4 м, которая ориентирована с юго-запада на северо-восток.

Если не принимать во внимание квадраты с единичными находками, которые представлены обломками костей ископаемых животных, кремневыми изделиями, песчаниковыми гальками, древесными и костными угольками, то культурный слой распространен на площади всего около 45 кв. м. Это составляет половину ровной площадки между конусами выноса, которая была вскрыта раскопками.

Наибольший интерес представляет скопление из 4 взаимопереплетенных бивней мамонта. Основания двух из них расположены в юго-восточной части жилой структуры, а двух других — в северо-западной, примерно на расстоянии 2-х м друг от друга. Если большая часть ствола бивней находилась выше культурного слоя, то их основания были связаны с нижней частью слоя. С юго-запада к ним примыкает скопление крупных костей и развал камней средних и мелких размеров. Все это сооружение имеет почти овальную форму, вокруг которой с севера и юга прослеживаются плоские кости, бивень мамонта и обломки камней, лежащих в верхней части культурного слоя. Можно допустить, что последние сползли с разрушенной кровли жилого сооружения после оставления его мустьерцами.

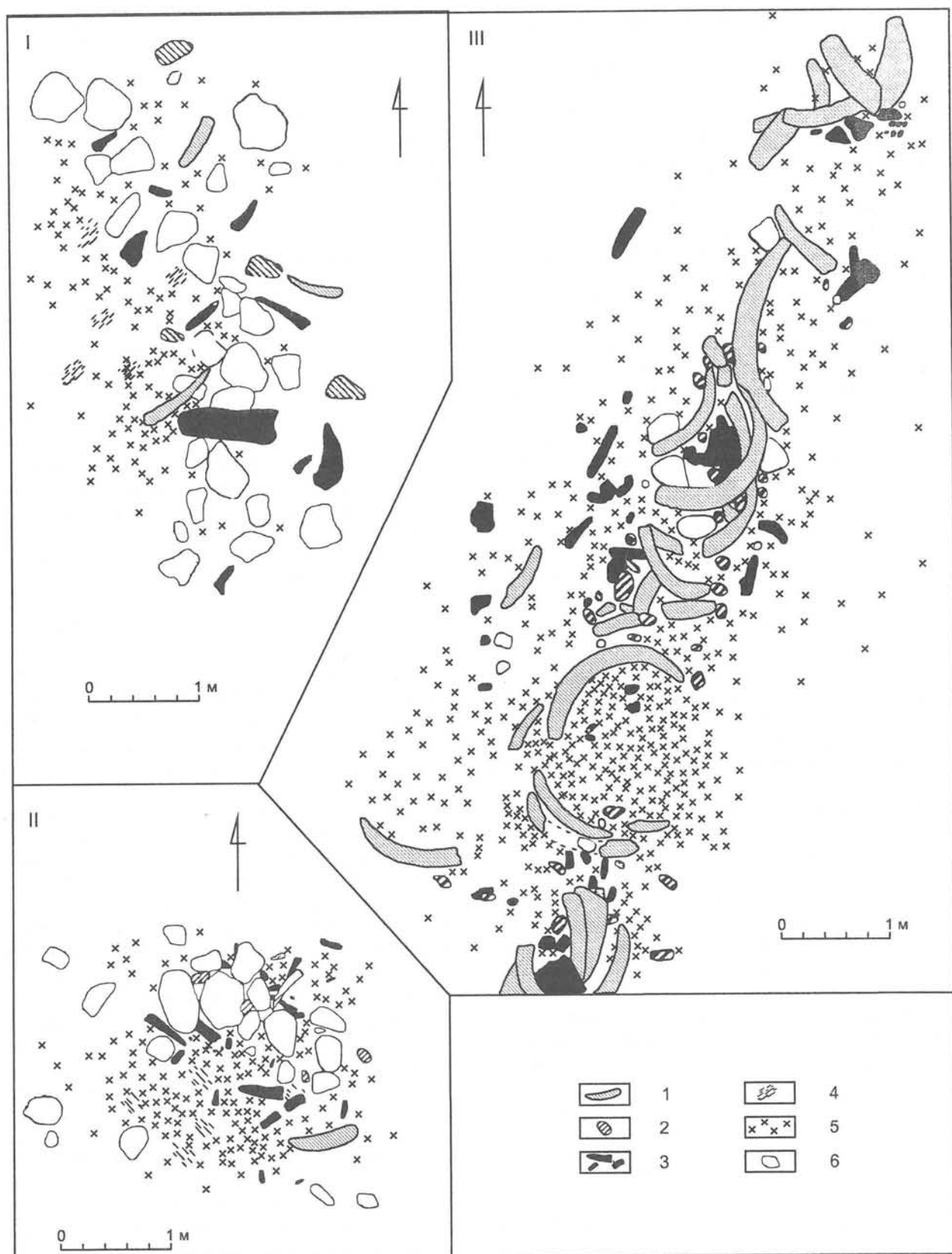

Рис. 4. Рипичени-Извор. I—II — жилые конструкции типа А, III — конструкции типа В. Условные обозначения: 1 — бивни мамонта, 2 — зубы мамонта, 3 — кости животных, 4 — обожженная земля и угли, 5 — кремневые изделия, 6 — обломки известняка. По А. Паунеску.

Fig. 4. Ripicheni-Izvor. I—II — type A dwelling structures, III — type B structures. Notations: 1 — mammoth tusks; 2 — mammoth teeth; 3 — animal bones; 4 — burnt earth and charcoals; 5 — flint artefacts; 6 — limestone debris. After A. Paunescu.

В центре жилой конструкции площадью до 12 кв. м, на полу, который (в отличие от раскопа 1) не имел четкого углубления, обнаружены отдельные древесные и костные угольки. Очагов и четких углистых скоплений нет. Учитывая наличие разрозненных костных и древесных угольков в восточной части стоянки (то есть за пределами жилых сооружений) и на полу в пределах скопления бивней и камней, можно предположить, что здесь производилась очистка пола жилища от углистой массы. Внутри данной жилой конструкции найдены орудия и сколы-заготовки. Вообще здесь найдено очень мало кремневых изделий, но сравнительно много костей ископаемых животных. Количество последних примерно сопоставимо на каждом из раскопов. Единственная рабочая площадка, где производилось первичное расщепление кремня, также как и на раскопе 1, выявлена за пределами жилого сооружения. Последнее, имевшее основание овальной формы, представляло собой, как можно предположить, деревянный (возможно плетеный) каркас, укрепленный сверху четырьмя бивнями.

Итак, на стоянке Кетросы выявлены остатки двух жилых конструкций, одна из которых имела удлиненную (сегментовидную) форму, а вторая — овальную. Они были обитаемы в течение непродолжительного периода. Видимо, это был либо октябрь, либо ноябрь, на что указывает обломок верхней челюсти 6-месячного жеребенка (определение Н. М. Ермоловой) с сохранившимися пятью зубами, найденный в пределах основного культурного слоя, в расчистке 1982 года.

Каменные орудия использовались (по определению В. Е. Щелинского) для ограниченного числа операций, главным образом, для разрезания мяса, реже скобления и строгания (Щелинский 1981). Первичное расщепление камня осуществлялось на специальных рабочих площадках за пределами жилых сооружений. Все это резко контрастирует с данными по молодковским жилищам, где вся жизнедеятельность протекала внутри них. В отличие от молодковского жилища, в Кетросах не было сплошных обкладок из костей и бивней мамонта. Это объясняется тем, что рассматриваемые жилые конструкции находились не в долине Днестра, а в узкой боковой долинке Кишлянского яра, дополнительно укрытые от непогоды за конусами выносов, которые выполняли своеобразную роль первой «линии обороны».

4. Стоянка Рипичени-Извор.

4.1. Интересные жилые конструкции раскопаны на правом берегу реки Прута в пределах Румынской Молдовы. Памятник расположен примерно в 45 км южнее стоянки Кетросы, то есть все рассмотренные выше объекты в долине Днестра находятся недалеко, на расстоянии

одного-двух переходов мустьерских охотников. Не исключено, что молодковское леваллуа-мустье, мустьерские комплексы стоянок Кетросы и Рипичени-Извор длительно сосуществовали на одной и той же территории, а возможно и представляли своего рода «единство». В частности, определенное сходство имеют каменные индустрии комплексов 2 и 3 стоянки Кетросы и слоев 1—3 стоянки Рипичени-Извор, принадлежа к своеобразному варианту типичного мустье. Последнее было представлено фациями как леваллуа (Рипичени-Извор, Кетросы 1), так и нелеваллуа (Кетросы 2 и 3, местонахождение Стинка-Дарабаны).

4.2. Стоянка расположена на невысокой террасе Прута, примыкающей с юга к толтровой (известняковой) возвышенности, в которой находилась пещера Стинка-Рипичень (ныне разрушенная) с несколькими палеолитическими культурными слоями (Борисковский 1953; Иванова 1975: 111). Раскопками, которые велись в течение многих лет, выявлено 6 мустьерских и несколько верхнепалеолитических культурных слоев, в 5 из них найдены многочисленные кремневые изделия и кости ископаемых животных (Paunescu 1993), а также остатки нескольких жилых сооружений. Последние были подразделены Александру Паунеску на типы А, В и С (Paunescu 1989, 1993). Первые два типа характеризуются удлиненной (сегментовидной) формой, для их сооружения использовались обломки известняка и кости мамонта. Выпуклая часть всегда обращена в сторону долины Прута, а площадка перед ней почти лишена находок. Насыщенный культурный слой фиксировался на защищенном от ветра пространстве, за кладкой из костей и камня. Выразительными жилыми конструкциями являются сооружения типа А. Напротив, тип В представлен единичным сооружением удлиненной формы из многочисленных костей и бивней мамонта, а также крупных известняковых камней и плит, отличаюсь от типа А отсутствием конструктивных деталей. К тому же для типа В характерна необычайно большая мощность культурного слоя, превышающая 60 см, а крупные кости в ее пределах, прежде всего бивни мамонта, лежат на разных уровнях, что странно для жилища.

Жилые конструкции типа А, выявленные в разных мустьерских слоях, имеют различные размеры. Они отличаются также набором каменных изделий: в одном случае это нуклеусы и отходы первичного расщепления, в другом — более полный набор, включающий выразительные орудия. Отличия между типами А и В, если считать последнее подлинным жилым сооружением, незначительны. По данным А. Паунеску для типа А характерна восточная экспозиция, для типа В — северо-западная (Paunescu 1993: 218).

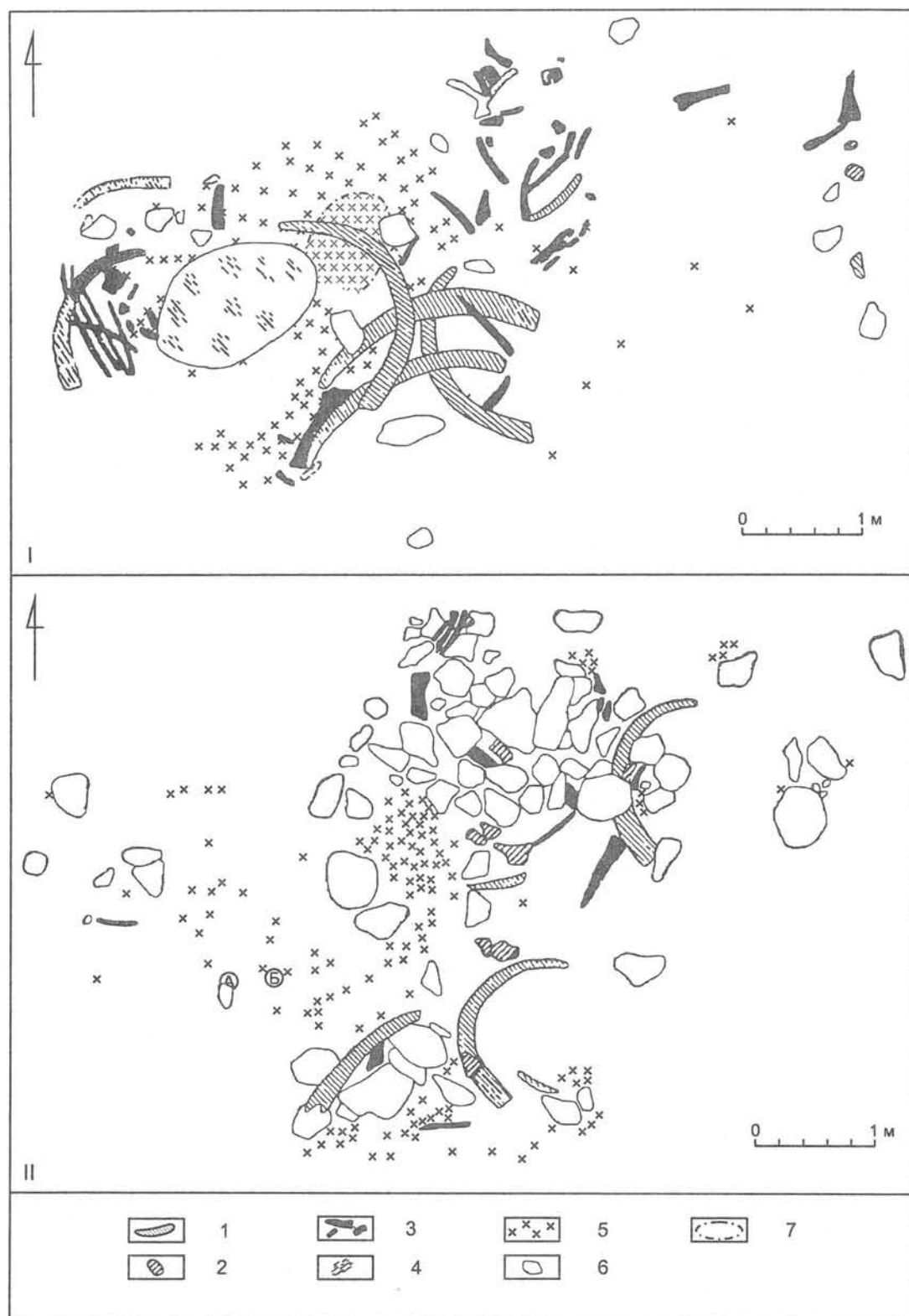

Рис. 5. Рипичени-Извор. I—II — планы жилых конструкций типа С. Условные обозначения (слева): 1 — бивни мамонта, 2 — зубы мамонта, 3 — кости животных, рога, 4 — обожженная земля, 5 — кремневые изделия, 6 — куски известняка, границы мастерской. По А. Паунеску.

Fig. 5. Ripicheni-Izvor. I—II — plans of type C dwelling structures. Notations (from left): 1 — mammoth tusks; 2 — mammoth teeth; 3 — animal bones and horns; 4 — burnt earth; 5 — flint artefacts; 6 — lumps of limestone; boundaries of a workshop. After A. Paunescu.

Наиболее выразительными являются остатки сооружений типа С, для которых характерно широкое применение камней крупных и средних размеров и костей мамонта, включая многочисленные бивни. Для них, как и для конструкций типа А, типично скопление культурных остатков, представленных кремневыми изделиями и остатками кострищ, в середине полуогражденного пространства. Важно обратить внимание на то, что почти во всех случаях культурный слой резко обрывается к востоку от ограждений, представленных выкладками камней и костей и обращенных выпуклыми сторонами в долину Прута.

Конструкции аналогичные типу С обнаружены в раскопе 2 стоянки Кетросы (Paunescu 1993: 86), и, в какой-то мере, в слое 11 стоянки Молодова 5. Одно сооружение типа С из слоя 4 Рипичени-Извор, для которого прослеживается ограждение с двух сторон (с запада и востока), напоминает в определенной степени «ярангу» слоя 4 стоянки Молодова 1.

4.3. Общими чертами для рассмотренных выше жилых конструкций стоянки Рипичени-Извор являются относительно небольшие размеры скоплений, широкое использование крупных камней, сосредоточение основных находок на западной стороне сооружений, то есть речь идет, если видеть в них своеобразные ветровые заслоны, о концентрации культурного слоя на защищенной от ветра стороне. Это явление фиксируется и на стоянках в долине среднего течения реки Днестр. В большинстве случаев обитателями стоянки на реке Прут использовались только бивни мамонта, в то время как остальные кости этого животного применялись спорадически. Постоянно многочисленны зубы мамонта и их фрагменты, которые могли использоваться в качестве ретушеров или отбойников, что типично для стоянок с территории Среднего Приднестровья.

5. Общие выводы.

Почти все выявленные в регионе жилые структуры имели сравнительно небольшие размеры. Исключением, на первый взгляд, является молодовская «яранга», которую можно рассматривать как совокупность усложненных ветровых заслонов, ограждавших с двух сторон единую жилую площадку. И несмотря на то, что ветровые заслоны, как справедливо полагает З. А. Абрамова, не являются подлинными жилищами (Абрамова, Григорьева 1997: 10), подобный способ выделения жилого пространства, в пределах которого происходила домашне-хозяйственная деятельность мустьерцев, представляет особый интерес в качестве одного из элементов домостроительства. На стоянке Рипичени-Извор представлены все формы перехода от типичных ветровых заслонов, в сооружении которых использованы преимущественно плиты известняка, к усложнен-

ным — типа ветровых заслонов с использованием крупных костей и бивней мамонта и к более сложным жилым конструкциям полуовальной формы, которые можно воспринимать как настоящие жилища, обитаемые в течение короткого сезона. К их числу следует отнести и молодовское жилище.

Во всех случаях, кроме комплексов со стоянки Кетросы, в пределах жилых пространств, огражденных с одной или с двух сторон, прослеживались остатки нескольких кострищ, здесь же производились все циклы обработки камня, включая первичное расщепление. Этот факт указывает на проблематичность существования сплошного перекрытия этих жилых площадок. Исключением является жилая конструкция типа С из слоя 4 стоянки Рипичени-Извор (Paunescu 1989: 138), где прослежен 1 крупный очаг, по древесному углю которого получена радиоуглеродная дата 40200 ± 1100/–1000 ВР (GrN-9210). Для сооружения этого жилища, аналогичного комплексу 2 стоянки Кетросы, использовалось наибольшее количество костей мамонта, включая 5 бивней (как и в Кетросах), и минимальное количество известняковых камней. Здесь же найдено 80 орудий, но это из 5000 кремневых изделий, среди которых преобладают отходы производства (Paunescu 1989: 131), что отличает этот комплекс от комплекса 2 стоянки Кетросы. Правда, в общее количество кремневых изделий А. Паунеску включил также материалы из расположенной рядом площадки-мастерской, которая возможно находилась за пределами жилища.

Таким образом, жилые конструкции, исследованные на стоянках данного региона, дают представление о большом разнообразии адаптивной деятельности мустьерского населения в нестабильных и суровых условиях позднего плейстоцена.

Необходимо обратить внимание на то, что жилые конструкции стоянок Молодова 1 и 5 почти целиком состояли из крупных костей и бивней мамонта. В Кетросах к ним добавляются относительно немногочисленные крупные камни, которые на стоянке Рипичени-Извор уже преобладают. Это в значительной мере объясняется местоположением памятников. Так, молодовские стоянки располагались сравнительно далеко от выходов известняка. В Кетросах же таким источником явились выходы пластового кремня и доломитизированных известняков из цоколя IV надпойменной террасы, которые в мустьерскую эпоху были прикрыты рыхлыми отложениями и малодоступны (Иванова 1981: 60–61), и которые можно было изредка обнаружить только в галечнике Днестра или в русле Кишлянского яра. Стоянка Рипичени-Извор расположена рядом с известняковым массивом, на склонах которого крупные камни были в изобилии.

Однако, если рассматривать только стоянку Рипичени-Извор, где очень много камня, то использование здесь бивней и зубов мамонта может указывать на определенное значение этого животного в жизни мустьерцев.

6. Заключение.

Итак, перечислим некоторые наиболее существенные выводы.

1. Памятники, подобные вышеописанным, известны в настоящее время только на ограниченной территории Восточной Европы, которая представляет собой небольшой район (в поперечнике не более 50 км), включающей, прежде всего, участки долин таких рек как Днестр и Прут.

2. Все ныне известные жилые конструкции имеют удлиненную и овальную форму и не составляют каких-либо устойчивых типов. Типы же выделенные А. Паунеску являются весьма условными. Кроме стоянки Кетросы, где каменные изделия в пределах жилых сооружений не образуют интенсивных скоплений, всюду наиболее насыщенный культурный слой находится в пределах границ данных конструкций.

3. Очаги или кострища не были всегда обязательными. На стоянке Кетросы найдены остатки одного «вторичного» очага, представленного локализованным скоплением костного угля в пределах углубленного пола жилой конструкции из раскопа 1. В остальных случаях это или следы нескольких кострищ, или незначительные скопления древесных и костных углей. В частности, в жилой конструкции раскопа 2 стоянки Кетросы очага нет, но найдены рассеянные древесные и, более редкие, костные угольки.

4. Часть жилых конструкций, скорее всего, напоминала сооружения типа ветровых заслонов, адаптированных к условиям климата приледниковой Европы, представляя собой (кроме некоторых конструкций типа А) элементарные (вероятно, плетеные) хижины, основания которых были укреплены крупными камнями и специально отобранными костями и бивнями мамонта. Все эти жилища использовались не продолжительное время, в основном в теплый период. Как исключение (стоянка Кетросы), данные сооружения были обитаемы поздней осенью, в период вероятных миграций копытных к югу.

5. Если принять во внимание размеры и планировку жилых сооружений стоянок Кетросы и Рипичени-Извор, где они имеют, как правило, небольшие размеры, то факт существования большого и «многокамерного» молодецкого жилища нужно признать сомнительным.

В этом плане наиболее вероятно видеть здесь два сочлененных — усложненных — ветровых заслона, расположенных на подходящем для этой цели участке мыса, внутри которого протекала жизнь общины мустьерцев.

6. Степень сохранности и специальный отбор костей мамонта, а также топография мустьерских поселений, позволяют предположить, что основное количество костей этого гигантского животного было, в основном, подобрано мустьерскими людьми на речных отмелях.

7. Сегодня продолжает бытовать весьма спорная точка зрения, согласно которой мустьерцы в огромном количестве добывали гигантских толстокожих, и все найденные на стоянках кости мамонта суть плоды такой удачной охотничьей деятельности. Подобная точка зрения не учитывает ряда важных факторов, включающих не только специфику этологии современных хоботных, от которых мамонт вряд ли существенно отличался, и топографические особенности стоянок, но и разную сохранность мамонтовых костей, происходящих из единого культурного слоя.

8. Согласно установленной геохронологии памятников можно отметить, что они существовали на данной территории в течение всего раннего («мустьерского») вюрма, а их индустрии соответствовали региональному типичному мустье.

9. В целом, рассматриваемые мустьерские жилища представляют пример культурного выбора, выражая через использование при строительстве жилых структур крупных костей и бивней мамонта определенное отношение мустьерцев к данному гиганту. Мамонт, без сомнения, играл в жизни и, видимо, идеологии конкретных популяций мустьерских людей очень важную роль. Однако, здесь культурный выбор тесно связан с необходимостью приспособиться к конкретным природным условиям региона, расположенного вблизи восточных склонов Карпатских гор, некоторые из вершин которых были покрыты ледниками, ограниченного с юга относительно теплым Черным морем, а с севера окраиной вюрмского ледника. Это обстоятельство служило причиной постоянных и сильных циклонических вихрей, пронизывающих территорию по каньонообразным речным долинам Днестра и Прута. На могущество ветра в перигляциальной обстановке, имеющего на Русской равнине преимущественно северное направление, указывали отечественные палеогеографы (Марков, Величко 1967: 124).

- Абрамова, З. А., Г. В. Григорьева.* 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. Санкт-Петербург.
- Агаджаян, А. К.* 1982. Мелкие млекопитающие из разреза стоянки Молодова 1. Молодова 1 // Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре: 154—173. Москва.
- Ашковиц, М. В., Н. К. Анисюткин.* 1995. Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // Первое мамонтовое международное совещание. Тезисы докладов: 597. Санкт-Петербург.
- Анисюткин, Н. К.* 1981. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы. Кетросы // Мустьерская стоянка на Среднем Днестре: 7—53. Москва.
- Борисковский, П. И.* 1953. Палеолит Украины // Материалы и исследования по археологии СССР 40. Москва—Ленинград.
- Иванова, И. К.* 1975. Геологический возраст ископаемого человека. Москва.
1981. Геология и геоморфология окрестностей стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре: 59—80. Москва.
- Марков, К. К., А. А. Величко.* 1967. Четвертичный период. Том III, Материки и океаны. Москва: «Недра».
- Черныш, А. П.* 1960. Исследования мустьерского поселения на Среднем Днестре в 1956—1958 гг. // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода 24: 111—118. Москва.
1965. Ранний и средний палеолит Приднестровья. Москва.
1982. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 1 // Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре: 6—102. Москва.
1987. Эталонная мустьерская стоянка Молодова 5 // Археология. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. Люди каменного века и окружающая среда: 7—93. Москва.
1989. О мустьерских жилищах и поселениях // Каменный век. Памятники, методика, проблемы: 72—81. Киев.
- Чубур, А. А.* 1998. Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в осташковское время // Восточный гравит: 309—329. Москва.
- Щелинский, В. Е.* 1981. Виды использования каменных орудий из мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре: 53—59. Москва.
- Desbrosse, R., J. K. Kozłowski.* 1994. Les Habitats préhistorique. Des Australopithecus aux premiers agriculteurs. Documents Préhistoriques. 6. Cracovie-Paris.
- Păunescu, A.* 1989. Structures d'habitat mousteriennes mises au jour dans l'établissement de Ripiceni-Izvor (Roumanie) et quelques considerations concernant le type d'habitat Paleolithique moyen de l'Est des Carpates // L'Homme de Neandertal, vol. 6. La Subsistance: 127—145. Liege.
1993. Ripiceni-Izvor. Paleolithic și Mesolitic. București.
- Sampson Garth, C.* 1976. The Stone structures from Orangia, O.F.S. South Africa // IX Congres. Colloques XI. Les structures d'habitat au Paleolithique moyen: 7—34. Nice.

THE PROBLEM OF MOUSTERIAN DWELLINGS WITH LARGE AMOUNTS OF MAMMOTH BONES

N. K. ANISYUTKIN

This article is dedicated to an important problem of dwelling structures containing numerous bones of mammoth. Such dwellings have been discovered only in a single region of the Old World, which is situated in the South-West of the Russian Plain—the Dniester and Bug valleys. We present here an analysis of all the sites now known, including those excavated by the author in 1974—1979 in the middle Dniester region (the Mousterian site of Ketrosy).

On the basis of materials from the four sites discussed (Molodova 1 and 5, Ketrosy, Ripiceni-Izvor), where remains of structures built with the use of mammoth bones and large stones have been discovered, we arrived at a number of important conclusions, of which the major are: 1) all the dwellings under discussion were occupied during a

summer-autumn season and did not include any dwellings of duration or of a complicated construction; 2) most of the structures should be considered as typical wind shelters adapted for the rough conditions of near-glacial Europe; 3) contrary to a widespread opinion, most of the mammoth bones found were not products of hunting, but had been gathered in river shoals; 4) the absence of similar Mousterian sites elsewhere in Eurasia stresses the unique character of this phenomenon (the special choice of large mammoth bones and tusks for construction of the dwellings, keeping in mind the abundance of stones fit for the same purpose). This choice was possibly a cultural one, indicative of a special role of this large mammal in the life of Mousterian people in the region of Europe discussed.

ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЮДИНОВО В 2000 г.

Г. В. Григорьева¹

После двухлетнего перерыва продолжены раскопки верхнепалеолитического поселения Юдиново, которое входит в состав памятников Поднепровья — одного из центров развития палеолита Восточной Европы. Юдиново — крупное поселение охотников на мамонтов с богатыми коллекциями каменных и костяных изделий.

Памятник открыт К. М. Поликарповичем в 1934 г., на нем обнаружены остатки четырех жилищ из костей мамонтов, разной конструкции. Открыты небольшие очаги, как внутри жилищ, так и за их пределами, выявлены скопления костей, сопровождавшиеся большим количеством каменных и костяных предметов. Возможно, это места обработки камня и костей (Поликарпович 1968: 140—186; Абрамова 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997; Абрамова, Григорьева 1997).

Юдиново — чрезвычайно важный памятник для характеристики жизни и хозяйства древних охотников на мамонтов.

Поселение находится на юго-западной окраине с. Юдиново Погарского района Брянской области. Оно расположено на мысу первой надпойменной террасы, на правом берегу р. Судость, правого притока р. Десны.

В 2000 г. раскопки продолжены южнее музейного павильона. Раскоп заложен вплотную к раскопам 1988—1990 гг. и является их продолжением (рис. 1). Вскрыта площадь 17,5 кв. м. Неполными оказались квадраты линии д-59—55, частично изученные в 1988—1990 гг., и квадраты з-54, 53 (результат выравнивания площади и стен раскопа). Культурный слой залегал на глубине 22,5 м.

Стратиграфия отложений сверху была нарушена ямами и перекопкой. Последовательность отложений следующая: современный почвенный слой, перекопанный (0,15—0,7 м), лессовидный суглинок, разной мощности (0,1—0,6 м), лессовидная супесь, в нижней части которой находился культурный слой (1,4—1,7 м) (рис. 2: II). По всем стенкам раскопа прослеживалась зольно-углистая прослойка, с которой и связан, в основном, культурный слой. Местами наблюдалось ее па-

дение (сброс) и расслоение. Зольно-углистая прослойка распространялась по всей площади раскопа, но на отдельных участках (квadrатах е-57, 56, 54; ж-56, 54; з-54, 53) она прерывалась трещинами и размывами. Трещины были заполнены супесью. На квадратах е, ж-59, 58 культурный слой был разрушен шурфом (1,70 × 0,90 м).

Находки встречались и выше, и ниже зольно-углистой прослойки, но здесь их было значительно меньше. Западная и центральная части раскопа не содержали каких-либо скоплений. В культурном слое найдено много угольков, мелких фрагментов костей, среди которых попадались обломки ребер, кости стопы, осколки зубов, трубчатых костей, черепов, позвонков, отдельные сильно фасцилизованные эпифизы песцов и грызунов (рис. 2, I). Заметно возрастало количество находок в восточной части раскопа (рис. 2, I). Чаше попадались крупные кости, например, на квадратах ж-54, з-54, 53 был расчищен крупный обломок бивня, покрытый плотной коркой известкового натека, под бивнем лежал осколок плоской кости (тазовой ?), а рядом с ним кусок трубчатой кости. Много собрано костей на квадратах е-54, 53; ж, з-53. Это обломки ребер, тела позвонков, обломки зубов, осколки трубчатых, тазовых, лопаток. Интересными оказались квадраты е, ж-53, частично е, ж, з-54, где наряду с костями мамонта, оленя, было найдено много костей песцов.

Исследователи, изучавшие фауну Юдинова, отмечали, что песец, так же как и мамонт, являлся одним из основных объектов охоты. Значительное количество костей песцов на поселении, как впрочем, и костей других хищников, свидетельствует о развитом пушном промысле. Наряду с костями взрослых песцов, найдены и молочные зубы молодых особей, что указывает на охоту и в теплое время года, видимо, летом. По всей вероятности, на песцов охотились круглогодично. Состав костей на поселении говорит о том, что на стоянку приносили не только шкуры, снятые вместе с фалангами, но и целые тушки. На многих костях песцов от-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

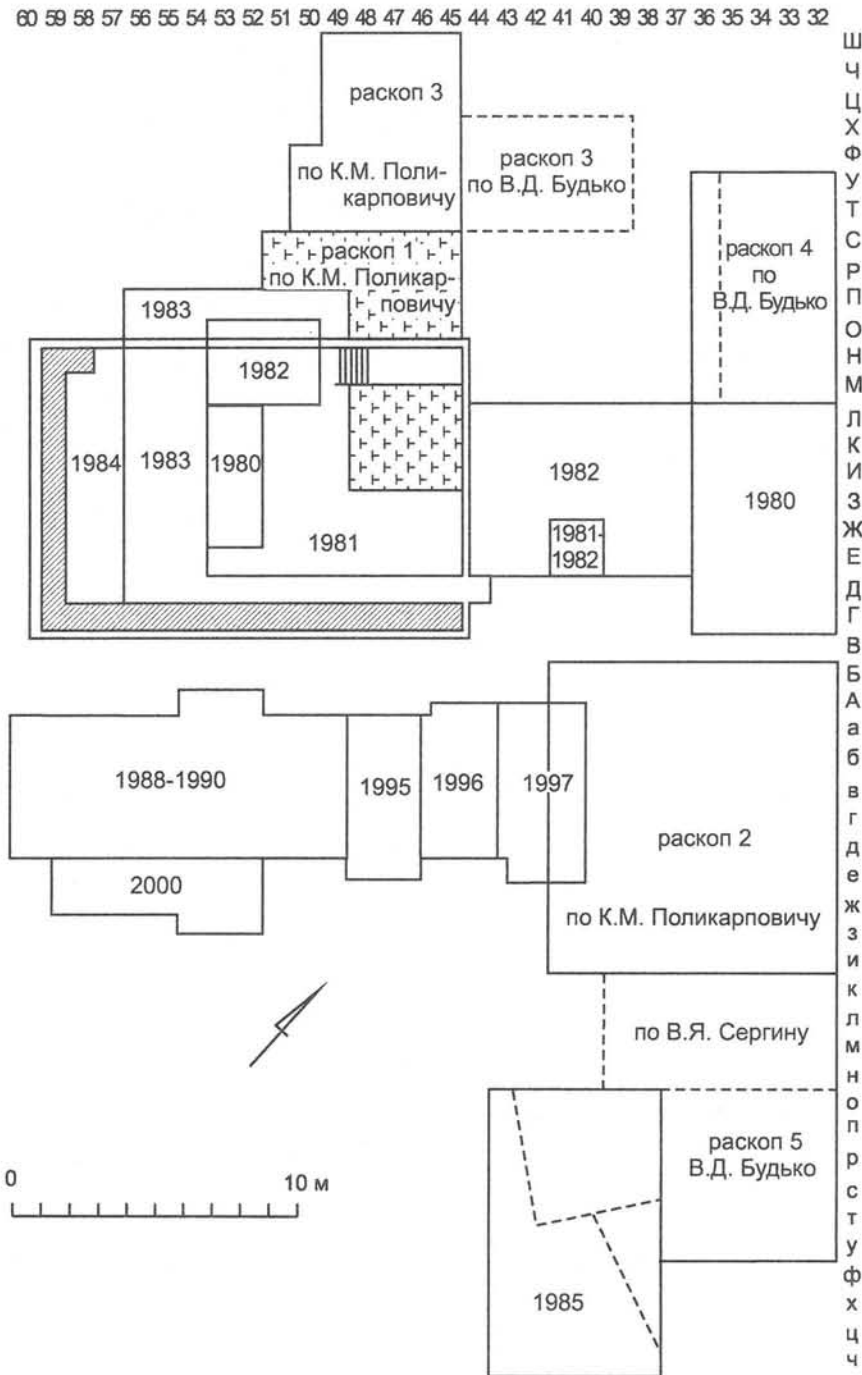

Рис. 1. Схема раскопов на Юдиново.

Fig. 1. Schematic plan of excavations at Yudinovo.

мечены следы резания. Н. Д. Бурова отмечает порезы и насечки в основании височной части черепов, на челюстях, фалангах, метопдиях и хвостовых позвонках песцов, нанесенные при снятии шкур. Кроме того, следы резания обнаружены на многих костях конечностей: плечевых, бедренных, берцовых, которые использовались для изготовления орудий и других поделок (Бурова 1999: 48, 49).

Особо следует выделить квадраты е-53, где найдено 285 костей песца. Преобладали

кости конечностей, попадались позвонки, ребра, единичные челюсти, лопатки и тазовые кости. Много собрано костей песца на квадратах ж-53 — 236, большую часть составляли кости конечностей, но встречались редкие ребра, позвонки, тазовые, лопатки. На соседних квадратах е-54—73, ж-54—92, з-54—49, з-53—37 костей песцов было значительно меньше, на квадратах е, ж-55 — менее 10 костей.

Кости мамонта и других животных были рассеяны по культурному слою. Каких-либо

Рис. 2. Юдиново. I — План раскопа 2000 года. Условные обозначения: 1 — кости; 2 — кремни; 3 — плитки. II — стратиграфический разрез южной стены раскопа 2000 года. Условные обозначения: 1 — перекопанная земля; 2 — современные ямы; 3 — лессовидный суглинок; 4 — лессовидная супесь; 5 — углистые прослойки; 6 — кости; 7 — кротовины

Fig. 2. The stratigraphy of the southern wall.

скоплений, как это было отмечено ранее на других участках поселения, не обнаружено (Григорьева 1995, 1997; 1999: 56—70). В целом это был обычный культурный слой, насыщенный зольной массой с угольками, костными остатками, каменными и костяными изделиями.

На исследованной площади собрана коллекция каменных изделий (около 5000 пред-

метов). Преобладают мелкие отщепы и чешуйки (более 3600), средних и крупных отщепов — около 490, пластин и пластинок — более 470, резцовых и краевых сколов — около 150, единичные осколки и нуклеусы. Нуклеусов найдено 5: 3 одноплощадочных и 2 двухплощадочных (рис. 3: 2—4). Орудия насчитывают 110 экземпляров, что составляет 2,2% от общего количества кремня, со-

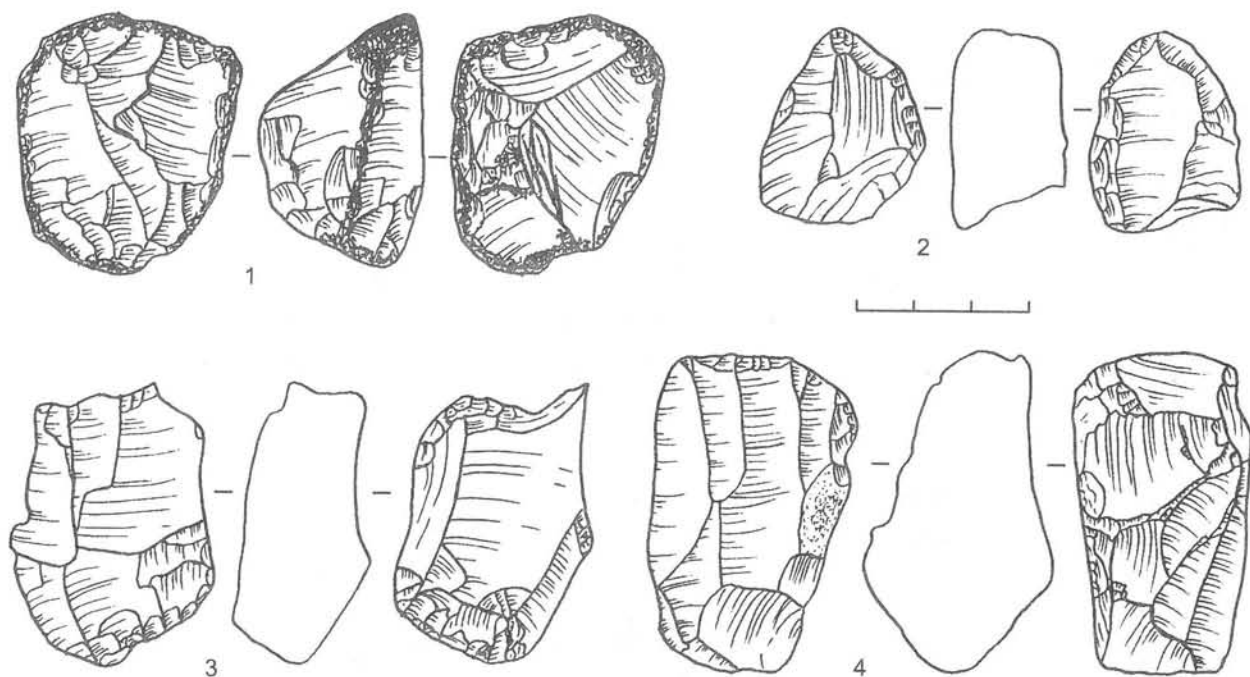

Рис. 3. Кремневые изделия. 1 — отбойник, 2—4 — нуклеусы.

Fig. 3. Flint artefacts: 1 — hammer-stone; 2—4 — cores.

бранного в раскопе. Основные группы орудий: резцы, скребки и ретушированные пластинки. Среди резцов большинство составляют боковые, ретушные (рис. 4: 1—7), затем — на углу пластинки (рис. 4: 8—13). Единичны срединные (рис. 4: 14). Много двойных резцов (рис. 4: 15—18). Выделяется небольшая группа резцов, у которых ширина резцового скола достигает 1,5—1 мм (рис. 4: 6, 7, 9, 12). Они имеют довольно короткий и тонкий рабочий край, удобный не только для резания бивня и кости, но и для прорезания геометрического орнамента на костяных изделиях. Скорее их следует называть резчиками, а не резцами. Скребок в 1,7 раза меньше, чем резцов. В основном они концевые, изготовлены на отщепе и пластинках (рис. 5: 6—18). Имеются двойные экземпляры (рис. 5: 16—18), единичны округлые (рис. 5: 15), комбинированных орудий (скребок-резцов) найдено только 2 (рис. 6: 19, 20). Небольшой группой представлены ретушированные пластинки с притупляющей и мелкой краевой ретушью (рис. 5: 1—4). Они разной модификации: с ретушированным одним и обоими краями, с ретушью конца и края или только конца. Единичным экземпляром представлено острие на пластинчатом отщепе с мелкой краевой ретушью у приостренного конца (рис. 5: 5) и отбойник на нуклеусе (рис. 3: 1).

Итак, состав каменных орудий почти не изменился; они состоят, в основном, из трех групп.

Таблица каменных орудий

Наименование орудий	Кол-во
1. Резцы:	53
ретушные, боковые	26
двойные	15
на углу пластинки	10
срединные	2
2. Скребки:	30
концевые	23
двойные	5
округлые	2
3. Скребки-резцы	2
4. Пластинки, ретушированные:	15
с ретушью по краю	8
с ретушью конца и края	4
с ретушью конца	1
с противоположной ретушью	2
5. Острие	1
6. Сколы, краевые ретушированные	5
7. Отщепы, ретушированные	2
8. Отбойник	1
9. Скол с отбойника	1
Всего:	110

Многочисленна и разнообразна коллекция костяных предметов, состоящая из готовых изделий и заготовок. Среди заготовок более 2000 пластин, около 120 обломков и более 20 отщепов из бивня, немногочисленны обломки плоских костей со следами резания (рис. 9: 1), трубчатые кости со сколами, обломки ребер с заглаженной поверхностью. Среди заготовок представлены обломки бивней со следами ре-

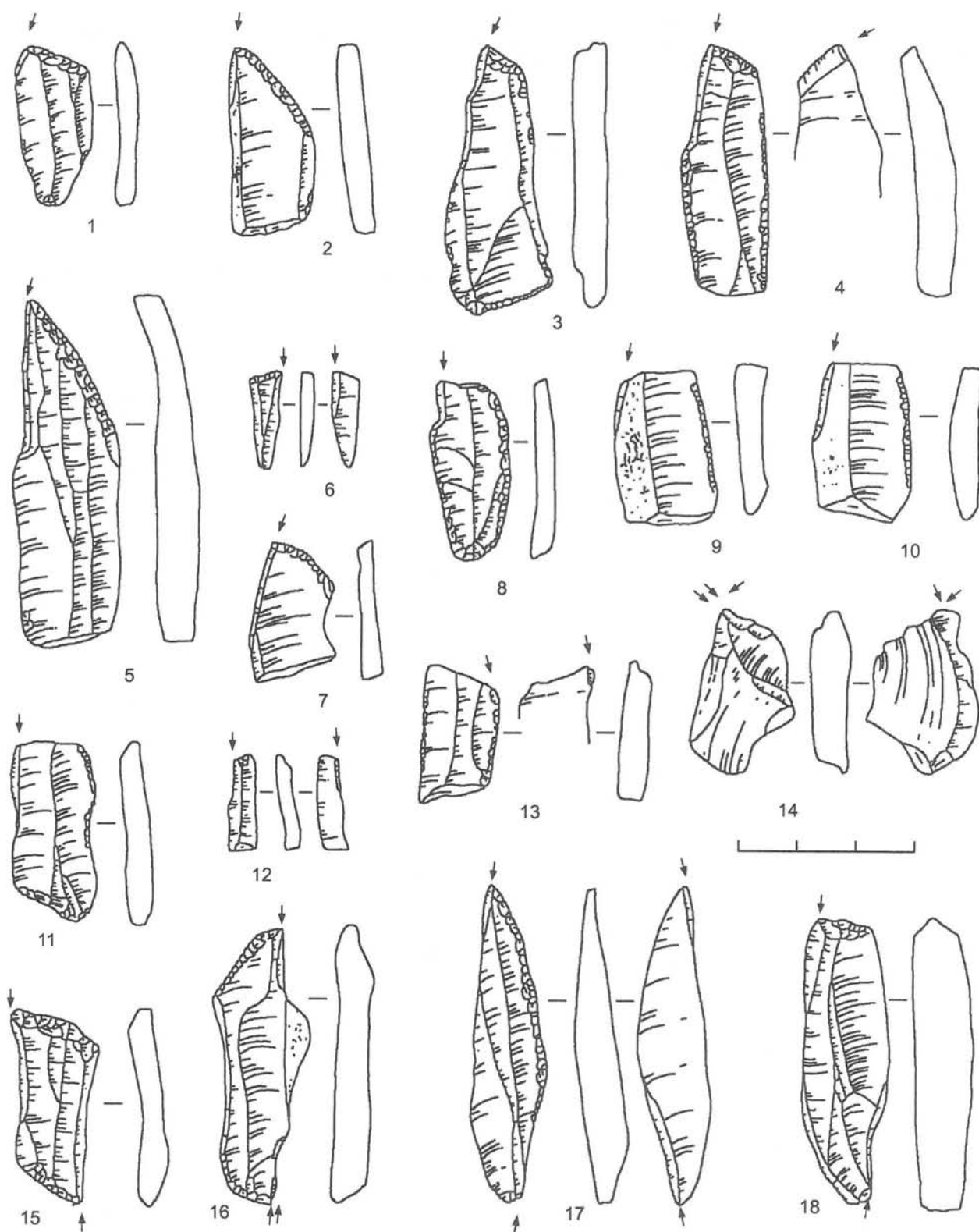

Рис. 4. Кремневые изделия, резцы: 1—7 — боковые, ретушные, 8—13 — на углу пластинки, 14 — срединный, 15—18 — двойные

Fig. 4. Flint artefacts, burins: 1—7 — retouching side-burins: 8—13 — angle burins on broken blade: 14 — dihedral burin: 15—18 — multiple burins.

Рис. 5. Кремневые изделия: 1—4 — пластинки, ретушированные, 5 — острие, 6—18 — скребки, 19, 20 — скребки-резцы.

Fig. 5. Flint artefacts: 1—4 — retouched blades; 5 — point; 6—18 — scrapers; 19, 20 — burins-scrapers.

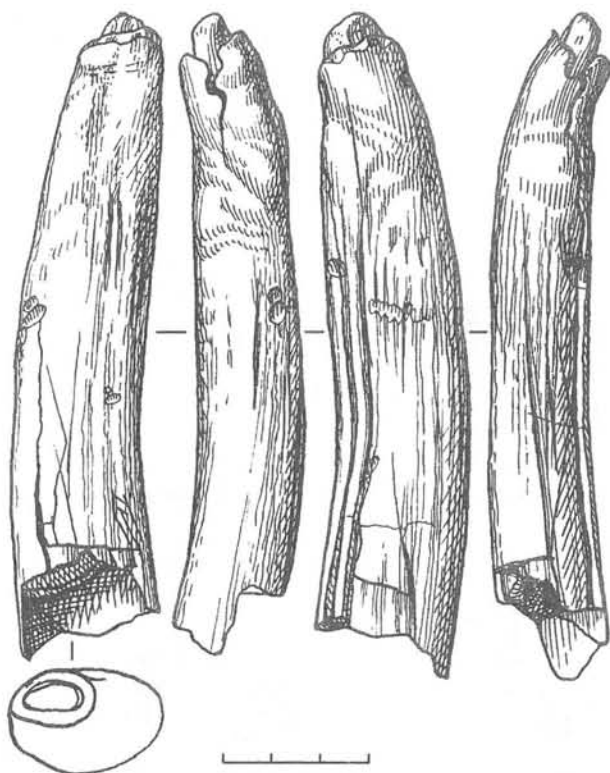

Рис. 6. Бивень с негативами снятия пластин.

Fig. 6. A tusk with traces of disarticulation.

зания (рис. 6). Из готовых орудий следует выделить фрагменты наконечников и стержней — более 20 (рис. 7: 1—5), шилья и фрагменты их — 5 (рис. 7: 6, 7), 2 мелких фрагмента игл, землекопные орудия из ребер — 5 (рис. 7: 8). Более значительной группой представлены украшения: бусы-нашивки, подвески, возможно, браслеты. Собрано более 140 бус-нашивок, включая фрагменты, из пластинок бивня мамонта различной формы: прямоугольные, овальные, сегментовидные, округлые (рис. 8: 1—21). Кроме готовых бус-нашивок, обнаружено более 200 заготовок и их фрагментов. Найдены сломанные подвески (рис. 8: 22, 23). У некоторых пластинок из бивня заглажена лицевая поверхность, возможно, их использовали как браслеты или диадемы. На пластинках из бивня и ребрах сохранились нарезки в виде прямых и изогнутых линий, разной ширины и глубины (рис. 8: 25, 26). А на одном крупном обломке ребра на разных участках

вырезаны ромбы, группы ромбов или только отдельные фигуры (рис. 9: 2). Интересен и небольшой обломок черепа с резьбой — пересекающиеся длинные и короткие линии (рис. 8: 24). Резьба на обломке черепа встречается впервые. К сожалению, многие костяные изделия дошли до нас во фрагментарном состоянии, и восстановить предмет целиком или рисунок, изображенный на бивнях и костях, очень трудно, а зачастую и невозможно. Обилие костяных поделок — свидетельство широко развитого косторезного производства на поселении. Самую богатую группу изделий составляют бусы-нашивки. Общее количество этих изделий вместе с заготовками достигает почти 20000 экземпляров на поселении.

Итак, в результате раскопок 2000 г. в Юдиново исследован небольшой участок межжилищного пространства с обилием костей песка. Они и прежде довольно часто встречались, как внутри, так и за пределами жилищ, но такое большое число их найдено впервые. До сих пор значительное количество костей песка (более 200) было собрано в яме-зольнике, расположенной рядом с одним из жилищ (Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997: 105). Возможно кости сбрасывали в яму после использования. Обнаруженное нами скопление костей песцов являлось, видимо, местом, где производили обработку шкур и тушек животных. В этой части раскопа найдено много каменных орудий.

Кроме изучения характера поселения, внутри музейного павильона произведена очистка и консервация остатков жилищ из костей мамонтов.

В период нашего отсутствия обвалилась западная стена раскопа внутри павильона. Директор Юдиновского краеведческого музея Л. И. Гришин отремонтировал стену, закрепив ее кирпичом и цементом. Трижды взламывались замки, и воры проникали внутрь павильона. В результате — сломаны некоторые кости.

Однако, несмотря ни на что, Юдиново остается крупнейшим поселением охотников на мамонтов с богатой материальной культурой, где огромное значение имела обработка бивней мамонтов.

Абрамова, З. А. 1995. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. Санкт-Петербург.

Абрамова, З. А., Г. В. Григорьева, М. Кристенсен 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново Вып. 2. Санкт-Петербург.

Абрамова, З. А., Г. В. Григорьева. 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново Вып. 3. Санкт-Петербург.

Бурова, Н. Д. 1999. Палеофаунистический и тафономический анализ верхнепалеолитической стоянки Юдиново (Брянская область). Магистерская диссертация. Санкт-Петербург.

Григорьева, Г. В. 1995. Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. Санкт-Петербург.

1997. Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 гг. Санкт-Петербург.

1999. Исследования на верхнепалеолитическом поселении Юдиново в 1995—1997 гг. // Археологические Вести 6: 56—70. Санкт-Петербург.

Поликарпович, К. М. 1968. Палеолит верхнего Поднепровья. Минск.

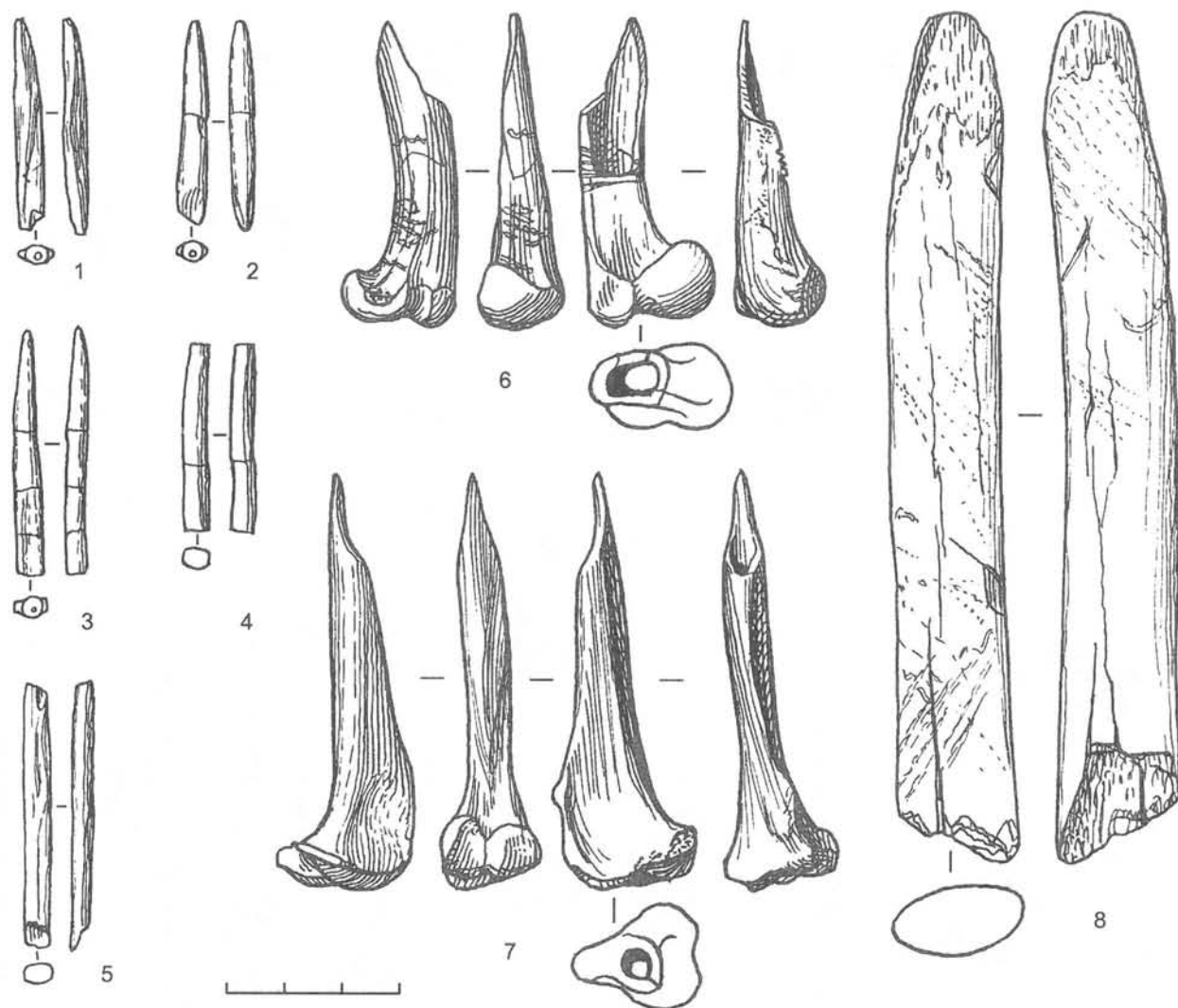

Рис. 7. Костяные изделия: 1—5—стержни, 6, 7—шила, 8—землекопное орудие.

Fig. 7. Bone artefacts: 1—5—wands; 6, 7—awls; 8—digging tool.

STUDIES OF THE UPPER PALAEOOLITHIC SITE OF YUDINOVO IN 2000

G. V. GRIGORYEVA

Investigation of Yudinovo (one of the largest sites of mammoth hunters in the Dnieper region) was continued. Excavated was an area of 17.50 sq. m. The cultural layer lies at a depth of 2—2.5 m as an ash/charcoal intercalation in loess-like sandy clay. In the western and central parts of the excavated area no accumulations have been found. From squares e, ж (53) and partly e, ж, з (54) in the eastern part, numerous bones of polar fox have been collected. Predomi-

nant are limb bones, though also ribs, vertebra, mandibles, scapulae and pelvic bones have been found. Presumably, this area served for cutting and skinning polar foxes. The presence of bones of polar foxes and other beasts of prey suggests a high degree of fur-hunting at the site.

A collection of stone artefacts has been gathered (fig. 3—5). The main types of tools included burins, scrapers, retouched blades. Combined tools such as burins-scrapers and points were rare.

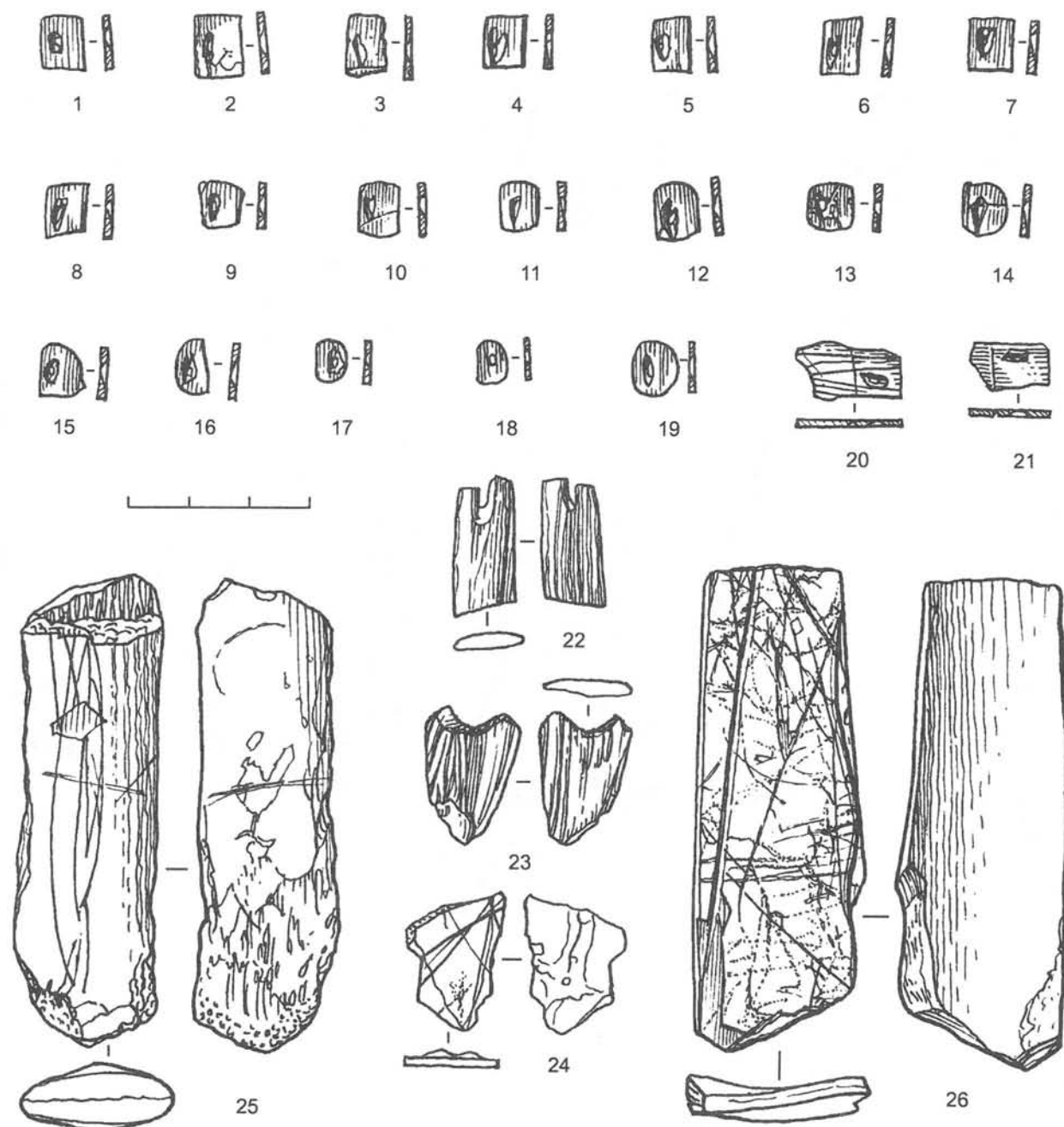

Рис. 8. Костяные изделия: 1—21 — бусы-нашивки, 22, 23 — подвески, 24 — обломок черепа с резьбой, 25 — обломок ребра с резьбой, 26 — пластина бивня с резьбой.

Fig. 8. Bone artefacts: 1—21 — clothing beads; 22, 23 — pendants; 24 — a skull fragment with carving; 25 — a carved rib fragment; 26 — a carved plate made of tusk.

Quite various were bone objects which included both complete artefacts and blanks (fig. 6). Among tools there were fragmentary wands and points, awls, needles, and digging implements made of ribs (fig. 7). Adornments also have been found: clothing beads, pendants, fragmentary tusk plates with smoothed face surface—possibly bracelets or diadems (fig. 8). Also plates and rib fragments with carved lines have been uncovered (fig. 8: 25, 26). Of note are

a fragment of rib with a rhomboid pattern (fig. 9: 2) and a small fragment of skull with carving (fig. 8: 24).

In addition to excavations, cleaning and conservation of remains of dwellings made of mammoth bones have been carried out in the museum hall.

Yudinovo is a site of a rich material culture in which working of tusks was of enormous significance as source of the most of bone artefacts.

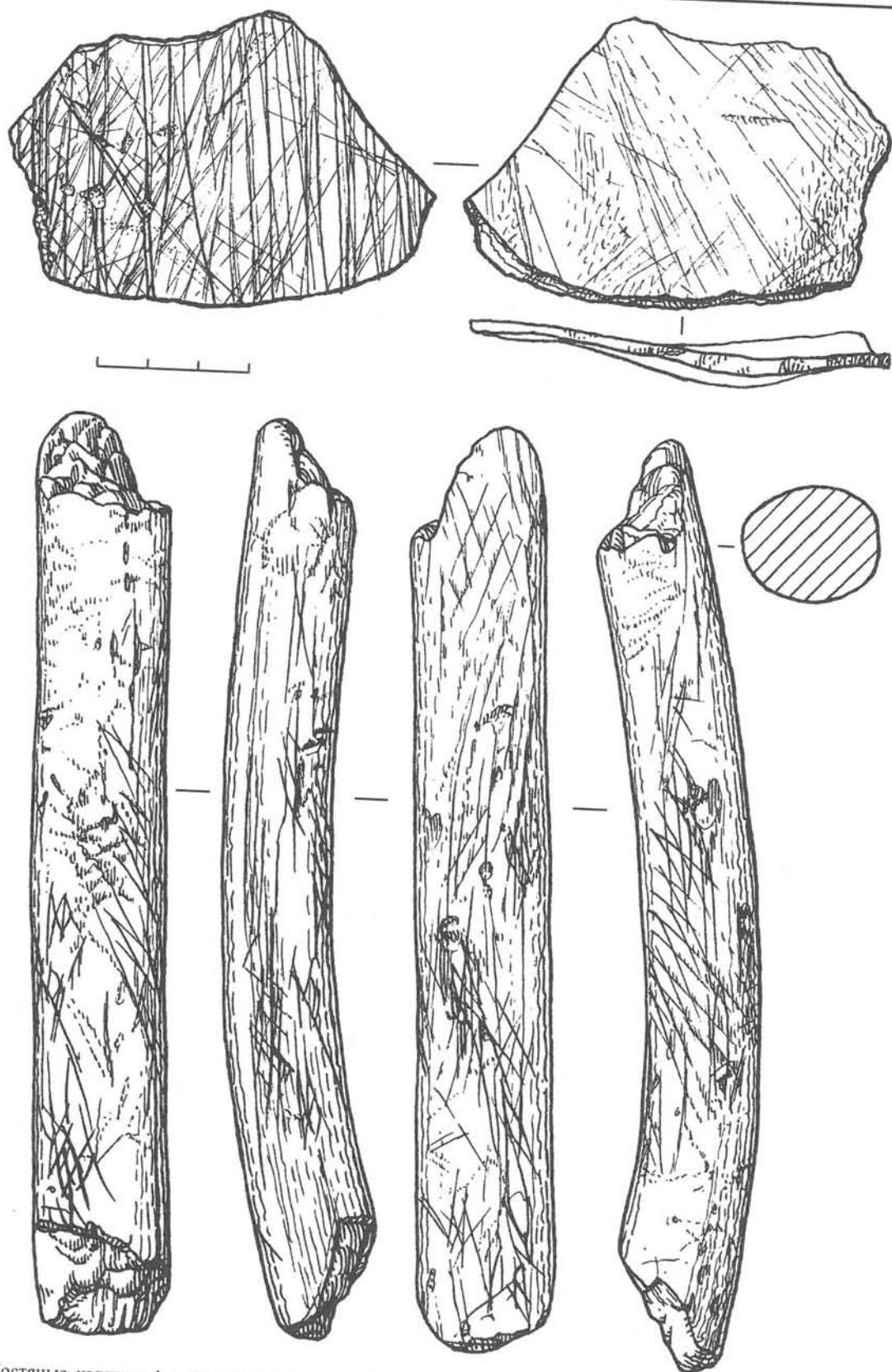

Рис. 9. Костяные изделия: 1 — плоская кость со следами резания, 2 — ребро с ромбовидным орнаментом.
 Fig. 9. Bone artefacts: 1 — flat bone with traces of cutting; 2 — rib with a rhomboid pattern.

МИХАЙЛОВСКАЯ БАЛКА – НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В УСТЬЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА (предварительное сообщение)

А. Е. МАТЮХИН¹

Нижняя часть Северского Донца богата палеолитическими памятниками (рис. 1). Это раннепалеолитические местонахождения Хрящи и Михайловское (Праслов 1968: 22–56; 1984: 96–98), мустьерские и позднепалеолитические мастерские в окрестностях х. Кременского (Матюхин 1996: 21–26; Matioukhin 1998: 466–487; 1998a: 67–116). Отметим, что местонахождение Михайловское располагается к северу от хутора с одноименным названием, о котором пойдет речь выше.

Публикуемый здесь памятник открыт в 1997 г. во время разведочных работ, проводимых Северо-Донским палеолитическим отрядом Института истории материальной культуры РАН. Он находится в 2 км к югу от х. Михайловского Константиновского района Ростовской области, на левом склоне балки с таким же названием. Высота памятника над дном балки составляет 8–10 м. Длина самой балки около 1 км, а ширина 50–60 м. Она прорезана многочисленными оврагами и имеет несколько ответвлений. Склоны балки относительно крутые.

В настоящее время на памятнике проведены частичные раскопочные работы: заложены раскоп площадью 3 × 2 м, зачистка 4 × 1 м и шурф 2 × 1 м. Раскопки проводились у вершины склона балки с целью выявления стратиграфии памятника, а также характера и особенностей культурного слоя. Стратиграфия отложений склона балки лучше всего представлена в шурфе № 1, расположенном в 12 м к западу от раскопа (рис. 2: IV). Здесь под незначительным почвенным слоем залегает коричневый суглинок заметно гумусированный, комковатый, являющийся подпочвой. Он содержит редкие находки. Он подстилается белесоватым однородным рыхлым суглинком, обогащенным белоглазкой.

В этом слое собрана основная часть каменных изделий. Ниже идет белесовато-бурый, довольно рыхлый суглинок с включениями извести и содержащий единичные находки. Данный суглинок сменяется прослоями бурого и желтоватого суглинков, лишенных находок. В раскопе выявлены лишь 4 верхних литологических горизонта. В шурфе и раскопе отмечено заметное «падение» белесоватого суглинка с находками в северном направлении, то есть вниз по склону балки. Нижние суглинки располагаются более или менее горизонтально. Следует отметить также, что контакты всех литологических горизонтов относительно четкие. Как видно из разреза, кремневые изделия залегают на небольшой глубине (менее 1 м от поверхности). Близкая картина установлена на памятнике Золотовка 1 (Праслов, Щелинский 1996: 18). Культурный слой в раскопе, шурфе и зачистке имеет мощность в пределах 0,06–0,1 м. Его нижняя граница достаточно ровная. Видимого опускания находок в силу каких-либо причин, в частности, солифлюкционных, не прослеживается. Слой не переотложен. Каких-либо заметных скоплений в слое не установлено (рис. 2: I–III). Находки распространены равномерно. Однако в шурфе отмечено небольшое сгущение кремневых изделий (рис. 2: II). Культурный слой разбирался тремя условными горизонтами. Если судить по высотным отметкам, в шурфе видно, что между находками 2-го и 3-го горизонтов имеется небольшой разрыв. Не исключено, что здесь окажутся не один, а два отдельных уровня находок, налегающих один на другой. Пока же уверенно можно говорить об одном культурном слое, довольно слабо насыщенном находками. Будущие работы, вероятней всего, изменят эту картину.

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

Культурный слой в раскопе, шурфе и зачистке включает кремневые и кварцитовые изделия, а также кости животных. Отчетливых зольных или охристых пятен не обнаружено. Кости животных имеют в целом плохую сохранность, поскольку залегают на небольшой глубине от поверхности. В основном это неопределимые фрагменты разных размеров. Определенных костей мало: фаланги и ребра крупных животных — бизонов (определение А. К. Каспарова, ИИМК РАН). Некоторые мелкие обломки костей обожжены или обуглены. Контрольная проковка в раскопе и шурфе ниже культурного слоя дала лишь незначительное количество изделий. В нижележащих литологических горизонтах, вскрытых в шурфе, находки не обнаружены.

В ходе раскопок обнаружено 396 изделий (раскоп, шурф, зачистка), а на поверхности — 35 экз. Основная часть изделий изготовлена из кремня. Судя по отдельным предметам, он представлен в виде небольших желваков, окатанных и неокатанных обломков. Преобладает кремь темно-серого и темного цвета. Отдельные предметы имеют неоднородную структуру, а также инородные включения и пустоты. Кремни желтоватого цвета отличаются высоким качеством. В целом, кремни, собранные на стоянке, обладают удовлетворительными механическими и типологическими свойствами. Выходы кремня пока не обнаружены. Отметим, что отдельные желваки были встречены нами в русловом аллювии пра-Днепра, а также в зоне выходов сланцевых пород. Не исключены и другие источники кремня. Всего найдено 36 кварцитовых изделий. Окатанные обломки этой породы встречены в аллювиальных отложениях. Кремневые и кварцитовые предметы имеют различную степень патинизации: двустороннюю и одностороннюю. На отдельных предметах — слабая двусторонняя патина. У некоторых она полностью отсутствует. На непатинизированной поверхности многих кремневых и кварцитовых предметов имеется известковый налет. Незначительная часть изделий имеет следы легкой оглаженности. Основная часть изделий не оглажена вовсе. Края кремневых и кварцитовых предметов или острые, или слегка притупленные. Следы повреждения отмечены только на единичных находках. Все это — дополнительные свидетельства того, что каменные изделия, обнаруженные на данном памятнике (раскоп, шурф, зачистка) не перенесены и выявлены в своем первоначальном положении.

Нуклеусы отражают различные способы расщепления: параллельный плоскостной и параллельный объемный (рис. 3: 11, 15, 17; 4: 5, 10, 13). Гораздо реже встречены бессистемный и смешанный способы расщепления. Нужно

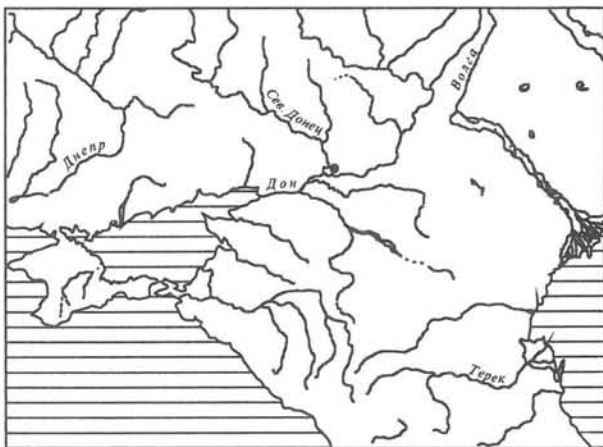

Рис. 1. Местоположение памятника на карте Европейской части России.

Fig. 1. Location of the site shown on the European Russia map.

Табл. 1. Общий список находок (включая все изделия из зачистки 1997 г., шурфа и раскопа 1999 г.).

Table 1. The general list of finds, including all those from clearings of 1997, the trench and excavation of 1999.

Наименование находок	Количество	%
Нуклевидные обломки	1	0,25
Нуклеусы	12	3,03
Отщепы	147	37,12
Пластины	38	9,59
Пластинки	32	8,08
Микропластинки	7	1,76
Боковые сколы	8	2,02
Осколки и чешуйки	139	35,10
Отбойники	1	0,25
Орудия	11	2,77
Всего	396	

признать, что параллельные объемные нуклеусы в коллекции памятника не очень выразительны (рис. 3: 11; 4: 13). В то же время на их рабочей поверхности фиксируются негативы пластинчатых снятий. Показательным является наличие нуклеусов на отщепах (рис. 4: 5). Технологически-сложные нуклеусы, в частности клиновидные, не найдены. Характерны торцовые нуклеусы (рис. 3: 11, 17; 4: 5). Два нуклеуса относятся к группе двуплощадочных. Остальные нуклеусы являются одноплощадочными. Ударные площадки у всех нуклеусов гладкие или оформлены крупными сколами.

Отщепы разделены на первичные (5 экз.), полупервичные (21 экз.), с частичной коркой (13 экз.), и отщепы без корки (107 экз.). Следует обратить внимание на присутствие большого числа отщепов с частичной коркой и без корки. Кремневых отщепов гораздо больше (126 экз.), чем кварцитовых (21 экз.). Огранка тыльной поверхности у отщепов преимущест-

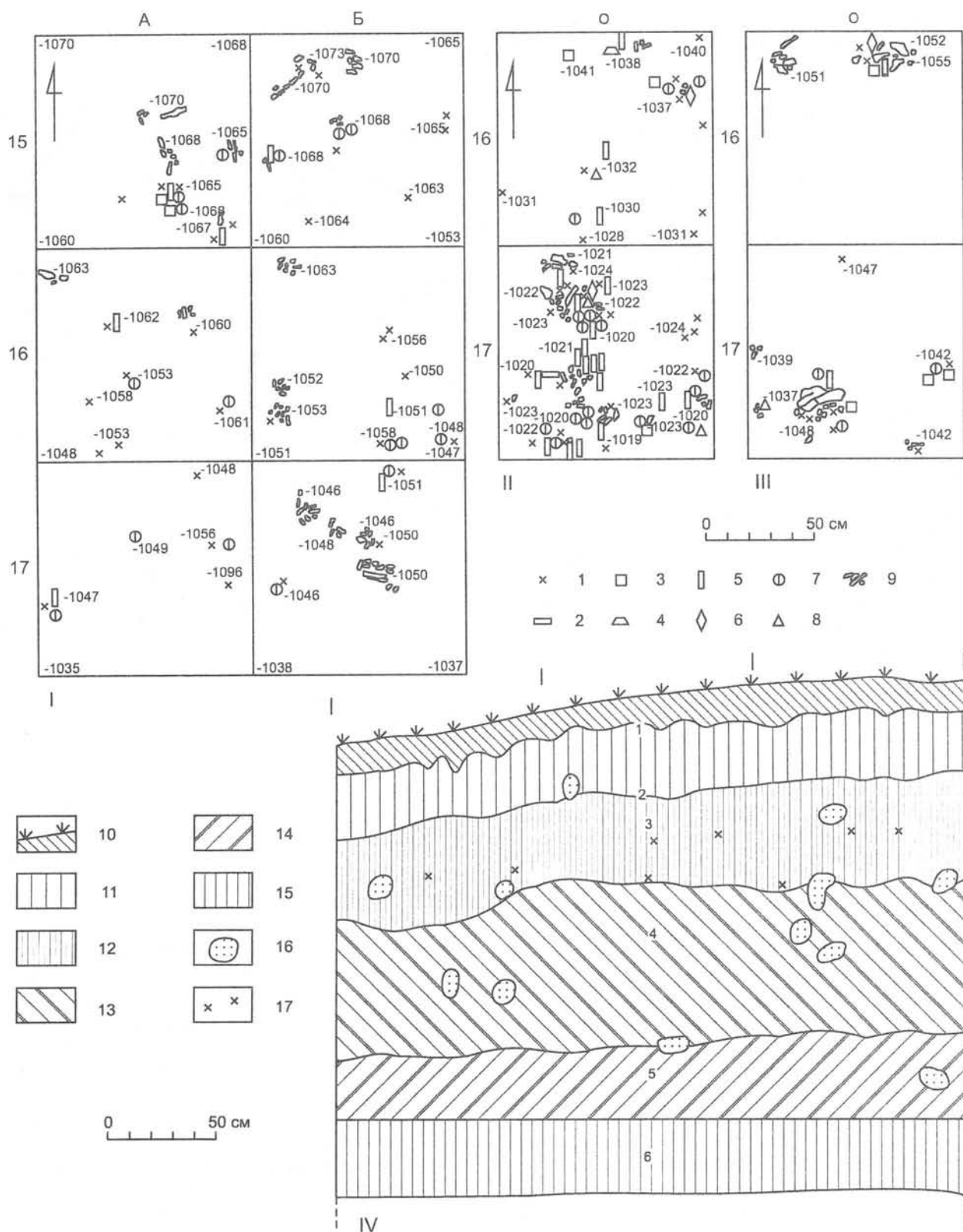

Рис. 2. Михайловская балка. I — план находок 2-го горизонта слоя 2 в раскопе 1; II—III — план находок 2-го и 3-го горизонтов слоя 2 в шурфе 1; IV — разрез отложений в шурфе 1.

Fig. 2. Mikhailovskaya Balka. I — Plan of finds from the 2nd horizon of Layer 2 in Excavation 1; II—III — Plan of finds from the 2nd and 3rd horizons of Layer 2 in Trench 1; IV — Section of deposits in Trench 1.

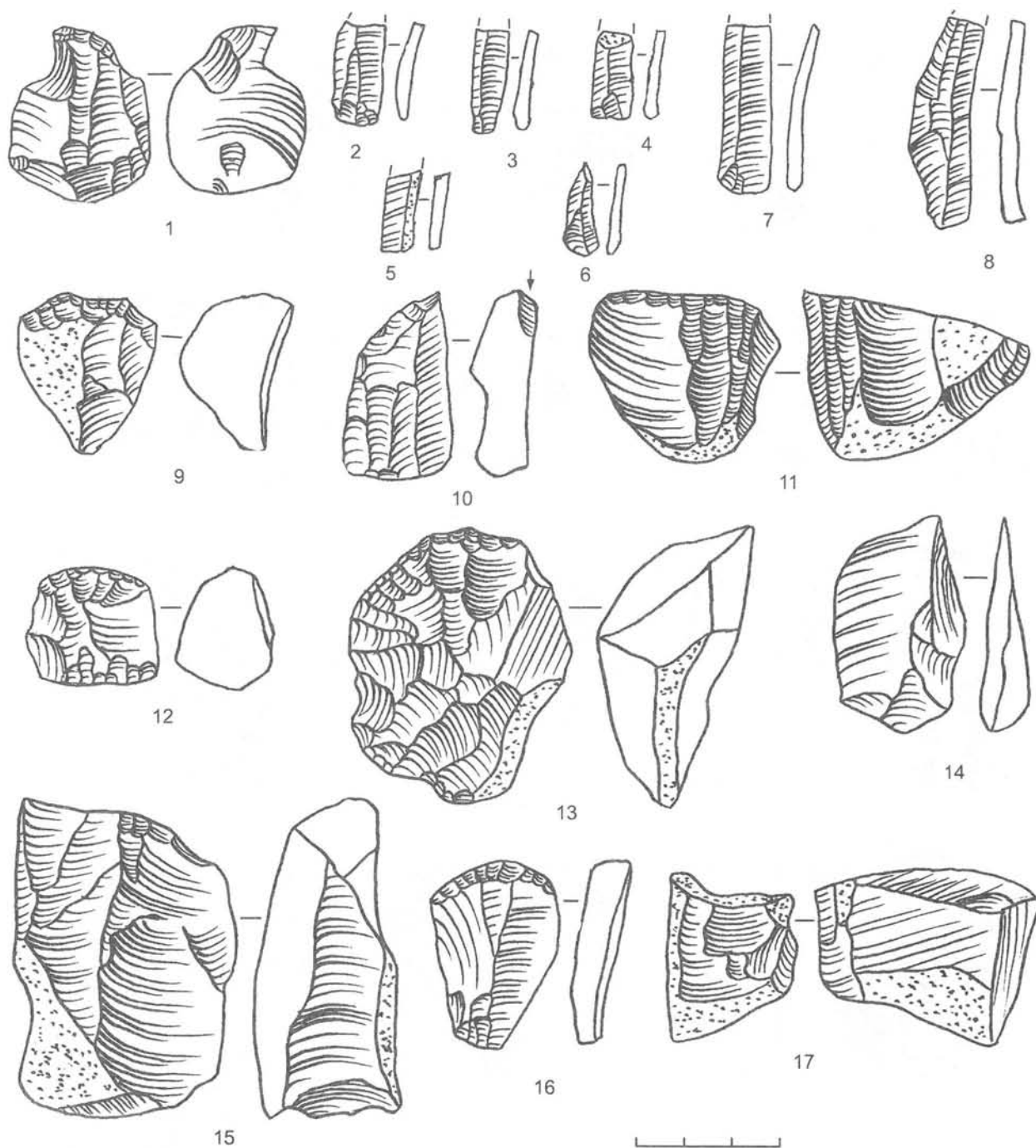

Рис. 3. Михайловская балка. Кремневые изделия. 1 — клювовидное орудие; 2—8 — пластинки и микропластинки; 9, 12, 13, 16 — скребки; 11, 15, 17 — нуклеусы; 14 — отщеп.

Fig. 3. Mikhailovskaya Balka. Flint artefacts. 1 — beakform tool; 2—8 — bladelets and microblades; 9, 12, 13, 16 — scrapers; 11, 15, 17 — cores; 14 — flake.

венно двускатная плоская. Огранка продольная, двускатная высокая и многорядная встречается реже, еще реже — радиальная, продольно-поперечная и поперечная (рис. 3: 14; 4: 2, 9). Выделено 7 более или менее качественных сколов. Несомненный интерес представляют пластинчатые сколы. Кварцитовых пластинок насчитывается 7 экз. Целые пластины единичны (рис. 4: 3, 12, 14). Как правило, это грубые сколы. Более выразительны фрагменты пластинок (рис. 3: 2—3). В равной мере это относится

и к пластинам, и к пластинкам, и к микропластинкам (рис. 3: 4—8; 4: 4). Микропластинки и микроострия встречаются реже, чем пластины и пластинки. У пластинок довольно выразительная огранка спинки. Редуцирование кромок ударных площадок выявлено в слабой степени. Отдельные пластинки и микропластинки могли получаться случайно, например, в ходе подправки рабочей поверхности нуклеусов. Целые пластинчатые сколы или пока не найдены или были унесены за пределы данной

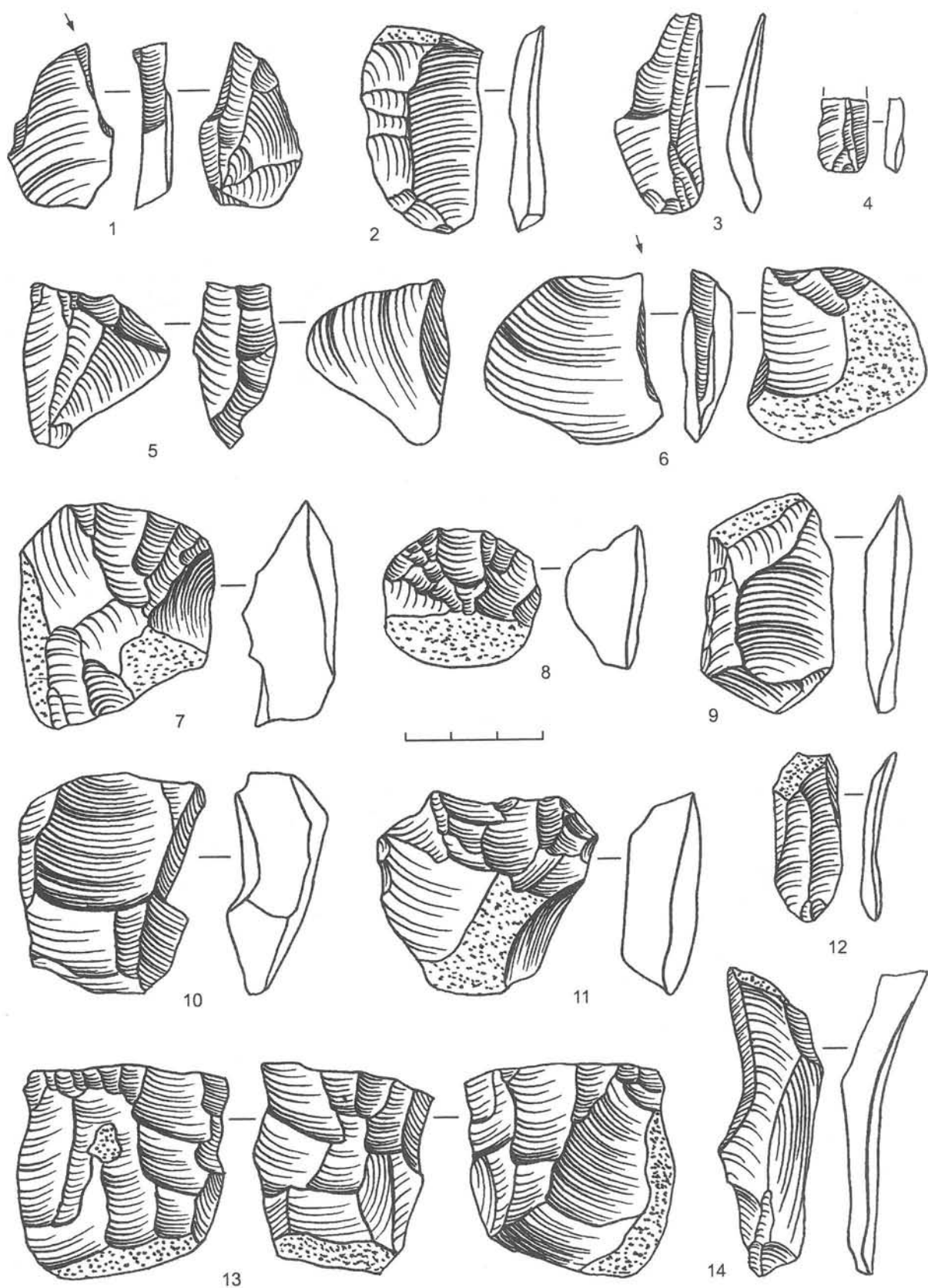

Рис. 4. Михайловская балка. Кремневые изделия. 1, 6 — резцы; 2, 9 — отщепы; 3—4, 12, 14 — пластины и пластинки; 5, 10, 13 — нуклеусы; 7 — нуклевидное орудие; 8, 11 — скребки.

Fig. 4. Mikhailovskaya Balka. Flint artefacts. 1, 6 — burins; 2, 9 — flakes; 3—4, 12, 14 — blades and bladelets; 5, 10, 13 — cores; 7 — core-shaped tool; 8, 11 — scrapers.

стоянки. В любом случае важно заметить, что на данном этапе исследования памятника микроинвентарь не является характерной и выразительной частью его индустрии.

Орудий мало. Они составляют 2,77% от общего числа изделий. Кроме того, 2 орудия были найдены в осыпи ниже зачистки 1997 г. Выделены следующие категории орудий: скребки (7 экз.), резцы (3 экз.), клювовидные орудия (1 экз.), выемчатые орудия (1 экз.), нуклевидные орудия (1 экз.). Все скребки изготовлены из отщепов (рис. 3: 9, 12—13, 16; 4: 8, 11). Выделены скребки высокой формы (рис. 3: 9, 12; 4: 8) и плоские скребки (рис. 3: 16; 4: 11). Первые изготовлены из массивных коротких отщепов. Отдельные скребки (рис. 3: 12—13) похожи на нуклеусы. Не исключено, что отдельные экземпляры (рис. 3: 12) таковыми и являются на деле, а другие (рис. 3: 13) переоформлены из нуклеусов. Ряд скребков имеют грубую обработку рабочего лезвия (рис. 4: 11). У других скребков оно оформлено крупной и мелкой ретушью. Очертания лезвий у таких скребков плавные. Боковые края оформлены только у двух предметов (рис. 3: 13). Выделенное в коллекции нуклевидное орудие, возможно, является незаконченным скребком (рис. 4: 7). На его рабочем лезвии отсутствует мелкая ретушь отделки. Резцы недостаточно выразительны (рис. 3: 10; 4: 1, 6). Изготовлены из пластин (рис. 3: 10) и отщепов (рис. 4: 1, 6). Классификационно выделены боковые (рис. 3: 10; 4: 6) и угловые (рис. 4: 1) резцы. У одного из боковых резцов отмечен укороченный резцовый скол (рис. 3: 10). Широкий резцовый скол фиксируется на угловом резце (рис. 4: 1). У выемчатого орудия выемки локализируются на обоих концах. Интересным с морфологической точки зрения является клювовидное орудие (рис. 3: 1). Клюв у данного орудия выделен одной фасеткой со стороны спинки и двумя фасетками — с брюшка. На дистальном конце, то есть на вершине клюва, видны микрофасетки, расположенные поперек продольной оси предмета. Не исключено, что это — следы использования орудия в работе. Принимая во внимание стратиграфическую позицию культурного слоя и типологию каменных изделий, вполне оправданно связывать последние с поздним палеолитом. Что касается более точного археологического возраста индустрии, то данный вопрос пока остается открытым. Однако в какой-то мере на это может

указать стратиграфическое положение и возраст культурного слоя на памятнике Золотовка 1. Для него получена радиоуглеродная дата 17400 ± 700 (Праслов, Щелинский 1996: 9). Стоит заметить, что глубина залегания находок на Золотовке 1 более значительна, чем на Михайловской балке, но стратиграфическая позиция культурного слоя обоих памятников в целом одинакова.

Судя по типологическому составу кремневых изделий, наличию большого числа костей и кусочков костного угля, оправдано ставить вопрос об отнесении данного памятника к стоянкам. Учитывая самый начальный этап изучения памятника, нет оснований говорить о продолжительности его функционирования. Не ясен пока и характер культурного слоя. В данный момент он представляется достаточно бедным. Ставя вопрос о типологических аналогиях (то есть по существу, формальных аналогиях) индустрии Михайловской балки, обратимся, следуя традиционной схеме, к близким в территориальном и индустриальном отношении памятникам, в частности, к Золотовке 1. Типологический набор орудий здесь гораздо более сложный, чем в Михайловской балке. Кроме простых скребков, в индустрии Золотовки 1, присутствуют скребки высокой формы, похожие на нуклеусы. Характерно, что резцы здесь малочисленны и не очень выразительны, однако в инвентаре Золотовки 1 богатой серией представлены пластинки и микропластинки с крутой ретушью по краям. Такие орудия на стоянке Михайловская балка пока не обнаружены. Аналогичные изделия, как известно, найдены на других стоянках равнинной зоны, например, близком по типологии памятнике Мураловка в Приазовье (Праслов 1972; Рогачев, Аникович 1984: 255, рис. 91: 35—59). Здесь также присутствуют нуклевидные скребки. Сходства с Каменной балкой 1 и 2 (Гвоздовер 1967: 38—41) не наблюдается. Индустрия Михайловской балки отличается от инвентаря позднепалеолитических памятников, расположенных в балке Бирючьей. Сходство Михайловской балки с Золотовкой 1 усиливается также за счет присутствия в инвентаре обоих памятников кварцитовых изделий.

Дальнейшие полевые исследования этого, безусловно, интересного памятника дадут возможность решать многие вопросы, которые в данной статье были только поставлены.

Гвоздовер, М. Д. 1961. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский, П. И., Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. Свод археологических источников А1—5: 36—41. Москва—Ленинград.

Матюхин, А. Е. 1996. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.

Праслов, Н. Д. 1968. Ранний палеолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ленинград: Наука.

1972. Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки // Краткие сообщения Института археологии 131: 70—77.
1984. Время и пути древнейшего заселения территории СССР человеком // Палеолит СССР. Археология СССР 1: 42—44. Москва: Наука.
- Праслов, Н. Д., В. Е. Щелинский. 1996. Верхнепалеолитическое поселение Золотовка 1 на Нижнем Дону. Санкт-Петербург.
- Рогачев, А. Н., М. В. Ашкочич. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР 1: 162—271. Москва: Наука.
- Matioukhin, A. E. 1998. Les ateliers Paléolithiques supérieurs de la vallée du Donetz Severski (région de Rostov, Russie) // L'Antropologie 102/4: 466—487.
- 1998a. Les ateliers paléolithiques de taille du silex dans la vallée de Donetz Severski (région de Rostov, Russie) // Préhistoire Européenne 13: 67—116.

MIKHAILOVSKAYA BALKА — A NEW PALAEO LITHIC SITE

A. E. MATYUKHIN

The current paper presents the results of preliminary investigations of the recently discovered Mikhailovskaya Balka site situated in Konstantinovsk District of Rostov Region in the basin of the Severski Donets (fig. 1). The site is associated with the top of the slope of the Mikhailovskaya ravine. The cultural layer lies in whitish loam at the depth of 1 m beneath the modern surface (fig. 2: IV). It contains flint and quartzite artefacts as well as faunal remains (fig. 2: I—III). In the course of excavations, altogether 396 artefacts have been found. Among these there are cores

(fig. 3: 11, 15, 17; 4: 5, 10, 13), flakes (fig. 3: 14; 4: 2, 9), blades, bladelets and microblades (fig. 3: 2—8; 4: 2—8, 12, 14), as well as tools presented by scrapers (fig. 3: 9, 12—13, 16; 4: 9, 12—13, 16), burins (fig. 3: 10; 4: 1, 6), nucleiform tools (fig. 4: 7), beakform tools (fig. 3: 1) and notched tools. The site is a settlement of the Upper Palaeolithic. Typologically the assemblage of the site is similar to the inventory of Zolotovka 1. The sites of Mikhailovskaya Balka and Zolotovka 1 might have been founded by the same group of Palaeolithic people.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ЗАЛАВРУГА I И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ПЕТРОГЛИФОВ НОВОЙ ЗАЛАВРУГИ

А. Ю. ТАРАСОВ, А. И. МУРАШКИН¹

Поселение Залавруга I уникально как с точки зрения отечественной, так и мировой практики. Толща культурных отложений большей части поселения перекрывала петроглифы Новой Залавруги, которые были занесены речным песком в результате подъема уровня воды в реке Выг. Отсюда понятна важность памятника для хронологических разработок, связанных с петроглифами. Ранее не вызывал сомнений тот факт, что комплекс поселения возник уже после последовавшего за подъемом спада воды и, следовательно, никакого отношения к наскальным изображениям (Новой Залавруги) не имеет. Таким образом, не определяя времени создания петроглифов, стоянка позволяла установить верхнюю границу и выделить типологические комплексы, с которыми они не могли быть связаны (керамика типа «залавруга» и асбестовая).

Поселение было открыто в 1947 г. А. Я. Брюсовым, тогда же заложившим небольшой разведочный раскоп (Брюсов 1952). В 1958 г. его обследовал Г. А. Панкрушев, ограничившийся шурфовкой. В 1962 г. при строительстве Беломорской ГЭС часть поселения была уничтожена карьером. Это послужило поводом для начала систематических раскопок, которые проводились в 1962—1969 гг. Ю. А. Савватеевым. Общая исследованная тогда площадь составила около 4000 кв. м. В ходе этих работ были открыты петроглифы Новой Залавруги. Не исследованным остался лишь небольшой участок в южной части поселения площадью около 100 кв. м (Савватеев 1977).

Летом 1996 г. этот участок был сильно поврежден грабительскими раскопками (грабительские ямы разной глубины и площади, неглубокие водосборные рвы, выкопанные вокруг палатки, сплошной массив перекопанного грунта на одном из участков). Общая площадь

повреждений составила около 10 кв. м. Охранные раскопки для спасения поврежденной части культурного слоя были проведены в августе 1997 г. Беломорской археологической экспедицией под руководством А. М. Жульникова.²

Основной задачей работ было извлечение максимума сохранившейся информации, прежде всего, тщательные сборы всех сохранившихся находок. Это и определило выбор методики: поиск и сбор, по возможности, всех артефактов, включая мельчайшие чешуйки камня, фрагменты керамики и т. д., тщательная фиксация местоположения наиболее интересных находок (если они были найдены на неповрежденных участках). Методика отличалась от принятой в 60-е гг., когда раскапывалась основная часть поселения. Несмотря на небольшие размеры вскрытой площади, собранные материалы несколько отличались от находок, полученных при раскопках Ю. А. Савватеева. Они позволили уточнить и расширить наши представления о памятнике.

Раскоп (28 кв. м) был заложен только на поврежденном участке. Северо-западный его угол находился на расстоянии 22,5 м к юго-востоку от XI группы петроглифов Новой Залавруги. С северо-запада и юго-запада он примыкал к раскопу I Ю. А. Савватеева. Юго-западный его угол примыкал к уступу скалы, поднимающейся от старицы р. Выг. В неповрежденной части раскопа была прослежена следующая стратиграфия: под тонким слоем дерна (0,02—0,04 м) залегал слой серого мелкозернистого оподзоленного песка мощностью до 0,04—0,05 м. Ниже шел розовый мелкозернистый песок (0,15—0,2 м) и красный или красно-коричневый, хорошо отсортированный среднезернистый песок; в нижней части и на контакте со следующим слоем — ортзандированный. В его толще (0,25—0,4 м) встречались

¹ Тарасов А. Ю. — Россия. 185610. г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11. Карельский Научный Центр РАН. Институт Языка Литературы и Искусства. Сектор археологии.
Мурашкин А. И. — Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Соискатель при Отделе палеолита.

² Пользуясь случаем, хотим поблагодарить А. М. Жульникова за возможность использования неопубликованных материалов.

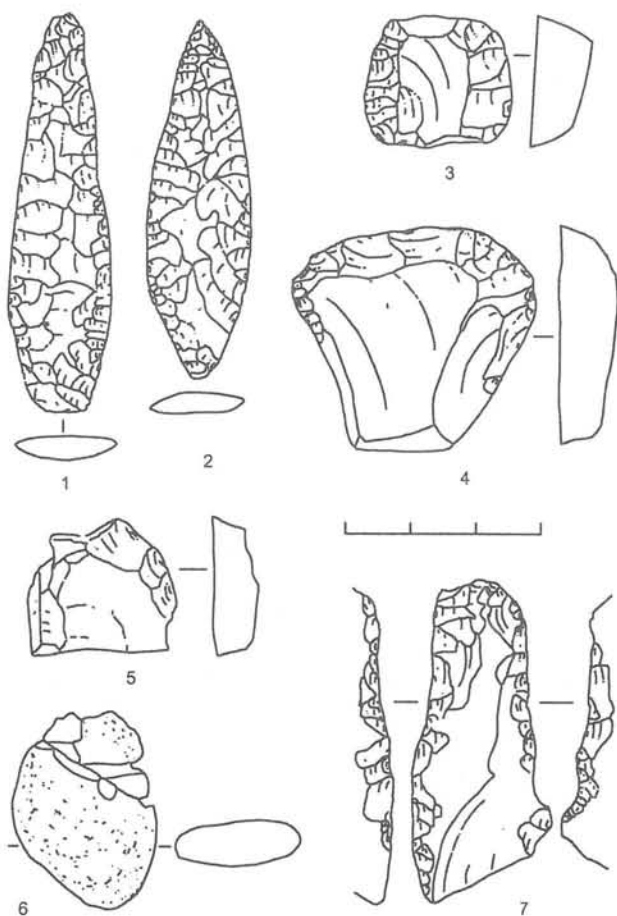

Рис. 1. Каменный инвентарь поселения Залавруга I (раскоп 1997 г.): 1—2, 4—5, 7 — кремний; 6 — кварц, 3 — янтарь.

Fig. 1. Stone implements of site Zalavrugа I (excavation 1997): 1—2, 4—5, 7 — quartz; 6 — flint; 3 — amber.

линзы желтого песка. Еще ниже залегали серый крупнозернистый аллювиальный песок с примесью мелкой гальки (мощностью до 0,8 м) и голубовато-серая, тонкая супесь, имевшая линзовидный характер (не больше 0,12 м), располагавшаяся в понижениях гранитной скалы, подстилавшей эти слои. Культурный слой связан со слоями оподзоленного, розового и красного песка, хотя первые находки встречались еще при снятии дерна. В ортандированной части красного песка находки не встречались.

Единственным выделяющимся в культурном слое объектом можно считать небольшую яму, вероятно, искусственного происхождения, ровных, округлых в плане очертаний, диаметром 0,35 м, глубиной 0,2 м, расположенную почти в центре раскопа. В центральной же части раскопа на глубине 0,1—0,15 м (III-й горизонт) располагалось большое пятно (2 × 2 м) красно-коричневого песка, содержащее кальцинированные кости (всего на III-м горизонте их найдено 24 экз. — 73%), возможно кострище, хотя четких очертаний оно не имело. Следы построек не зафиксированы.

Всего в раскопе было найдено 2376 предметов: 507 (21%) фрагментов керамики, 1835 (78%) изделий из камня, 33 (1%) фрагмента кальцинированных костей.

Как и на остальной площади памятника, кремневый инвентарь здесь численно преобладал над изделиями из других пород камня — 1269 экз. (69%). Можно отметить явные признаки расщепления кремня на стоянке, о чем говорит большое количество отщепов разного размера, в том числе содержащих желвачную корку, и 3 нуклевидных куска, которые доказывают, что изготовление орудий производилось из импортированного сырья, а не только из полуфабрикатов, как предполагал Ю. А. Савватеев.

Изделия из кварца в раскопе 1997 г. составляли вторую по численности группу каменного инвентаря — 537 экз. (29%), однако кварцевое орудие (скребок), обнаружено лишь одно (рис. 1: 6). Интересно относительно большое число находок из лидита (18 экз.), в том числе два наконечника стрел (до этого лидитовые наконечники на поселении найдены не были).

Среди орудий, прежде всего, следует отметить наконечники стрел с усеченным основанием, которые достаточно уверенно датируются энеолитическим временем (рис. 1: 1, 5). Остальные орудия не имеют датирующих признаков (рис. 1). Каменный инвентарь в целом производит впечатление достаточно позднего (эпохи энеолита) и одновременного.

Отметим находку янтарной подвески (рис. 1: 3); находка эта не первая на поселении, но достаточно редкая для Карелии.

Наибольший интерес представляет керамика. В раскопе Ю. А. Савватеева, были обнаружены окатанные фрагменты ромбоямочной керамики. Раскопки 1997 года дали уже серию из 158 фрагментов от 3-х сосудов этого типа. Большая их часть найдена в нижней части культурного слоя, на глубине 0,2—0,25 м. Наиболее полно сохранился один сосуд (146 фрагментов) (рис. 2: 1—2), развал которого был обнаружен в северо-западном углу раскопа, на границе с квадратами 217 и 209 раскопа Ю. А. Савватеева.

Сохранность сосуда очень плохая. Восстановлению поддается только верхняя его часть, частично можно составить представление об орнаментации средней части (рис. 2: 3). Венчик украшен рядом из наклонных оттисков гребенки (в том числе и по срезу). Ниже следует несколько рядов ромбических ямок. Стенки, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, орнаментированы горизонтально-зональным узором из ямок, нанесенных в шахматном порядке, разделенных рядами вертикальных оттисков гребчатого штампа и зонами без орнамента.

Сходный орнамент имеет еще один сосуд, но здесь в качестве разделителя использован ряд горизонтальных оттисков гребенчатого штампа (рис. 2: 2).

Таким образом, элементами орнамента, характерными для этого комплекса керамики являются подромбические, подквадратные или подовальные ямки и оттиски гребенки. Среди мотивов преобладают горизонтальные ряды из ямок и косо поставленных оттисков гребенки; на одном фрагменте встречены горизонтальные оттиски гребенчатого штампа. Все венчики украшены гребенкой.

Комплекс ромбоямочной керамики имеет достаточно ранний, по А. П. Журавлеву, облик (Журавлев 1979), с чем согласен ряд исследователей (Витенкова 1996), и может быть датирован началом III тыс. до н. э.

Были обнаружены также серии фрагментов керамики типа «залавруга» (или группы II по классификации А. М. Жульникова для энеолитической керамики Карелии) и асбестовой керамики.

Керамика типа «залавруга» (16 фрагментов от 8 сосудов) (рис. 2: 1), имеющая органическую примесь, в орнаментации которой преобладают мотивы из оттисков гребенчатого штампа, вертикально (прямо или косо) поставленных, датируется серединой III тыс. до н. э. (Жульников 1991).

Асбестовая керамика (22 фрагмента от не менее 2-х сосудов; 311 мелких фрагментов не поддаются определению) поселения по таким признакам, как наличие Г-образных венчиков, разреженный орнамент из коротких вертикальных оттисков гребенчатого штампа, сочетающихся с овальными ямками (в верхней части сосудов), обнаруживает наибольшее сходство с керамикой групп I или III по классификации А. М. Жульникова; что дает основание датировать этот комплекс керамики, соответственно, 3-й или 4-й четвертью III тыс. до н. э. (Жульников 1991).

Таким образом, между комплексами ромбоямочной керамики и керамики типа «залавруга» и асбестовой обнаруживается хронологический разрыв. Это обстоятельство, а также находки в раскопе Ю. А. Савватеева окатанных фрагментов ромбоямочной керамики позволяют считать, по крайней мере, южную, наиболее высокую часть поселения Залавруга I двухслойным памятником. По всей видимости, более ранний комплекс сформировался до подъема воды в р. Выг и исчезновения скалы с петроглифами под слоем песка.

Для обнаружения новых петроглифов, в 1997 г. до скалы был выкопан шурф площадью 2 кв. м. глубина шурфа составила 1,2 м. Петроглифы обнаружены не были. Находка новых изображений в данной части вообще

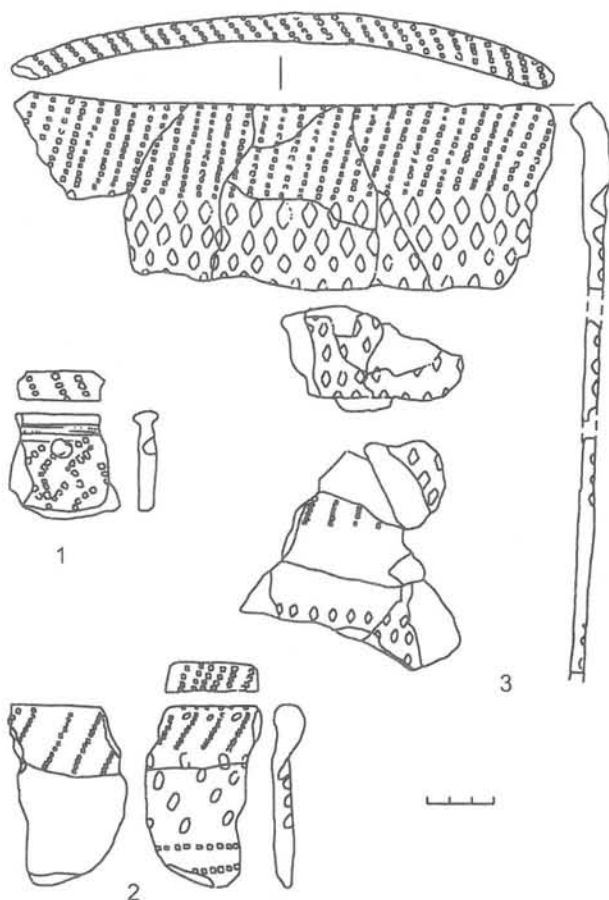

Рис. 2. Керамический инвентарь поселения Залавруга I (раскоп 1997 г.).

Fig. 2. Ceramic of site Zalavruga I (excavation 1997).

представляется весьма сомнительной, учитывая достаточно большую глубину нахождения скалы.

Таким образом можно поставить вопрос о том, что петроглифы Новой Залавруги были оставлены населением с ромбоямочной керамикой в начале III-го тыс. до н. э.

Ю. А. Савватеев уже отказался от своей прежней датировки (2,3—2 тыс. лет до н. э.) (Савватеев 1977) и высказал предположение о появлении их в первой половине III-го тыс. до н. э. (Савватеев 1996). Раскопки 1997 г. дали материалы, позволяющие данное предположение подтвердить.

Установление несомненной связи петроглифов с той или иной культурой, их датирование, как правило, очень затруднены. Главным образом это связано с тем, что наскальные изображения, по всей видимости, являлись предметом культа и потому располагались в стороне от поселений. Нахождение стоянок поблизости от таких мест, таким образом, еще не может само по себе свидетельствовать об отношении их жителей к созданию изображений. Нет абсолютной уверенности и в данном случае, но в пользу именно такого предположения говорят уни-

кальные условия, в которых оказались петроглифы Новой Залавруги и поселение Залавруга I. Ранее обозначенной даты изображения возникнуть не могли, поскольку только в начале III-го тыс. до н. э. скала, на которой они расположены, показалась из-под уреза воды (Савватеев 1996). Достаточно точно устанавливается верхняя граница (середина III-го тыс. до н. э.). На обозначенный временной промежуток приходится первая фаза существования поселений с ромбоямочной керамикой (которая в целом бытует до конца тысячелетия), достаточно распростра-

ненной в карельском Прибеломорье, хотя основной ее ареал охватывает юго-восточную Карелию. Керамика данного типа встречается на близлежащих поселениях (например, Залавруга II, IV и др.).

Если признать данную гипотезу, приходится согласиться с существованием в непосредственной близости от них связанной с петроглифами стоянки. Правомерно будет поставить вопрос и о вероятности такого соседства в других местах скоплений наскальных изображений (вопрос о назначении такого рода поселений остается открытым).

Брюсов, А. Я. 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. Москва: Изд. АН СССР.

Витенкова, И. Ф. 1996. Энеолит. Ранний период. Культура ромбоямочной керамики // Археология Карелии: 151—160. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.

Жульников, А. М. 1991. Проблемы хронологии и периодизации позднего энеолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии: 126—146. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.

Журавлев, А. П. 1979. Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки // Краткие сообщения Института археологии 157: 82—86.

Савватеев, Ю. А. 1977. Залавруга: Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 2. Москва: Наука.

1996. Наскальные изображения (петроглифы) Карелии // Археология Карелии: 125—148. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.

THE NEW MATERIAL FROM THE SITE ZALAVRUGA I AND THE PROBLEM OF DATING NEW ZALAVRUGA'S ROCK CARVINGS

A. YU. TARASOV, A. I. MURASHKIN

The 1997 excavation of Zalavruga 1 site provided new data for adjusting the dating of New Zalavruga petroglyphs. An exiguous excavated area of the highest part of the site yielded fragments of three types of ceramics: rhombic-pit, asbestos and porous ones. All types date back to the Eneolithic period, but rhombic-pit ceramics can be traced to the beginning of the III millennium BC, asbestos and porous types can be dated from the middle or the second half of the III millennium BC.

The fragments of rhombic-pit ceramics originating from the adjoining 1964—1969 excavation

areas were rolled. The concomitant ceramics from the newly excavated area had no traces of water action, and the broken vessel was excavated.

All these facts give a sufficient reason to consider this part of the site to be divided in two cultural layers. The lower one is associated with rhombic-pit ceramics and with the rock carvings of New Zalavruga. The upper layer corresponds to the culture of asbestos and porous ceramics of the middle to the second half of the III millennium BC. It was formed after the regression of the river Vyg, when alluvial sands buried rock carvings.

СКЕЛЕТ ЛОШАДИ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ В НЕКРОПОЛЕ НИМФЕЯ

А. К. КАСПАРОВ¹

В 1999 году Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством О. Ю. Соколовой при проведении охранных раскопок в северо-восточной части некрополя Нимфея, помимо прочих объектов, были обнаружены два захоронения, находившиеся в непосредственной близости друг от друга. Античный город Нимфей, существование которого, по археологическим данным, прослеживается с первой половины VI до н. э. примерно до конца III в. н. э., находится в восточном Крыму, в непосредственной близости от южной городской черты Керчи.

Погребения, зафиксированные под номерами В-14 и В-15, располагались на расстоянии 0,9 м друг от друга и, возможно, как-то связаны между собой (рис. 1). В погребении В-14, полностью ограбленном, не обнаружено ничего, даже фрагментов костей. По характеру и содержанию надписей на плитах, использованных для перекрытия этой могилы можно предполагать, что захоронение произведено не ранее середины V века до н. э. Во втором менее глубоком погребении В-15 были обнаружены остатки лошади и металлические детали упряжи с зооморфными изображениями. По заключению археологов, такая узда по своему набору и оформлению характерна для скифских памятников V века до н. э. Оба погребения и археологические находки детально описаны в литературе (Соколова, Павличенко, Каспаров 1999). Там же приводятся и предварительные соображения относительно общей конституции захороненного коня. В настоящей работе описывается морфология скелетных остатков обнаруженного животного.

Скелет, захороненный на небольшой глубине, оказался плохой сохранности. Животное лежало на левом боку, ноги в сильно поджатом состоянии, голова слегка откинута назад (рис. 2). Поза, как можно видеть, не совсем естественная. Скорее можно говорить о том, что здесь имело место стремление не столько придать лежащей лошади естественную позу, сколько просто уложить захороненное животное максимально компактно, для того, чтобы

его могила, частично вырубленная в скальном материковом грунте, была бы как можно меньше.

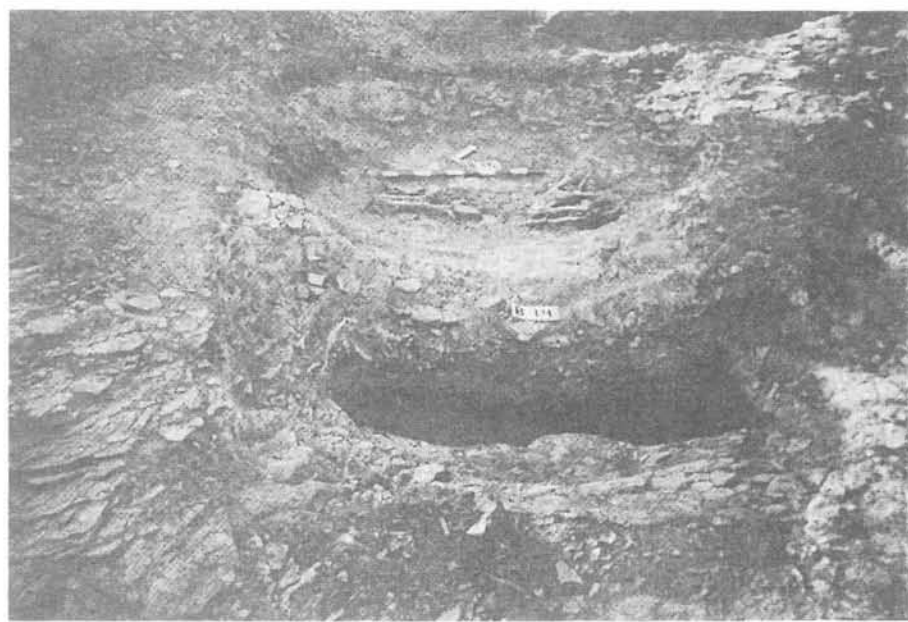
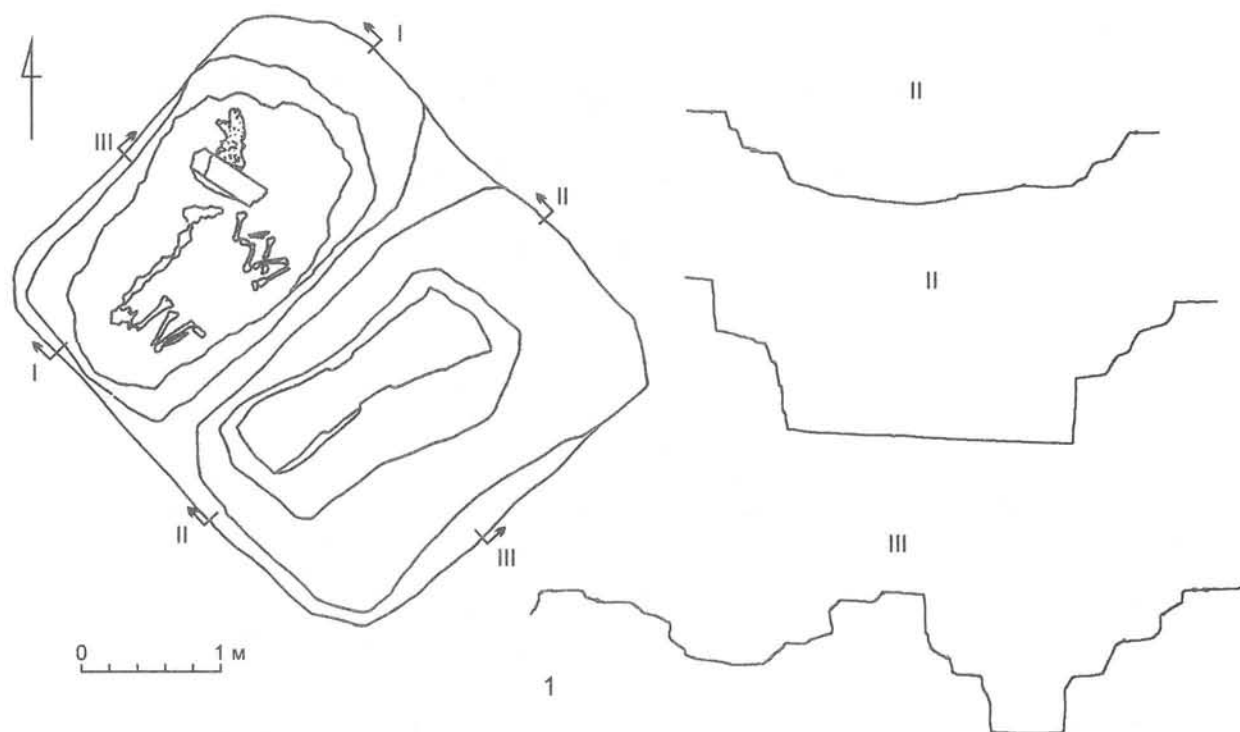
Слой коричневого тлена, отмеченный в грунте над и под скелетными остатками, позволяет предполагать, что помимо упряжи с украшениями, животное было покрыто еще и чем-то вроде попоны из кожи или войлока, однако прямых доказательств этого нет.

Из-за плохой сохранности костной ткани в глинистом грунте никаких краниологических промеров сделать не удалось. Не представляется возможным определить и пол животного. Отметим лишь, что зубы у данной особи успели полностью смениться. Судя по тому, что третьи нижние резцы почти не стертые, процесс этот закончился совсем недавно, а, значит, возраст животного на момент смерти составлял около 4—4,5 лет. Для сравнения отметим, что, например, возраст лошадей из скифского кургана Огуз (Херсонская область), в тех случаях когда это удалось определить, был 8, 10 и более 10 лет (Секерская 1992). В кургане Толстая Могила (г. Орджоникидзе, Днепропетровской области, Украина) основной возрастной промежуток для захороненных там лошадей составлял от 10 до 15—16 лет. Одна лошадь имела возраст не менее 20 лет. Остатки молодых лошадей 3—4 летнего возраста также были найдены на этом памятнике, но все они происходили из так называемого «рва» то есть из места скопления остатков животных, съеденных на поминальной трапезе (Бибикина 1973).

Таким образом, обнаруженная нами лошадь гораздо моложе, чем это обычно бывает, когда животное используют не как поминальную пищу, а погребают вместе с хозяином.

Несмотря на плохую сохранность, промеры некоторых костей посткраниального скелета были получены. Удалось снять основные промеры с левой передней и правой задней метаподий, левого бедра и правой большой берцовой кости (Табл. 1).

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологических технологий.

2

Рис. 1. Нимфей. Некрополь. Погребения В-14 и В-15. 1 — план и разрезы; 2 — вид с юго-востока (по О. Ю. Соколовой).
 Fig. 1. The Nymphaion necropolis. The burials B-14 and B-15. 1 — plan and sections; 2 — view from South-East (after O. Sokolova et al., 1999).

Таблица 1. Основные промеры некоторых костей лошади с пильфрейского некрополя (в мм).

Промеры	Передняя Метаподия (левая)	Задняя Метаподия (правая)	Бедро (левое)	Голень (правая)
Общая длина	223	265	387	351
Ширина проксимального эпифиза	53,7	55,0	—	—
Ширина диафиза	35,2	32,9	41,5	39,8
Ширина дистального эпифиза	—	51,4	80,7	73,2

Одной из основополагающих размерных характеристик животного является, конечно, высота в холке. Для определения ее мы воспользовались данными, приводимыми В. О. Виттом (Витт 1952). Между прочим, в своей работе автор отмечает, что наиболее надежным источником для определения высоты в холке у лошадей являются длины большой берцовой и лучевой костей. Он ссылается при этом на В. И. Громову (Громова 1949), которая указывала, что в истории рода *Equus* неоднократно имели место процессы укорочения и удлинения передних и задних метаподий с одновременным, соответственно, удлинением или укорочением плеча и бедра. Лишь длина лучевой и голени в процентах от всей длины конечностей оставалась всегда более или менее постоянной. В связи с этим необходимо оговориться, что В. И. Громова, конечно же, имела в виду сугубо палеонтологические материалы неогенового возраста, принадлежащие различным вымершим видам, а не кости субфосильных домашних лошадей, и процессы, упомянутые ею, происходили в течение сотен тысяч лет. Таким образом, в археозоологических исследованиях вряд ли стоит опасаться серьезных погрешностей, вызванных большими пропорциональными колебаниями. Тем не менее, в данной работе, оценивая величину найденной лошади, мы будем исходить из длины ее голени.

Использование коэффициента Кизельватера мы также посчитали излишним, так как эта величина разработана почти для каждой кости конечностей, и при определении высоты животного по разным костям наблюдается значительный разброс полученных величин. Это хорошо видно, например, в уже упоминавшейся работе Е. П. Секерской (Секерская 1992). Поэтому использование этой методики целесообразно, когда имеется либо большой массив различных лошадиных костей для оценки среднего размерного уровня представленной популяции, либо, когда промеры сняты практически со всех основных костей конечностей конкретного животного, чтобы получить некую среднюю величину, максимально приближенную к реальной. Ни та, ни другая ситуация в нашем случае не имеет места, и рост животного,

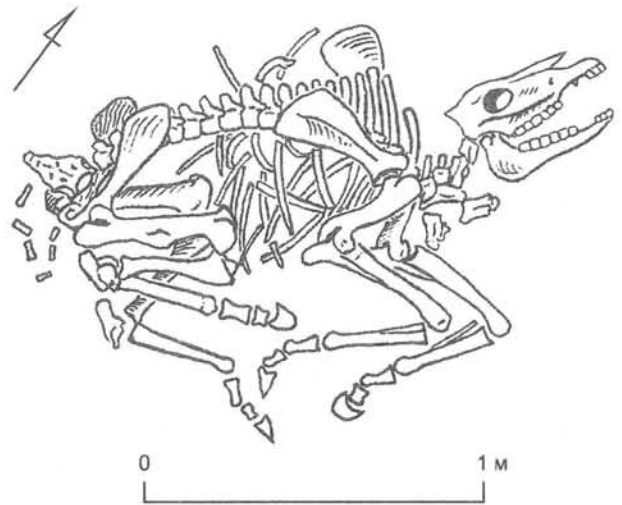

Рис. 2. Примерная реконструкция положения скелета лошади в могиле В-15.

Fig. 2. Approximate reconstruction of the horse skeleton in grave B-15.

го, обнаруженного в захоронении, определялся по приводимой И. О. Виттом таблице, составленной на основе его многолетних практических наблюдений над ископаемыми и рецентными материалами. Там указывается, что длине голени в интервале от 345 до 365 мм соответствует высота животного в холке от 136 до 144 см. Поскольку длина голени нашего экземпляра находится примерно в первой трети приведенного в таблице интервала, то можно предположить, что и высота его была примерно 138—140 см.

Лошади, погребенные в курганах Пазырыка, имели в высоту примерно от 128 до 150 см. Причем, особи, входившие в размерную группу со средней высотой 140 см, были наиболее многочисленны и количественно составляли 35% всех погребенных животных (Витт 1952). Хотя следует помнить о существенной как временной, так и пространственной удаленности этого памятника от античного Нимфея. Ситуация в курганах Огуз, Бабина и Водяна Могила, расположенных гораздо ближе как в географическом, так и в историческом плане, существенно иная. В кургане Огуз те лошади, высоту которых удалось установить ($n = 7$), имели в холке от 146 до 163 см (здесь мы приводим высоту, определенную по длине голени при помощи коэффициента Кизельватера) (Секерская 1992). В кургане Водяна Могила высота двух особей, определенная по голени, составляла 158 и 160 см. В кургане Бабина Могила две погребенные лошади имели высоты в холке, вычисленные по берцовым костям, 146 и 149 см (оба памятника также находятся вблизи г. Орджоникидзе, Днепропетровской обл. Украины). Следовательно, эти экземпляры относятся к категориям от рослых до очень крупных лошадей по классификации Витта (Витт 1952). Высоты, определенные при помо-

щи этого коэффициента по другим костям, несколько разнятся между собой, однако все равно видно, что погребенные особи были достаточно крупными. Лишь в кургане Водяна Могила встречена одна особь, которую можно отнести к группе малорослых. Наш экземпляр по той же самой схеме является средним по росту.

Лошадь, обнаруженная в центральной камере кургана Толстая могила, имела в высоту 144—145 см (Бибилова 1973) и, по определению автора, относилась к числу лучших верховых скифских лошадей из группы рослых. Характерно, что другая лошадь, обнаруженная в погребальной камере, имеющая на своих костях следы кулинарной рубки, была молодой и относится уже к группе малорослых коней. Остатки лошадей, обнаруженных во рву Толстой Могилы, то есть не похороненных индивидуально, а выступавших в качестве поминальной пищи в погребальном церемониале, принадлежат среднерослым животным, имевшим высоту в холке в среднем 138 см. Однако даже они превосходят средний рост скифских лошадей из поселений, который у скифов юга Украины составляет 136,7 см (Цалкин 1966). По подсчетам В. И. Цалкина (Цалкин 1954), общий массив поголовья скифских лошадей составляли: малорослые — 51,0%; средние — 23,5%; рослые — 22,0% и крупные — 3,5%. Таким образом, особь из нимфейского погребения, уступая по размерам лошадям, специально похороненным в курганах знатных скифских воинов, относится к средней размерной группе этой породной популяции, хотя она несколько крупнее, чем средняя скифская лошадь лесостепной полосы.

Пропорции лошадиных конечностей так же имеют большое значение, так как дают нам возможность со значительной долей достоверности определить те функции, для которых животное предназначалось. Тот или иной тип конституции коня определяется по процентному отношению длин плеча и лучевой к длине пясти и длин бедра и голени к длине плюсневой метаподии. Показателем стройности животного и, тем самым, большей или меньшей пригодности его для верховой езды является так называемая тонконогость, т.е. процентное отношение ширины диафизов костей, составляющих конечность, к длинам этих костей. Особенно показательна в этом смысле пястная кость. Индекс тонконогости пясти у особи из погребения В-15 составляет 15,7%. По классификации А. А. Браунера (Браунер 1916), она относится к средненогом лошадям, для которых он установил пределы величин этого индекса от 15,5 до 16,5%. Лошади с меньшим индексом являются более тонконогими, а с большим, соответственно, более толстоногими и менее пригодными для скоростного аллюра.

Таким образом, наш экземпляр находится как бы на границе между средненогоми и полутонконогими лошадьми.

Данных о степени грацильности задних метаподий коней из Толстой Могилы и из курганов Огуз, Бабина и Водяна Могилы нет. В. И. Цалкин указывает, что по этому критерию крайняя тонконогость, так же как и толстоногость в общей массе остатков лошадей из скифского Неаполя практически не встречается. А самой многочисленной как раз является группа полутонконогих лошадей. Из 22 описанных им экземпляров к таковым относятся 11. Эту же ситуацию мы наблюдаем и в материалах из курганной группы Чертомлыка, где среди остатков трапез наиболее многочисленны кости полутонконогих и средненогом лошадей (Журавлев 1991).

Сравнение пропорций костей задних конечностей показало почти полную идентичность нашей находки обычным средним пропорциям скифских лошадей. Отношение длины бедра и длины голени к длине плюсны составляют у Нимфейской лошади соответственно 144,0% и 132,5%. У Огузских лошадей эти индексы для бедра составляют 150,2, 141,3 и 146,9%, а индексы голени колеблются в пределах 126,5—137,6% (n = 9). В кургане Бабина могила у двух хорошо сохранившихся скелетов лошадей индексы бедра составляют 145,6 и 148,2%, а голени, соответственно, 130,8 и 134,4%.

Интересно сравнить по вышеуказанным параметрам лошадь, найденную на некрополе Нимфея, с лошадьми, остатки которых во множестве встречаются среди кулинарных отходов этого античного города. Костный материал из Нимфея характеризуется большой раздробленностью и потому за многие годы раскопок было найдено не очень много абсолютно целых костей, пригодных для экстерьерной реконструкции.

Высота в холке Нимфейских лошадей, определенная по передним метаподиям, наиболее многочисленным из найденных целых костей, колеблется в пределах 133—141 см (n = 5) и составляет в среднем 137 см. Высоты в холке, определенные по двум целым берцовым костям, оказываются 136 и 148 см, то есть первый экземпляр по классификации Витта является почти что малорослым, а второй, наоборот, относится к рослым, превышающим среднюю норму лошадям. Три целых бедра и три целых задних метаподии так же дают нам, соответственно, по три значения высоты животных. По бедром это примерно 139, 136 и 125 см; а по задним метаподиям 128, 137 и 138 см. Суммируя все высоты животных, полученные по костям, получаем среднюю высоту в холке лошади с Нимфея — 136,3 см (n = 13). Эта величина является границей между средними и малорослыми конями (Витт 1952), то есть лошадь из

погребения В-15 оказывается чуть выше среднего уровня нимфейских лошадей, однако эта разница незначительна.

По уровню грацильности передних метаподий лошади жителей Нимфея были довольно однородны. У четырех экземпляров передних метаподий индекс тонконогости колеблется от 15,4 до 15,9%, а среднее значение составляет 15,7% — ровно столько, сколько у нашей находки, следовательно, практически все они являются средненогими по классификации А. А. Браунера (см. выше). Особняком в этом ряду стоит лишь одна метаподия, обнаруженная в 1997 году. Индекс тонконогости здесь составляет 13,4%. Эта лошадь относится к крайне тонконогим и явно предназначена для быстрых аллюров.

Итак, мы видим, что как по своей грацильности, так и по пропорциям костей конечностей лошадь, погребенная в Нимфее, является типично скифской и занимает среднее значение по своим размерным и пропорциональным параметрам. Единственной особенностью этого животного как особи, похороненной в индивидуальной могиле с ритуальными целями, является ее относительная молодость и не очень большая величина по сравнению с лошадьми, обычно погребаемыми вместе с всадниками в курганах.

Вообще, по нашему мнению, следует различать лошадей, найденных в могилах, то есть убитых для того, чтобы служить хозяину в загробном мире, и тех, кого использовали в качестве обрядовой пищи при культовых тризнах на кургане. Первые, как правило, являлись вполне взрослыми животными среднего и выше среднего возраста, изредка старыми и крупными или даже очень крупными по размеру. Вторые же часто бывали полувзрослыми или только что достигшими зрелого возраста особями среднего или реже малого размера. К сожалению, авторы, описывая остатки лошадей из курганных погребений, не делают различия между остатками животных, специально

положенных в могилы, и использовавшихся в качестве поминальной или заупокойной пищи. Это создавало некоторые трудности при сравнении нашей находки с ранее опубликованными данными.

Итак, по мнению археологов, мы имеем единый комплекс, состоящий из двух погребений: погребение воина (?) и сопровождающее захоронение его коня, совершенные в отдельных грунтовых могилах, и в то же время объединенные общим котлованом. Детали погребального обряда, зафиксированные в данном комплексе, характерны для скифских могильников этого времени (Соколова, Павличенко, Каспаров 1999). Можно констатировать, что обряд погребения в нашем случае вероятно был достаточно скромным, несмотря на сравнительно богатое убранство лошадиной упряжи. Сама же лошадь была вполне стандартной, обычной для скифских табунов. Лошадей подобного типа, возраста и размера на похоронах знати, как правило, употребляли в пищу, а в могилы клали более рослых и старых животных, вероятно долго прослуживших знатному всаднику. Хотя найденный нами экземпляр и не является очень мелким, на городище, как мы только что видели, в принципе существовали кони заметно крупнее или значительно быстрее его. Однако они, очевидно, были более престижной собственностью и имели соответственно более высокую стоимость. Вполне вероятно, что в силу своего имущественного положения семья покойного не могла себе позволить приобрести такую лошадь даже для погребального обряда.

Исходя из этого, можно предполагать, что хозяин найденного на некрополе коня был не особенно знатным и, видимо, не очень состоятельным человеком, хотя и не был бедняком. Налицо погребение типичного представителя «среднего класса» античного Нимфея, вероятно имевшего скифское происхождение, учитывая обряд погребения с конем и стилистику обнаруженных украшений.

Бибикова, В. И. 1973. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // Советская археология 4: 63—68.
 Браунер, А. А. 1916. Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии // Записки Общества Сельского Хозяйства Юж. России 86: 49—186.
 Витт, В. О. 1952. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология 16: 163—205.
 Громова, В. И. 1949. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете, ч. 1 и 2. // Труды Палеонтол. Института 17 (1—2).
 Журавлев, О. П. 1991. Костные остатки млекопитающих из курганной группы Чертомлыка // Алексеев А. Ю.,

Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган): 347—364. Киев: Наукова Думка.
 Секерская, Е. П. 1992. Анализ остатков лошадей из курганов скифской знати // Древности Северного Причерноморья и Крыма: 187—191. Запорожье: Коммунар.
 Соколова, О. Ю., Н. А. Павличенко, А. К. Каспаров. 1999. Новые находки на территории нимфейского некрополя // Hyperboreus. Studia Classica 5/2: 326—340.
 Цалкин, В. И. 1954. Домашние и дикие животные из Неаполя Скифского // Советская археология 20: 253—287.
 1966. Животноводство и охота племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке // Материалы и исследования по археологии СССР 135: 3—107. Москва.

HORSE SKELETON FROM A BURIAL AT THE NYMPHAION NECROPOLIS

A. K. KASPAROV

This article describes a horse skeleton uncovered at the Nymphaion necropolis in 1999. This horse burial is dated presumably to the middle of the 5th century B. C. The animal was about 4—4,5 years of age. Thus it was considerably younger than those horses which were buried together with their master rather than used as funeral repast. Its withers height was 138—140 cm. Hence, our find, yielding in its size to the horses specially buried in the barrows of noble Scythian warriors, is of a size average for this breed, though it is slightly larger than an average Scythian horse at the forest-steppe zone. The index of slim-leggedness of the metacarpus for our find is 15,7%. According to A. A. Brauner's classification it is

a medium slim-legged horse. A comparison of ratios of hind limb bones also showed that they were almost identical to the common average ratios of Scythian horses.

A peculiarity of the animal found, as one buried in an individual grave with ritual purposes, is its relative youth and rather small size as compared with the horses usually buried in barrows together with their riders. The funeral rite, presumably, was fairly modest. The horse was a quite standard one, common in Scythian herds. As a rule, horses of a similar type, age and size were used as food at funerals of nobility, while buried in the graves were taller and older animals, which evidently had served their noble rider for a long time.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

(По материалам Намазга-депе)

А. Я. ЩЕТЕНКО¹

Памяти Валерия Ивановича ОСИПОВА

Намазга-депе (Намазга) одно из известнейших поселений в археологии Центральной Азии. Его стратифицированные материалы, вместе с аналогичными данными из всемирно-известных холмов Анау, послужили основой для создания относительной хронологии первобытных культур Южного Туркменистана, а позднее и всей Центральной Азии.

Оно расположено на подгорной равнине Копетдага в 105 км к востоку от холмов Анау и в 117 км от Ашхабада, в 6 км северо-западнее железнодорожной станции Каахка (рис. 1). Это огромное (46 га), вытянутое с севера на юг, холмистое возвышение подтреугольной в плане формы. Основание треугольника — южные всхолмления (высота 6—8 м) — постепенно переходят в более высокие и отлогие склоны холма (высота 14—16 м), которые венчаются восьмиметровой «вышкой» — обособленным бугром (площадь 1,5 га) в северной части поселения.

По стратифицированным материалам пяти шурфов Б. А. Куфтин предложил, взамен схемы Р. Пампелли — Г. Шмидта (Pumpeilly 1908), новую шкалу, в которой комплекс Анау III он разделил на три: Намазга IV, V, VI, получивших наименования культур (Куфтин 1954, 1956). В научный обиход новая периодизация введена В. М. Массоном (Массон 1956), который основное внимание уделил культурам расписной керамики, тогда как более поздние эпохи — эпоха поздней бронзы (ЭПБ) и ранний железный век (РЖВ) — не получили должного освещения.

В середине XX в. в ближневосточной археологии господствовали идеи сравнительной стратиграфии Д. Е. МакКауна: керамика трактовалась как «культура», равнозначная этносу или социальному организму (McCown 1942). Это не могло не повлиять на построения

Б. А. Куфтина и В. М. Массона при создании ими намазгинской схемы. Осознавая условность предложенной периодизации и ее несоответствие процедуре научного исследования, где основной категорией является археологическая культура, В. М. Массон объяснял временный характер данного определения следующим образом: «Рассматриваемые ахало-этекские памятники можно было бы объединить под понятием культуры Намазга VI, но подобная терминология не вполне удачна хотя бы потому, что соответствующие деления, введенные Б. А. Куфтиным (Намазга I, II, и т. д.), характеризуют в основном не археологические культуры, а стратиграфически выделенные археологические комплексы. Однако во избежание терминологического разнобоя, ...мы предпочитаем сохранение старого термина Намазга VI» (Массон 1959: 97).

В данной статье публикуются новые материалы с «вышки» Намазга, которые позволяют интерпретировать на более широкой основе (архитектура, изделия из камня и металла, способ погребения) комплексы Б. А. Куфтина как остатки археологических культур ЭПБ и РЖВ, имеющих культурно-исторические связи с земледельческими цивилизациями и степными племенами соседних регионов. «Культура НМЗ VI» трактуется как ряд последовательных этапов развития двух археологических культур, прерываемых эпохами запустения жизни на поселении. Материалы поселения Теккем-депе (Теккем), расположенного в 2 км южнее Намазга, дополняют данные «вышки». Это позволяет, в целом, прокорректировать верхнюю часть схемы Б. А. Куфтина, тем более, что уже предложены такие поправки (Kohl 1984; Щетенко 2000).

Исследование Намазга и Теккема проводилось в течение ряда лет Каахкинской экспеди-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

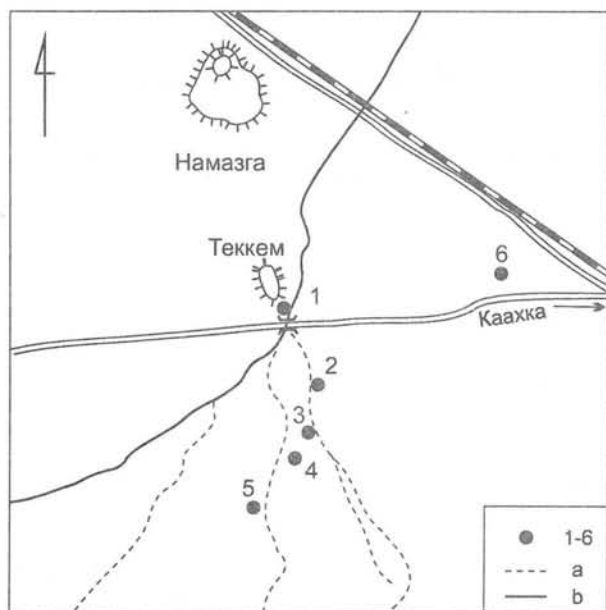

Рис. 1. Схема местонахождения Намазга-депе и Теккем-депе. Масштаб 1 : 50 000. 1—5 — поселения эпохи бронзы. Пунктирные линии — древние русла реки Лоинсу (сплошная линия — современное русло).

Fig. 1. Schematic map of Namazga-depe and Tekkem-depe geographic location. Scale 1 : 50 000. 1—6 — settlements of the Bronze Age. Dotted lines — old beds of the river Loinsu (uninterrupted line — contemporary bed).

цией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) и XIV отрядом ЮТАКЭ под руководством автора.²

На «вышке» Намазга работы велись на юго-западном склоне, в 30 м от раскопа И. Н. Хлопина³ и на северо-западном склоне холма в стратиграфической траншее в 20 м к северо-востоку от траншеи А. А. Марущенко (Долуханов, Този, Щетенко 1985). Привязка к

единому реперу позволила стратиграфически связать оба объекта наших работ между собой и соотнести их с раскопами предшественников (рис. 2: I).⁴

Хронологическая топография (термин Б. А. Куфтина) «вышки» представляется в следующем виде. Двухметровой высоты пологий холм, образованный культурными отложениями времени НМЗ IV и V, перекрыт мусорными слоями (1,5—2 м), на которых сооружена невысокая (1 м) платформа из сырцового кирпича, лежащая в основании многокомнатного здания, давшего комплекс вещей раннего этапа ЭПБ — Вышка I (рис. 2: II, черная заливка стен; рис. 2: IV, яруса X—VII).

Стены здания (сохранность — 0,5—2 м) выложены из сырцовых кирпичей (48 × 26 × 10 см и 50 × 25 × 10 см) и внутри покрыты глиняной обмазкой в несколько слоев, что свидетельствует о длительности обживания помещений. Об этом же говорят несколько глиняных промазок полов и дополнительно воздвигнутые внутренние стены, делившие это строение в различные периоды его существования на ряд комнат. Выявлено три строительных горизонта (1—3) в реконструкции этой части постройки, служившей, судя по находкам, хозяйственным целям.

На первом этапе на полу помещения 3 в центре стоял огромный хум,⁵ обложенный у основания кирпичами (25 × 25 × 15 см). Внутри него находился такой же формы кирпич с прорезанным знаком шестилучевой звезды (рис. 3: 2), напоминающий аналогичный символ на глиняной статуэтке из слоев НМЗ V. К северу и югу от хума стояли еще два сосуда. В помещении 4 пять сосудов стояли в левой половине (рис. 3: 7—9), а в правой — лежала глиняная крышка с прорезанным знаком

² В работах экспедиции в разные годы принимали участие археологи, географы, геофизики, зоологи, химики, а также фотографы и художники из числа сотрудников ЛОИА АН СССР и других городов и учреждений страны: Х. А. Абдулина, Е. В. Антонова (Москва), Н. К. Белая, Н. Н. Беляева (Ашхабад), Е. В. Бобровская, Т. Н. Вашкевич, Ю. А. Виноградов, Н. В. Головачева, С. Б. Гультов, Г. В. Длужневская, П. М. Долуханов, Н. И. и О. Я. Дорожниковские, В. М. Завидовский, В. А. Завьялов, Г. И. и Е. К. Зайцевы, К. Курбансахатов (Ашхабад), Н. А. Лазаревская, С. А. Майстренко, С. В. Красниенко, Ан. В. Пасхин, Е. Д. Паульс, Л. Т. Пьянкова (Душанбе), Е. Я. Рогов, Л. К. Сергеева, С. Л. Соловьев, А. В. Субботин, Ал. В. Субботин (Одесса), А. И. Флотский, Л. И. Хлопина, Т. В. Чупыра, В. Г. Шкода и ныне покойные: А. Ф. Ганялин (Ашхабад), Н. М. Ермолова, Г. Ф. Загний (Киев), Г. Н. Курочкин, В. И. Осипов, П. Г. Павлов, Б. Н. Пяткин, В. П. Третьяков, А. С. Шабалина, Э. А. Юркевич (Москва). Особо следует отметить выдающийся талант археолога-полевика П. Г. Павлова, проявившийся также при раскопках Алтын-депе, Сумбарских могильников, поселений Ферганы и при самостоятельных исследованиях сибирских курганов. Им всем автор во многом обязан успешным проведением полевых работ на Намазга и Теккеме.

³ Именно работы на этом участке, в стратиграфической траншее, намеченной лично В. М. Массоном, и превращенной в раскоп в 1970—73 гг., должны были прокорректировать правильность выделения этапа НМЗ VI. Начальный этап (с 17 по 29 октября 1968 г.) раскопок был осуществлен мною практически при помощи единственного помощника — энтузиаста В. И. Осипова. За две недели мы «прошли» траншею (25 × 3 м), давшую четкую стратиграфическую последовательность от слоев с керамикой эпохи ранней бронзы (НМЗ IV) до остатков жилого помещения эпохи РЖВ. Благодаря В. И. Осипову, тщательная фиксация археологических находок велась по слоям и ярусам, сопровождаемая грамотной документацией. Эти материалы ЭПБ и легли в основу данной статьи.

⁴ В ранних публикациях (Щетенко 1999, 1999а, 2000) фигурировали наименования строительных горизонтов (Вышка I—10), объединенные в данной публикации в более крупные периоды: Вышка I—III, с привязкой не к условному «0» (холмик земляного отвала из раскопа Б. А. Куфтина 1952 г.), а к «0» на восточном углу этого раскопа. Следовательно, яруса полевых отчетов (VII—XVII), за вычетом высоты холмика (2 м), представлены иными цифрами: III—XIII (рис. 2: IV—V).

⁵ «Хум» и меньших размеров «хумча» — туркменское название двух разновидностей сосудов для хранения припасов.

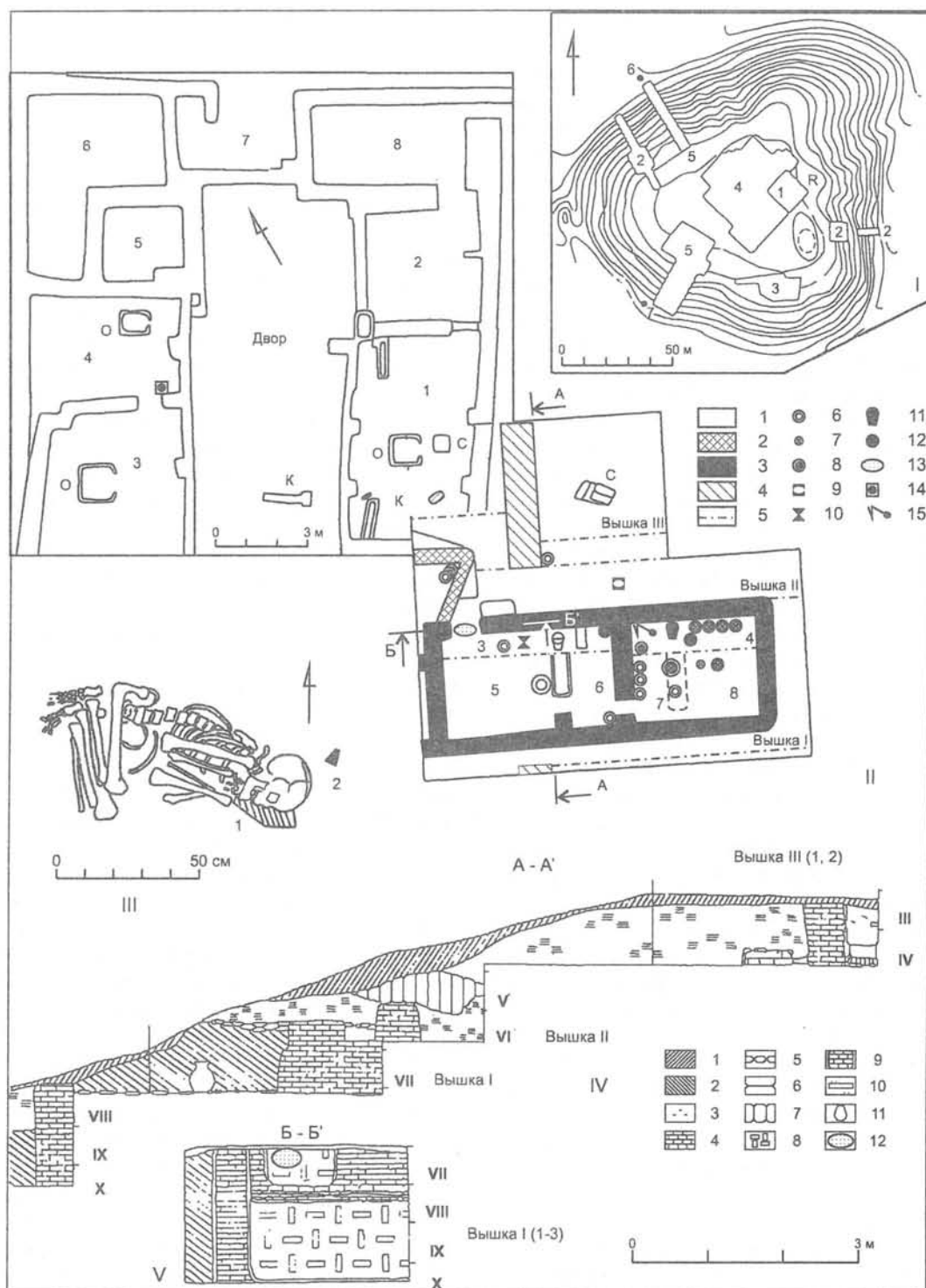

Рис. 2. I. Намазга-депе. План «Вышки». Раскопы: 1 — Б. А. Куфтина, 2 — А. А. Марущенко, 3 — А. Ф. Ганялина, 4 — И. Н. Хлопина, 5—7 — А. Я. Щетенко. II. Планы строений трех периодов «вышки». Условные обозначения: 1—3 — периоды: 1 — ранний; 2 — переходный; 3 — поздний; 4 — бровка, 5 — строительный горизонт; 6 — сосуд; 7 — крышка; 8 — гончарный диск; 9 — литейная форма; 10 — «колонка»; 11 — пест; 12 — наковальня; 13 — зернотерка; 14 — подпятие; 15 — погребение; К — «корытце»; О — очаг; С — низкий глинобитный «столлик». III. Погребение № 1. Условные обозначения: 1 — фрагмент керамики; 2 — каменный предмет. IV—V — стратиграфические разрезы юго-западной части раскопа 1968 г.: IV — разрез А—А'; V — разрез Б—Б'. Условные обозначения: 1 — натечно-надувные слои; 2 — плотная глина; 3 — мусорные слои; 4 — сырцовый кирпич; 5 — промазка пола; 6 — угольный слой; 7 — обожженные слои, уголь и зола; 8 — забутовка; 9 — глинистый намыв в мусоре; 11 — сосуд; 12 — зернотерка.

Fig. 2. I. Plan of «Vyshka» Namazga-depe. Excavations: 1 — B. A. Kuftin, 2 — A. A. Maruschenko, 3 — A. F. Ganyalin, 4 — I. N. Hlopin, 5—7 — A. Ya. Shchetenko. II. Plan of excavation area. Periods: 1 — early, 2 — transitional, 3 — late, 4 — not excavated, 5 — building level; 6 — vessel; 7 — lid; 8 — potter's wheel; 9 — mould; 10 — column; 11 — pestle; 12 — anvil; 13 — grinding stone; 14 — door's stone; 15 — burial; К — «trough», О — hearth, С — low clay «table». III. Burial № 1. Notations: 1 — ceramic fragment; 2 — stone object. IV—V. sections of the southwestern part of trench 1968: IV — А—А'; V — Б—Б'. Notations: 1 — flow-inflated layers, 2 — compact clay, 3 — rubbish layers, 4 — mud brick, 5 — level of floor, 6 — charcoal, 7 — ashes and charcoal, 8 — leveling up, 9 — plaster, 10 — flow clay layers in rubbish, 11 — vessel, 12 — grinding stone.

(рис. 3: 1). Вторая крышка, обнаруженная *in situ*, закрывала один из сосудов, а еще одна найдена на дне другого сосуда. На дне сосудов вместе с черепками лепной посуды, оказались: каменная галька-пест, камни, альчик барана, ребра и позвонки коровы, позвонки барана, каменная заготовка литейной формы.

На следующем этапе оба помещения делятся стенами на комнаты. Затем сосуды, как и все комнаты, были заложены сырцовыми кирпичами и по ним выложена стена, перекрытая рядом полов. На предпоследнем сверху полу в помещении 4 лежали: диск глиняного гончарного круга (рис. 3: 3), каменные песты (рис. 3: 4, 5) и плоская наковальня, а также четыре сосуда с глиняными крышками (рис. 2: II); в помещении 3 — короткая каменная «колонка» из розоватого песчаника (рис. 3: 6), носик-слив сероглиняного сосуда, две круглые крышки и фрагменты двух сосудов. На самом верхнем полу (третий этап) в помещении 3 был построен выступ, рядом лежала каменная наковальня — плоский цилиндр. Оба помещения перекрыты мусорными слоями.

В заброшенном помещении 4 было совершенно захоронение № 1 (рис. 2: III), вероятно, из периода Вышка II. Погребенный уложен в скорченной позе на левый бок, головой на юго-восток. Череп покоился на фрагменте керамики, у затылка лежал каменный предмет в форме конусообразного параллелепипеда с отверстием на одном конце. Похожие вещи найдены в погребениях 30 и 51 Тоголока 21 (Сарианиди 1990: табл. XXIX, 2, 4). Это предполагает, что здание функционировало после времени НМЗ V и до периода протобактрийской цивилизации.⁶

Следующий период (Вышка II) представлен помещением 2, строительная техника которого (пахсовая кладка) и ориентация стен резко контрастируют с предшествующими и с последующими строительными горизонтами (рис. 2: II — заштрихованные стены). В помещении лежали, опрокинутые вверх дном, три целых сосуда (две красноглиняных и сероглиняная миска), лепной горшок; а во дворе стоял целый сероглиняный высокогорлый кувшин с сетчатым лощением на плечиках (рис. 4: 7) и

рядом находилась каменная литейная форма для отливки булавок с крестовидным навершием и двулезвийных ножей (рис. 4: 9). Мусорные слои покрывают эти находки.

Следующий период (Вышка III), с несколькими строительными горизонтами, представлен в верхнем раскопе, где выявлена планировка двух домохозяйств, разделенных двором и состоящих из жилых (с квадратными очагами в центре) и хозяйственных помещений (рис. 2: II — стены без заливки). Их стены (высота 0,7—0,8 м), как и другие детали интерьера (контрфорсы, очаги, столики, «корытца»), сложены из сырцовых кирпичей (48—50 × 25—27 × 10—12 см) и обмазаны глиной. «Корытца» — продолговатые конструкции (1,4 × 0,4 м) — известны и на Теккеме, где в них хранилась мелкая посуда.⁷

Этот ранний строительный комплекс (1) сменяется аналогичной планировкой, представленной жилищами с прямоугольными глинобитными очагами (горизонт 2), вскрытыми в северной части «вышки» (Хлопин 1974: лист 1), а затем перекрывается стенами и полами нового строительного горизонта (3), с которого начал свои раскопки Б. А. Куфтин (1956: рис. 2—3)⁸ и исследования которого на широкой площади были продолжены в 1965—66 гг. И. Н. Хлопиным.⁹ Следовательно, самый верхний горизонт (1) представлен гончарными печами и перемешанными материалами: керамикой степного облика и расписными фрагментами типа Яз I.

Материальная культура комплексов НМЗ VI представлена керамикой, металлическими и каменными орудиями. Костяные орудия встречаются редко.¹⁰

В керамике выделено пять основных групп посуды, изготовленной на гончарном круге из хорошо отмученной глины с примесью органики в тесте. Четыре первые различаются цветом поверхности: светло-зеленая, светло-розовая, краснофоновая (включая сосуды с красным ангобом и лощением) и серая, пятая группа — кухонная (светло-серая или светло-коричневая) с примесью в тесте дресвы, со следами копти на поверхности. Два вида лепной керамики

⁶ Этот термин территориально и хронологически точнее соответствует терминологии и процедуре археологического исследования. «Бактрийско-маргианский археологический комплекс» или БМАК (Сарианиди 1974: 70) пока не имеет вертикальной стратиграфии и слишком широк в пространственном отношении: от Северо-Восточного Ирана до Северо-Западного Индостана.

⁷ Аналогичная конструкция, таких же размеров, именуемая «кормушкой», открыта в слоях ЭПБ-РЖВ на поселении Талли-и Малян в Иране (Sumner 1974: pl. 1a).

⁸ В полевом отчете указано: «на уровне пола второго жилого комплекса» (Куфтин 1956: 177).

⁹ В науку эти материалы введены как единый комплекс НМЗ VI (Хлопина 1978; Хлопина 1972: fig. 4).

¹⁰ Кости животных требуют специального исследования. Здесь же кратко сопоставим остеологические материалы (определения Н. М. Ермоловой) из слоев НМЗ VI (605 костей) и НМЗ V (127). Среди домашних животных времени НМЗ VI преобладали мелкие парнокопытные (37, 6%), овца и коза (25,5%), и крупный рогатый скот — (18%). В комплексе НМЗ V они соответственно составляли: 61,2%, 20%, 10%. Налицо увеличение поголовья крупного рогатого скота почти вдвое. Впервые, после находок на Теккеме, в стратиграфическом контексте НМЗ VI найдено 15 костей лошади (4% от общего числа). Определены также кости осли (3,6%), домашней свиньи (1%) и собаки (1%). Объектами охоты были джейран (6,1%) и муфлон (4,1%).

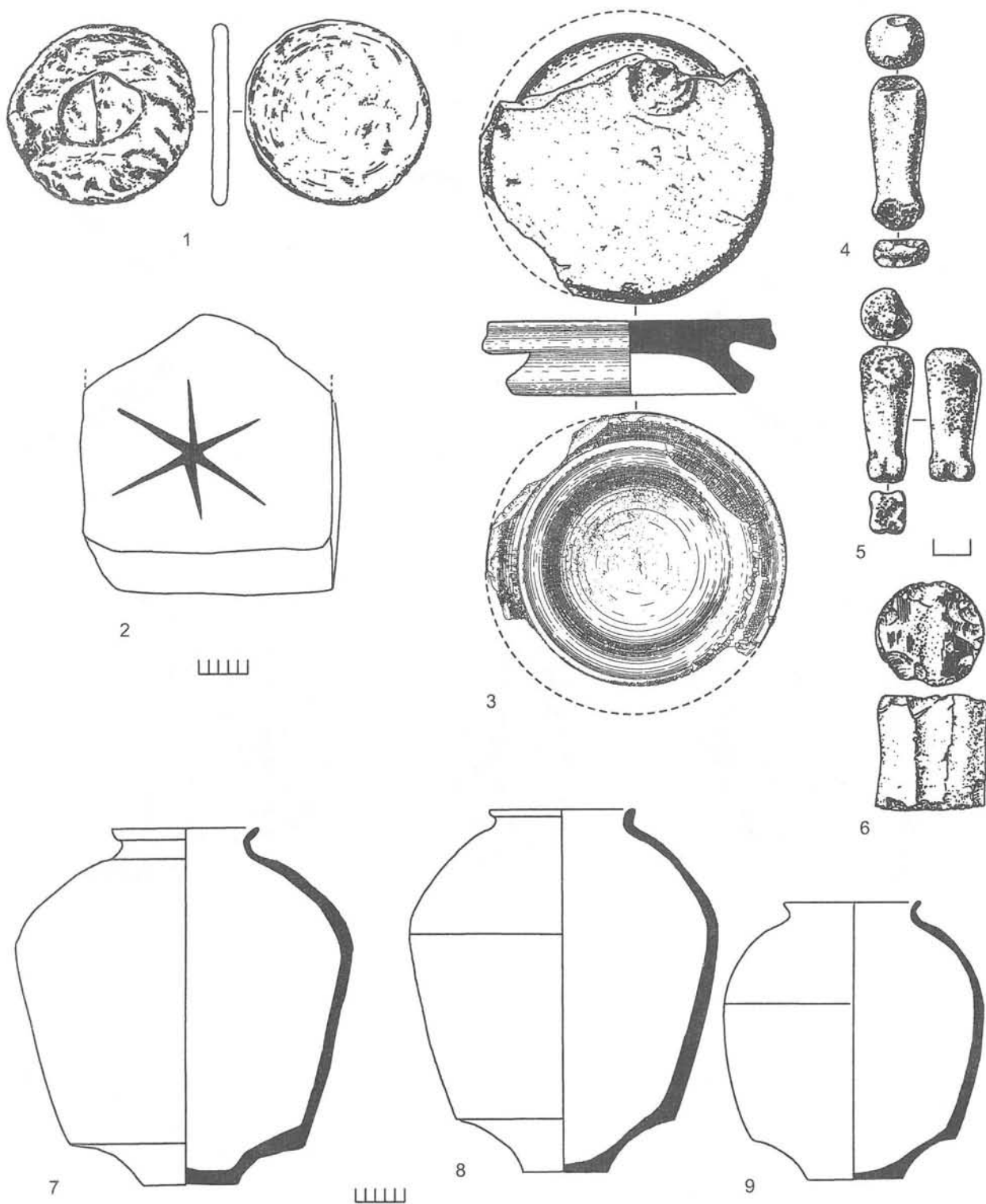

Рис. 3. Период I. 1 — крышка, 2 — кирпич, 3 — диск гончарного круга; 4, 5 — песты, 6 — колонка; 7—8 — хумы.

Fig. 3. Period I. 1 — lid, 2 — brick, 3 — potter's wheel; 4, 5 — pestles, 6 — column; 7—8 — hooms.

представлены сосудами и черепками степного типа, часто с резным орнаментом,¹¹ и орнаментированными фрагментами чаш типа Яз I.

Подсчеты показывают, что из пяти основных групп керамики в ранний период НМЗ VI (Вышка I) преобладает светлофонная посуда

¹¹ Традиционно эту керамику считали кухонной посудой (Массон 1959: 116, сноска 86; Хлопина 1972: 64, 1978: 4). Однако, специальное исследование керамики степного облика Южного Туркменистана (Кутимов 1999: 322) подтвердило первоначальную точку зрения о принадлежности ее к степным культурам (Куфтин 1954: 25, 1956: 270; Ганялин 1956: 84, 86).

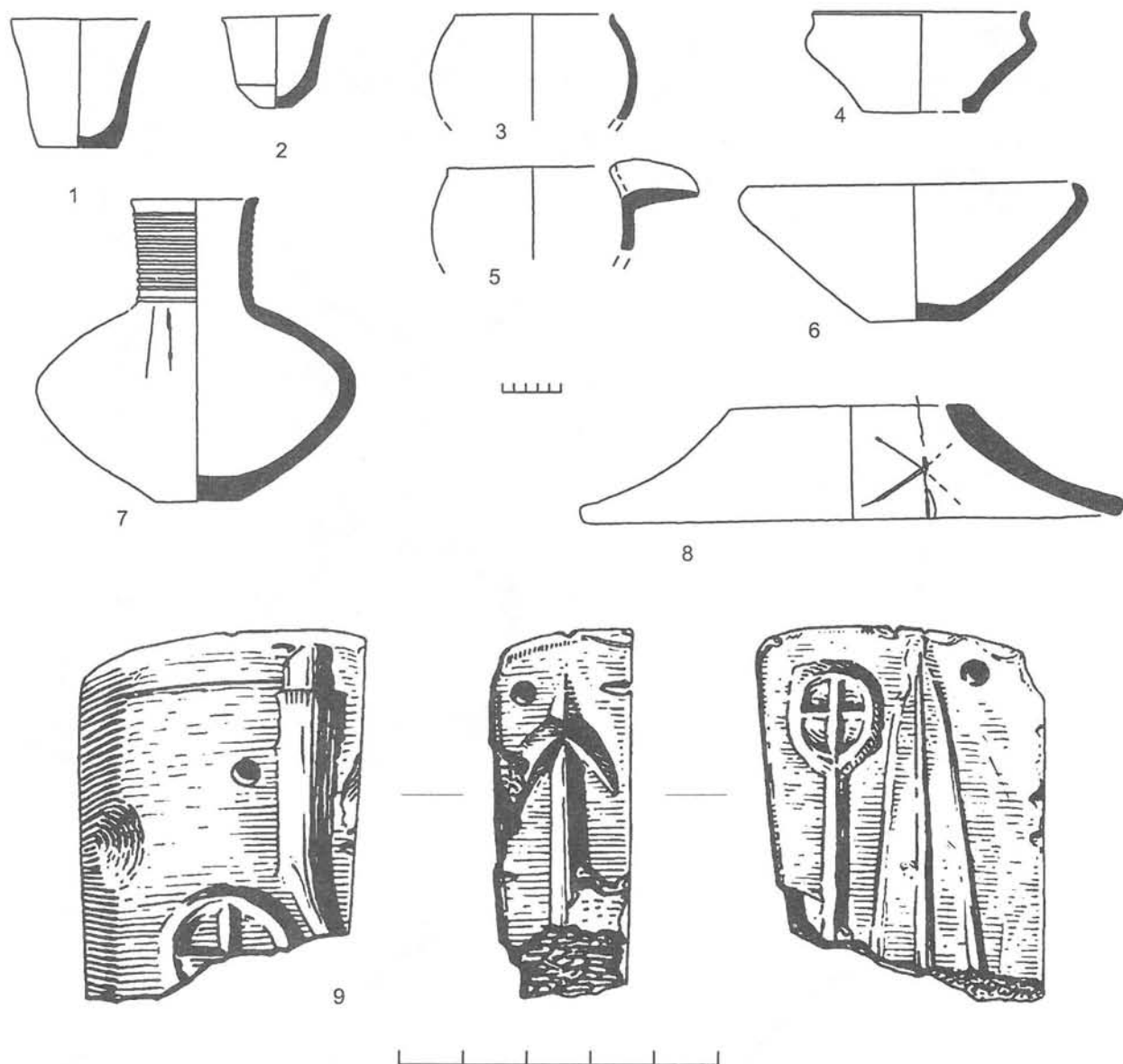

Рис. 4. Период II. 1—8 керамика; 9 — каменная литейная форма.

Fig. 4. Period II. 1—8 — pottery; 9 — stone mould.

(57,8—60,6% в разных выборках), а среди форм — хумы, хумчи, горшки, крышки, что обусловлено, вероятно, хозяйственным назначением помещений 3 и 4.

По функциональному принципу глиняная посуда делится на столовую, хозяйственную и кухонную. В кухонных горшках, кроме их функционального использования, хоронили младенцев — они раскопаны во всех периодах Теккема. Две другие группы керамики сопровождали покойного в могиле: все формы, включая и хумы средней величины, представлены в могилах. Та же картина прослеживается и в могильниках Сумбара, Маргианы, Северной и Южной Бактрии.

Пока не удастся проследить эволюцию определенных форм керамики в течение ЭПБ и переходе к РЖВ. Однако некоторые наблюдения уже фиксируются.

Ранний период (Вышка I), связанный с функционированием хранилища продуктов, представлен в основном формами тарной посуды (хум, хумча, миска, крышки). Керамика Вышки II отражает переходный период, в котором появляются такие формы как кольцевые подставки, кубки, глубокие миски с загнутым внутрь или отогнутым наружу венчиком, высокогорные кувшины (рис. 4: 1—8). Четыре последние формы представлены сероглиняными и красноангобированными изделиями, часто с вертикальным или круговым горизонтальным лощением.

Керамика верхних горизонтов (Вышка III₁₋₄) демонстрирует дальнейшее сокращение светлофоновой посуды первых двух групп (34,1%) и увеличение краснофоновой (31,2%), особенно краснолощеной, и сероглиняной (17,9%) керамики. В этих же слоях в значитель-

ном числе (16,7%) присутствует керамика степного типа и отдельные черепки типа Яз I (рис. 5: 10—12, 25, 27, 29, 31). Степная посуда выделяется резным орнаментом и наклепными валиками (Хлопина 1972: рис. 1—3), отражающими, вероятно, разновременные контакты земледельцев «вышки» с соседями (Щетенко, Кутимов 1999: 121). Подтверждением этого могут служить и новации в оформлении гончарной посуды земледельцев (рис. 5: 21, 22, 24, 25). Это — прочерченный по сырой глине гребнем орнамент в виде «волн» (Массон 1959: табл. VI, 1—3, 5—7, 11) и разных символов: крест, свастика, фигурки животных, птиц.

Важную роль при определении возраста выделенных археологических комплексов имеет ряд керамических форм и некоторые виды артефактов, находящие аналогии в других культурах Центральной Азии и иных территорий, вплоть до Центральной Европы, ибо именно тогда, в финальную пору ЭПБ «в течение нескольких столетий на огромных пространствах Евразии произошли скачкообразные изменения, выразившиеся в образовании новых культур и культурно-исторических общностей» (Черных 1983: 91).

Одним из характерных типов керамики НМЗ VI является красноглиняный и сероглиняный (часто с вертикальным или круговым горизонтальным лощением) кубок с ребром и вогнутыми в верхней части сторонами (рис. 4: 2); на Теккеме эти кубки известны в десятках экземплярах, включая целые сосуды. Но эта форма совершенно не известна в комплексах всех этапов сапаллинской культуры. Один миниатюрный кубок молалинского этапа (очень редкий тип, есть только на поселениях) напоминает, по мнению А. Аскарва, цилиндрические сосуды ахеменидского времени (Аскарв 1977: рис. 32, тип II-2; 85—86). Два других кубка (со сглаженным ребром) найдены в могиле молалинского этапа (Аскарв 1977: табл. LXI, 12.14). Нет кубков и среди 17 сосудов (четыре типа) могильника Янги-кала (Ганялин 1956а: 381, рис. 4), лишь три кубка найдено в могильнике Сумбар I (Хлопин 1983: 32; табл. II, 5; XXXI, 8; XLV, 4). Отсутствуют они и среди 91 сосуда (14 типов) могильника Тахтабазар в долине Мургаба (Удеумуратов 1993: 75—76, рис. 31).

С другой стороны, в Маргиане известны кубки более приземистых пропорций со сглаженным ребром: три на поселении Тахирбай 3 (шурф I, ярус II) и два сосуда из погребения того же шурфа (Массон 1959: табл. VI, 15, 17; VIII, 5; IX, 4, 6). Из 139 погребений Аучина I, Гонура I, Тоголока I, 21 и 24 лишь в двух встречены кубки часто без ребра в нижней трети сосуда. На Аучине I — два таких кубка зафиксированы в шурфе 3 (Сарианиди 1990: табл. I, 10, 11), а в шести погребениях они не

найжены. На Тоголоке 21 десять кубков (из 57 сосудов погребального инвентаря) оказались только в пяти могилах из 66 (Сарианиди 1990: табл. XCIV, 1; XCVa, 4, 6; XCVI, 8; XCVIIB, 18; XCVIIB, 1; XCIX, 12, 13, 14; C, 4). Это говорит о необходимости выделения разновременных погребений в мургабских могильниках.

В Южной Бактрии эта форма под названием «банка цилиндрикоконическая» составляет «весьма ограниченную категорию посуды» (Сарианиди 1974: 61, рис. 8, группа X, 1) и вместе с банкой цилиндрической становится популярной в местной посуде РЖВ.

В опубликованных материалах Гиссара форма кубка также не популярна. Лишь в одном погребении (X-42) Гиссара IIIВ (по классификации Е. Шмидта) вместе с узкогорлым графином с валиком у основания горла и с вертикальным полосчатым лощением найден кубок теккемовского типа (Schmidt E. 1937: 150, pl. XXXVII, H 5011; XXXVIII, H 5011). Оба сосуда сероглиняные и сделаны вручную.

К более позднему времени следует отнести сероглиняные сосуды с вертикальным лощением (миску, кувшин и кубок-стакан) из могилы с подбоем (№ 56), впущенной в верхние слои Теккема. На Намазге такой кубок (рис. 4: 1) найден в погребении 4 в траншее 1975 г., в 20 м от раскопа А. А. Марущенко, где на том же уровне в погребении найдены железные бусы (Кузьмина 1966: 99, табл. XV, 10).

Следовательно, кроющие слои Намазга относятся уже к эпохе РЖВ, а не ЭПБ, как это считалось до сих пор. Это подтверждается находкой аналогичной керамики в контексте других поселений РЖВ. Точные копии таких гончарных кубков есть в могилах переходного этапа от ЭПБ к РЖВ на Улуг-депе (Сарианиди, Качурис 1968: 344—345). В одной могиле (№ 1) Сялка VI А (Ghirshman 1939: pl. XXXVII, S 437) также найден темно-серый кубок аналогичного профиля вместе с глубокими мисками с выкружкой у дна, триподом и бокалами на кольцевых поддонах.

Другая ведущая форма Намазга и Теккема — ваза на рифленой ножке представлена единственным экземпляром в могильнике Сумбар I (Хлопин 1983: 32). В 12 могилах (из 200) Сумбара и в четырех (из 12) в Янги-кала найдены вазы на высоком полове поддоне, неизвестные на Намазге и Теккеме. Для последних характерны формы, имеющие аналогии в материалах Маргианы и Северной Бактрии джаркутанского и молалинского этапов (Аскарв 1977: табл. LII; LX, 2—4, 5; LXI, 5.18), а также в могильниках Южного Таджикистана (Антонова, Виноградова 1979: рис. 5; Пьянкова 1979: рис. 2).

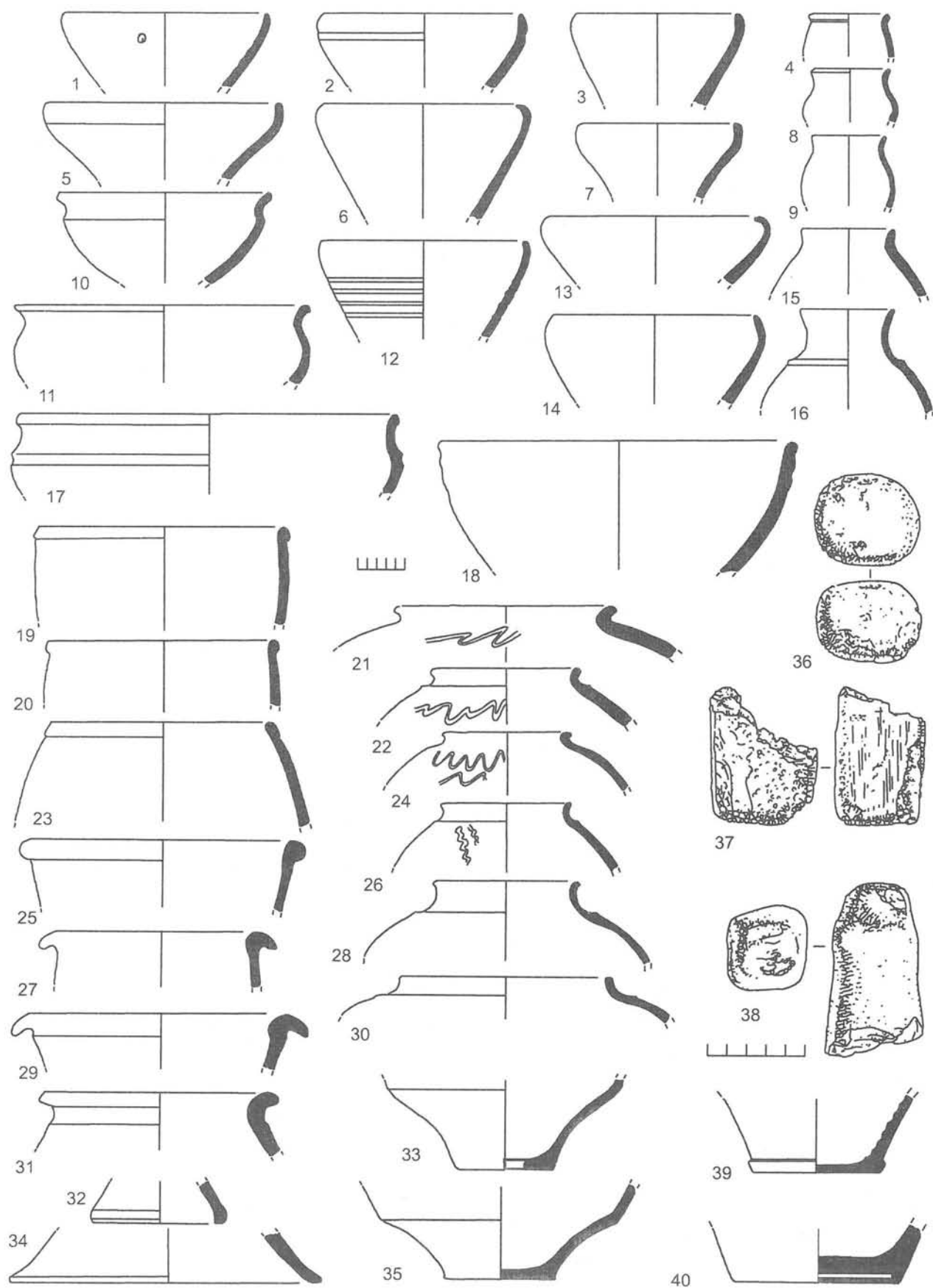

Рис. 5. Период III. 1—35, 39, 40 — керамика; 36—38 — изделия из камня.

Fig. 5. Period III. 1—35, 39, 40 — pottery; 36—38 — stone implements.

Миски с загнутым внутрь венчиком (рис. 4: 6) и миски с ребром (рис. 4: 4) не характерны для мургабских и янгикалинских могильников. Лишь одна найдена в сумбарском погребении (Хлопин 1983: табл. XXXVIII, 11). Но их разновидности (без ребра) появляются на раннем этапе сапаллинской культуры и «в комплексах керамики джаркутанского периода они составляют основную часть» (Аскарлов 1977: 82). Другие формы мисок, чаш, кувшинов, горшков, подставок (рис. 4: 3, 5, 8) Намазга и Теккема имеют аналогии в материалах сапаллинской культуры, особенно ее джаркутанского этапа (Аскарлов 1977: рис. 32).

Ряд форм (полусферические чаши с ребром, конические чаши со сливом, горшочки с открытым носиком, чайники со сложным носиком-сливом) с отличиями в деталях (наличие или отсутствие ручек) есть в Сумбарских могильниках и в материалах архаического Дахистана (Хлопин 1983: 33—34). Горшкообразные чаши¹² (без ручек) со сливом и вертикальным (иногда горизонтальным) полосчатым лощением, включая изделия из серой глины, есть и в Сапаллитепа (Аскарлов 1973: 78, табл. 17: 3, 15, 16; табл. 21: 1, 2, 12—17, 19; рис. 33: 1, 2, 4). На «вышке» и Теккеме эти формы (без ручек) представлены в красноглиняной и сероглиняной посуде (рис. 4: 3, 5, 6).

Миски для отцеживания (цедилки) характерны для позднего комплекса «вышки» (Хлопина 1971: 212—213). Они отсутствуют в погребальном инвентаре Сумбарских могильников, а в материалах Дахистана представлены отличным типом глиняных чаш с одной ручкой — «ситечками» (Массон 1956а: рис. 32, 5; рис. 45). Цедилки намазгинского типа (рис. 5: 33) известны с однослойного поселения Тегузак (Пьянкова 1988: 255, рис. 5, 3), а также в Нурекских могильниках. Тегузак керамическими аналогиями (гончарные вазы, миски, кувшины, горшки) связан с молалинским этапом сапаллинской культуры. Здесь же найдена керамика степного круга, которая позволяет датировать Тегузак в целом финальным этапом ЭПБ (Пьянкова 1988: 259).¹³ В средних слоях Теккема найдены фрагменты алакульской керамики (Щетенко 1999: рис. 3: 9—10). В верхних слоях «вышки» и Теккема также присутствует значительный процент степной керамики, которую мы связываем с алексеевско-саргаринской традицией (Щетенко, Кутимов 1999: 119).

Круглые глиняные крышки, часто с прочерченными знаками (крест, круг, и пр.) ха-

рактерны для раннего комплекса «вышки» (рис. 3: 1), а крышки с петлевидными ручками, вместе с кольцевыми подставками (рис. 5: 34), часто со знаками (крест, свастика, птица, козел) — для позднего. Две последние формы находят себе аналогии в комплексах раннего этапа Яз I долины Мургаба (Массон 1959: XXIII, 3; XXVII, 4, 8—10; XXVIII, 10, 11) и архаического Дахистана (Массон 1956а: рис. 29, 12), кольцевые подставки (рис. 4: 8) — в комплексах джаркутанского этапа сапаллинской культуры (Аскарлов, Ширинов 1991: рис. 1—2).

Уникален тип кольцевой подставки в виде «песочных часов» (рис. 5: 32). Они характерны для поздних комплексов НМЗ VI, иногда с прочерченными знаками, и имеют аналогии в Маргиане в комплексе РЖВ из третьего яруса поселения Уч-депе I (Сарианиди 1990: LXV).

В комплексе Вышка III₃ выделяется лепная керамика типа Яз-депе I долины Мургаба. Это венчики крючкообразной формы от хумов или крупных открытых мисок (рис. 5: 25, 27, 29, 31). Характерная деталь — желобки (от одного до четырех) под венчиком (рис. 5: 2, 12) отмечены в обоих регионах (Массон 1959: табл. XXIV, 1, 3, 4). Другая особенность этого комплекса — гофрировка внутренней поверхности чаш (рис. 5: 39). Этот прием известен на иранской керамике ЭПБ поселения Талли-и Малиан (Sumner 1974: fig. 8, a, b), где найдены «кормушки» — аналоги туркменским «корытцам».

Особого внимания заслуживают наlepные валики на лепной керамике. На «вышке» отмечен лишь один гладкий валик у основания шейки кувшина (рис. 5: 16), а в материалах верхних слоев Теккема найдено только семь таких валиков, часть из них с насечками (Щетенко, Кутимов 1999: 119; рис. 5, рис. 6, 9). Налepные валики характерны и для комплекса Яз I (Массон 1959: табл. XX, 28; XXI, 5; XXIII, 5; XXIV, 2; XXVII, 7; XXVIII 2, 6; XXIX, 5).

Чаще на «вышке» встречаются рельефные валики (иногда два), моделируемые в процессе изготовления сосуда на круге (рис. 5: 17, 22, 26, 28, 30). Аналогии им имеются в упомянутом комплексе Талли-и Малиана: валики единичные (Sumner 1974: fig. 8, c, e, f.) и двойные (Sumner 1974: fig. 8, g, h).

Налepные валики являются одним из признаков керамики финального этапа ЭПБ.

¹² В названии форм керамики я следую за авторами публикаций, чтобы не создавать путаницы.

¹³ Особого внимания заслуживают два крупных сероглиняных горшка с четким уступом при переходе горла в тулово (Пьянкова 1988: рис. 6: 1, 2). Автор консультировалась с авторитетом в этой области — Е. Е. Кузьминой, по мнению которой, технологические особенности крепления дна первого горшка свидетельствуют об алакульской традиции (Пьянкова 1988: 258). Аналогичный технологический прием зафиксирован у горшка с «вышки» Намазга-депе (Хлопина 1972: 63) и у двойного донца (рис. 5: 40).

«В первой половине XII в. до н. э. произошло перерастание федоровских комплексов и ряда андронидных культур в культуры валиковой керамики» (Зданович 1988: 148). В то же время изучение металла культур валиковой керамики в глобальном масштабе также указывает на сложение общности культур валиковой керамики на востоке в ряде комплексов саргаринской культуры «в весьма короткий отрезок времени — преимущественно в XIII/XII вв. до н. э.» (Черных 1983: 95). На Теккеме такие валики (и еще шесть орнаментальных мотивов) находят аналогии в глиняной посуде поселений Канай и Усть-Нарым (Щетенко 1999а: 328). Эти материалы, по современным представлениям, хорошо соотносятся «с поселенческими керамическими комплексами федоровской культуры Зауралья, Северного и Центрально-го Казахстана» (Зданович 1988: 146).

Металлические вещи не известны в ранних комплексах. В переходный период (Вышка II) вместе с сероглиняным кувшином и тремя чашами найден фрагмент каменной литейной формы. В ней отливались пять предметов: 1) двулезвийный наконечник; 2) две булавки (короткая и длинная) с крестовидными кольцевыми навершиями; 3) булава с серповидным навершием; 4) маленький нож с загнутым лезвием и коротким черенком.

Каменные формы из ямы кузнеца Теккема (Щетенко 1999: рис. 2, 1, 5—8), вместе с уже упомянутой матрицей, дают представление о других типах вещей этого периода.¹⁴ Это — двулезвийный нож с черенком (круглого сечения) и кольцевым упором. Одновременно отливалось два ножа: длина одного — 9 см, второго — 8,2 см. Максимальная ширина клинков у ножей приходится на середину изделия. Из позднего комплекса (Вышка III₃) происходит нож (реконструируемая длина 8,2 см), вероятно, отлитый в одной из таких форм (Кузьмина 1966: табл. VI, 14).

Похожие предметы есть и в погребениях могильника Пархай I, где они названы дротиком и стрелой (Хлопин 1983: табл. LXI, 5, 11). От намазгинского ножа их отличают более вытянутые пропорции и крупные размеры (12 и 15 см), а максимальное расширение треугольной формы лезвия находится ближе к кольцевому упору.

Ножи с кольцевым упором широко представлены в культурах ЭПБ от Трансильвании на западе до Средней Азии на востоке (Дергачев 1975: 54—56; Щетенко 1999а: 329—330). Считают, что расположение максимального расширения клинка у ножей с кольцевым упором является хронологическим признаком: наиболее ранние имеют такое расширение ближе к упору, поздние — в середине лезвия, но оба типа характерны для финального этапа ЭПБ (Дергачев 1975: 55). По этому критерию дротики из могильника Пархай будут чуть моложе ножей «вышки» и Теккема, если последние действительно ножи.¹⁵

Второй тип изделий — булавки с крестовидным кольцевым навершием известен в могильниках Сумбара и Янги-кала. Он представлен двумя вариантами: длинным стержнем с гладким навершием и короткой булавкой с навершием с пятью выступами. Первый вариант известен только по литейной форме с «вышки», второй — по двум булавкам в погребении Янги-кала (Ганялин 1956: 379, рис. 3). Две булавки первого варианта найдены в могиле Сумбара II (Хлопин 1983, табл. L, 10, 11), а две булавки второго варианта в погребении Пархай I (Хлопин 1983: табл. LIII, 3, 4).

Точная копия первому варианту булавок происходит из клада ЭПБ в Восточной Румынии. В нем найдено четыре каменные литейные формы для отливки двулезвийных ножей, плоских топоров, пуговиц с петелькой, булавок с крестовидным навершием (Petrescu-Dîmbovița: 1977: 60, fig. 49, 1—5). Весь набор изделий, за исключением топора, соответствует предметам, изготовляемым в это же время на поселениях Теккема и Намазга.

Если же рассматривать оба варианта булавок Южной Туркмении как разновидности всего класса булавок с кольцевым навершием, то к нашим аналогиям можно добавить и булавки аналогичной формы (с круглым дополнительным ушком на верхней части навершия) культуры курганных погребений Центральной Европы, датируемой XIV—XIII вв. до н. э. (Монгайт 1974: 60, рис. 13).

Третий тип изделий — пуговицы круглой формы с литой петелькой на внутренней слегка вогнутой стороне отливались в каменной матрице вместе с ножом с кольцевым уступом. По рядам круглых пятен нагара на литейных каменных крышках видно, что пуговицы и

¹⁴ Местное производство этих изделий подтверждается наличием на Теккеме медеплавильных горнов, а также находками возле них глиняных тиглей, сопел, выплесков металла и шлаков (Щетенко 1999а: 275, рис. 1.4).

¹⁵ Ножами эти изделия признали специалисты культур степной бронзы: В. С. Бочкарев (в личной беседе) и Е. Н. Черных (1983: 87). Если же это дротики, то их прототипы следует искать в комплексах соседнего Ирана, и вопрос о хронологии также потребует корректировки. В Гияне II в могиле 77 найдено 12 наконечников крупных (12—13,5 см) стрел или дротиков, среди которых представлены и образцы с упором у черенка (Contentau, Ghirshman 1935: 30; pl. 24, 11).

круглые бляшки изготовлялись целыми сериями: от трех и более — пуговицы (форма обломана) и до пяти и более — бляшки. Целая бронзовая пуговица (диаметр 2,2 см) вместе с формой для ее отливки найдена с керамикой и каменными орудиями в яме литейщика Теккема (рис. 4: 3). До этого такие пуговицы в стратиграфических комплексах юга Средней Азии были известны лишь на поселении Яздепе в комплексе Яз-1 (Массон 1959: табл. XXXIII, 2) и в культуре Анау III (Schmidt H. 1908: fig. 259). Серебряная пуговица этого типа найдена на северном холме Гиссара (Schmidt E. 1937: pl. LV, Н 2631). Бронзовый экземпляр вместе с булавкой с серповидным навершием происходит из слоев Шах-Тепе II (Arne 1945: 64).

Из бронзовых пуговиц конской упряжи некрополя «Б» Сиалка только одна, но более крупных размеров (4,5 см) из могилы 15 типологически близка теккемовским образцам (Ghirshman 1939: pl. LVI, № 819 а). В Гияне I в погребении 3 вместе с железным кинжалом, бронзовыми удилами, трехдырчатыми псалиями и наконечником дротика с упором у черенка оказалось 26 пуговиц. Пуговицы среднего размера, как и одна из трех пуговиц из могилы 52 (Contentau, Ghirshman 1935: pl. V, 6; pl. 18), типологически сопоставимы с находками Теккема. С другой стороны, бляшки-пуговицы с петелькой встречены только в федоровских памятниках, и одна каменная литейная форма для их отливки найдена на поселении Явленка I (Аванесова 1991: 65, рис. 55, 12).

Уникальным является предмет, напоминающий вотивные топорики из могил джаркутанского этапа сапалли (Ионесов 1990: 9, рис. 1). Похожие миниатюрные бронзовые изделия погребального культа найдены в могилах пилинской культуры (наследнице курганной культуры) финальной бронзы Восточной Венгрии (Монгайт 1974: 87).

Поздний комплекс НМЗ VI представлен на «вышке» двумя однолезвийными (один с выделенной рукоятью) и одним двулезвийным ножами, фрагментом ножа, браслетом в полтора витка и куском пластины, а также коротким шилом и фрагментом каменной литейной формы, вероятно, для отливки двулезвийных ножей с упором у черенка (Хлопина 1978: 13). Однолезвийные ножи имеют аналогии в комплексах Яз I Маргианы (Массон 1959: табл. XXXIII, 11; 2 — пуговица с литой петелькой) и в материалах Ферганы (Спришевский 1954: рис. 3; Заднепровский 1962: табл. XXII, 1). Интересно, что в Чусте эти ножи найдены вместе с фрагментами каменных «колонок», а в Дальверзине первые поселенцы использовали квадратные очаги (Заднепровский 1962: табл. VIII, 3), характерные для

поздних комплексов Намазга (Вышка III) и Теккема. Последнее исследование металлических изделий земледельцев Ферганы, действительно, предполагает выделение двух этапов в существовании их культуры, помещая комплексы Дальверзина раньше чувских (Рузанов 1999: 48).

Среди каменных изделий — пестов, наверший булавы, ткацких грузил (Щетенко 1999а: 331—333, рис. 5) особо следует выделить каменные «колонки». Целый экземпляр «классической» формы, десятками представленной в памятниках Мургаба (Сарианиди 1990: табл. LXXXIX), найден *in situ* на одном из ранних полов Теккема вместе с сероглиняной и красноглиняной керамикой, заготовкой булавы (из того же сорта мраморовидного камня, что и «колонка») и с бронзовым наконечником дротика. Другая «колонка», вполнину меньших размеров, находилась на одном из верхних полов помещения 3 «вышки» (рис. 3: 6). В верхних же слоях найдены и все шесть пестов, в том числе и экземпляры с выступами-шишечками (рис. 5: 36—38). На Теккеме единственный (из 27) пест-скипетр с округлой головкой с четырьмя выступами найден вместе со сложным носиком краснолощеного чайника и сероглиняной керамикой на полу хозяйственной постройки позднего периода.

Отсутствие погребений в кроющих слоях обоих памятников (на «вышке» вскрыто около 0,2 га, на Теккеме — 0,5 га) свидетельствует о том, что на поздних этапах существования поселений уже существовали могильники, вынесенные за границы поселений. Лишь детей хоронили традиционно под полами (порогами) жилищ, часто в сосудах. Ранний могильник Теккема демонстрирует захоронения в заброшенных помещениях (Щетенко, Павлов 1992). Погребенные укладывались в скорченной позе на левый или правый бок, головой в основном на северо-запад. Два-три сосуда и бронзовые заколки найдены в могилах. Переходный период на Теккеме дал погребение (№ 56) в подбое — обряд хорошо известный в Сумбарских могильниках и на всех этапах культуры Сапалли.

Итак, культурные напластования «вышки» Намазга скрывают остатки, по крайней мере, трех археологических комплексов, демонстрирующих значительные отличия в материальной культуре. Если переходный этап (Вышка II) дал лишь остатки стен, то ранний комплекс (Вышка I₁₋₃) и поздний (Вышка III₁₋₄) характеризуются принципиально разными планировочными и архитектурными схемами. Первый представлен частью многокомнатного здания (на невысокой платформе) регулярной планировки, трижды повторенной при перестройках. Второй де-

монстрирует схему, состоящую из отдельных домохозяйств (жилое помещение с хозяйственными пристройками), разделенных коммуникационными линиями — улицами, переулками и тупиками. Материальная культура этих комплексов также демонстрирует определенные отличия: в преобладании того или иного типа керамики, форм сосудов, изделий из камня и металла. С периода Вышка II начинаются контакты с алакульско-федоровскими племенами степной бронзы. На заключительных этапах существования поселения (Вышка III) усиливаются контакты с носителями культур саргарино-алексеевской круга.

Важным является и выявление временных разрывов в культурных наслоениях обоих памятников, что еще раз ставит вопрос о появлении нового населения в ЭПБ в подгорной равнине Копетдага. Первый разрыв фиксируется после комплекса НМЗ V, второй — после прекращения существования многокомнатного здания (Вышка I), и, возможно, третий — после оставления помещения 2 (Вышка II).

В новых археологических комплексах отсутствуют основные категории артефактов (перегородчатые печати, женские статуэтки, формы посуды, набор металлических и каменных орудий), связанные с повседневной жизнью и идеологией, столь характерные для НМЗ V. Меняется и архитектура: монументальная постройка на платформе (Вышка I) и крепость за стеной с башнями (ранний Теккем) никак не напоминают планировку верхних горизонтов Алтын-депе (Массон 1981: рис. 12, 13, 15).¹⁶ Последние похожи на домохозяйства «вышки» Намазга и верхнего горизонта Теккема. Им ближе по типу и строительным при-

емам архитектура многокомнатных массивов и крепостей ЭПБ Маргианы (Сарианиди 1997: рис. 2, 8, 12, 13).

Вопрос о появлении нового населения в Южном Туркменистане уже обсуждался. На основе анализа погребальных комплексов В. А. Алекшин предположил приход с востока носителей культуры сапалли, практиковавших захоронения в катакомбах, при сохранении местным населением своих традиций в материальной культуре (Алекшин 1980: 30). В. И. Сарианиди отстаивал восточноиранские истоки (Сарианиди 1974: 69). В последних своих работах он остановился на сиро-анатолийском центре и даже проложил предполагаемый маршрут через Элам, Гилян, Хорасан, Восточный Иран (Сарианиди 1999: 73). Откуда бы не пришли носители новой археологической культуры, ясно одно: это было новое население, не связанное с местной намазгинской культурой эпохи развитой бронзы.

В целом, период НМЗ VI, если следовать прежней терминологии, это не только ЭПБ, но и РЖВ. Он занимает значительно больший отрезок времени, чем это представлялось ранее: не менее 800—1000 лет (учитывая и перерывы), как свидетельствует серия радиоуглеродных определений (Долуханов, Този, Щетенко 1985: 122) и восемь строительных периодов восьми-метровой «вышки» Намазга. На Теккеме они составляют 11 м. Все это определенно удревняет ранние комплексы НМЗ VI и сближает, таким образом, хронологические схемы российских и западных исследователей.¹⁷ Абсолютные даты выделенных археологических комплексов требуют специального исследования.

Аванесова, Н. А. 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент.

Алекшин, В. А. 1980. К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы (по материалам захоронений) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 161: 24—31. Москва: Наука.

Антонова, Е. В., Н. Вишгорова. 1979. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане XIV: 93—109. Душанбе: Дониш

Аскаров, А. 1973. Сапаллитепа. Ташкент: Фан.
1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент: Фан.

Аскаров, А. А., Т. Ширшов. 1991. О некоторых группах культовой керамики Джаркутана // История материальной культуры Узбекистана 25: 33—56. Ташкент: Фан.

Березкин, Ю. Е. 1994. Город «мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н. э. // Вестник древней истории 3: 14—37.

1997. Америка и Ближний Восток: Формы социополитической организации в догосударственную эпоху // Вестник древней истории 1: 3—24.

Ганяли, А. Ф. 1956. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII: 374—384. Ашхабад: Академия наук ТССР.

Дергачев, В. А. 1975. Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца.

Долуханов, П. М., М. Този, А. Я. Щетенко. 1985. Серия радиоуглеродных датировок из наслоений эпохи бронзы на Намазга-депе // Советская археология 4: 118—123.

¹⁶ Современный взгляд на архитектурные принципы застройки Алтын-депе и интерпретацию его социальной структуры рассмотрен в ряде работ Ю. Е. Березкина (Березкин 1994, 1997).

¹⁷ Причину столь существенных расхождений в датировках культур эпохи бронзы в одной из своих последних работ прояснил В. М. Массон: «Возможно, эти традиционные датировки оседлых культур юга (строкой выше автор именуется их «урбанизированные культуры юга Средней Азии.» — А. Ш.) придется несколько углубить, возвращаясь к длинной хронологии Д. Макауна, которой автор предпочел в свое время схему, выдвигавшуюся Г. Чайлдом» (Массон 1999: 270).

- Заонепровский, Ю. А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы // *Материалы и исследования по археологии СССР* 118. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
- Зданович, Г. Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Уральский университет.
- Ионесов, В. И. 1990. Некоторые данные о могильнике Джаркутан-4В // *История материальной культуры Узбекистана* 24: 8—18. Ташкент: Фан.
- Кузьмина, Е. Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Археология СССР. Свод археологических источников В 4—9. Москва: Наука.
- Кутимов, Ю. Г. 1999. Культурная атрибуция керамики стеного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // *STRATUM Plus 2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций*: 314—322. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса: Высшая антропологическая школа.
- Куфтина, Б. А. 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау» // *Известия Академии наук ТССР* 1: 22—29. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР.
1956. Полевой отчет о работах XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культур первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII*: 260—290. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР.
- Массон, В. М. 1956. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII*: Ашхабад: 291—373. Ашхабад: Академия наук ТССР.
- 1956а. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции VII*: 385—457. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР.
1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // *Материалы и исследования по археологии СССР* 73. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
1981. Алтын-депе // *Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции XVIII*. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР.
1999. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *STRATUM Plus 2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций*: 265—285. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса: Высшая антропологическая школа.
- Монгайт, А. Л. 1974. Археология Западной Европы. Москва: Наука.
- Пьяикова, Л. Т. 1988. Раскопки на поселении Тегузак в 1981 г. // *Археологические работы в Таджикистане XXI*: 247—263. Душанбе: Дониш.
- Рузиков, В. Д. 1999. Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста // *Новое о древнем и средневековом Кыргызстане*. 2: 46—48. Бишкек: Мурас.
- Сариати, В. И. 1974. Бактрия в эпоху бронзы // *Советская археология* 4: 49—71.
1990. Древности страны Маргуш, Ашхабад: Ылым.
1997. Теменос Гонура // *Вестник древней истории* 1: 148—168.
1999. Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // *Вестник древней истории* 1: 53—73.
- Сариати, В. И., К. Качурис. 1968. Раскопки на Улудеде // *Археологические открытия 1967 года*: 342—345. Москва: Наука.
- Спришевский, В. И. 1954. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.) // *Советская этнография* 3: 69—76.
- Удемурадов, Б. Н. 1993. Алтын-депе и Маргиана: связь, хронология, происхождение. Ашгабат: Ылым.
- Хлопин, И. Н. 1974. Полевой отчет о работе Сумбарской группы XIV отряда ЮТАКЭ // *Рукописный архив ИИМК РАН*. Ф. № 35, Оп. № 1, 1974, № дела 137.
1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Ленинград: Наука.
- Хлопина, Л. И. 1971. Новый тип посуды эпохи бронзы (Южная Туркмения) // *Советская археология* 4: 212—213.
1972. Кухонная керамика времени Намазга VI // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР* 132: 59—64.
1978. Намазга-депе в эпоху поздней бронзы Южной Туркмении. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Черных, Е. Н. 1983. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*: 81—99. Челябинск: Башкирский университет.
- Щетенко, А. Я. 1999. Литейные формы эпохи поздней бронзы с поселения Теккем-депе (Южный Туркменистан) // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова)*: 271—278. Запорожье: Запорожский госуниверситет.
- 1999а. О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // *STRATUM Plus 2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций*: 323—335. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса: Высшая антропологическая школа.
2000. К проблеме периодизации культуры Намазга VI // *Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона. Российско-Туркменистанские культурные связи и взаимодействия*. Вып. I: 127—141. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Щетенко, А. Я., П. Г. Павлов. 1992. Ранний могильник Теккем-депе // *Северная Евразия от Древности до Средневековья. Археологические изыскания* 2: 62—64. Санкт-Петербург.
- Щетенко, А. Я., Ю. Г. Кутимов. 1999. Керамика стеного облика поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // *Археологические Вести* 6: 114—123. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Arne, T. J. 1945. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm.
- Contentau, G., R. Ghirshman. 1935. Fouilles du Tepe-Giyan près de Nehavend 1931 et 1932. Musée du Louvre — Département des antiquités orientales. Série archéologique. Tom III. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner.
- Ghirshman, R. 1939. Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937. Vol. II. Musée du Louvre — Département des antiquités orientales. Série archéologique. Tom V. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner.
- Hlopina, L. I. 1972. Southern Turkmenia in the Late Bronze Age // *East and West* 22 (3—4): 199—214. Rome: IsMEO.
- Kolh, Ph.L. 1984. Central Asia Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Edition Recherches sur les Civilisations.
- McCown, D. E. 1942. Comparative Stratigraphy of Early Iran. Studies in Ancient Oriental Civilization 23. Chicago: Oriental Institute of University of Chicago.
- Petrescu-Dimbovița, M. 1977. Depozitele de Bronzuri din România. Bucureti.
- Pumpelly, R. (ed.). 1908. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment. I, II. Washington: Carnegie Institution of Washington.
- Schmidt, E. F. 1937. Excavations at Tepe-Hissar, Damgan. Philadelphia.
- Schmidt, H. 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly, R. (ed.). Explorations in Turkestan I: 81—186. Washington: Carnegie Institution of Washington.
- Summer, W. 1974. Excavations at Tall-i Malyān, 1971—71 // *Iran* XII: 155—180.

ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE LATE BRONZE AGE OF SOUTH TURKMENISTAN

(Based on materials of Namazga-depe)

A. YA. SHCHETENKO

A stratigraphical methods of R. Pumpelly and H. Schmidt (Pumpelly 1908) and idea of D. E. McCown's comparative archaeology (McCown 1942) were put down in the basis of an archaeological periodization of cultures South Turkmenistan, and later and all Central Asia, developed by B. A. Kuftin (Куфтин 1954, 1956) and entered in a science by V. M. Masson (Массон 1956, 1959).

Based on materials from five test excavations of the settlement Namazga-depe (Namazga) B. A. Kuftin has offered, instead of the scheme R. Pumpelly—H. Schmidt, new scale in which complex of Anau III he has divided into three: Namazga (NMZ) IV, V, VI, received name of cultures.

Namazga is situated 105 km to the east of hills Anau and 117 km of Ashkhabad and 6 km to the south-west of the Central-Asian Railroad station of Kaakhka (fig. 1).

This huge (46 ha) prolated with north on the south hill in the plan of the form of sub-triangle slightly (рис. 2: II). In northern part there is a high hill (8 м) — «vyshka» (watch-tower), where there are the layers of Late Bronze Age (LBA) — culture NMZ VI, dated the 2 half of the 2 thousand BC, were revealed (fig. 2: IV—V).

In the given article the new materials with «vyshka» are published which allow to interpret on the more broad basis (architecture, item from a stone and metal, burials) B. A. Kuftin's complexes as the archaeological rests of cultures the LBA and Early Iron Age, have cultural — historical connection with agricultural civilisations and steppe tribes of adjacent regions. «The Culture NMZ VI» is treated as series phases of development two archaeological cultures pre-emptive epoch of desolation of life on a settlement (fig. 2: IV-V). The materials of the settlement the LBA Tekkem-depe (Tekkem) located 2 km to the south of Namazga (fig. 1), supplement the data «vyshka». It allows, as a whole, to correct the

top part of B. A. Kuftin's scheme, as such amendments are already offered (Kohl 1984; Щетенко 2000).

So the cultural layers of «vyshka» hide the rests on an extreme measure three archaeological complexes, demonstrating significant difference in material culture. If the transient period Vyshka II (fig. 2: II — hatched walls) has given only remains of walls, an early complex Vyshka I₁₋₃ (fig. 2: II — black walls) and late complex Vyshka III₁₋₄ (fig. 2: II — white walls) are characterised in essence different layout and architectural schemes. First period is shown by a part of the multiroom building (on a low platform) regular layout three times repeated at reorganisations. Second period demonstrates the scheme consisting from separate households (a separate living rooms with economic additions) divided by communication lines — streets, lanes and docks.

The material culture these complexes also demonstrates certain differences: in a dominance of that or other type of ceramics, forms of vessels, items from a stone and metal (fig. 3, 4, 5). The contacts with cattle-breeders' tribes of steppe bronze of Alakul-Fedorovo type begin with period Vyshka II changed on final phases of existence of a settlement the stay or often visits of the tribes of Sargarino-Alekseevskaya of circle.

As a whole, the period NMZ VI takes the much greater interval of time than it was represented earlier: not less than 700 years, as a series of radiocarbon definitions (Долуханов, Този, Щетенко 1985: 122) and eight building periods eight-meter «vyshka» Namazga testifies. On Tekkem these layers reach 11 m. Important the detection of time gaps in cultural stratification of both monuments is also. All this definitely make more old the early complexes NMZ VI also pulls together thus chronological schemes of Russian and Western archaeologists. The absolute dates for chosen archaeological complexes demand special research.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭПОХЕ БРОНЗЫ ЮГО-ВОСТОЧНОГО БАШКОРТОСТАНА

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ (†), В. Н. ВАСИЛЬЕВ,
Ю. А. МОРОЗОВ

В 1995—1996 гг. Сарматским археологическим отрядом ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством авторов настоящей статьи проводились исследования ранее неизвестных курганных могильников, расположенных в Башкирском Зауралье. Эти работы носили преимущественно охранительный характер, так как раскопкам подвергались курганы, разрушаемые пашней. Среди разнообразного и интересного материала, имеющего широкий хронологический диапазон, было исследовано несколько курганов эпохи бронзы. В задачу настоящей работы входит введение их в научный оборот.

Воскресенские курганы. Могильник, который насчитывал две насыпи, расположен в 3 км к западу от д. Воскресенка Зилаирского района Республики Башкортостан, на водоразделе рек Сакмара и Бузавлык, фактически в горно-лесной зоне. Он был открыт в 1991 г. Б. Б. Агеевым. В результате исследования раскопаны оба кургана.

Курган 1. Диаметр его — 16 м, высота — 43 см. Курган раскапывался с оставлением одной меридиональной бровки вручную, на снос. В нем выявлено восемь погребений (рис. 1: I), пять из которых относятся к эпохе бронзы, остальные — к раннему железному веку. Для фиксации находок все измерения проводились от центра кургана. Следует отметить, что насыпь подвергалась многолетней распашке, в результате чего часть погребений, совершенных в насыпи, была потревожена, и расположение захоронений дается нами достаточно условно, по скоплению костей и наличию керамики.

В процессе снятия насыпи в слое гумуса было обнаружено несколько находок. В 3,5 м севернее центра кургана, на глубине 44 и 50 см найдены две нижние челюсти овцы, которые, возможно, следует отнести к остаткам тризны. Вблизи центра кургана найдены два бронзовых втульчатых наконечника стрел, выброшенных, по всей вероятности, при ограблении сарматского погребения 5, в 1,5 м к юго-востоку обнаружено костяное пряслице, вероятно из этого же захоронения.

Погребение 1. Выявлено в насыпи восточного сектора кургана на глубине 70 см. Контур могилы зафиксировать не удалось.

Погребение частично разрушено. Судя по сохранившейся нижней части костяка, захоронение было совершено на правом боку, скорченно, ориентировано на север с небольшим отклонением к востоку (рис. 1: II-1). Северо-восточнее тазовых костей обнаружены фрагменты орнаментированного сосуда, основная часть которого находилась в 40 см к юго-востоку от ступней ног погребенного. На тазовой кости, с правой стороны лежали небольшие бронзовые пронизки (рис. 1: II-2). Среди костей разрушенной верхней части скелета найдена плечевая кость лошади или коровы.

Погребение 2. Оно, возможно, относилось к погребению 1, так как обнаружено в непосредственной близости от него, в слое гумуса, на глубине 63 см. Однако по разбросанности находок и костей скелета местонахождение было выделено в отдельный погребальный комплекс. Захоронение принадлежало ребенку, положение которого определить не удалось (рис. 1: III-1).

Около обломков черепа, в 25 см к юго-западу стоял орнаментированный сосуд (рис. 1: III-4), с трех сторон обложенный деревянными планками шириной от 2 до 7 см. Здесь же найдены кости барана и зубы крупного домашнего животного — лошади или коровы. В 32 см севернее черепа найдены две небольшие бронзовые подвески (рис. 1: III-2), а в 40 см восточнее черепа находился развал второго орнаментированного сосуда (рис. 1: III-3).

Погребение 3. Обнаружено в юго-восточном секторе кургана в погребенной почве на глубине 50 см. Захоронение, принадлежащее ребенку, полностью разрушено, форма могилы не определена. На месте погребения обнаружен развал орнаментированного сосуда (рис. IV), кости барана, а также зубы лошади или коровы.

Погребение 7. Расположено в центре кургана. Размеры могильной ямы — 240 × 173 см. Длинными сторонами она ориентирована по линии северо-запад-юго-восток. Стенки ее — вертикальные, дно — ровное, глубина в материк — 30 см. Судя по остаткам тлена дерева, камера имела деревянное перекрытие, состоя-

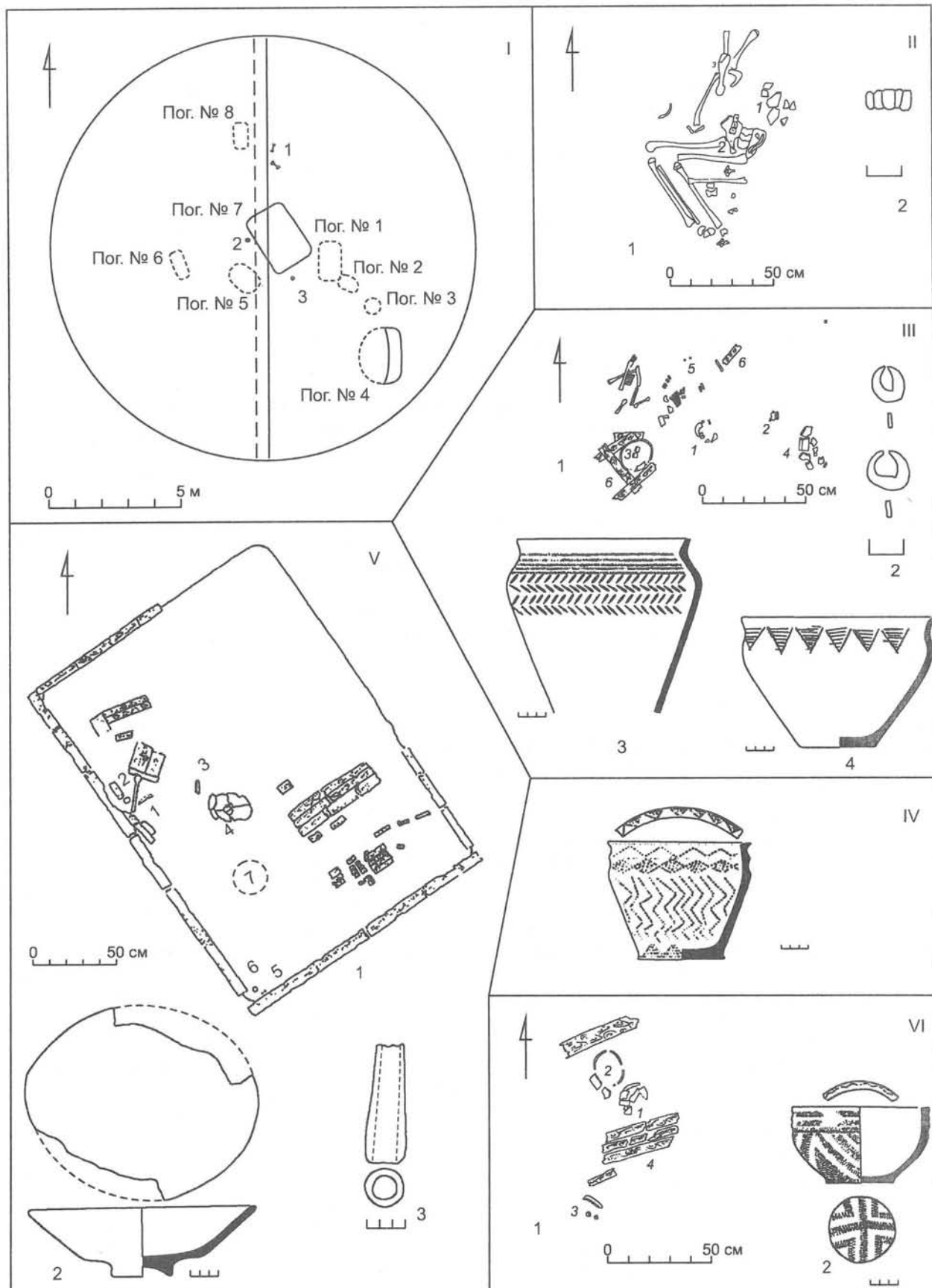

Рис. 1. Материалы Воскресенского I кургана: I-1 — план кургана; II-1 — погребение 1; II-2 — бронзовая пронизка из погребения 1; III-1 — погребение 2; III-1, 2 — бронзовые подвески из погребения 2; III-3, 4 — сосуды из погребения 2; IV — сосуд из погребения 3; V-1 — погребение 7; V-2 — плавильная чаша из погребения 7; V-3 — глиняное сопло из погребения 7; VI-1 — погребение 8; VI-2 — сосуд из погребения 8.

Fig. 1. Findings from the burial hill Voskresenski 1: I-1 — plan of the burial hill; II-1 — burial 1; II-2 — bronze beads from burial 1; III-1 — burial 2; III-1, 2 — bronze pendants from burial 2; III-3, 4 — vessels from burial 2; IV — vessel from burial 3; V-1 — burial 7; V-2 — melting bowl from burial 7; V-3 — clay nozzle from burial 7; VI-1 — burial 8; VI-2 — vessel from burial 8.

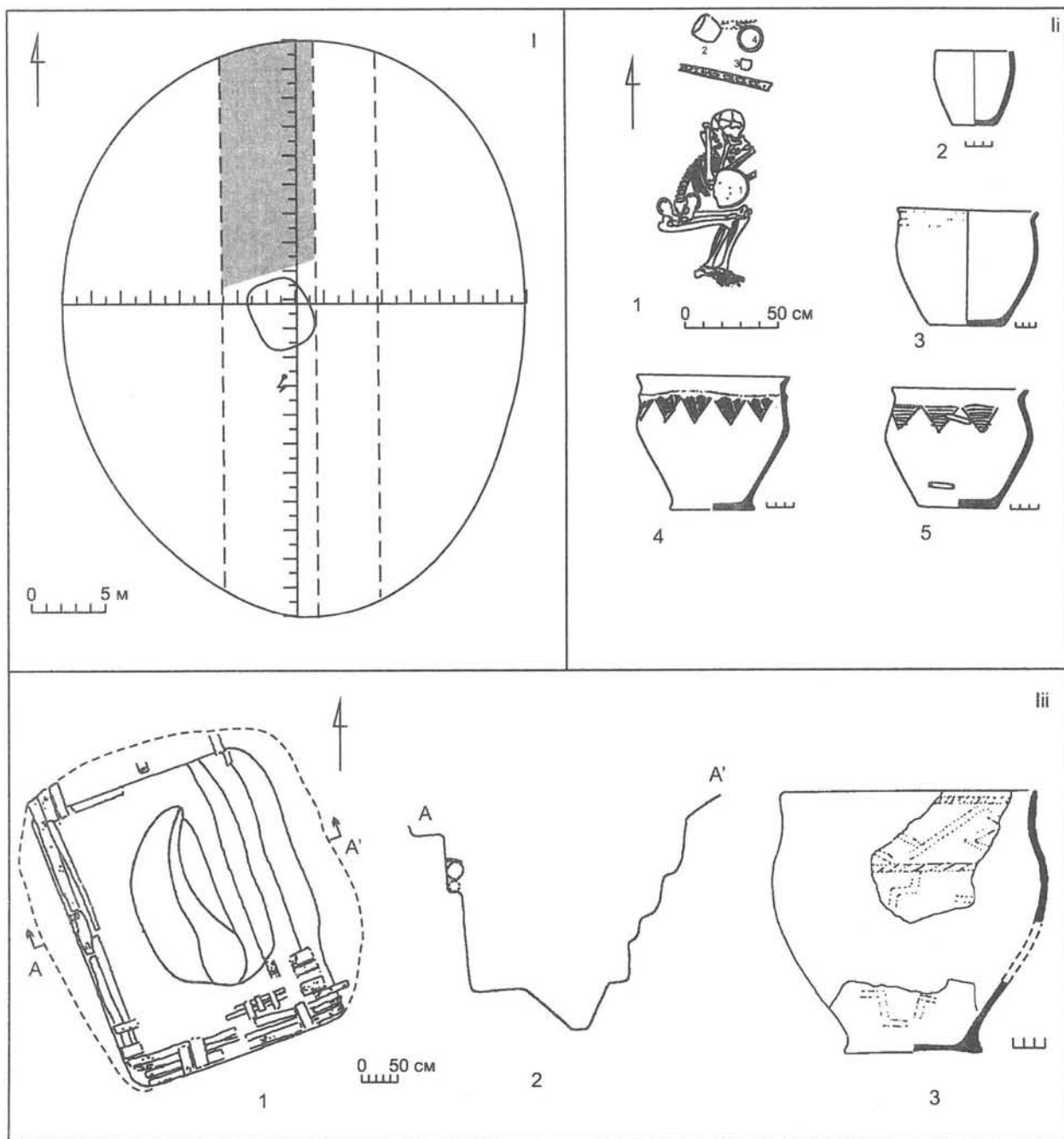

Рис. 2. Материалы Воскресенского 2 кургана: I — план кургана; II-1 — погребение 1; II-2—5 — сосуды из погребения 1; III-1 — план погребения 2; III-2 — разрез погребения 2; III-3 — сосуд из погребения 2.

Fig. 2. Findings from the burial hill Voskresenski 2: I — plan of the burial hill; II-2—5 — vessels from the burial 1; III-1 — plan of the burial 2; III-2 — section of the burial 2; III-3 — vessel from the burial 2.

шее из продольных (верхних) и поперечных (нижних) плах шириной от 2 до 8 см (рис. V: 1).

Погребение ограблено. У западной длинной стенки от человеческого скелета найдены лишь обломок плечевой кости и фрагмент черепа. В относительно хорошо сохранившейся юго-западной части могилы обнаружен развал плавильной чаши на характерной ножке-поддоне (рис. 1: V-2), рядом лежала глиняная втулка — «сопло» (рис. 1: V-3). При расчистке заполнения могилы, на материке южнее чаши

зафиксировано вдавление правильной круглой формы диаметром чуть более 20 см, глубиной 2 см. Предположительно, это углубление может являться местом расположения деревянного сосуда, кстати, неоднократно встречалось во время раскопок сарматских курганов. Подтверждением этому могут служить находки деревянной посуды на памятниках катакомбной, абашевской, срубной культур (Пятых 1984: 146—154). В южном углу найдены два мелких фрагмента от бронзового изделия и астрагал барана.

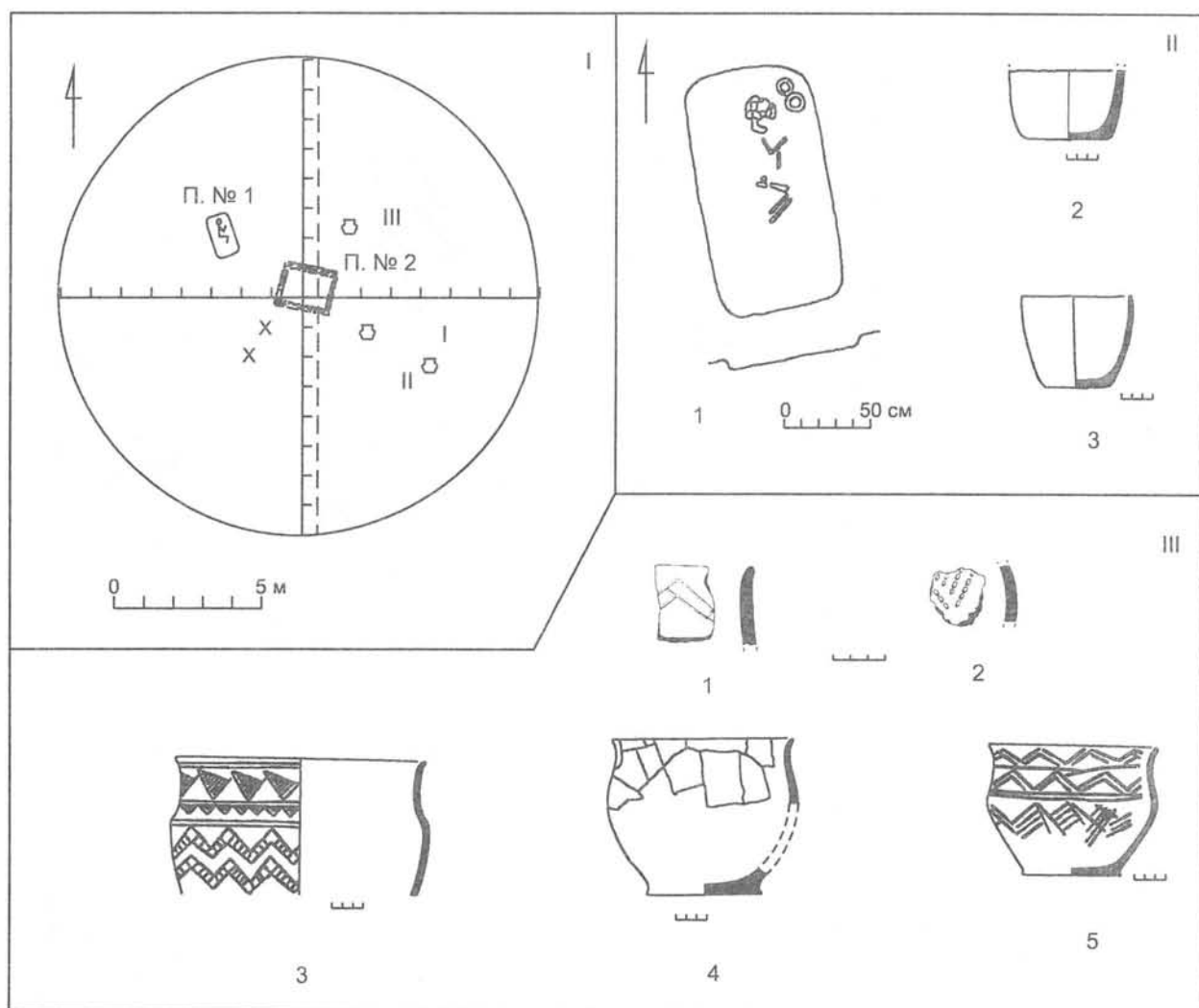

Рис. 3. Материалы 8 кургана I Сибайского могильника: I — план кургана; II-1 — погребение 1; II-2, 3 — сосуды из погребения 1; III-1, 2 — фрагменты сосудов из насыпи Сибайского 8 кургана; III-3—5 — сосуды из насыпи Сибайского 8 кургана.

Fig. 3. Findings from the 8th burial hill of the Sibai cemetery: I — plan of the burial hill; II-1 — burial 1; II-2, 3 — vessels from the burial 1; III-1, 2 — pieces of the vessels from 8th burial hill's embankment; III-3—5 — vessels from the 8th burial hill's embankment.

Погребение 8. Обнаружено в гумусе на глубине 57 см, в 3,6 м к северу от центра кургана. Форму могилы зафиксировать не удалось, однако по сохранившимся остаткам дерева можно допустить, что могила была перекрыта деревянными плахами шириной от 5 до 7 см, лежащими в широтном направлении (рис. 1: VI-1).

От костяка сохранились лишь кости черепа. Северо-западнее черепа стоял орнаментированный сосуд баночной формы, украшенный мелко-гребенчатым штампом (рис. 1: VI-2). В юго-западной части предполагаемой могилы обнаружены несколько костей овцы.

Курган 2. Он имел овальную форму с характерным крутым северным склоном. Размеры кургана — 40 × 32 м, высота — 3,35 м (рис. 2: I). В центре земляной насыпи наблюдалась воронка глубиной 91 см. На северной поле кургана установлен тригопункт. Посколь-

ку в бровках под геодезическим знаком не было зафиксировано выкида из могилы, было принято решение оставить тригопункт на месте.

Насыпь раскапывалась бульдозером с оставлением трех стратиграфических срезов, по которым снимались профили. Все три профиля были обычными, состоящими из пестроцвета (гумуса), и лишь в одном — центральном была зафиксирована линза выкида из центральной могилы. В кургане обнаружено два погребения — впускное и основное.

Погребение 1 (впускное). Расположено в 6 м к югу от центра кургана в слое гумуса на глубине 1,25 м от уровня современной поверхности. Границы могилы проследить не удалось. Скелет человека лежал скорченно, на левом боку, на меловой подстилке, головой на северо-восток. Вполне вероятно, он был перекрыт деревом, от которого сохранилась деревянная

плаха длиной 50 см, шириной 3—4 см (рис. 2: II-1). На уровне тазовых костей, у колен погребенного находился неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 2: II-2). В 30—45 см к северу от костяка обнаружено еще три сосуда (рис. 2: II-3—5), два из которых орнаментированы линией треугольников вершинами вниз.

Погребение 2 (основное). Расположено в центре кургана. Камера имела размеры 3,1 × 3,85 м, заглублена в материк на 2,25 м и ориентирована длинными сторонами по линии северо-запад-юго-восток (рис. 2: III-1). Могильная яма разрушена при ограблении, особенно пострадала ее восточная часть и дно могилы, которое местами было прокопано (рис. 2: III-2). Судя по сохранившейся части могилы, камера на глубине 1 м имела заплечики, на которых лежали продольные бревна, державшие поперечное перекрытие, остатки которого встречались в засыпи могилы. Кроме того, на поперечное перекрытие местами были положены продольные бревна, сильно спрессовавшиеся от давления и времени. На некоторых деревянных остатках верхнего перекрытия прослеживались следы обугливания.

Как уже отмечалось, могила разрушена. В северо-западном углу ямы, под деревом найден небольшой обломок бронзового стержня прямоугольной в сечении формы. В насыпи кургана, над могилой обнаружены два крупных орнаментированных фрагмента керамики, по которым удалось реконструировать весь сосуд (рис. 2: III-3). Других находок нет.

Сибайский I курганный могильник. Памятник расположен в 5 км северо-восточнее г. Сибая, Баймакского района в 2 км юго-западнее дер. Казанка, на пашне в местности «Бишуба». Всего в могильнике насчитывалось 13 земляных насыпей (АПБ: 230, № 412). Из восьми раскопанных курганов семь дали материалы эпохи раннего железа и один — эпохи бронзы.

Курган 8. Диаметр его — 16 м, высота — 43 см. Насыпь — земляная. Курган раскапывался на снос, с оставлением одной меридиональной бровки. Во время вскрытия насыпи были сделаны находки трех глиняных сосудов и отдельных фрагментов керамики. В юго-восточном секторе кургана, в слое гумуса, на глубине 40 и 35 см обнаружены два орнаментированных сосуда горшечной формы (рис. 3: III-3, 5). Третий сосуд выявлен в северо-восточном секторе, на глубине 30 см (рис. 3: III-4). В юго-западной части кургана, на глубине 27 см обнаружены два небольших фрагмента орнаментированной керамики (рис. 3: III-1, 2). Под насыпью выявлено два захоронения.

Погребение 1 обнаружено в северо-западном секторе кургана. Могильная яма размером 140 × 76 см, глубиной 6 см была ориентирова-

на длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ, стенки несколько сужены к низу. На дне камеры находился костяк подростка, который лежал скорченно, на левом боку, головой на северо-запад (рис. 3: II-1). В северо-восточном углу погребальной камеры обнаружены два небольших сосуда баночной формы, без орнамента (рис. 3: II-2, 3).

Погребение 2 находилось в центре кургана. При зачистке на уровне древнего горизонта обнаружена деревянная конструкция прямоугольной формы, имитирующая сруб, размером 185 × 150 см. Могильная яма не зафиксирована, захоронения и находок внутри сооружения не обнаружено.

Полученный материал относится примерно к одному хронологическому горизонту — развитому периоду эпохи бронзы, поэтому суммарную характеристику инвентарю и общие выводы мы дадим на оба памятника вместе.

Исследование Сибайских и Воскресенских курганов вызывает большой интерес в связи с расположением этих памятников в контактной зоне леса и лесостепи, Западной Сибири, Казахстана и Европейского Приуралья. Полученный материал интересен также в плане изучения межэтнических контактов, взаимодействия и смешения разных этносов.

Погребальный инвентарь представлен, главным образом, глиняными сосудами, которые присутствовали во всех погребениях, и серией сосудов, обнаруженных в насыпи курганов. Всего в трех курганах было обнаружено 14 сосудов и одна чаша на поддоне. Возможно, количество сосудов было несколько большим, однако, вследствие ограбления части могил и фрагментарности некоторых сосудов, отмеченная цифра не совсем точна. Сосуды ставили в изголовье или в районе пояса погребенного, а обнаруженные в насыпи, возможно, относились к жертвенным комплексам.

Все сосуды плоскодонные, слеплены из глины с примесью песка, а также с различной степенью добавления талька, раковины и слюды. К примеру, сосуд из погребения 3 кургана I Воскресенского могильника имеет такую большую примесь слюды и талька, что расслаивался при расчистке погребения. Один из сосудов, треснувший пополам еще в древности, был починен четырьмя бронзовыми скрепками (рис. 2: II-5). В коллекции представлены сосуды горшковидной и баночной формы. Количественно преобладают сосуды с округлым туловом, профилированной шейкой и с характерным отогнутым венчиком. В меньшем числе представлены сосуды баночной формы с прямым или вогнутым внутрь венчиком. Встречена одна плавильная чаша на невысоком поддоне.

Большинство сосудов орнаментировано. Орнамент располагается по шейке, плечикам и

в придонной части, реже — покрывает все тулово. В орнаментации наблюдается гребенчатая, резная и прочерченная техника нанесения узора. Орнамент выполнялся как мелкозубчатым так и средне-зубчатым гребенчатым штампом, а также нарезками приостренной и округлой палочки. Узоры представлены горизонтальными и вертикальными ломаными линиями, заштрихованными равнобедренными треугольниками вершинами вниз и вверх. Встречаются также меандровидные фигуры, заштрихованные ромбы, полосы заштрихованных зигзагов, горизонтальная елочка, а также горизонтальные линии, нанесенные веревочным тиснением. Один из орнаментированных сосудов представлен типично абашевской техникой нанесения и расположения узора, где декор переходит на днище (рис. 1: VI-2).

Остальной инвентарь немногочислен. В Воскресенском кургане 1, в погр. 1 и 2 найдены бронзовая небольшая пронизка (рис. 1: II-2) и две бронзовые подвески (рис. 1: III-2).

В погребении 7 того же кургана обнаружено глиняное сопло. На характеристике этого погребения следует остановиться отдельно. Погребение совершено в центре довольно большого кургана с использованием в погребальном обряде деревянного сооружения. Видимо, начало сооружения кургана было связано именно с этим захоронением, и лишь потом были совершены следующие подзахоронения. Судя по находке плавильной чаши и сопла, захоронение несомненно принадлежало литейщику. Появление подобных захоронений указывает на выделение металлообработки в особую отрасль ремесленного производства.

Несмотря на то, что опосредованных данных о металлургии у нас имеется достаточное количество, захоронения «литейщиков» в Урало-Поволжском регионе немногочисленны и встречаются крайне редко. Двадцать лет тому назад в своей сводке погребений литейщиков на территории Восточной Европы В. С. Бочкарев насчитывал их 13 (Бочкарев 1978: 48—53). После этого подобные погребения были найдены в Ставрополье (Державин, Тихонов 1981: 252—258), в Приазовье (Ильюков 1986: 226—230), на Донетчине (Березанская, Кравец 1989: 156—168). Теперь погребение литейщика найдено в Башкирском Зауралье в бассейне р. Сакмара, течение которой связывается с южноуральским меднорудным центром Каргалы (Черных 1997: 10, рис. 1; 68, рис. 28).

Как уже отмечалось, в разрушенной могильной яме обнаружено глиняное сопло и плавильная чаша. Сопло имело конусовидную форму, длину — 8,9 см, ширину в широкой части — 3 см, в узкой — 2 см, диаметр отверстия в широкой части — 1,8 см, в узкой — 1,4 см. Поверхность заглажена мягким предме-

том, полностью прокалена (рис. 1: V-3). Чаша имела овальную форму размером 24,5 см в широкой части, в узкой части промерить нельзя, так как с двух сторон края были сколоты (рис. 1: V-2). Глубина чаши — 3,8 см, толщина стенок — 0,8—1 см. Поддон также имел овальную форму и в широкой части достигал 6,8 см, узкую часть промерить нельзя — она была сколота, высота ножки около 2 см. Общая высота чаши — 8,3 см. В основании чаши, с широкой стороны, в 2,5 см по обе стороны от ножки имеются два утолщения — налесты, по всей вероятности, изготовленные для удобства переноса чаши от огня. Материалом для чаши и сопла служила глина с примесью талька. Внешняя и внутренняя поверхность чаши серого цвета, заглажена мягким предметом. Внутренняя часть чаши в результате прокаленности имеет более темный цвет, а края изнутри, на уровне 2 см — светло-серый цвет. На широком крае чаши заметны следы ошлакованности, а в узкой части — небольшое углубление для слива.

Подобные плавильные чаши в захоронениях литейщиков нам не известны. Чаще всего встречаются литейные формы, небольшие льячки различных форм, в том числе и округлые. Близкой по форме оказалась изложница для отливки слитков с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков (Пряхин, Саврасов 1989: 76, рис. 20), но у нее нет ножки-поддона, да и технологическое назначение изложниц другое. Самой близкой аналогией является плавильная чаша, обнаруженная К. В. Сальниковым на поселении Баланбаш (Сальников 1967: 77, рис. 11, 18), которую он относит к башкирской группе памятников абашевской культуры. По всей вероятности, это и будет хронологической вехой датировки данного погребения.

Кроме того, абашевское захоронение обнаружено под той же насыпью 1 кургана в погребении 8 (рис. 1: VI-1). Захоронение разрушено, но баночный сосуд сохранился. Его высота — 8 см, диаметр верха — 14,3 см, дна — 6,5 см. Тесто — плотное, с примесью талька. Снаружи и изнутри сосуд тщательно заглажен, орнамент выполнен мелкогребенчатым штампом (рис. 1: VI-2). Декор выполнен в виде крупных треугольников вершинами вниз и вверх. В верхней части сосуда проходят два желобка, украшенные наклонными отпечатками мелкозубчатого штампа. Дно украшает перекрестие прямых широких полос, а на свободных полях нанесены треугольники вершинами вверх. Подобная орнаментация дна встречается на керамике абашевских памятников Алексеевка, Замарайка, Метев-Тамак (Сальников 1967: 77, рис. 11, 19; 84, рис. 12—14). А элементы орнаментации стенок сосуда тя-

готеют к комбинации орнамента сосудов Чукраклинского и Старо-Ябалаклинского могильников (Горбунов 1986: 95, табл. XX). Наиболее близкие аналогии остальному керамическому материалу рассматриваемых памятников дают синташтинско-петровские и раннеалакульские памятники Урало-Казахстанских степей. Основные специфические черты обряда Воскресенских и Сибайских курганов, такие как обкладка и перекрытие погребальной ямы деревом, наличие центрального захоронения и круговое расположение остальных погребений в насыпи курганов, характерны для Синташтинского памятника СБ (Генинг и др. 1992: 345), могильников Берлик, Аксайман, Кенес, которые формировались в петровское и раннеалакульское время (Зданович 1988: 71—86).

Сосуды из кургана 1 Воскресенского могильника, орнаментированные вертикальным зигзагом (рис. 1: III-3, IV) с дополняющими элементами декора в виде треугольников, ломаных линий, ромбов, характерны для раннеалакульских памятников (Верхняя Алабуга, Раскатиха, Камышное) (Потемкина 1985: рис. 74: 4, 5, 9; рис. 77: 7, 9; рис. 87: 2, 9, 11; рис. 95: 1—3; рис. 96: 1, 3—5; рис. 98: 2, 8—11). Отмеченные памятники в лесостепном Притоболье на основании металлического инвентаря и керамических комплексов, находящихся аналогии в памятниках катакомбного и полтавкинского материала, датируются второй половиной XVII—XV вв. до н. э. включительно. Исходя из этого, вполне правомерно датировать материалы Воскресенского 1 кургана не позднее XVI в. до н. э. Основанием для этого являются некоторые черты преемственности абашевской и алакульской керамической посуды. Если сопоставить оформление венчика алакульского сосуда (рис. 1: III-3) с абашевским (рис. 1: VI-2), то можно предполагать, что сосуд с относительно прямым венчиком и желобками оформился под воздействием абашевских керамических традиций на раннеалакульском этапе формирования культуры.

Довольно ранние орнаментальные черты в виде висячих треугольников, имеющиеся на сосудах из 1 и 2 Воскресенских курганов (рис. 2: III-3; рис. 2: II-4, 5), характерны для ранних сосудов большого грунтового Синташтинского могильника СМ (Генинг и др. 1992: рис. 63: 3, 7; рис. 64: 7; рис. 92: 4), который датируется не позднее XVI в. до н. э. Кроме этого, большое сходство по форме и орнаменту имеют сосуды из Воскресенского кургана погребения 2 (рис. 1: III-3) и погребения 18 Синташтинского могильника СМ (Генинг и др. 1992: рис. 89: 2, 3).

Материалы из кургана 8 Сибайского 1 курганного могильника разновременны.

Центральное сооружение является основным (рис. 3: I), 3 сосуда, обнаруженные вблизи деревянной конструкции, могли относиться к этому центральному, возможно, ритуальному сооружению. Первый сосуд (рис. 3: III-5), орнаментированный горизонтальными ломаными линиями, разделенными прямыми линиями, имеет параллели с алакульскими сосудами Притоболья из могильников Верхняя Алабуга и Раскатиха (Потемкина 1985: рис. 74: 1, 4, 7, 11; рис. 77: 5, 10, 14; рис. 87: 5, 6, 13). Подобные орнаментальные мотивы есть на сосудах алакульско-федоровского могильника Приплодный лог, расположенного в Челябинской области (Малютина 1984: 74—75). К алакульской группе этого могильника относится и второй сосуд из Сибайского кургана (рис. 3: III-3). На нем те же сопоставленные треугольники, разделительные линии, характерный уступчик на тулове сосуда. Отмеченный сосуд имеет еще один элемент орнамента, расположенный по тулову в виде двух широких ломаных лент, заполненных насечками. Такой декор можно видеть на синташтинских сосудах (Генинг и др. 1992: рис. 6: 8; рис. 92: 4), алакульских (Потемкина 1985: рис. 103: 9), петровских (Зданович 1988: рис. 31: 14), хотя подобный элемент встречен и на федоровском сосуде из могильника Бурлук из северо-казахстанского района (Зданович 1988: рис. 36: 8). Третий сосуд без орнамента (рис. 3: III-4), но по форме, технологии изготовления и примеси теста аналогичен двум предыдущим.

В северо-западном секторе Сибайского кургана имелось впускное захоронение срубной культуры (рис. 3: II-1). Об этом свидетельствует как погребальный обряд, так и сопровождающий материал, представленный двумя неорнаментированными сосудами баночной формы (рис. 3: II-2, 3). Здесь же в насыпи юго-западного сектора обнаружены два фрагмента орнаментированной керамики (рис. 3: III-1, 2). Орнамент нанесен техникой прочерчивания и оттисками гребенчатого штампа, что также характерно для памятников срубной культуры.

Комплекс приведенных аналогий материалам Воскресенского и Сибайского могильников позволяет относить эти памятники, в основном, к петровско-алакульскому времени и датировать их в соответствии с принятой для них хронологией XVI—XIV вв. до н. э.

Полученные материалы представляют большой интерес в плане изучения динамики развития культур андроновской культурно-исторической общности. Материалы ранней группы Воскресенских курганов важны в связи с выделением в них петровских и абашевских комплексов. Керамическая коллекция Сибайского кургана вызывает интерес в связи с вы-

делением в ней алакульского комплекса и вычленением ее поздних этапов, когда на алакульском сосуде появляются федоровские черты. На настоящем этапе исследования Баш-

кирских зауральских памятников задача заключается в углублении региональных работ, в выявлении локальных особенностей сосуществующих здесь культур в эпоху бронзы.

АПБ. 1996. Археологические памятники Башкортостана. Уфа.
 Березанская, С. С., Д. П. Кравец. 1989. О металлургическом ремесле племен донецкой катакомбной культуры // Первобытная археология: 156—158. Киев.
 Бочкарев, В. С. 1978. Погребения литейщиков эпохи бронзы // Проблемы археологии 2: 48—53. Ленинград.
 Гешинг, В. Ф., Г. Б. Зданович, В. В. Гешинг. 1992. Синташта. Челябинск.
 Горбунов, В. С. 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.
 Державин, В. Л., Б. Г. Тихонов. 1981. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // Советская археология 3: 252—258.
 Зданович, Г. Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.

Илюков, Л. С. 1986. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из северо-восточного Приазовья // Советская археология 2: 226—231.
 Малютина, Т. С. 1984. Могильник Приплодный лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
 Потемкина, Т. М. 1985. Бронзовый век лесостепного Приоболжья. Москва.
 Пряхин, А. Д., А. С. Саврасов. 1989. Глиняные литейные формы с мосоловского поселения металлургов литейщиков // Поселения срубной общности: 39—80. Воронеж.
 Пятых, Г. Г. 1984. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // Советская археология 2: 146—154.
 Сальников, К. В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. Москва.
 Черных, Е. Н. 1997. Каргалы забытый мир. Москва.

NEW MATERIALS ON THE BRONZE AGE IN THE SOUTH-EASTERN BSHKORTOSTAN

JU. A. ZADNEPROVSKY (†), W. N. WASILIEW, JU. A. MOROZOW

During the years 1995—1996 excavations of unknown earlier burial hills situated in Bashkirian Zaural'e were conducted by the Sarmatian archaeological expedition of IYL UNC RAS (by the supervising of authors of this article). These works were mainly safing, because these burials were under danger of destruction. Among materials which has very wide chronological range, some burial hills of the Bronze age were investigated archaeologically. The main purpose of the present article is the publication of burial hills, excavated near village Woskresenka (Zilair distr., Republic Bashkortostan) and in vicinity of town Sibai. Both complexes belong mainly to the Petrovsko-alakul' times and could be dated in XVI—XIV cc.

BC. Materials originated from these burial complexes have a large significant for the study of development of Andron' cultural-historical community. The materials from the earliest group of Woskresensky' burials are important, because the Petrov' and Abashevo' complexes in it could be traced. In the ceramics of Sibai burial hill the complex of Alakul of latest stages (when the Alakul' pottery has some characters of Petrovka) could be discerned, that's why this complex is very interesting. In the present state of the research the main problem to be solved, is the intensification of works in regions, in clarification of local peculiarities of co-existing cultures of the Bronze age of the region.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРХНЕГО ГОРИЗОНТА ПОСЕЛЕНИЯ НАГОРНОЕ II В ПОДУНАВЬЕ

Г. А. РОМАНОВА, Н. Н. СКАКУН¹

Поселение Нагорное II расположено на высоком, обрывистом восточном берегу озера Кагул в Нижнем Подунавье. Оно было открыто в 1964 году, во время обследования берегов озера. В числе нескольких разновременных поселений микрорайона Нагорное II зафиксировано на южной окраине современного села Нагорное Ренийского района Одесской области (Субботин 1968: 230; Черняков 1967: 201). Нагорное II определено как двухслойное поселение. Верхний горизонт памятника относят к черняховской культуре, нижний — к культуре Гумельница (Бибииков 1966: 4, 7; Субботин 1970: 224; Гудкова, Субботин 1971: 1—4; Гудкова 1983: 255).

На поселении неоднократно проводились раскопки С. Н. Бибииковым, А. В. Гудковой, Л. Н. Субботиным, Н. М. Шмаглием. Были исследованы разные участки поселения, но основные работы велись в северной части, где присутствует энеолитический слой культуры Гумельница. В этой части поселения в верхнем горизонте были открыты полуземлянки, развалы глинобитных наземных жилищ, каменные вымостки, хозяйственные ямы. Строительные остатки верхнего горизонта относят к черняховской культуре позднего этапа (А. В. Гудкова), либо датируют суммарно периодом существования черняховской культуры в целом, то есть III—IV вв. н. э. В 1981 году в раскопе 2 на северной окраине Нагорного II было раскрыто наземное глинобитное жилище (14 × 6 м), очаг из камней и вымостки плитами ракушечника (Гудкова 1981: 7—29).

С 1983 года в Нагорном II начал стационарные раскопки Причерноморский энеолитический отряд ЛОИА АН СССР. За три года работ в северной части поселения был расширен и доследован раскоп 2 (А. В. Гудкова — 1981 г.), соединены участки работ (1962, 1971 гг.) Л. В. Субботина, А. В. Гудковой. Площадь вновь исследованного участка на раскопе 2 составила 230 кв. м.

В верхнем горизонте открыты 11 хозяйственных ям, частично разрушенная поздней

траншеей полуземлянка, угол постройки с глиняным полом и развалами камней, очаг чашеобразной формы. Параллельно с работами на поселении обследованы прилегающие к нему участки берега, проведены спасательные работы на могильнике черняховской культуры.² В раскопе 2 верхний горизонт достигает глубины 1,1 м, при общей толщине культурного слоя до 1,5 м. Верхняя часть горизонта до глубины 0,5—0,7 м имеет коричневый оттенок, ее подстилает слой темно-серого цвета, который на глубине 0,9—1,1 м сменяется светло-серым супесчаным слоем. Материк сложен из лессовидных суглинков, имеет желтый с оттенком бежевого цвет.

Интенсивная хозяйственная деятельность жителей поселения позднего периода местами нарушила гумельницкий слой. Фрагменты энеолитической керамики встречены в поздних постройках, хозяйственных ямах, которые прорезают нижний горизонт. Кроме того, северная часть поселения сильно пострадала от ежегодных оползней берега и современных крупномасштабных работ по добыче песка. Нетронутая карьером часть поселения составляет около 500 кв. м.

С первого года работы отряда выяснилось, что стратиграфия верхнего горизонта значительно сложнее, чем представлялось раньше. В 1983 году велись доисследования культурного слоя в раскопе 2, где в 1981 году была снята верхняя часть слоя до глубины 0,5 м. Под остатками каменных вымосток, в слое темно-серого цвета были найдены обломки античных амфор, ручка фасосской амфоры с клеймом третьей группы, бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы скифского типа. находки датируются концом IV — первой половиной III вв. до н. э. (рис. 6: 19, 20) (Виноградов 1972: 25; Мелюкова 1964: табл. 8, рис. 9). В 1987 г. на поселении были открыты хозяйственные ямы с керамикой периода раннего эллинизма. Датированы по фрагментам амфор.

Кроме амфор периода раннего эллинизма в нижних слоях этого горизонта были найдены

¹ Г. А. Романова — Galina Romanov. 214 California Ave. Port Jefferson. State University NY, Stony Brook. 11777. USA.
Н. Н. Скакун — Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

² Начальник отряда Ленинградского отделения ИА АН СССР Н. Н. Скакун.

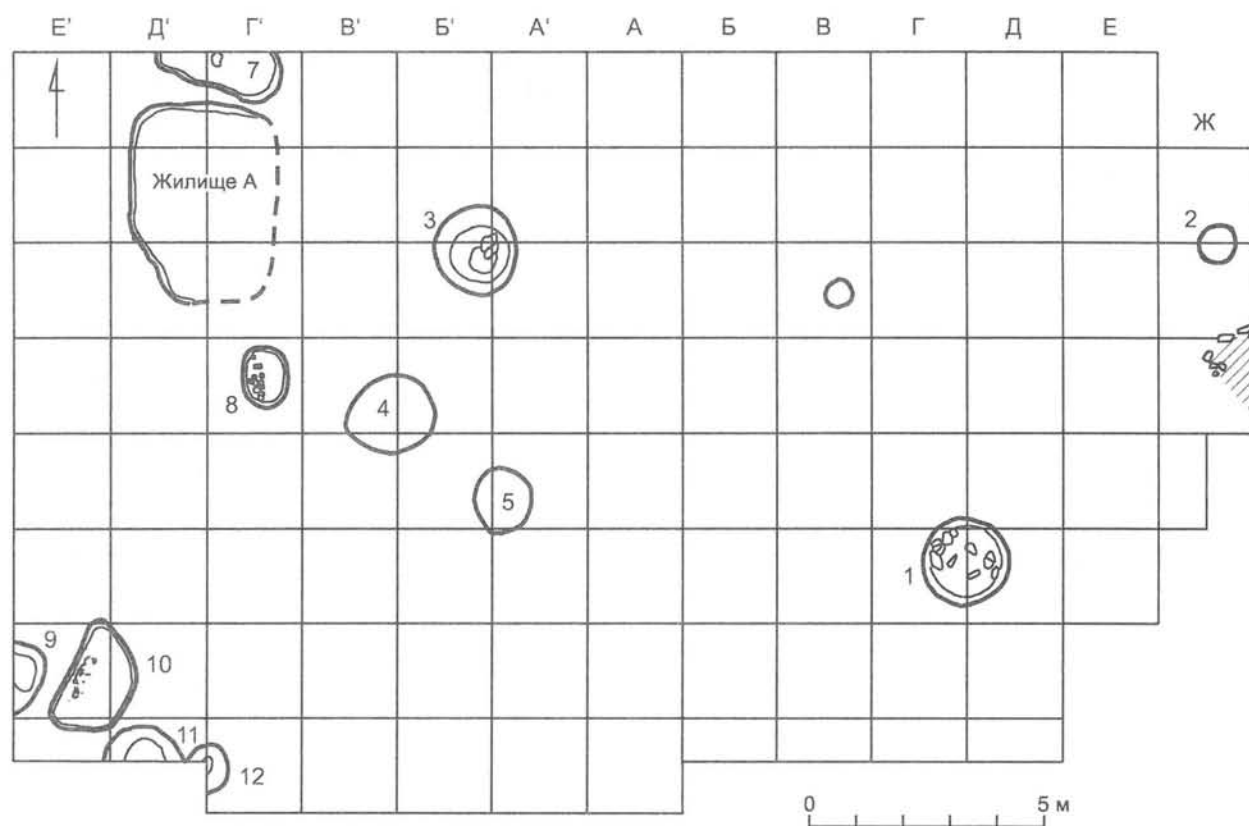

Рис. 1. Сводный план раскопа 2 в северной части поселения (1983—1985). Условные обозначения: 1 — остатки глиняного пола, 2 — камни; 3 — зола; 4 — кости животных.

Fig. 1. Composite plan of Excavation 2 in the northern part of the settlement (1983—1985). Notations: 1 — remains of clay floor, 2 — stones; 3 — ashes; 4 — animal bones.

разновременные обломки керамики. В том числе фрагменты гончарной кухонной посуды, лепных горшков, а также глиняные пряслица и круглая бусина синего цвета (рис. 6: 1—5, 11). Пряслица имеют нехарактерную для черняховской культуры коническую, цилиндрическую и грибовидную формы. Лепной посуды немного, горшки украшены валиком по шейке, насечками по краю венчика, слабыми расчесами. Венчики высокие — раструбом, днища небольшого диаметра на плиточном поддоне (рис. 4: 12—14). На той же глубине был расчищен очаг чашеобразной формы диаметром 0,5 м. Стенки из глины, прокалены, глубина очага — 0,2 м. В его заполнении лежала чистая зола розовато-серого цвета. К северу от него найдена зернотерка из песчаника.

В последующие раскопочные сезоны раскоп 2 был расширен в восточном и западном направлениях. В восточной части раскопа открыт угол постройки с глинобитным полом и развалами камней вдоль стен. Здесь были найдены обломки амфор I—II вв. н. э. (рис. 4: 1, 3, 11) и фрагмент буролоковой миски-патеры (рис. 4: 9) (Зеест 1961: табл. XXX, 72, 73; XXVIII, 64; Античные государства Северного Причерноморья 1984: табл. XIX, XXIII, XXIV; Suceveanu 1982: pl. 2 (1); 8; 6). Рядом найдена

белая бусина — бисер — излюбленное украшение сармат (рис. 6: 12). В западной прирезке к раскопу 2 в темно-сером слое, кроме обломков керамики найдены два точила пирамидальной формы (рис. 6: 13, 14). Обломки лепных сосудов невыразительны. Найден фрагмент верхней части краснолакового кувшина со сложной профилировкой венчика и горла (рис. 4: 8), датирующийся II—началом III вв. н. э. (Robinson 1959: pl. 4; Sanie 1981: pl. 21-1).

Форма очага, характер постройки с глинобитным полом, облик лепной посуды, пряслица, точила-оселки находят ближайшие аналогии в среде скифо-сарматских древностей Северо-Западного Причерноморья (Гудкова 1983а: 3—10; Гудкова, Фокеев 1982: 55—109).

В 1983 году в культурном слое была найдена хорошо сохранившаяся бронзовая фибула с крючком для верхней тетивы и литым приемником иглы (Амброз: 41; Bichir 1976: pl. CLXVI—5; CLXII—2; CLXVIII—2). Она принадлежит к карпскому типу фибул в его раннем варианте (по Г. Бихиру — тип 1), бытовавшему с конца I до конца II вв. н. э. Фибула из Нагорного II относится к поздней фазе этого варианта, так как экземпляры первой половины II в. н. э. имеют, как правило,

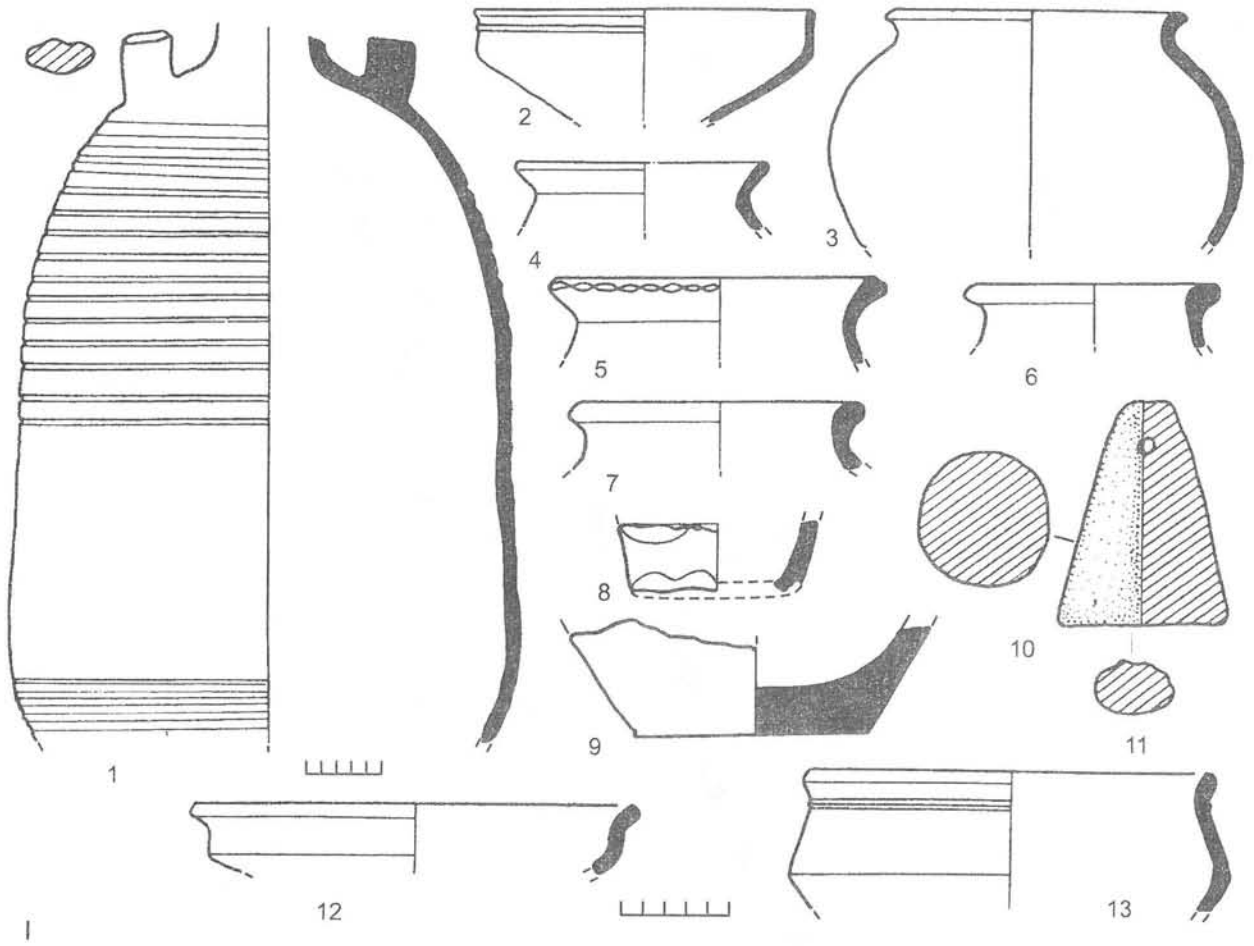

Рис. 2. I — находки из ямы 1: 1, 11 — амфоры; 4—9 — кухонная посуда; 2, 3, 12, 13 — лощеная посуда; 10 — глиняный грузик. II — находки из ямы 3: 1—7 — кухонная посуда; 8, 9 — лощеная посуда; 10 — краснолаковое днище; 11 — днище амфоры.

Fig. 2. I. Finds from pit 1: 1, 11 — amphorae; 4—9 — kitchen ware; 2, 3, 12, 13 — burnished ware; 10 — ceramic weight. II. Finds from pit 3: 1—7 — kitchen ware; 8, 9 — burnished ware; 10 — red-glazed bottom; 11 — bottom of an amphora.

узкие основания и высокий держатель иглы (рис. 6: 10). В древностях карпов фибула находит аналогии на поселении Силиште, в могильниках Поянешти, Пэдурени. На территории Молдавии подобные экземпляры найдены

в сарматском могильнике у с. Боканы. Аналогии из хорошо датированных комплексов определяют дату фибулы из Нагорного II концом II—началом III вв. н. э. Она, в свою очередь, уточняет дату этого периода в жизни

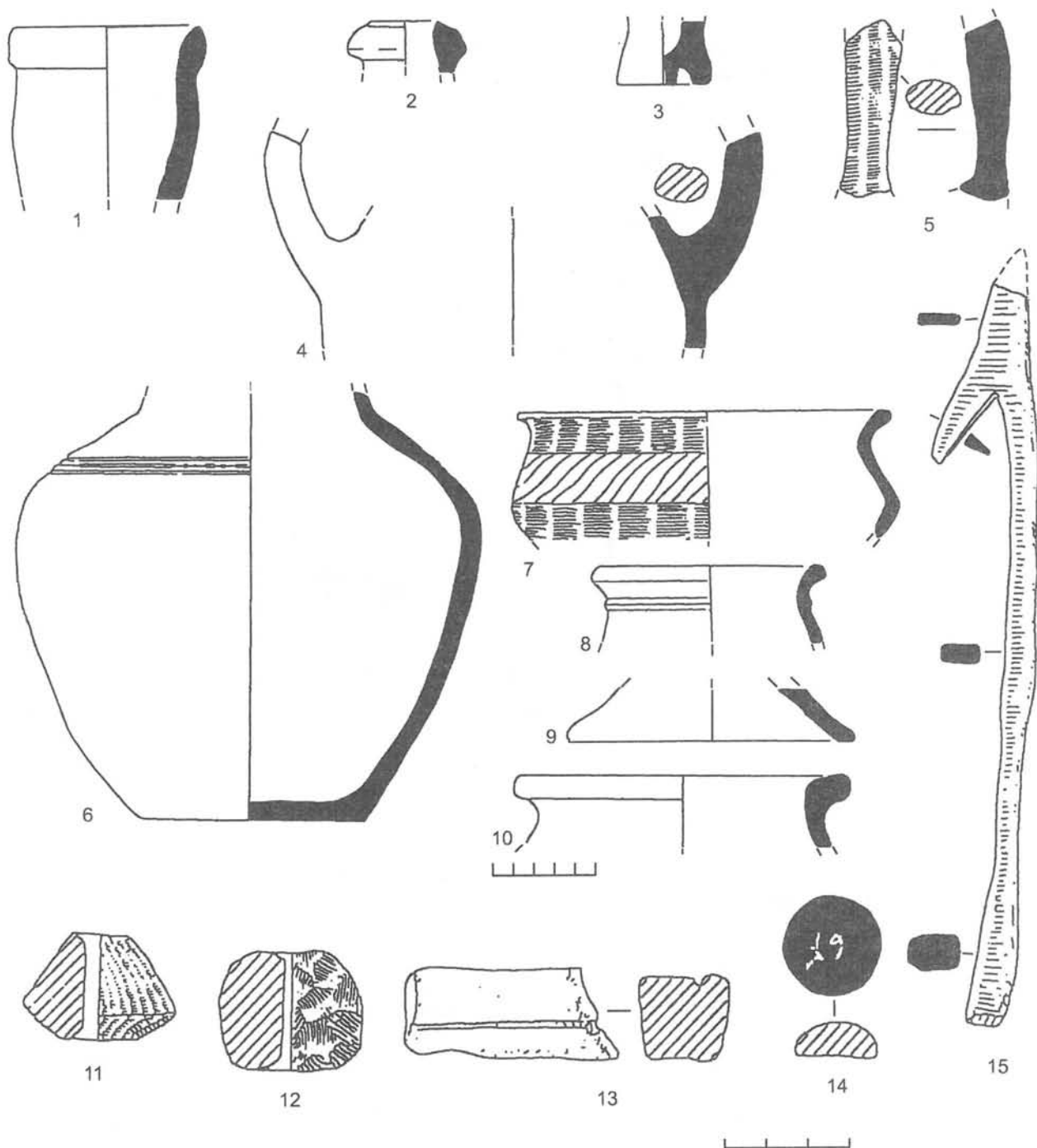

Рис. 3. Находки из полуземлянки (жилище А): 1—4 — амфоры; 5, 7, 8 — лощеная посуда; 6, 9, 10 — кухонная посуда; 11, 12 — глиняные лощеные пряслица; 13 — точило из наждачного камня; 14 — стеклянный жетон черного цвета; 15 — железный гарпун.

Fig. 3. Finds from a semi-underground dwelling (dwelling A): 1—4 — amphorae; 5, 7, 8 — burnished ware; 6, 9, 10 — kitchen ware; 11, 12 — ceramic burnished spindle-whorls; 13 — whetstone; 14 — medal of black glass; 15 — iron harpoon.

поселения, известного по находкам керамики сарматского типа.

Как показали раскопки С. Н. Бибикова, В. А. Гудковой, Л. В. Субботина, на поселении существовала плотная застройка. Такая же картина выявилась в западной и восточной прирезках к раскопу 2, где в верхнем горизонте были выбраны 11 хозяйственных ям и открыта полуземлянка. Большая часть ям содер-

жала в заполнении единичные обломки сосудов. Только в двух из них были найдены выразительные комплексы керамики.

Яма 3 расположена в западной прирезке раскопа 2, зафиксирована с глубины 0,65 м от современной поверхности. В северной части она была перекрыта тремя плитами песчаника, над которыми залегал развал обмазки северо-западного угла глинобитного наземного жили-

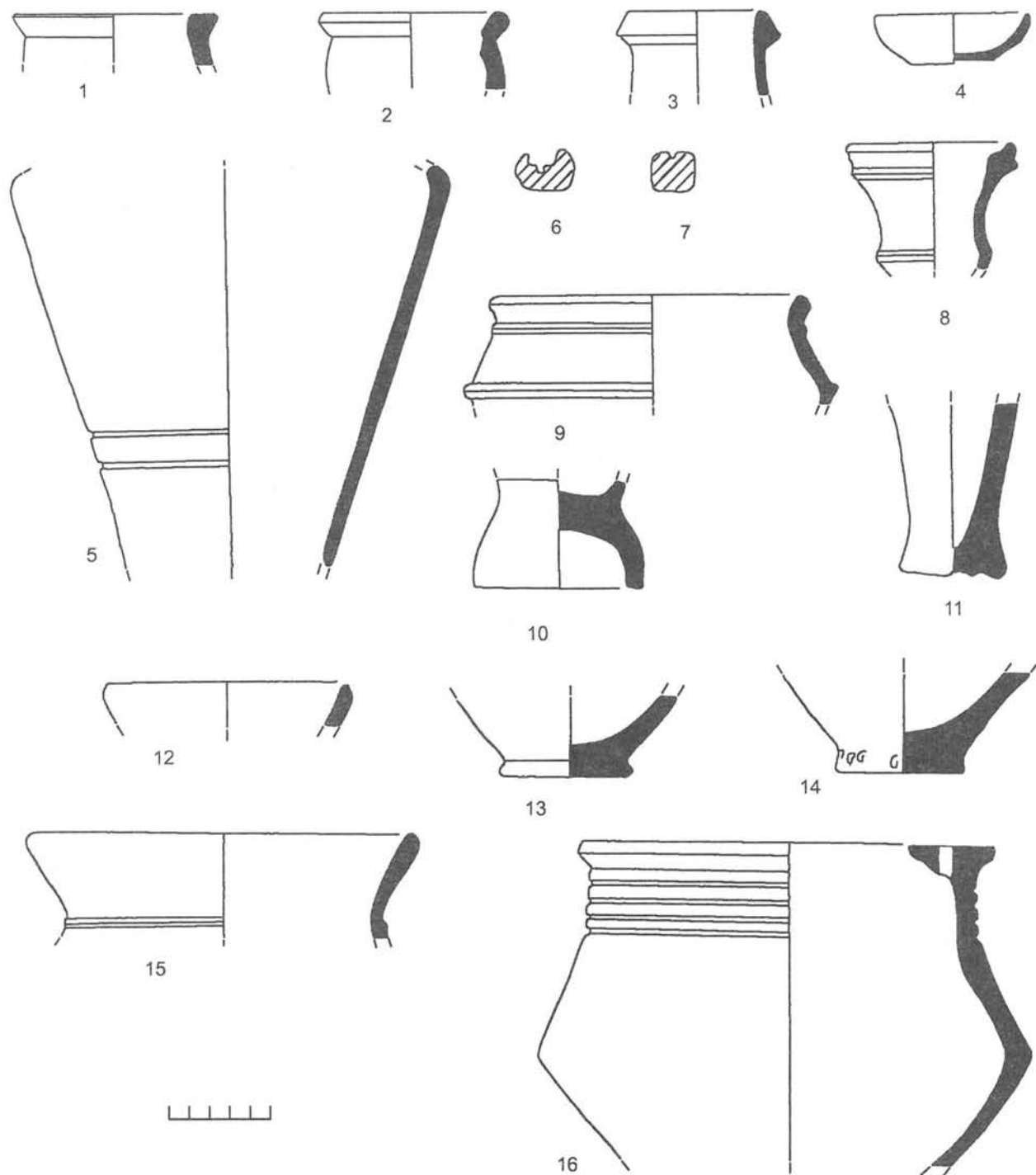

Рис. 4. Керамика из раннего слоя верхнего горизонта: 1—3, 5, 6, 10, 11 — фрагменты амфор; 4, 8 — краснолаковые сосуды; 7 — фрагмент ручки буролакового сосуда; 9 — фрагмент буролаковой миски-патеры; 12—15 — лепная посуда; 16 — лепной котел с внутренним ушком.

Fig. 4. Pottery from the early layer of the upper horizon: 1—3, 5, 6, 10, 11 — fragments of amphorae; 4, 8 — red-glazed vessels; 7 — fragment handle of a brown-glazed vessel; 9 — a brown-glazed bowl; 12—15 — handmade ware; 16 — handmade cauldron with an inner eyelet for suspension.

ща, открытого в 1981 году. Яма имеет цилиндрическую форму, диаметр — 1,84 м, глубину — 1,87 м, плоское дно. В придонной части заполнения и на дне лежали плиты песчаника. Заполнение неоднородное, с многочисленными прослойками золы, в нем найдены фрагменты гончарной кухонной и лощеной столовой посуды. Найден комплекс кухонного горшка с

крышкой (в обломках). Они имеют одинаковый обжиг, фактуру глины; нагар покрывает лишь верхний край крышки и внешнюю сторону венчика (рис. 2: II-1, 2). Столовая посуда представлена обломками венчика и стенки округлобоких горшков (рис. 2: II-8, 9). Найдено днище краснолакового кувшина на невысоком кольцевом поддоне. Лак кирпично-оранжевого

цвета сохранился не везде. Подобные типы днищ были распространены в пределах I—III вв. н. э. Днище толстостенной амфоры розового цвета имеет рифление в придонной части (рис. 2: II-11). Аналогичная форма дна известна у целого экземпляра светлоглиняной амфоры из Танаиса первой половины III в. н. э. (Шелов 1978: 16—21, рис. 8; Бураков 1976: 100—106, табл. IX, X-15).

Яма 1 расположена в юго-восточной части раскопа. Форма ямы округлая в плане, диаметр устья — 1,98 м, дна — 1,40 м, стенки наклонены к дну, дно плоское, глубина сохранившейся части — 0,7 м. На дне, у западной стенки были свалены плиты песчаника. У восточной стенки лежали частью распавшиеся глиняные грузики конусовидной формы (рис. 2: I-10). В золистом заполнении ямы были найдены обломки лощеных мисок, горшка, кухонной посуды (рис. 2: I-2—9, 12, 13). Миски имеют хорошее лощение, почти у всех четкое ребро по низу плечика, украшены наплетными валиками. Кухонные горшки средних размеров, венчики различных вариантов, порой украшены по краю овальными срезами. В верхней части заполнения были найдены фрагменты светлоглиняной амфоры. Из обломков удалось собрать тулово и часть горла амфоры большого объема (рис. 2: I-1). Ручки амфоры в сечении овальные с двумя желобками. Амфора имеет плотное желтовато-розовое тесто с примесью шамота, внешняя поверхность светлая. Аналогичного типа амфора была найдена на поселении черняховской культуры у с. Ягнятин и вызвала дискуссию по поводу ее датировки. В результате для датировки подобного типа амфор предложен хронологический диапазон от середины III в. до конца IV в. н. э. Вариант амфоры «ягнятинского» типа из Нагорного II следует отнести к концу III—первой половине IV вв. н. э., так как во второй половине IV в. н. э. у амфор подобного типа горло намного шире, чем у ранних экземпляров (Щукин 1968: 43—46, рис. 4).

Необходимо отметить, что хозяйственные ямы во вновь открытой западной прирезке к раскопу 2 расположены двумя группами. Одна из них, состоящая из 4-х ям, находится в юго-западной части и, возможно, указывает на присутствие рядом жилища. Ямы в северо-восточной части оконтуривают полуземлянку, разрушенную с юга поздней траншеей. От нее сохранились часть северной стены — 2,7 м, западная стена — 4,2 м, северо-западный и юго-западный углы. Полуземлянка углублена в землю на 0,48 м, ориентирована сторонами по странам света. У нее были глинобитные стены на деревянном каркасе, так как в заполнении встречены куски обмазки стен со следами деревянных конструкций. Пол был плотно ут-

рамбован, явных следов очага или печи в сохранившейся части не обнаружено. Заполнение насыщено находками, отмечены зольные прослойки в юго-западном углу. Помимо обломков гончарной посуды в нем найдены два пряслица, обломок точильного бруска, стеклянный игральный жетон, железный наконечник гарпуна (рис. 3: 11—15). Среди керамики доля кухонной посуды — 67,7%, лощеной столовой — 14,6%, амфор — 17,7%. Вновь характерной чертой кухонной посуды являются крышки, широкие с закраиной под крышку венчики. Столовые миски украшены валиком по шейке, косыми пролощенными полосами на матовом фоне по плечу. Имеют реберчатую форму тулова (рис. 3: 7). Обломки венчиков и дна красноглиняной (рис. 3: 1) и светлоглиняных амфор (рис. 3: 2—4) датируются второй половиной III—началом IV вв. н. э. Уникальной находкой является наконечник гарпуна, конец острия которого был обломан в древности. Место прикрепления к древку — для прочности обвязки — намеренно сделано тоньше основного стержня.

Не меньший интерес представляет стеклянный черного цвета жетон для игры *calculi*. Игра *duodecim scripta* была известна жителям Северного Причерноморья с III в. н. э. Распространение игры на территорию черняховской культуры связывают с переселением готгогепидских племен из Повисленья к Черному морю. Отмечено, что памятники, на которых найдены игральные жетоны, содержат отчетливые пшеворские и оксывские элементы (Кропоткин 1967: 101—102; Сымонович 1964: 307—312).

В Северо-Западном Причерноморье тип полуземляночных жилищ — редкость. Опубликовано пять полуземлянок. Территориально ближайшей из них является полуземлянка с черняховского поселения Утконосовка-I на озере Катлабух. Жилище имеет дату от 330 до 390-х годов н. э. — по находке в его заполнении плохо сохранившейся бронзовой монеты Константина I, либо его преемников (Магомедов 1983: 85—90). Керамические комплексы из полуземлянок в Нагорном II и Утконосовке I имеют общие черты: формы и орнаменты столовой посуды, кухонные горшки с венчиками, приспособленными под крышку. Учитывая датировку венчика и днища светлоглиняной амфоры из полуземлянки в Нагорном II, дата комплекса из ее заполнения — первая половина IV в. н. э. (Деопик, Круг 1972: 106—115).

Находки III—IV вв. н. э. в культурном слое поселения, в основном, представлены обломками керамики. В среднем импортная керамика (амфоры и краснолаковые сосуды) составляет 26% от гончарной посуды, столовая лощеная посуда не превышает 20%, оставшаяся часть приходится на кухонную посуду.

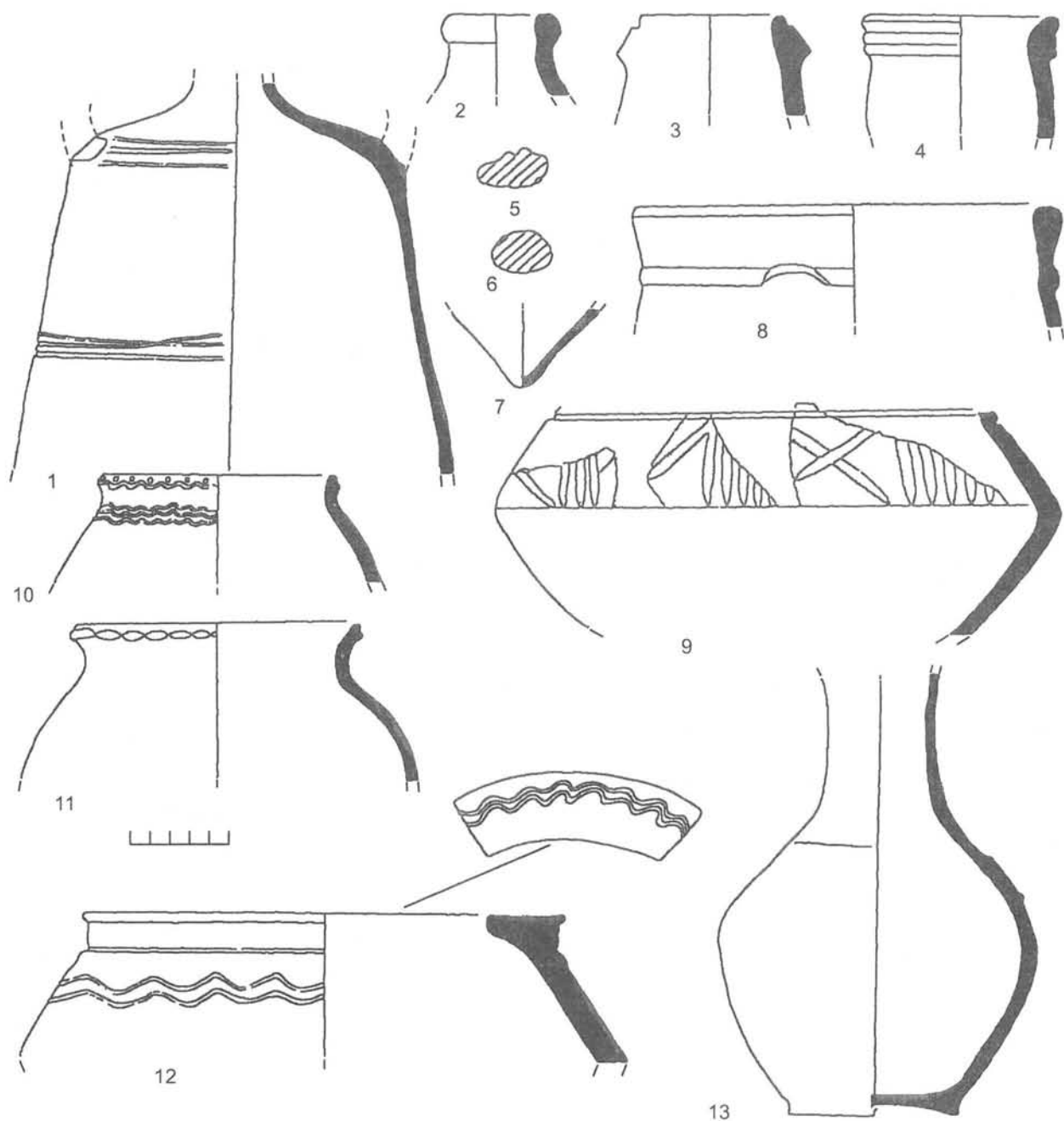

Рис. 5. Керамика из позднего слоя верхнего горизонта: 1—7 — амфоры; 8, 9 — лощеная посуда; 10, 11 — кухонная посуда; 12 — сосуд для хранения запасов; 13 — кувшин из ямы 7.

Fig. 5. Pottery from the late layer of the upper horizon: 1—7 — amphorae; 8, 9 — burnished ware; 10, 11 — kitchen ware; 12 — storage vessel; 13 — pitcher from pit 7.

Среди обломков амфор преобладают красноглиняные сосуды северо-дунайского, италийского и палестинского типов (рис. 5: 1—7). Найдены и светлоглиняные амфоры (в полуземлянке, яме 1) малоазийского происхождения (Самойлова 1978: 261—266; Scorpap 1977: 269—286). В числе импортной керамики была найдена краснолаковая солонка. Подобные формы бытовали на протяжении II—IV вв. н. э. (рис. 4: 4).

Лощеная посуда представлена различными вариантами мисок открытого и закрытого

типов, горшками округлобокой формы. Найден кувшин типа 2 (по Б. В. Магомедову) (Магомедов 1973: 80—87, рис. 1: 2). Этот тип кувшинов имеет гето-дакийское происхождение (рис. 5: 13). Лощеная керамика найдена как в ранних, так и в поздних слоях верхнего горизонта. Именно в лощеной посуде прослеживаются культурные традиции населения северо-западных районов Европы. Большая, вероятно, трехручная серолощенная миска была украшена по плечу орнаментом из косых крестов и вертикальных каннелюр. Ее обломки найдены среди развалов обмазки угла назем-

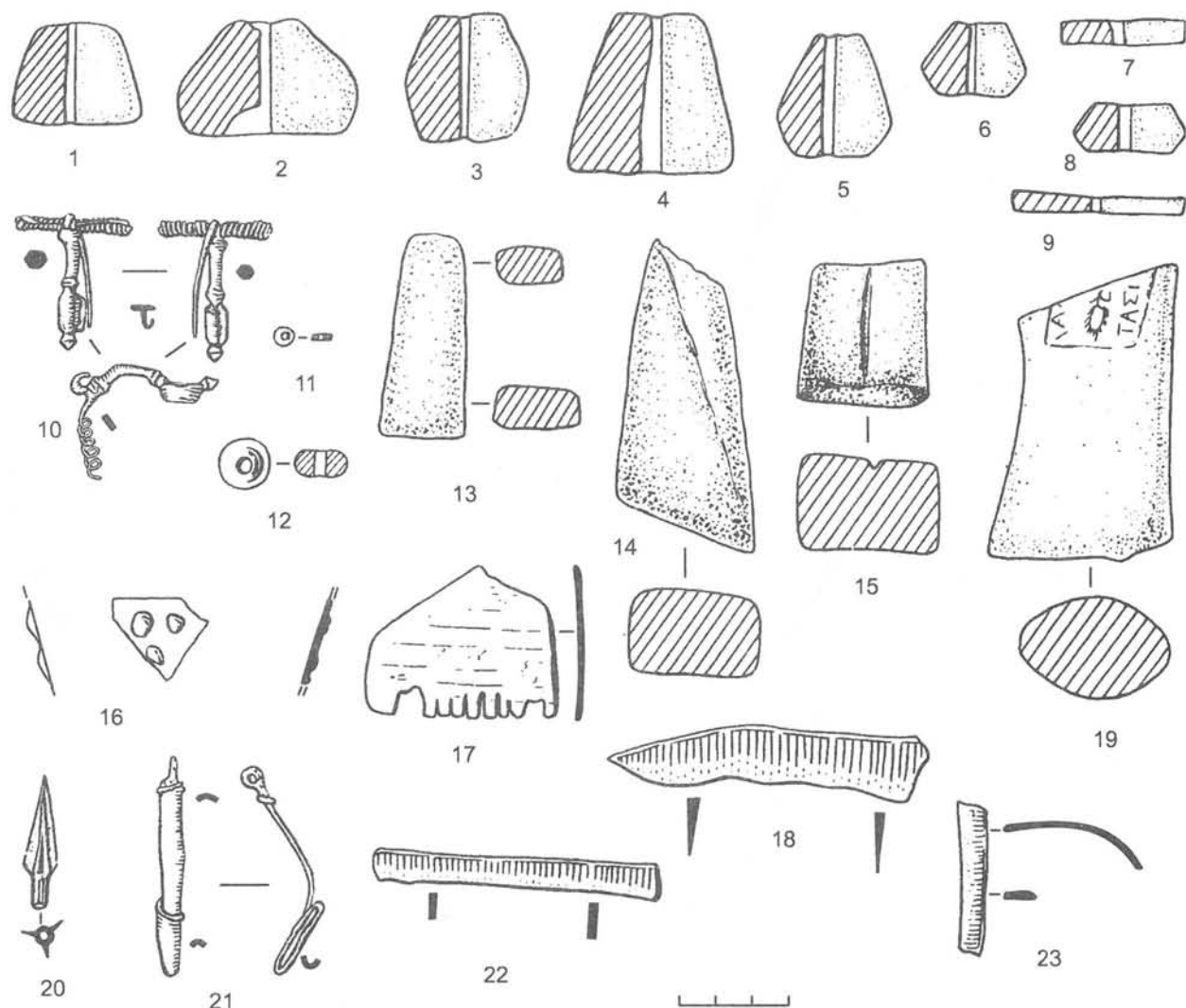

Рис. 6. Находки из верхнего горизонта: 1—9 — пряслица, 10, 21 — бронзовые фибулы; 11, 12 — бусы; 13—15 — точильные камни; 16 — обломок стеклянного кубка; 17 — железный гребень; 18 — железный нож; 19 — ручка античной амфоры с клеймом; 20 — наконечник бронзовой стрелы скифского типа; 22 — фрагмент железного предмета; 23 — фрагмент бронзового предмета.

Fig. 6. Finds from the upper horizon: 1—9 — spindle-whorls; 10, 21 — bronze fibulae; 11, 12 — beads; 13—15 — whetstones; 16 — fragment of a glass beaker; 17 — iron comb; 18 — iron knife; 19 — stamped handle of an amphora; 20 — bronze arrowhead of a Scythian type; 22 — fragment of an iron artefact; 23 — fragment of a bronze artefact.

ного жилища в раскопе 2, 1981 г. (рис. 5: 9). К кругу пшеворско-вельбарских древностей также относится верхняя часть трехручной миски с уплощенным валиком по шейке и вертикально поставленным венчиком (рис. 5: 8) (Магомедов 1983а: 148—150, рис. 5: 1, 4). Заметны северо-западные черты и в вещевом комплексе Нагорного II. Так, железный гребешок для расчесывания шерсти (рис. 6: 17), обломок которого найден в культурном слое, имеет аналогии среди гребней в Центральной и Северной Европе (Сымонович 1968: 173—178, рис. 1; Thomas 1960: 68—70, 114, 118). Северо-западное происхождение имеет бронзовая фибула с подвязной ножкой, украшенная проволочными кольцами, от которой сохранились корпус и приемник иглы (рис. 6: 10) (Амброз: 72—74, табл. 12, № 3; Godlorski 1974: Т. II, XII).

Вышеприведенные вещи, облик столовой посуды однозначно указывают на присутствие среди жителей Нагорного II со второй половины III в. н. э. гото-гепидского компонента.

На поселении был найден обломок стенки стеклянного стакана с каплями синего стекла. Величина фрагмента не позволяет достоверно восстановить тип сосуда. Диаметр сохранившейся части вверху — 8 см, внизу — 6 см. Сосуд был украшен тремя каплями, образующими треугольник, стекло прозрачно (рис. 6: 16). По орнаменту его можно отнести ко 2-му типу стаканов, либо к варианту Б 1 типа (по Н. П. Сорокиной). В любом случае, фрагмент из Нагорного II датируется второй половиной IV в. н. э. (Сорокина 1971: 85—101, рис. 1). Датирующие находки, кроме амфор, являются редкими исключениями из общей массы всего

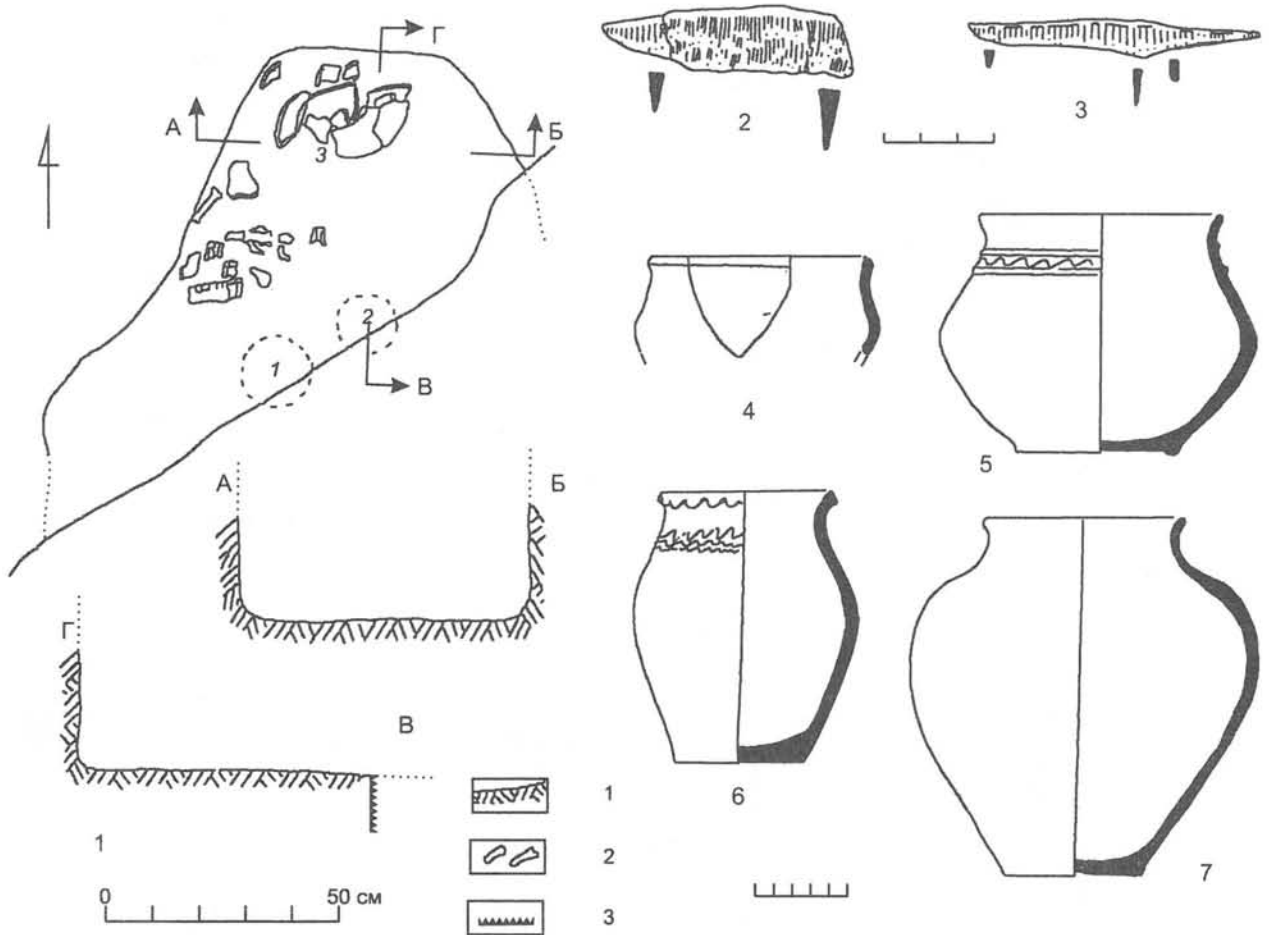

Рис. 7. План и инвентарь погребения с трупосожжением. 1 — план и разрезы. Условные обозначения: 1 — материк; 2 — кости животного; 3 — линия обрыва. 2—3 — железные ножи; 4 — фрагмент серолощенной миски; 5—7 — сосуды.

Fig. 7. Plan and grave goods from a burial with cremation. 1 — plan and sections. Notations: 1 — bedrock; 2 — animal bones; 3 — edge of the steep. 2—3 — iron knives; 4 — fragment of a grey-burnished bowl; 5—7 — pottery.

материала поселения. Основу коллекции составляют обломки кухонной посуды, бытовые вещи: пряслица, оселки, ножи (рис. 6: 6—9, 13—15, 18, 22). Кухонная посуда, как показали комплексы из заполнения ям и полуземлянки, однотипная. Характерной чертой керамики на поселении являются гончарные крышки. Они найдены на всех уровнях горизонта Нагорного II. Особенностью орнамента кухонных горшков является украшение венчика косыми срезами и фестонами по краю, а также орнамент многорядной волной (рис. 5: 10, 12). Лепные сосуды почти отсутствуют в поздних слоях. Следует отметить, что лепные конические миски без орнамента и с орнаментом пальцевыми вдавлениями имеют глубокие корни в гето-дакийской культуре. Орнамент пальцевыми вдавлениями (рис. 4: 15) встречается в керамике памятников типа Милитари-Килия, в слоях, датированных III в. н. э. (Bichir 1984: pl. X, 7, 8, 14; XV, 5; XXVII, 5). Характерный орнамент фестонами и много-

рядной волной также находит аналогии среди гето-дакийских культур в юго-восточной Мунтении (Dolinescu-Ferche 1974: p. 35, fig. 17; p. 42, fig. 25³).

В находках из культурного слоя Нагорного II представлен еще один вид керамики — сосуды для хранения запасов (рис. 5: 12). Орнамент верхней части и форма относятся к западным типам сосудов такого рода, хорошо известным как на памятниках черняховской культуры, так и на гето-дакийских поселениях (Сымонович 1956: 262—270, рис. 1).

Особое место в коллекции керамики поселения занимает лепной котел с внутренним ушком. Его обломки были разбросаны в культурном слое западной прирезки. Он имеет плотное тесто с примесью мелко толченых раковин, воротникообразный венчик, ребро по низу плечика, украшенного врезными линиями (рис. 4: 16). Среди скифо-сарматских древностей Северного Причерномо-

³ Сходные формы есть и в могильнике Чипэу (Vlassa 1965: 501—517, fig. 2—9; 4—18, 20; 6—8, 9, 20, 23).

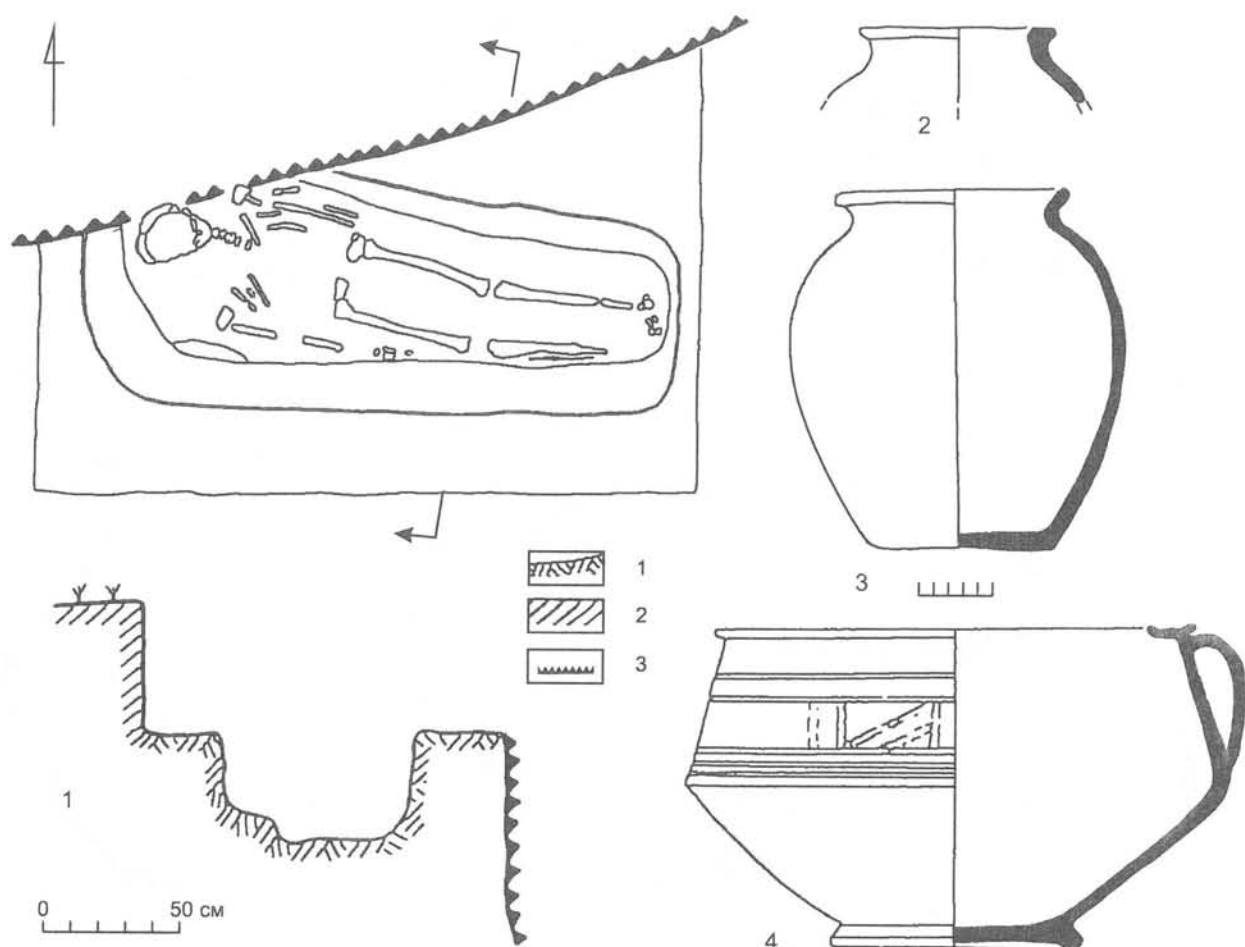

Рис. 8. План и инвентарь погребений, открытых В. И. Козловым: 1 — план и разрез; условные обозначения: 1 — культурный слой; 2 — материк; 3 — линия обрыва; 2 — фрагмент сосуда из засыпи могилы; 3 — урна из разрушенного трупосожжения; 4 — лощеная миска.

Fig. 8. Plan and grave goods from burials discovered by V. I. Kozlov: 1 — plan and section; notations: 1 — cultural layer; 2 — bedrock; 3 — edge of the steep; 2 — fragment of a vessel from the fill of a grave; 3 — urn from a disturbed cremation; 4 — burnished bowl.

ря такой тип котла неизвестен. Форма сосуда в виде котла, глиняное тесто с характерной примесью инородны для черняховских древностей. Сосуды-котлы являются отличительной чертой культуры полукочевников, наибольшее распространение получившей на памятниках салтово-маяцкого круга древностей. В материалах раскопа 2 эти древности отсутствуют, но слои I—II вв. н. э. содержат элементы сарматской культуры, тесно связанной с кочевническим бытом.

В 1985 году исследование Нагорного II было расширено спасательными работами на могильнике черняховской культуры. Могильник расположен в 0,3 км к востоку от раскопа 2, разрушается прорезавшим его оврагом. На южном обрывистом склоне оврага было открыто трупоположение, ориентированное по линии запад-восток (рис. 8: 1). Могильная яма имела прямоугольную форму, заплечики вдоль южной стенки, северная — разрушена оврагом. Погребенный лежал на спине, руки вдоль тела, ноги прямые. В засыпи ямы найден фрагмент лепно-

го горшка (рис. 8: 2) и мелкие обломки гончарной керамики.

У северного склона оврага собраны остатки трупосожжения, разрушенного оползнем берега, а затем местными жителями. На краю обрыва лежала кучка ссыпанных кальцинированных человеческих костей, внизу, под ней, на дне оврага, были подобраны: сероглиняный гончарный кухонный горшок (рис. 8: 3) и часть гончарной красноглиняной лощеной миски (рис. 8: 4). Миска имела воротникообразный венчик, по плечу между врезными линиями шел орнамент зубчатым штампом. Трудно с уверенностью отнести оба сосуда к одному трупосожжению, хотя, по мнению В. И. Козлова, находчика погребений, урной служил кухонный горшок. Возможно, он был накрыт фрагментом миски. В данном случае не столь важен обряд захоронения — в урне или без нее, сколько наличие двух обрядов погребения на могильнике. Следует упомянуть, что урны — кухонные горшки для остатков трупосожжения широко использовались в могильни-

ках культуры типа Милитари-Киля⁴ (Федоров, Полевой 1983: 8; Diaconu 1965: 30—35, pl. XVIII—XIX).

Второе труположение было раскопано Причерноморским энеолитическим отрядом. На северном обрывистом склоне оврага, западнее трупосожжения, в верхней части, были замечены два сосуда. Над ними разбили шурф, в котором при зачистке была выявлена часть пятна заполнения могильной ямы, ориентированной, видимо, север-юг. Костей человека в сохранившейся части могилы не было. Ширина могильной ямы в северной части — 0,4 м, в средней части — 1 м (рис. 7: 1). Дно ямы плоское, стенки отвесные, прослежены на высоту 0,25—0,3 м, заполнение темного цвета, рыхлое. На дне стояли два сосуда, замеченные в обрыве. У поперечной северной стены расчищен развал третьего сосуда, тоже стоявшего на дне ямы. Между сосудами у западной стенки могилы лежали кости ног и челюсти овцы. Под могилой, в осыпях берега, найдены два железных ножа, один из которых миниатюрный (рис. 7: 2, 3).

Керамический комплекс погребения состоит из трех целых сосудов и обломка верхней части гончарной серолощенной миски, найденной в засыпи могилы у дна (рис. 7: 4—7).

Сосуд 1 — гончарная серолощенная миска реберчатой формы. По плечу проходит волнистый орнамент между двумя невысокими валиками. Диаметр венчика — 13 см, дна — 8,5 см, высота — 12 см (рис. 7: 5).

Сосуд 2 — лепной горшок, сделан небрежно, украшен фестонами по краю венчика и многорядной волной по плечу, дно плоское, без закраины. Изгиб тулова на середине высоты, тесто плотное с примесью песка. Диаметр венчика — 9 см, дна — 6,7 см, высота — 13,8 см (рис. 7: 6).

Сосуд 3 — гончарный горшок серого цвета с высоким, слегка отогнутым наружу венчиком, крутым округлым бочком, дно слегка выгнуто к середине. На плечиках у дна следы нагара. Диаметр венчика — 10,5 см, дна — 7 см, высота — 18 см (рис. 7: 7).

Сосуд 4 — найден в засыпи могилы у дна. Верх гончарной серолощенной миски с прямым, чуть загнутым внутрь венчиком и округлым бочком. Диаметр венчика — 11,8 см (рис. 7: 4).

Тип погребальной ямы, ориентировка, погребальный инвентарь — относят могилу к сарматскому типу с обрядом приношения частей овцы как напутственной пищи. В данном случае заупокойная пища была символической, так как принесены несъедобные части животного. Лепной горшок из погребения находит полную аналогию в керамике поселения, правда, выполненной на гончарном круге (рис. 5: 10).

Три погребения черняховского могильника Нагорное II отличает неоднородность погребального обряда, в котором, возможно, отражен разноэтничный состав жителей поселения.

Поселение и могильник Нагорное II составляют единственный в Буджакской степи черняховский комплекс. Своеобразие поселения заключается в многослойности культурных напластований, где представлены периоды, предшествовавшие появлению черняховской культуры в этом районе Причерноморья. Основная масса исследованных в Буджакской степи черняховских памятников датируется не ранее середины IV в. н. э. Среди них — поселения Нагорное III, IV (Гудкова, Фокеев 1984: 92). Черняховские материалы Нагорного II содержат отчетливые черты гото-гепидской культуры и датируются второй половиной III в. н. э.—IV в. н. э., выделяя его среди прочих поселений района. В хронологии напластований верхнего горизонта поселения существует разрыв между культурными напластованиями с III в. до н. э. по I в. н. э. Уловить перерывы в жизни поселения первых веков н. э. намного сложнее. Учитывая материалы разновременных раскопок Нагорного II, можно предположить, что в I—II вв. н. э. здесь существовало поселение с местными традициями домостроения (употребление камня), элементами позднесарматской культуры. Во второй половине III в. н. э. оно осваивается населением северо-западного района черняховской культуры. На протяжении IV в. н. э. происходит слияние разноэтничных компонентов. Есть ли преемственность между этими этапами жизни поселения, пока сказать трудно.

Стратификация культурных остатков разновременных поселений в Нагорном II нуждается в дальнейшем тщательном изучении. Корректировать исследование верхнего горизонта поселения могут одновременные раскопки могильника.

Алброт, А. К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР // Свод археологических источников Д 1-30. Москва: Наука.

Античные государства. 1984. Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. Москва: Наука.

⁴ Погребения найдены В. И. Козловым во время разведки Днестро-Дунайской экспедиции на восточном берегу оз. Кагул. Благодарим В. И. Козлова за информацию и предоставленный материал.

- Бибиков, С. Н. 1966. Отчет об археологических разведках в Одесской области в 1966 году // Научный архив Института археологии АН УССР 22/1.
- Бураков, А. В. 1976. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.
- Вишгородов, Ю. Г. 1972. Керамические клейма острова Фасос // Нумизматика и эпиграфика 10: 3—63. Москва.
- Гудкова, А. В. 1981. Полевой отчет Буджакской археологической экспедиции за 1981 год // Научный архив Института археологии АН УССР 62.
1983. Исследования в Нижнем Подунавье // Археологические открытия за 1981 год: 255. Москва: Наука.
- 1983а. Поселения первых веков нашей эры в степях Северо-Западного Причерноморья // Археология 42: 3—10. Київ.
- Гудкова, А. В., Л. В. Субботин. 1971. Отчет об археологических раскопках на поселении Нагорное II в 1971 г. (гумельницкая и черняховская культуры) // Научный архив Института археологии АН УССР 93. Киев.
- Гудкова, А. В., М. М. Фокеев. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье: 55—113. Киев.
1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев.
- Деоник, Д. В., О. Ю. Круг. 1972. Эволюция узкогорных светлоглиняных амфор с профилированными ручками // Советская археология 3: 100—116. Москва.
- Зеест, И. Б. 1961. Керамическая тара Боспора // Материалы и исследования по археологии 83: 11—65. Москва-Ленинград: Наука.
- Кропоткин, В. В. 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. Москва.
- Магомедов, Б. В. 1973. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія 12: 80—87. Київ.
1983. Напівземлянки черняхівських поселень Причорномор'я // Археологія 44: 85—91. Київ.
- 1983а. О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи // Славяне на Днестре и Дунае: 135—155. Киев.
- Мелокова, А. И. 1964. Вооружение скифов // Свод археологических источников Д I—4. Москва: Наука.
- Самойлова, Т. Л. 1978. Основные типы амфор I—IV вв. н. э. из Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья: 254—266. Киев.
- Сорокина, Н. П. 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // Советская археология 4: 85—102. Москва.
- Субботин, Л. В. 1968. Розвідки археологічних пам'яток по берегах оз. Кагул та р. Карасулак // Археологія 21: 230. Київ.
1970. Поселение гумельницкой и черняховской культур у с. Нагорного // Археологические открытия за 1969 год: 224. Москва: Наука.
- Сымонович, Э. А. 1956. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры // Советская археология XXVI: 262—271. Москва.
1964. Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры // Советская археология 3: 307—312. Москва.
1968. Железные гребешки с поселений черняховской культуры // Славяне и Русь: 173—178. Москва.
- Федоров, Г. Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР 89. Москва: Наука.
- Федоров, Г. Б., Л. Л. Полевой. 1983. Римляне в Карпато-Дунайских землях и культура местного населения II—V вв. н. э. // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван: 5—20. Кишинев.
- Черняков, И. Т. 1967. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра (материалы к археологической карте) // Материалы и исследования по археологии СССР 139: 197—204. Москва-Ленинград: Наука.
- Шелов, Д. Б. 1978. Узкогорные светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 156: 16—22. Москва.
- Щукит, М. Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // Советская археология 2: 41—52. Москва.
- Bichir, Gh. 1976. Archaeology and History of the Carpi from the Second to the Fourth Century A. D. // British Archaeological Reports. Supplementary Series 16 (1, 2). Oxford.
1984. Geto-Dacii din Muntenia on epoca romană. Bucuresti.
- Diaconu, Gh. 1965. Tirgor. Necropola din secole III-IV e.n. Bucuresti.
- Dolinescu-Ferche, S. 1974. Aerri din secolele III i VI e.n. on sud-vestul Munteniei: Cercetările de la Dulceanca. Bucuresti.
- Godiowski, K. 1974. Chronologia okresu pynorzynskiego i wczesnego okresu wkdrywek ludyw w Polsce pynocnowschodniej // Rocznik Bialostoki 12 (1974): 9—109.
- Jhomas, S. 1960. Studien zu den germanischen Kämnen der römischen Kaiserzeit // Arbeits und Forschungsberichten zur sächsische Bodenkmalpflege. Leipzig.
- Robinson, H. S. 1959. Pottery of the Roman Period. Chronology // The Athenian Agora: Results of Excavation Conducted by the American School of Classical Studies at Athens 5. Princeton.
- Sanie, S. 1981. Civilizația romană la est de Carpați i romanitatea pe teritoriul Moldovei (sec. II o. e. n.—III e. n.). Junimea.
- Scorpan, C. 1977. Contribution a la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins (IV—VII siècles) dans l'espace istro-pontique // Dacia 21: 269—297.
- Suceveany, A. 1982. Les thermes romains. Historia. Bucarest.
- Vlassa, M. 1965. O pătrundere din vest a dacilor pe teritoriul fostei provincii Dacia in secolul al IV lea e. n. // Studii i cercetari de istorie veche 16/3: 501—518.

STUDIES OF THE UPPER HORIZON OF THE SETTLEMENT OF NAGORNOE II IN THE DANUBE REGION

G. A. ROMANOVA, N. N. SKAKUN

The multi-layered site of Nagornoe II is situated on the eastern bank of Lake Kagul in the Lower Danube region, near v. Nagornoe of the

Reniysky region of the Odessa Oblast, Ukraine. Since the discovery of the site in 1964 and until the saving archaeological works of the Pricherno-

morsky Aeneolithic detachment, headed by N. N. Skakun, started in 1983, the area of the site had been investigated several times (fig. 1). The best studied is northern part of the site where areas with remains of the Aeneolithic culture of Gumelnitsa and Chernyakhovskaya culture were excavated in the various years. The settlement is characterised in archaeological literature as a two-layered one, the lower horizon being dated to the Aeneolithic epoch and the upper horizon is assigned to the later period of the Chernyakhovskaya culture.

Excavations carried out by the Prichernomorsky Aeneolithic Detachment yielded a more precise information on the stratigraphic peculiarities of the upper horizon at the settlement. The earliest finds and some of the household pits in the upper horizon are dated to the 4th—3rd centuries B. C.,—i. e. to the early Hellenistic period. These, certainly, should be the topic of a special study.

Another chronological period of the upper horizon is represented by finds from the cultural layer and Pit 3 which are dated to the 2nd and first half of the 3rd centuries A. D.

The major part of the building remains of the upper horizon are dated to the 4th century A. D. A semi-underground structure on the basis of the indicative finds may be dated to the turn of the 3rd and 4th centuries A. D. Remains of the surface structures and part of the household pits belong to the late stage of the Chernyakhovskaya culture in the Danube area, i. e. to the second half of the 4th century A. D.

The cemetery, found to the east of the settlement, contain burials with cremation and inhumation rite (figs. 7, 8). The lack of reliably dating finds among the grave goods found in the burials does not enable to make any judgements except for the fact of the synchronous age of the burials found and the latest stage of the existence of the settlement in the 4th century A. D.

Thus the studies of the Prichernomorsky Aeneolithic Detachment yielded a homogeneous structure of the cultural layers in the upper horizon at the settlement of Nagornoe II. A unique peculiarity of the site is the presence of a cemetery synchronous with the settlement and the earlier cultural layers of the Hellenistic period and those of the late 2nd and early 3rd century A. D.

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ «ЦАРСКОГО» КОМПЛЕКСА № 7 В МОГИЛЬНИКЕ ЦАРАМ

С. С. МИНЯЕВ, Л. М. САХАРОВСКАЯ¹

Систематические исследования археологических памятников азиатских гуннов (сюнну) ведутся уже более ста лет, что позволило накопить значительный материал для характеристики поселенческих комплексов (Иволгинское городище, поселение Дурены) и могильников различных типов (Иволгинский могильник, Черемуховая падь, Дырестуйский могильник и др.). Единственным пробелом в настоящее время является почти полное отсутствие информации о захоронениях высшей сюннуской знати. Между тем такие захоронения (традиционно называемые в археологии «царскими») содержат ценную информацию для характеристики как материальной и духовной культуры общества, так и его социальной структуры.

В 1996 г. Забайкальская экспедиция ИИМК РАН обследовала один из могильников сюнну в пади Царам, расположенной в 1,5 км южнее поселка Наушки, в 2 км к югу от шоссе Кяхта — Наушки, в 5 км от Селенги (рис. 1). Захоронения в пади Царам были обнаружены Ю. Д. Талько-Гринцевичем в июне 1899 года (Талько-Гринцевич 1999: 93). Первооткрыватель памятника зафиксировал не менее 20 могил, «рассеянных по лесу». Пять из них, спустя несколько лет, в июне 1903 года, были раскопаны им совместно с Я. С. Смолевым (Талько-Гринцевич 1999: 117—118). Все могилы были ограблены, полученные находки были крайне немногочисленны: железное шило с кольцеобразным навершием, фрагмент бронзовой накладки и фрагменты нескольких сосудов. Особенности внутримогильных конструкций позволили Ю. Д. Талько-Гринцевичу отнести эти погребения к выделенному им типу «захоронений в срубках», которые он интуитивно правильно отождествлял с погребениями сюнну.

Детальное обследование памятника Забайкальской экспедицией, составление топографического плана и обмеры намогильных сооружений показали, что в могильнике насчитыва-

ется около 30 курганов различной величины, расположенных в центре пади на площади 600 м в направлении с севера на юг и около 400 м — с запада на восток. Каменные кладки курганов разрушены постоянной распашкой, устройством проселочных дорог, водной и ветровой эрозией. От большинства кладок остались лишь переотложенные скопления камней или отдельные камни, которые можно видеть на разных участках пади. На всей площади могильника просматриваются воронки от могильных ям разного размера. Неповрежденным остался лишь самый крупный курган, расположенный в центре пади; его насыпь имела размеры 32 × 32 м, с южной стороны отчетливо прослеживалась трапецевидная насыпь над входом в курган длиной около 20 м. На протяжении 300 м к югу и юго-западу от центрального кургана прослеживались остатки еще нескольких больших курганов, также выраженных невысокими насыпями подквадратной формы со стороной 25—30 м и западинами в центре. Каменные кладки таких курганов в значительной степени были разрушены распашкой. Рядом с большими курганами, как правило, прослеживались остатки небольших захоронений. Они были выражены западинами различных размеров (до 2 м в диаметре) и глубины (около 1,5—2 м); рядом с этими западинами часто видны отдельные камни или небольшие скопления камней — переотложенные остатки каменных кладок.

Таким образом, обследование пади Царам показало, что здесь сосредоточены наиболее крупные среди известных ныне погребальных сооружений сюнну в России и одни из самых крупных в мире. Вполне очевидно, что в пади Царам располагалось элитное кладбище высшей сюннуской знати, погребальные сооружения которой до настоящего времени оставались практически неисследованными.

В сезоне 1997 года Забайкальская экспедиция приступила к систематическим работам на

¹ Миняев С. С. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

Сахаровская Л. М. Россия. 671830. г. Кяхта. ул. Ленина, 31. Отдел культуры Администрации Кяхтинского района.

памятнике.² Накопленные к этому времени данные археологии позволили сделать заключение о наличии человеческих жертвоприношений в сюннской погребальной практике, что подтверждается и сведениями письменных источников. Планиграфия сюннских могильников демонстрирует отчетливую тенденцию к размещению захоронений в погребальных комплексах, состоящих из центрального кургана и расположенных вокруг него по определенной системе сопроводительных захоронений. Ряд наблюдений показал, что в таких захоронениях погребены лица, умершие насильственной смертью и, видимо, «сопровождая» своего хозяина в потусторонний мир (см. подробнее Миняев 1985; 1998: 70—71).

С учетом этих данных были спланированы работы в пади Царам. Основным объектом исследования был выбран самый крупный курган могильника, расположенный в северной части пади. Заложенный здесь раскоп охватил как сам курган, так и площадь вокруг него, где выходы отдельных камней позволяли предполагать наличие небольших курганов с разрушенной кладкой. Общая площадь раскопа, включая и курган 7, составила 7700 кв. м. Учитывая большую вероятность перемещения каменных кладок при распашке, раскоп вскрывался сплошной площадью, до материка, вне зависимости от внешних признаков захоронений. Работы велись вручную, отвал удалялся на носилках и в дальнейшем с использованием экскаватора и самосвала вывозился в овраги за пределами площади могильника.

Работы на кургане 7, где обнаружено сложное внутримогильное сооружение, пока не закончены. Цель данной статьи — публикация данных по сопроводительным захоронениям кургана 7. Они были обнаружены с западной и восточной стороны этого кургана 2 линиями по 5 захоронений каждая и, несомненно, образовывали с ним единый погребальный комплекс (рис. 2). Ниже дается описание этих захоронений, изучение которых существенно дополняет наши представления о погребальной практике сянну. Нумерация захоронений продолжает начатую первооткрывателем памятника Ю. Д. Талько-Гринцевичем.

Восточная группа сопроводительных захоронений.

До раскопок на современной дневной поверхности к востоку от кургана 7 прослеживались два всхолмления с выступающими из них камнями, вскрытие которых не выявило каких-либо следов погребений. Вероятно, камни от разрушенных кладок захоронений этой группы были в значительной степени смещены при сельскохозяйственных работах, поэтому уста-

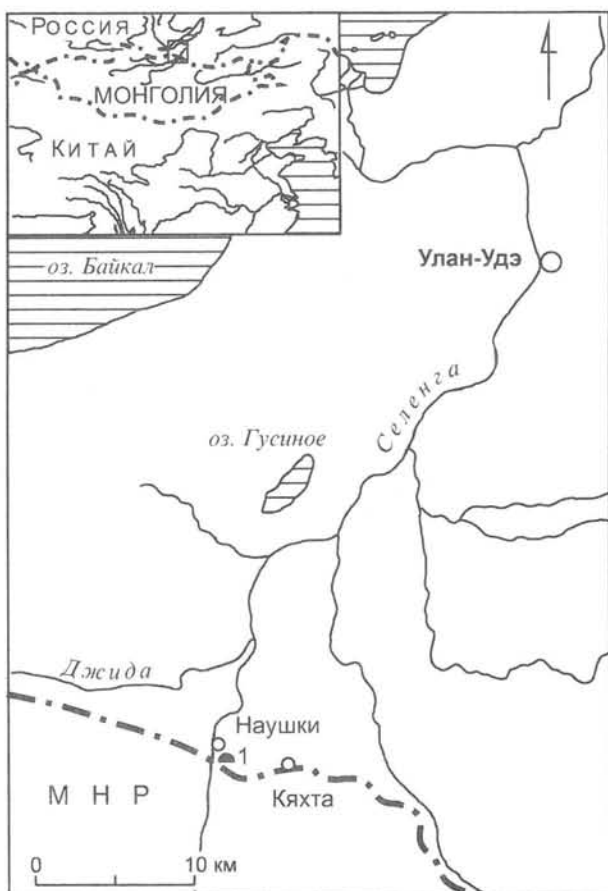

Рис. 1. Западное Забайкалье. 1 — могильник Царам.

Fig. 1. The Western Trans-Baikal Region. 1 — the Tsaram cemetery.

новить наличие намогильного сооружения у этих захоронений не представилось возможным. Могильные пятна были обнаружены при сплошном вскрытии раскопа после удаления пахотного слоя и зачистки поверхности материкового суглинка. Пятна были выражены темно-коричневой гумусированной супесью, имели овальную форму; по краям пятен, как правило, лежали несколько каменных плит.

В целом в группе обнаружено 5 погребений, каждое из которых располагалось в 3—4 м друг от друга на расстоянии 25 м от восточной стенки кургана 7. Северное захоронение группы № 10 располагалось в 25 м к востоку от северо-восточного угла намогильного сооружения кургана 7, южное захоронение группы № 11 находилось в 21 м к востоку от юго-восточного угла кургана 7. Таким образом, линия этих захоронений проходит в направлении север-юг, лишь незначительно отклоняясь к западу в южной части. Описание захоронений дается соответственно их расположению с севера на юг (все глубины указываются от современной дневной поверхности).

² С 1998 г. работы ведутся при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проекты 98—01—18003; 00—01—18025e; 01—01—18032e) и Национального Географического Общества (проекты 6671—99 и 7031—01).

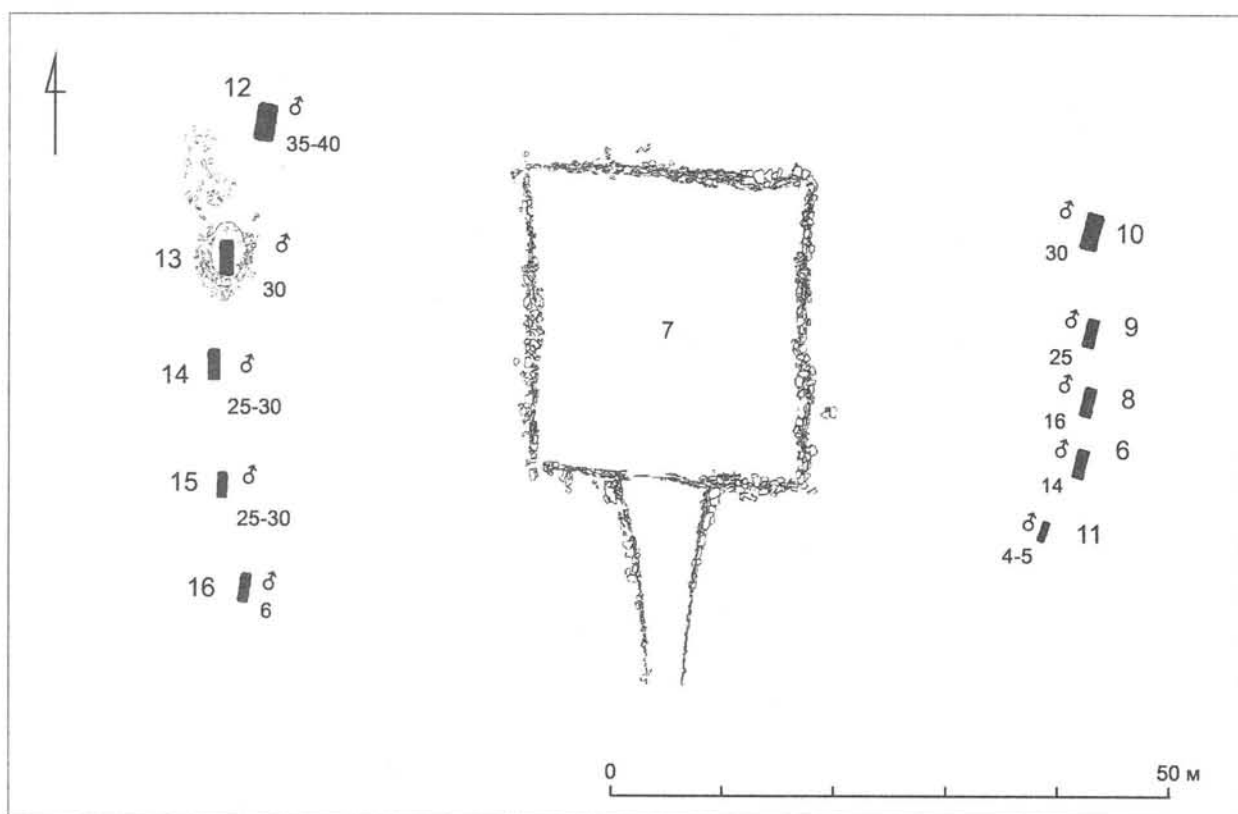

Рис. 2. План комплекса № 7 могильника Царам.

Fig. 2. Plan of Complex no. 7 at Tsaram.

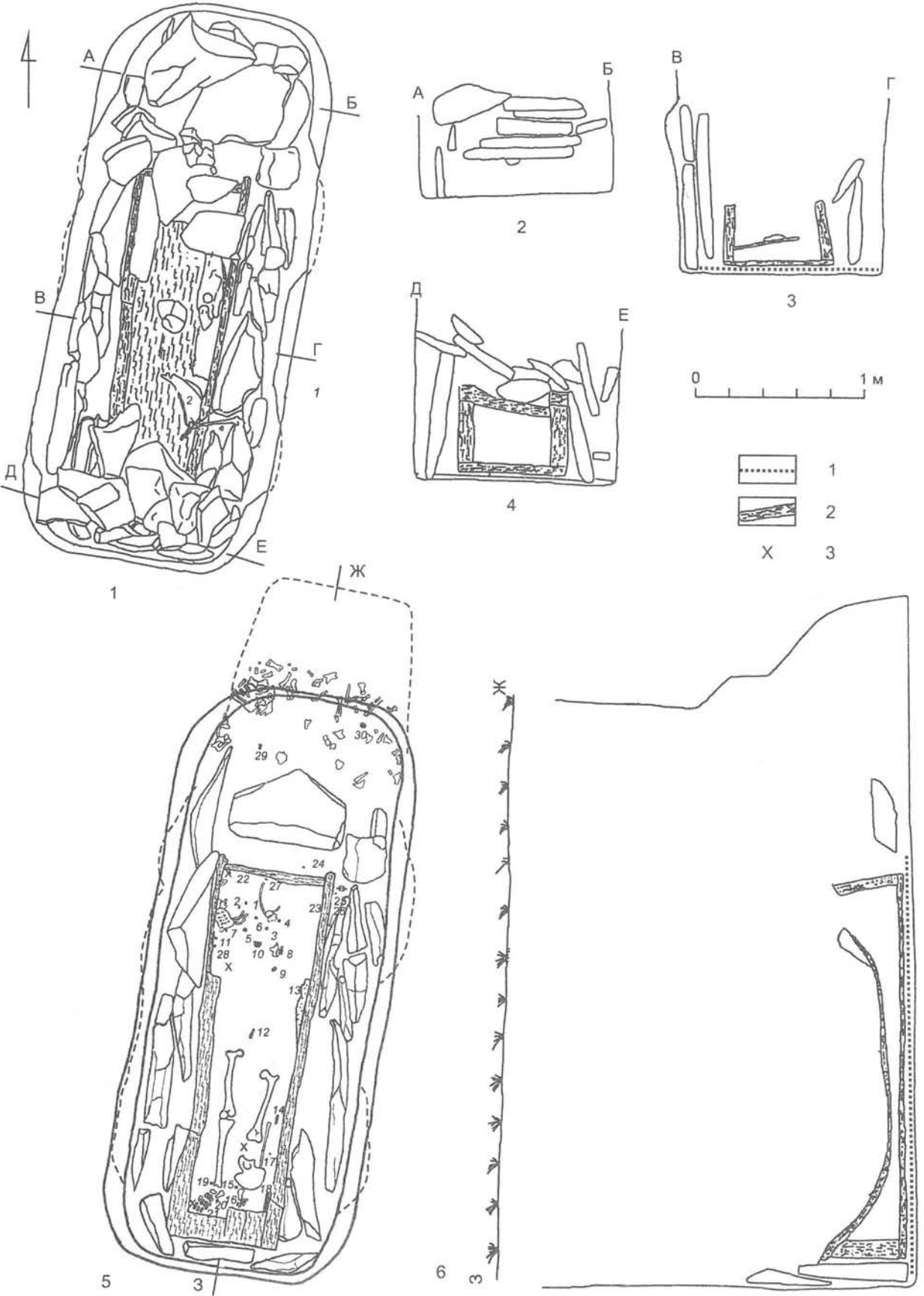
Курган 10. Располагался в 25 м восточнее северо-восточного угла кладки кургана 7 (рис. 2). Остатки намогильного сооружения, представленные крупными плитами, прослеживались на пахотном поле рядом с захоронением. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, длинной осью ориентирована по линии север-юг с отклонением на 10° к востоку (рис. 3). Заполнение ямы — желто-серая супесь с включениями комков темно-серой супеси, мелкой щебенки и углей. Заполнение грабительского хода, отчетливо выделявшегося в северной части ямы — черная супесь, насыщенная мелкими углями и щебен-

кой. В северной стенке ямы был устроен подбой, свод которого начинался на глубине 1 м, дно подбоя находилось на уровне дна могильной ямы. В подбое в переотложенном состоянии были найдены отдельные кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота (в основном кости ног; рис. 3: 4).

Внутримогильное сооружение (рис. 3) — деревянный гроб в каменном ящике. Ящик, сложенный из нескольких рядов вертикальных плит (высота некоторых из них достигала 1 м), имел перекрытие из 2—3 рядов каменных плит, лежавших плашмя (остатки перекрытия прослеживались в южной части ямы,

Рис. 3. Курган 10. 1 — План погребения на уровне перекрытия гроба (1 — череп лошади; 2 — нижняя челюсть лошади); 2—4 — профили внутримогильного сооружения; 5 — план погребения после расчистки (1, 3 — железные кольца с остатками кожи; 2 — железное кольцо с язычком; 4 — фрагмент железной пластинки; 5, 6, 8, 10, 16 — железные прямоугольные пластины; 7 — стрела из рога; 9 — свистунка; 11 — прямоугольный железный стержень; 12 — железное колечко; 13 — фрагменты красного лака; 14 — два железных наконечника стрелы; 15 — железная пластина с кольцевидным окончанием; 17—21 — железные заклепки; 22 — роговой наконечник стрелы; 23 — наклад-ка из рога; 24, 27 — роговые свистунки; 25 — железная пластина; 26 — лопаточка из кости; 28 — наклад-ка на лук из рога; 29 — роговая пряжка; 30 — фрагмент кожи с окислами бронзы; 6 — профиль могильной ямы и внутримогильного сооружения. Условные обозначения: 1 — слой древесного угля; 2 — дерево; 3 — мелкие фраг-менты железных предметов.

Fig. 3. Kurgan 10. 1 — Plan of the burial at the level of the covering of the coffin (1 — horse skull; 2 — horse mandible); 2—4 — sections of the burial; 5 — plan of the burial after cleaning (1, 3 — iron rings with remains of leather; 2 — iron ring with a tongue; 4 — fragment of an iron platelet; 5, 6, 8, 10, 16 — rectangular iron plates; 7 — arrowhead made of horn; 9 — horn arrow-whistle; 11 — rectangular iron rod; 12 — a small iron ring; 13 — fragments of red varnish; 14 — two iron arrowheads; 15 — iron plate with a ring-shaped tip; 17—21 — iron rivets; 22 — horn arrow-head; 23 — horn plate; 24, 27 — horn arrow-whistles; 25 — iron plate; 26 — «a trowel» made of bone; 28 — horn bow-plate; 29 — horn buckle; 30 — fragment of leather with bronze oxides on it; 6 — profile of the grave pit and structure inside. Notations: 1 — charcoal; 2 — wood; 3 — small fragments of iron objects.

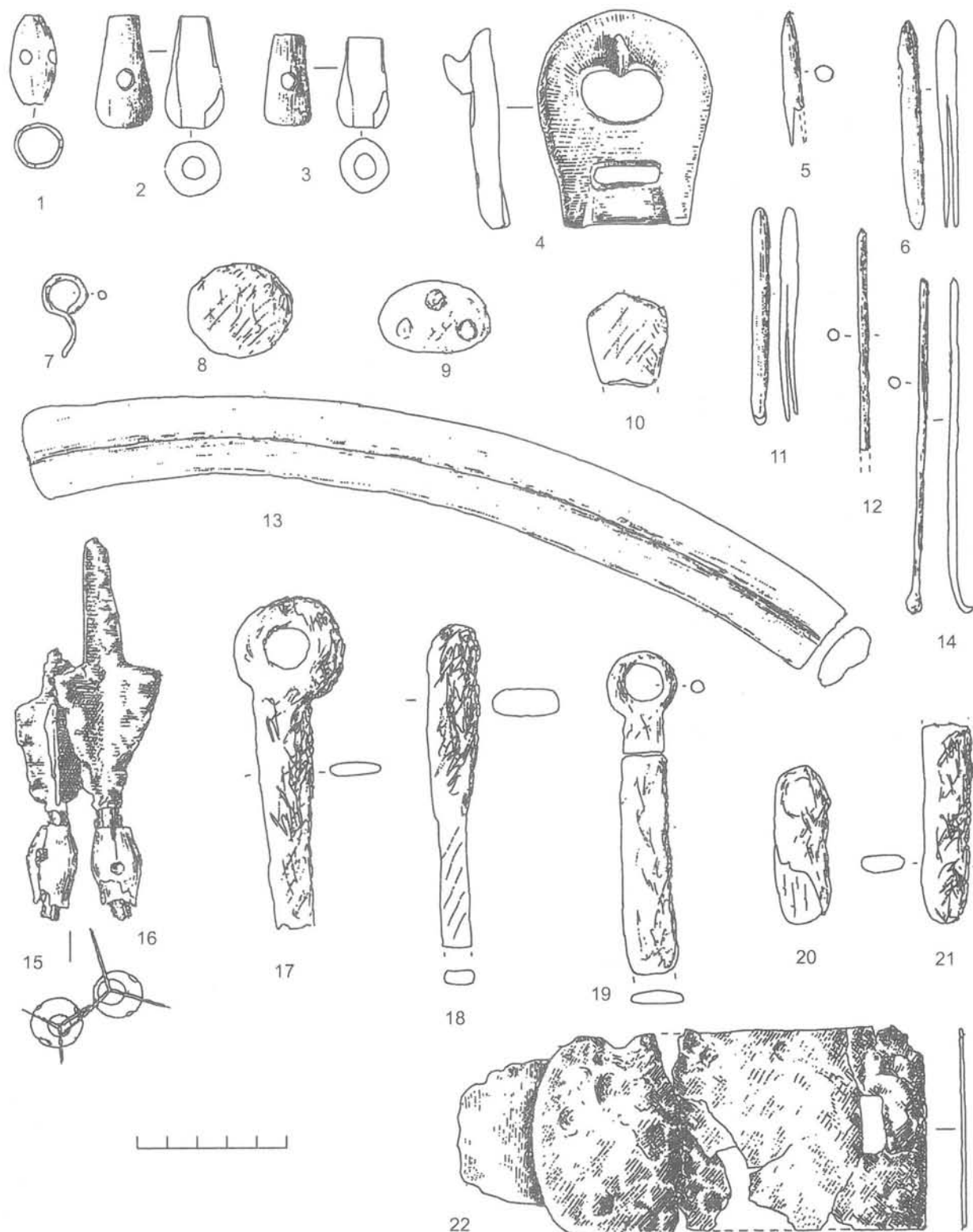

Рис. 4. Курган 10. Находки: 1 — свистунка; 2—3 — ворворки (?); 4 — пряжка; 5—6, 11 — наконечники стрел; 7 — серьга (?); 8—9 — фрагменты панцирных пластин (?); 10 — фрагмент предмета; 12 — фрагмент палочки для еды; 13 — орудие из ребра крупного рогатого скота; 14 — лопаточка; 15—16 — наконечники стрел со свистунками; 17, 19 — концевые пряжки ремней; 18, 21 — фрагменты железных пластин; 20 — фрагмент ножа с остатками рукояти; 22 — пряжка пояса. 1—6, 11 — рог; 7 — бронза; 8—10, 17—19, 21—22 — железо; 12—14 — кость; 15—16 — железо, рог; 20 — железо, дерево.

Fig. 4. Kurgan 10. Finds: 1 — horn arrow-whistle; 2—3 — strap ornaments (?); 4 — buckle; 5—6, 11 — arrowheads; 7 — earring (?); 8—9 — fragments of armour-clad (?); 10 — fragment of an article; 12 — fragment of eating stick; 13 — tool made of cow's rib; 14 — «a trowel»; 15—16 — arrowheads with arrow-whistles; 17, 19 — belt's buckles; 18, 21 — fragment of iron plates; 20 — fragment of a knife with handle; 22 — buckle. 1—6, 11 — horn; 7 — bronze; 8—10, 17—19, 21—22 — iron; 12—14 — bone; 15—16 — iron, horn; 20 — iron, wood.

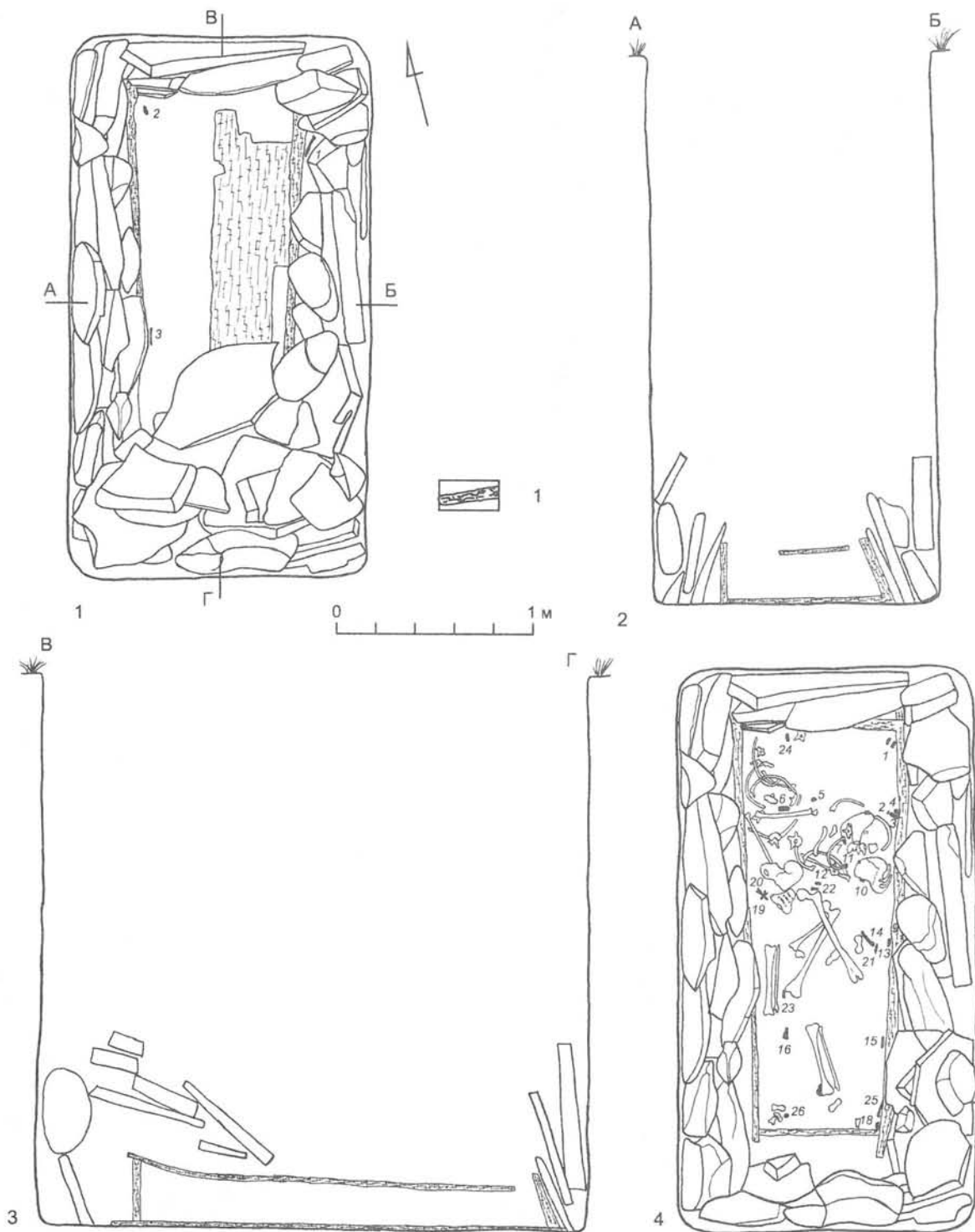

Рис. 5. Курган 9. 1 — план погребения на уровне перекрытия гроба (1 — фронтальная срединная накладка на лук из рога; 2 — железный наконечник стрелы с роговой свистункой, 3 — концевая накладка на лук из рога); 2—3 — профили могилы и внутримогильного сооружения; 4 — план погребения после расчистки (1 — две ворворки; 2 — фрагмент предмета, 3 — рукоять; 4 — фрагмент предмета, 5 — фрагмент кольца; 6 — фрагмент пряжки с язычком, 7 — втульчатый наконечник стрелы, 8 — палочка для еды; 9 — фрагмент концевой накладки на лук; 10 — фрагмент пластины с отверстием на конце; 11 — два наконечника стрел с расщепленным насадом; 12 — фрагмент пластины; 13 — фрагменты фигурных стержней; 14 — фрагменты концевой накладки на лук; 15 — фрагмент пластинки; 16—17 — фрагменты железных предметов с остатками дерева; 18 — фрагменты пластины; 19—23 — наконечники стрел; 24 — трубочка; 25 — фрагменты концевой накладки на лук; 26 — обойма). Условные обозначения: 1 — дерево.

Fig. 5. Kurgan 9. 1 — Plan at the level of the covering of the coffin (1 — frontal central bow-plate made of horn; 2 — iron arrowhead with a horn arrow-whistle; 3 — tip bow-plate made of horn); 2—3 — sections of the burial; 4 — plan of the completely uncovered burial (1 — two strap ornaments; 2 — fragment of an object; 3 — haft; 4 — fragment of an object; 5 — fragment of a ring; 6 — fragment of buckle with a tongue; 7 — socketed arrowhead; 8 — eating stick; 9 — fragment of tip bow-plate; 10 — fragment of a plate with a hole at its end; 11 — two arrowheads with bifurcated extension; 12 — fragment of a plate; 13 — fragments of figured rods; 14 — fragments of tip bow-plate; 15 — fragment of a platelet; 16, 17 — fragments of iron objects with remains of wood on them; 18 — fragments of a plate; 19—23 — arrowheads; 24 — a small pipe; 25 — fragments of tip bow-plate; 26 — a bushing). 1—3, 7, 9, 11, 14, 15, 19—26 — horn; 4 — birch bark; 5, 6, 10, 12, 13, 16, 18 — iron. Notations: 1 — wood.

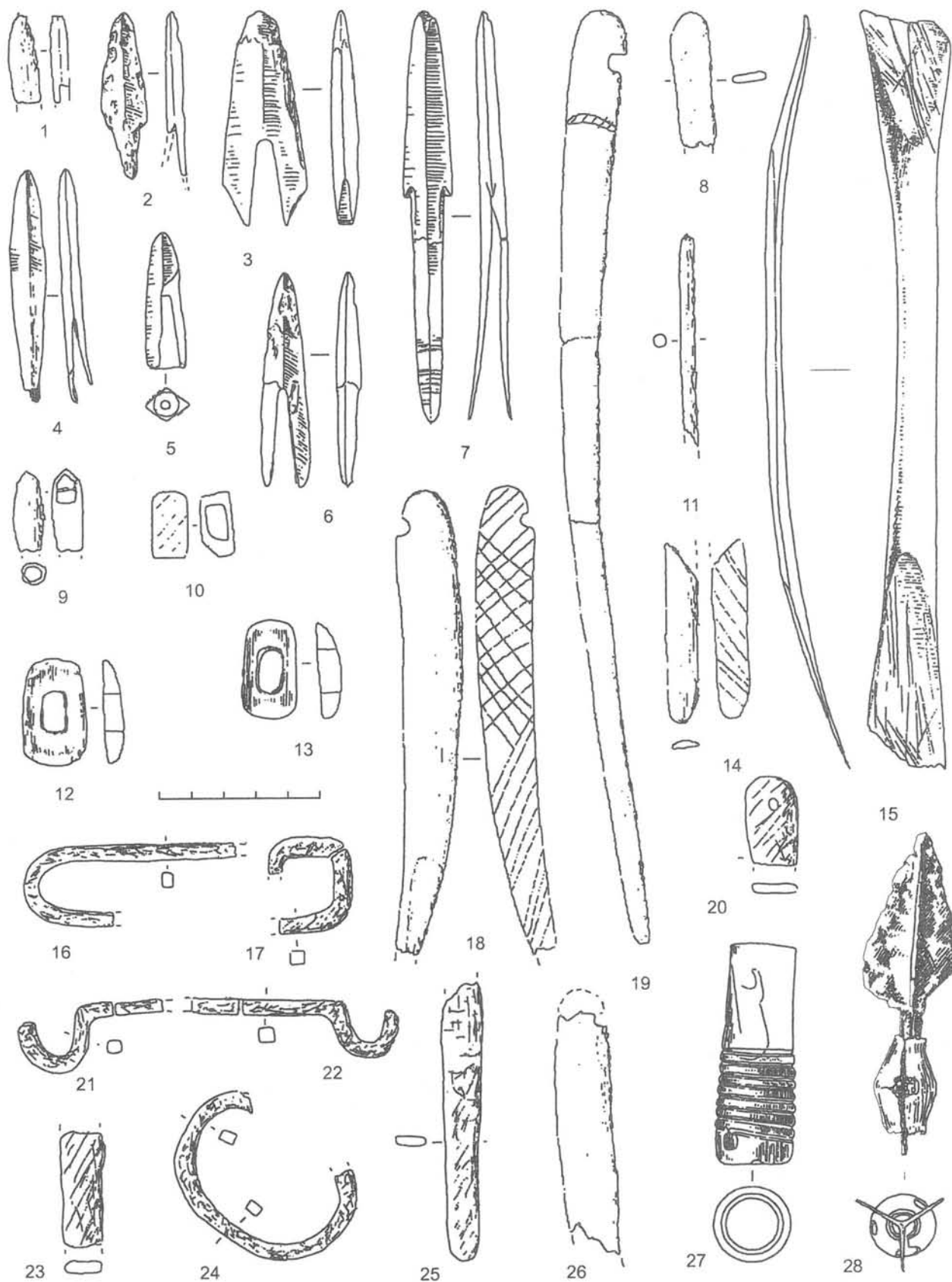

Рис. 6. Курган 9. Находки: 1—7 — наконечники стрел; 8 — фрагмент предмета; 9 — трубочка; 10 — обойма; 11 — фрагмент палочки для еды; 12—13 — ворворки; 14, 18, 26 — фрагменты концевых накладок на лук; 15 — срединная фронтальная накладка на лук; 16—17, 21—22 — фрагменты стержней; 19 — концевая накладка на лук; 20, 23, 25 — фрагменты пластины; 24 — фрагмент кольца, 27 — рукоять; 28 — наконечник стрелы со свистункой. 1—15, 18—19, 26—27 — рог; 16—17, 20—25 — железо; 28 — железо, рог.

Fig. 6. Kurgan 9. Finds: 1—7 — arrowheads; 8 — fragment of an object; 9 — small pipe; 10 — bushing; 11 — fragment of an eating stick; 12, 13 — strap ornaments; 14, 18, 26 — fragments of tip bow-plate; 15 — frontal central bow-plate; 16, 17, 21, 22 — fragments of rods; 19 — a tip bow-plate; 20, 23, 25 — fragments of platelet; 24 — fragment of a ring; 27 — haft; 28 — arrowhead with a arrow-whistle. 1—15, 18—19, 26—27 — horn; 16—17, 20—25 — iron; 28 — iron, horn.

нетронутой грабительским ходом). Гроб сооружен из толстых (6—8 см) досок, перекрытие его — из трех продольных досок. В юго-западном углу зафиксировано скрепление досок перекрытия между собой с помощью фигурной шпонки; на западной стенке гроба прослеживался паз для шипа, скреплявшего доски перекрытия и стенки. Дно гроба из продольных досок. Под дном насыпан слой древесного угля толщиной 6—8 см, в котором в юго-западной части ямы найдено орудие из ребра коровы (которым, возможно, равняли уголь; рис. 4: 13).

Погребение ограблено, отдельные кости скелета встречались в переотложенном состоянии в заполнении ямы; кости правой ноги и левая бедренная сохранились *in situ*. Вероятно, погребенный лежал в традиционной для сянну позе — на спине с прямыми конечностями, ориентирован на север.

Находки. На крышке гроба в середине у восточной стенки — череп и нижняя челюсть лошади; рядом — большая берцовая кость человека и фрагмент железного предмета (рис. 3: 1). В заполнении грабительского хода у восточной стенки — два маленьких предмета из рога (рис. 4: 2, 3). В северной части гроба — ребра, крестец и позвонки человека; рядом с ними — железная пластина-пряжка с заклепками (рис. 4: 22), фрагмент железной пластинки (рис. 4: 10) и железная круглая пластинка с заклепками (рис. 4: 9). В северо-восточном углу гроба — железная прямоугольная пластинка (рис. 4: 21). В северо-западном углу гроба, за крестцом — стрела из рога с раздвоенным насадом (рис. 4: 5); на месте верхней части грудной клетки — железная круглая пластинка с заклепками (рис. 4: 8) и свистунка из рога (рис. 4: 1). На месте правой лопатки — железная круглая пластинка с заклепками; у крестца — железный прямоугольный стержень (рис. 4: 18). На месте правой тазовой кости — бронзовое колечко (серьга?; рис. 4: 7) и фрагмент изделия из железа (рис. 4: 20). В середине гроба у восточной стенки — фрагменты красного лака, покрывавшего ранее какой-то предмет; под ними — остатки окисленного железного предмета. Между левой бедренной и стенкой гроба — железные наконечники стрел со свистунками (рис. 4: 15, 16). У левой стопы, лежавшей *in situ*, — железная пластинка с кольцеобразным окончанием (рис. 4: 19). В юго-западном углу гроба — фрагменты железного предмета. Под левой стопой — железные заклепки. В юго-западном углу прослеживалась фигурная шпонка-бантик, скреплявшая стенки гроба. Здесь же лежала полностью разрушенная накладка на лук. На правой стопе — фрагменты железных заклепок. У сочленения пяточной кости и голени — фрагменты железного предмета. Под правой стопой — желез-

ные заклепки. В северной части гроба — фрагменты железа, 2 роговых наконечника стрел (рис. 4: 6, 11) и истлевшая концевая накладка на лук из рога. У северо-западного угла под просевшей стенкой гроба — фрагмент роговой палочки для еды (рис. 4: 12). У северо-восточного угла гроба за восточной стенкой — миниатюрная лопаточка из рога (рис. 4: 14). Вдобавок были найдены: у северо-восточного угла гроба — фрагмент кожи с окислами железа и бронзы; за северной стенкой под слоем костей животных — роговая пряжка (рис. 4: 4).

Курган 9. Располагался в 5,5 м южнее кургана 10 (рис. 2). Погребение, возможно, имело каменную кладку, разрушенную распашкой. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, вертикальными стенками длиной осью ориентирована по линии север-юг (рис. 5). Заполнение ямы — светло-серая супесь с включениями мелкой щебенки, заполнение грабительского хода — темно-коричневая супесь с включениями углей.

Внутримогильное сооружение — деревянный гроб в каменном ящике. Ящик сложен из плит, поставленных на ребро — северная и западная стенки — в три ряда, восточная — в два, южная — в один ряд. Ящик имел перекрытие из нескольких слоев плит, остатки которого прослеживались в северной части ямы. Гроб имел обычную конструкцию — короткие его стенки вставлены в длинные с помощью шипов и пазов, высота стенок 35 см, перекрытие и дно гроба также из продольных досок (рис. 5). Погребение ограблено, кости скелета встречались в переотложенном состоянии на дне гроба (рис. 5: 4).

Находки. Между камнями восточной стенки ящика — срединная фронтальная накладка на лук из рога (рис. 6: 15); в северо-западном углу на камнях перекрытия ящика — железный трехлопастный наконечник стрелы со свистункой (рис. 6: 28). На дне гроба найдены: в северо-западном его углу — две роговые ворворки (рис. 6: 12, 13); ниже ворворок — роговая рукоять с гравированным рисунком (рис. 6: 27), внутри рукояти — заизвесткованный фрагмент рога; рядом — фрагмент предмета из бересты. У северной стенки гроба, в 5 см от нее — фрагмент прямоугольного в сечении кольца (рис. 6: 24); ниже — фрагмент прямоугольной железной пряжки с язычком, полностью разложившейся; еще ниже, под лопаткой человека — втульчатый наконечник стрелы из рога (рис. 6: 5); рядом с ней — фрагмент костяной палочки для еды (рис. 6: 11); рядом с ней — фрагмент концевой накладки на лук (рис. 6: 26). У восточной стенки гроба под тазовой костью — фрагмент изделия из кожи и фрагмент железной пластинки с отверстием на конце (рис. 6: 20). Между тазовыми костями — фрагменты двух роговых наконечников стрел

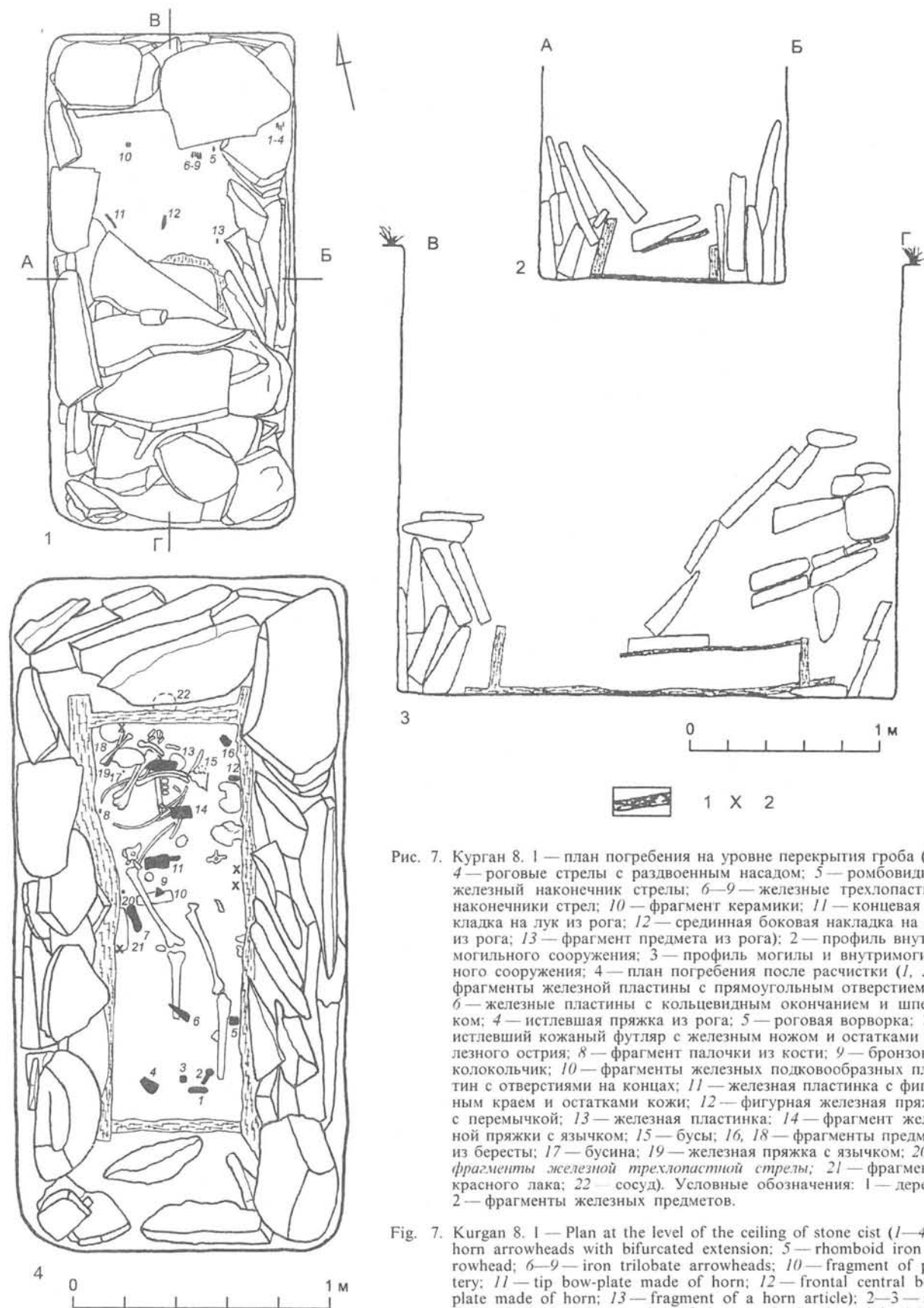

Рис. 7. Курган 8. 1 — план погребения на уровне перекрытия гроба (1—4 — роговые стрелы с раздвоенным насадом; 5 — ромбовидный железный наконечник стрелы; 6—9 — железные трехлопастные наконечники стрел; 10 — фрагмент керамики; 11 — концевая накладка на лук из рога; 12 — срединная боковая накладка на лук из рога; 13 — фрагмент предмета из рога); 2 — профиль внутримогильного сооружения; 3 — профиль могилы и внутримогильного сооружения; 4 — план погребения после расчистки (1, 3 — фрагменты железной пластины с прямоугольным отверстием; 2, 6 — железные пластины с кольцевидным окончанием и шпеньком; 4 — истлевшая пряжка из рога; 5 — роговая ворворка; 7 — истлевший кожаный футляр с железным ножом и остатками железного острия; 8 — фрагмент палочки из кости; 9 — бронзовый колокольчик; 10 — фрагменты железных подковообразных пластин с отверстиями на концах; 11 — железная пластинка с фигурным краем и остатками кожи; 12 — фигурная железная пряжка с перемычкой; 13 — железная пластинка; 14 — фрагмент железной пряжки с язычком; 15 — бусы; 16, 18 — фрагменты предмета из бересты; 17 — бусина; 19 — железная пряжка с язычком; 20 — фрагменты железной трехлопастной стрелы; 21 — фрагменты красного лака; 22 — сосуд). Условные обозначения: 1 — дерево; 2 — фрагменты железных предметов.

Fig. 7. Kurgan 8. 1 — Plan at the level of the ceiling of stone cist (1—4 — horn arrowheads with bifurcated extension; 5 — rhomboid iron arrowhead; 6—9 — iron trilobate arrowheads; 10 — fragment of pottery; 11 — tip bow-plate made of horn; 12 — frontal central bow-plate made of horn; 13 — fragment of a horn article); 2—3 — sections of the burial; 4 — plan of the completely cleaned burial (1, 3 — fragments of rectangular plate with a rectangular hole; 2, 6 — fragments of iron plates with ring-shaped tip and pins; 4 — decayed horn buckle; 5 — horn strap ornament; 7 — decayed leather case containing an iron knife and remains of iron point; 8 — fragment of a bone stick; 9 — little bronze bell; 10 — fragments of iron horseshoe-shaped plates with holes at their tips under which remains of an iron bit were lying; 11 — iron platelet with figured edge and remains of leather; 12 — figured iron buckle with a bridge (beneath it there were fragments of an iron platelet with rivets on its edges); 13 — iron platelet; 14 — fragment of an iron buckle with a tongue; 15 — beads; 16, 18 — fragments of a birch-bark article; 17 — a bead; 19 — iron buckle with a tongue; 20 — fragments of iron trilobate arrowhead; 21 — fragments of red varnish; 22 — vessel). Notations: 1 — wood; 2 — fragments of iron objects.

iron plates with ring-shaped tip and pins; 4 — decayed horn buckle; 5 — horn strap ornament; 7 — decayed leather case containing an iron knife and remains of iron point; 8 — fragment of a bone stick; 9 — little bronze bell; 10 — fragments of iron horseshoe-shaped plates with holes at their tips under which remains of an iron bit were lying; 11 — iron platelet with figured edge and remains of leather; 12 — figured iron buckle with a bridge (beneath it there were fragments of an iron platelet with rivets on its edges); 13 — iron platelet; 14 — fragment of an iron buckle with a tongue; 15 — beads; 16, 18 — fragments of a birch-bark article; 17 — a bead; 19 — iron buckle with a tongue; 20 — fragments of iron trilobate arrowhead; 21 — fragments of red varnish; 22 — vessel). Notations: 1 — wood; 2 — fragments of iron objects.

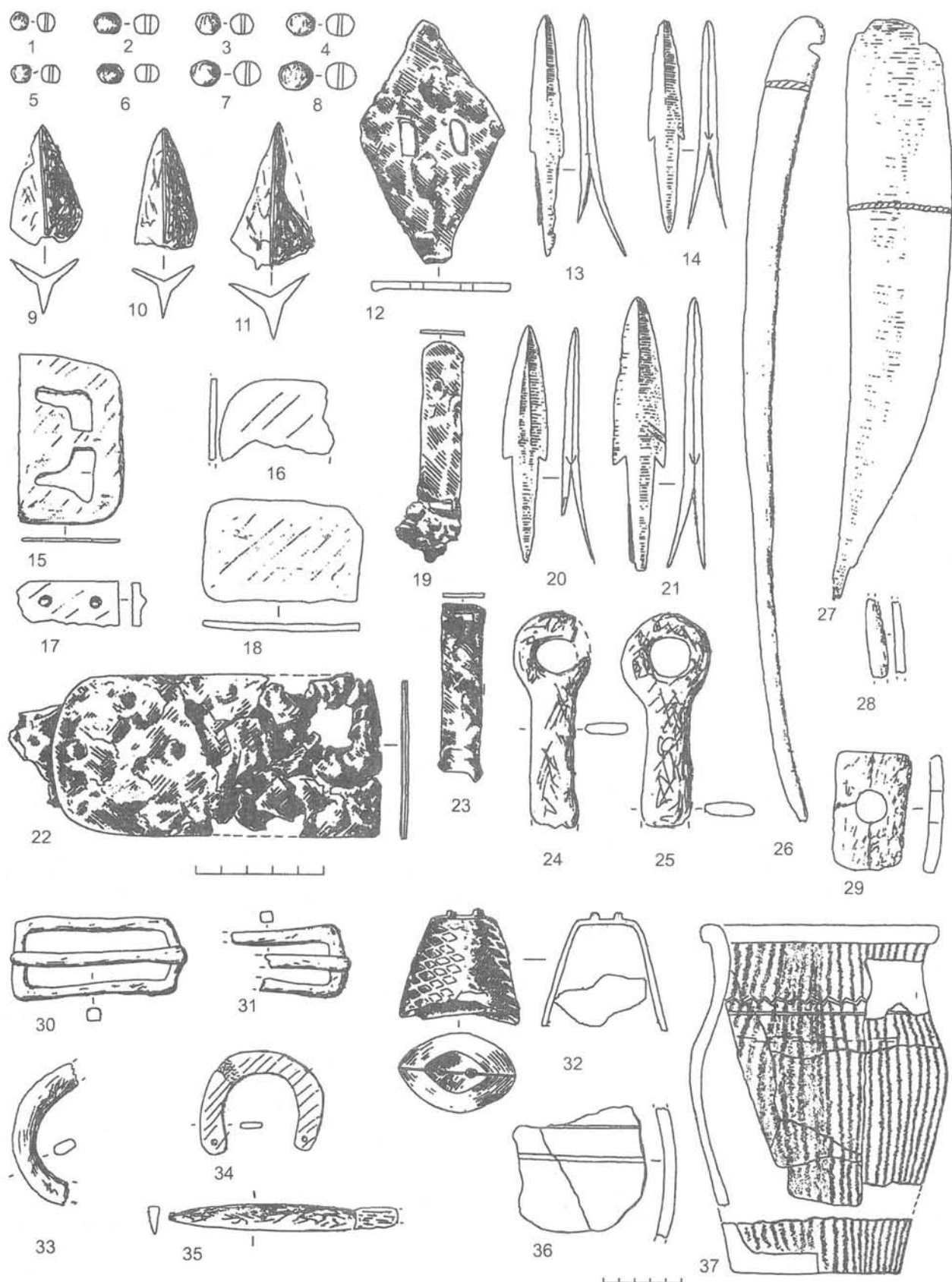

Рис. 8. Курган 8. Находки: 1—8 — бусы; 9—14, 20—21 — наконечники стрел; 15 — пряжка; 16 — фрагмент пластины; 17 — фрагмент пластины с заклепками; 18, 22 — пряжки-пластины пояса; 19, 23 — концевые пряжки ремней; 24—25 — пряжки; 26 — концевая накладка на лук; 27 — срединная боковая накладка на лук; 28 — фрагмент предмета; 29 — ворворка; 30—31 — пряжки с язычком; 32 — колокольчик; 33—34 — накладки; 35 — нож с остатками рукояти; 36 — фрагмент сосуда; 37 — сосуд. 1—7 — стекло; 8 — сердолик; 9—12, 15—19, 22—25, 30—31, 33—34 — железо; 13—14, 20—21, 26—29 — рог; 32 — бронза, камень; 35 — железо, дерево; 36—37 — керамика.

Fig. 8. Kurgan 8, finds. 1—8 — beads; 9—14, 20, 21 — arrowheads; 15 — buckle; 16 — fragment of plate; 17 — fragment of a riveted plate; 18, 22 — belt buckles-plates; 19, 23 — end buckles of straps; 24—25 — buckles; 26 — tip bow-plate; 27 — central lateral bow-plate; 28 — fragment of an article; 29 — strap ornament; 30, 31 — tongued buckles; 32 — little bell; 33, 34 — plates; 35 — knife with remains of haft; 36 — fragment of pottery; 37 — vessel. 1—7 — glass; 8 — carnelian; 9—12, 15—19, 22—25, 30—31, 13—14, 20—21, 26—29 — horn; 33—34 — iron; 32 — bronze and stone; 35 — iron and wood; 36—37 — ceramics.

с расщепленным насадом (рис. 6: 2, 4), у крестца — фрагмент железной пластинки (рис. 6: 23). У западной стенки гроба посередине — фрагменты фигурных железных стержней, прямоугольных в сечении (рис. 6: 16—17, 21—22); ниже них — роговая концевая накладка на лук (рис. 6: 19); ниже нее — фрагмент еще одной накладки на лук (рис. 6: 18); рядом с ней — роговой наконечник стрелы с расщепленным насадом (рис. 6: 2), фрагменты аналогичного наконечника лежали у головки левой бедренной кости. У западной стенки гроба ближе к южной стенке — фрагмент железного предмета с остатками дерева. У южной стенки гроба у пяточных костей — железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 6: 25). В юго-восточном углу гроба — железная пластинка с остатками кожи. У западной стенки гроба около крестца — 2 роговых наконечника стрел — прорезной (рис. 6: 3) и крупный наконечник с расщепленным насадом (рис. 6: 7). У костей правой голени — роговой прорезной наконечник стрелы (рис. 6: 6). У северной стенки гроба — трубочка из рога, половинка ее срезана, на лицевой стороне, возможно, имелось отверстие (рис. 6: 9). В юго-восточном углу гроба — концевая накладка на лук, полностью истлевшая.

В заполнении грабительского хода — фрагменты концевой накладки на лук из рога и фрагменты железных предметов. На дне гроба у костей стопы — роговая втулка (рис. 6: 10).

Курган 8. Располагался в 3 м южнее кургана 9. Предположительно погребение имело каменное надмогильное сооружение. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, вертикальными стенками ориентирована длинной осью по линии север-юг с отклонением 15° к востоку (рис. 7). Заполнение ямы — светло-серая супесь с включениями мелкой щебенки, заполнение грабительского хода — темно-коричневая супесь с включениями углей.

Внутримогильное сооружение — деревянный гроб в каменном ящике. Ящик сложен в два ряда плит, при этом наиболее крупные плиты стояли с наружной стороны во всю сторону ящика, с внутренней стороны более мелкие плиты стояли в два ряда. Ящик был перекрыт несколькими слоями плит, проследивавшихся в южной части ямы. Гроб имел обычную конструкцию — короткие стенки гроба вставлены в длинные с помощью шипов и пазов, перекрытие и дно гроба также из продольных досок.

Погребение ограблено, кости скелета встречались в переотложенном состоянии на дне гроба; *in situ* сохранились лишь кости левой ноги. Предположительно костяк лежал на спине с прямыми конечностями, ориентиро-

ван на север с отклонением на 15° к востоку (рис. 7).

Находки. В заполнении ямы в северо-западном углу на камнях перекрытия каменного ящика — 4 наконечника стрел из рога с расщепленным насадом (рис. 8: 13, 14, 20, 21), на уровне перекрытия гроба — концевая накладка на лук из рога (рис. 8: 26); четыре трехлопастных железных наконечника стрел (один из них полностью разложился; рис. 8: 9—11); плоский железный наконечник стрелы ромбовидной формы с двумя прорезями в середине (рис. 8: 12). На дне гроба обнаружены: у южной стенки гроба посередине — железная пластина с прямоугольным отверстием на конце (рис. 8: 23); у левой стопы — железная пластина с кольцеобразным окончанием и шпеньком (рис. 8: 24); рядом с ней — еще одна железная пластина с прямоугольным отверстием. В юго-западном углу гроба полностью истлевшая роговая пряжка, между левой голенью и стенкой гроба — роговая ворворка (рис. 8: 29). У конца левой голени — железная пластина с кольцеобразным окончанием и шпеньком (рис. 8: 25). Между правой бедренной и стенкой гроба — железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 8: 35), вокруг которого сохранились остатки кожаного футляра, внутри футляра — остатки острия, возможно от шила. У западной стенки гроба — фрагмент рогового предмета (рис. 8: 28); с внутренней стороны правой бедренной — бронзовый колокольчик с язычком из камня (рис. 8: 32); под ним — подковообразная железная пластинка с остатками ткани и с отверстиями на концах (в отверстиях прослеживались следы железных заклепок, рис. 8: 34), фрагмент аналогичной пластинки (рис. 8: 33), фрагменты железного предмета, предположительно удил. Возле правой бедренной — прямоугольная железная пластинка с остатками кожи (рис. 8: 19), у восточной стенки гроба — остатки железных предметов. Над верхним фрагментом таза — железная фигурная пряжка с перемычкой (рис. 8: 15) и фрагмент железной пластинки с заклепками по краям (рис. 8: 17). У северной стенки гроба у плечевой кости — железная поясная пластина (рис. 8: 22), под ней — окисленный железный предмет. Ниже левой лопатки — железная пряжка с язычком, край ее обломан (рис. 8: 31). Под лопаткой лежали по кругу бусы — одна круглая сердоликовая (рис. 8: 8) и шесть круглых стеклянных (рис. 8: 1—6); еще одна стеклянная бусина лежала в северо-западном углу гроба (рис. 8: 7). В северо-восточном углу гроба — остатки предмета из бересты, в северо-западном углу гроба — круглый берестяной предмет, полностью истлевший, на нем лежали фрагменты железа. У западной стенки гроба близ костей предплечья — железная прямоугольная пряжка с языч-

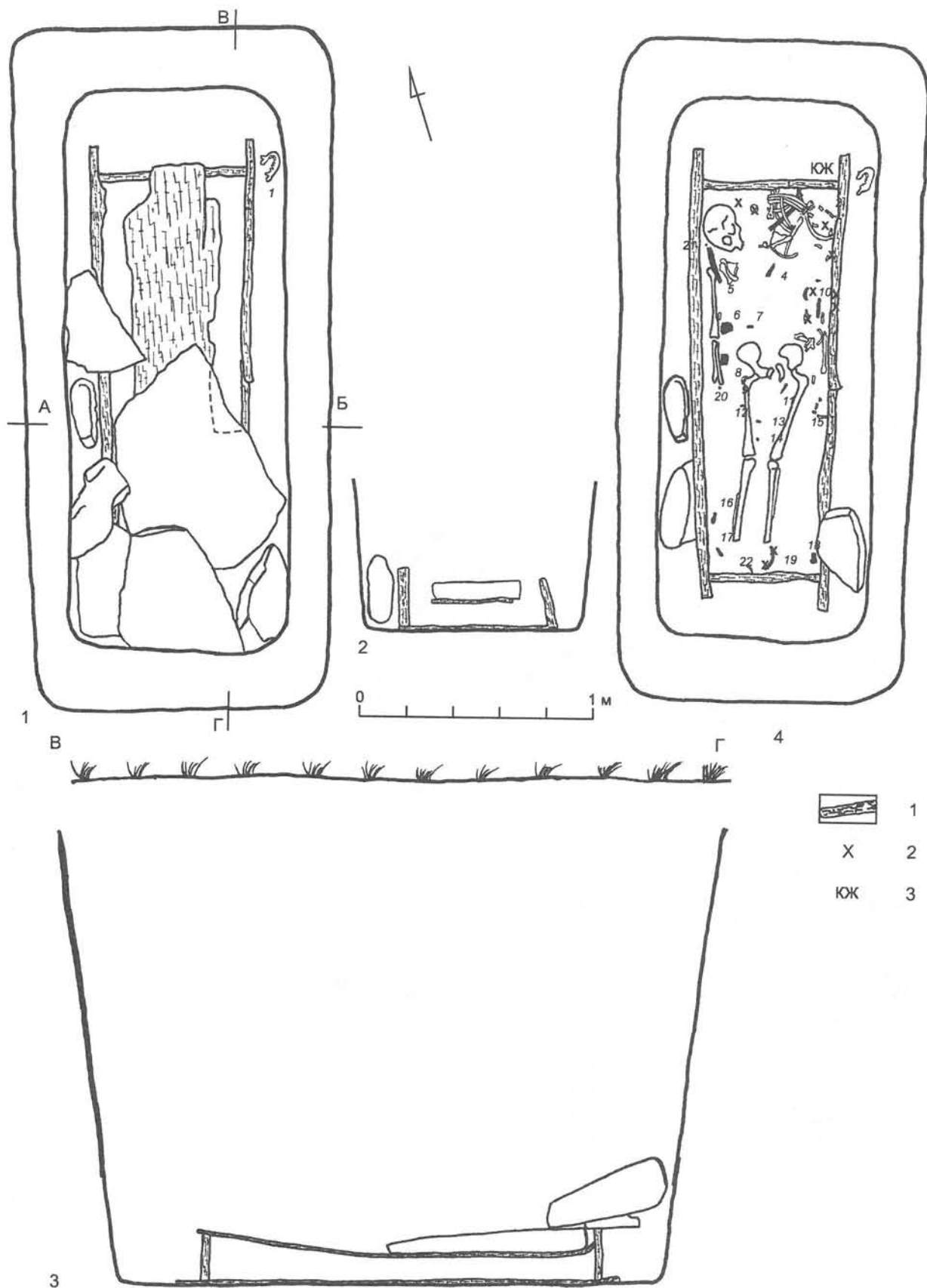

Рис. 9. Курган 6. 1 — план погребения на уровне перекрытия гроба (1 — челюсть человека); 2 — профиль внутримогильного сооружения; 3 — профиль могилы и внутримогильного сооружения; 4 — план погребения после расчистки (1, 5, 19 — накладки на лук; 2 — фрагмент кожи с заклепками; 3 — наконечник стрелы; 4 — фрагмент псаля; 6—8, 21—22 — фрагменты пластины с остатками кожи; 9, 11, 20 — ложечковидные застёжки с остатками кожи; 10 — «пенал»; 12 — заклепка; 13, 15 — фрагменты стрелы (?); 14 — фрагмент кожи; 16—17 — фрагменты удила; 18 — кельт). Условные обозначения: 1 — дерево; 2 — фрагменты железных предметов; 3 — кости животных.

Fig. 9. Kurgan 6. 1 — plan at the level of the ceiling of the stone cist (1 — human jaw); 2, 3 — sections of the burial; 4 — plan of the cleaned burial (1, 5, 19 — bow-plates; 2 — fragment of leather with rivets; 3 — arrowhead; 4 — fragment of cheekpiece; 6—8, 21—22 — fragments of a plate with remains of leather on it; 9, 11, 20 — spoon-shaped clasps with remains of leather; 10 — case; 12 — a rivet; 13, 15 — fragment of an arrow (?); 14 — fragments of leather; 16, 17 — fragments of bit; 18 — celt). Notations: 1 — wood; 2 — fragments of iron objects; 3 — animal bones.

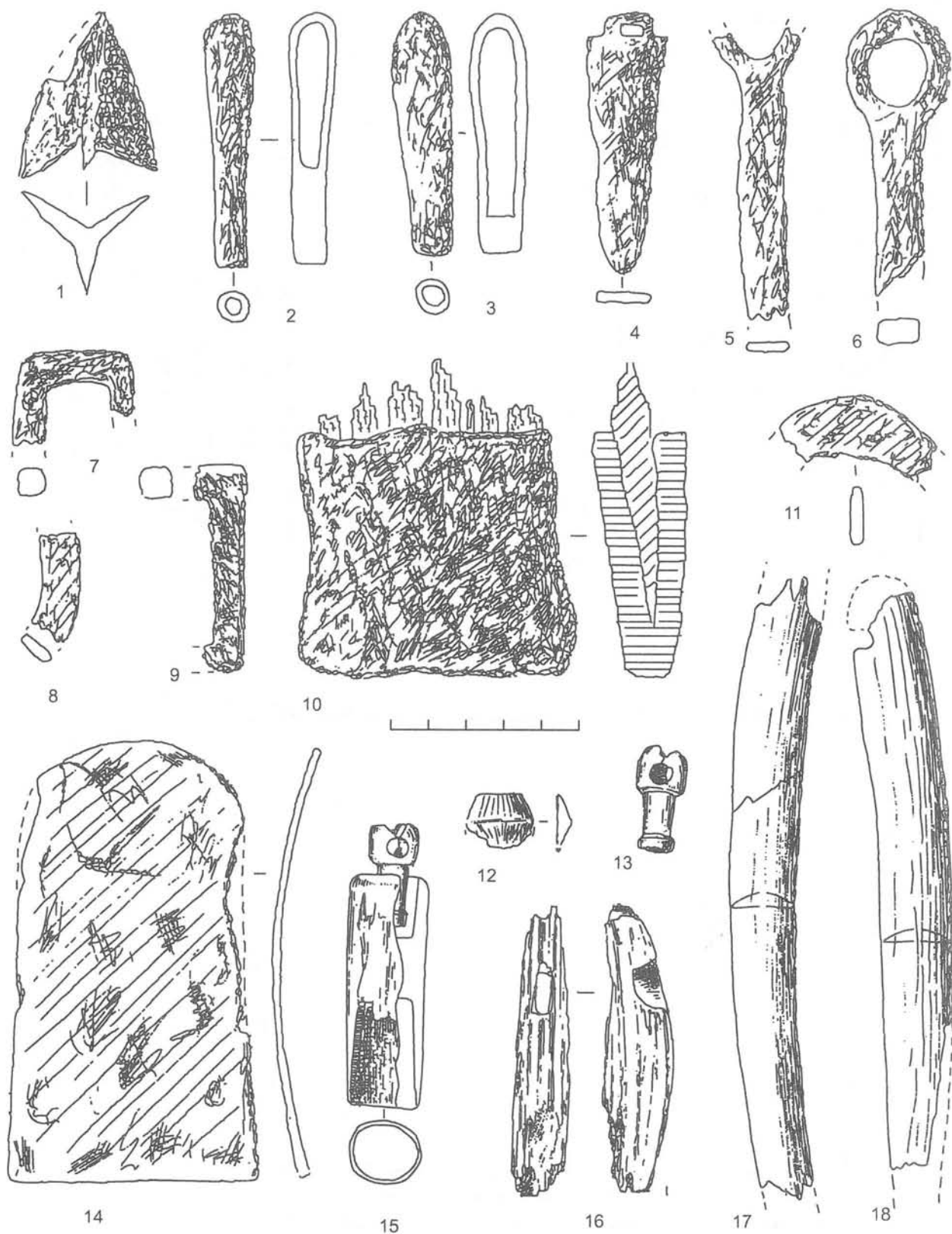

Рис. 10. Курган 6. Находки: 1 — наконечник стрелы; 2—3 — ложечковидные застёжки; 4 — пластинка; 5—6 — фрагменты удила; 7—9, 11 — фрагменты предметов; 10 — кельт; 12 — фрагмент свистунки; 13 — «пробка» от «пенала»; 14 — поясная пластина; 15 — «пенал»; 16 — фрагмент псаля; 17—18 — накладки на лук. 1—9, 14 — железо; 12—13, 15—18 — рог; 10 — железо, дерево.

Fig. 10. Kurgan 6, finds. 1 — arrowhead; 2,3 — spoon-shaped clasps; 4 — platelet; 5—6 — fragments of bit; 7—9, 11 — fragments of articles; 10 — celt. 12 — fragment of arrow whistle; 13 — «stopper» of the case; 14 — belt plate; 15 — case; 16 — fragment of cheekpiece; 17—18 — bow-plates. 1—9, 14 — iron; 12—13, 15—18 — horn; 10 — iron and wood.

ком (рис. 8: 30), рядом с ней — трехлопастной железный наконечник стрелы, полностью окислившийся. У западной стенки гроба посередине — фрагменты красного лака, покрывавшего ранее какой-то предмет; рядом с ними — фрагменты железного предмета. За северной стенкой гроба стоял сосуд (рис. 8: 37); у северной стенки гроба в заполнении — фрагмент сосуда, служивший, видимо, крышкой для целого сосуда (рис. 8: 36). Посередине у западной стенки гроба — фрагменты концевой накладки на лук из рога, полностью разложившиеся; посередине гроба — срединная боковая накладка на лук из рога (рис. 8: 27), в заполнении у восточной стенки гроба — фрагмент предмета из рога.

Курган 6. Располагался в 2,7 м южнее кургана 8. Могильная яма глубиной 210 см с вертикальными стенками имела размеры в верхней части — 275 × 125 см, у дна — 235 × 95 см.

Внутримогильное сооружение — деревянный гроб в каменном ящике. Ящик был образован поставленными на ребро плитами и имел перекрытие из крупных плит, сохранившееся в южной части могильной ямы (северная часть ящика разрушена при ограблении). Гроб был сооружен из досок, поперечные его стенки с помощью шипов были вставлены в продольные, где имелись соответствующие отверстия. Перекрытие и пол гроба сделаны из продольных досок. Размеры гроба — 193 × 70 (в южной части 53 см), высота его стенок 30 см (рис. 9).

Погребенный лежал на спине, с прямыми конечностями, ориентирован на север с небольшим отклонением к востоку. Кости стоп отсутствовали, кости левой руки, непотревоженные при ограблении, размещались, тем не менее, в обратном порядке: кости предплечья (локтевая и лучевая) лежали на месте плечевой кости, плечевая — на месте костей предплечья. Кости правой кисти не найдены. Нижняя челюсть лежала за пределами гроба у его северо-восточного угла. У северной стенки гроба обнаружены ребра и большая берцовая кость мелкого рогатого скота (рис. 9: 4).

Находки. Под костями мелкого рогатого скота — роговая накладка на лук (рис. 10: 17) и железный трехлопастной наконечник стрелы (рис. 10: 1); ниже костей мелкого рогатого — фрагмент рогового псаля (рис. 10: 16). У черепа на головке правой плечевой кости — роговая накладка на лук (рис. 10: 18). Выше накладки — железная подтреугольная пластинка с петлей на широком конце (рис. 10: 4); у правого локтя — фрагменты железной пластины (рис. 10: 14). У головки левой бедренной кости и на головке правой бедренной — железные ложечковидные застежки (рис. 10: 2, 3); ниже левой голени — полностью разложившаяся роговая накладка на лук. У восточной стенки

гроба рядом с левым предплечьем — небольшой роговой «пенал», полый с обоих концов (рис. 10: 15); одну из полостей закрывала «пробка» с отверстием (рис. 10: 13). Рядом с «пеналом» у стенки гроба — фрагмент роговой свистунки для стрелы (рис. 10: 12) и фрагменты плоских железных колец (рис. 10: 8, 11). В юго-восточном углу гроба — железный кельт с остатками деревянной рукояти (рис. 10: 10); в юго-западном углу — фрагменты удила (рис. 10: 5, 6).

Курган 11. Располагался в 21 м восточнее юго-восточного угла кладки кургана 7, в 5 м юго-восточнее кургана 6 (рис. 2). Следов надмогильного сооружения не обнаружено. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами и вертикальными стенками ориентирована длинной осью по линии северо-юг с отклонением на 20° к востоку. Заполнение ямы — светло-серая супесь с включениями мелкой щебенки, заполнение грабительского хода — темно-коричневая супесь с включениями углей.

Внутримогильное сооружение — деревянный гроб в каменном ящике. Ящик сложен из 2—3 рядов плит, поставленных на ребро; наиболее крупные плиты образовывали его наружную стенку. Ящик был перекрыт несколькими слоями плит. Гроб имел обычную конструкцию — короткие стенки гроба вставлены в длинные с помощью шипов и пазов, перекрытие и дно гроба из продольных досок (рис. 11).

Погребение ограблено, кости скелета лежали на дне гроба в переотложенном состоянии (рис. 11: 4); среди костей найдена нижняя челюсть с молочными зубами.

Находки. В заполнении ямы в северо-западном углу под камнями ящика за гробом — сосуд, лежавший на боку (рис. 11: 7). В заполнении гроба — роговой двудырчатый псаля (рис. 11: 6); у восточной стенки — железная пластина-пряжка пояса (рис. 11: 5). В заполнении гроба встречались также мелкие обломки железных предметов.

Западная группа сопроводительных захоронений.

До раскопок на современной дневной поверхности к западу от кургана 7 в зарослях кустарника и невысоких ильмовых деревьев прослеживались остатки курганов. Они были выражены западиной глубиной 1,2 м, окруженной невысоким валом, а также крупными каменными плитами и более мелкими камнями, выступавшими во многих местах на поверхность пашни. При сплошном вскрытии раскопа в западной группе, как и в восточной, обнаружено 5 погребений, располагавшихся в линию в 3—4 м друг от друга на расстоянии 25 м от западной стенки кургана 7. Северное захоронение группы № 12 располагалось в

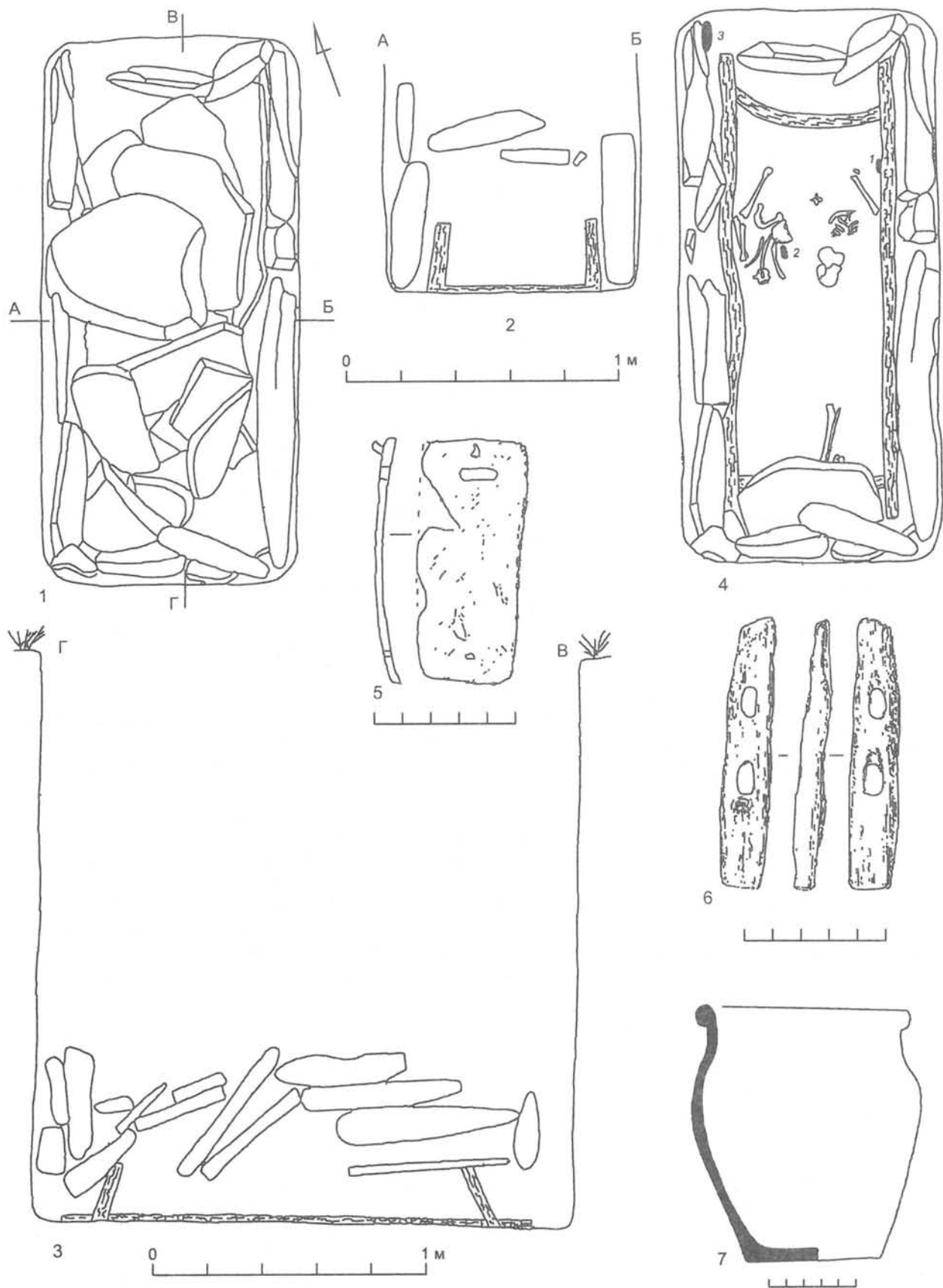

Рис. 11. Курган 11. 1 — план погребения на уровне перекрытия гроба; 2 — профиль внутримогильного сооружения; 3 — профиль могилы и внутримогильного сооружения; 4 — план погребения после расчистки (1 — псалий из рога, 2 — железная пластина; 3 — сосуд); 5—7 — находки из погребения: 5 — пластина пояса; 6 — псалий; 7 — сосуд. 5 — железо; 6 — рог; 7 — керамика.

Fig. 11. Kurgan 11. 1 — plan at the level of the ceiling of the stone cist; 2,3 — sections of the burial; 4 — plan — of the completely cleaned burial (1 — horn cheekpiece; 2 — iron plate; 3 — vessel); 5—7 — finds of the burial: 5 — belt plate; 6 — cheekpiece; 7 — vessel. 5 — iron; 6 — horn; 7 — pottery.

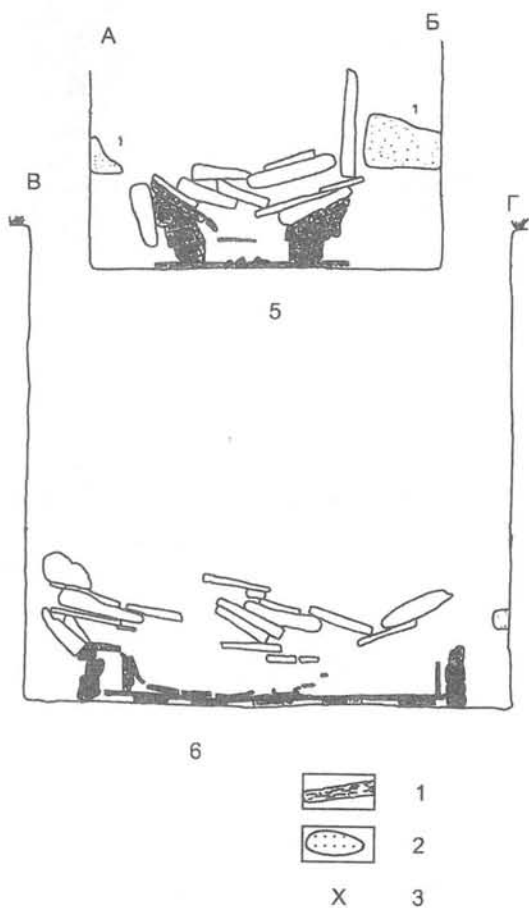
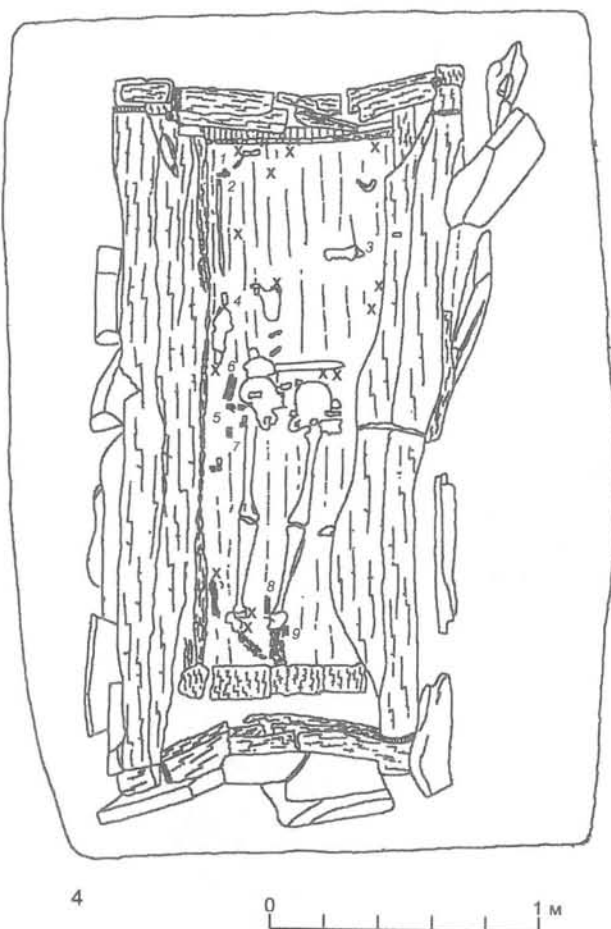
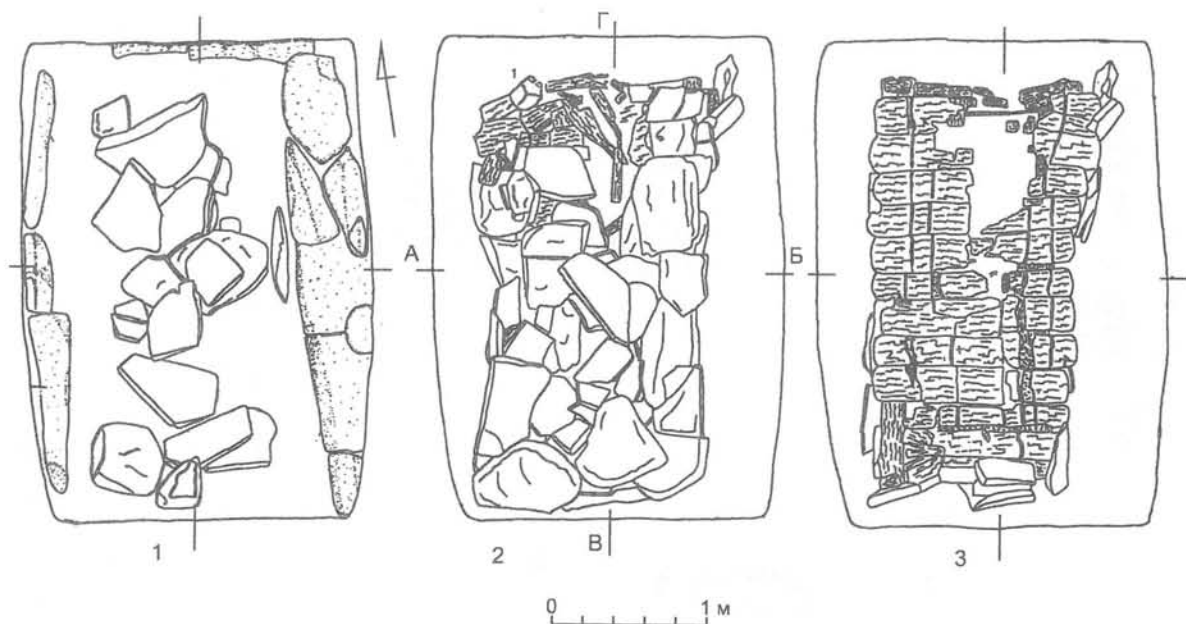

Рис. 12. Курган 12. 1—4—планы погребения: 1—на уровне закладки из камней и глиняных блоков; 2—на уровне перекрытия каменного ящика; 3—на уровне перекрытия сруба; 4—после расчистки (1—фрагмент роговой накладки на лук; 2—роговая накладка на лук; 3—каменный оселок; 4—железный нож с остатками деревянной рукояти; 5—железные наконечники стрел с остатками деревянного древка; 6—железное шило и роговой «черпачок» с остатками деревянного футляра; 7—прямоугольная железная пряжка; 8—железная пластинка с кольцевидным окончанием; 9—железная пластинка с прямоугольной прорезью на конце; 5—профиль внутримогильного сооружения; 6—профиль могилы и внутримогильного сооружения. Условные обозначения: 1—дерево; 2—глиняные блоки; 3—фрагменты железных предметов.

Fig. 12. Kurgan 12. 1—4—plans of the burial: 1—at the level of the backfill consisting of stones and clay blocks; 2—at the level of the ceiling of the stone cist; 3—at the level of the ceiling of the timber log; at the level of the cleaned burial (1—fragment of horn bow-plate; 2—horn bow-plate; 3—whetstone; 4—iron knife with remains of wooden haft; 5—iron arrowheads with remains of wooden shafts; 6—an iron awl and horn "scoop" with remains of a wooden case; 7—rectangular iron buckle; 8—iron plate with ring-shaped tip; 9—iron platelet with a rectangular slit at its end); 5, 6—sections of the burial. Notations: 1—wood; 2—clay blocks; 3—fragments of iron articles.

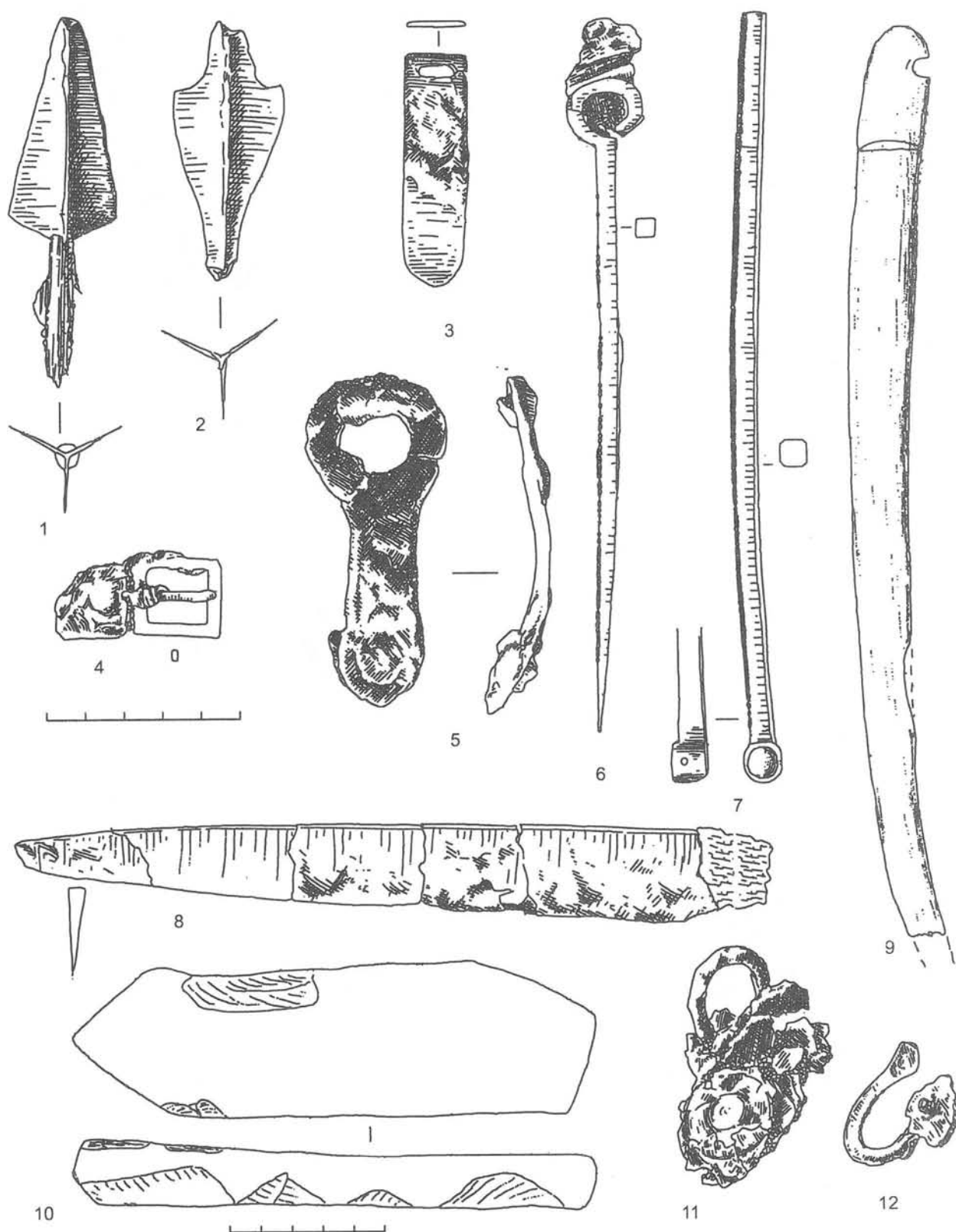

Рис. 13. Курган 12. Находки: 1—2—наконечники стрел; 3—пластина с прорезью; 4—прямоугольная пряжка с остатками ремня; 5—пряжка с кольцевидным окончанием; 6—шило с остатками кожи; 7—«черпачок»; 8—нож с остатками рукояти; 9—накладка на лук; 10—оселок; 11—12—скобки с остатками кожи. 1—3, 5—железо; 4, 6, 11—12—железо, кожа; 7, 9—рог; 8—железо, дерево; 10—камень.

Fig. 13. Kurgan 12, finds. 1, 2—arrowheads; 3—plate with a slit; 4—rectangular buckle with remains of leathern strap; 5—buckle with ring-shaped tip; 6—iron awl with remains of leather; 7—horn «scoop»; 8—knife with remains of wooden haft; 9—bow-plate made of horn; 10—whetstone; 11, 12—cramps with remains of leather. 1—3, 5—iron; 4, 6, 11—12—iron, leather; 7, 9—horn; 8—iron, wood; 10—stone.

24 м к западу от северо-западного угла намогильного сооружения кургана 7, южное захоронение группы № 16 находилось в 28 м к юго-западу от юго-западного угла кургана 7. Линия захоронений проходит в направлении север-юг, при этом захоронения в середине этой линии расположены строго по линии север-юг, крайние погребения (№ 12 и 16) незначительно отклоняются к востоку в южной части. Могильные пятна захоронений были выражены коричневой гумусированной супесью с включениями углей и мелкой щебенки, имели прямоугольную форму со скругленными углами. В целом западная линия захоронений почти зеркально симметрична восточной, отличаясь от нее лишь несколько большей длиной (общая протяженность линии погребений 46 м; рис. 2). Описание захоронений этой группы также дается соответственно их расположению с севера на юг.

Погребение 12. Расположено в 24 м к западу от северо-западного угла кургана № 7. Намогильное сооружение не зафиксировано. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, вертикальными стенками, ориентирована длинной осью по линии север-юг. Заполнение ямы — светло-серая супесь с включениями мелкой щебенки, заполнение грабительского хода — темно-коричневая супесь с включениями углей.

На глубине 210—240 см в яме обнаружен «заклад» из каменных плит и крупных бесформенных блоков материкового суглинки. Плиты располагались посередине ямы в меридиональном направлении, блоки суглинки — по краям ямы (рис. 12: 1). Под «закладом» было обнаружено внутримогильное сооружение, состоявшее из каменного ящика, внутри которого находился деревянный сруб, а внутри сруба — деревянный гроб (рис. 12: 2, 3).

Ящик был сложен из плит, поставленных на ребро. С южной, западной и восточной стороны плиты стояли в один ряд, с северной — отсутствовали. Ящик был перекрыт 2—3 слоями каменных плит, сохранившимися *in situ* в южной части ямы (рис. 12: 5, 6).

Сруб был сложен в 4 венца из обтесанных бревен, видимо, подквадратных в сечении. Бок-овые стенки сруба были сильно сдавлены заполнением могильной ямы, бревна имели первоначальное сечение предположительно 18 × 18—20 × 20 см, а возможная высота сруба была около 80 см. Сруб размером 250 × 100 см имел поперечное перекрытие из положенных плашмя встык 11 досок толщиной 5—6 см. Середина перекрытия под давлением плит была продавлена в середину сруба. Дно сруба состояло из 5 аналогичных досок, положенных на расстоянии 25 см друг от друга. В северо-западном углу ямы на досках перекрытия сруба был обнаружен череп человека.

Внутри сруба находился гроб размером 200 × 65 см, стенки которого вплотную примыкали к стенкам сруба. Высота стенок гроба, изготовленных из одной доски каждая, — 30 см, толщина стенок 5—6 см. Конструкция гроба типична для памятников сюнну — короткие стенки гроба вставлены в длинные с помощью шипов и пазов. Гроб имел перекрытие из двух широких продольных досок и дно из продольных досок, число которых определить не удалось, ввиду их плохой сохранности.

Погребение ограблено, кости скелета встречались в переотложенном состоянии на дне гроба; *in situ* сохранились лишь таз и кости нижних конечностей (как отмечалось, в северо-западном углу ямы на досках перекрытия сруба был обнаружен череп погребенного). Предположительно костяк лежал на спине с прямыми конечностями, ориентирован на север (рис. 12: 4).

Находки. В северо-западном углу сруба — роговая накладка на лук (рис. 13: 9), в северной части гроба ближе к восточной стенке — каменный оселок (рис. 13: 10); у западной стенки гроба на уровне правого предплечья — железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 13: 8); справа от тазовых костей — трехперые железные наконечники стрел с остатками деревянных черешков (один из них «ярусный», другой с треугольным профилем пера; рис. 13: 1, 2). Рядом со стрелами — железное шило с кольцевым навершием (рис. 13: 6) и роговой «черпачок» (рис. 13: 7); они лежали рядом под тонким слоем дерева и, вероятно, первоначально находились вместе в деревянном футляре. Между костями стоп, сохранившихся *in situ*, найдены: у правой пяточной кости — прямоугольная железная пряжка (рис. 13: 4), у левой пяточной кости — железная пластинка с кольцевидным окончанием (рис. 13: 5), ниже нее — прямоугольная железная пластинка с прямоугольной прорезью на конце (рис. 13: 3). В северо-западном углу гроба, у его восточной стенки, в области таза и у костей стоп найдены также фрагменты разложившихся железных изделий, среди которых можно выделить полукруглые скобки с заклепками на уплощенных концах и остатками кожи (рис. 13: 11, 12).

Курган 13. Располагался в 8 м южнее погребения 12 (рис. 2). До раскопок на сильно задернованной, покрытой деревьями и кустарником современной дневной поверхности прослеживались остатки намогильного сооружения округлой формы диаметром 8 м с глубиной — до 120 см западиной подпрямоугольной формы в центре. Сооружение представляло собой каменную кладку, центральная часть которой была разрушена грабительским ходом и последующим оползанием части камней по склону грабительской воронки. Размер сохра-

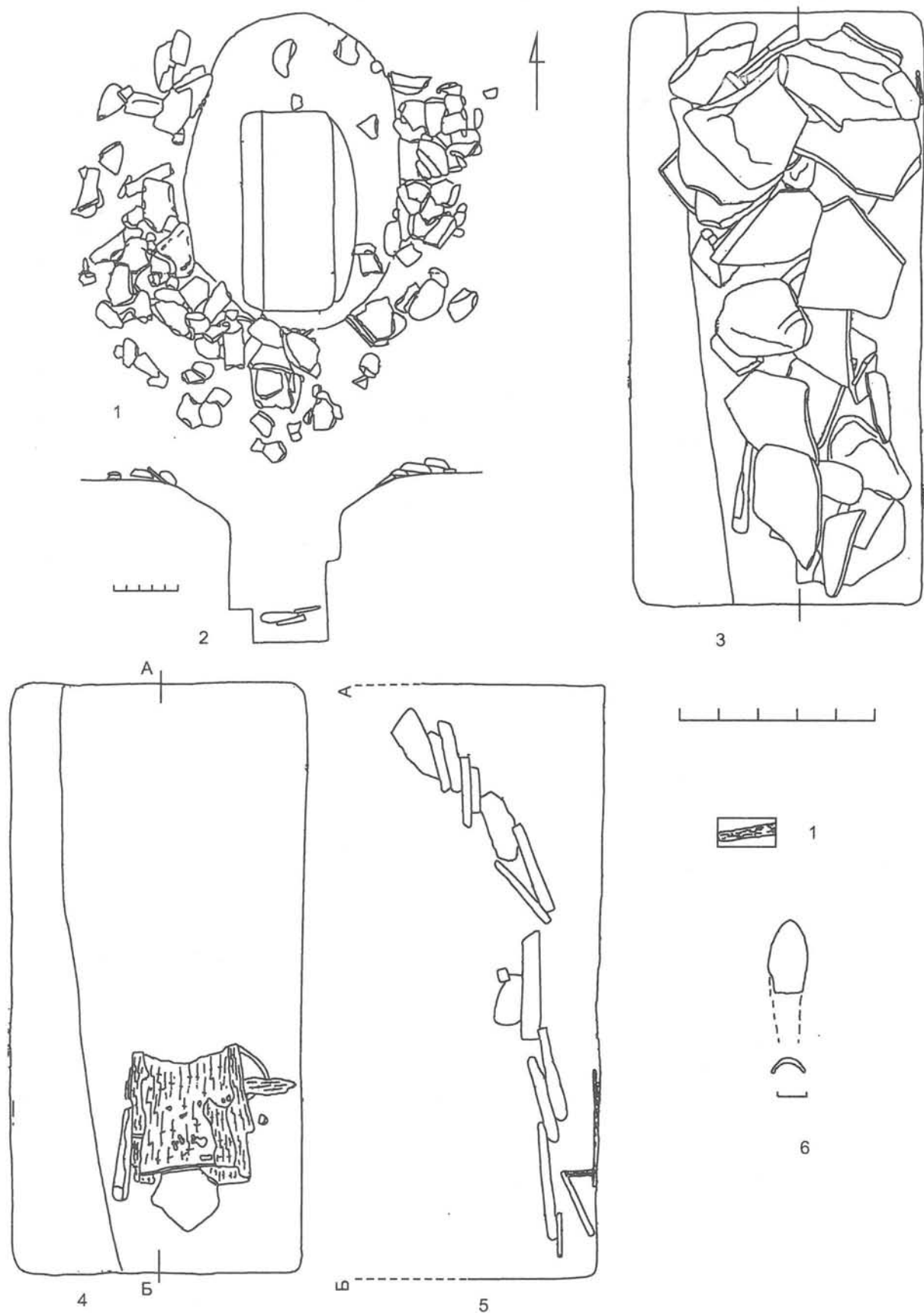

Рис. 14. Курган 13. 1, 2 — план и профиль надмогильного сооружения; 3 — план погребения на уровне заклада из камней; 4 — план погребения после расчистки; 5 — профиль могилы и внутримогильного сооружения; 6 — фрагмент ложечковидной застёжки, бронза. Условные обозначения: 1 — дерево.

Fig. 14. Kurgan 13. 1, 2 — plan and section of the surface and inner grave structures; 3 — plan at the level of the ceiling of the stone cist; 4 — plan of the cleaned burial; 5 — section of the burial; 6 — fragment of a bronze spoon-shaped clasp. Notations: 1 — wood.

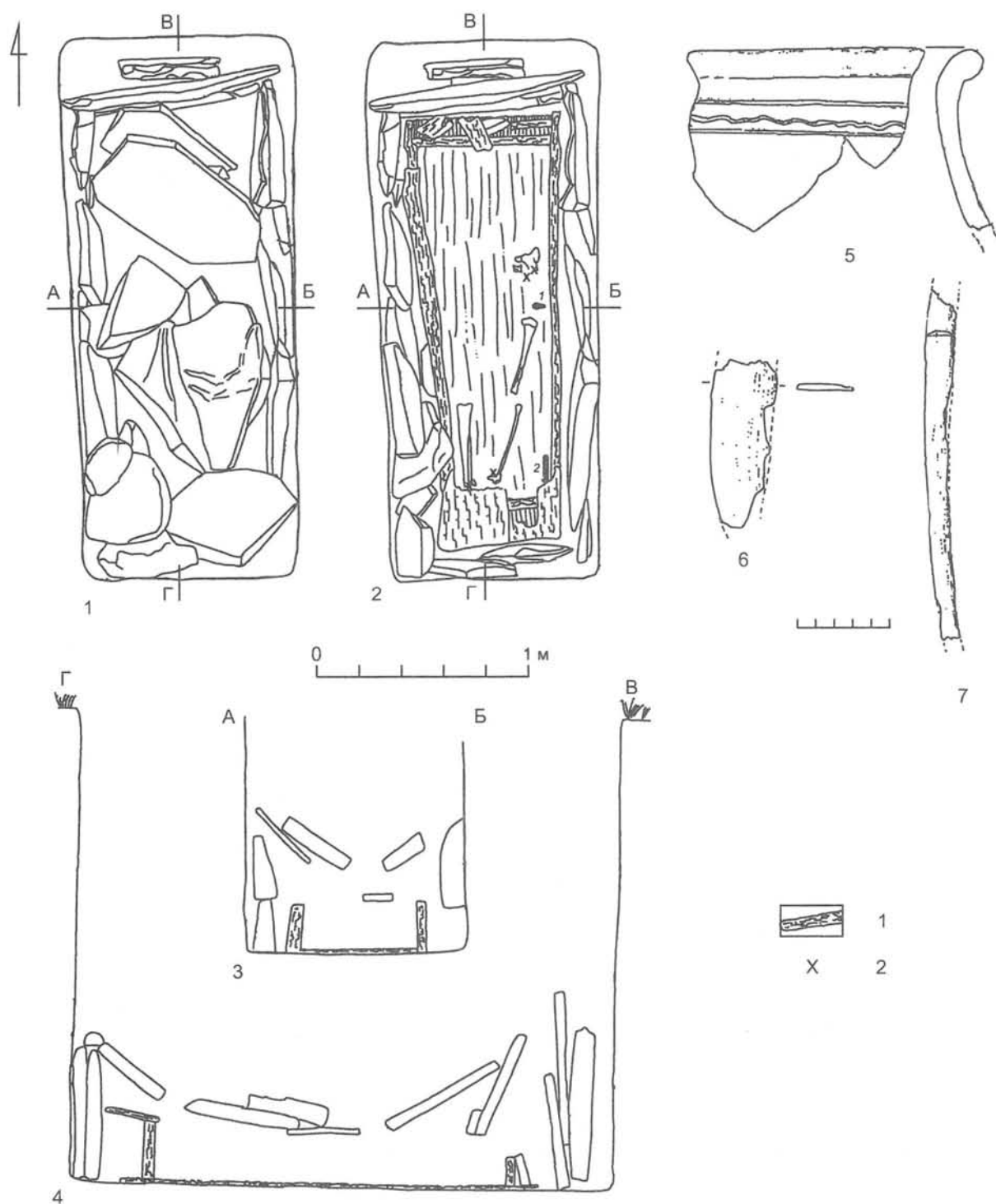

Рис. 15. Курган 14. 1 — план погребения на уровне перекрытия каменного ящика; 2 — план погребения после расчистки (1, 2 — фрагментированные накладки на лук из рога. Условные обозначения: 1 — дерево; 2 — неопределимые фрагменты железных предметов); 3—4 — профили могилы и внутримогильного сооружения; 5—7 — находки: 5 — фрагмент сосуда; 6—7 — фрагменты накладок на лук. 5 — керамика; 6—7 — рог.

Fig. 15. Kurgan 14. 1 — plan of the grave at the level of the ceiling of the stone cist; 2 — plan at the level of the cleaned burial (1, 2 — fragmentary bow-plates made of horn. Notations: 1 — wood; 2 — unidentifiable fragments of completely oxidised iron objects); 3—4 — sections of the burial; 5—7 — finds: 5 — fragment of pot; 6—7 — fragments of bow-plates. 5 — ceramics; 6—7 — horn.

нившейся части кладки — 7×6 м, камни кладки средним размером 40×50 см лежали в один-два ряда (рис. 14: 1, 2).

Заполнение могильной ямы представляло собой серую рыхлую супесь с включениями углей и мелкой щебенки. Стенки ямы в верхней части обвалились после ограбления, форма и размеры ее определились на глубине 1 м. Яма размером 290×150 см и глубиной 255 см имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, длинной осью ориентирована по линии север-юг. На глубине 203 см в западной стенке ямы был уступ шириной 35 см. В верхней части ямы в грабительском ходе обнаружены отдельные кости человека. Между восточной стенкой ямы и уступом в западной стенке найдено скопление из нескольких рядов каменных плит; у северной стенки ямы они зафиксированы на глубине 145 см, в центре ямы плиты лежали на уровне 205—210 см, у южной стенки — на глубине 230 см. В южной части могильной ямы были обнаружены остатки деревянного гроба шириной в южной части 55 см. Длина его не восстанавливается. Он имел перекрытие и дно из продольных досок, остатки которых фиксировались в уцелевшей южной его части (рис. 14).

Находки. В заполнении ямы у западной стенки на глубине 190 см найден обломок бронзовой ложечковидной застежки (рис. 14: 6), других находок не было.

Глубокая прямоугольная западина в центре кургана, прослеживавшаяся до раскопок, значительная разрушенность внутримогильного сооружения, в частности явно переотложенные каменные плиты в нижней части ямы, практически отсутствие находок (которые обычно встречаются даже в ограбленных погребениях) — все эти наблюдения позволяют предположить, что курган 13 представляет собой одну из могил, раскопанных ранее Ю. Д. Талько-Гринцевичем (Талько-Гринцевич 1999: 117—118). К сожалению, отсутствие плана его раскопок не позволяет определить номер этой могилы.

Погребение 14. Располагалось в 5 м южнее кладки и в 7 м южнее могильной ямы кургана 13 (рис. 2). Намогильного сооружения не прослеживалось. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами ориентирована длинной осью по линии север-юг с отклонением на 5° к востоку. Заполнение ямы — желто-серая супесь с включениями комков темно-серой супеси, мелкой щебенки и углей. Заполнение грабительского хода, отчетливо выделявшегося в северной части ямы — черная супесь, насыщенная мелкими углями и щебенкой.

Внутримогильное сооружение — деревянный гроб в каменном ящике. Ящик сложен из вертикальных плит в один ряд. Он был перекрыт 2—3 рядами плит. Переотложенные ос-

татки перекрытия отчетливо прослеживались в центре ямы. Размеры ящика — 235×100 см; высота плит — 40—60 см (рис. 15: 1, 3, 4).

Гроб размером 180×65 см и высотой стенок 35—40 см был сооружен из досок толщиной 5—6 см, имел перекрытие из двух продольных досок, остатки которых отчетливо прослеживались в южной части гроба. Дно его состояло из продольных досок, число которых не прослеживалось.

Погребение ограблено, отдельные кости скелета в переотложенном состоянии обнаружены на дне гроба. В юго-западном углу ямы *in situ* сохранились кости правой голени (рис. 15: 2).

Находки. В заполнении ямы на глубине 80 см у северной стенки обнаружен фрагмент верхней части сосуда с волнистым орнаментом (рис. 15: 5). На дне гроба у восточной стенки лежали фрагменты роговых накладок на лук (рис. 15: 6, 7); у восточной стенки гроба в области левого предплечья обнаружены также разложившиеся фрагменты железных предметов.

Погребение 15. Располагалось в 7,5 м южнее кургана 14 (рис. 2). Намогильное сооружение не прослеживалось. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами ориентирована длинной осью по линии север-юг. Заполнение ямы — желто-серая супесь с включениями комков темно-серой супеси, мелкой щебенки и углей. Заполнение грабительского хода — черная супесь с мелкими углями и щебенкой.

Внутримогильное сооружение — деревянный гроб размером 210×70 (в южной части — 55) см и высотой стенок 25—30 см. Гроб был сооружен из досок толщиной 5—6 см, имел перекрытие из двух продольных досок, остатки которых прослеживались в южной его части. Дно его состояло из продольных досок, число которых не прослеживалось. Гроб стоял на двух слегах из досок шириной 8 см и толщиной 4—5 см, располагавшихся на равном расстоянии 60 см как от северной, так и от южной стенок ямы. Северная слега лежала вплотную к восточной стенке ямы, не доходя до западной 15 см; южная слега — вплотную к западной стенке, не доходя на такое же расстояние до восточной (рис. 16: 1, 2).

За северной стенкой гроба найдены 3 ребра крупного рогатого скота, сломанные на три части; фрагменты ребер лежали друг на друге. Погребение ограблено, череп отсутствовал, ребра и почти все позвонки найдены в переотложенном состоянии на дне гроба. Однако кости таза, обе лопатки, верхние и нижние конечности сохранились *in situ*. Погребенный лежал на спине, ориентирован на север, левая нога прямая, правая слегка согнута в колене; концевые фаланги ног отсутствовали. Плечо и

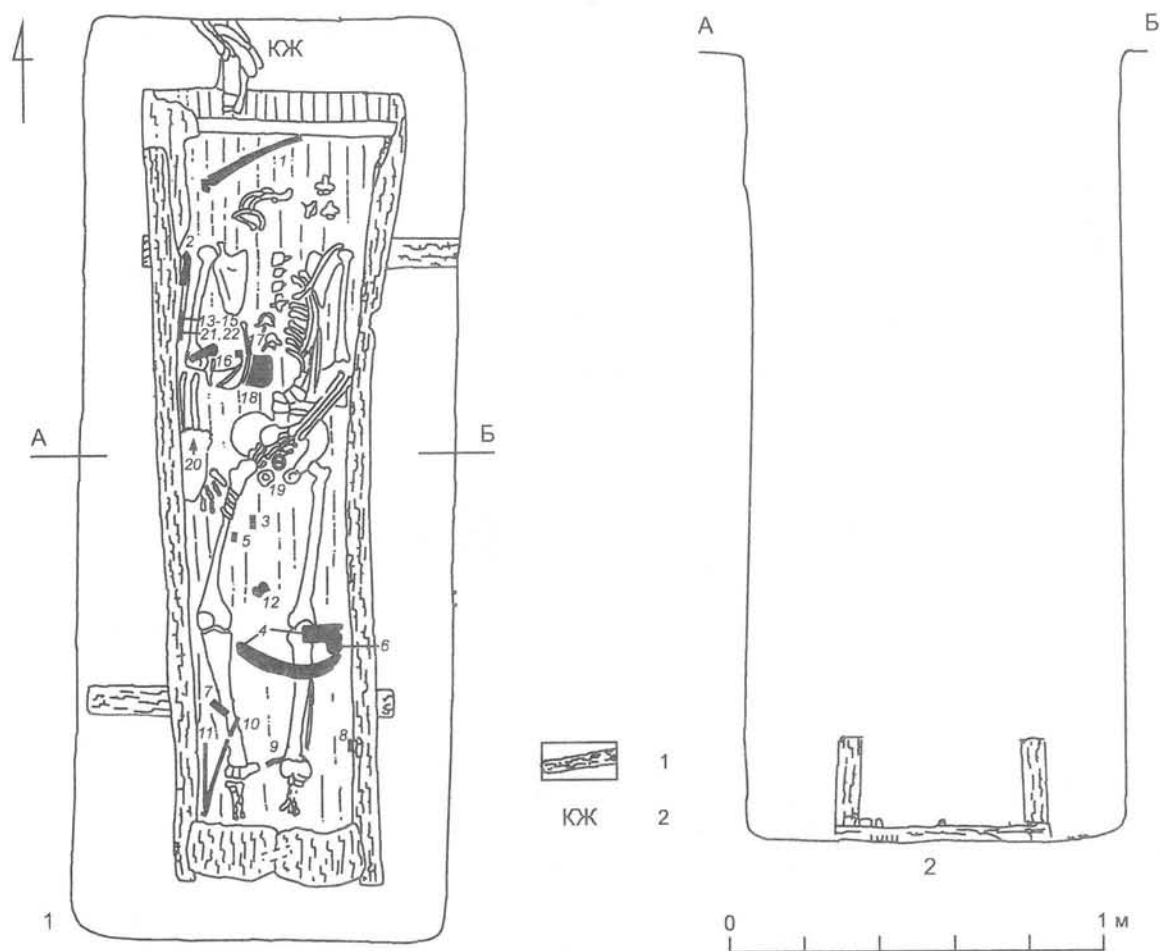

Рис. 16. Курган 15. 1 — план погребения (1 — цельная концевая накладка на лук из рога; 2 — концевая накладка на лук из рога (основа и удлинитель); 3 — роговая коническая трубочка; 4 — роговая лука седла; 5 — фрагмент роговой трубочки; 6 — роговая пряжка; 7 — роговая трубочка; 8 — фрагмент рогового псаля; 9 — фрагмент рогового удлинителя накладки на лук; 10 — концевая накладка на лук из рога (основа и удлинитель); 11 — цельная концевая накладка на лук из рога; 12 — альчик; 13 — роговая палочка для еды; 14 — железный нож с рукоятью из рога; 15 — железное шило с деревянной рукоятью; 16 — окисленный железный предмет; 17, 18 — окисленные железные предметы (пряжки ?); 19 — круглая железная пряжка с язычком; 20 — окисленный железный наконечник стрелы; 21 — окисленный железный предмет с роговой рукоятью; 22 — окисленный железный предмет); 2 — профиль могилы и внутримогильного сооружения. Условные обозначения: 1 — дерево; 2 — кости животного.

Fig. 16. Kurgan 15. 1 — plan of the burial (1 — solid tip bow-plate made of horn; 2 — tip bow-plate made of horn (the base and extension); 3 — a small conical horn pipe; 4 — horn saddle arch; 5 — fragment of small horn pipe; 6 — horn buckle; 7 — small horn pipe; 8 — fragment of horn cheekpiece; 9 — fragment of horn extension of a bow-plate; 10 — tip bow-plate made of horn (the base and extension); 11 — solid tip bow-plate made of horn; 12 — gaming cow knucklebone; 13 — horn eating stick; 14 — iron knife with haft made of horn; 15 — iron awl with wooden haft; 16 — oxidised iron object; 17, 18 — oxidised iron objects (buckles ?); 19 — round iron buckle with a tongue; 20 — oxidised iron arrowhead; 21 — oxidised iron article with horn haft; 22 — oxidised iron article); 2 — section of the burial. Notations: 1 — wood; 2 — animal bones.

предплечье правой руки прямые, правая кисть слегка согнутой лежала на правом бедре. Левое плечо прямое, предплечье лежало под углом к нему, левая кисть была согнута в кулак и лежала на костях таза рядом с правой кистью (рис. 16: 1).

Находки. У северной стенки гроба — концевая накладка на лук из рога (рис. 17: 14); между правым плечом и стенкой гроба — концевая накладка на лук из рога, составленная из основы и удлинителя (рис. 17: 12, 13); рядом с ней — палочка для еды из рога (рис. 17: 4), железный нож с рукоятью из рога (рис. 17: 11), железное шило с деревянной рукоятью (рис. 17: 8), еще один полностью окис-

ленный железный предмет с роговой рукоятью и фрагменты окисленного железного предмета. Железные пластины-пряжки с остатками кожи найдены у правого локтя и в нижней части грудной клетки (рис. 17: 15, 17). В нижней части таза под левой кистью — круглая железная пряжка с язычком (рис. 17: 16); на правом предплечье — сильно окисленный железный наконечник стрелы (рис. 17: 2). С внутренней стороны правого бедра — роговая коническая трубочка с двумя отверстиями (рис. 17: 5) и фрагмент маленького бочонка из рога (возможно остатки роговой свистунки для стрел; рис. 17: 3). Между коленями несколько выше их — альчик (рис. 17: 10); на левом колене и

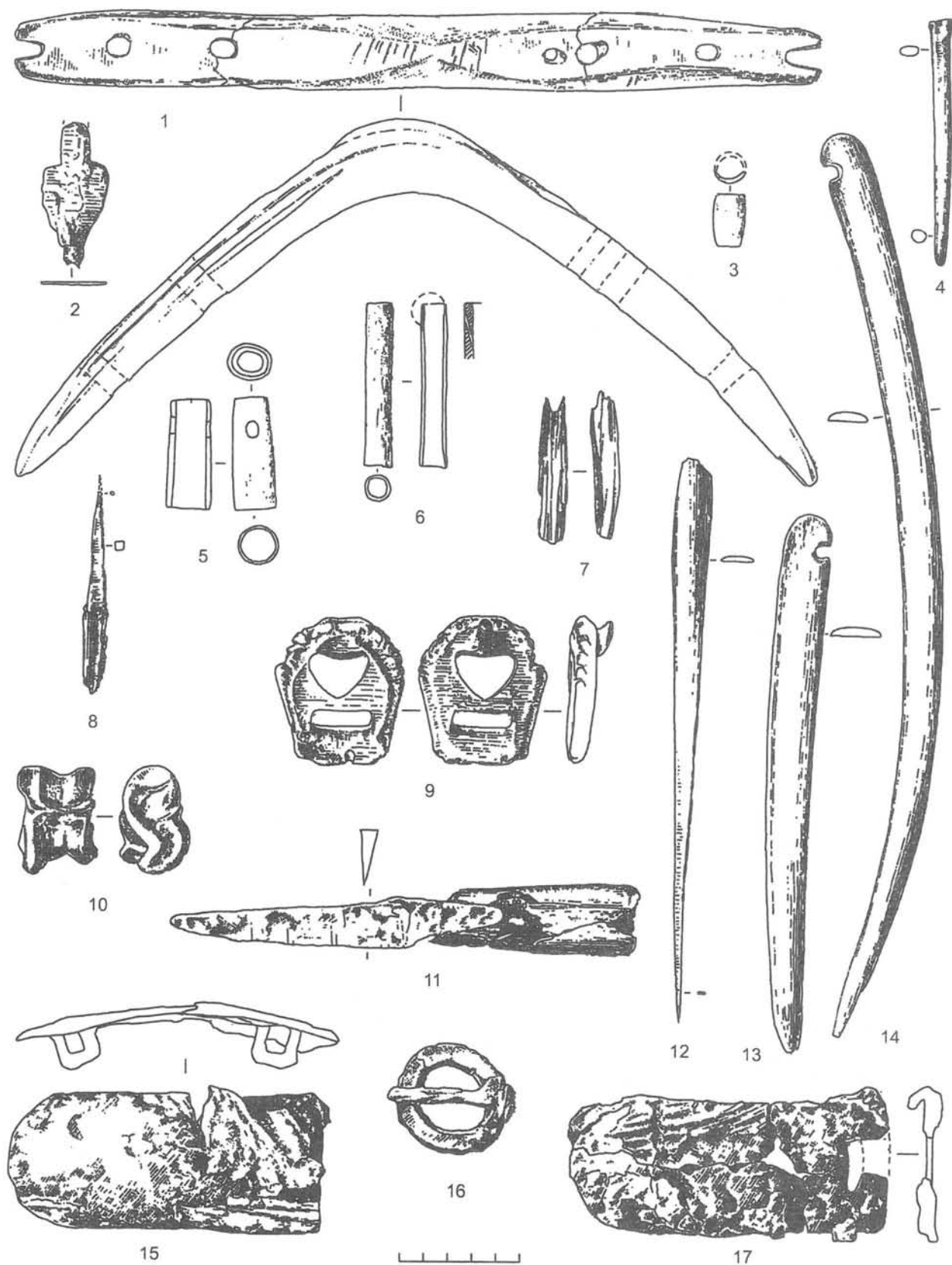

Рис. 17. Курган 15. Находки: 1 — накладка на луку седла; 2 — наконечник стрелы; 3 — фрагмент втулки; 4 — палочка для еды; 5—6 — трубочка; 7 — фрагмент псалю; 8 — шило с остатками рукояти; 9 — пряжка; 10 — альчик; 11 — нож с остатками рукояти; 12 — удлинитель накладки на лук; 13—14 — накладки на лук; 15, 17 — пряжки-пластины пояса с остатками кожи; 16 — круглая пряжка с язычком. 1, 3, 5—7, 9, 12—14 — рог; 2, 16 — железо; 4, 10 — кость; 8 — железо, дерево; 11 — железо, рог; 15, 17 — железо, кость.

Fig. 17. Kurgan 15, finds: 1 — saddle arch; 2 — arrowhead; 3 — fragment of a bushing; 4 — eating stick; 5—6 — small pipes; 7 — fragment of a psaltery; 8 — awl with remains of wooden haft; 9 — buckle; 10 — gaming knucklebone; 11 — knife with remains of haft; 12 — extension of a bow-plate; 13—14 — bow-plates; 15, 17 — buckles-plates for belt with remains of leather; 16 — round iron buckle with a tongue. 1, 3, 5—7, 9, 12—14 — horn; 2, 16 — iron; 4, 10 — bone; 8 — iron, wood; 11 — iron, horn; 15, 17 — iron, bone.

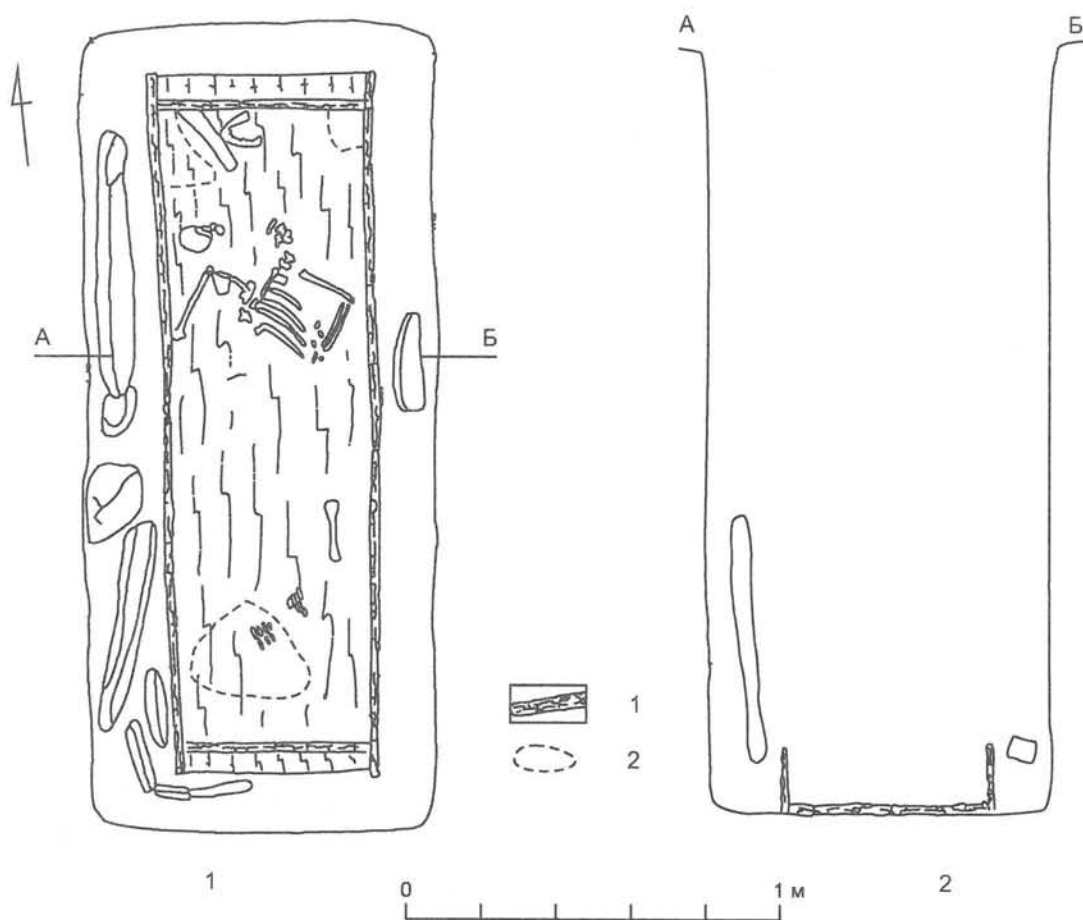

Рис. 18. Курган 16. 1 — план погребения; 2 — профиль внутримогильного сооружения. Условные обозначения: 1 — дерево; 2 — камни под гробом.

Fig. 18. Burial 16. 1 — plan of the burial; 2 — section of the burial. Notations: 1 — wood; 2 — stones located underneath of coffin.

чуть ниже него — роговая лука седла (рис. 17: 1), преднамеренно сломанная на три части еще в древности; с наружной стороны левого колена — роговая пряжка (рис. 17: 9). На правой голени — роговая трубочка (рис. 17: 6); в юго-западном углу гроба — две концевые накладки на лук из рога, одна из них цельная, другая составлена из основы и удлинителя. Напротив левой голени у стенки гроба — фрагмент рогового псаля (рис. 17: 7).

Погребение 16. Располагалось в 7 м к югу от кургана 15 (рис. 2). Намогильное сооружение не прослеживалось. Могильная яма размером 215 × 92 см и глубиной 210 см имела прямоугольную форму со скругленными углами и была ориентирована длинной осью по линии север-юг. Заполнение ямы — серая супесь с включениями комков темно-серой супеси. Заполнение грабительского хода в северной части ямы — черная супесь, насыщенная мелкими углями и щебенкой.

Внутримогильное сооружение — деревянный гроб размером 195 × 55 см и высотой стенок 20 см. Гроб был сооружен из досок толщиной 5—6 см, перекрытие не прослежива-

лось, дно гроба состояло из продольных досок, почти полностью истлевших. Под дном гроба в северо-западном и северо-восточном углах лежали два небольших плоских камня, еще один крупный камень найден под дном, в 10 см от южной стенки. Между западной стенкой гроба и стенкой ямы стояли вертикально две крупные каменные плиты, между ними лежали два небольших камня. Три таких же камня лежали за гробом у его юго-восточного угла, еще один небольшой камень найден за восточной стенкой у середины гроба (рис. 18: 1, 2).

Погребение ограблено, отдельные кости скелета найдены на дне гроба в переотложенном состоянии, за исключением правой руки и верхней части грудной клетки, которые сохранились, видимо, *in situ*. По расположению этих костей можно предполагать, что погребенный лежал в традиционной для суннских захоронений позе — на спине с прямыми конечностями, ориентирован на север (рис. 18: 1).

В заполнении ямы найдены мелкие фрагменты лакового покрытия деревянной китайской чашечки, других находок не было.

Все захоронения на основании характерных категорий погребального инвентаря могут быть датированы в пределах I в. до н. э.—I в. н. э. В радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН для рассматриваемых погребений были получены пять дат, которые варьируют в широком диапазоне. Калибровка полученных значений программой OxCal при удвоенном стандартном отклонении (вероятность 95,4%) позволяет отнести рассмотренные захоронения к периоду I в. н. э., что в целом подтверждает археологическую датировку, но ввиду широкого разброса дат не может служить основой для надежной хронологии комплекса.

Погребение	Номер образца	Дата	OxCal program 1 sigma	OxCal program 2 sigma
12	Ле-5917	2050 ± 25	105BC—40 BC	120BC—10 AD
13	Ле-5918	1945 ± 25	20AD—80 AD	1AD—120 AD
14	Ле-5919	1900 ± 25	77AD—120 AD	20AD—180AD
10	Ле-5920	2070 ± 40	170BC—40BC	200BC—10AD
15	Ле-5921	1990 ± 30	40BC—55 AD	90BC—70 AD

* * *

Обычай человеческих жертвоприношений в погребальной практике сюнну был зафиксирован еще их современниками — древнекитайскими хронистами. Сыма Цянь (145—87 гг. до н. э.), в своих «Записях историка» первым собравший сведения о сюнну, отмечал, что «любимые слуги и наложницы следуют за умершим в могилу, и количество их достигает самое большее несколько тысяч или сотен человек» (Таскин 1968: 40). Число «слуг и наложниц» в несколько тысяч вызывало, видимо, сомнения уже в то время. Не случайно в I в. н. э. Бань Гу, автор «Истории Хань», редактируя текст «Записей историка», заменил в этой фразе «несколько тысяч или сотен» на «несколько десятков или сотню» (Таскин 1968: 136, прим. 108). Эти расхождения показывают, что ханьские историки не располагали точными данными о количестве человеческих жертвоприношений, совершаемых при захоронении сюннуской знати.

Первые достоверные сведения о таких жертвоприношениях были получены при раскопках Дырестуйского могильника. Исследование этого памятника сплошной площадью выявило расположение погребений комплексами, состоявшими из центрального кургана и расположенных вокруг него сопроводительных захоронений, число которых колебалось от одного до трех. Характерные повреждения скелетов в

таких захоронениях позволили с большой долей вероятности предположить насильственную смерть погребенных (см. подробнее Миняев 1998: 41, 70).

Раскопки комплекса № 7 в Цараме существенно дополнили данные, полученные на Дырестуйском могильнике. В Цараме, как и в Дырестуе, также зафиксированы характерные повреждения скелетов. Так, в кургане 6 длинные конечности погребенного были не потревожены при ограблении, тем не менее кости стоп и правой кисти отсутствовали; кости левой руки лежали в обратном порядке: локтевая и лучевая — на месте плечевой кости, плечевая — на месте костей предплечья. В погребении 15 концевые фаланги ног отсутствовали; неестественное положение кистей и левого предплечья позволяют предполагать, что руки погребенного были связаны. Добавим, что на большинстве скелетов из комплекса 7 можно заметить неестественную деформацию некоторых костей, что, возможно, свидетельствует о каких-то физических недостатках погребенных.

Вместе с тем комплекс № 7 по своим основным характеристикам принципиально отличается от Дырестуйских погребальных комплексов. Рассмотрим эти отличия подробнее.

В комплексе 7 число сопроводительных захоронений достигает 10, что в несколько раз превосходит число таких захоронений в любом из комплексов Дырестуя. Планиграфия царамских захоронений также иная — если в Дырестуе сопроводительные погребения располагались в подавляющем большинстве случаев у юго-западного или юго-восточного угла центрального кургана, то в Цараме они образовывали две линии по 5 погребений в каждой, расположенные почти симметрично по отношению к основному кургану с его восточной и западной сторон.

Как видно на плане комплекса (рис. 1), идентичны не только принципы размещения захоронений в группах, но и половозрастной состав погребенных. Как в западной, так и в восточной группах погребены только мужчины, при этом наблюдается явная зависимость между местом захоронения в группе и возрастом погребенного. Самые старшие (и почти одинаковые по возрасту — около 35 лет) мужчины захоронены в северных захоронениях (курган 10 в восточной группе и курган 12 — в западной). Возраст остальных погребенных последовательно убывает в направлении север-юг: более молодые мужчины и юноши (в среднем 25—15 лет) захоронены в середине каждой линии, а в самых южных могилах (11 и 16) погребены дети практически одинакового возраста (4—6 лет).

В обеих группах в захоронениях мужчин и подростков, то есть в четырех захоронениях в северной и центральной части каждой группы,

прослеживается определенная корреляция между местом погребения в группе, возрастом погребенного и погребальными конструкциями. Намогильные сооружения, как отмечалось, были разрушены при распашке, можно лишь отметить, что концентрация камней от разрушенных кладок была выше в северной части каждой группы. Внутримогильные сооружения северных могил как в кургане 10 (гроб в каменном ящике, перекрытом несколькими рядами плит; подбой в северной стенке ямы; подсыпка из угля на дне ямы), так и в кургане 12 (гроб в срубе, вставленном в каменный ящик и перекрытом глиняными блоками) являются наиболее сложными по конструкции для каждой группы. Для погребений в середине групп типичны конструкции в виде деревянных гробов, вставленных в каменные ящики; при этом конструкция и гробов, и ящиков проще, чем в северных захоронениях. Наиболее простые конструкции зафиксированы в предпоследних (считая с северной стороны) захоронениях каждой линии; в могиле 6 (восточная группа) и в могиле 15 (западная группа) они представлены только гробами.

Различия, определяемые местом могилы в группе, можно отметить и в составе заупокойной пищи. Так, в кургане 10 (северное захоронение восточной группы) были обнаружены кости нескольких особей как крупного так и мелкого рогатого скота (для которых был сооружен специальный подбой в северной стенке ямы), а в кургане 6 (предпоследнем в восточной линии) — отдельные кости лишь одной особи мелкого рогатого (ребра и большая берцовая). Добавим, что в кургане 10, единственным из всех погребений, найден череп лошади.

Ограбленность всех захоронений не позволяет полностью реконструировать состав и наборы погребального инвентаря. Отметим, что практически во всех могилах мужчин и подростков найдено оружие — лук (от которого обычно сохраняются концевые и срединные накладки), железные и роговые стрелы, а также железные поясные пластины. Нередко встречаются и детали конской сбруи — роговые псалии в курганах 6, 11 и 15, роговая лука седла в кургане 15.

Таким образом, рассмотренные выше данные указывают на определенную закономерность в размещении захоронений на площади комплекса: старшие по возрасту мужчины погребены в северных захоронениях групп, которые отличались и самыми сложными погребальными конструкциями. Захоронения более молодых мужчин и подростков располагались в середине групп и отличались конструкциями меньшей сложности.

Погребения 11 и 16, южные в каждой группе, являются исключением из рассмотренной выше закономерности. Несмотря на детский

возраст погребенных, конструкции в этих могилах более сложные, чем в расположенных по соседству к северу захоронениях подростка и молодого мужчины. В восточной группе в могиле 11 (ребенок 4—6 лет) обнаружен деревянный гроб в каменном ящике, перекрытом несколькими рядами плит, тогда как подросток 16 лет в соседней могиле 6 погребен только в гробу. В западной группе в могиле 16 (ребенок 5 лет) был сооружен деревянный гроб с имитацией каменного ящика из нескольких крупных плит, а в соседней могиле 15 мужчина 25—30 лет был погребен только в гробу. Детские погребения практически полностью ограблены, однако остатки лакового покрытия деревянной чашечки в кургане 16 (по орнаменту аналогичной найденной в кургане 6 могильника Ноин-Улы), сосуд и железная пластина пояса в кургане 11, аналогичные найденным в других могилах, позволяют предположить, что инвентарь этих детских погребений, по крайней мере, в качественном отношении вряд ли уступал захоронениям взрослых.

Отмеченные выше следы насильственной смерти позволяют трактовать рассматриваемые погребения мужчин и подростков с оружием, расположенные вокруг центрального кургана 7 как упоминаемые в письменных источниках захоронения «слуг», своего рода «личной гвардии» вождя, убитых во время погребальной церемонии и «сопровождавших» своего хозяина в потусторонний мир. Внутри этой социальной категории «слуг» существовало, вероятно, несколько рангов, что нашло отражение в определенном различии погребальных конструкций среди каждой группы сопроводительных захоронений.

Статус детей, захороненных в могилах 11 и 16, пока не совсем ясен. Они погребены вместе со взрослыми «слугами», в южных могилах групп, логично завершая половозрастную структуру каждой линии (убывание возраста погребенных от северных могил к южным). Возможно, эти обстоятельства показывают, что:

— по своему происхождению они принадлежали к той же социальной категории «слуг» и после совершеннолетия должны были наследовать один из ее рангов;

— уровень этого наследуемого ранга в потусторонней жизни потенциально был бы выше, чем реальный прижизненный статус погребенных рядом с детьми подростка (восточная группа) и молодого мужчины (западная группа);

— поэтому, вероятно, для детей (еще не прошедших возможный обряд инициации) и были сооружены соответствующие этому потенциальному рангу более сложные конструкции, чем для погребенных рядом более взрослых слуг.

Таким образом, по количеству захоронений, по их планиграфии, по половому составу погребенных и по наборам инвентаря сопроводительные захоронения Царама существенно отличаются от аналогичных погребений Дырестуйского могильника, в которых погребены, в основном, женщины с разнообразными поясными наборами и подростки. Можно предполагать, что такие отличия вызваны различным статусом погребенных в центральных курганах могильника. Если в Дырестуе погребальные конструкции и инвентарь центральных курганов позволяют связать их с рядовой

частью общества, то центральный курган 7 в Цараме, судя по его размерам и особенностям устройства, является захоронением представителя высшей сюннуской знати, возможно — одного из вождей (шаньюев).

Разумеется, высказанные предположения должны быть проверены исследованием других погребальных комплексов знати с применением метода сплошного раскопа. Перспективным представляется также использование палеогенетического анализа для определения степени родства погребенных как в отдельных комплексах так и в могильнике в целом.

Миняев, С. С. 1985. К топографии курганных памятников сюнну — Краткие сообщения Института археологии 184: 21—27.

1989. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну — Проблемы археологии скифо-сибирского мира: 114—117. Кемерово.

1998. Дырестуйский могильник — Археологические памятники сюнну 3. Санкт-Петербург: Европейский дом.

Талько-Гринцевич, Ю. Д. 1999. Материалы к палеознотологии Забайкалья — Археологические памятники сюнну 4. Санкт-Петербург: Европейский дом.

Таскин, В. С. 1968. Материалы по истории сюнну, вып. 1. Москва.

SACRIFICE BURIALS OF «ROYAL» COMPLEX No. 7 AT THE TSARAM CEMETERY

S. S. Minyaev, L. M. Sakharovskaya

Systematic studies of Asian Huns (Hsiung-nu or Xiongnu) have been carried out already for more than a century. At present, materials of considerable value in the characterisation of settlement complexes (the Ivolga fortress, the Dureny settlement) and cemeteries of various types (the cemeteries of Ivolga, Cheremukhovaya Pad, Dyrestuy etc.) have been obtained. Today, the single gap in our knowledge is the almost complete lack of information about burials of the Hsiung-nu elite. Meanwhile, such burials (traditionally called 'royal') usually contain valuable information for characterisation both of the material and spiritual culture of a community and of its social structure.

In 1996, the Trans-Baikal Expedition of ИМК, РАН, investigated one of the Hsiung-nu cemeteries in the Tsaram valley situated 1.5 km to the south of the Naushki village (Republic of Buryatiya, Russian Federation), 2 km to the south of the KyakhtaNaushki highway, and 5 km from the Selenga river (fig. 1). Burials in the Tsaram valley were discovered by Yu. D. Talko-Grintsevich in June 1899, he registered here at least 20 graves. In June 1903, he and Ya. S. Smolev excavated five of the graves (Талько-Гринце-

вич 1999: 117—118), which all were seen to have been robbed, and only few artefacts were found: an iron awl with a ring-shaped top, a fragment of bronze plate and several fragments of pottery. The peculiarities of the inner grave structures induced Talko-Grintsevich to assign them to the discovered by him type of «burials in timber-frames», which intuitively he correctly linked with Hsiung-nu.

A detailed examination of the site, mapping it, drawing a topographical plan and surveys of overgrave structures, carried out by the Trans-Baikal Expedition, showed that the cemetery comprised about 30 barrows of different size, located in the middle of the valley throughout the area stretched for 600 m from north to south and about 400 m from west to east. The stone structures of the kurgans had been disturbed after many years of ploughing up and building country-tracks and eroded by wind and waters. Of most of the structures, only displaced accumulations of stones or isolated stones, seen in various places of the valley, were preserved. Throughout the entire cemetery, one may observe craters of grave pits of various dimensions. Only the largest barrow, located in the northern part of the valley,

was preserved undisturbed. It measured 32 × 32 m, and over its entrance, a trapezoid mound, about 20 m long, was clearly observable from the south. Throughout the distance of 300 m to the south and south-west of the central barrow, remains of a number of other large kurgans were traced.

Thus the investigation of the Tsaram valley showed that it concentrated the largest of the now known burial structures of Hsiung-nu in Russia, and those of the largest in the world. It is quite clear, that in the Tsaram valley there was a cemetery of the Hsiung-nu elite; nevertheless, until present these burial structures remained practically unexplored.

During the season of 1997, the Trans-Baikal Expedition started systematic studies at the site. The archaeological evidence, accumulated at that time, suggested the presence of human sacrifices in the Hsiung-nu burial practice — the fact which is confirmed also by written sources. The planigraphy of Hsiung-nu cemeteries exhibits a clear tendency of aggregating graves in burial complexes, which consisted of a central barrow and sacrifice graves arranged around it according to a certain system. A number of excavations showed that interred in the latter burials were persons who died a violent death, and who, it seems, were 'sacrifice' their master to the other world (cf. for details: Миняев 1985; 1998: 70—71).

Studies in the Tsaram cemetery were planned with due regard for the above facts. The largest barrow, located in the northern area of the valley, was chosen as the focus of the investigations. The excavation, carried out here, included both the kurgan itself and the area surrounding it, where separate surface stones suggested the presence of small barrows with disturbed embankments. The total excavated area, including that of Kurgan 7, amounted to 7700 sq. metres. Taking into account that stone courses probably had been displaced during ploughing up, the entire area under investigation was excavated without gaps down to the virgin soil, irrespective of the presence of any signs of burials on the surface.

The excavations at the central Kurgan 7, where a complex inner structure was discovered in the grave, still are not completed. The purpose of this paper is publication of the data on sacrifice burials of Kurgan 7. They were found ranged in two lines, 5 graves in each, on the western and eastern sides of Kurgan 7 and undoubtedly formed a single burial complex with the latter (fig. 2).

The eastern group of sacrifice burials

In this group, in all 5 burials have been found, located 3—4 m from each other and 25 m from the eastern wall of Kurgan 7. The northernmost burial 10 of the group was 25 m to the east from the north-eastern corner of the over-

grave structure of Kurgan 7, the southernmost burial 11 was 21 m to the east of the south-eastern corner of the central kurgan. Thus the line of these burials was directed north-south, deviating only slightly to the west in its southern part.

Kurgan 10. Located 25 m to the east from the north-eastern corner of the kerb of Kurgan 7 (fig. 2). The surface structure was disturbed by ploughing up; a rectangular grave pit; in the northern wall of the pit there was a catacomb where isolated disturbed bones (mostly legs) of horse, cow and small horned cattle were found (fig. 3: 4). The inner structure of the grave was a wooden coffin in stone cist. The grave had been robbed, separate bones of the skeleton were found displaced in the fill of the pit.

Finds (fig. 3, 4). On the lid of the coffin, near the middle of the eastern wall there were a horse skull and mandible, a human tibia and a fragment of some iron object. Two small objects made of horn were found in the fill of the robbers' passage. Inside the coffin: human ribs, sacrum and vertebrae, a riveted iron plate-buckle, a fragment of iron plate, a round riveted iron plate. In the NE corner of the coffin: a rectangular iron plate; in the NW corner of the coffin, behind the sacrum: an arrowhead made of horn with bifurcated extension; at the place of the upper chest: a round iron plate with rivets and a horn arrow-whistle. At the place of the right scapula: a round iron plate with rivets; near the sacrum: an iron rod rectangular in cross-section. At the place of the right pelvic bone: a bronze ring (ear-ring?) and a fragment of some iron object. In the centre of the coffin, near the eastern wall: fragments of red varnish and remains of an oxidised iron object beneath it. Between the left femur and the wall of the coffin: iron arrowheads with whistles. Preserved *in situ* near the left foot: an iron platelet with a ring-shaped end. In the SW corner of the coffin: fragments of some iron object. Under the left foot: iron rivets. In the SW corner, a figured dowel-bow, which had fixed the walls of the coffin, was traced in the earth. Also, a completely disturbed bow-plate was lying here. On the right foot: fragmentary iron rivets. Near the articulation of the calcaneum and shin: fragmentary iron object. Under the right foot: iron rivets. In the NW corner of the coffin: iron fragments and two arrowheads made of horn. In the NW corner of the coffin: decayed ring-shaped bow-plate made of horn. Close to the NW corner, under the sunken wall of the coffin: a fragment of horn eating-stick. Near the NE corner of the coffin, outside the eastern wall: a miniature trowel made of horn. Found in the catacomb: near the NE corner of the coffin — a fragment of leather covered with oxides of iron and bronze; behind the northern wall, beneath the layer of animal bones — a horn buckle.

Kurgan 9. Located 5.5 m south of Kurgan 10. The grave pit was of rectangular form, the inner structure of the grave was a wooden coffin in stone cist. The grave had been robbed, the bones of the skeleton found in displaced state on the bottom of the coffin (fig. 5).

Finds (fig. 5, 6). Between stones of the eastern wall of the cist: a central frontal bow-plate made of horn; in the NW corner, on the stones of the ceiling of the cist: a trilobate arrowhead with a whistle. On the bottom of the coffin: in the NW corner of the coffin — two strap ornaments made of horn, beneath the latter — a horn haft and a fragment of some object made of birch bark. Near the northern wall there was a fragment of ring and a fragment of rectangular iron buckle with a tongue; under a human scapula — a socketed arrowhead made of horn, nearby — a fragment of bone eating stick and a fragment of ring-shaped bow-plate. Near the eastern wall of the coffin, under a pelvic bone: a fragment of leathern article and a fragment iron platelet with a hole at the tip. Between the pelvic bones: fragments of two horn arrowheads with bifurcated extension; near the sacrum: a fragment of iron platelet. Near the western wall of the coffin: in the middle — fragmentary figured iron rods rectangular in cross-section; beneath them — a horn tip bow-plate and a fragment of one more bow-plate, and nearby — a horn arrowhead with bifurcated extension; fragments of a similar arrowhead were lying near the head of the left femur. Near the western wall of the coffin: a fragment of some iron object with remains of wooden part. Near the southern wall of the coffin, close to the calcanei: an iron knife with remains of wooden haft; in the SE corner of the coffin: an iron plate with remains of leather on it. Near the western wall of the coffin, at the sacrum: 2 horn arrowheads — one with a cut hole and a large one with bifurcated extension. Near the bones of the right shin: a horn arrowhead with a cut hole. Near the northern wall of the coffin: a pipe made of horn, half of which was cut off; on its front side, probably, there had been a hole. In the SE corner of the coffin: a tip bow-plate completely decomposed. In the fill of the robbers' passage: fragments of a tip bow-plate made of horn and fragmentary iron objects. On the bottom of the coffin, near the foot bones: a bushing made of horn.

Kurgan 8. Three metre to the south of Kurgan 9. The surface structure was disturbed by ploughing up; the grave pit had a rectangular form; the inner structure of the grave was a wooden coffin in a stone cist. The grave had been robbed, the bones of the skeleton found in displaced state on the bottom of the coffin; only bones of the left leg were preserved *in situ*. The skeleton presumably had been lying with extended extremities on its back, oriented to the north with a deviation of 15 to the east (fig. 7).

Finds (fig. 7, 8). In the fill of the pit in the NW corner, on stones of the ceiling of the cist: 4 arrowheads made of horn with bifurcated extension; at the level of the covering of the coffin: tip bow-plate made of horn; four trilobate iron arrowheads; a flat iron arrowhead of rhomboid shape with two slits cut in the middle of it. On the bottom of the coffin: near the southern wall of the coffin, in the middle — an iron plate with a rectangular hole at the tip; near the left foot — an iron plate with a pin and ring-shaped tip; nearby — another iron plate with a rectangular hole. In the SW corner of the coffin there was a completely decayed horn buckle; between the left shin and the wall of the coffin: a strap ornament made of horn. Near the tip of the left shin: an iron plate with a pin and ring-shaped tip. Between the right femur and the wall of the coffin: an iron knife with remains of wooden haft; preserved around the knife there were remains of a leathern case; inside the case — remains of an awl. Near the western wall of the coffin: a fragment of some object made of horn; at the inner side of the right femur — a small bronze bell with a stone tongue; beneath it — a horseshoe-shaped iron platelet with remains of cloth on it and holes at its tips (in the holes, traces of iron rivets were traced), a fragment of another similar platelet, and fragments of some iron objects — presumably mouth-piece. Near the right femur: a rectangular iron plate with remains of leather on it; near the eastern wall of the coffin: remains of iron objects. Over the upper fragment of the pelvis: an iron figured buckle with a crosspiece and a fragment of iron plate with rivets at its edges. Near the northern wall of the coffin, beside the humerus: an iron belt plate, nearby — an oxidised iron object. Below the left scapula: an iron tongued buckle with its edge broken off. Lying in circle under the very scapula there were several beads: one globular made of carnelian and six globular glass ones; one more glass bead was lying in the NW corner of the coffin. In the NE corner of the coffin: remains of an object made from birch bark; in the NW corner of the coffin: a rounded birch-bark object completely decayed; lying upon the latter there were iron fragments. Near the western wall of the coffin, beside the forearm bones: an iron rectangular buckle with tongue, nearby a trilobate iron arrowhead completely oxidised. Near the western wall of the coffin, in the middle: fragments of red varnish, beside them — fragments of an iron object. Behind the northern wall of the coffin, a vessel was standing. Near the northern wall of the coffin, in the fill, there was a fragment of pottery. At the middle of the western wall of the coffin: fragmentary ring-shaped bow-plate made of horn, completely decayed; in the centre of the coffin: a central lateral bow-plate made of horn; in the fill of

the eastern wall of the coffin there was a fragment of some horn object.

Kurgan 6. Located 2.7 m to the south of Kurgan 8. The burial had stone embankment disturbed by ploughing up. Inside the grave, there was a wooden coffin in stone cist. The deceased was lying on his back with his extremities extended, oriented to the north with a slight deviation to the east. Feet bones were absent; bones of the left arm were lying in inverse order, although they had not been disturbed by the robbers: the forearm bones (ulna and radius) were found at the place of the humerus, the latter being at the place of the forearm. Bones of the right hand have not been found. The lower jaw was lying outside the confines of the coffin, near its NE corner. Beside the northern wall of the coffin there were ribs and a tibia of small horned cattle (fig. 9).

Finds (fig. 9, 10). Under the bones of small horned cattle: a horn bow-plate and a trilobate arrowhead, a fragment of cheekpiece below. Beside the skull, upon the head of the right humerus: a horn bow-plate. Above the bow-plate: an iron platelet with a loop at its broader tip; beside the right elbow: fragments of an iron plate. Beside the head of the left femur and upon the head of the right femur: iron spoon-shaped clasps; below the left shin: horn bow-plate, completely decayed. Near the eastern wall of the coffin, close to the left forearm: a small case made of horn, hollow at both ends; one of the cavities was stopped with a «tap» with a hole. Beside the case, near the wall of the coffin: a fragment of horn arrow-whistle and fragments of flat iron rings. In the SE corner of the coffin: an iron celt with remains of a wooden haft; in the SW corner of the coffin: fragments of a bit.

Kurgan 11. 5 m south-east of Kurgan 6; the surface structure possibly had been disturbed by ploughing up. The grave pit was of rectangular form; inside the grave there was a wooden coffin in stone cist. The burial had been robbed, bones of the skeleton were found displaced on the bottom of the coffin; among the bones, a lower jaw with milk-teeth was found (fig. 11).

Finds (fig. 11). In the fill of the pit, in the NW corner, under stones of the cist, behind the coffin: a vessel lying on its side. In the fill of the coffin: a horn cheekpiece with two holes; near the eastern wall of the coffin: an iron belt plate-buckle. Found in the fill of the coffin also were small fragments of iron objects.

The western group of sacrifice burials

Before the excavations, to the west of the Kurgan 7, in the underbrush of bushes and low elm trees, it was possible to trace remains of barrows on the modern surface. They represented a depression 1.2 m deep, enclosed by a low earthen bank, and outcrops of large stone slabs and smaller boulders on the surface of the ploughed

field. Similarly to the eastern group, during excavation of the entire area of the western group one found 5 burials ranged in a line, 3—4 m from each other and 25 m from the western wall of Kurgan 7. Burial no. 12 — the northernmost of the group — was situated 24 m to the west of the NW corner of the overgrave structure of Kurgan 7; the southernmost burial no. 16 was 28 m to the south-west of the SW corner of Kurgan 7. The line of these burials, in general, was directed north-south, the graves in the middle of it being ranged strictly from north to south and the outermost ones (nos. 12 and 16) slightly deviating to the east in the southern part. It is possible that these burials also have had overgrave structures, later disturbed and displaced during agricultural works. The grave pits of burials of this group were expressed in brown humus-containing sandy loam with inclusion of charcoals and fine gravel; they had rectangular form with rounded angles. In general, the western line of these burials is almost mirror-symmetrical to the eastern one, differing from the latter only by its greater length (the total length of the group was 46 m). The burials of this group are described here in the order of their arrangement from north to south (fig. 2).

Burial 12. 24 m to the west of the NW corner of Kurgan 7. The surface structure had been disturbed by ploughing up. A rectangular grave pit. In the pit, «backfill», consisting of stone slabs and large shapeless blocks of bedrock loam, was found at the depth of 210—240 cm. The slabs were ranged meridionally in the middle of the pit, the loam blocks were at the edges of the pit. Under this backfill there was the inner structure of the grave consisting of a stone cist which contained a wooden frame and a wooden coffin inside the latter. In the NW corner of the pit, a human skull was found on the boards of the ceiling of the frame.

The burial had been robbed, bones of the skeleton were found displaced on the bottom of the coffin; only the pelvis and bones of the lower extremities were preserved *in situ* (as mentioned above, the skull of the deceased was uncovered in the NW corner of the pit on the boards of the ceiling of the wooden frame). The skeleton had been lying, presumably, on its back with its extremities extended, oriented to the north (fig. 12).

Finds (fig. 12, 13). In the NW corner of the wooden frame: a horn bow-plate; in the northern part of the coffin, not far from the eastern wall: a whetstone; near the western wall of the coffin, at the level of the right forearm: an iron knife with remains of wooden haft; on the right of the pelvic bones: three-feathered iron arrowheads (one «tiered» and the other with triangular section of the feather, beside the arrows there was an iron awl with a ring-shaped top) with remains of their wooden shafts and a small «scoop» made

of horn; these objects were found beside each other under a thin layer of wood, and it is possible that originally they had been lying together in a wooden case. Found *in situ* between bones of the feet there were a rectangular iron buckle at the right calcaneum, and at the left calcaneum—an iron platelet with a ring-shaped tip, below which there was a rectangular iron platelet with a rectangular slit at its end. In the NW corner of the coffin, near its eastern wall, in the area of the pelvis and beside bones of the feet, unidentifiable fragments of some completely oxidised iron articles were found.

Kurgan 13. Eight metres to the south of Burial 12. The surface structure was a stone embankment, the central part of which was disturbed by a robbers' passage and by stones slid down the slope of the crater. The preserved part of the embankment measured 7 × 6 m. The grave pit was of nearly rectangular form. In the southern part of the pit, remains of a wooden coffin were uncovered. In the fill of the pit, near its western wall, a fragment of bronze spoon-shaped clasp was found at the depth of 190 cm; there were no other finds (fig. 14).

The presence of a deep rectangular depression in the centre of the barrow, the inner grave structure considerably disturbed and an almost complete absence of finds suggest that Kurgan 13 was one of those graves which had been excavated earlier by the discoverer of the site Talko-Grintsevich (cf. Талько-Гринцевич 1999: 117—118). Unfortunately, it is not possible to define this grave's number because the plan of his excavation is lacking.

Burial 14. Five metres to the south of the embankment of Kurgan 13. The surface structure had been disturbed by ploughing up. The grave pit had rectangular form. The inner structure of the grave was a wooden coffin in stone cist. The burial had been robbed and separate bones of the skeleton were found displaced on the bottom of the coffin. In the SW corner of the pit, bones of the right shin were preserved *in situ* (fig. 15).

Finds (fig. 15). In the fill of the pit, near its northern wall, a fragment of the upper body of a vessel with a wavy decoration was found at the depth of 80 cm. On the bottom of the coffin, near the eastern wall: fragments of horn bow-plates; near the eastern wall of the coffin, in the area of the left forearm, completely oxidised fragments of some iron objects were found.

Burial 15. 7.5 metres to the south from Kurgan 14. No surface structure was traced, possibly it had been destroyed by ploughing up. Rectangular grave pit; the inner structure of the grave was a wooden coffin. Outside the northern wall of the coffin, three ribs of large horned cattle, each broken into three, were found; the fragments of ribs were piled on each other. The burial had been robbed, no skull was found, ribs and

almost all of the vertebrae were uncovered displaced on the bottom of the coffin. However, the pelvic bones, both of the scapulae, and the upper and lower extremities were preserved *in situ*. The interred was placed on his back, oriented to the north, the left leg extended, the right one slightly flexed at the knee; the extreme phalanges of the feet were lacking. The right shoulder and forearm were extended straight, the right wrist was slightly flexed, lying on the right thigh. The left shoulder was straight, the forearm flexed at an angle to the latter; the left hand was clenched as a fist and lying upon the bones of the pelvis near the right hand (fig. 16).

Finds (fig. 16, 17). Near the northern wall of the coffin: a tip horn plate for bow; another one (composed of a base and extension) between the right shoulder and the wall of the coffin; nearby there were: a horn eating stick, an iron knife with horn haft, an iron awl with wooden haft, another iron article (completely oxidised) with a horn haft, and fragments of yet another oxidised iron object. Fragments of oxidised iron objects were found also at the right elbow and in the lower area of the chest. In the lower part of the pelvis, under the left wrist: round iron buckle with a tongue; on the right forearm: a poorly oxidised iron arrowhead. At the inner part of the right thigh: a small conical pipe made of horn with two holes and a fragment of a tiny barrel made of horn (possibly, what remained of a horn arrow-whistle). Between the knees, slightly above the latter: a cow's knucklebone for game; upon the left knee and slightly below it: a saddle arch broken into three in antiquity; at the outer side of the left knee: a horn buckle. Upon the right shin: a small horn pipe; in the SW corner of the coffin: two tip plates for bow—one solid, the other composed of a base and extension. Opposite the left shin, near the wall of the coffin: a fragment of cheekpiece made of horn.

Burial 16. Seven metres to the south from Kurgan 15. It was impossible to trace the surface structure. Rectangular grave pit. A wooden coffin inside the grave. Under the bottom of the coffin, at its NW and NE corners, two small flat stones were lying; another larger stone was found under the bottom, 10 cm from the southern wall. Between the western wall of the coffin and the wall of the pit, two large stone slabs were standing vertically; between the latter, two small stones were lying. Three similar small stones were lying outside the coffin, near its SE corner, and another small stone was found outside the eastern wall of the coffin, near its middle (fig. 18).

The burial had been robbed, separate bones of the skeleton were found displaced on the bottom of the coffin, except for the right arm and the upper chest, which seemed to have been preserved *in situ*. The position of these bones suggest

that the interred was lying on his back with extended extremities.

In the fill of the pit, small fragments of varnish coating of a wooden Chinese cup were uncovered; no other finds.

On the basis of the characteristic groups of grave goods, all the burials described above may be dated to the 1st century B.C. — 1st century A.D.

* * *

The practice of human sacrifices in the burial tradition of Hsiung-nu was recorded already by their contemporaries — ancient Chinese chroniclers. Ssu-ma Ch'ien (145—87 B. C.), who the first compiled information about Hsiung-nu in his «Historian Records», mentioned that «the most beloved servants and concubines followed the deceased into the grave, and the greatest number of such persons amounted to several thousand or hundreds» (Таскин 1968: 40). It seems, a number of several thousand of such «servants and concubines» was doubted already at that time. It is not accidental, that Pan Gu, the author of «The History of Han», when redacting the text of the «Historian Records» replaced «several thousand or hundreds» in the above phrase for «several tens or one hundred» (Таскин 1968: 136, Comments 108). These divergences show that Han historians had not have in their disposition the precise information about the number of humans offered in sacrifice during burials of Hsiung-nu elite.

The first reliable information on such sacrifices was obtained from the Dyrestuy cemetery. During excavations of this site by entire areas it was discovered that the burials were arranged into complexes consisting of a central barrow surrounded by sacrifice burials, the number of the latter varying from one to three. The characteristic injuries on skeletons in sacrifice burials suggested with a high degree of probability a violent death of the interred (for details see: Миняев 1998: 41, 70).

Excavation of Complex no. 7 at Tsaram essentially supplemented the data obtained from the Dyrestuy cemetery. Similarly to Dyrestuy, at Tsaram also characteristic injuries were registered on skeletons. Thus in Kurgan 6, the long extremities of the interred had not been disturbed by grave robbers, nevertheless bones of the feet and of the right hand were lacking; bones of the left arm were lying in the inverse order: the ulna and the radius in the place of the humerus, and the latter was in the place of the bones of forearm. In Burial 15, the extreme phalanges of feet were absent; an unnatural position of the wrists and left forearm suggest that the hands of the interred were bound. In addition, on the most of the skeletons from Complex 7, one may observe

unnatural deformations of certain bones which possibly indicate that the interred had some physical defects.

Yet Complex 7 in terms of its major peculiarities differs principally from the Dyrestuy burial complexes. We shall now consider these differences more closely.

The number of sacrifice burials in Complex 7 amounts to 10, that exceeds several times the number of such burials in any complex at Dyrestuy. The planigraphy of the Tsaram burials also is different: if at Dyrestuy the sacrifice burials were located predominantly near the south-western or south-eastern corner of the central barrow, at Tsaram they formed two rows, 5 burials in each, ranged almost symmetrically relative the main kurgan at its eastern and western sides.

As it is seen on the plan of the complex (fig. 1), not only the principles of arranging the burials in different groups, but also the sex and age composition of the interred are identical. Both in the western and eastern groups, only males were interred, a certain dependence between the position of a burial within the group and the age of the interred being clearly observable. The oldest (and almost of the same age of 35 years) men were buried in the northernmost graves (Kurgan 10 in the eastern group and Kurgan 12 in the western). The age of the other dead consequently diminishes from north to south: the younger men and adolescents (aged 25—15 on average) were buried in the middle of each row, and in the southernmost graves (11 and 16) children of practically the same age (4—6 years old) were interred.

In both of the groups of burials of men and adolescents, *i. e.* in the four graves in the northern and central parts of each group, it is possible to trace a certain correlation between the position of the burial within the group, age of the interred and type of burial structures. The surface structures, as noted above, had been destroyed by ploughing up, so that we may point out only to a higher concentration of stones from disturbed embankments in the northern area of each group. The inner structures of the northern graves both in Kurgan 10 (a coffin in stone cist covered with several courses of slabs; an undercut in the northern wall of the pit; a charcoal make-up on the bottom of the pit) and in Kurgan 12 (the coffin inside a timber frame placed into stone cist and covered over with blocks of clay) in terms of their construction are the most complicated in each group. In burials in the centres of the groups, structures represented by wooden coffins inserted into stone cists are typical, the construction of the coffins and cists being simpler than that of the northern burials. The simplest constructions have been found in the next to last burials (if one counts from north to south) of each row; in Grave 6 (the eastern group) and

Grave 15 (the western group) such structures are represented only by coffins.

Differences depending on the position of a grave in the group may be observed also in the composition of the food laid for the dead. Thus bones of several animals both of large and small horned cattle (for which a special catacomb in the northern wall of the pit was made) were found in Kurgan 10 (the northernmost burial of the eastern group), while in Kurgan 6 (next to the last in the eastern row) there were only bones of one sheep or goat (ribs and a tibia). One should add, that in Kurgan 10 the single horse skull was found.

All of the burials had been robbed. This fact makes the complete reconstruction of the composition and quantity of the grave goods impossible. We note, however, that weapons — bows (of which tip and central plates usually are preserved), iron and horn arrowheads and iron belt-plates were found practically in all of the graves of men and adolescents. Numerous are also parts of horse harness — cheekpieces made of horn in kurgans 6, 11 and 15, and a horn saddle bow in Kurgan 15.

Burials 11 and 16, the southernmost in each group, are an exception from the rule described above. Notwithstanding that the interred were children, the structures inside these graves were more complicated than those in the neighbouring burials of an adolescent and a young man located to the north. In the eastern group, in grave 11 (child 4—6 years old), a wooden coffin was found in a stone cist covered with several courses of slabs, while a 16 year old adolescent in the neighbouring grave 6 was buried only in a coffin. In the western group, the child in grave 16 (age-at-death 5 years) was buried in a wooden coffin placed in an imitation of stone cist constructed of several large slabs, although in the neighbouring grave 15, a man 25—30 years old was buried only in a coffin. The child burials practically all have been robbed, nevertheless the remains of the varnish coating of a wooden cup found in Kurgan 16 (reminding by the pattern of its decoration the one found in Kurgan 6 at the cemetery of Noin-Ula), a vessel and an iron belt plate from Kurgan 11, similar to those found in other burials, suggest that the grave inventory in these child graves did not yield, at least qualitatively, to the grave goods of adults.

The signs of violent death noted above lead to the conclusion that the described burials of armed men and adolescents, which surrounded

the central Kurgan 7, may be considered as the burials of «servants» mentioned in written documents — a kind of the chief's «body-guards» — killed during the funeral ceremony and «sacrifice» their master to the other world. It seems, that within such social group of «servants» a number of ranks existed, and this fact was reflected in the revealed differences between the burial structures in different groups of sacrifice burials.

The status of the children buried in graves 11 and 16 thus far is not quite clear. They were buried together with the adult «servants» in the southernmost graves of the groups, completing logically the sex-and-age structure of each line of burials (the age-of-death decreasing from northern graves to the southern). Possibly, these facts indicate that:

— by their origin these children belonged to the same social category of «servants» and were to inherit one of its ranks;

— the level of this inherited rank should potentially be higher in the other world than the actual lifetime status of the adolescent (eastern group) and young man (western group) interred in the neighbourhood of these children;

— for these children therefore, in correspondence with their potential rank, more complex burial structures than for the older servants, interred close by, were constructed.

Thus, in terms of the number of burials, their planigraphy, sex composition of the interred and sets of grave goods, the sacrifice burials of Tsaram significantly differ from similar burials at the Dyrestuy cemetery, where mostly women with various belt sets and adolescents were buried. One could suppose that these differences resulted of a differing status of the persons interred in central barrows of the cemeteries. While at Dyrestuy, burial structures and funerary sets in central kurgans suggest that the interred belonged to the ordinary society, the central Kurgan 7 at Tsaram, judging by its size and peculiarities of its construction, was a burial of some representative of the highest Hsiung-nu elite, or possibly even one of the chiefs (*shan-yu*).

Of course, the suppositions proposed above must be verified during investigations of other burial complexes of elite using the method of excavation by entire areas. Also promising seems employing of the palaeogenetic analysis for definition of the degree of kinship of the interred both in separate complexes and throughout the entire cemetery.

КЕРАМИКА ИЗ РАЙОНА БУХТЫ ОЛЯ НА ОСТРОВЕ ИТУРУП

Ю. Е. БЕРЕЗКИН¹

Айну обычно признаются антропологическими и языковыми потомками создателей культурной общности дземон (японского неолита), во всяком случае ее северных вариантов. Однако преемственность между айну и дземон не прямая. Значительная часть этнографических материалов по айну происходит с Сахалина, где исторические айну появляются лишь в XIII в., частично смешиваясь с местным монголоидным населением — создателями охотской культуры (Васильевский 1978: 23—24). Дземонское влияние на Сахалине хотя и ощущается с позднего неолита, но затрагивает лишь крайний юг острова (Васильевский 1996: 67). Последующее движение айну с Хоккайдо на Сахалин могло быть спровоцировано упадком охотской культуры в результате вторжения чжурчженей, а затем монголов (Васильевский 1996: 75). Охотская культура возникает в начале второй половины I тыс. н. э. на основе более ранней сусуйской и имеет глубокие корни в неолите Сахалина. Изделия из железа ее создатели получали из Приамурья — Приморья (Kikuchi 1978: 73). В начале нашей эры сусуйская культура, сменяемая охотской, сперва проникает на крайнюю северо-западную оконечность Хоккайдо, а затем распространяется вдоль всего северного побережья этого острова и на островах Курильской гряды. Прямое участие айну в охотской традиции маловероятно, хотя взаимодействие между двумя культурными общностями в той или иной форме не могло не происходить.

В 1622 г. итальянский миссионер И. де Анжелис сообщал о живущих на Курилах безбородых и говорящих на непонятном (то есть не айнском) языке людях (Vefu, Chard 1964: 15). На этом основании предполагается, что на некоторых островах создатели охотской культуры сохранялись до середины XVII в., хотя вряд ли дольше, поскольку затем здесь (так же как на Хоккайдо и южном Сахалине) распространяется керамика нейдзи, связываемая исключительно с историческими айну.

В центральных и южных районах Хоккайдо в VII в. н. э. возникает культура са-

цумон, без всяких сомнений айнская. Однако и сацумон не является просто эпи-дземон. Ее создатели заимствуют от японцев навыки земледелия (ячмень, пшеница, просо, гречиха, сорго, бобы, дыни), железные орудия и усовершенствованный тип жилища (Crawford 1983: 16, 25; Crawford, Mazakaru 1987; Hudson 1999). Лишь позже, в период активной японской колонизации Хоккайдо, айну вернулись к присваивающему хозяйству. Посредником в передаче айну южных культурных черт являлось полунезависимое политическое образование Северных Фудзивара с центром на севере Хонсю. В конце XII в. оно (как и сама южная столица Хейян, где Фудзивара контролировали императорскую власть) пало под натиском сегуната Камакура (Hudson 1999). Именно после этого культура айну приобретает черты, зафиксированные в XIX—XX вв. этнографами. Период сацумон, таким образом, — апогей развития айну. Далее следует упадок, приведший в итоге к ассимиляции этого этноса японцами.

Для керамики сацумон характерны открытые колоколовидные сосуды с орнаментальными поясами из продавленных линий и насечек ниже венчика и на тулове (Mac Cord 1960: pl. 8b; Ohyi 1070). Отощителем служит песок, что не отличает эту керамику от охотской и дземонской.

Основные материалы по культуре сацумон происходят из южных и центральных районов Хоккайдо. По северо-востоку острова, наиболее удаленному от источников японской колонизации, данных меньше. Предполагается, что сацумон продержалась здесь до XVI—XVII вв. Ее создатели либо вытеснили местное охотское население, либо ассимилировали его (Ohyi 1970: 69—70). Материалы сахалинских археологов, свидетельствующие о том, что создатели сацумон жили и на южных Курилах, опубликованы лишь недавно. Ими было раскопано поселение этой культуры у бухты Оля, ограничивающей Итуруп с севера (Прокофьев 1996). В 1987 г. в том же районе на поселении Рейдово I найдены фрагменты сосуда сацу-

¹ Россия, 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

мон, на основании которых позже удалось восстановить его облик (Прокофьев 1995). Как и сосуды с Хоккайдо, он орнаментирован насечками (рис. 1). Опоясывающий тулово фриз состоит из нескольких разных, лишь отчасти повторяющихся элементов, не образующих симметричной, монотонной композиции. Хотя данных для «расшифровки» изображения нет, вполне допустимо, что речь идет о какой-то счетной системе, может быть, календарной. Фрагмент еще одного сосуда с подобной орнаментацией был найден в 1985 г. на стоянке Китовая I (Прокофьев 1995: рис. 3).

В 1979 г. на Итурупе побывала экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Кнорозова. Целью ее (к сожалению, не достигнутой) было выявление антропологических материалов по дорусскому и дояпонскому населению Курил. О некоторых результатах экспедиции уже сообщалось (Прокофьев и др. 1989). В районе поселка Рейдово на мысе, вдающемся в бухту Оля, были найдены фрагменты древней керамики и на площади несколько квадратных метров проведены раскопки. Работы продолжались всего лишь два дня и носили спасательный характер, так как культурный слой быстро уничтожался расквартированными здесь военнослужащими.

Сразу же под дерном оказались фрагменты охотской керамики — как гладкостенной, так и с характерным орнаментом из наклепных горизонтальных и волнистых полос, иногда расчлененных зазипами и вмятинами (рис. 1: 2—8). В англоязычной литературе такую орнаментацию принято именовать *poodle*. Когда наклепные полосы отламываются, на их месте остаются неглубокие бороздки. Полосы покрывают снаружи венчик и, чередуясь с неорнаментированными зонами, верхнюю часть тулова сосуда. Изредка эта аппликация дополняется наклепными «жемчужинами» диаметром 5—7 мм и высотой 2—2,5 мм (рис. 2: 3). Цвет керамики на поверхности и в изломе — от темно-серого или буровато-коричневого до коричнево-оранжевого. Светлоокрашенные черепки в ряде случаев явно имеют большую, чем обычно, примесь песка. На внешних стенках сосудов заметна копоть от пребывания на огне, а на внутренних — нагар толщиной до 2 мм.

При формовке венчиков отогнутую часть делали вдвое шире, чем нужно, а затем сгибали пополам наружу. Подобный сдвоенный венчик в сечении становился плоско-выпуклым или овальным, что отражается на внешнем контуре сосудов: создается ложное впечатление, будто емкость завершается чашеподобным расширением (рис. 2: 2). Диаметр сосудов чаще всего находится в пределах 16—32 см

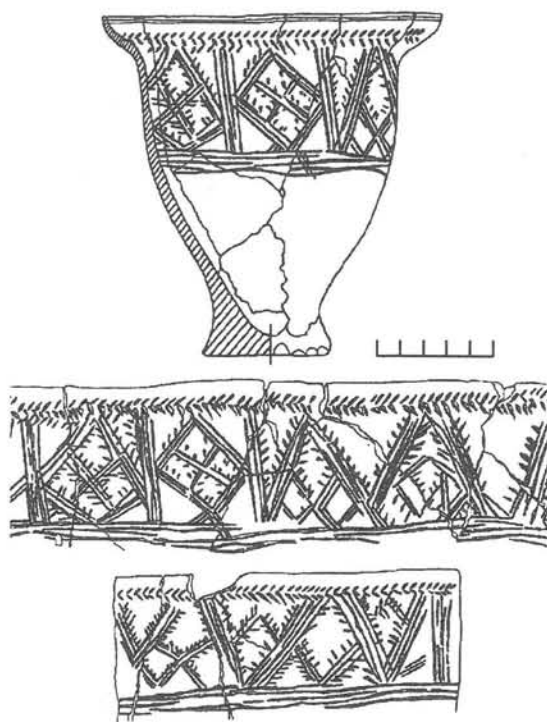

Рис. 1. Сосуд культуры сацумон с поселения Рейдово I: реконструкция и развертка орнаментального фриза (по Прокофьев 1995, рис. 2). Высота сосуда 13,9 см.

Fig. 1. Vessel of Satsumon culture from Reidovo I. Reconstruction and the drawing of the ornamental band (after Prokofiev 1995, fig. 2). Height of the vessel 13,9 cm.

при толщине стенок 4,5—7 см. Не более 10% сосудов с аппликацией имеют диаметр около 40 см при толщине стенок 8 мм (рис. 2: 9). Выделяется фрагмент боковины сосуда, орнаментированного не зонально, а сплошь при диаметре всего лишь 11 см (рис. 2: 6). Это может быть цилиндрическое горло горшка или сосуд типа стакана.

На многих фрагментах орнаментированной и гладкостенной керамики имеются сквозные отверстия диаметром от 2,5—4 до 5—8 мм, просверленные либо только с внешней, либо с обеих сторон (рис. 2: 5). Иногда они явно располагаются по обеим сторонам места соединения двух черепков. Видимо, они предназначались для связывания треснувших или разбитых сосудов.

Рассматриваемая керамика имеет близкие параллели в охотской культуре Хоккайдо (Голубев 1970; Оба 1956; Aikens, Takayasu 1982: fig. 5.40; Ohyi 1970; Shiretoko-Misaki 1964). Американские и японские археологи интерпретируют материалы стоянки Тобинитаи на северо-востоке Хоккайдо как результат ассимиляции представителями культуры сацумон (то есть айну) местных «охотцев». Горшки с аппликацией из Тобинитаи имеют колоколовидную форму, характерную также и для сацумон. Что касается найденных нами фрагментов сосудов с аппликацией, то у них тулово заметно

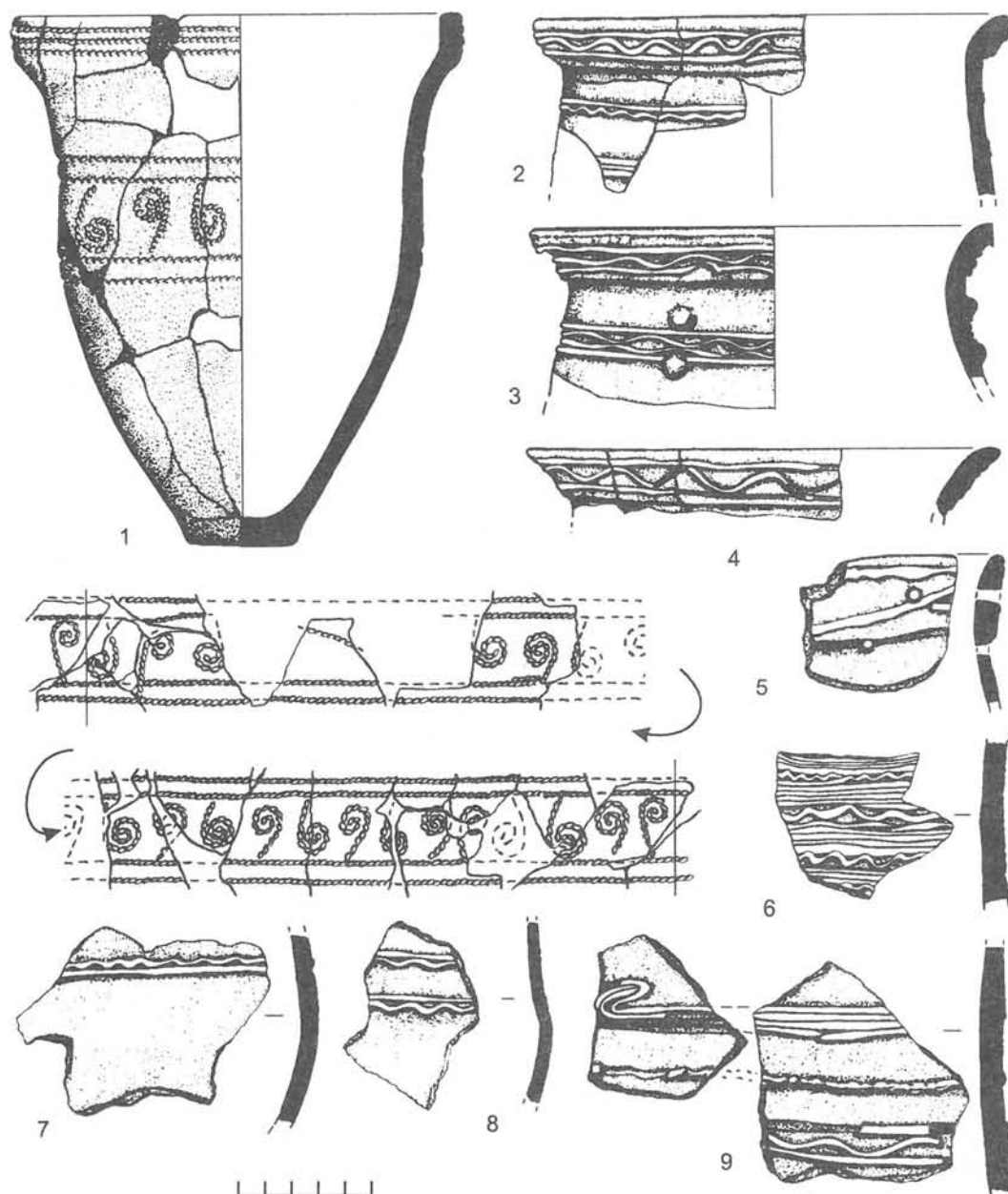

Рис. 2. Керамика с мыса у бухты Оля, найденная в ходе работ экспедиции Ю. В. Кнорозова. 1 — сосуд, близкий по типу к сацумон, реконструкция и развертка орнаментального фриза. 2—8 — фрагменты охотской керамики с аппликацией.

Fig. 2. Ceramics from the site at Olya bay found by Yuri V. Knorozov's team. 1 — Satsumon-like vessel, reconstruction and the drawing of the ornamental band. 2—8 — fragments of the Okhotsk ceramic with «noodle»-type application.

расширяется ниже шейки (рис. 2: 2—3). Не имея достаточно материалов для сравнения, мы не беремся судить, следует ли считать наши материалы собственно охотскими или сближать их с комплексом тобинитаи.

Вместе с фрагментами керамики с аппликацией был обнаружен разбитый колоколовидный сосуд диаметром 17 см и высотой 19 см (рис. 2: 1). Десяток его крупных фрагментов оказались в пределах метрового квадрата на глубине 15 см. Мелкие фрагменты были рассеяны на глубине от 5 до 30 см в пределах данного и соседних квадратов.

По-видимому, сосуд разбился, упав с небольшой высоты боком на камень. Об этом свидетельствует характер рассеивания черепков и заметная выщербина на внешней поверхности — след от удара. Выронили его или намеренно бросили, сказать, естественно, невозможно. Поскольку крупные части сосуда не были искрошены и разнесены по поверхности стоянки, допустимо предполагать, что пока над черепками не образовался слой дерна, люди не ходили по этому участку. Какой-либо другой керамики над скоплением фрагментов колоколовидного сосуда также не было. Похо-

же, что после того, как сосуд был разбит, стоянка больше не обживалась.

Цвет сосуда в сломе и на поверхности — внешней и внутренней — неровный, от желтовато-коричневого до темно-серого. Отощитель — мелкий песок. Внутри до самого края венчика — небольшие следы нагара, которых, однако, нет на дне и на стенках на расстоянии 2—4 см от дна. Снаружи следов копоти не заметно.

На большей части тулова и чашеобразном горле — следы лощения. Орнамент нанесен по незалощенной поверхности отпечатком шнура толщиной 1,5 см.

Формой и наличием опоясывающих венчик и тулово орнаментальных фризов сосуд не отличается от типичной керамики сацумон. Однако своеобразно использование шнура, а не насечек при нанесении орнамента, что не характерно ни для охотской керамики, ни для керамики сацумон. Аналогия с дземоном в данном случае неприемлема по хронологическим причинам.

Некоторые фрагменты украшающего тулово фриза отсутствуют, но и по сохранившейся части видно, что изображение не состояло лишь из одинаково повторяющихся 6- и 9-образных элементов. Общая параллель с орна-

ментацией сосуда сацумон, опубликованным М. М. Прокофьевым (рис. 1), несомненна.

Район бухты Оля находится близ границы хоккайдоско-южнокурильской природной зоны. Дальше на северо-восток (п-ов Медвежий на Итурупе) начинается совершенно иная, центральнокурильская зона (Корсунская 1958: 53). Природным рубежам закономерно соответствуют культурные. Район бухты Оля относится к той историко-этнографической провинции, которая выделяется в пределах Хоккайдо и южных Курил (Позднеев 1909: 88; Ohnuki-Tierney 1974: 189). В этнографическом смысле айну южных Курил являются не «курильскими», а «хоккайдоскими айну», в то время как «курильские айну» как этнографическая группа жили исключительно на центральных и северных Курилах и на южной оконечности Камчатки. Находку керамики сацумон на южных Курилах следовало ожидать. Она соответствует первому проникновению собственно айну в этот район. Маловероятно, однако, что подобная керамика распространялась дальше на север. Вместе с тем культурная ситуация в ареале могла быть сложнее и изменчивее, чем о том допустимо судить по письменным источникам. Об этом свидетельствует разнообразие типов постдзёмонской керамики, уже сейчас обнаруженной на Итурупе.

- Васильевский, Р. С. 1978. Охотская культура, ее происхождение и взаимоотношения с культурами соседних территорий // *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures, Hokkaido University* 12: 1—32.
1996. Заметки о до- и протоистории острова Сахалин // *Краеведческий бюллетень (Южно-Сахалинск)* 1: 54—79.
- Голубев, В. А. 1970. Древние культуры Курильских островов // *Сибирь и ее соседи в древности* 3: 218—235. Новосибирск.
- Корсунская, Р. С. 1958. Курильская островная дуга. Москва: Государственное издательство географической литературы.
- Оба, Т. 1956. Мойоро кайдзука сюто-но охокку сики токи (Керамика охотского типа из раковинной кучи Мойоро). Саппоро.
- Позднеев, Д. Н. 1909. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. т. 1. Иокохама.
- Прокофьев, М. М. 1995. Находки керамических изделий культуры сацумон с календарной символикой на о. Итурупе // *Краеведческий бюллетень (Южно-Сахалинск)* 3: 135—139.
1996. Стоянка Оля IV — первый стратифицированный и датированный по С-14 археологический памятник культуры Сацумон на южных Курильских островах // *Краеведческий бюллетень (Южно-Сахалинск)* 4: 78—90.
- Прокофьев, М. М., Ю. Е. Березкин, Г. И. Зайцева. 1989. Новые радиоуглеродные определения возраста археологических памятников острова Итурупе (Курильские острова) // *Древние культуры Дальнего Востока СССР (Археологический поиск)*: 30—34. Владивосток.
- Aikens, C. M., H. Takayasu. 1982. *Prehistory of Japan*. New York etc.: Academic Press.
- Befu, H., C. S. Chard. 1964. Prehistoric maritime culture of the Okhotsk // *American Antiquity* 30(1): 1—18.
- Crawford, G. W. 1983. Paleoethnobotany of the Kameda Peninsula Jomon. Ann Arbor (Anthropological Papers 73, Museum of Anthropology, University of Michigan).
- Crawford, G. W., Y. Mazakaru. 1987. Ainu ancestors and prehistoric Asian agriculture // *Journal of Archaeological Science* 14(2): 201—213.
- Hudson, M. J. 1999. Ainu ethnogenesis and the Northern Fujiwara // *Arctic Anthropologist* 36(1—2): 73—89.
- Kikuchi, T. 1978. The origin of the Okhotsk culture and its correlations with cultures of neighboring regions // *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures (Hokkaido University)* 12: 39—74.
- Mac Cord, H. A. 1960. Cultural sequences in Hokkaido, Japan // *Proceedings of the U. S. National Museum, Smithsonian Institution* 112(3443): 481—503.
- Ohyi, H. 1970. Relations between the Satsumon-culture and the Okhotsk-culture // *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures (Hokkaido University)* 4: 21—70.
- Ohnuki-Tierney, E. 1974. Another look at the Ainu — a preliminary report // *Arctic Anthropology* 11, Supplement: 189—195.
- Shiretoko-Misaki. 1964. Shiretoko-Misaki. The prehistorical sites on the Shiretoko peninsula in Hokkaido. Abashiri: Abashiri City Museum.

CERAMICS FROM THE AREA OF OLYA BAY ON ITURUP ISLAND

YURI E. BEREZKIN

In 1979, during the small saving excavations at the shore of Olya bay (midnorthern part of Iturup, one of the southern Kuril islands) almost completely restorable vessel was found. It had been probably fallen from hands and broken against a stone (fig. 2: 1). The form of the vessel and the position of the ornamental band fit standards of Satsumon culture of Hokkaido but the use of the cord (and not incision) to produce the design is unusual for the post-Jomon complexes. Both the parallels and the difference with the typical Satsumon vessel found in the same area by Sakhalin archaeologist (fig. 1) is easily seen. Typical Okhotsk ceramics was recorded nearby and is either contemporary or somewhat earlier than the cord-impressed vessel (fig. 2: 2—8).

Satsumon is the culture of protohistoric Hokkaido Ainu dated to ca. A. D. 650—1200 at the

southcentral Hokkaido but possibly up to A. D. 1600 at its northeastern part. Through the mediation of the so called Northern Fujivara polity, the Satsumon people (Ainu) adopted agriculture, iron tools and new type of dwellings and probably pushed the Okhotsk people (related to Sakhalin Mongoloids) out from the Hokkaido coast and from the southern Kurils. At the central and northern parts of Kuril archipelago, the Ainu were probably more seriously influenced by the Okhotsk substratum. The result was the differentiation between Hokkaido — Southern Kuril and Central-Northern Kuril groups of historic Ainu. Excavations of the proto-historic sites on Kuril islands demonstrate different types of ceramics and suggest more complex picture of cultural development in the area than it could be thought using the written sources alone.

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ВЫШЕСТЕБЛИЕВСКАЯ 11

Е. Я. РОГОВ (†), С. В. КАШАЕВ¹

В 1999 году Таманский отряд Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры Российской академии наук совместно с Вестфальским университетом (археологический семинар «Греки и их соседи в античное время») приступили к исследованию поселения Вышестеблиевская 11 на юге Таманского полуострова.

Поселение известно давно — в 20-е годы оно обследовалось С. Ф. Войцеховским, в 1931 году — сотрудниками Государственной академии истории материальной культуры А. А. Иессеном и А. А. Миллером. На карте А. А. Миллера оно обозначено под № 64 и отнесено к римскому периоду и раннему средневековью (Миллер 1930—1931). В 1981—1982 гг. поселение было обследовано Я. М. Паромовым, который дал подробное его описание (Паромов 1992: 575—576, № 183) В 1998 г. разведочные работы на нем были проведены Таманским отрядом Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН.

Поселение Вышестеблиевская 11 расположено на высоком, крутом берегу Кизилташского лимана в 23—27 м над уровнем моря. Оно вытянуто вдоль берега лимана на 0,9—1,1 км с юго-запада на северо-восток. Северо-западная граница четко не локализуется из-за искажения облика памятника в результате интенсивной строительной деятельности в 60-х годах прошлого столетия, поэтому размеры памятника в направлении с северо-запада на юго-восток составляют около 0,5 км, хотя устанавливаются условно по распространению подъемного материала и данным аэрофото съемки.

В восточном секторе памятника на берегу лимана сохранились остатки укрепления (так называемая «батарея»), имеющие вид почти прямоугольного в плане возвышения (размеры 80 × 100 × 90 × 105 м). Плоская вершина распадается, крутые откосы укрепления покрыты степной ковыльно-злаковой растительностью. Высота возвышения над поверхностью поселе-

ния составляет от 3 до 5 м. Восточная часть обращена к лиману, северная — к глубокой и крутой балке, западная и южная стороны окружены остатками оборонительного рва глубиной 1,5—2 м и шириной около 20 м. В западном углу верхней площадки укрепления сохранился раскоп, заложенный в 1977 г. Фанагорийской экспедицией, и стратиграфическая траншея, прорезающая всю свиту культурных напластований сверху и до самого дна рва. Отчет об этих раскопках в архиве Института археологии отсутствует, информации о них, за исключением краткого сообщения в «Археологических открытиях», нет (Басовская и др. 1977: 104).

При обследовании укрепления в 1999 г. была найдена плоская известняковая плита с изображением иудейских символов, относящаяся к позднеантичному времени (Кашаев, Кашовская 1999: 332).

Территория поселения, за исключением укрепления, представляет собой довольно ровную поверхность, в микрорельефе различимы все же небольшие возвышения до 0,15—0,2 м высотой, на которых цвет грунта несколько светлее окружения. Вся территория поселения в настоящее время распадается простым плугом. Встречающиеся на поверхности памятника керамические обломки датируют памятник от конца VI в до н. э. до времени средневековья.

Для раскопок было выбрано место в прибрежной, не потревоженной строительной деятельностью части поселения в 100 м к юго-западу от укрепления. Здесь в 18 м от берегового обрыва был заложен небольшой раскоп размером 15 × 5 м, ориентированный углами по сторонам света и в соответствии с изгибом береговой линии.

В процессе исследования выяснено, что мощность культурных напластований в этой зоне поселения составляет 1,2—1,5 м до материка в зависимости от рельефа участка. Стратиграфия: первый слой — пахотный — 0,15—

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

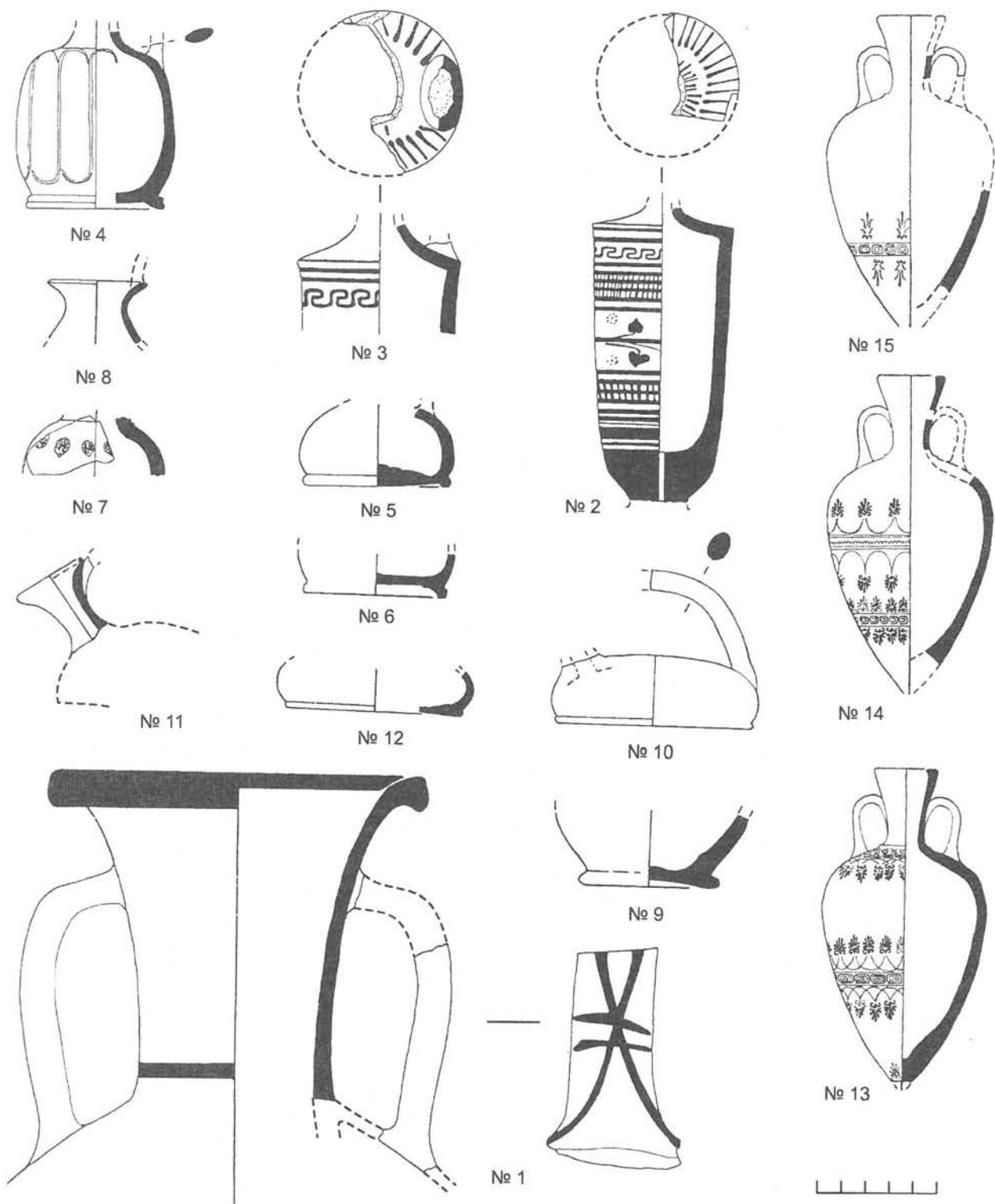

Рис. 1. Керамика из раскопок поселения Вышестеблиевская 11: № 1, 6, 7 — из ямы 8; № 4, 8—13 — из ямы 9; № 2, 3, 5, 12, 14, 15 — из ямы 5.

Fig. 1. Pottery from excavations at the settlement of Vyshesteblyevskaya 11: 1, 6, 7 — from pit 8; 4, 8—13 — from pit 9; 2, 3, 5, 12, 14, 15 — from pit 5.

0,3 м представляет собой переработанную многолетней распашкой дерновую почву; второй слой — серовато-коричневый суглинок — мощностью 0,3—0,5 м. Судя по изрезанности нижней границы слоя, он является результатом вспашки плантажным плугом, произведенной в 70-е годы. Верхняя часть слоя, образовавшегося в результате плантажной распашки, многие годы распахивалась простым плугом. Третий слой — желтовато-коричневый однородный суглинок — толщиной 0,7—1,1 м одинаков по всей исследованной площади, именно он является нетронутым повреждением культурным слоем поселения, он подстилается материковым желтовато-коричневым суглинком плейстоценового времени.

В процессе разборки свиты культурных напластований в пределах площади раскопа выявлена серия хозяйственных ям, относящихся к разным хронологическим периодам. Наиболее поздняя хозяйственная яма (№ 1) содержала характерный набор посуды, позволяющий отнести этот комплекс к салтово-маяцкой культуре и датировать VIII—IX вв. н. э. Сооружение трех ям (№ 3, 4, 7) было осуществлено в римское время. Все упомянутые хозяйственные ямы отличались сравнительно небольшими размерами и небольшой глубиной (диаметры устьевых частей ям составляют 1,0—1,2 м, глубина 0,5—0,8 м).

Значительно больший интерес вызывают хозяйственные ямы, относящиеся к классическому времени — на площади раскопа было выявлено три подобных ямы (№ 5, 8, 9). Ямы № 5 и 9 по сути представляют собой единый хронологический комплекс, поскольку засыпка их произведена одновременно — части одних и тех же сосудов найдены в обеих ямах.

Обе ямы имеют сложное слоистое заполнение. Диаметр устьев обеих ям — 1,2 м, диаметр доньев — около 3 м, глубина — 1,8—2 м. Яма № 5 после прекращения использования по своему прямому назначению стала засыпаться золой и углями из очагов, причем слои золы и угля перемежаются песчаными подсыпками, очевидно, чтобы ветер не разносил золу. Мощность этого зольного слоя — 0,6 м. Выше него располагался слой суглинка такой же мощности, содержащий битую керамику и бытовой мусор. Далее до самого устья ямы была сделана прочная забивка из сырца, рушенного материкового суглинка, золы и многочисленных обломков керамики. Было найдено более 2000 фрагментов амфор, столовой и лепной посуды. Яма № 9 имеет такой же сложный характер заполнения только с обратным чередованием слоев, то есть слой золы и сырца с многочисленными обломками керамики (тоже около 2000 фрагментов) находился внизу около дна ямы. Верхняя часть ямы заполнена чистым материковым суглинком, почти не со-

державшим обломков керамики и костей животных. По-видимому для свалки мусора жители использовали яму № 5, однако места в ней было недостаточно, и оставшаяся часть мусора и битой керамики была ссыпана в яму № 9, после чего обе ямы были забиты сверху чистым суглинком. Не вызывает сомнения, что обе ямы были засыпаны одновременно, поскольку части одних и тех же сосудов оказались в разных ямах.

Предварительный анализ керамического комплекса из обеих ям показывает, что обломки принадлежат 50—60 сосудам, некоторая часть которых может быть подобрана целиком. Среди них несколько амфор, изготовленных в различных керамических мастерских Средиземноморья: Менде, Хиос, Фасос, Лесбос, несколько крупных обломков амфор, центр изготовления которых пока не установлен. Весьма разнообразен набор простых столовых сосудов. Чрезвычайно выразительна коллекция чернолаковых сосудов, представленная разнотипными киликами, чашами, тарелками, одноручниками, лекифами и амфорисками. Яма № 8 имела такое же мусорное заполнение, но размеры этой ямы были намного скромнее предыдущих.

В этой работе мы постараемся дать развернутую характеристику именно этой последней группы керамического комплекса, выявленного в процессе разборки хозяйственных ям. Всего было найдено 5117 керамических обломков, принадлежащих разным типам сосудов, часть из этих обломков, причем из разных ям, подобралась, и удалось склеить сосуды полностью или, по крайней мере, получить полные профили. Обломки чернолаковой посуды составляют в общей массе 5,43%, однако если не учитывать амфоры, то процент посуды с лаковым покрытием составит 13,9%.

Начнем с открытых форм. В коллекции представлены стандартные для этого времени сосуды для питья, тарелки и блюда столового назначения.

Самую большую группу сосудов для питья вина составляют килики.

Килики так называемой «группы Романченко» (Delicate class). Это изящные пропорциональные сосуды с тонкими стенками на низкой профилированной подставке. Впервые этот тип сосудов был описан Б. В. Фармаковским на основании материалов коллекции Н. Я. Романченко, причем отмечалось, что по своим размерам и форме такие килики представляют для Ольвии явление обычное (Фармаковский 1911: 134—135). Действительно, при раскопках ольвийского некрополя таких сосудов было найдено порядочное количество (Козуб 1974: 44—45). Они достаточно широко распространены по всему Причерноморью (Брашинский 1980: 58; Рогов, Тункина 1998: 161—162). Тип

отличает высокое качество глины, хороший черный лак глубокого тона, профилированная валиком низкая кольцевая подставка, широкое вместилище с рельефным уступом под высоким венцом и богатый резной или/и штампованный орнамент на дне вместилища. С внешней стороны дно разделено на три или четыре окружности отделенные друг от друга концентрическими ребрами; за редким исключением дно полностью залито лаком.

В нашей коллекции имеется несколько образцов подобных киликов (рис. 2: № 16—27). Один из них — № 16, практически полностью собранный из обломков, представляет собой низкую чашу высотой 5,8 см, диаметром 20 см. Гладкие стенки плавню опускаются к дну, посаженному на кольцевую профилированную подставку диаметром 9,2 см. Ручки тонкие, прикреплены к середине тулова, верхние части ручек с петлями отсутствуют. С внутренней стороны дно украшено резным и штампованным орнаментом: в центре две маленьких рельефных окружности, вокруг которых оттиснуто 9 пальметок, соединенных дугами. Они окружены фризом из лучеобразных линий, ограниченных сверху двумя концентрическими окружностями. Форма сосуда типична (ср. АА XII. № 483, 487), орнамент ближе всего (см. АА XII № 503), датируется в пределах третьей четверти V в. до н. э.

Несколько крупных обломков закраин киликов такого типа позволяют судить о вариациях профиля — № 17, 18, 20, 21, у одного из обломков сохранились ручки, слегка возвышающиеся над венцом. В коллекции имеются обломки доньев киликов с орнаментом в виде центральной розетки, окруженной поясом пальметок — № 24, 26 (ср. Брашинский 1980: № 161; Фармаковский 1911: 134), либо в виде поясов резных лучей — № 23, 25, 27 (ср. АА XII № 1150, 1155 и др. Pl. 50).

Группа киликов Романченко (*delicate class* по наименованию принятому в Афинской агоре) датируется серединой — третьей четвертью V в. до н. э., однако, в комплексах они продолжают встречаться до конца столетия и даже рубежа V—IV вв. до н. э.

Весьма близки к группе киликов Романченко широкие килики с прямым венцом (**Large plain rim**). В нашей выборке имеется нижняя часть сосуда такого типа, сохранились часть стенок и дно на кольцевой подставке (рис. 3: № 40). Тип легко узнаваем по низкой профилированной небольшим валиком подставке (ср. АА XII № 475, 481). Внешняя сторона дна сосуда залита лаком, в центре окружность в цвете глины (на нем процарапано граффито), центр обозначен маленьким лаковым кружком (ср. АА XII № 487). Судя по аналогиям из раскопок Афинской агоры, сосуд датируется третьей четвертью V в. до н. э.

Килик типа Rheneia cup. Довольно редкий для Северного Причерноморья образец киликов. Тип отличает мелкое вместилище, прямо поставленный и слегка отогнутый наружу венец. Небольшие изящные ручки крепятся в верхней части корпуса, едва поднимаясь над венцом. Главный признак сосудов этого типа — непропорционально маленькая и низкая валикообразная кольцевая подставка. Наш сосуд (рис. 2: № 28) покрыт густым черным лаком местами бурого или кораллового тона. В центре дна вместилища оттиснута окружность из ов, над ней 7 штампованных пальметок, соединенных дугами. Внешняя сторона дна в цвете глины, в центре точка, обведенная кружком, две тонкие концентрические окружности, нанесенные лаком. Высота сосуда — 4,0 см, диаметр — 12,6 см, диаметр подставки — 5,2 см, высота подставки — 0,8 см. Из могилы 152 некрополя Аполлонии происходит довольно близкий по модулям экземпляр килика такого типа, датирующийся третьей четвертью V в. до н. э. (Аполония № 400). Среди материалов, изданных в XII томе «Афинской агоры», имеется несколько экземпляров аналогичной формы (АА XII № 457—461, орнамент — № 784, 826). Подобные килики появляются еще в начале второй четверти V в. до н. э., но они выше и, соответственно, имеют иной модуль. Высота сосудов этого типа уменьшается к концу третьей четверти столетия. Наш сосуд следует относить именно к этому времени или даже к началу следующей четверти.

Килики типа Bolsal. Один из наиболее распространенных типов сосудов для питья вина на протяжении второй половины V и первой половины IV вв. до н. э. Выпуск сосудов этого типа начался еще в 40-х годах V в. до н. э. и продолжался до середины следующего столетия (АА XII: 107—108). До сих пор бытует представление о том, что килики этого типа выпускались до конца IV в. до н. э. (Козуб 1974: 45). Недавно это мнение получило поддержку в работе С. Ротроф об эллинистической керамике с Афинской агоры (Rotroff 1997: 168—169). Похоже, что и некоторые российские исследователи готовы разделять такую точку зрения (Данильченко 2000: 218). Между тем, узко датирующиеся комплексы из Северного Причерноморья, прежде всего погребальные, позволяют утверждать, что поступление этого типа киликов в Северное Причерноморье прекращается уже в конце второй четверти IV в. до н. э. (Рогов, Тункина 1998: 163). Более того, на поселениях, которые возникают около середины или во второй половине IV в. до н. э., килики типа болсал полностью отсутствуют. В качестве примеров приведем комплекс чернолаковой керамики с поселения Генеральское в Восточном Крыму (Масленников

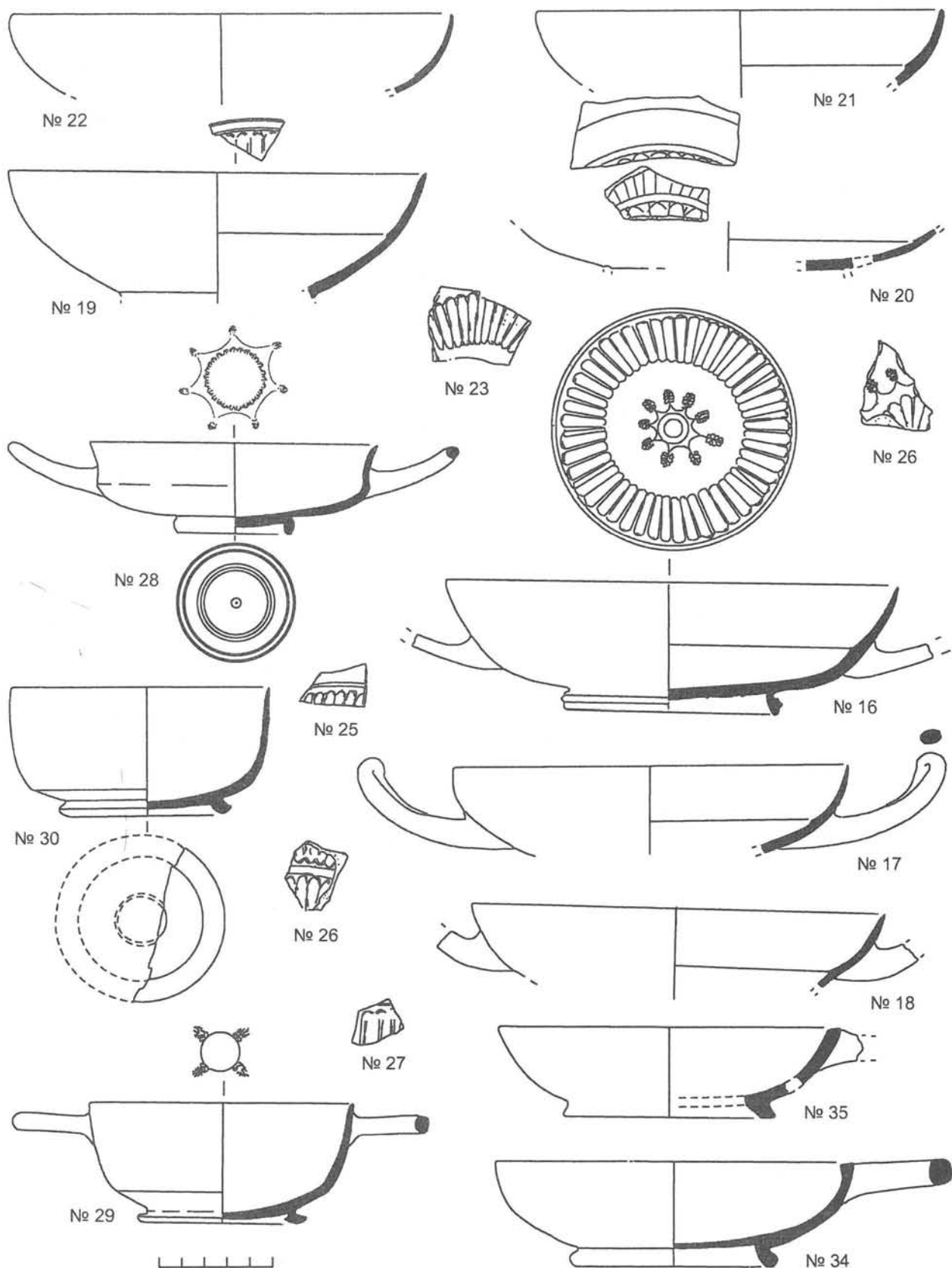

Рис. 2. Керамика из раскопок поселения Вышестеблиевская 11: № 16 — из ям 5 и 8; № 19, 21, 23, 24, 26, 30 — из ямы 5; № 17, 18, 20 — из ямы 8; № 22, 25, 27, 29 — из ямы 9.

Fig. 2. Pottery from excavations at the settlement of Vyshesteblyevskaya 11: 16 — from pits 5, 8; 19, 21, 23, 24, 26, 30 — from pit 5; 17, 18, 20 — from pit 8; 22, 25, 27, 29 — from pit 9.

1997: 112—130), керамический комплекс усадеб 6 и 7 поселения Панское I, усадеб ближней хоры Херсонеса, а также комплекс керамики поселений Козырка 12 и Козырка 12 южная. К этому списку можно прибавить и опубликованный С. А. Данильченко комплекс чернолаковой керамики поселения Козырка II, где три подобных сосуда датированы последней четвертью V—рубежом V—IV вв. до н. э. (Данильченко 2000: 218).

Сосуды из наших раскопок покрыты хорошим густым черным лаком, имеют едва заметный уступ в нижней части тулова; горизонтальные ручки прикреплены непосредственно под венцом (рис. 2 № 29, 30). Дно одного из сосудов — № 29 украшено штампованным орнаментом — циркулем нанесена небольшая окрестность, вокруг которой крестообразно отрисованы пальметки. Внешняя сторона дна этого килика оставлена в цвете глины, центр обозначен точкой, обведенной маленьким кружком и одной узкой и одной широкой концентрическими полосами лака. Внешняя сторона дна второго сосуда — № 30 украшена широкой полосой лака. Третий сосуд сильно фрагментирован и профиль его не восстанавливается, дно с внешней стороны полностью залито лаком, на таблицах он не представлен. Наиболее близки по пропорциям нашим сосудам килики из раскопок на Афинской агоре (AA XII № 550, 554, 580, 551 — орнамент), датирующиеся временем около 425 г. до н. э. Из могилы № 391 третьей четверти V в. до н. э. некрополя Аполлонии происходит килик, близкий нашему сосуду № 30, а из могилы № 580 — килик, близкий № 29. Дата всех трех сосудов типа болсал из нашей коллекции не выходит за пределы последней трети V в. до н. э.

Одноручники (One-handler). Чаши полусферической формы на кольцевом поддоне с одной ручкой представлены в коллекции двумя склеенными из обломков сосудами (рис. 2: № 34, 35). Они имеют разное оформление венцов — у одного венец прямой, косо срезанный — № 35, у другой чаши венец слегка утолщенный и тоже косо срезан — № 34. Ручки крепятся к самому краю венцов и располагаются в одной с ним плоскости. Одноручник № 35 покрыт хорошим густым черным лаком глубокого тона, внешняя сторона дна практически полностью залита лаком за исключением окружности в центре. Второй одноручник покрыт лаком местами бурого тона, судя по глине, он не аттического производства. Форма чаш с одной ручкой весьма консервативна и с течением времени изменялась незначительно, варьирует лишь форма венца — у более поздних экземпляров он слегка отогнут наружу. Из сосудов, найденных при раскопках Олинфа, наиболее близки нашим одноручни-

кам сосуды, датирующиеся поздним V или ранним IV вв. до н. э. (Olynth XIII № 687, 737), в материалах Афинской агоры, судя по профилям сосудов и их модулям, экземпляры, датирующиеся второй половиной — последней четвертью V в. до н. э. (AA XII № 753, 754). По-видимому, одноручники из нашей коллекции не выходят за пределы последней трети V в. до н. э.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество обломков, принадлежащих скифосам (*Scyphi*). К сожалению, в нашей коллекции нет ни одного целого экземпляра этого типа сосудов для питья (рис. 3: № 31—33). Достаточно крупный фрагмент позволяет реконструировать верхнюю часть миниатюрного коринфского скифоса № 33. Сосуд сформован из желтовато-оранжевой глины и имеет покрытие такого же светлого цвета. Верхняя часть венца украшена полосой лака красноватого оттенка. Маленькие петлевидные ручки крепятся непосредственно под венцом и располагаются горизонтально в одной с ним плоскости. Диаметр венца — 5,6 см. По форме он близок к скифосам, названным издателями Афинской агоры группой субгеометрических пережитков — *Subgeometric survivals* (AA. XII: 261, № 375, 376 — конец V в. до н. э.). Коринфские миниатюрные скифосы обычно расписывались по тулову полосами лака, меандром или фризами из палочного орнамента (Аполония. № 483, 484; Olynth XIII № 543: Pl. 193; Corinth XIII: 127, Pl. 37, 44, 60, 72). В Аполонии скифосы были найдены в могиле вместе с чернофигурным скифосом и солонкой третьей четверти V в. до н. э. Скифос из нашей коллекции, вероятнее всего, относится ко второй половине столетия, более узкая его датировка, к сожалению, невозможна.

Реконструированы верхние части двух скифосов афинского типа — № 31, 32. Оба сосуда покрыты густым черным лаком глубокого тона. Судя по прямому профилю венцов, сосуды датируются не позже конца V в. до н. э. Скифосы с прямым венцом встречаются в материалах Афинской агоры с первой четверти V в. до н. э. (AA XII № 338), однако, более близкие размеры венцов и их профили дают сосуды рубежа третьей и последней четвертей столетия (AA XII № 345). Близки сосудам из нашей коллекции и экземпляры, найденные в процессе раскопок Олинфа (Olynth XIII № 559, 561), и из могилы № 186 третьей четверти V в. до н. э. некрополя Аполлонии (Аполония № 489, 490).

Тарелки. В коллекции имеется несколько экземпляров обломков закраин различных тарелок и мисок (рис. 3: № 36, 42—43), однако небольшая их величина не позволяет однозначно идентифицировать типы, к которым они принадлежат. Из обломков полностью

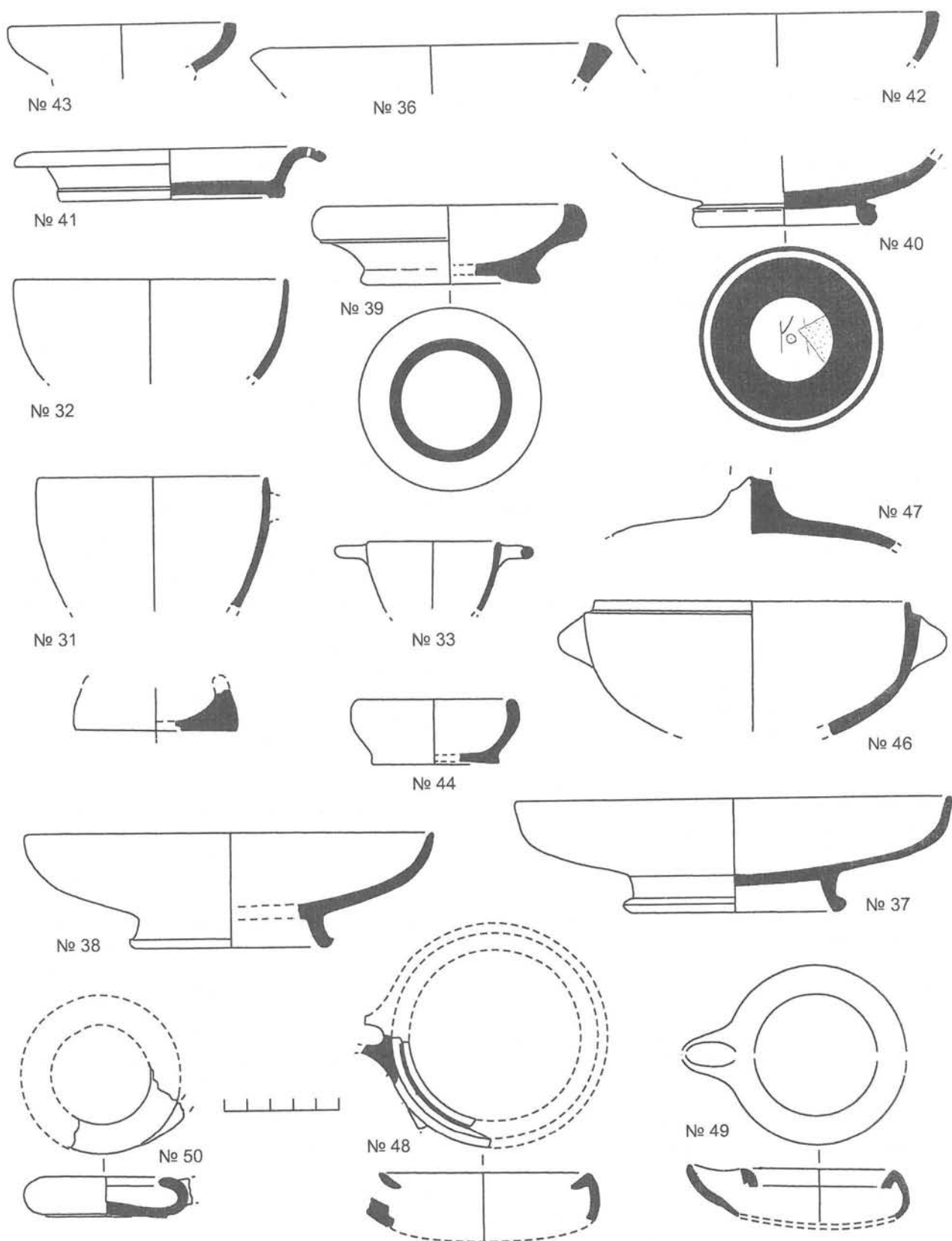

Рис. 3. Керамика из раскопок поселения Вышестеблиевская II: № 41 — из ям 8 и 9; № 31, 35, 43, 44, 46—48 — из ямы 5; № 36, 38, 39, 45, 49 — из ямы 8; № 32—34, 37, 40, 42, 50 — из ямы 9.

Fig. 3. Pottery from excavations at the settlement of Vyshesteblievskaya II: 41 — from pits 8, 9; 31, 35, 43, 44, 46—48 — from pits 5; 36, 38, 39, 45, 49 — from pit 8; 32—34, 37, 40, 42, 50 — from pit 9.

удалось собрать только два экземпляра. Обе тарелки принадлежат к одному типу — **Dup wall and convex-concave profiles** — рис. 3: № 37, 38. Это сосуды высотой около 5 см, имеющие прямой или с легким отгибом наружу венец, тонкие стенки. Характерным признаком типа является вогнутая, довольно высокая кольцевая подставка. Оба сосуда покрыты густым черным лаком. В центре дна вместилища тарелки № 37 окружность кораллового тона. Дно с внешней стороны залито лаком, украшено небольшим врезным кружком в центре и полоской в цвете глины у основания поддона. В месте крепления поддона с внешней стороны две врезные концентрические бороздки. Сосуд № 38 принадлежит к этому же типу, но покрыт густым черным лаком графитового тона. Издатели материалов Афинской агоры датируют этот тип тарелок от начала и до конца V в. до н. э., указывая, что он был популярен не только в Аттике, но и в Италии (AA XII: 180). Имеющиеся аналогии позволяют датировать наши сосуды временем 450—430 гг. до н. э. (AA XII № 809, 813, 814).

Тарелочка с S-видным профилем — **Shallow wall and convex-concave profile**. Сосуд из нашей коллекции склеен из обломков, сохранился полный профиль на широком кольцевом поддоне (рис. 3: № 39). Венец утолщенный, нависающий снаружи, в нижней части имеет неглубокую кольцевую бороздку. Широкий кольцевой поддон оставлен в цвете глины, наружная сторона дна украшена концентрической полосой лака. Тарелочки с таким профилем довольно часто встречаются в комплексах V в. до н. э., однако для более точной хронологической привязки важна ширина кольцевого поддона. По форме и модулям наиболее близки нашему экземпляру сосуды из раскопок Афинской агоры (AA XII № 817, 818), датирующиеся 450—430 гг. до н. э., а также тарелочки из могил 391 и 154 некрополя Аполлонии (Аполония № 546—549), которые относятся к третьей четверти V в. до н. э. К этому времени следует относить и сосуд из нашей коллекции.

Чрезвычайно интересна плоская небольшая тарелочка, не имеющая лакового покрытия (рис. 3: № 41). Мы, тем не менее, сочли необходимым включить ее в нашу сводку, во-первых, потому, что форма ее весьма редкая, и, во-вторых, несмотря на отсутствие лакового покрытия, поверхность ее обработана столь тщательно, что ничем не уступает покрытию лаком. Сохранились отдельные фрагменты, из которых восстановлен полный профиль. Высота сосуда всего 2,2 см, крайна плавно отогнута наружу под углом почти 90 градусов. Дно плоское с едва намеченным кольцевым поддоном. Сосуд сформован из плотной хорошо отмученной тонкой белой глины с легким

желтовато-зеленоватым оттенком. Поверхность сосуда хорошо заглажена и даже, пожалуй, залощена таким образом, что получилось плотное блестящее покрытие. В одном месте в крайне еще по сырой глине проткнуто отверстие, по всей видимости, для подвешивания сосуда. Судя по глине, возможно, сосуд следует связывать с работой керамических мастерских о. Хиос. Близких аналогий этому сосуду нам подобрать не удалось.

Солонки (Saltcellar). В нашей выборке имеются обломки трех солонок. В одном случае мы имеем только обломки дна, и поэтому форму сосуда восстановить не удастся. Во втором случае обломки настолько выразительны, что форма сосуда уверенно реконструируется (рис. 3: № 45). В третьем случае сохранилось больше половины сосуда с полным профилем (рис. 3: № 44).

Солонка № 45 покрыта густым высокого качества черным лаком. Форма сосуда напоминает конус, дно плоское, венец округлый, загнут внутрь (*Saltcellar: convex. wall*). Аналогичные солонки происходят из комплексов второй половины V в. до н. э. (AA XII № 896—898) или третьей четверти этого столетия (Аполония № 588). По всей видимости, экземпляр и нашей коллекции следует датировать концом третьей — началом последней четверти V в. до н. э.

Солонка № 44 имеет покрытие лаком бурого, местами кораллового тона. Глина красно-кирпичная, не аттическая. Сосуд, скорее всего, изготовлен в каких-то иных, не аттических, керамических мастерских, хотя по форме повторяет изделия аттических мастеров. Тип солонки с плавно загнутым внутрь краем т. н. эхинообразной формы — **Saltcellar: echinus wall**, отличает от экземпляров с профилем такой же формы наличие плоского дна вместо кольцевого поддона. Солонки на плоском дне характерны больше для V в. до н. э. Наиболее близки по пропорциям и модулям нашему сосуду солонки из раскопок Афинской агоры (AA XII № 913, 914). Т. Иванов солонки такой формы выделяет в 9 тип и датирует концом V в. до н. э. (Аполония: 225, № 589). Перечисленные аналогии все же имеют одно отличие от нашего экземпляра — на нем в нижней части тулова ясно обозначен переход к дну, которого не имеют аттические образцы. Весьма вероятно, что сосуд был изготовлен в каких-то местных или малоазийских мастерских во второй половине V в. до н. э.

Леканы (Lecanis). В коллекции представлено несколько обломков чернолаковых лекан и крышек лекан. По довольно крупному обломку крайна надежно восстанавливается форма леканы № 46. Это невысокий приземистый сосуд с внешним уступом для крышки на

венце и плавно опускающимися к дну стенками. Горизонтальные ручки отбиты в древности, однако с обеих сторон каждой ручки сохранились вертикальные ушки. Сосуд покрыт густым черным лаком (рис. 3: № 46). Леканы выпускались в различных керамических центрах античного мира на протяжении всего архаического и классического времени, однако форма этих сосудов весьма консервативна (см. Corinth XIII № 289—2, 327—3, 332—1). Среди аттических лекан из раскопок Афинской агоры есть довольно близкие аналогии нашему сосуду (AA XII № 1242—1246), датирующиеся второй половиной V в. до н. э.

Крышка леканы (рис. 3: № 47), несмотря на то, что сохранилась почти целиком, все же не имеет полного профиля — закраины крышки оббиты, отсутствует ручка. Хронология крышек лекан разработана недостаточно. Крышка из нашей коллекции относится к группе крышек с неполой ручкой, судя по профилю, она относится ко второй половине V в. до н. э. (ср. AA XII № 1235, 1239).

Светильники. Все имеющиеся в коллекции обломки светильников, а их около десятка, относятся к типу однорожковых открытых светильников с горизонтальной петлевидной ручкой. Закраина одного из них прямая (рис. 3: № 50), закраины остальных резко загнуты внутрь вместилища (рис. 3: № 48, 49). Только светильник № 50 был полностью покрыт густым черным лаком, ныне осыпающимся, остальные светильники были украшены полосами жидкого лака, нанесенными по верхнему краю венца и носика. По форме наши сосуды близки лампам местного производства, найденным при раскопках некрополя Коринфа (Corinth XIII № 353—7, 388—14, 409—11, X-238). Все эти сосуды датируются по сопутствующему инвентарю серединой — последней четвертью V в. до н. э. Учитывая стандартность форм сосудов такого рода, можно считать, что и наши экземпляры не выходят за указанные хронологические рамки.

Группа закрытых сосудов численно невелика и менее разнообразна по формам. В нее входят аски, лекифы, обломок ольпы, амфориски и верхняя часть амфоры.

Амфора. Сохранилась часть горла и ручка, по которым надежно реконструируется верх сосуда (рис. 1: № 1). Амфора сформована из плотной глины красно-кирпичного цвета с мелкими известковыми включениями. Сосуд покрыт серо-коричневым ангобом, по верху которого по венцу нанесена полоса жидкого лака. Таким же лаком выполнена кольцевая полоса на горле и орнамент на ручке. Форма сосуда полностью не восстанавливается, поэтому невозможно однозначно решить какова была нижняя часть сосуда. Горло сосуда воронковидное с валикооб-

разным, плавно отогнутым наружу венцом. Судя по глине и оформлению поверхности сосуда, он не принадлежит к изделиям аттических керамических мастерских. Возможно, сосуд изготовлен в керамических мастерских одного из центров северной Ионии и относится ко времени не позже конца VI в. до н. э. К сожалению, аналогий этому сосуду найти не удалось.

Горло с частью вертикально поднимающейся ручки чернолаковой ольпы (**Olpe**). По всей видимости, сосуд имел небольшую высоту, бочонкообразное тулово и характерное для таких сосудов плоское дно (рис. 1: № 8). Венец резко отогнут наружу, ручка крепится непосредственно к венцу. Лак густой черный с легким графитовым оттенком. Скорее всего, сосуд относится ко второй половине V в. до н. э. (ср. AA XII № 279, 281).

В коллекции имеется нижняя часть небольшого чернолакового кувшинчика или ойнохойи (рис. 1: № 9). Сосуд был покрыт черным густым лаком хорошего, глубокого тона, ныне лак осыпается, сильно потерт. Глина, из которой был изготовлен сосуд, тонкая, хорошо отмучена, желтовато-оранжевого цвета, характерная для изделий аттических керамических мастерских. Дно плоское слегка вогнутое с внешней стороны. Судя по профилю нижней части сосуда, обломок, скорее всего, принадлежит ойнохойе. Сосуды с таким профилем дна по материалам Афинской агоры датируются еще серединой V в. до н. э. (ср. AA № 103), в Олинфе сосуды с близкими пропорциями дна и профиля датируются V или первой половиной IV вв. до н. э. (Olynth XIII № 297, 298). Последние, впрочем, покрыты лаком весьма низкого качества. Наш сосуд, скорее всего, следует датировать второй половиной V в. до н. э.

Аски. Мы располагает двумя обломками асков (рис. 1: № 11, 12) и одним практически целым сосудом (рис. 1: № 10). Все три сосуда относятся к одному типу аттических асков — *askos shallow*. Это сосуды с низким вместилищем на плоском дне, воронковидным устьем, цилиндрической шейкой и ручкой перекинутой от горла ко дну через весь корпус. У аска № 10 отсутствует горло и часть ручки, сосуд покрыт густым черным лаком глубокого тона, лак сильно потерт и отслаивается. Дно плоское, в нижней части тулова выделен переход к дну. По размерам и модулям наиболее близки нашим сосудам аски из раскопок Афинской агоры (AA XII № 1174, 1175. Первый датируется третьей, второй последней четвертью V в. до н. э. (AA XII: 158—159).

Амфориски. Довольно редкая форма сосудов для ароматических масел — амфориски со штампованным орнаментом по тулову. В

нашей коллекции мы располагаем обломками трех по-разному орнаментированных сосудов (рис. 1: № 13, 14, 15). Один амфориск № 13 подобрался практически целиком — отсутствует одна ручка и дно. Сосуд покрыт густым черным лаком. На плечиках штампом оттиснута полоса ионийского киматия, под ним фриз из меандра и далее полоса пальметок, основания которых соединены дугами. В нижней части тулова оттиснута полоса меандра, над ней и под ней помещены фризы из пальметок соединенных дугами. Нижняя часть дна также украшена полосой пальметок. По форме и штампу сосуд можно датировать временем около 420 г. до н. э. (Ср. АА XII № 1150, 1151, 1157). Второй амфориск (№ 14) имеет иную орнаментацию тулова. В верхней части тулова штампом оттиснута полоса мелкого зигзага, обрамленная сверху и снизу двойными концентрическими бороздками. Вверху и внизу фризы из пальметок, основания которых соединены дугами. В нижней части тулова оттиснута полоса меандра, обрамленного концентрическими бороздками и расположенными выше и ниже фризами из пальметок. От третьего амфориска (№ 15) сохранился фрагмент тулова с орнаментом в нижней его части — полоса меандра, обрамленная сверху и снизу концентрическими бороздками и фризами из крупных, редко расположенных пальметок (тип пальметок ср. АА XII № 1153; Аполлония № 244). Подобные амфориски, украшенные по тулову штампованным орнаментом, известны из раскопок некрополей в Северном Причерноморье, все они датируются второй половиной V в. до н. э. (Гайдукевич 1952: Рис. 19; 1959: 169; Козуб 1974: 79—81).

Лекифы в нашей выборке представлены несколькими типами. К типу II по классификации Т. Иванова (Аполлония: 126) относятся обломки сосуда, дающие практически полный профиль (рис. 1: № 4); отсутствует лишь часть горла, ручка и венец. Этот тип характеризуется слегка расширяющимся в нижней части туловом, низкой профилированной подставкой и эхинообразным венцом, характерным для лекифов V в. до н. э. Наш сосуд покрыт густым черным лаком, тулово украшено широкими каннелюрами. Орнамент в виде каннелюр довольно часто украшает сосуды, выпускавшиеся в Аттике во второй половине V в. до н. э. Примером может служить лекиф из могилы 92/1902 некрополя Ольвии (Козуб 1974: 97), датирующейся второй половиной указанного столетия. Однако пропорции ольвийского сосуда суше, он более вытянут по сравнению с нашим лекифом. Несколько ближе по пропорциям сосуд из погребения № 154 некрополя Аполлонии (Аполлония № 168), датирующийся третьей

четвертью V в. до н. э. Этим же временем следует датировать и сосуд из нашей коллекции, хотя каннелюры на аполлонийском экземпляре несколько отличаются.

Другой экземпляр лекифа принадлежит к типу лекифов с низким как бы сплюснутым туловом. У сосуда полностью утрачены горло и венец, однако, тип его хорошо определяется (рис. 1: № 5). В некрополе Аполлонии было найдено довольно много лекифов такой формы, некоторые из них имели краснофигурную роспись по тулову. Наш экземпляр полностью залит лаком. Судя по аналогиям, его следует датировать второй половиной V в. до н. э. (ср. Аполлония № 23, 25; Olynth XIII № 399).

Обломок нижней части тулова арибаллического лекифа (рис. 1: № 6), к сожалению, не может быть достоверно атрибутирован — сохранилась слишком незначительная часть сосуда.

Интересен обломок стенки плеча лекифа с орнаментом в виде мелких пальметок, оттиснутых штампом в один ряд (рис. 1: № 7). Подобная орнаментация на лекифах встречается чрезвычайно редко. Очень близкие по характеру пальметки мы встречаем на обломке сосуда с каннелированным орнаментом из раскопок Афинской агоры, датирующегося 450—425 гг. до н. э. (АА XII № 209). Судя по красно-кирпичной глине и бурому покрытию, наш обломок принадлежал сосуду явно не аттического производства.

Завершают описание чернолаковой керамики из раскопок поселения Вышестеблиевская II два лекифа, принадлежащие к типу цилиндрических белофонных лекифов (рис. 1: № 2, 3). Строго говоря, их следует относить к группе чернофигурной керамики. Оба сосуда представлены обломками — в одном случае удается реконструировать верхнюю часть сосуда и роспись на плечиках, в другом — практически полностью тулово сосуда. Лекиф № 3 по плечикам имеет один ряд «палочного» орнамента, нанесенного кистью разбавленным жидким лаком; в верхней части тулова — три узкие концентрические полосы лаком, ниже полоса меандра. Роспись нанесена поверх покрытия светло-серого цвета. Лекиф № 2 по плечикам украшен двумя рядами «палочного» орнамента, нанесенного тонкой кистью разбавленным жидким лаком. На тулове в верхней его части две лаковые полосы, под которыми фриз меандра. Центральную часть тулова украшает орнамент в виде побега плюща с цветами, нанесенными точками тонкой кистью, сверху и снизу обрамляется полосами лака и широкими поясами сетчатого орнамента; ниже несколько узких и широких лаковых полос. Нижняя часть сосуда полнос-

тью залита лаком. Роспись нанесена по белому фону. У сосуда отсутствует подставка, горлышко с ручкой и венец. Сосуды с подобной росписью по светлому фону имели чрезвычайно широкое распространение в V в. до н. э. и связываются с именем мастера Бельдама (Haspels 1936: 181). По всей видимости, выпуск их был недолгим, но чрезвычайно обильным. Д. Робинсон датирует лекифы с подобной росписью началом V в. до н. э. (Olynth XIII № 18—25), однако такая датировка сосудов представляется нам сильно заниженной. Судя по всему, время их выпуска не выходит за пределы второй—третьей четвертей V в. до н. э. (ср. Козуб 1974: 92, мог. 17/1913; Аполония № 2—8; Yasemin Tuna-Norling 1999: № 306—322; большое количество найдено в Коринфе, особенно близкий орнамент Corinth XIII № 361—6, 326—6). Основываясь на ближайших аналогиях, наши сосуды следует относить к середине—началу третьей четверти V в. до н. э.

Этим мы завершили описание находок расписной и чернолаковой керамики из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская 11. Набор керамических сосудов в комплексе, как мы видим, весьма разнообразен, однако, наряду с этим, и весьма стандартен. Первое, на что следует обратить внимание, это полное отсутствие сосудов с краснофигурной росписью. Что же касается сосудов, украшенных чернофигурной росписью, то, как уже отмечалось, это вполне рядовая и широко распространен-

ная продукция аттических керамических мастерских. Второй момент — это наличие в керамическом комплексе чернолаковых сосудов не аттического производства. К сожалению, мы не можем связать наши находки с каким-то определенным керамическим центром или центрами, но то, что на поселение поступала керамическая продукция и из иных частей античного мира помимо Аттики, само по себе весьма показательно и заслуживает дальнейшего изучения. В хронологическом отношении комплекс расписной и чернолаковой керамики достаточно однороден. За исключением единичных вещей, относящихся к более раннему времени, как, например, горло ионийской амфоры, все остальные находки датируются либо широко — второй половиной V в. до н. э., либо одной из четвертей в пределах второй половины века. Обратим внимание, что в комплексе отсутствуют килики или их обломки типа *Cup — skyphos*, появляющиеся в последней четверти V в. до н. э., но присутствуют килики типа *Bolsal*, выпуск которых начинается в 40-х годах этого столетия. Целый ряд признаков указывает на то, что засыпка хозяйственных ям, из которых происходят наши находки, была произведена в конце третьей или в начале последней четверти V в. до н. э. Предлагаемая дата хорошо соотносится и с датой амфор из этого комплекса — здесь присутствуют как хиосские пухлогорлые амфоры с перехватом самого позднего варианта, так и новый тип хиосской винной тары — амфоры с прямым горлом.

- Аполония*. 1963. Аполония. Раскопките в некропола на Аполония през 1947—1949. София.
- Басовская, Н. И., В. С. Долгоруков, В. Д. Кузнецов, Т. Г. Шавырина, В. П. Яйленко*. 1978. Исследования Фанагории // Археологические открытия 1977 г.: 104—105. Москва: Наука.
- Браштинский, И. Б.* 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Ленинград: Наука.
- Гайдукевич, В. Ф.* 1952. Раскопки Тиритаки в 1945—1950 гг. // Материалы и исследования по археологии 25: 5—135. Москва-Ленинград.
1959. Некрополи некоторых боспорских городов. По материалам раскопок 30-х годов // Материалы и исследования по археологии 69: 154—238. Москва-Ленинград.
- Дашильченко, С. А.* 2000. Чернолаковая аттическая керамика поселения Козырка 2 // Сиссития: 217—222. Санкт-Петербург.
- Кашаев, С. В., Н. В. Кашовская*. 1999. Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: 332—337. Санкт-Петербург.
- Козуб, Ю. И.* 1974. Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. э. Київ.
- Масленников, А. А.* 1997. Чернолаковая посуда с поселения Генеральское-Западное // Проблемы истории, филологии, культуры 1: 112—130. Москва-Магнитогорск.
- Миллер, А. А.* Археологические карты Таманского полуострова // Архив ИИМК РАН. Таманская экспедиция ГАИМК 1930—1931 гг. Под руководством А. А. Миллера. Р-1, Арх. № 1 60, инв. № 1303—1306.
- Паролов, Я. М.* 1992. Археологическая карта Таманского полуострова // Институт научной информации общественных наук РАН № 47103 от. 01, 10, 92. Москва.
- Рогов, Е. Я., И. В. Тункина*. 1998. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское 1 // Археологические весты 5: 159—175. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин».
- AA XII*. Sparkes, B. A., L. Talcott. 1970. Black and Plain Pottery of the 6, 5 and 4 Centuries B. C. // The Athenian Agora XII. Princeton.
- Corinth XIII*. Blegen, C. W., H. Palmer, R. S. Young. 1964. The North Cemetery. Corinth XIII. Princeton.
- Haspels, C. H. E.* 1936. Attic black — figured Lekythoi. Paris.
- Olynth XIII*. Robinson, D. M. 1950. Vases Found in 1934 and 1938 // Excavations at Olynthus XIII. Baltimore.
- Rotroff, S. J.* 1997. Hellenistic pottery Athenian and imported wheelmade table ware and related materiale // The Athenian Agora XXIX. Princeton.
- Yasemin Tuna-Norling*. 1999. Die Attische Keramik. Daskyleion I. Arkeoloji Dergisi. VI. Izmir.

BLACK-GLAZED POTTERY FROM EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT OF VYSHESTEBLIEVSKAYA 11

E. YA. ROGOV (†), S. V. KASHAEV

In 1999, the Taman Detachment of the Bosporan Expedition of the Institute of the History of Material Culture, RAS, jointly with the «Greeks and their Neighbours» Seminar of the Westphalian University started excavations at the settlement of Vyshestebliievskaya 11 on the bank of the Kiziltash Liman in the South of the Taman Peninsula.

During the excavations, household pits, which had been simultaneously covered in and contained various pottery fragments, were discovered. Parts of the same vessels were found in different pits. The assemblage of artefacts from these pits included numerous fragments of black-glazed ware, a considerable number of which it was possible to restore. This paper is dedicated to the study of this type of pottery.

The most numerous group of the black-glazed ware were kylikes of various types. A few examples of kylikes were found which belong to the type of delicate class (fig. 2: no. 16—27), dating to the third quarter of the 5th century B. C. Close to this group are large plain kylikes of which there is a lower body in our collection (fig. 3: no. 40). There were also a kylix of the rheneia cup type (fig. 2: no. 28), which is rare in the Black Sea area, and several bolsals (fig. 2: 29, 30). On the basis of numerous parallels these types of kylikes are dated to the third or the last quarter of the 5th century B. C.

One-handed hemispherical bowls with ring-foot are represented by two examples (fig. 2: 34, 35) which are dated to the last third of the 5th century B. C. A relatively small number of skyphoi have been found only as isolated fragments. One of these — a Corinthian skyphos of the subgeometric survivals type — is dated to the second half of the 5th century. The skyphoi of the Athenian types nos. 31 and 32 are dated to the third quarter of the 5th century B. C.

Of interest are a saucer with shallow wall and convex-concave profile (fig. 3 : no. 39) dating to the third quarter of the same century and various salt-cellars (fig. 3: no. 44 and 45). Salt-cellar no. 44 with echinus wall is of non-Attic manufacture. Both of the vessels are dated to the second half of the 5th century B. C.

Fragments of lekainai and their lids (fig. 3: nos. 46 and 47), lamps (fig. 3 : nos. 48, 49, and 50), olpai (fig. 1: no. 8), oenochoai (fig. 1: 39),

and askoi (fig. 1: nos. 10, 11, 12) also were encountered.

A number of vessels for keeping aromatic oils belong to the fairly uncommon type of amphoriskoi with stamped decorations on the body (fig. 1: nos. 13, 14, 15). Vessel no. 13 is decorated on its body with Ionian cymatium, meander and palmettes; on the lower body, a meander stripe is stamped, below and above which there are friezes composed of palmettes linked by arches. According to its shape and stamp the vessel is dated to about 420 B. C. Two other amphoriskoi differed in their decoration, their dating is nevertheless close to that of no. 13.

The collection includes a group of lekythoi and their fragments. Among these, of note is a lekythos (fig. 1: no. 4) decorated with a fluted pattern on its body and dated to the third quarter of the 5th century B. C. Fragmentary lekythoi (fig. 1: nos. 5, 6 and 7) are dated to the same period. Lekythos no. 7, decorated on its shoulder by a frieze of stamped palmettes, probably was manufactured in Ionia.

Two cylindrical lekythoi with white background were restored from their fragments (fig. 1: nos. 2 and 3). One of them, which is almost complete with the most part of painting preserved, is possibly connected with the workshop of artist Beldame. Both of the vessels are dated to the third quarter of the 5th century B. C.

Thus the assemblage of the ceramic ware found, as one may see, is fairly diverse, though at the same time it is quite standard. There is no ware with red-figured painting. Of note is that the collection comprises not only the ware manufactured in Attic, but also that from other parts of the Greek World. In terms of its chronology, the assemblage is fairly homogeneous, almost all of the vessels being dated to the second half of the 5th century B. C. Quite a number of signs indicate that the pits were covered in during the beginning of the last quarter of the 5th century B. C., that is also confirmed by numerous amphorae finds.

We are grateful to the «Diversified Joint Ventures, LTD» company, USA, for supporting our project and the works of the Bosporan Expedition of the Institute of the History of Material Culture, RAS, and hope for our further fruitful co-operation.

НОВЫЕ НАХОДКИ НАКОНЕЧНИКОВ НОЖЕН МЕЧЕЙ НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ

К. А. МИХАЙЛОВ, Е. Н. НОСОВ¹

По числу находок скандинавской, а если сказать шире, общебалтийской культуры, встреченных на поселениях (могильники естественно дают иную картину), Рюриково городище под Новгородом на всей обширной территории лесной зоны Восточной Европы может быть сравнимо лишь с комплексом поселений в районе Гнездово в верховьях Днепра. Каждый новый раскопочный сезон на Рюриковом городище и постоянно пополняющаяся коллекция подъемного материала все более укрепляет нас в данном заключении.

В этой связи несомненный интерес представляют найденные при раскопках Рюрикова городища и при сборах на нем три наконечника ножен мечей. Два наконечника сохранились практически целиком, а третий представлен небольшим фрагментом. Наконечники ножен мечей предназначались для защиты лезвий от повреждений и являлись украшением ножен. Бронзовые орнаментированные наконечники ножен мечей, которые также называют ажурными или прорезными, широко распространились в Скандинавии, на побережье Балтийского моря и на других территориях Восточной Европы в IX—XI вв. под влиянием скандинавской культуры эпохи викингов.

Первый наконечник, обнаруженный Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН, найден в раскопе на северном берегу Сиверсова канала в 1996 г. (Носов и др. 1996: 26, рис. 1: 1; Носов, Янссон 1997: 54, рис. 12; Nosov 2000: 161—162, fig. 19—1). Бронзовый наконечник лежал в кв. 9 в слое черного гумуса X в. (номер по полевой описи — НОЭ-1996, РГ-265). Он был украшен изображением хищной птицы с распростертыми крыльями (рис. 1: 1). Высота наконечника — 4,5 см, максимальная ширина — 4,0 см, толщина пластины — 0,2 см. Из двух половинок-рамок наконечника полностью сохранилась только одна. На груди геральдического изображения птицы имеется орнамент из пяти точек, которые образуют ромб. Крылья и хвост птицы также украшены орнаментом из точек и полос. Как отмечал И. Янссон, «общая форма этих наконечников ножен мечей, без сомнения, имеет

скандинавское происхождение, но мотив с изображением птицы довольно интернационален» и, вполне вероятно, «впервые был воспринят и использован для орнаментации наконечников ножен мечей где-то на востоке» (Янссон 1999: 31—32). Наконечники ножен мечей подобного облика чаще встречаются на территории Швеции, Финляндии, Польши, Прибалтики и Древней Руси. В других районах Западной Европы и в западной части Скандинавии зафиксированы только единичные находки.

В древнерусских землях этот тип наконечников ножен стал самым распространенным. На территории Древней Руси, Польши и Прибалтики в последней сводной работе Н. В. Енисова учла 30 подобных наконечников ножен мечей с изображением птицы (Енисова 1994: 116—117). Ей остались неизвестны два наконечника из раскопок В. П. Петренко на Варяжской улице в Старой Ладогe. Рассматривая постройки и планировку этого участка поселения, В. П. Петренко в одной из публикаций упомянул о находках наконечников, не дав их описания и даже не указав их число (Петренко 1985: 115), но в полевом отчете имеется более подробная информация. Один из наконечников был обнаружен в 1975 г. (№ 39 по описи находок) в кв. А''О в пласте на глубине 100—120 см от репера (Петренко 1975: 6). Второй наконечник найден в 1977 г. (№ 707 по описи находок) в кв. Б-6' в пласте 120—140 см. (Петренко 1977: 4). Находки из раскопок В. П. Петренко стоят ближе всего к наконечникам подгруппы d по типологии П. Паульсена или типа В-II-2 по типологии Н. В. Енисовой (Paulsen 1953: 28—30; Енисова 1994: 105, рис. 96). В 1992—1994 гг. во время исследований кремля г. Углича было обнаружено три скандинавских наконечника ножен мечей (Томсинский 1997: 387, рис. 3: 3; 1999: 172, рис. 1: 2). Один из них относится к подгруппе b по типологии П. Паульсена и аналогичен наконечнику ножен № 1 из раскопок Рюрикова Городища (Томсинский 1997: рис. 3: 3; 1999: 172; рис. 1: 2). Если к сводке Н. В. Енисовой добавить находки из Старой Ладогe, Углича и Рюрикова городища, то общее число наконечников с изо-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

бражениями птицы на территории Древней Руси, Польши и Прибалтики достигнет, по крайней мере, 35 экземпляров, а только на территории Древней Руси — 20.

В монографии П. Паульсена подобные наконечники отнесены «шведско-варяжскому» типу из-за их частой встречаемости в Швеции и на Руси. П. Паульсен разделил наконечники с птицей на несколько подгрупп, которые различаются некоторыми особенностями в орнаменте и пропорциях. Наиболее близки городищенской находке № 1 (рис. 1: 1) наконечники подгруппы b по П. Паульсену. Это наконечники из погребения в ладье из Иль-де-Груа (Бретань, Франция), погребений № 643, 750, 944 могильника Бирка, Берг, Гестрикланд (Швеция), Салтвик, Энеборг, Аландские острова (Финляндия) (Paulsen 1953: 22—26, Abb. 13—18). Погребения с наконечниками из Бирки датируются X в., но считается, что камерные погребения вокруг Борга крепости Бирки сооружены несколько раньше остальных. Это дает основания некоторым исследователям датировать вещи из этих погребений первой половиной X в. (Ениосова 1994: 104—105).

К наконечнику с Городища, если следовать типологии Н. В. Ениосовой, наиболее близки наконечники ножен меча из группы или типа В-II-1. Это находки из Киева, Старой Ладogi, острова Эзель (Ениосова 1994: 116, рис. 9а). Самыми близкими по облику к городищенской можно считать находки из Старой Ладogi (раскопки В. И. Равдоникаса на Земляном городище; наконечник утрачен в 1941—1945 гг.) и погребений № 643, 750, 944 могильника Бирка (Равдоникас 1949: 40, рис. 30: 4; Arbman 1940: Taf. 4: 5, 5, 6: 7). Большинство наконечников этого типа бытовали достаточно широко в пределах X в., однако, Н. В. Ениосова полагает, что наконечники типа В-II-1 подгруппы b по П. Паульсену датируются только первой половиной X в. (Ениосова 1994: 104, табл. I).

Что касается наконечника из раскопок 1996 г. на Рюриковом городище, то, судя по стратиграфии его залегания и общему составу находок из черного слоя, откуда он происходит, его следует датировать в пределах X в., а более вероятно, — второй половиной этого столетия. В пользу его «не ранней» даты в пределах X в. свидетельствует и то, что участок, где был найден наконечник, относится к нижней части поселения, который был освоен не на начальном этапе его существования. В то время, когда на мысу Рюрикова городища и на самом городищенском холме во второй половине IX—начале X в. уже располагались различные строения, здесь еще было распахиваемое поле, о чем свидетельствуют зафиксированные следы пахоты (узкие пересекающиеся полосы гумуса на фоне материка, оставленные после работы однозубым пахотным орудием).

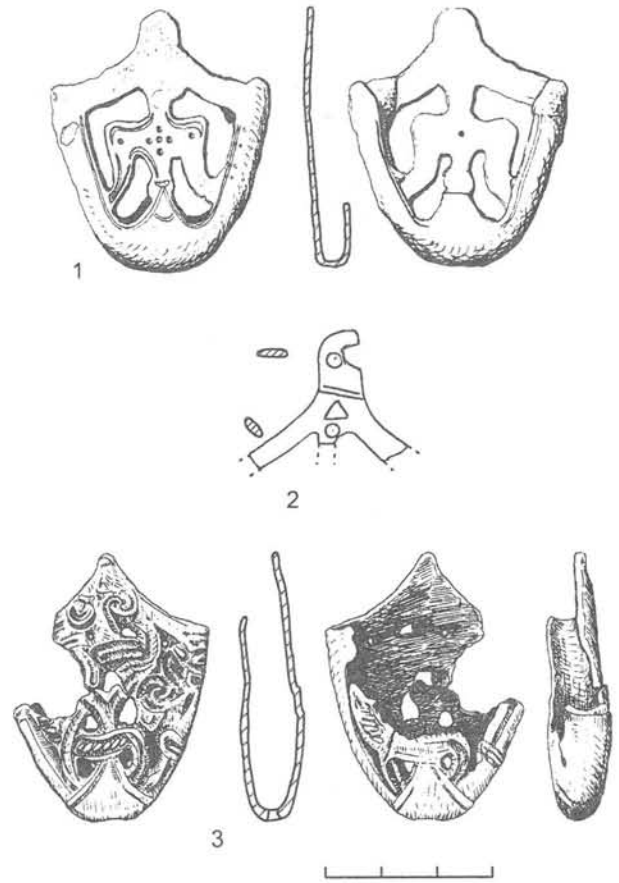

Рис. 1. Наконечники ножен мечей с Рюрикова городища.

Fig. 1. Chapes of sword scabbards from Rurik Gorodishche.

Второй бронзовый наконечник ножен меча с Рюрикова городища происходит из коллекции подъемного материала 1968 г., хранящейся в фондах Новгородского государственного музея-заповедника (НГМЗ КП 18518/ А90/137). От него сохранилась только верхняя часть одной из бронзовых сторон-рамок с плоским навершием в виде стилизованной головы хищной птицы (размеры фрагмента 3,0 × 2,8 см, толщина — 0,14 см) (рис. 1: 2). Наконечник также принадлежал к многочисленным изделиям с изображением птицы. П. Паульсен выделил подобные наконечники в подгруппу d, к которой отнес 20 экземпляров (Paulsen 1953: 28—33; Abb. 23—28). В типологии Н. В. Ениосовой они отнесены к типу В-II-2 (Ениосова 1994: 105, рис. 9в). Всего у неё учтено 15 таких наконечников из Прибалтики и с территории Древней Руси (теперь, учитывая находки с Рюрикова городища и из Ладogi, их насчитывается 18). Эти наконечники отличает простота исполнения и минимум орнаментальных украшений. Форма для отливки именно такого типа наконечников с птицей была обнаружена на поселении в Бирке при раскопках В. Амброзиани 1970—1971 гг. Вслед за П. Паульсеном и Г. Ф. Корзухиной, Н. В. Ениосова считает, что форма и орнаментация наконечников изменялись во

времени, что позволяет связывать различные типы наконечников с разными хронологическими этапами эпохи викингов (Ениосова 1994: 100). В первую очередь, по ее мнению, это относится к наконечникам с изображением птицы. Однако, выводы Н. В. Ениосовой нельзя признать однозначными, во всяком случае смену типов наконечников нельзя рассматривать прямолинейно. Так, например, старолadoжские наконечники из раскопок В. И. Равдоникаса и В. П. Петренко, относящиеся к разным типам или группам, обнаружены практически в синхронных слоях. Наконечник меча из раскопок В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладогое происходит из горизонта Д (Равдоникас 1949: 40). Наконечники из раскопок В. П. Петренко на Варяжской улице найдены в смежных горизонтах и датируются временем с 930-х гг. до конца X в., то есть они синхронны горизонту Д Земляного городища (Черных 1985: 121).

Третья находка бронзового наконечника ножен меча происходит из коллекции подъемного материала постоянно пополняемой сотрудниками Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН (НОЭ, номер по полевой описи 2000 г.: РГ-65). Наконечник, найденный на самом городищенском холме, на поле к северу от Сиверсова канала, сохранился с некоторыми утратами на одной из сторон (рис. 1: 3). Его высота 4,8 см, ширина достигала 4 см (ширина сохранившейся части — 3,3 см), толщина пластины — 1,5—2 мм. Стиль его орнамента стоит ближе всего к скандинавскому стилю Борре. Несомненно в стиле Борре выполнена маска зверя в верхней части наконечника. Такой же наконечник обнаружен в Угличе в 1994 г. (Томсинский 1999: 172, рис. 1: 3). Единственная аналогия подобным находкам происходит из коллекции подъемного материала с острова Готланд (Paulsen 1953: 54; Agne 1913: Abb, 5). П. Паульсен, вполне оправданно, в качестве аналогии орнаменту на наконечнике с Готланда указывал на кольцевую фибулу с иглой из погребения № 561 Бирки (Arbman 1940: taf. 42: 2; Paulsen 1953: abb. 58—59). Это погребение может быть датировано X в. или 900—970-х гг.

Следует отметить, что наибольшая концентрация наконечников ножен мечей с изображением птицы наблюдается в Бирке, из которых в культурном слое поселения встречено 4 наконечника и уже упоминавшаяся ранее литейная форма для их изготовления (Янссон 1999: 32). С территории поселения происходят, главным образом, находки наконечников подгруппы d по П. Паульсену, то есть аналогичные наконечнику № 2 с Городища. Глиняная форма предназначалась также для отливки таких наконечников. В погребениях Бирки обнаружены преимущественно наконечники под-

группы b по П. Паульсену, к каковым относится городищенский наконечник № 1.

Из всего вышеприведенного следует, что все три находки с Городища синхронны с находками из горизонта Д Старой Ладогои и находками «позднего периода» самой Бирки. Разделить их на более ранние и более поздние типы в настоящий момент не представляется возможным. Появление этих предметов из комплекса вооружения скандинавских воинов синхронно другим подобным находкам из Восточной Европы и датируется второй-третьей четвертью X в.

Наконечники ножен мечей, свидетельствующие о достаточно широкой распространенности самого типа оружия среди населения Рюрикова городища, вполне вписываются в комплекс скандинавской материальной культуры, происходящий с поселения. На последнем чрезвычайно ярко представлен комплекс находок, связанных с мужским скандинавским костюмом. Это крупные подковообразные фибулы и редкая массивная фибула со звериными головками (Хвошинская 1999: 40—45, 49, рис. 1: 2), кольцевидные фибулы, украшенные яркими элементами в стиле Борре (Носов 1990: 121, 125, рис. 44: 3; 45: 2), крючки для подвязок в виде звериных масок, украшенных орнаментом в стиле Борре (Носов 1990: 160—162, рис. 63: 1, 64: 2). Обращает на себя внимание также и изысканность находок. К примеру, более половины всех обнаруженных кольцевидных булавок украшены звериным или плетеным орнаментом, в то время как даже в Скандинавии на поселениях господствуют простые типы. Эта изысканность материалов Рюрикова городища, как отметил И. Янссон, очевидна даже при их сравнении с таким значительным центром Средней Швеции, каким была Бирка (Янссон 1999: 28). Помимо многочисленных элементов мужской одежды, на Рюриковом городище был обнаружен меч, известный по старым данным В. Арндта (Носов 1990: 155, рис. 61), ланцетовидные наконечники стрел, которые многие авторы считают северными по своему происхождению (Носов 1990: 162), а также предметы убранства коня. В целом, предметов вооружения, на первый взгляд, не так уж и много, но не следует забывать, что мы имеем дело с материалами поселения, а не могильника. Необходимо упомянуть, что большую и разнообразную группу среди материальной культуры Рюрикова городища образуют культовые и магические предметы, связанные со Скандинавией (две подвески с руническими надписями, амулеты в виде молоточков Тора, кресаловидные кольца или подвески, плоские железные кольца, на которые надеты маленькие железные колечки, точильные камни без следов использования) (Янссон 1999: 32—35). На фоне всех этих находок древности Ладогои, «признанного форпоста»

скандинавской и общевосточной культуры на севере Руси явно блекнут.

Археологические материалы и топографическое расположение подчеркивают различную социально-экономическую ориентированность Ладоги и Рюрикова городища (Носов 2000: 162—171). Для Ладоги VIII в. как поселения, открывавшего, с одной стороны, путь вглубь континента, а, с другой стороны, выход к морю, на первом месте была торгово-ремесленная деятельность и непосредственное обслуживание плавания (подготовка кораблей и команд к новым этапам пути, ремонт судов, их оснащение, перегрузка товаров и т. д.), то есть, прежде всего, обеспечение стабильного функционирования Балтийско-Волжского пути. Именно поэтому Ладога была устроена по принципу балтийских вигов — низко у воды, при удобной бухте, без укреплений на начальном этапе. Поселок по своему топографическому местоположению отличался от всех поселений Нижнего Поволжья конца I тыс. н. э., занимавших высокие террасы р. Волхова, что лишней раз под-

черкивает специфичность его функций в микро-регионе (Петренко, Шитова 1985: 190).

Для Рюрикова городища середины IX в. и значительной части X в. на первый план вышли функции военно-административные, связанные с его ростом как центра формирующейся новой территориальной общности, собственно «земли». Ремесло и торговля, обслуживание пути, несомненно, и здесь играли большое значение, они, а не сельское хозяйство определяли облик поселка, но главное заключалось в том, что на нем был сосредоточен значительный воинский контингент, очевидно, включавший немало варягов, группировавшихся вокруг князей и предводителей разного ранга, и входивших в их дружины. Этот особый социально-этнический статус значительной части обитателей Рюрикова городища в полной мере отразился на той яркой «мужской» части материальной культуры, которую мы встречаем на поселении и к которой несомненно относятся рассмотренные нами пронзные наконечники ножен мечей.

- Етисова, Н. В. 1994. Ажурные наконечники ножен мечей X—XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция вещей: 100—121. Москва.
- Носов, Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград.
2000. К вопросу о типологии городов Поволжья // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Междунауч. симпозиума по вопросам археологии и истории 11—14 мая 1999 г. Пушкинские горы: 162—171. Санкт-Петербург.
- Носов, Е. Н., В. М. Горюнова, Т. С. Дорофеева, К. А. Михайлов, А. В. Плехов, И. Янссон. 1996. Исследования Рюрикова городища в 1996 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология 11: 25—29. Новгород.
- Носов, Е. Н., И. Янссон. 1997. Раскопки на Рюриковом городище // Археологические открытия 1996 г.: 53—55. Москва.
- Петренко, В. П. 1975. Отчет о работах княгининского отряда Староладожской экспедиции в 1975 г. Часть I // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1975, д. № 165.
1977. Отчет о раскопках в Старой Ладоге близ Варяжской улицы в 1977 г. Часть I // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1977, д. 39.
1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога: 81—116. Ленинград.
- Петренко, В. П., Т. Б. Шитова. 1985. Любшанское поселение и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога: 181—191. Ленинград.
- Равдоникас, В. И. 1949. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) // Советская археология XI: 5—54.
- Томский, С. В. 1997. Углический кремль археологический памятник X—XVIII вв. // Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии 2: 383—394. Москва.
1999. Скандинавские находки из Углического кремля и легенда об основании Углича // Stratum plus 5: 169—178. Санкт-Петербург—Кишинев—Одесса.
- Хвоцкая, Н. В. 1999. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина: 39—50. Москва.
- Черных, Н. Б. 1985. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога: 117—122. Ленинград.
- Янссон, И. 1999. Скандинавские находки IX—X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина: 18—38. Москва.
- Arbman, H. 1940. Birka I. Die graber. Tafeln. Stockholm.
- Nosov, E. 2000. Rjurikovo Gorodisce et Novgorod // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient // Realites Byzantines 7: 142—172. Paris.
- Paulsen, H. 1953. Schwertortbänder der wikingzeit. Stuttgart.

NEW FINDS OF CHAPES OF SWORD SCABBARDS FROM RURIK GORODISHCHE

K. A. MIKHAILOV, N. E. NOSOV

Rurik Gorodishche, is a settlement located two kilometers off Novgorod. In the 9th—10th

centuries it was a major craft and trade centre. It was also administrative and military settlement

located on the main crossways of Eastern Europe. Among the objects indicating wide international relations of its population there are oriental and Byzantine coins, beads, amber, walnuts, objects from Scandinavia and other countries, among them three hoards of dirhams. Scandinavian objects appeared on the site in the second half of the 9th century, however, their major part is attributed to the 10th century. Some cult objects, like neck-rings with «Thor's hammers», two amulets with runic inscriptions and a female figure of a Valkyrie could not reach Rurik Gorodishche as objects of trade, but obviously indicate that Scandinavians were living there. The collection of Scandinavian material is growing every year. Especially significant and numerous are objects belonging to «a males' culture» (to the culture of warriors).

The aim of this article is to give new information about scabbard chapes from the site, which have never been mentioned before in the publications about Rurik Gorodishche. Such scabbard chapes have been widely spread in Scandinavia and on the territories around the Baltic

and in Eastern Europe in the 9th—11th centuries under the influence of Scandinavian culture of the Viking period. Two scabbard chapes from Rurik Gorodishche are preserved rather well and about the third we may judge only on the basis of its fragment. One openwork bronze chape (Fig. 1: 2) was found during excavations (1996) in the black cultural layer dated to the second half of the 10th century. In the centre of the chape a bird of prey with wide wings is depicted. The chape belongs to subgroup b according to J. Petersen or to type B-II-1 according to the classification of N. Eniosova. A small fragment of a bronze chape which was picked up on the site in 1968 has the same depiction of a bird (Fig. 1: 1). It belongs to subgroup d according to J. Petersen or to type B-II-2 according to N. Eniosova. In 2000, the third scabbard chape was found by the members of the expedition on the main hill of the settlement. It is decorated with Borre style elements, especially the animal mask on the upper part (Fig. 1: 3). The closest parallel to this chape is known from Gotland.

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА РЮРИКОВА ГОРОДИЩА И НОВГОРОДА

А. В. ПЛОХОВ¹

Керамика как одна из категорий археологического материала является источником разнообразной информации о прошлом, в том числе и об этнокультурных контактах древнего населения. Особенно важные данные для изучения последних представляет лепная посуда. Наблюдения этнографов показывают, что у народов Восточной Европы подобная керамика являлась продуктом домашнего или ремесленного на заказ производства и использовалась преимущественно в пределах поселка, в котором изготавливалась. Обычно между гончарами и потребителями их продукции существовали родственные связи, или они относились к одной и той же этнической группе (Бобринский 1978: 26—34).

К настоящему времени в Северном Приильменье известно около 30 поселений, имеющих культурные отложения последних веков I тыс. н. э. На некоторых из них были проведены стационарные археологические исследования. Наиболее крупные коллекции материалов, относящихся к первым векам русской истории, были получены в результате многолетних раскопок столицы Северной Руси — Новгорода и изучения расположенного в двух км к югу от него древнейшего и наиболее значительного торгово-ремесленного и военно-административного центра Приильменья — Рюрикова городища.

Самой массовой категорией археологических находок, происходящих из поселений конца I тыс. н. э. Северного Приильменья, как и отложений других памятников раннего средневековья, является глиняная посуда. Важное место в образовавшихся коллекциях керамического материала занимают фрагменты лепных сосудов. Наибольшее число последних происходит с Рюрикова городища. Обломки сделанных от руки сосудов происходят из десятков углубленных в материк комплексов центральной, высокой части этого памятника. В заполнении значительного числа из них, датируемом второй половиной IX—началом X в., найдена исключительно лепная посуда. Только такая керамика встречена и в древнейших отложениях мысовой части городища, от-

носящихся к последним десятилетиям IX в. (Носов 1990: 149). Судя по материалам, полученным при раскопках Старой Ладogi и Рюрикова городища, появление гончарной посуды на памятниках Северной Руси относится к первой трети X в., причем ранние ее типы встречены только в древностях этих крупных торгово-ремесленных центров. На рядовых поселениях круговая посуда появляется позже. Данные, полученные при исследовании Рюрикова городища, свидетельствуют о том, что во второй половине X в., с развитием гончарного производства, круговая керамика на этом поселении практически полностью вытесняет лепную.

В Новгороде сделанная от руки посуда встречена до настоящего времени только при раскопках древнейших частей Неревского и Людиного концов города. Исследования показали, что круговая посуда господствует уже в самых ранних напластованиях этого поселения, относимых исследователями к середине X в. К концу этого столетия лепная посуда, в небольшом количестве используемая жителями Новгорода, окончательно выходит из обихода (Смирнова 1976: 9,10; табл. 2; Гайдуков, Малыгин 1990: 65).

Вдали от ремесленных центров и крупных торговых путей лепная посуда перестает использоваться несколько позднее. В некоторых частях Новгородской земли сделанные от руки горшки нередко встречаются в погребениях XI в.

К сожалению, до настоящего времени практически отсутствуют специальные исследования, посвященные технико-технологическим аспектам как лепной так и гончарной керамики северо-запада России. Визуальное изучение обломков лепных сосудов Рюрикова городища и Новгорода показывает, что посуда была изготовлена, в основном, из глины с добавлением в формовочную массу значительного количества искусственно дробленного камня, так называемой дресвы. В качестве источника последней, по-видимому, использовались пережженные валуны из разобранных печей-каменок — основного отопительного устройства в домах средне-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

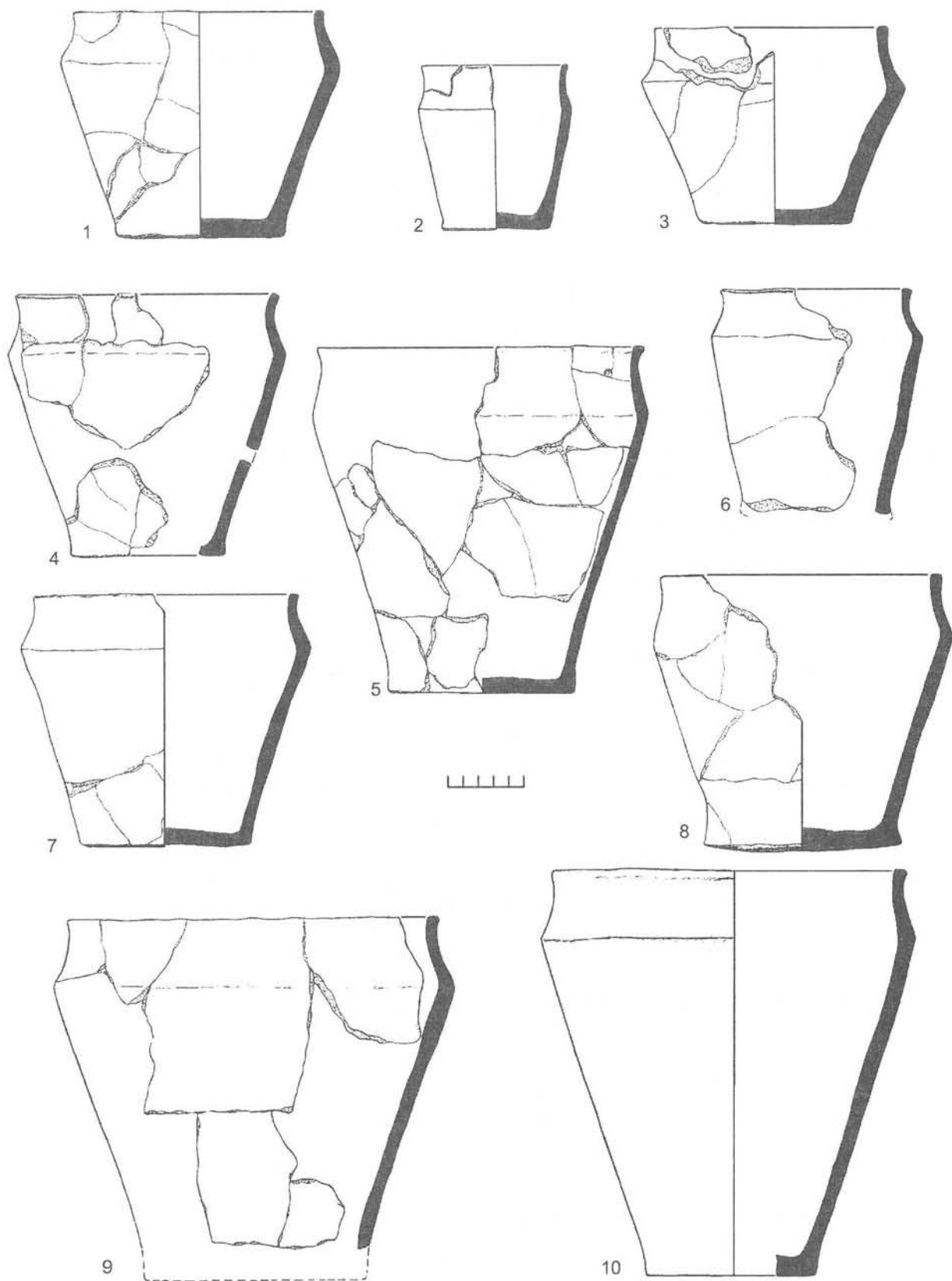
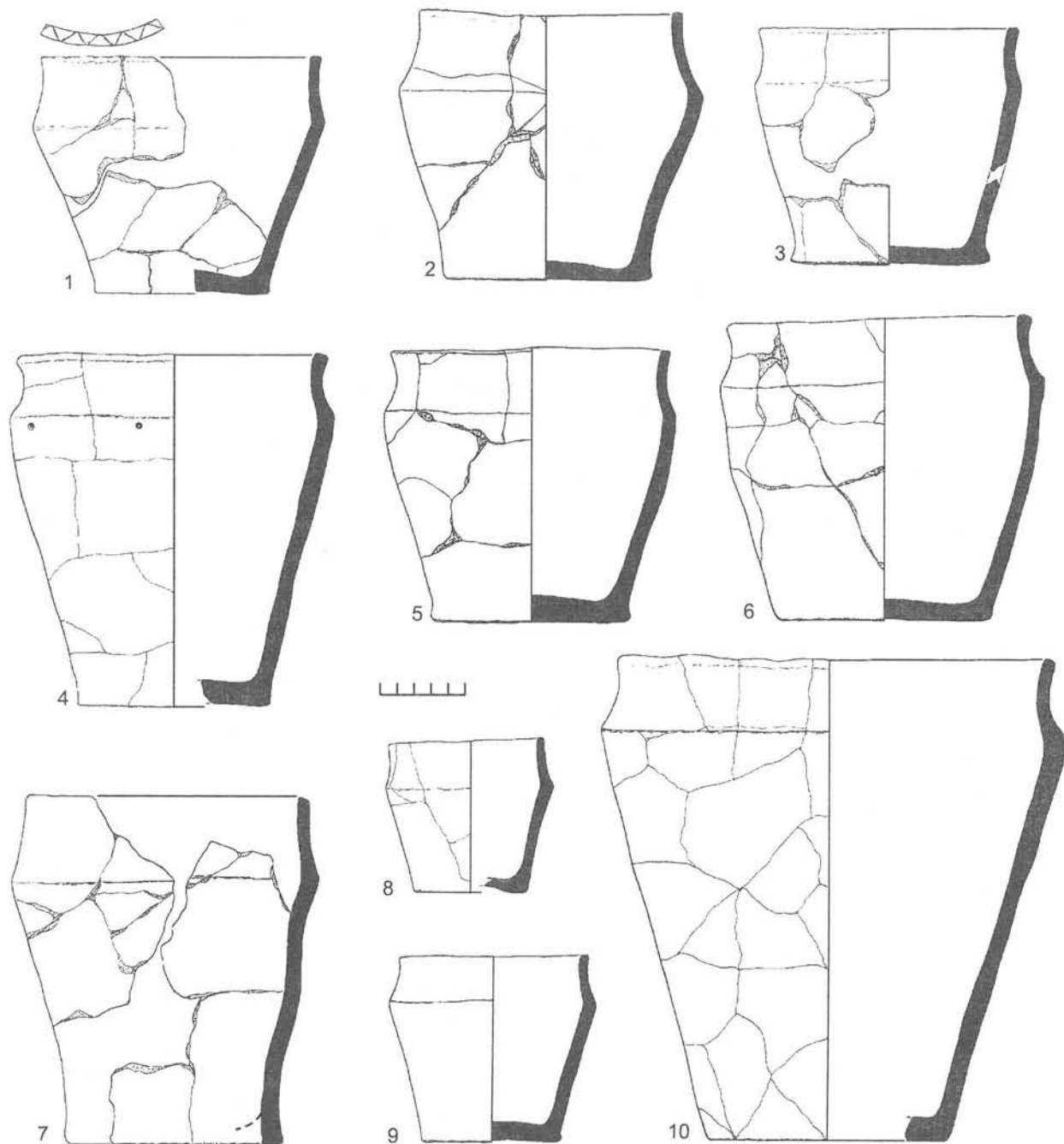

Рис. 1, 2. Рюриково городище. Лепная керамика «ладожского типа».

Fig. 1, 2. Ryrik Gorodishche. Handmade pottery of the «Ladoga type».

векового населения Приильменя. Сосуды лепились кольцевым способом из нескольких полос глины шириной 4—5 см. Венчики уплощены, реже округлы, иногда наблюдается небольшое их утолщение с внешней стороны. Толщина стенок в большинстве случаев — 0,7—1 см. Днища плоские, поверхность их, в основном, ровная. Часто на дне наблюдается подсыпка мелкой дресвы или песка. Толщина днищ 0,8—1,5 см, причем у многих из них она больше в центре, чем у стенок. На поверхности посуды видны следы заглаживания, обычно горизонтальные по шейке и плечу и вертикальные по нижней части тулова. Несмотря на эту обработку, поверхность большинства сосудов шероховатая, а иногда бугристая от выпирающих

зерен отошителя. Цвет керамики темно-серый или коричневый. На многих фрагментах внутри и снаружи отмечается копоть и нагар.

Орнаментация не характерна для лепной керамики поселений верхнего Поволжья. Так на Рюриковом городище декорировано около 6,5% целых и частично реконструируемых сосудов. Это значительно меньше, чем на памятниках районов, расположенных восточнее Поволжья, таких как регион Белого озера (Белоозеро — 53,9%, Крутик — 49,6%) и памятниках Мстинско-Моложского междуречья (13—34%), но намного больше, чем в древностях Пскова, Изборска, Камно, Городка на Ловати, где встречены единичные экземпляры орнаментированной керамики.

Керамика Рюрикова городища, как и других памятников Приильменя, украшена только рельефным орнаментом. Прослежены следующие способы украшения сосудов: отпечатки веревочки, намотанной на палочку (рис. 4: 9, 12), пальцевые (рис. 4: 13, 14, 16, 17; 5: 6, 13) и ногтевые вдавления (рис. 4: 1), горизонтальный желобок (каннелюр) (рис. 4: 10), валик (рис. 4: 23, 24, 26), насечки (рис. 2: 1; 4: 7), отпечатки гребенчатого (рис. 4: 15) и фигурного штампов, вдавления округлой и уплощенной палочкой (рис. 5: 3), а также прочерченный орнамент (рис. 3: 2). На посуде из Новгорода встречены также кольцевидные вдавления, нанесенные торцом полой трубочки (рис. 5: 10). Основная масса узоров состоит из отдельных отпечатков, оставленных штампами. В качестве последних гончары использовали или специально подготовленный инструмент, или пользовались любыми подручными средствами. Существенно меньше представлены орнаменты, исполненные в технике резьбы или прочерчивания, которые наносились на поверхность сосуда ножом, острой палочкой, либо зубчатым штампом.

Наиболее часто в орнаментальном наборе Рюрикова городища встречаются пальцевые (32,1%) и ногтевые (13,9%) вдавления, а также отпечатки веревочки, намотанной на палочку (24,8%). Довольно существенная часть керамики памятника украшена прочерченным орнаментом (8,0%), короткими насечками (6,6%) и каннелюрами (6,6%). Доля остальных элементов невелика. Так, отпечатки гребенчатого штампа представлены только на фрагментах двух сосудов из культурного слоя центральной части Рюрикова городища, хотя подобный элемент орнамента украшает многие раннегончарные сосуды этого памятника.

Подавляющая часть встреченных на Рюриковом городище элементов орнамента очень просты и довольно широко распространены в конце I тыс. н. э. на просторах Восточной Европы, хотя на разных памятниках и в разных регионах они представлены в различных соотношениях.

Существенные отличия бросаются в глаза даже при сравнении процентных соотношений различных элементов в орнаментальных наборах Рюрикова городища и Старой Ладogi, что, по всей видимости, можно объяснить некоторым различием в направлении внешних связей населения Верхнего и Нижнего Поволжья. Керамика Ладogi имеет определенную близость в орнаментальном наборе посуде Белозерья. В то время как орнаментации посуды Рюрикова городища в значительной мере ближе декор керамики бассейна Верхней и Средней Мологи и Верховьев Мсты. В этом регионе господствующим элементом орнамента являются пальцевые вдавления. Широко

распространены здесь и отпечатки веревочки, намотанной на палочку.

Практически все узоры, украшающие посуду городища, имеют четкое ярусное строение. Различные элементы образуют орнаментальные пояса, занимающие определенные части поверхности сосудов. На керамике Рюрикова городища выделяются две основные орнаментальные зоны: венчик и область наибольшего расширения сосуда, включающая плечико и верх придонной части. Основной орнаментальной зоной является район наибольшего расширения тулова. Около двух третей образцов орнаментированной керамики имеют узор только в этой части сосуда. Значительно меньше имеется сосудов, декорированных только по венчику (6,4%). Почти четверть керамики имеет орнамент как по тулову, так и по венчику.

Картина, наблюдаемая в расположении орнамента на сосудах Рюрикова городища, имеет значительное сходство с ситуацией в керамическом комплексе Ладogi и Белозерья, в отличие от соотношений в материалах более южных территорий Восточной Европы.

Как правило, на одном сосуде употребляется один элемент орнамента, составляющий орнаментальную композицию в виде одноярусных поясков. Большинство узоров, встреченных на посуде Рюрикова городища, являются очень простыми и, может быть поэтому, некоторые из них имеют очень широкое распространение в древностях конца I тыс. н. э. Восточной Европы. Однако на разных памятниках и в отдельных регионах для их построения использовались различные элементы, что позволяет использовать такие композиции для изучения культурных связей широких территорий.

Так например, наиболее широко представленной композицией Рюрикова городища является орнамент, образованный простым повторением элементов или мотивов, которые расположены в один ярус на уровне наибольшего расширения сосуда. Аналогии этому узору можно найти на многих памятниках лесной зоны Восточной Европы. Однако, ряды пальцевых вдавлений, составляющих основную долю среди орнаментов этого вида Рюрикова городища (рис. 4: 13, 14, 16, 17), не отмечены на сосудах Старой Ладogi. Редки они и на поселениях Белозерья. В то же время ряд из пальцевых вдавлений в месте наибольшего расширения тулова является самым распространенным орнаментом на памятниках конца I—начала II тыс. н. э. в бассейне Мологи и Верховьев Мсты.

Наряду с орнаментами, имеющими широкое распространение в керамике Рюрикова городища, выделяется ряд композиций, представленных немногочисленными образцами, основные аналогии которым происходят из Белозерского и Камско-Вычегодского краев.

Таким образом, анализ элементов орнамента, использования орнаментальных зон, орнаментальных композиций на лепной керамике Рюрикова городища с достаточной определенностью указывает на существование тесных контактов его жителей с территориями, лежащими к востоку от центрального Приильмения, которые были в то время заселены финно-угорскими племенами. В первую очередь, керамический декор свидетельствует о тесной связи населения верхнего Поволжья с обитателями бассейна Мологи и верхней Мсты. Данный факт, в значительной мере, объясняется нахождением этого региона на одном из маршрутов Волжского торгового пути, соединяющего страны севера Европы с государствами исламского мира, а также включением Мстинско-Моложского междуречья в культурно-исторические процессы, центром которых являлось верхнее Поволжье, закончившиеся сложением Новгородской земли.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что больше половины черепков, украшенных пальцевыми вдавлениями, было встречено на мысовой части поселения на южном берегу Сиверсова канала. Концентрация керамики с определенным способом орнаментации на отдельном участке поселения отражает какие-то локальные особенности и традиции в лепке посуды отдельными гончарами. Любопытным фактом является находка в этой части поселения двух зооморфных односторонних гребней с резной спинкой, традиционно относящихся к финно-угорским древностям.

Особенностью керамического набора Рюрикова городища и Новгорода, как и других поселений Приильмения, является то, что ведущую роль в нем играют грубые кухонные горшки, в то время как остальные формы сосудов немногочисленны (мискообразные — рис. 4: 1—5 — и миниатюрные сосуды: рис. 4: 6, 7) или представлены единичными экземплярами (миски — рис. 4: 23—27; кувшины и сковородки — рис. 4: 18, 19). Сложение такого комплекта керамических изделий, прежде всего, связано с использованием населением Северной Руси для приготовления и хранения пищи, подачи ее на стол, для различных хозяйственных надобностей, большого количества разнообразной посуды, сделанной из дерева (Колчин 1968: 24—50), а также спецификой приготовления пищи в печах. Следует отметить, что по структуре керамического комплекса памятники Приильмения несколько отличаются от синхронных им материалов Скандинавии, Финляндии и Эстонии, но близки славянским древностям.

Основная масса горшков, найденных на памятниках Северной Руси конца I тыс. н. э., представляет собой профилированные сосуды с наибольшим расширением тулова в верхней

половине своей высоты. Друг от друга они отличаются пропорциями и особенностями профилировки отдельных частей, а также наличием и характером орнаментации. Каждый регион имеет определенное своеобразие в наборе форм горшков, хотя часто близкие по внешнему виду сосуды изготавливались населением различных территорий.

Большинство горшков Рюрикова городища имеет средние размеры: диаметр по венчику — 12—24 см, диаметр днищ 8—14 см. По характеру профилировки верхней части их можно разделить на несколько видов. Преобладает среди сосудов этого поселения группа, которая объединяет посуду с четко выраженным изломом, часто ребром, расположенным на месте перехода от плечика к конически сужающейся нижней части тулова. Наибольшее расширение сосуда приходится на верхнюю треть или четверть высоты. Верхняя часть горшков имеет, в основном, высоту 4—5 см и обычно несколько меньшую, чем стенки толщину. Отдельные экземпляры, различаясь некоторыми элементами, сохраняют общие объединяющие признаки (рис. 1; 2; 3: 1—3).

В российской археологической литературе, начиная с 1970-х годов, за сосудами с резким переломом профиля закрепилось понятие «керамика ладожского типа». Основанием для его появления явились работы Я. В. Станкевич, в которых наиболее распространенной в нижнем горизонте Старой Ладogi называлась «биконическая форма сосудов с резким переломом профиля» (Станкевич 1950; 1951).

«Ребристые» сосуды изготавливались с момента возникновения старолдожского поселения, то есть с середины VIII в. По мнению О. И. Давидан, такая посуда составляет около половины всей керамики древнейшего пласта культурного слоя Ладожского городища (Давидан 1994: 165).

Горшки «ладожского типа» встречены от Швеции до Ярославского Поволжья, однако они не одинаково представлены в древностях различных регионов.

Керамика этой группы составляет большую часть керамического набора (от 40 до 50%) поселений Верхнего Поволжья и Поозерья — Холопий городок (Носов, Плохов 1997: 137, 138), Прость (Орлов 1972: рис. 3; 5), Георгий (Орлов, Аксенов 1961: 163), Васильевское. Именно ее наличие определяет своеобразие коллекции сосудов этих памятников.

Кроме Старой Ладogi «ребристые» сосуды широко представлены на ряде других поселений Нижнего Поволжья — Новые Дубовики (Носов 1976: 77, рис. 1: 2—4, 6, 7), Горчаковщина (Петренко, Шитова 1985: рис. 3), а также ряде памятников бассейнов рек Мсты — Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: 128), Нестеровичи (Конечкий 1991: 102, рис. 7) и

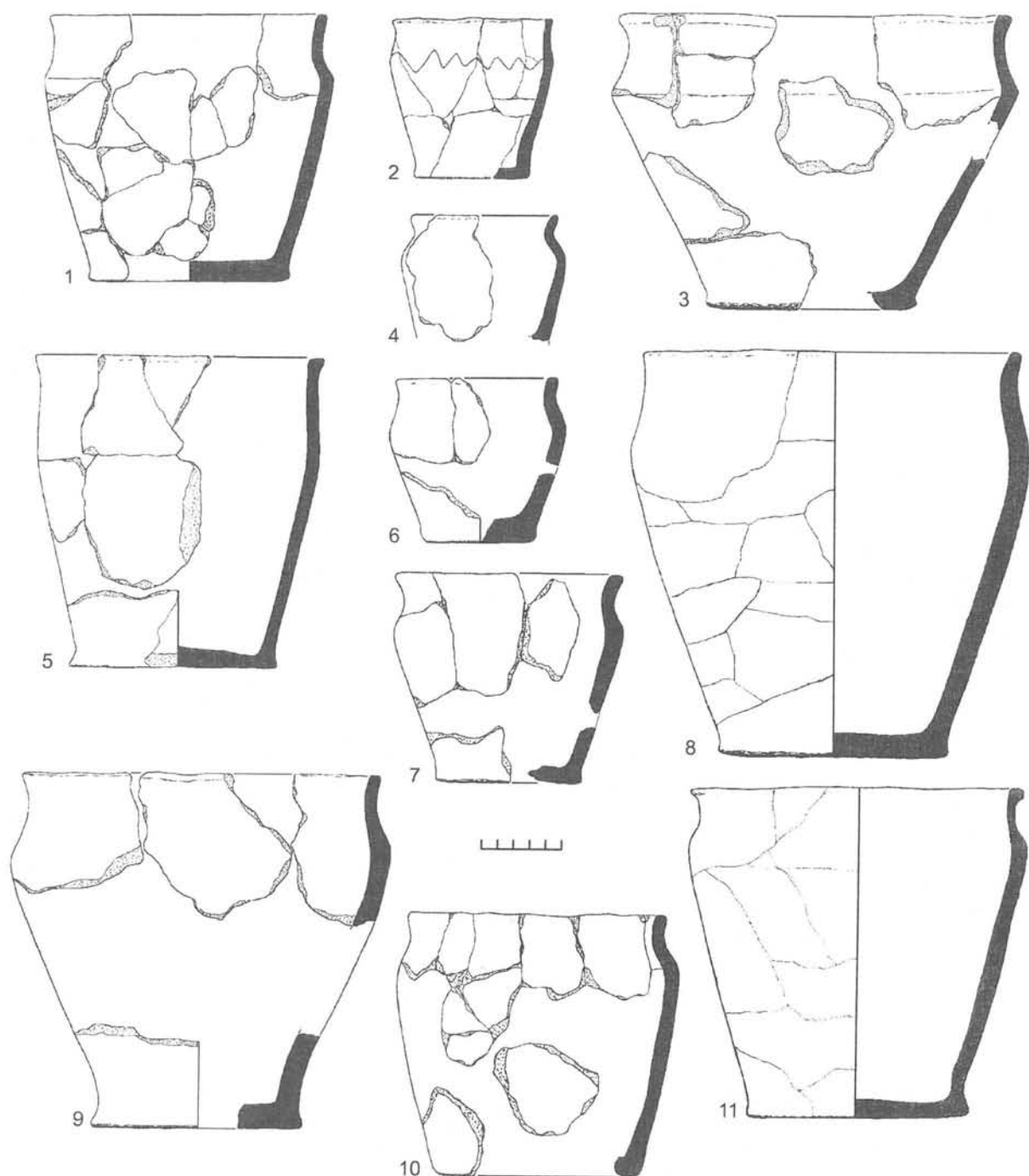

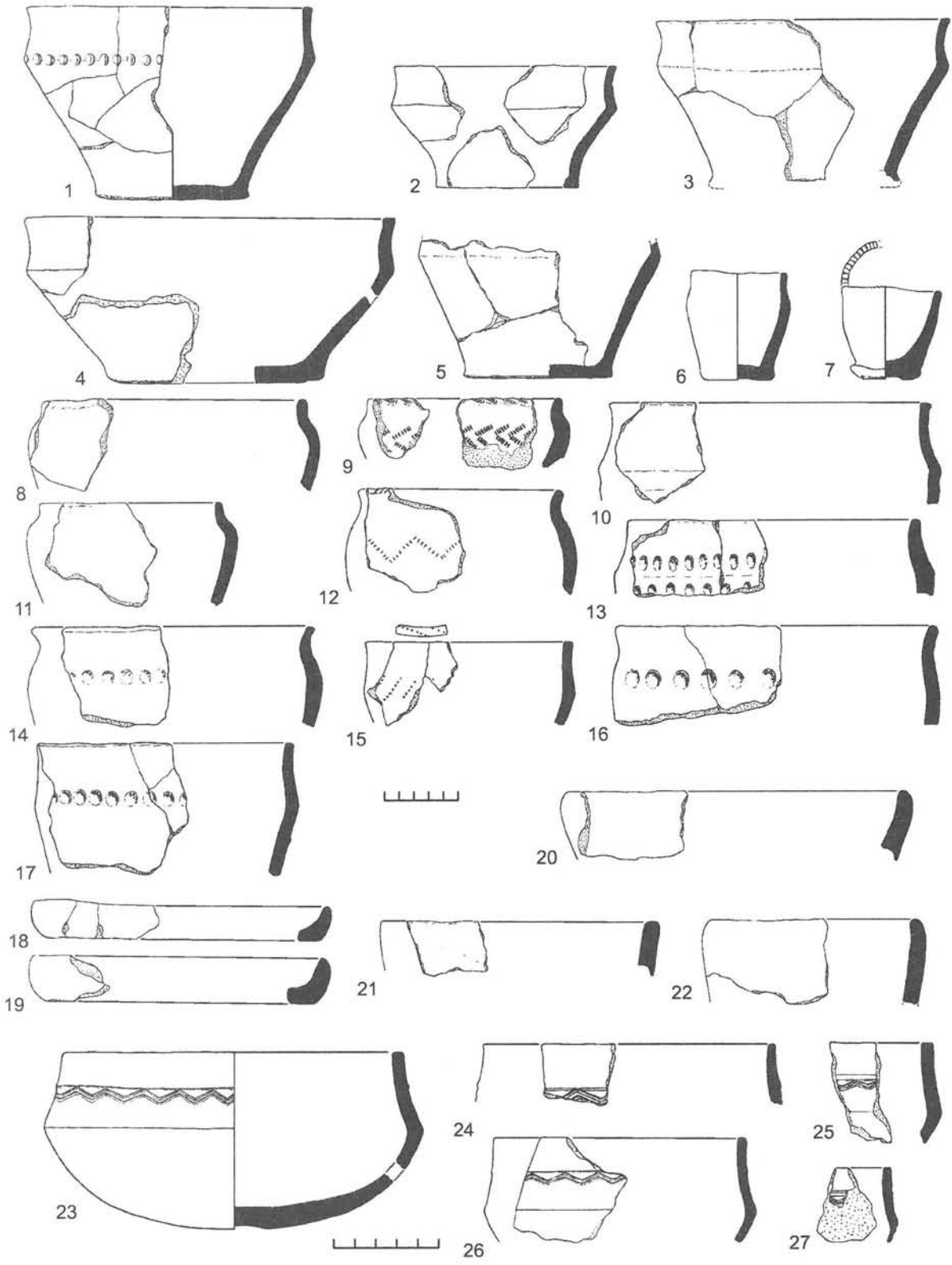
Рис. 3, 4. Рюриково городище. Лепная посуда.

Fig. 3, 4. Ryrik Gorodishche. Handmade pottery.

Шелони — Городок. В целом, наличие подобной посуды является отличительной чертой для района Поволховья и Северного Приильменя, а также нескольких поселений на реках, с запада и востока впадающих в озеро Ильмень.

Совсем другая картина наблюдается при обращении к материалам соседних территорий. На исследованных памятниках Южного Приильменя — Городок на Ловати (Горюнова 1991: 43), Губинская Лука (Конечский 1992: 19), Сельцо, Княжая Гора, сосуды «ладожско-

го типа» отсутствуют или немногочисленны. В небольшом числе «ребристая» посуда встречается в коллекциях памятников конца I тыс. н. э. бассейнов р. Луги — Курская Гора и р. Плюсы — Которск. К редким формам относятся горшки с «ребром», происходящие из древнейших слоев Пскова (Белецкий 1983: 52, 62—64, рис. 7: 3, 5) и ряда поселений в его окрестностях. Немногочисленны сосуды с «ребристыми очертаниями плечиков» в курганных могильниках, которые расположены на реках, впадающих с юго-востока в Ладожское

озеро. А. М. Спиридонов отмечает только 4 таких сосуда (тип II, вид А) среди 54 пригодных для типологической обработки (Спиридонов 1986: 25, 26, рис. 1: 12, 13). Среди лепной керамики памятников Восточного Прионежья Н. А. Макаров выделяет тип III, объединяющий горшки «стройных пропорций» с резким перегибом профиля, «киногда оформленным в виде ребра», составляющий 6,82% керамической коллекции региона (Макаров 1989: 84, 85, 88—90). Несколько большее количество «ребристых» горшков встречено на некоторых поселениях конца I тыс. н. э. Мстинско-Моложского междуречья. На части из них эти сосуды составляют 17—25% (Иловец 2, Бежицы, Бережок), тогда как на других (Узмень, Курово 2, Иловец 1) они единичны (Исланова 1991: 47, 49, 50, рис. 1: 6—9). На поселениях Верхней Волги фрагменты горшков с «ребром» редки. Немногочисленны подобные сосуды и в материалах Ярославского Поволжья (Седых 1982: 194, рис. 49: 15). Единичные «реберчатые» сосуды найдены на памятниках Верхнего Поднепровья — Гнездово, курган около Вязавеньки под Смоленском (Каменецкая 1998: 128, 129, рис. 3: 1; 4: 3; Ляданскі 1930: 300, табл. VII: 5, 9).

После выхода в свет фундаментального труда Dagmar Selling по керамике Швеции эпохи викингов и раннего средневековья (Selling 1955) некоторые российские исследователи отметили близость ряда опубликованных сосудов горшкам «ладожского типа». Все эти сосуды были отнесены Дагмар Селлинг к группе AIV, состоящей из посуды, которая, по ее мнению, являлась продуктом местного производства. Изучение керамических коллекций, которые я смог осуществить в Национальном музее древностей в Стокгольме, показало, что из погребальных сооружений Швеции происходит всего двенадцать сосудов, которые по профилировке, формовочной массе, фактуре можно сопоставить с посудой Поволжья. Это одиннадцать горшков и один мискообразный сосуд. Большая часть из них (одиннадцать) найдена в огромном некрополе Бирки, который расположен на острове Бьерко оз. Меларен в Средней Швеции. Это сосуды из десяти могил: 2, 11с, 42, 103, 123, 131, 381, 533, 779, и 894с. Двенадцатый горшок найден в курганном могильнике на соседнем с Биркой острове Адельсё. Все погребения, где были встречены отмеченные сосуды, совершены по обряду трупопожжения (урновые и безурновые) и датируются IX—X вв. Фрагменты пяти горшков, близких керамике «ладожского типа» происходят с самого поселения Бирки, так называемой «Черной земли» — мощного культурного слоя внутри городского вала.

Четыре сосуда близкие посуде Северного Приильменья и Поволжья имеются в древ-

ностях эпохи викингов Аландских островов. Они происходят из могильников Йоханисберг, Кнёсбускарна, Вестенргордс Сёдерокер и Лоненгсбаккен, которые расположены в разных частях о.Аланд. Следует упомянуть, что в кургане 3 могильника Вестенргордс Сёдерокер кроме горшка «ладожского типа», заклепок, гребня, бубенчика и глиняной лапы, была также найдена костяная копоушка — предмет характерный для древностей поволжских и прикамских финнов.

Необходимо отметить, что «ребристые» сосуды не являются характерным типом посуды Скандинавии и, по имеющимся данным, появляются здесь значительно позднее, чем в Старой Ладоге. Важным представляется и то, что сосуды, имеющие аналогии в материалах Поволжья, найдены исключительно в Бирке, старейшем и крупнейшем торговом и ремесленном центре Швеции эпохи викингов, и его ближайшей округе, а также на Аландах, являющихся промежуточным пунктом морского пути, связывающего Северную Европу и Русь. Рассматривая вопрос о том, какая область Скандинавии наиболее тесно связана с Восточной Европой, ученые, на основании многочисленных археологических материалов, полагают, что таким местом, особенно для раннего и среднего периода эпохи викингов, является Средняя Швеция и Аландские острова. Наличие в этом регионе Скандинавии сосудов, характерных для древностей Поволжья, является еще одним проявлением интенсивных контактов викингов с Новгородской землей. Конечно, примитивная кухонная посуда не была предметом торговли, а из-за не очень большой прочности и не могла перевозиться на большое расстояние. Поэтому, хотя и нельзя полностью отрицать возможность таких перевозок, скорее всего, эта посуда была изготовлена на месте людьми, приехавшими из Руси.

Таким образом, «ребристые» сосуды составляют значительную часть керамического набора памятников Поволжья и северной части Приильменья, что отличает их от древностей последней четверти I тыс. н. э. других территорий, где появление подобной посуды исследователи обычно объясняют тесными контактами с центром Новгородской земли или притоком нового населения (Спиридонов 1986: 26; Исланова 1991: 54). За значительным количественным отличием в представительности «ребристых» горшков на разных памятниках стоит, очевидно, качественное отличие в керамических традициях регионов. Появившись в середине VIII в. в Северном Поволжье, традиция изготовления сосудов с резким перегибом тулова к концу X—нач. XI в. охватывает значительную территорию Северной Руси, прекращая существование с распространением гончарного круга.

Следует отметить взаимосвязь «керамики ладожского типа» с высокими погребальными насыпями — сопками, которые являются самым распространенным в Поволховье и Приильменье типом погребальных сооружений, хотя подобная посуда встречена и в могильниках иных типов у Старой Ладogi — в урочище Плакун (Назаренко 1985: рис. 7: 4, 6) и у Успенского монастыря (Орлов 1956: 97, рис. 30: 1, 4). Наряду с посудой других форм, «ребристые» горшки представлены в погребениях, совершенных в целом ряде высоких насыпей близ Старой Ладogi (Петренко 1994: 71, рис. 29: 3, 4; Кузьмин 1994: рис. 1—17—19), у пос. Деревеницы и деревни Нередица под Новгородом, у деревни Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: 128, рис. 2: 7, 8), деревни Заручевье, в окрестностях поселка Любытино в бассейне р. Мсты, а также в ряде сопек бассейна Мологи (Исланова 1986: рис. 3—1, 4, 6, 7, 9, 10). Следует отметить, что горшки с выраженным «ребром» составляют значительную часть погребальных урн из памятников в окрестностях пос. Любытино (Конецкий, Носов 1995: 48. Рис. 4). Некоторое различие, прослеживаемое в распространении сосудов «ладожского типа» и сопек, вполне объясняется разницей функционирования в культуре керамических традиций, связанных с женской субкультурой, и таких сложных сакрально-погребальных памятников, как сопки.

Северное Приильменье является наиболее древней территорией размещения словен новгородских, откуда происходило их дальнейшее расселение. Поэтому горшки «ладожского типа», являющиеся основной формой керамики на памятниках этого региона, многие исследователи считают характерной для словен посуды.

Для понимания культурно-исторических процессов на Северо-Западе России в последней четверти I тыс. н. э. важным является решение проблемы происхождения «ребристой» посуды в Поволховье. В настоящее время среди исследователей имеются различные взгляды на генезис керамики «ладожского типа». Некоторые ученые склонны видеть истоки такой посуды в древностях Восточной Европы предшествующего периода (Исланова 1997: 63; Lang 1991: 57). Другие исследователи отмечают сходство между керамикой центра Новгородской земли и сосудами второй половины I тыс. н. э. из западнославянских земель южного побережья Балтийского моря и северной части бассейнов рек Эльбы и Одера (Смирнова 1978: 167; Седов 1970: 24, 26; Седов 1982: 64; Носов 1990: 164). Несмотря на различия в способе изготовления (в Поволховье «ребристая» керамика является лепной, а в западнославянских древностях сосуды частично обточены на гончарном круге) и орнамента-

ции горшков (Losinski, Rogosz 1986: 32, 33; Рис. 4; Schuldt 1956: 9—16), сходство одновременных керамических комплексов данных районов несомненно и требует объяснений. Известный российский археолог В. В. Седов предположил, что керамика ильменских словен и глиняная посуда балтийских славян имела одну основу, и не исключено, что эти отдаленные территориальные группировки раннесредневековых славян вышли из одного древнего региона славянства (Седов 1982: 64). Это мнение не было в дальнейшем им обосновано. Не все ученые согласны с таким решением проблемы происхождения сосудов «ладожского типа». Безусловно, что она нуждается в дальнейших исследованиях, в том числе и полевых. Важные для изучения древней культуры населения Новгородской земли материалы были получены в результате раскопок нашей экспедицией поселения Прость, которое расположено у истока р. Волхов. В частности, они показали, что «ребристые» сосуды не характерны для древностей третьей четверти I тыс. н. э. центрального Приильменья.

Кроме горшков «ладожского типа» в керамических коллекциях поселений Северного Приильменья представлены различные профилированные сосуды с наибольшим расширением в верхней части тулова и немногочисленные баночные сосуды. Среди этой посуды можно выделить небольшое количество фрагментов от горшков с хорошо выраженным плечиком и небольшой прямой или отогнутой наружу шейкой, происходящих с Рюрикова городища. Некоторые из них украшены отпечатками веревочки (рис. 4: 8, 9, 11, 12). Подобные сосуды имеют многочисленные аналогии в керамических материалах поселений и погребальных сооружений верховьев р. Волги, р. Западной Двины и р. Днепра (Енуков 1990: 221, 223, 231; Пушкина 1973: 89, 90). Наличие обломков таких сосудов на Рюриковом городище свидетельствует о связях Верхнего Поволховья с этим регионом, что находит подтверждение и в других материалах.

О связях Городища с более южными территориями говорят и найденные на нем части двух глиняных сковородок. Они представляют собой плоские диски диаметром около 20 см с небольшими немного отогнутыми наружу бортиками (рис. 4: 18, 19). Сковородки на синхронных памятниках Северо-Запада России являются очень редкой находкой. В то же время сковородки хорошо известны на славянских памятниках второй половины I тыс. н. э. лесостепной зоны Восточной Европы. Встречены глиняные сковородки и на некоторых памятниках VIII-X вв. Белоруссии и юга Псковской области (Полоцк, Витебск, Лукомль, поселение на р. Менке, Городок на Ловати, селище Борисоглеб), а также на Гнездовском поселении

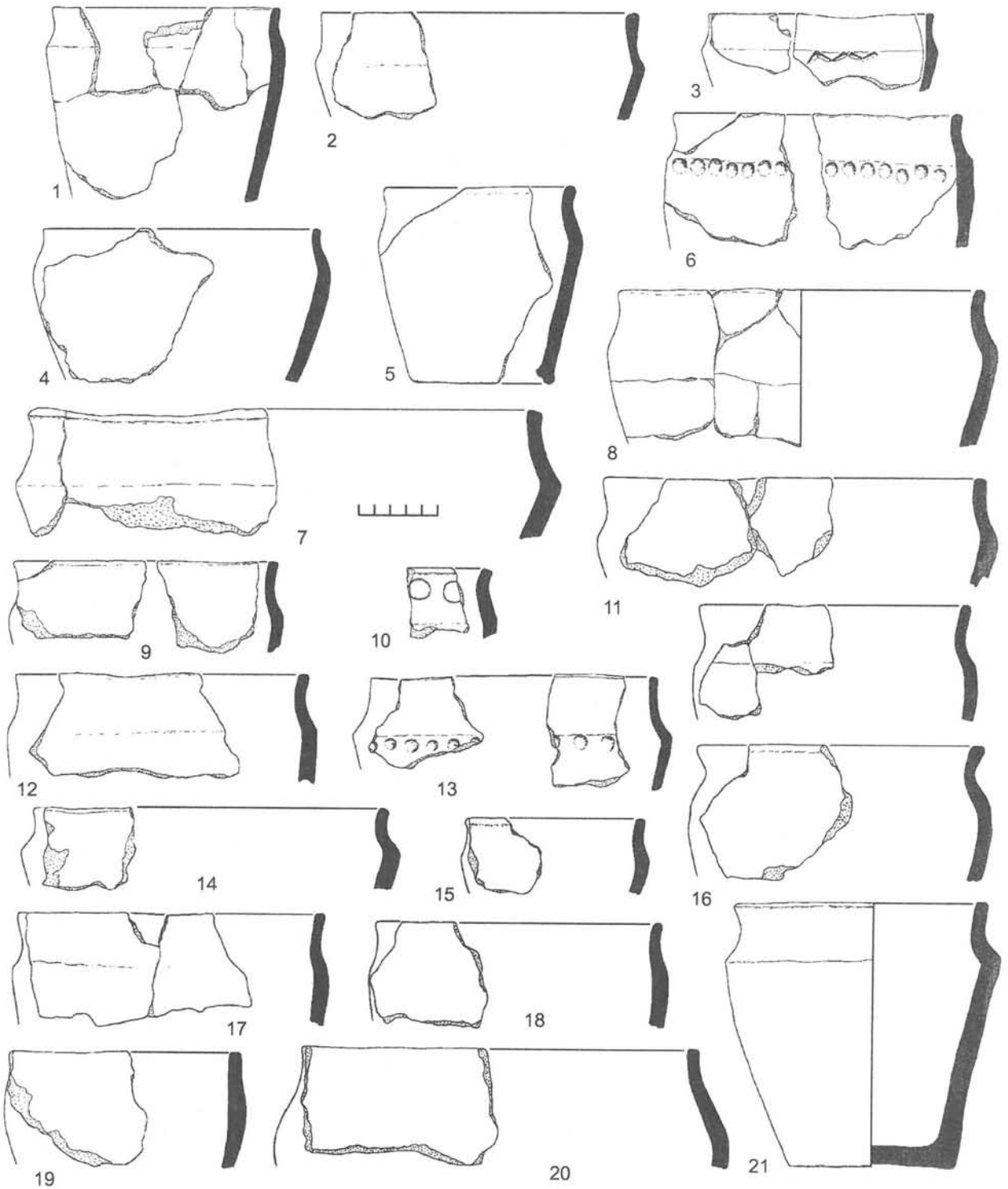

Рис. 5. Новгород. Лепная посуда из Троицкого раскопа (1—20) и раскопок в южной части Кремля (21).

Fig. 5. Novgorod. Handmade pottery from the Troitsky excavation area (1—20) and excavations in the southern part of the Kremlin (21).

(Штыхов 1978: 67, 109; рис. 26: 1, 2; Александров 1988: 22; Пушкина 1973: 91).

Рассматривая керамический комплекс поселений Северного Приильмения, отметим следующее обстоятельство. При исследовании материальной культуры Рюрикова городища было обнаружено сильное североевропейское влияние, которое проявляется в присутствии

большого числа вещей скандинавского происхождения, а также вещей, хотя и сделанных в Приильмении, но сохраняющих северные традиции в стиле и орнаментике. Однако, на Рюриковом городище почти не обнаружено керамики, характерной для древностей викингов. Исключение составляют найденные на памятнике фрагменты нескольких сосудов с прямы-

ми или загнутыми внутрь венчиками (рис. 4: 20—22). По свидетельству Дагмар Селлинг, подобная посуда характерна для памятников раннего средневековья Швеции (подгруппы А IV: 3a1 и А IV:4a), причем истоки этих форм прослежены в более ранних скандинавских материалах (Selling 1955: 167—174; 196—201; Taf. 47—49; 63: 1, 2, 8). Однако, безоговорочно признать встреченные на Городище сосуды скандинавскими мешает распространенность горшков подобных форм на памятниках поволжских финно-угров. Отсутствие значительного числа североευропейской посуды характерно не только для Рюрикова городища, но и для других памятников Северной Руси, на которых имеются свидетельства присутствия викингов. Этот факт можно объяснить целым рядом причин, главными из которых являются, по-видимому, приготовление скандинавами пищи в металлических котлах и использование ими изделий местных гончаров. Последнее находит подтверждение в материалах могильника в урочище Плакун, расположенного близ Старой Ладogi. Курганы этого некрополя IX—X вв., по особенностям погребальной обрядности, а именно: сожжению в ладьях, погребению в камере, порче и особому расположению оружия, исследователи относят к памятникам, оставленным выходцами из Скандинавии. Однако, предположить «северное» происхождение можно только для одного из пяти сохранившихся лепных сосудов (Назаренко 1985: рис. 7: 2).

Среди обломков лепных сосудов Рюрикова городища, главным образом от грубых неорнаментированных плоскостонных кухонных горшков, выделяются фрагменты пяти лощенных мисок (рис. 4: 23—27), найденных при раскопках различных частей памятника.

Миски имеют вогнутый бортик и уплощенный венчик. Переход от бортика к нижней части тулова выражен ребром. Толщина стенок в верхней части миски больше, чем в нижней. Диаметр венчика от 12 до 16 см. Высота единственной целой миски 8,5 см. Дно округлое. В середине днища имеется углубление диаметром около 3 см. В составе глиняного теста содержится мелкая дрсва или крупный песок. Структура черепка плотная. Поверхность подлощенная или лощеная. Цвет посуды темно-серый или черный. Все сосуды украшены прорисованными прямыми или образующими углы линиями (зигзаг) по бортику. Три миски имеют также небольшой горизонтальный валик, образованный при формовке сосудов.

Обломки мисок, встреченные в разных частях городища, очень схожи друг с другом, и можно уверенно говорить об их едином происхождении и датировке. Фрагменты двух лощенных сосудов были найдены в черном гумусированной слое мысовой части памятника.

Это позволяет отнести время их бытования к X в., причем, скорее к первой его половине.

Миски не являются традиционной формой лепной посуды населения Приильменья и Поволжья в конце I тыс. н. э., и аналогии этому виду столовой посуды на памятниках этого региона не известны. В многотысячной керамической коллекции Старой Ладogi имеется всего один фрагмент лощеной миски, но он отличается по профилировке и орнаментации от сосудов Рюрикова городища.

За пределами Новгородской земли округлодонные миски широко представлены в древностях центральной Швеции, юго-западной Финляндии и Эстонии.

При изучении средневековой керамики Швеции Дагмар Селлинг выделила округлодонные миски в подтип АIII: 1a (Selling 1955: 141). Ряд сосудов этого подтипа близок по профилировке и орнаментации посуде Рюрикова городища (Selling 1955: Taf. 36: 2, 4, 5; 37: 3—5, 8; 38: 1, 4). Однако, для Швеции подобная керамика является чужеродной. Дагмар Селлинг объясняет появление округлодонных мисок, как и других сосудов группы АIII, контактами Швеции с областями восточной Балтики (Selling 1955: 150—155).

На памятниках эпохи викингов юго-западной Финляндии встречены разнообразные округлодонные сосуды. Среди них имеются и миски, аналогичные по форме отмеченным на Рюриковом городище (Lehtosalo-Hilander 1982: Fig. 22: 1). Однако, судя по материалам ряда могильников эпохи викингов этого региона, наиболее характерным для местной посуды является шнуровой орнамент. Он имеется на 60—71% сосудов, тогда как волнистыми линиями (включая, как собственно волну, так и зигзаг) украшены 17—25% (Lehtosalo-Hilander 1982: 84). Практически не представлены в могильниках Финляндии и сосуды, украшенные валиком.

Подлощенные миски и чашеобразные сосуды представлены в керамических коллекциях, происходящих с памятников юго-восточной Эстонии (Аун 1992: 48, 49) и некоторых поселений нижнего течения р. Великой — Псковское городище, Камно (Белецкий 1977: 92, 92; Белецкий 1983: 52; Седов 1978: 66). Подавляющее большинство сосудов этого региона не имеет орнамента. Лишь немногие из них украшены в верхней части, причем самым распространенным видом орнамента является ямочный. Сосудов с волнистым и линейным орнаментами найдено гораздо меньше, только некоторые изделия декорированы валиком (Аун 1992: 49—51).

Наиболее близкие аналогии мискам Рюрикова городища по орнаменту дают памятники северной Эстонии. Так, на поселении Иру, где лощеная и подлощенная керамика составляет более половины всех обломков посуды, горизонтальные линии и зигзаг составляют от

68,2% до 85,6% орнаментации (Lang 1985: 196—206; tab. 2, 5). Широко на этом памятнике представлены сосуды, украшенные валиком. Его наличие явилось основным признаком для выделения третьего типа, самого многочисленного среди лощеной и подлощенной керамики городища и селища Иру (Lang 1985: 196, 201—205; tab. 3, 4). Сосуды с подобной орнаментацией встречены также на городище Асва (Lxugas 1967: Joon. 5: 1, 3, 4, 6), поселениях Пада (Тамла 1983: 304; табл. XIII), Линнусе (Янитс 1979: 380, табл. IX: 1—4), Олуствере (Лави, Соколовский, Соколовский 1983: 31, табл. XXV: 3), среди находок из каменного могильника в Тоила (Schmiedehelm 1973: Abb: 4). В то же время, как считает эстонский исследователь В. Ланг, ребристая форма сосудов не характерна для керамики эпохи викингов Северной Эстонии, где она встречена лишь в единичных случаях (Ланг 1992: 82).

Таким образом, на Рюриковом городище имеются фрагменты мисок, несомненно связанных с древностями прибалтийских финнов. Более точно определить в настоящее время происхождение данных сосудов, по-видимому, невозможно. По орнаментации наиболее близкие материалы имеются в Северной Эстонии, тогда как по форме миски более характерны для памятников юго-западной Финляндии. Вполне возможно и изготовление этих сосудов на Городище приезжим гончаром. В пользу такого заключения говорит результат исследования состава глиняного теста.

Коллекция лепной посуды из древнейших слоев Новгорода пока не очень представительная. Изучение лепной посуды, встреченной на площади Неревского раскопа Новгорода показало, что основную часть посуды составляют горшки средних размеров, с четко выраженными плечиками, часто ребрами при переходе от горла к конически сужающемуся тулову

(Смирнова 1976: 4—7, 9; рис. 2, 3; Смирнова 1978: 165, рис. 1). Представлены подобные горшки, хотя и в несколько меньшем количестве, и при раскопках на территории Людиного конца. Сравнение по структуре, орнаментации, набору форм керамического комплекса Новгорода с материалами Рюрикова городища показывает их значительное сходство.

Таким образом, исследование керамики поселений Северного Приильмья конца I тыс. н. э. показало, что основой керамического набора этих памятников являются грубые кухонные горшки, а остальные формы посуды немногочисленны. Эта особенность, свойственная синхронным древностям других славянских регионов, обусловлена широким распространением посуды из органических материалов и спецификой приготовления пищи в печах.

Своеобразный облик керамическому комплексу этого района придает присутствие значительного числа сосудов с четко выраженным изломом, часто ребром, при переходе от плечика к нижней части туловища, так называемых горшков «ладожского типа». Происхождение этого типа посуды остается дискуссионным. «Ребристые» сосуды, появившись в VIII в. в Нижнем Поволжье, в дальнейшем становятся характерными для поселений Северного, отчасти Западного и Восточного Приильмья. Эта территория представляет собой центральную и древнейшую часть Новгородской земли, и следует признать, что для конца I тыс. н. э. данный тип посуды присущ приильменским славянам.

Керамические находки позволяют проследить не только связи населения Верхнего Поволжья с соседними территориями, вошедшими в дальнейшее в состав Древнерусского государства, но и его контакты с народами балтийского региона.

Александров, А. А. 1988. Работы на селище в Борисоглебе // Новгород и Новгородская земля. История и археология: 19—22. Новгород.

Аун, М. 1992. Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.

Белецкий, С. В. 1977. Керамика городища Камно Псковской области // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 150: 92—95.

1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова: 46—80. Москва.

Бобринский, А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Москва.

Гайдуков П. Г., П. Д. Малыгин. 1990. Керамика X в. Троицкого VIII раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология 3: 64—66. Новгород.

Горюнова, В. М. 1991. Начальная история древних Лук (X—начала XI в.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г.: 38—67. Москва.

Давидов, О. И. 1994. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник 9: 156—167.

Енуков, В. В. 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). Москва.

Исланова, И. В. 1986. Сопки бассейна Мологи и верхней Мсты // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 187: 65—75.

1991. Сравнительный анализ наборов лепной посуды Мстинско-Моложского междуречья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий: 44—55. Тверь.

1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. Москва.

Колчин, Б. А. 1968. Новгородские Древности. Деревянные изделия // Свод археологических источников. Е1—55. Москва.

Каменецкая, Е. В. 1998. Керамика Гнездова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая Археология. Традиции и перспективы: 124—134. Москва.

Конецкий, В. Я. 1991. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I—начала II тыс. в бассейне р. Мсты) // Мате-

- риалы по археологии Новгородской земли. 1990 г.: 89—116. Москва.
1992. Исследования селища в урочище Губинская Лука на р. Ловать // Новгород и Новгородская земля. История и археология: 16—21. Новгород.
- Конечный, В. Я., Е. Н. Носов.* 1995. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности 3: 29—54. Санкт-Петербург.
- Кузьмин, С. Л.* 1994. Сопка у д. Новые Дубовики // Древний Псков. Исследования средневекового города: 61—64. Санкт-Петербург.
- Лави, А., В. Соколовский, М. Соколовский.* 1983. Исследования 1981—1982 гг. в Олуствере // Известия АН ЭССР. Общественные науки 32/4: 314—319.
- Ланг, В.* 1992. О финских влияниях на Северо-Западе Эстонии в I тыс. н. э. // Древности славян и финно-угров: 80—85. Санкт-Петербург.
- Ляданскі, А. Н.* 1930. Археолёгічныя досьледы вадазборах рр. Сожа, Дняпра і Касплі Смаленскай губэрні // Працы археолёгічнай камісіі II: 269—338. Менск.
- Макаров, Н. А.* 1989. Лепная керамика Восточного Прионежья IX—XII вв. // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 196: 83—93.
- Назаренко, В. А.* 1985. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 156—169. Москва.
- Носов, Е. Н.* 1976. Поселение у волховских порогов // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 146: 76—81.
1990. Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград: Наука.
- Носов, Е. Н., А. В. Плохов.* 1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г.: 117—149. Москва.
1997. Холопий городок на Волхове // Древности Поволжья: 129—152. Санкт-Петербург.
- Орлов, С. Н.* 1956. Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладого // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР 65: 94—98.
1972. Славянское поселение на берегу реки Прость около Новгорода // Советская археология 2: 127—138.
- Орлов, С. Н., М. М. Аксенов.* 1961. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник 10: 161—168.
- Петренко, В. П.* 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки Северного Поволжья. Санкт-Петербург.
- Петренко, В. П., Т. Б. Шитова.* 1985. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 181—191. Ленинград.
- Плохов, А. В.* 1992. Лепная керамика центрального Приильменья и славянское поселение (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: 119—124. Новгород.
1995. Об одном редком типе лепной посуды Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология 9: 101—105. Новгород.
- Пушкина, Т. А.* 1973. Лепная керамика Гнездовского селища // Вестник МГУ. История 3: 87—92.
- Седов, В. В.* 1970. Новгородские сопки // Свод археологических источников EI-8. Москва.
1978. Лепная керамика Изборского городища // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 155: 63—67.
1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. Москва.
- Седых, В. Н.* 1982. Керамика Тимеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки): 192—197. Ленинград: Наука.
- Смирнова, Г. П.* 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 146: 3—10.
1978. К вопросу о датировке древнего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне: 165—171. Москва.
- Спирidonov, A. M.* 1986. Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 187: 23—28.
- Станкевич, Я. В.* 1950. Керамика нижнего горизонта Старой Ладого // Советская археология XIV: 187—216.
1951. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладого // Советская археология XV: 219—246.
- Тамла, Т.* 1983. Селище в Пала // Известия АН ЭССР. Общественные науки 32/4: 302—306.
- Штыхов, Г. В.* 1978. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск.
- Янитс, К.* 1979. Об исследовании поселения эпохи железа у д. Линнузе вблизи Кунде // Известия АН ЭССР. Общественные науки 28/4: 380—381.
- Lang, V.* 1985. Iru Linnuse peenkeramika V—X sajandil // Известия АН ЭССР. Общественные науки 34/2: 193—209.
1999. Ühe savinutüübi ajalooost Loode-Eestis // Muinasaja teadus. I. Arheoloogiline kogumik. Toimetanud L. Jaanits ja V. Lang. Lk. 45—65. Tallinn.
- Lehtosalo-Hilander, P. L.* 1982. Luistari II. The Artefacts // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 82: 2. Helsinki.
- Losinski, W., B. Rogosz.* 1986. Metody synchronizacji warstw kulturowych wczesnosredniowiecznych obiektych wielowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // Problemy chronologii ceramiki wczesnosredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim. Studia i materialy: 9—50. Warszawa.
- Lxugas, V.* 1967. Asva linnuse dateerimisest // Известия АН ЭССР. Общественные науки XVI/1: 81—93.
- Schuldt, E.* 1956. Die slawische Keramik in Mecklenburg // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte 5.
- Selling, D.* 1955. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm.
- Smhmedehelm, M.* 1973. Mitteleisenzeitliche Funde aus dem Steingrab von Toila in Nordostestland // Homos Ella Kivikoski. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 75: 187—196. Helsinki.

HANDMADE POTTERY FROM RYURIK GORODISHCHE AND NOVGOROD

A. V. PLOKHOV

This article deals with handmade ware from central sites of the Novgorodian Land of the end of the 1st mil. A. D. Studies showed that the pot-

tery assemblage from these sites is based on rough cooking pots, the other forms being relatively few. This feature, peculiar also to synchro-

nous antiquities in other Slavic regions, is called forth by the spread of ware made of organic materials and the specificity of cooking in ovens.

A distinctive peculiarity of the ceramic assemblage from the region under study is imparted by the presence of a considerable number of vessels having a very sharp bend, or often a carination, in the area of transition from the shoulder to the lower body — the so-called pots of the «Ladoga type». The origin of this type ware remains debatable. The «carinated» vessels having appeared in the 8th century on the lower Volkhov, later on

became typical to settlements in the northern (and partly western and eastern) Ilmen regions. This territory is the oldest and the very central part of the Novgorodian Land; one must therefore admit that this type of ware is peculiar to the Ilmen Slavs.

Pottery finds, their shapes and decorations enable us not only to trace the links of the population of the upper Volkhov with the neighbouring lands which later made part of the ancient Russian state, but also to study contacts of this population with peoples of the Baltic region.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБУВЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

А. В. КУРБАТОВ¹

В последние годы все активнее разрабатываются положения о широком внедрении норм христианской морали, нравственности в повседневном быту и обрядах древнерусского общества. Эти вопросы, например, всесторонне обсуждались на конференциях по церковной археологии, проходивших во Пскове и Санкт-Петербурге в 1995 и 1998 гг. (Церковная археология 1995; Церковная археология 1998). В археологическом контексте наибольшую полноту в освещении этого направления научной мысли имеют работы А. Мусина, реализующие целую программу исследований (Мусин 1997: 7—8).

Наиболее показательны здесь инновации в погребальной обрядности. Для Древней Руси это, прежде всего, переход от кремации к ингумации, от курганных захоронений к грунтовым, положение умерших в гробовины (гробы), ориентация усопших и крестообразное положение их рук, появление предметов личного благочестия среди погребального инвентаря, а также постепенное количественное уменьшение вещевых находок в захоронениях, появление прицерковных кладбищ (Мусин 1997: 6; 1998: 134 и сл.). В погребальных памятниках Водской земли встречены и другие конкретные формы изменений. Например, в XIV—XV вв. сложился обычай сооружения каменных оградок с постановкой внутри них каменных крестов (Рябинин 2000: 172 и сл.).

Ряд исследователей, на разном материале, высказываются о формальном принятии внешних форм православного обряда погребения в древнерусское время, что не всегда, и не обязательно сопровождается отказом от прежних обычаев (Макаров 1997: 154). Но для позднего средневековья, наличие погребального инвентаря не является уже показателем сохранения языческих традиций. Д. А. Беленькая обратила внимание на то, что русские княгини в XV—XVI вв., по данным духовных грамот, носили кресты в ожерельях с бусами, и это позволяет усомниться в языческом характере ожерелий из бус с крестами, в том числе и встреченных в погребениях XI—XIII вв. (Беленькая 1976: 88—98). Сосуды в городских захоронениях XIV—XVI вв. также считаются частью христианского обряда (Панова 1990: 11).

По мнению Т. Д. Пановой, рубеж XIII—XIV вв. в развитии городского погребального обряда является началом его унификации, что отражает не только усиление влияния церкви на эту сторону средневекового быта, но и социальную стратификацию общества (Панова 1990: 14).

Здесь мы предлагаем остановиться на одном элементе погребальной обрядности — обуви, рассматривая ее как показатель внедрения в широкие народные массы норм православного религиозного сознания. В средневековых погребениях разного времени на территории Руси археологи находят только кожаную обувь. А. В. Арциховский, анализируя известные ему погребения с остатками обуви, писал: «очень часто в вятических курганах находятся остатки кожаной обуви. Обычно это маленькие обрывки кожи, но иногда можно даже определить покроем. В Тушине Московского уезда были найдены почти целые мужские башмаки с короткими голенищами, острыми носками и подошвами без каблуков». Он выражал сомнение в том, что эта обувь носилась при жизни, поскольку «подошвы курганной обуви обычно настолько тонки, что она, по-видимому, не носилась, а шилась специально для покойников. При раскопках А. И. Черепнина в Монастыре Пронского уезда в женском погребении найдены туфли высотой в 2 см, шитые из двойной кожи, с подошвами, пришитыми нитками. Высокие сапоги, кажется, у вятичей были: остатки их найдены несколько раз у колен и выше. При моих раскопках в Маливе Егорьевского у. в мужском погребении найдены кожаные лапти. Плетение их прямое, а не диагональное, господствующее в Средней России ныне. Два обрывка кожи от вятических сапог были специально исследованы П. П. Петровым. Они оказались оба дублеными и окрашенными в черный цвет при помощи железного купороса. Один из них был похож на яловицу, т. е. дубленую коровью кожу, другой не мог быть подобным образом определен» (Арциховский 1930: 102). Здесь дана полная выдержка из работы, касающаяся обуви, поскольку автор впервые пытался разделить обувь погребенных на бытовую — носимую при жизни, и специальную погребальную. Но, если из описания

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

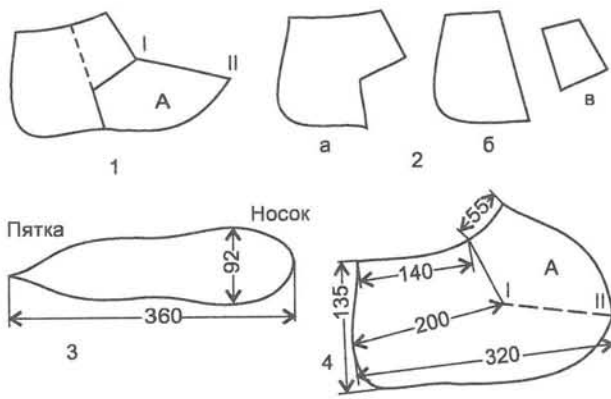

Рис. 1. Реконструкция обуви из кургана у ст. Матвеевской (по Ю. П. Зыбину).

Fig. 1. Reconstruction of footwear from the barrow near the station of Matveevskaya (after Yu. P. Zybin).

можно предполагать, что обувь была при жизни носимой, то высказанное мнение А. В. Арциховского прямо противоположно этому. Учитывая многочисленные находки в средневековых городах кожаной обуви с тонкой подошвой, а также вероятное усыхание кожи в песчаном слое погребений, наблюдение А. В. Арциховского о толщине погребальной обуви вряд ли следует считать правомерным.

По материалам позднейших раскопок кожаная обувь специально рассматривалась с точки зрения раскроя и пошива. Но эти данные пока еще единичны. Так, из описания коллекции ГИМа можно предполагать, что найденные в погребениях фрагменты головок, голенищ и подошв, а также кожаных лаптей, принадлежали обычной обуви, что не позволяет В. П. Левашевой согласиться с высказанным мнением А. В. Арциховского (Левашева 1959: 39, 42).

В 1953 г. у станции Матвеевской в Подмоскowie исследовался курганный могильник XII—XIII вв. В кургане № 4 группы Матвеевская-II, самом большом кургане могильника, основное захоронение — мужчины, положенного в гробовине на горизонте в центре площадки, не содержало сопровождающих вещей. Но на обеих ногах сохранились остатки кожаной обуви. Г. П. Латышева отметила, что «нитки швов сгнили, но куски кожи сохранились сравнительно хорошо». По ее мнению, обувь пошита деревенским мастером, поскольку в известных на то время находках из Зарядья такая конструкция обуви не представлена (Латышева 1954: 48, 52). На сегодня, показанные в рисунках № 8 и 9 выкройка обуви и ее реконструкция выделены в культурном слое ряда городов, в том числе Пскова, Новгорода, Полоцка, Твери (см. например: Курбатов 1997: рис. 3, 5; 1999: рис. 4—7).

Раскрой обуви был восстановлен при анализе остатков специалистами Московского технологического института легкой промышлен-

ности. По заключению Ю. П. Зыбина, данная обувь не является специально пошитой для захоронения, она служила в реальной жизни, и аналогичная обувь найдена в слоях того же времени в Москве и Новгороде (рис. 1). «Покрой деталей и шов, образующий вторую половину верха, аналогичны тем, которые были обнаружены нами в русских сапогах XII—XIV вв.» (Зыбин 1960: 84—85, рис. 1—4).

Хорошо сохранилась одежда молодой женщины в погребении конца XII—XIII вв. из Минска (Тарасенко 1957: 229). На женском костяке сохранились фрагменты ткани от одежды, в том числе и кожаное оплечье (бармы) с прикрепленными к нему металлическими украшениями, а также «на ногах — мягкие остроносые башмаки из черной кожи с кожаными же завязками и прорезным орнаментом сверху» (Тарасенко 1950: 127). В описании М. А. Сабуровой обувь представлена так: «на ногах были наодеты мягкие башмаки с косым отворотом и прорезкой» (Сабурова 1988: 269—270, рис. 1). Обувь погребенной явно имела крой и декор обыденной для того периода обуви.

При раскопках в северо-восточной части Мартирьевской паперти в 1945—1946 гг. были вскрыты 7 захоронений. В погребении № 5, «на ногах сохранилась обувь сложного покроя с двойным задником, с тонкой кожаной подошвой. Обувь и кости ног были обернуты в бересту». А. Л. Монгайт датировал его XIV в. (Монгайт 1949: 100—102). В описании Л. И. Якуниной обувь представляется несколько иначе: «в погребении № 5 хорошо сохранилась обувь — это туфли, сшитые из мягкой кожи (сафьяна). Туфли остроносые на прямой гладкой подошве без каблука. Цвет их теперь коричневый, но возможно, что обувь была алой» (Якунина 1949: 107). В. Л. Янин называет захоронение «погребением архиепископа в крещатых ризах», претендентами на имя погребенного считает 3 вероятных кандидатов, живших в XIV—XV вв. (Янин 1988: 62—67).

Хорошо сохранилась обувь и в погребениях из Георгиевского собора Юрьева монастыря. Из описания автора работ М. К. Каргера: «В саркофаге с коробовым верхом (погр. III) ... найдены фрагменты ткани и куски кожаной обуви», «в соседнем саркофаге (погр. IV) оказался хорошо сохранившийся женский костяк... на ногах найдены две кожаные туфли», «в северном склепе (погр. V) ... раскрыто погребение мужчины 50 лет или старше ... на ногах кожаная обувь». «Кожаная обувь», без уточнений, отмечена и в погребениях VI и VII (Каргер 1946: 204—208). Можно полагать, что здесь, как и в погребениях из Мартирьевской паперти, использована повседневная обувь, может быть новая, т. е. сшитая для погребе-

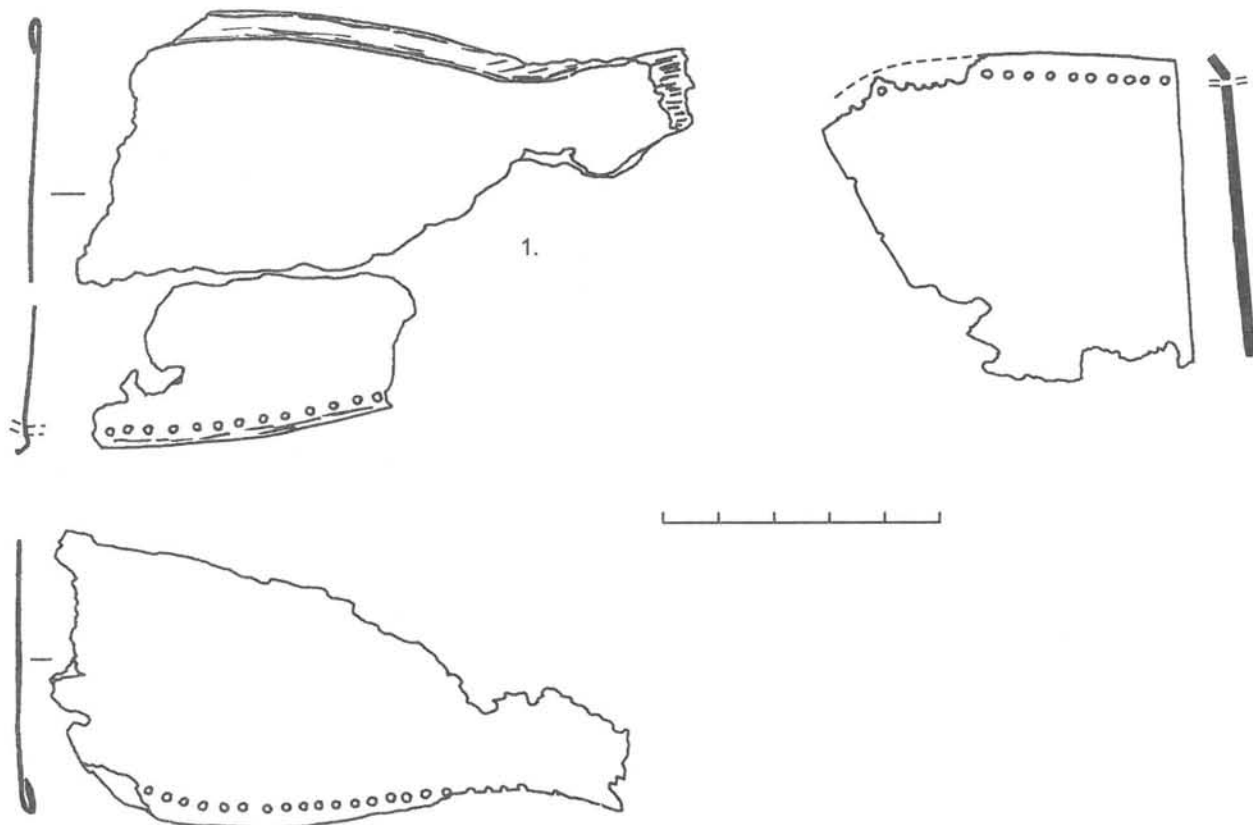

Рис. 2. Фрагменты обуви из погребения № 25 могильника Великино.

Fig. 2. Fragments of footwear from burial no. 25 at the cemetery of Velikino.

ния, но не отличающаяся конструктивно от обиходной. Именно в этом плане можно рассматривать соотношение погребальной обуви с описаниями чина погребений по Студийскому уставу (Мусин 1997а: 89).

В Кингисеппском районе Ленинградской области в 1985—86 гг. Е. А. Рябинин исследовал открытый им в 1983 г. грунтовый могильник у д. Великино (Рябинин 1987: 28—29; Рябинин 1988: 35—36). В погребении № 25 найдены фрагменты подошвы от сапог. По особенностям края можно говорить, что перед нами остатки многослойной подошвы из тонкой кожи. Основной шов — вертикальный сквозной (рис. 2). Сапоги с такой подошвой были широко распространены в русских городах лесной полосы, преимущественно, в конце XIII—первой половине XV вв.

Фрагменты повседневной обуви из погребений встречены при раскопках в 1995 г. Антониева Краснохолмского монастыря (Салимов 1996: 176—177). В шурфе у юго-восточного угла Никольского собора вскрыто 9 погребений, большая часть которых, несомненно, устроена до строительства каменного собора в конце XV в. (рис. 3). Ориентировочное время захоронений 1461—1481 гг.²

Принципиально иной материал дают нам раскопки ряда городских некрополей XVI—XVII вв. В раскопках Петровский II и III в Окольном городе Пскова, в 1985—87 гг. в могильных ямах с большим числом, видимо, одновременно погребенных, найден довольно богатый погребальный инвентарь. Почти на всех костяках, даже младенческих, сохранились фрагменты кожаной обуви. На некоторых погребенных кожаные предметы имели хорошую сохранность, показывая обувь, специально пошитую для захоронения (Ершова 1987: 102—104; Ершова, Курбатов 1998: 103—106).

Наиболее хорошо кожаная обувь сохранилась в погребениях № 26, 30, 32, 34, 52 на участках «В» и «Д» раскопа 1986 г. и в погребении № 3 участка «В» раскопа 1987 г. Из комплексов, исследованных в 1986 г., происходят образцы специфической обуви. Кожаный верх раскроен в виде выгнутой полосы кожи шириной 4—6 см при длине до 45—48 см (рис. 4: 1—5). При этом в носке ширина наибольшая и здесь имеется небольшой подтреугольный вырез, указывающий на пришивание остроносой подошвы. Равновеликие крылья раскройки сшивались выворотным швом на пятке. Подошва, судя по швам, соединялась с

² Автор благодарен Е. А. Рябинину и А. М. Салимову за предоставленный для публикации материал.

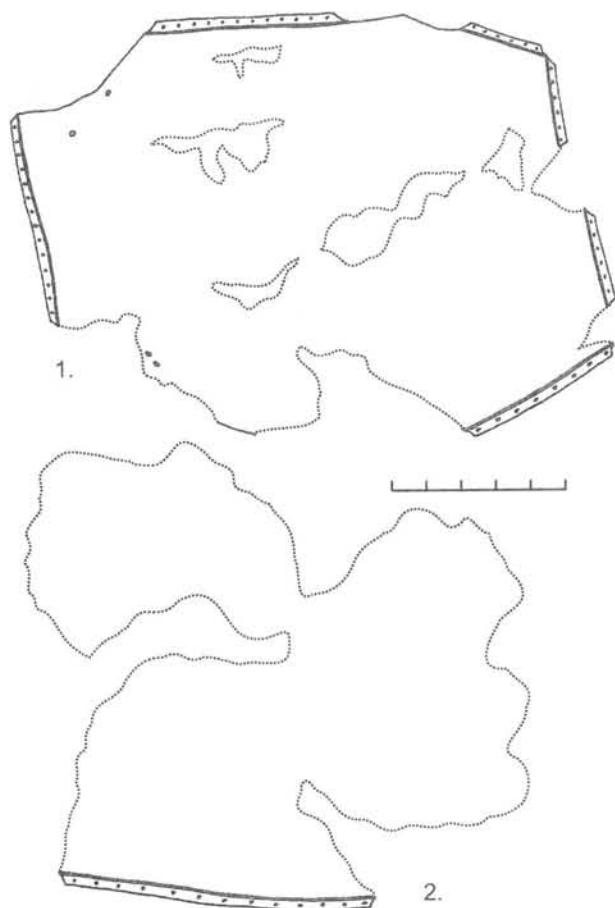

Рис. 3. Детали обуви из раскопок в Антониево-Краснохолмском монастыре.

Fig. 3. Parts of footwear from excavations in the Antoniev-Krasnokholmsky Monastery.

верхом обметочным швом «через край». На верхнем обрезе раскройки швов не встречено. Имеются случаи подшивания части крыла, видимо, при отсутствии потребного куска кожи (рис. 4: 3), а также вероятное использование кожи, бывшей в употреблении (рис. 4: 4, 5). Реконструкция обуви представлена на рисунке (рис. 4: 7). Надо отметить, что кожаная подошва с обувью не встречена. Можно предполагать наличие при погребении на обуви суконной или холстинной подошвы.

Другой вид обуви найден в погребении № 26 участка «В». Имеется жесткая подошва толщиной 2,5—3 мм с основным швом «в подтай», с одной подпяточной подкладкой. Сохранилась подбойка подошвы железными гвоздями с широкой шляпкой. Из деталей верха присутствуют поднаряд головки и карман задника, то есть только внутренние детали конструкции. Обувь определено подростковая, предназначалась для стопы длиной 17,5—18,0 см, или 30—31 размеры по штихмассовой шкале (рис. 4: 6.1 6.3; 5). Некоторые характерные признаки модели указывают примерное время производства этой модели — вторая по-

ловина XVI в. Среди хронологических признаков можно назвать: на подошве — шов «в подтай», подбивка гвоздями, а не подковкой, отсутствие каблука, на поднаряде — след головки, имевшей меньшую высоту. Кроме того, показательна и форма кармана задника. Модели сапог такого края встречены в комплексах второй половины XVI—начала XVII вв. в Ивангороде (Курбатов 1991: 71—77; 1995: 198—215). Особенности коллективного захоронения позволяют датировать этим периодом и другие находки исследованного комплекса.

Обувь в псковской «скудельнице» можно считать одним из ранних примеров использования специально подготовленной для погребения кожаной обуви. Употребление ее в реальной жизни, с учетом наших знаний о коженно-обувной продукции XVI в., маловероятно. Они показывают сложившийся к концу XVI в. в народной культуре обычай подготовки специальной погребальной обуви, а может быть и одежды, фиксируемый в позднейших этнографических материалах. Следует обратить внимание на сильную упрощенность конструкции погребальной обуви. В большинстве случаев, мы находим длинную полосу кожи для верха, соединенную с подошвой сквозным вертикальным (сандальным) швом, тогда как сама подошва отсутствовала. Поэтому, возникает предположение о матерчатой подошве. Отсутствуют следы подшивания внутренних деталей или элементов для защиты подъема стопы и голени (рис. 4: 1—5, 7). Другая модель также не может использоваться в реальной жизни. Здесь, надо полагать, намеренно сняты все наружные детали верха, и оставлены внутренние, вывернутые бахтармой вверх (рис. 4: 6. 1—6. 3; 5). На наш взгляд, это демонстрация представлений о перевернутости мира мертвых, где все должно быть наоборот, «на изнанку».

Другой пример такого рода дают погребения XVI—XVII вв. с Троицкого V и XI раскопов Новгорода, видимо, принадлежавшие городскому кладбищу близ церкви Василия Парийского. Здесь встречена серия конструктивно однообразных детских и взрослых моделей специальной погребальной обуви. Это цельнокроенные тапки со швом по длинной оси изделия, на подошве. Отдельные предметы несли тиснение «елочкой» по носку. Кроме того, найден составной поршень, подобно описанному (без изображения) в работе С. А. Изюмовой (Пежемский 1998: 143—146, рис. 2, 3; Изюмова 1959: 202). Однако, Д. В. Пежемский ошибается в оценках, говоря об отсутствии сведений о составных поршнях в других городах. Давно известна подобная находка в слоях XVI—XVII вв. из Старой Ладogi (Оятева 1965: 52, 54, рис. 5:3). Кроме того, близкие по раскрою и пошиву изделия

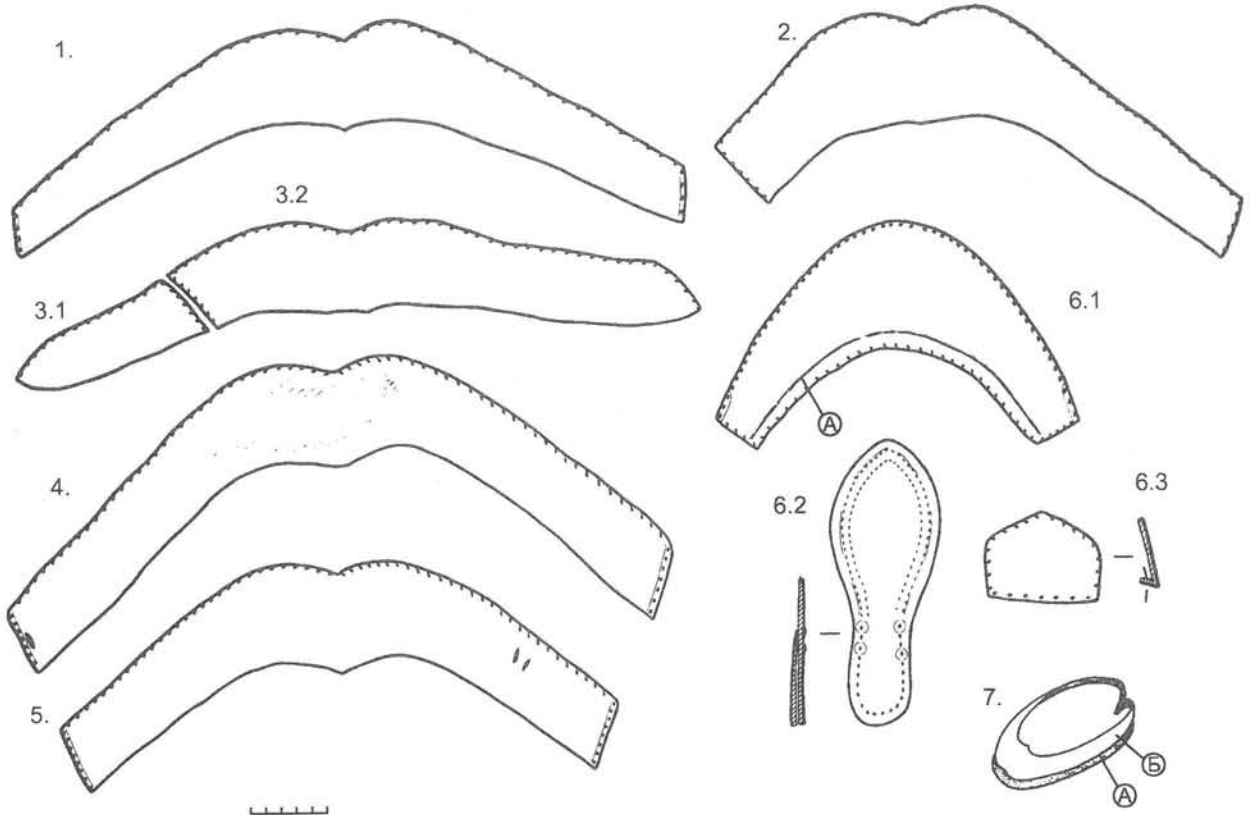

Рис. 4. Кожаная обувь из захоронений в псковской «скудельнице». 1 — П-86, Петр. II, уч. В, погр. 32, № 83; 2 — П-86, Петр. II, уч. В, погр. 30, № 81; 3.1—3.2 — П-87, Петр. III, уч. В, погр. ?, № 22; 4 — П-86, Петр. II, уч. Д, погр. 52, № 82; 5 — П-86, Петр. II, уч. В, погр. 34, № 62; 6.1—6.2 — П-86, Петр. II, уч. В, погр. 26, № 2; 7 — реконструкция.

Fig. 4. Leather footwear from burials in the Pskov 'skudel'nya'. 1 — П-86, Петр. II, area B, burial 32, no. 83; 2 — П-86, Петр. II, area B, burial 30, no. 81; 3.1—3.2 — П-87, Петр. III, area B, burial ?, no. 22; 4 — П-86, Петр. II, area Д, burial 52, no. 82; 5 — П-86, Петр. II, area В, burial 34, no. 62; 6.1—6.2 — П-86, Петр. II, area В, burial 26, no. 2; 7 — reconstruction.

Рис. 5. Реставрированная модель из погребения № 26 псковской «скудельницы» (работа выполнена Е. С. Зубковой).

Fig. 5. Restored example from burial no. 26 of the Pskov 'skudel'nya' (restored by E. S. Zubkova).

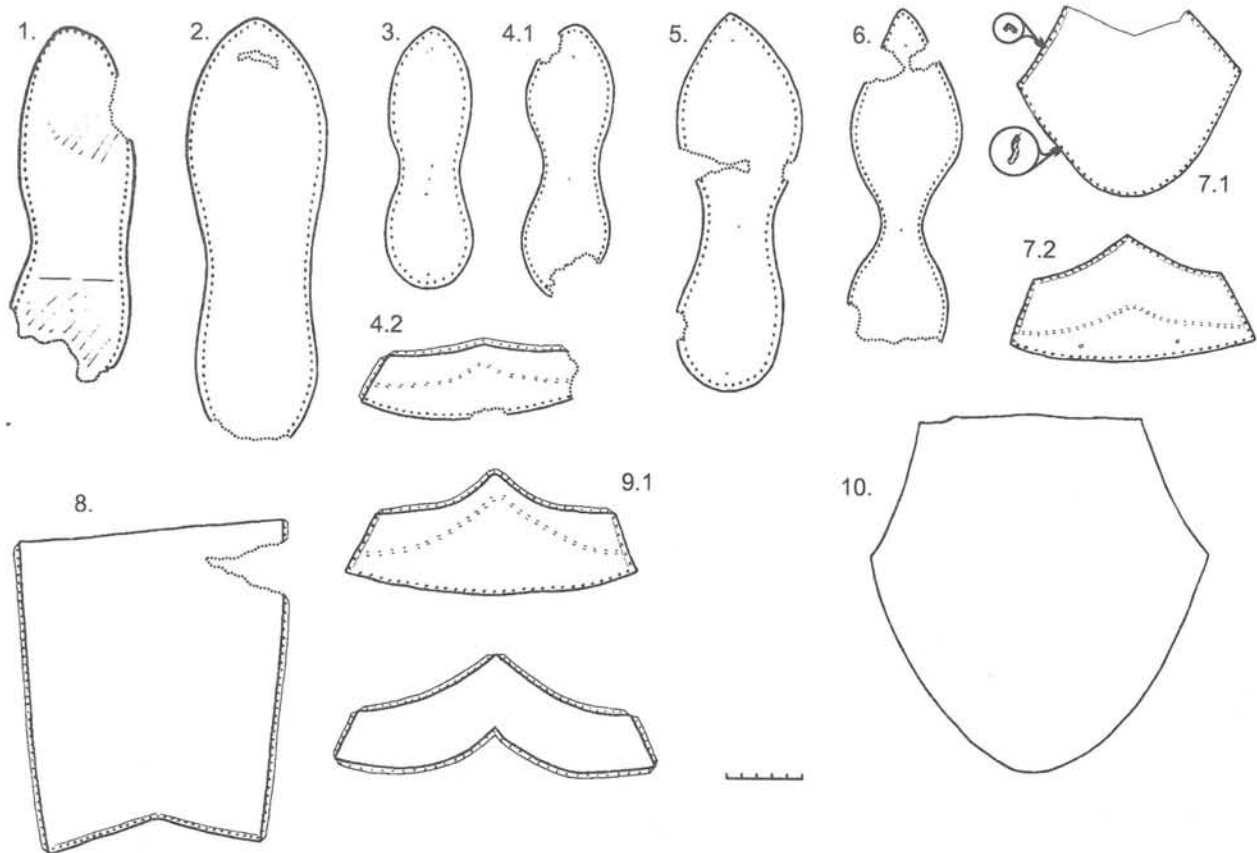

Рис. 6. Тверь-98. Детали кожаных сапог из раскопа на ул. Советской. 1—3, 4.1—6 — подошвы; 4.2, 7.2, 9.1 — задники; 7.1 — головка; 8 — голенище; 9.2 — дополнительная деталь к заднику сапога; 10 — заготовка для головки.

Fig. 6. Tver-98. Parts of leather boots from the excavation in Sovetskaya Street. 1—3, 4.1—6 — soles; 4.2, 7.2, 9.1 — backs; 7.1 — head; 8 — bootleg; 9.2 — an additional part of the boot back; 10 — blank for a head.

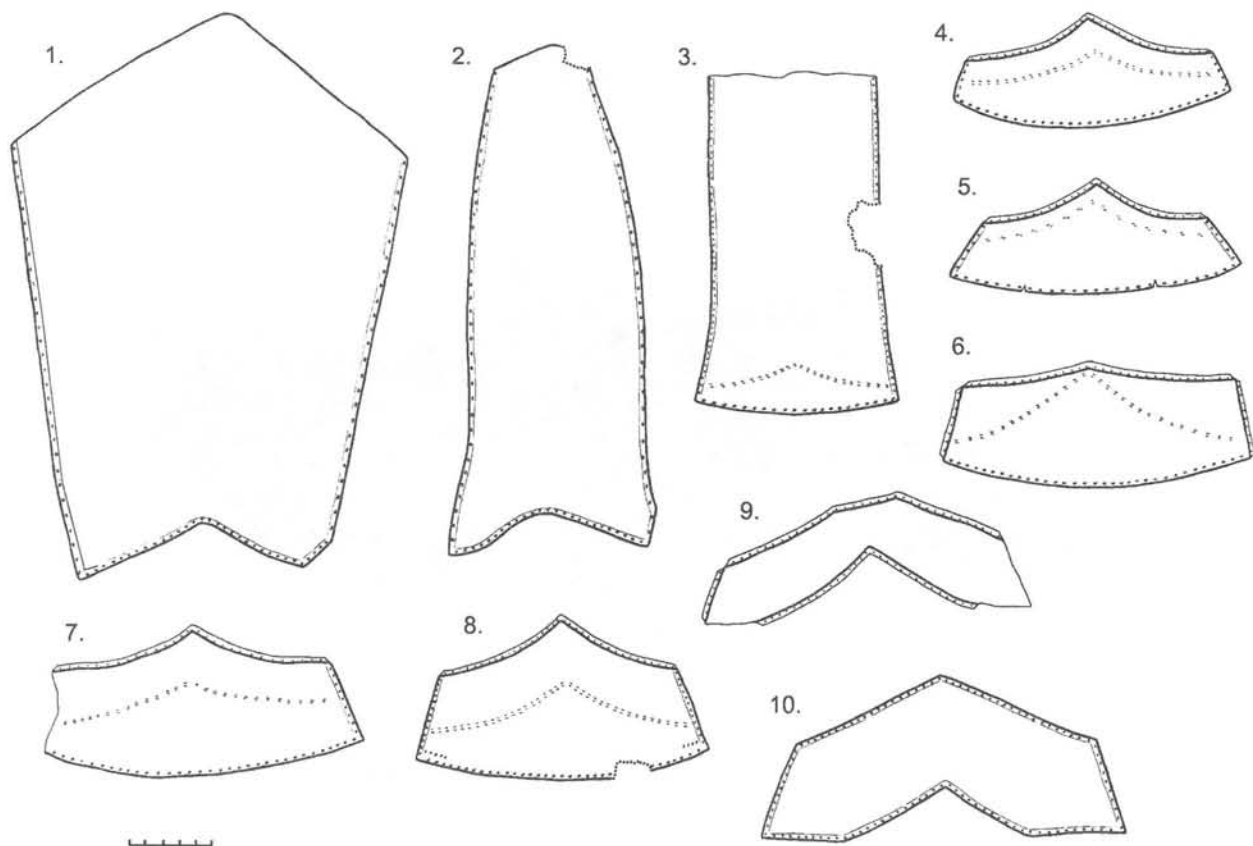

Рис. 7. Тверь-98. Детали кожаных сапог из раскопа на ул. Советской. 1—3 — голенища; 4—8 — задники; 9, 10 — дополнительная деталь к заднику сапога.

Fig. 7. Tver-98. Parts of leather boots from the excavation in Sovetskaya Street. 1—3 — bootlegs; 4—8 — backs; 9, 10 — an additional part of the boot back.

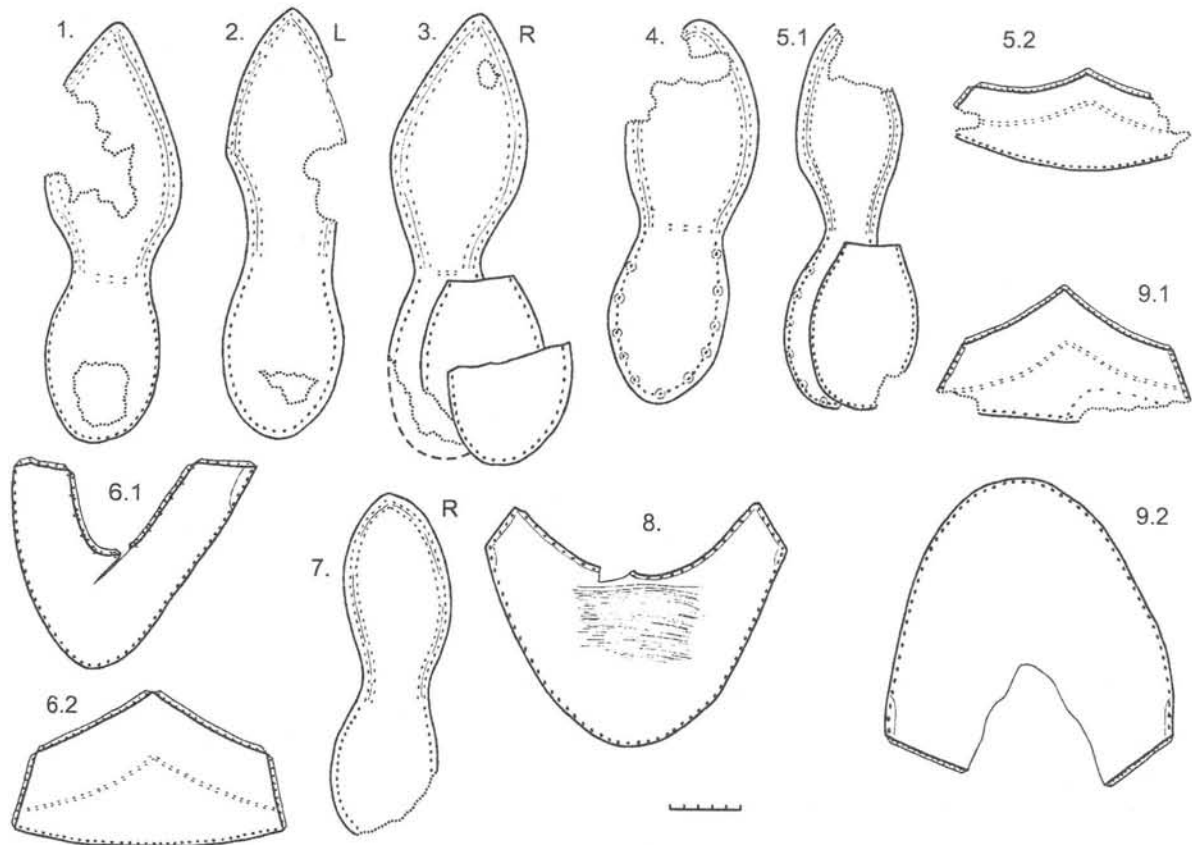

Рис. 8. Тверь-98. Детали кожаных сапог из раскопа на ул. Советской. 1—5.1, 7— подошвы; 5.2, 6.2, 9.1 — задники; 6.1, 8, 9.2 — головки.

Fig. 8. Tver-98. Parts of leather boots from the excavation in Sovetskaya Street. 1—5.1, 7—soles; 5.2, 6.2, 9.1—backs; 6.1, 8, 9.2—heads.

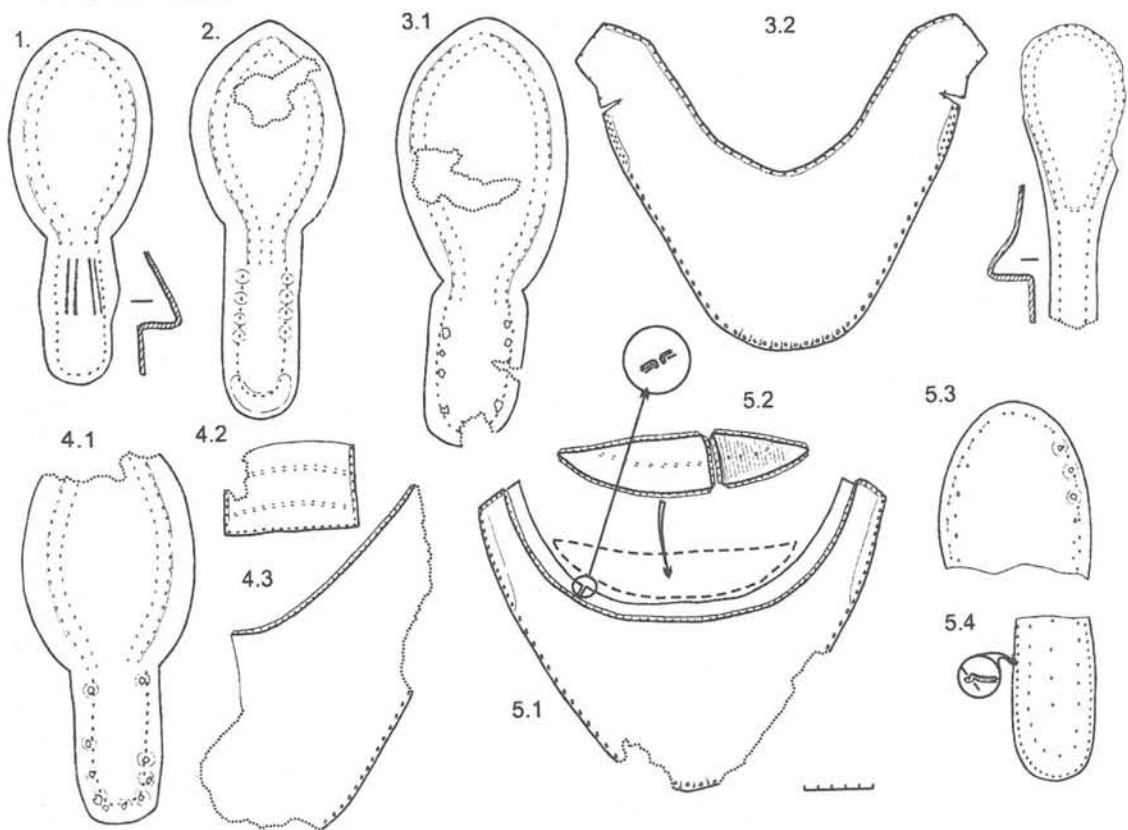

Рис. 9. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Детали башмаков и сапог конец XVI—XVII вв. 1—3.1, 4.1, 6— подошвы; 3.2, 4.3, 5.1— головки; 4.2— задник; 5.2— дополнительная деталь, подшиваемая в области подъема стопы; 5.3— подметка; 5.4— пятка внутренней подошвы рантовой модели.

Fig. 9. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Parts of shoes and boots of the late 16th and 17th cent. 1—3.1, 4.1, 6—soles; 3.2, 4.3, 5.1—heads; 4.2—back; 5.2—an additional part sewn in the area of the foot instep; 5.3—sole; 5.4—the heel of the inside sole of a sample of the Goodyear outsole type.

из Мангазеи опубликованы в самое последнее время (Курбатов, Овсянников 1999: 250, 252—253, рис. 2: 5, 6). А цельнокроеные модели из новгородских раскопок по форме раскроек напоминают как псковские находки из «скудельницы», так и изделия из Пустозерска (Курбатов, Овсянников 1998: 44—45, 50—51, рис. 1, 4, 5), с той разницей, что длинная полоса боковины пустозерских находок кроилась отдельно от подошвы. Среди неопубликованных материалов подобные новгородским находки отмечены Д. В. Пежемским для Московского Кремля (Пежемский 1998: 143—145).

Третий пример дают охранные раскопки Тверского музея в 1998 г. на участке реконструкции ул. Советской (бывш. Миллионной), проходящей по территории кремля и Загородского посада средневековой Твери. Участок раскопа № 14/2/4 — от Волжского проезда к западу, в сторону Тьмацкого моста, имел размеры 60 × 2 м и поперечную прирезку в 8 м. Под отложениями XIX—XX вв. встречены остатки плотной городской застройки конца XV—XVIII вв., сохранившей большое количество предметов из различных органических материалов, в том числе кожи (Олейников 1999-А).

Здесь полностью или частично вскрыты деревянные постройки различного назначения, а также остатки нескольких ярусов деревянных мостовой и водопроводной трубы XVIII в. В слое 37 пласта и ниже встречены захоронения, среди которых выделены перезахороненные костные остатки детей и взрослых, где кости лежали не в анатомическом порядке — в слое, а также в деревянных гробах и колодах. Погребения сосредоточены внутри и возле постройки, вероятной часовни (скудельни) или церкви (?). Всего выделено не менее 21 захоронения, относимых к XVII в. Все они ориентированы близко к оси запад-восток с отклонением 15—20° против часовой стрелки. Кроме обуви, других предметов в захоронениях не встречено.

При раскопках собраны абсолютно все кожаные предметы из культурного слоя и комплексов, включая мелкие обрезки. Хорошо сохранившиеся деревянная застройка XVI—XVIII вв. и многочисленные предметы из органических материалов встречены только на западном участке этой траншеи. Эта коллекция является в Твери единственным представительным комплексом этого рода для указанного времени. Представляет интерес и то, что культурный слой и вскрытые элементы городской застройки синхронны имеющимся писцовым книгам по Твери XVII—XVIII вв., что открывает интересные возможности сравнительного изучения Твери по разным видам источников. Уникальность, для Твери, данного

собрания кожаных предметов, заслуживает более детального их представления.

В составе коллекции имеется 2010 единиц находок из органических материалов, связанных с коженно-обувным производством. Кроме кожаных предметов сюда же отнесены 33 фрагмента войлока, 2 деревянных каблука, 1 берестяной вкладыш в задник и 2 лаптя. Кроме того, среди железных предметов имеются 28 обувных подковок, крепившихся на каблуке и штырями и железными гвоздями, а также 1 необычная подковка — широкая и тонкая железная пластина, в плане имеющая форму каблука, с шестью отверстиями для гвоздей вдоль края. Подавляющее большинство кожаных находок служили деталями обуви. Другие изделия из кожи, сохранившиеся в виде отдельных деталей и фрагментов, насчитывают 62 единицы.

Среди обувных конструкций выделены: сапоги, башмаки, поршни, специальная погребальная обувь и, вероятные, мягкие домашние тапки. Обращает на себя внимание минимальное число фрагментов поршней, что представляется не совсем обычным для позднесредневековых коллекций. Большинство моделей представлены неполными наборами деталей, что значительно усложняет их атрибуцию и реконструкцию.

Можно выделить три конструкции сапог.

1) Модели, представляющие наиболее поздний, развитый вариант т. н. «мягкой» конструкции. Здесь использована подошва из 2—3-х слоев тонкой кожи, сшитая с верхом сквозным вертикальным швом. Использовались внутренние подпяточные прокладки (1—2 прокладки). Большинство подошв имеют симметричный раскрой и незначительное сужение в области свода стопы (перейма). Незначительная асимметрия деталей могла появиться как следствие эксплуатационного растяжения (рис. 6: 1, 5). Отдельные подошвы относятся к «фасонной» обуви — они имеют прямое сужение в пальцах, приостренный носок и резкое сужение переймы (рис. 6: 6). Задники имеют признаки, характерные для моделей «жесткой конструкции» — стандартизированная форма раскроя и соотношение ширины и высоты, верхний обрез вытянут вверх широким заостренным язычком, симметричным относительно вертикальной оси, наличие кармана со вкладышами (рис. 6: 4, 2, 7, 2, 9, 1; 7: 4—8). Кроме того, встречены дополнительные детали, подшиваемые к верхнему обрезу задника (рис. 6: 9, 2; 7: 9, 10). Надо полагать, они использовались при ремонте обуви, или создавали дополнительное удобство при ношении ее. Немногие из встреченных головок и заготовок этих деталей соответствуют находкам XIV в. из Тверского кремля (Курбатов 1997а: рис. 4: 2, 3; 5: 3) для моделей этой конструкции (рис. 6: 7, 1, 10). Го-

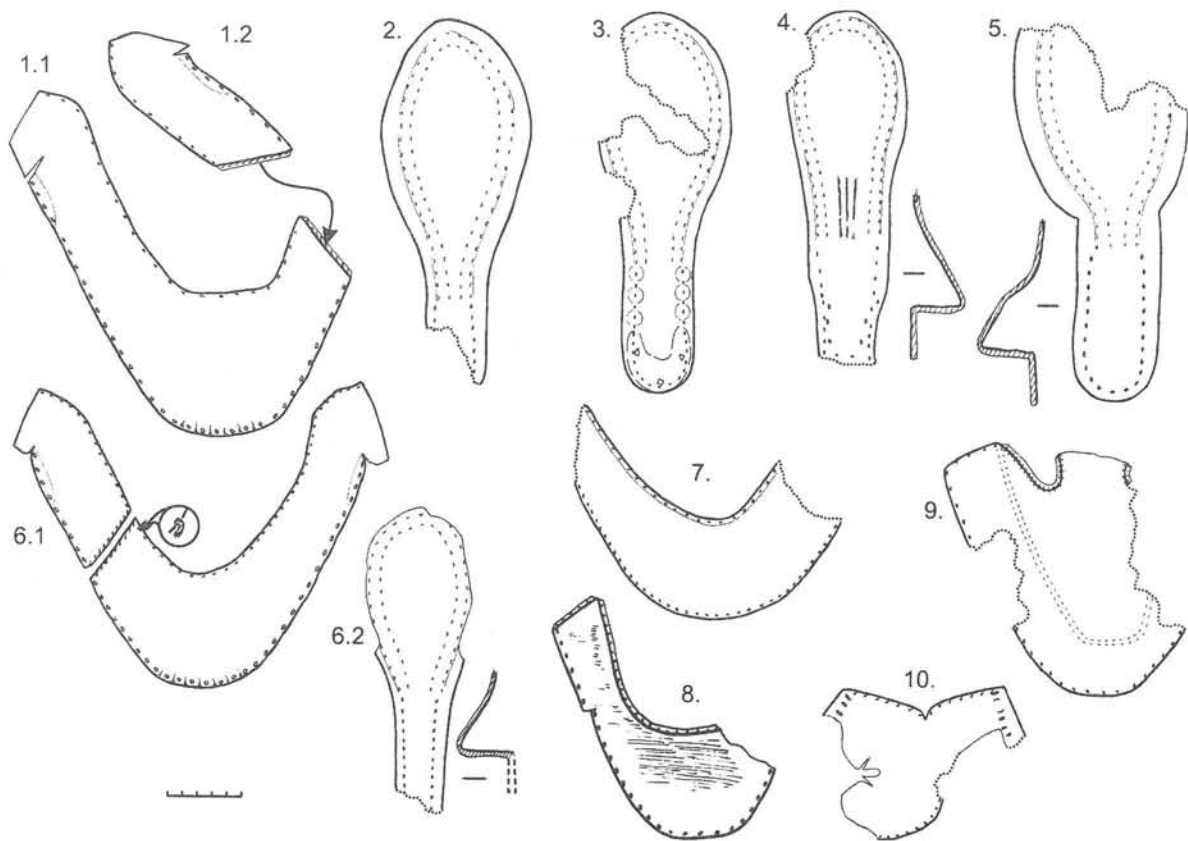

Рис. 10. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Детали башмаков и сапог конца XVI—XVII вв. 2—5, 6.2 — подошвы; 1.1—2, 6.1, 7—9 — головки; 10 — деталь неопределенного вида обуви.

Fig. 10. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Parts of shoes and boots of the late 16th and 17th cent. 2—5, 6.2 — soles; 1.1—2, 6.1, 7—9 — heads; 10 — a part of footwear of an unidentified type.

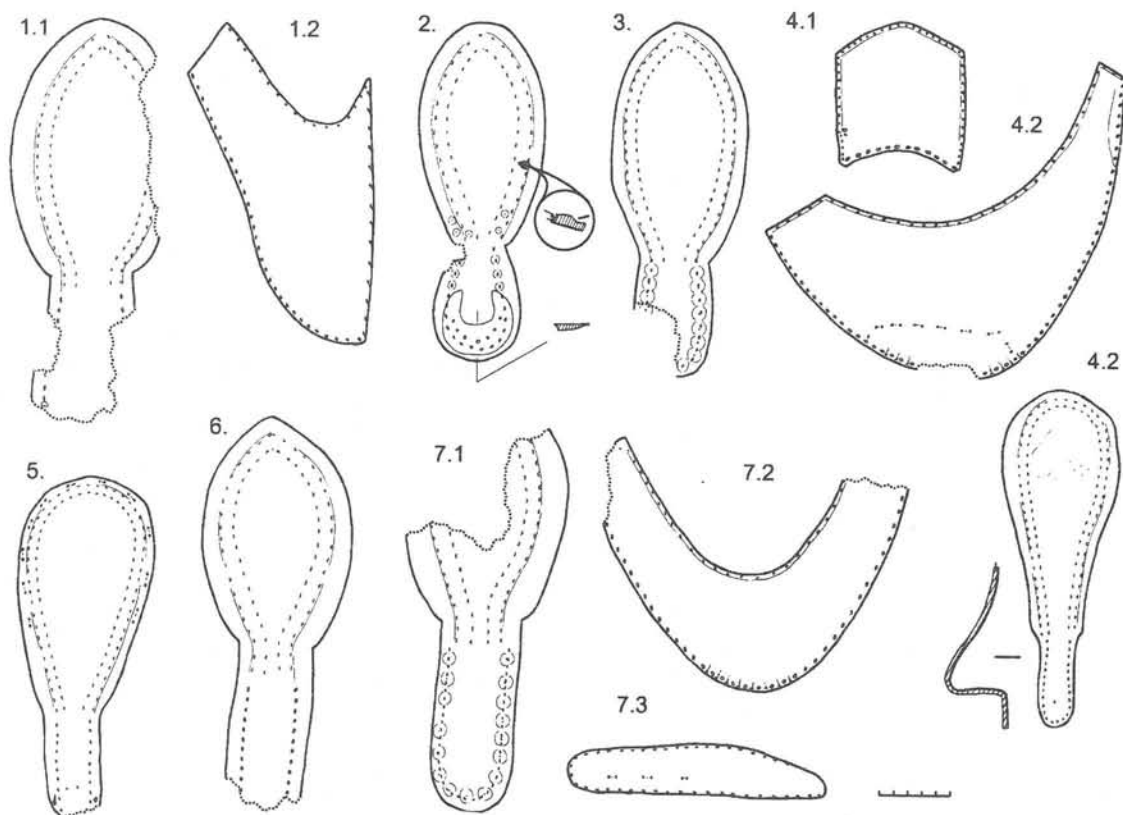

Рис. 11. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Детали башмаков и сапог к. XVI—XVII в. 1.1, 2—3, 4.3, 5—6, 7.1 — подошвы; 1.2, 4.2, 7.2 — головки; 4.1 — задник; 7.3 — дополнительная деталь задника (?).

Fig. 11. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Parts of shoes and boots of the late 16th and 17th cent. 1.1, 2—3, 4.3, 5—6, 7.1 — soles; 1.2, 4.2, 7.2 — heads; 4.1 — back; 7.3 — an additional part of a back (?).

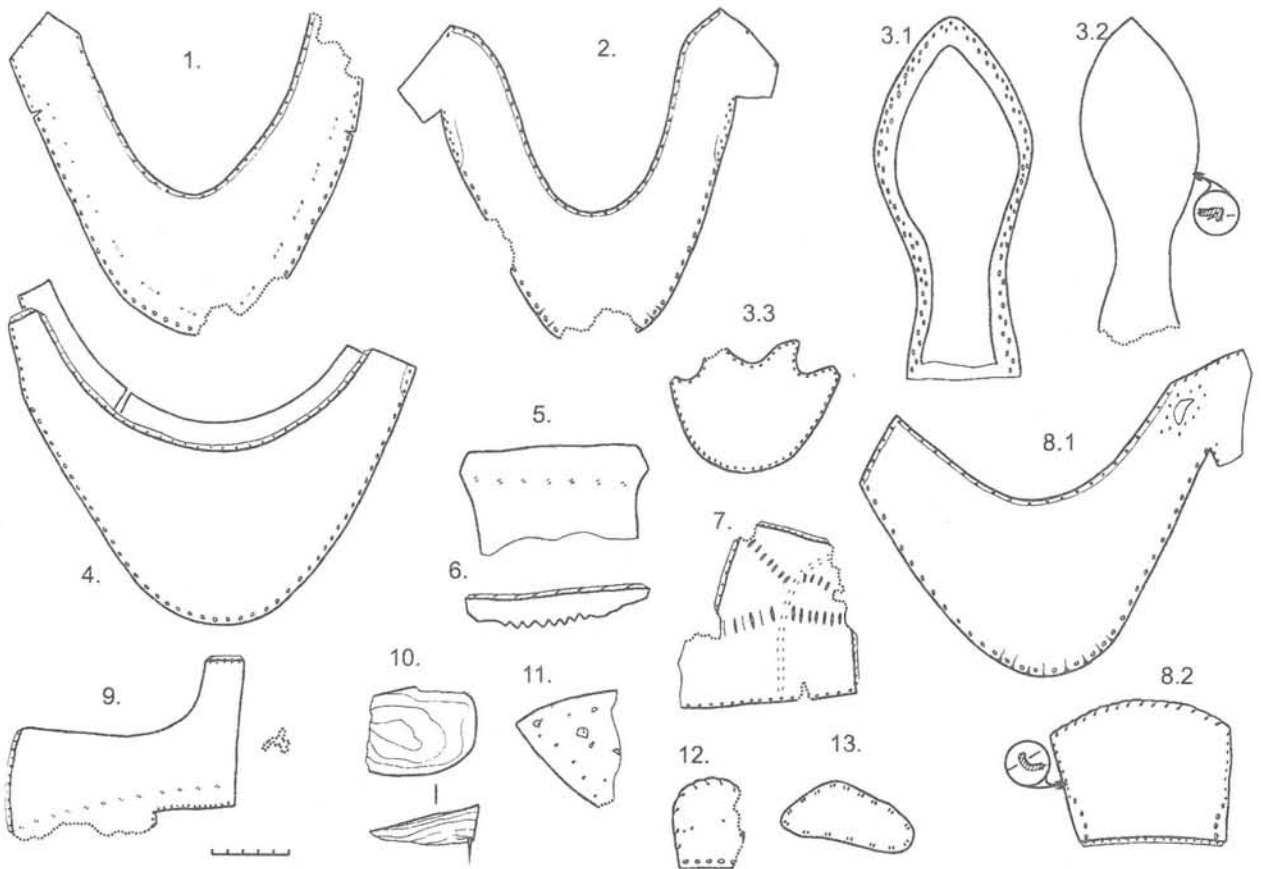

Рис. 12. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Детали башмаков и сапог конец XVI—XVII вв. 1, 2, 3.3, 4, 8.1 — головки; 3.1—2 — подошвы; 5, 6 — дополнительные детали низкой обуви; 7, 9 — берцы; 8.2 — задник; 10 — деревянная основа каблука; 11 — кожаный ремень-петля для деревянных колодок; 12, 13 — заплаты.

Fig. 12. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Parts of shoes and boots of the late 16th and 17th cent. 1, 2, 3.3, 4, 8.1 — heads; 3.1—2 — soles; 5, 6 — additional parts of low footwear; 7, 9 — back-parts; 8.2 — back; 10 — wooden base of a heel; 11 — leather strap-loop for wooden lasts; 12, 13 — patches.

ленища, кроеные в две детали, видимо, не имели стандартизированной формы, они сильно различаются по своим пропорциям. Единым для них признаком служит отсутствие обшивки по верхнему краю (рис. 6: 8; 7: 1—3). Имеются детали голенищ детских сапог, скроенные вместе с задником. На них сохраняются следы пришивания кармана задника (рис. 7: 3).

2) Модели «жесткой» конструкции с основным соединением (соединение подошвы и верха) «в подтай», соотносимые с изделиями из комплексов конца XV—XVI вв., например в Ивангороде (Курбатов 1991: 72—74, рис. 1). Подошвы таких сапог имеют асимметричный крой, относительно вытянутые пропорции, сужение в пальцах, приостренный или скругленный носок, наличие 2—3 подпяточных прокладок, подшиваемых к подошве в области свода стопы, использование на пятке гвоздей с широкой шляпкой, диаметром 6—8 мм, набитых равномерно по периметру детали (рис. 8: 1—5, 7). При этом, надо отметить, что шов «в подтай» расположен очень близко к обрезу деталей, имеет ширину 6—8 мм и относительно короткие стежки. Головки таких сапог имеют раз-

личную форму, в том числе — с язычком на подъеме и поперечным линованием (рис. 8: 6.1, 8, 9.2), а задники — в достаточной степени стандартны по форме и пропорциям (рис. 8: 5.2, 6.2, 9.1).

3) Модели, по особенностям кроя и сшивания сходные с конструкциями конца XVI—XVII вв., выделенными, например, в Ивангороде и Мангазее (Курбатов 1995: рис. 1—3; Курбатов, Овсянников 1999: 255—256, рис. 10, 11). Прежде всего, это своеобразная форма подошвы — с сильно расширенной и скругленной передней половиной детали (рис. 9: 2—5; 10: 3; 11: 2, 3, 7). Подошвы подбивались гвоздями с широкой шляпкой и/или подковками. Среди многочисленных деталей верха выделяются головки и задники (рис. 9: 4.2—4.3, 5). Среди головок встречается и раскрой с удлиненными крыльями, концы которых расширены, с надрезом. Они служат обшивкой для деревянного каблука (рис. 9: 3.2; 10: 1.1, 6.1). Такие модели конструктивно схожи с моделями башмаков конца XVI—XVII вв.

Башмаки, сходные по конструкции с мангазейскими находками, выделяет «подошва с

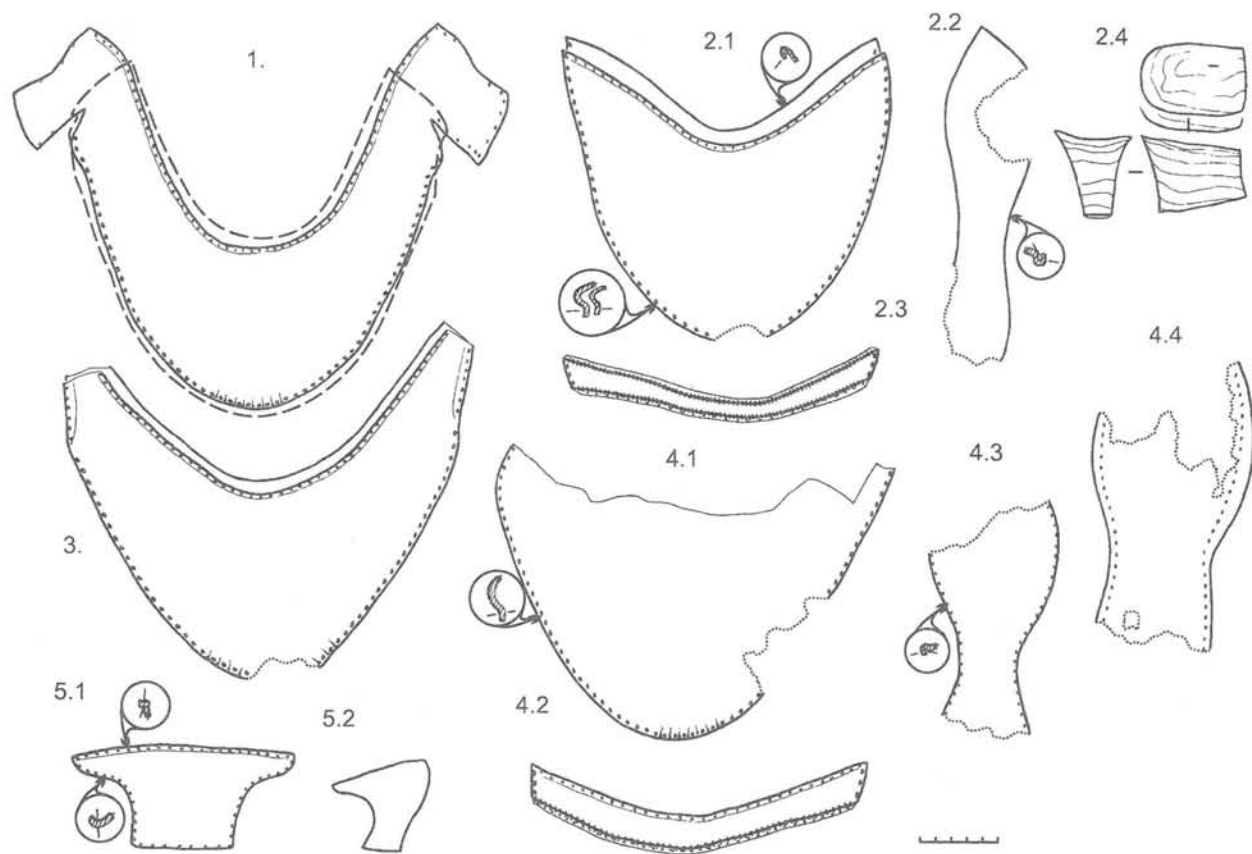

Рис. 13. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Детали башмаков и сапог конец XVI—XVII вв. 1, 2.1, 3, 4.1 — головки; 2.2, 4.3—4 — подошвы; 2.4 — деревянная основа каблука; 2.3, 4.2 — дополнительная деталь, пришиваемая на подъеме стопы; 5.1—2 — кожаная обтяжка деревянной основы каблука: раскройка и вид на изделии.

Fig. 13. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Parts of shoes and boots of the late 16th and 17th cent. 1, 2.1, 3, 4.1 — heads; 2.2, 4.3—4 — soles; 2.4 — wooden base of a heel; 2.3, 4.2 — an additional part sewn in the area of the foot instep; 5.1—2 — leathern cover of the wooden base of a heel: the cutting and appearance upon the article.

крокулем» (рис. 9: 1, 6; 10: 4—6; 11: 4). Другая форма низкой обуви представлена деталями рантовой конструкции — подошвой и головками (рис. 10: 9; 12: 3; 13: 2, 4). Можно отметить, что отсутствие в тверских материалах полных наборов деталей обуви разных видов не позволяет определенно разделить находки по видам обувных моделей. Более того, видимо, сходные формы раскроя головок могли использоваться в конструкциях башмаков и сапог. Для верха отмечено использование дополнительной кожаной полосы, пришиваемой к головке на подъеме (рис. 13: 2.3, 4.2). Такая конструктивная особенность ранее не фиксировалась в других коллекциях.

К формам низкой обуви определенно можно относить и другие детали. Это берцы низких башмаков с застежкой, крепившейся через подъем стопы (рис. 12: 9), или декоративная полоса, пришиваемая на подъеме (рис. 12: 6). Особую конструкцию составляют низкие башмаки с регулярными прорезями для оборок (рис. 12: 7). Наличие отдельных фрагментов деталей позволяет предполагать бытование деревянной обуви типа открытых колодок с перекинутым кожаным ремнем для вдевания стопы (рис. 12: 11).

Поршни и, вероятные, мягкие домашние тапки, встречены только в виде немногочисленных фрагментов, не дающих общего представления о раскрое и моделировке.

Среди бытовых кожаных предметов выделены детали и обрезки рукавиц-голиц (рис. 14: 3, 5—7), сумок (?) (рис. 14: 1, 2, 4, 8; 15: 9), 3 чехла для ножей (рис. 15: 11; 16: 2, 3), 3 детали игровых мячей (рис. 15: 2—4), различные ремни и завязки (рис. 15: 6—7, 10), прокладки-шайбы округлой формы с крупным отверстием в центре (рис. 15: 17), кожаный наперсток (рис. 15: 15), обшивки края (для сумок, войлочных попон и др.) (рис. 15: 5; 17: 7), усилители края (дополнительные детали, как правило подшивавшиеся с внутренней стороны и служившие для увеличения прочности потенциально подверженных разрыву участков кожаных изделий) (рис. 15: 1; 17: 6), прокладки в шов (для герметизации соединений, и не только в обуви). Встречена группа деталей, составляющая части одного или нескольких крупных изделий — одежды или кожаных обтяжек (может быть сундуков, ларей) и подобных предметов (рис. 16: 1; 17: 1—5).

Практически все предметы и изделия являются обычными для состава кожаных находок.

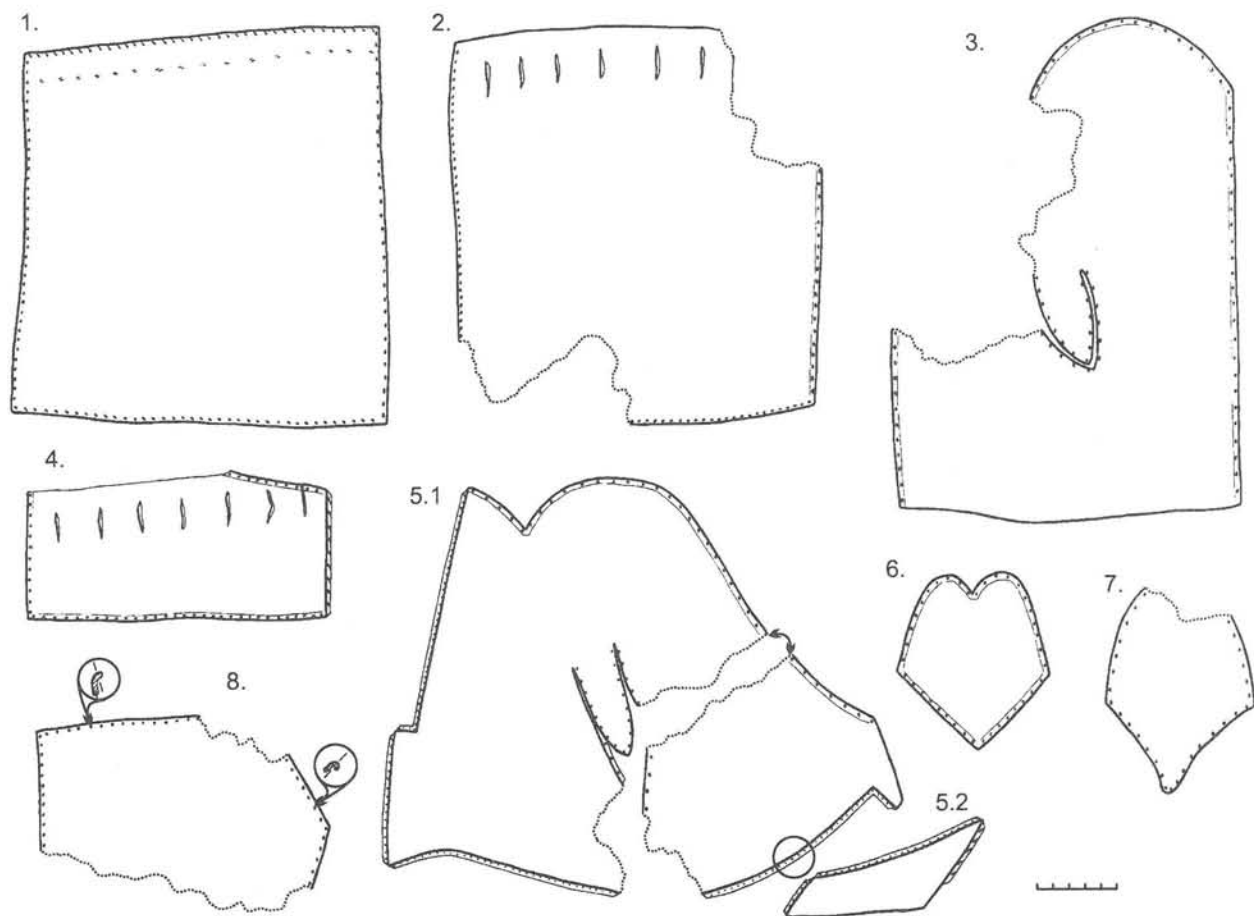

Рис. 14. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Бытовые кожаные изделия. 1, 2, 4, 8 — детали неопределенных изделий; 3, 5—7 — детали рукавиц.

Fig. 14. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Everyday leather articles. 1, 2, 4, 8 — parts of unidentified articles; 3, 5—7 — parts of mittens.

док в средневековых русских городах. Исключением можно назвать два обрезка неопределенных изделий из тонкой (0,8—1,0 мм), хорошей выделки кожи, с залощенной поверхностью и тиснением. Наиболее вероятные аналогии этим находкам известны по раскопкам Мангазеи. Это чехлы для компаса, изготовленные в одном из западноевропейских центров в XVII в. (Белов, Овсянников, Старков 1980: 126, рис. 28).

Ряд бытовых кожаных предметов, по манере оформления, находят аналогии в других коллекциях. Так, чехол для ножа, с фигурным обрезом устья и отверстиями для продевания ремешка в нем, закреплявшего рукоять ножа в чехле и одновременно служившего для подвешивания ножа к поясу (рис. 16: 3) находит близкие формы в Мангазее (Белов, Овсянников, Старков 1981: 80, рис. 14: 1, 2; 17; 73: 1). Обрезок чехла для ножа с тиснением по лицевой стороне продольными полосами и поперечными зигзагами (рис. 15: 11) также имеет сходный вид отделки в Мангазее (Белов, Овсянников, Старков 1981, рис. 73: 4), Ивангороде (Курбатов 1997: рис. 50: 5; 51: 1).

Кожаный наперсток, назначение которого определяется как по форме и размерам, так и по наличию множества наколов от давления ушка иглы, аналогичен многочисленным находкам т. н. обойм в Тверском кремле в слоях XIII—первой половины XV вв. (Курбатов 1997: рис. 8: 8).

В целом, кожевенно-обувная продукция с кремлевского раскопа 1998 г. может быть датирована XVI—XVII вв. и даже первой половиной XVIII в. Более ранняя датировка будет проблематичной ввиду отсутствия некоторых характерных моделей обуви XV в. и более ранней, известных нам по раскопкам в Новгороде, Пскове, Ивангороде и других городах (Изюмова 1959; Оятева 1962; Курбатов 1991; 1995; 1997). С другой стороны, присутствие моделей сапог со сквозным вертикальным швом, соединявшим подошву с верхом, которые имели повсеместное употребление в русских городах с конца XIII в. по XV вв. включительно, можно объяснять более длительным бытованием в Твери отдельных групп материальных предметов, по сравнению с наиболее развитыми центрами России того времени —

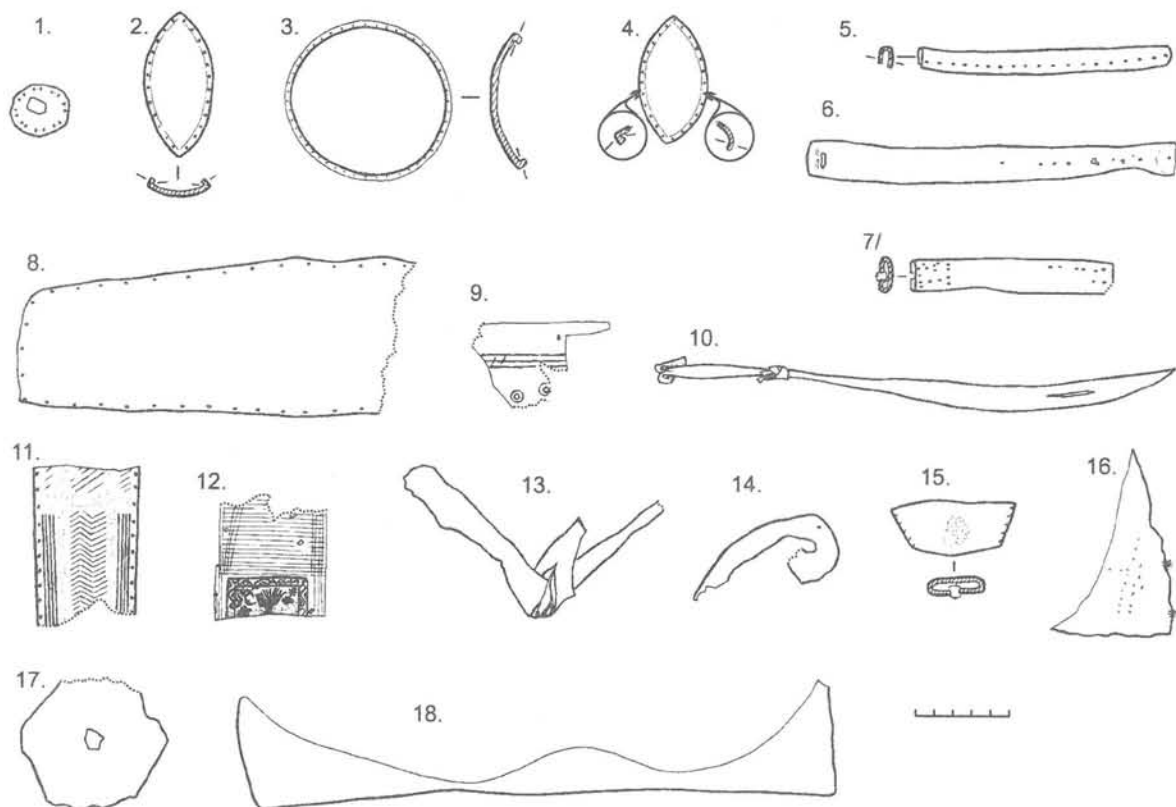

Рис. 15. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Бытовые кожаные изделия. 1 — усилительная накладка; 2—4 — детали игровых мячей; 5—7, 10 — ремни разного назначения; 8, 9, 12, 14 — неопределенные детали; 11 — обрезок чехла для ножа; 13 — узел; 15 — наперсток; 16 — обрезок с края кожного листа — подкладка при раскрое; 17 — шайба; 18 — обрезок от раскроя подошвы.

Fig. 15. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Leather articles for everyday use. 1 — strengthening cover; 2—4 — parts of playing balls; 5—7, 10 — belts of different purpose; 8, 9, 12, 14 — unidentified parts; 11 — a scrap of knife case; 13 — knot; 15 — thimble; 16 — a scrap of the edge of a leather sheet — laying-out pad; 17 — washer; 18 — a scrap from cutting a sole.

Москвой, Псковом и Новгородом (Кильдюшевский, Курбатов в печати).

Малочисленность обрезков от раскроя кожи не позволяет делать заключения о наличии в кремле в XVI—первой половине XVIII вв. многопрофильного кожевенного производства. Имеющиеся отходы от раскроя в подавляющей массе принадлежат толстому кожевенному сырью (толщиной 3—5 мм), употреблявшемуся для раскроя подошв или подметок. Это может свидетельствовать только о домашней деятельности по ремонту изношенной обуви, наложению заплат и подметок.

Погребальная обувь встречена в нескольких захоронениях взрослых и детей. Это однотипная по форме раскройки, однодетальная мягкая обувь, специально изготовленная для умерших. Раскройка представляет две продольно симметричные половины (боковины), скроенные в одну деталь, с вырезами в носке и пятке (рис. 18). По краям этих вырезов сохранились швы — точной, «через край» или выворотный. Тверские находки можно сопоставлять с изображениями монашеской обуви в Житии Сергия Радонежского, написанном в конце XVI—начале XVII вв. (Житие).

Археологическую аналогию, вероятно, дает погребение № 7 в Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора, где найден костяк ребенка 12—14 лет. «На ногах оказалась погребальная обувь хорошей сохранности, сделанная из одного куска кожи и сшитая только сверху у носка (постолы)» (Монгайт 1949: 98). В. Л. Янин считает его относительно поздним перезахоронением, не уточняя время (Янин 1988: 69).

Но показанные изменения в погребальной обуви не были повсеместными и строго соблюдаемыми. При раскопках городского некрополя конца XV—первой четверти XVIII в. в Твери на одном из погребенных найдены фрагменты кожаного сапога с поперечным тиснением головки, аналогичные широко распространенным в русских городах моделям конца XV—XVI вв. (Попова 1997: 271—276, рис. 3). Бытовая, носимая обувь, встречена и в ряде позднесредневековых могильников Западной Сибири (Малиновский 1995: 117—124).

В самое последнее время появилось сообщение о некрополе XVII—XVIII вв. в Москве на Манежной площади. Погребальная обувь отмечена кратко. «В 20,9% захоронений на

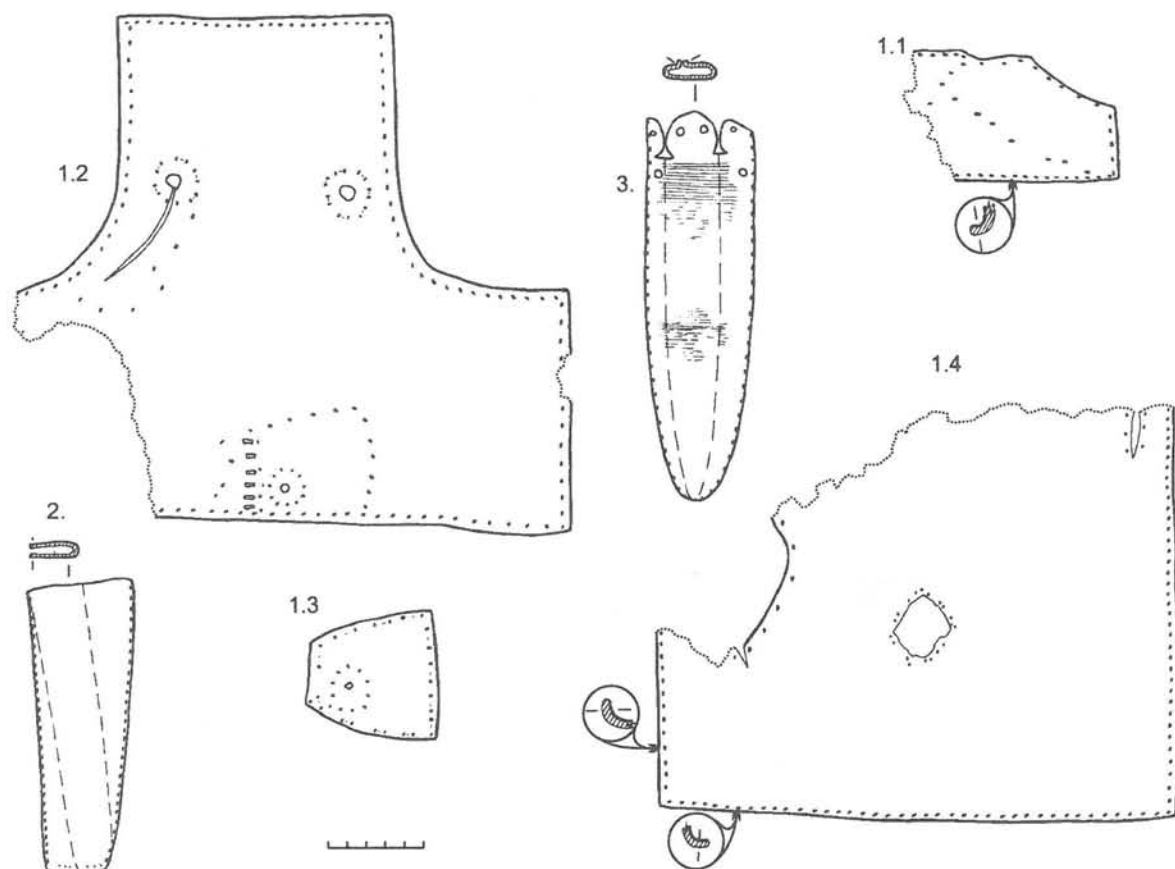

Рис. 16. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Бытовые кожаные изделия. 1.1—4 — детали от обтяжки крупных бытовых предметов; 2, 3 — чехлы для ножей.

Fig. 16. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Leather articles for everyday use. 1.1—4 — parts of covering of large domestic goods; 2, 3 — knife cases.

ногах погребенных обнаружена обувь разной степени сохранности: кожаные туфли, обувь из ткани, лапти. В лаптях было похоронено пять мужчин и двое женщин. Обувь из ткани сохранилась в трех женских и одном детском погребении» (Векслер, Беркович 1999: 192). Для подробного разбора обуви авторы отсылают читателя к статье А. Г. Векслера и Д. О. Осипова 1997 г. Но в этой статье разбирается только кожаная обувь из «горизонта усадебной застройки» (Векслер, Осипов 1997: 291). Это краткое сообщение интересно своим прямым соответствием позднейшим этнографическим данным.

Особенности погребального обряда у русских в XVII в., в том числе и одеяния покойных, отмечают в своих записках иностранцы. Однако, по известному описанию погребения царя Алексея Михайловича нельзя сделать вывод на интересующую нас тему. «Покойник сначала хорошо омывается и кладется в белую полотняную одежду. Ему надевают и башмаки из тонкой красной кожи и затем его кладут, с крестообразно сложенными руками, в гроб, выдолбленный из одного дерева. Такие гробы в разных местах города открыто продаются, большие

и малые» (фан-Кленка 1900: 436). Этот обряд описывает и Я. Стрейс в своем третьем путешествии (1668—69 гг.): «Мертвое тело моют, одевают в белую одежду, обувают в красную обувь и укладывают со скрещенными руками в деревянный ящик, сделанный из выдолбленного дерева» (Стрейс 1935: 172).

По этнографическим материалам для XIX—XX вв. у русского населения Европейской части России существовали несколько видов одежды, в которой хоронили, в том числе и одежда, специально приготовленная для похорон (Маслова 1984: 85 и сл.). В разных местностях России существовало много вариантов похоронной одежды. Обувь также имела большие локальные различия — от «специальных смертных лаптей», сплетенных особым способом, до валенок — даже, если хоронили летом (Кремлева 1997: 520—521).

Для сравнения можно отметить и выводы О. И. Коньковой о погребальном обряде финноязычного населения северо-запада России. По археологическим и этнографическим материалам можно представить доминирование в среде финноугорских народов представлений, что погребальная одежда должна

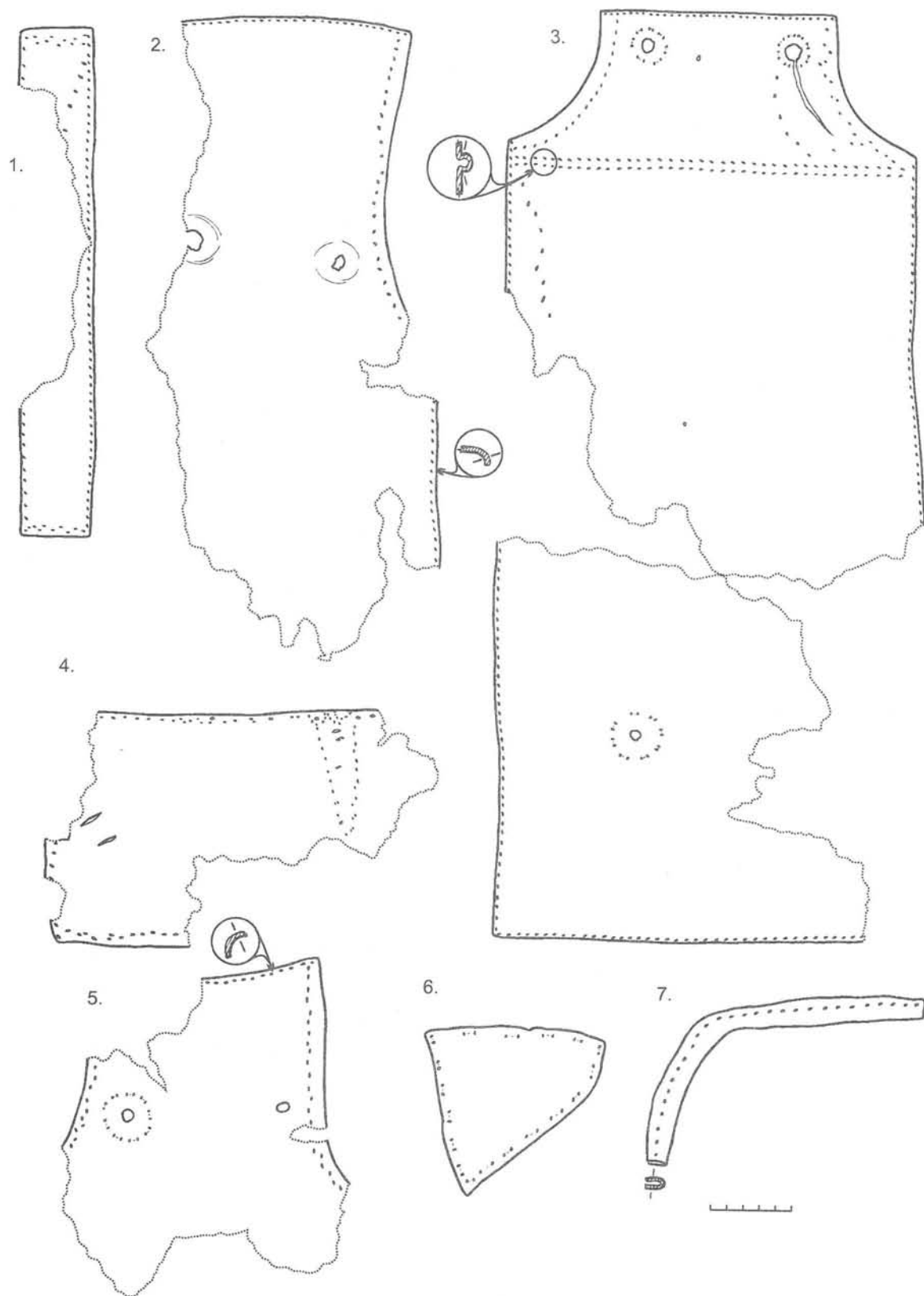

Рис. 17. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Бытовые кожаные изделия. 1—7— детали от обтяжки крупных бытовых изделий.

Fig. 17. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Leather articles for everyday use. 1—7 — parts of covering of large domestic goods.

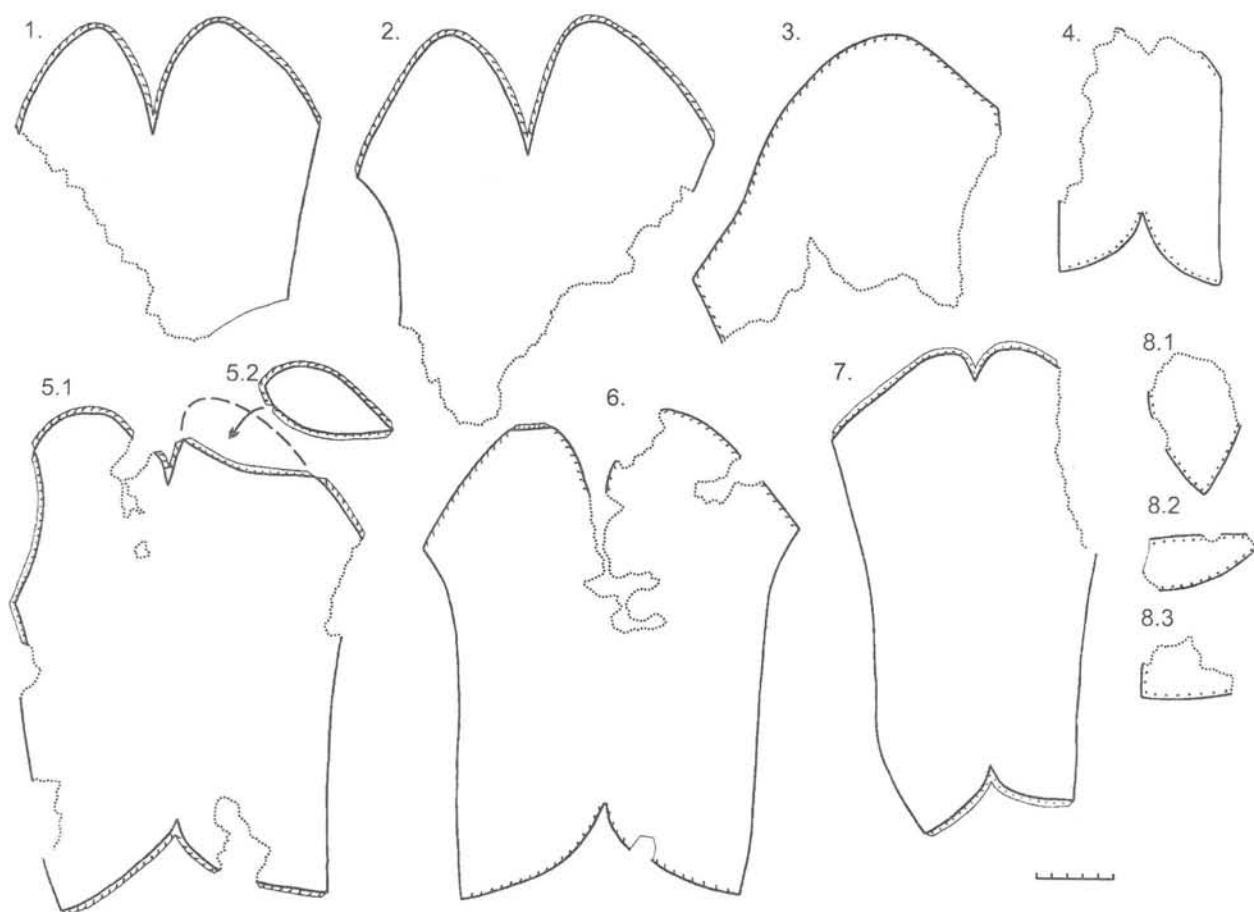

Рис. 18. Тверь-98. Раскоп на ул. Советской. Погребальная обувь.

Fig. 18. Tver-98. Excavation in Sovetskaya Street. Funerary footwear.

быть совсем новой, или лучшей прижизненной одеждой покойника, одеваемой по праздникам и в церковь, но не повседневной. Основное требование — чистота одежды. Карелки в XX в. на ноги покойника одевали специальные сшитые из холста прямые чулки архаического покроя без пятки. Особое стремление к архаичности проявилось в отношении обуви. Ее шили из тонкой кожи,

в обуви не должны присутствовать железные гвозди или шипы. Если покойника обували в сапоги или башмаки, то из них выдергивали железные гвозди, а северные корелы порой отрывали каблуки. Эти обычаи отражают представления, что одежда покойника должна соответствовать таковой же его ранее умерших родственников, с которыми он соединяется (Конькова 1999: 29—30).

Арциховский, А. В. 1930. Курганы вятичей. Москва.
 Бельская, Д. А. 1976. Кресты и иконы из курганов Подмосковья // Советская археология 4: 88—99.
 Белов, М. И., О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. 1980. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Ленинград.
 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Москва.
 Векслер, А. Г., Д. О. Осипов. 1997. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (по материалам 1994 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2: 291—296. Тверь.
 Векслер, А. Г., В. А. Беркович. 1999. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. Москва.
 Еришова, Т. Е. 1987. Скудельница средневекового Пскова // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков.

Еришова Т. Е., А. В. Курбатов. 1998. Погребальная обувь из раскопок псковской «скудельницы» XVI в. // Церковная археология 4: 103—106. Санкт-Петербург.
 Житие... 1853. Житие Преподобного и Богоносного Отца нашего Сергия Радонежского и всея России Чудотворца. Троице-Сергиева Лавра.
 Зыбин, Ю. П. 1960. Древнерусская обувь XII—XVI вв. Сообщение 3 // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности 5: 84—85. Киев.
 Изюмова, С. А. 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 192—222. Москва.
 Каргер, М. К. 1946. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935) // Советская археология VIII: 175—224. Москва.-Ленинград.
 фан-Кленка, Кунраад. 1900. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Санкт-Петербург.

- Кильдюшевский, В. И., А. В. Курбатов.* В печати. Традиционность в материальной культуре русской провинции позднего средневековья // Тверской археологический сборник.
- Копькова, О. И.* 1999. Мужчина и женщина в жизни после смерти (Археолого-этнографические заметки о погребальном обряде у финноязычного населения Северо-Запада России) // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Сборник Музея антропологии и этнографии LVII: 23—39. Санкт-Петербург.
- Кремлева, И. А.* 1997. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. Москва.
- Курбатов, А. В.* 1991. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980—1986 гг.) // Краткие сообщения Института археологии 205: 71—77. Москва.
1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // Российская археология 2: 198—219.
1997. Кожевенное производство в городах северо-запада России в XV—XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- 1997а. Кожевенное производство Твери XIII—первой половины XV вв. по раскопкам Тверского кремля 1993—1996 гг. // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь.
1999. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. Санкт-Петербург.
- Курбатов, А. В., О. В. Овсянников.* 1998. Кожаные предметы из раскопок Пустозерска // Третий Аввакумовские чтения. Нарьян-Мар.
1999. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // Археологические Вести 6: 245—271. Санкт-Петербург.
- Латышева, Г. П.* 1954. Раскопки курганов у станции Матвеевской в 1953 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Москва.
- Левашева, В. П.* 1959. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды Государственного исторического музея 33: 38—60. Москва.
- Макаров, Н. А.* 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII вв. Москва.
- Малшовский, В. Б.* 1995. К вопросу о реконструкции позднесредневековой обуви по материалам Барабинской лесостепи // Средневековые древности Западной Сибири. Омск.
- Маслова, Г. С.* 1984. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX—начала XX вв. Москва.
- Монгайт, А. Л.* 1949. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XXIV: 92—104. Москва-Ленинград.
- Мусин, А. Е.* 1997. Христианские древности Средневековой Руси IX—XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- 1997а. Погребальный обряд древнерусского монастыря: студийский устав, письменные памятники, данные археологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. Санкт-Петербург.
1998. Меч и крест: новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. Санкт-Петербург.
- Олейников, О. М.* 1999-А Отчет об охранных археологических исследованиях экспедиции Тверского государственного объединенного музея на улице Советской при ее реконструкции на территории кремля и б. Загородского посада г. Твери в 1998 г. // Архив ИА РАН.
- Панова, Т. Д.* 1990. Городской погребальный обряд средневековой Руси (XV—XVII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Пежемский, Д. В.* 1998. Погребения Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология 12: 138—153. Новгород.
- Попова, С. В.* 1997. Обувь из погребения у церкви Алексея-Человека Божия в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья 2: 271—276. Тверь.
- Оятва, Е. И.* 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 77—94. Ленинград.
1965. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 7. Ленинград—Москва.
- Рябишин, Е. А.* 1987. Работы Ижорской экспедиции // Археологические открытия 1985 г.: 28—30. Москва.
1988. Исследования памятников воды // Археологические открытия 1986 г.: 35—36. Москва.
2000. К истории христианизации Водской земли Великого Новгорода // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Санкт-Петербург.
- Сабурова, М. А.* 1988. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. Москва.
- Салимов, А. М.* 1996. Архитектурно-археологические исследования в Твери и Антониевом Краснохолмском монастыре // Археологические открытия 1995: 176—177. Москва.
- Стрейс, Я. Я.* 1935. Три путешествия. Москва.
- Тарасенко, В. Р.* 1957. Древний Минск // Материалы по археологии БССР 1: 182—258. Минск.
1950. Раскопки Минского замчища // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 35: 122—128. Москва-Ленинград.
- Церковная археология.* 1995. Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции 1: 71—85, 87—118; 2: 69—76. Псков. Санкт-Петербург.
1998. Церковная археология: Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции 4: 130—132; 136—140; 196—199; 286—291; 317—318. Санкт-Петербург.
- Якушина, Л. И.* 1949. Ткани из раскопок в Софийском Новгородском соборе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XXIV: 105—107. Москва-Ленинград.
- Яши, В. Л.* 1988. Некрополь Новгородского Софийского собора. Москва.

THE FUNERARY FOOTWEAR IN THE MEDIEVAL RUS

A. V. KURBATOV

In this paper, one of the elements of funeral rites — footwear — is considered as an indication of the wide propagation of norms of Orthodox

religious views among the population. In the Medieval burials within the territory of Rus, archaeologists find exclusively leathern footwear. Here

we are dealing with the materials from excavations in various towns and areas in Rus, as well as late Medieval finds from Siberia which have preserved well enough to restore the cut and shape of an article. These excavations include those conducted by A. V. Artsikhovskiy in Tushino (near Moscow), by A. I. Cherepnin in the Monastery of Pronsky Uyezd. and of Malive Egoryevsky Uyezd, at the barrow near the railway station of Matveevskaya (excavated by G. P. Latysheva), excavation of a burial in Minsk, those of the Martiryevskaya Parvis and St.-George's Cathedral in the Yuryev Monastery in Novgorod, burial field on the Izhora Plateau in the Leningrad Oblast (excavated by E. A. Ryabinin), the Antoniev-Krasnokholmsky Monastery (A. M. Salimov), urban necropoleis of Petrovskiy II and III in Pskov, excavation areas Troitsky V and XI in Novgorod, excavation area

of 1998 in the Tver Kremlin (O. M. Oleynikov), and elsewhere.

Discussed in particular detail are the materials from the Pskov '*skudel'nya*' (collective grave) and the excavations of 1998 in Tver. On the basis of these and some other finds, the author has identified forms of funerary footwear of a special cut which appears in funerary sets not earlier than the 16th century. In burials dating to the previous periods, only forms of the usual footwear, similar to the types known from various Russian Medieval towns, have been encountered. In later periods however, also the use of the 'everyday' footwear in burials is continuing. To the author's opinion, the appearance of special funerary footwear, as possibly also of special clothes, used when burying laymen, reflects the stage of a deeper intrusion of the norms of behaviour inculcated by the Orthodox Church into the practice of wide strata of the population.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

С. А. СЕМЕНОВ, КОСТЕНКИ, ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЕ

Е. Ю. ГИРЯ, АНА РЕСИНО ЛЕОН¹

Актуальность идей С. А. Семенова в современной археологии. Юбилейная конференция, посвященная памяти профессора Сергея Аристарховича Семенова оказалась уникальной как по количеству участников (более 120 только иностранцев), так и по их составу (кроме США и почти всех стран Европы, приехали даже представители Австралии и Южной Африки). Это был поистине международный симпозиум, инициатива организации которого исходила как от российских, так и от зарубежных ученых. Столь представительный съезд — свидетельство безусловного мирового признания значимости семеновского наследства, плодотворности и притягательности его идей, которые сейчас, по истечении многих лет после ухода из жизни С. А. Семенова, все еще остаются популярными, находят своих последователей среди всех новых поколений молодых археологов.

Пожалуй, ни один из сотрудников нашего института, за все долгие годы его существования, не удостоился столь бесспорного международного признания, а главное — столь продолжительной научной жизни. Причиной тому — все еще существующая острая актуальность проблем, исследованию которых С. А. Семенов посвятил свою жизнь (Коробкова 1999: 3—5).

Однако, настолько ли всеобщее признание трасологии сейчас? Можем ли мы с уверенностью говорить о том, что изучение следов износа на древних изделиях стало обязательной и повсеместной практикой археологов? — Нет. До сих пор, ни в России, ни в других странах, положение трасологии в науке отнюдь не таково.

Среди трасологов, как российских так и зарубежных, авторитет С. А. Семенова непререкаем, практически все авторы новых разработок в области трасологии признают в нем своего предшественника. Но во всем ли мы, работающие сейчас, следуем С. А. Семенову? Достаточно ли хорошо мы, пришедшие после него, представляем себе какой именно методикой пользовался сам С. А. Семенов, каким образом он работал?

С. А. Семенов и его метод экспериментально-трасологического анализа. Лично нам не приходилось видеться с С. А. Семеновым, не удалось присутствовать на его докладах и лекциях. Но нас всегда интересовало все, что было связано с именем этого выдающегося археолога уже потому, что многие положения его экспериментально-трасологической методики проходили опробование в ходе анализа артефактов из Костенок, с которыми связана большая часть нашей «археологической жизни».

Давно стало нормой связывать имя С. А. Семенова с «трасологией». Сам термин, заимствованный им из криминалистики, очень удачен. Он четко определяет суть разработанного им метода, и, как нам представляется, гораздо более точен, чем популярный на Западе «use-wear» (износ использования). Ведь трасологи изучают не только микро следы от работы, но и следы от рукоятей, от залегания в слое и т. д.

Однако, С. А. Семенов никогда не сводил свой метод только лишь к анализу микроизноса. Трасология — основная, но не единственная из составляющих его экспериментально-трасологического метода. По С. А. Семенову,

¹ Е. Ю. Гиря. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

Ана Ресино Леон. Россия. 199034. Санкт-Петербург. Менделеевская линия, д. 5/2. Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет, кафедра археологии.

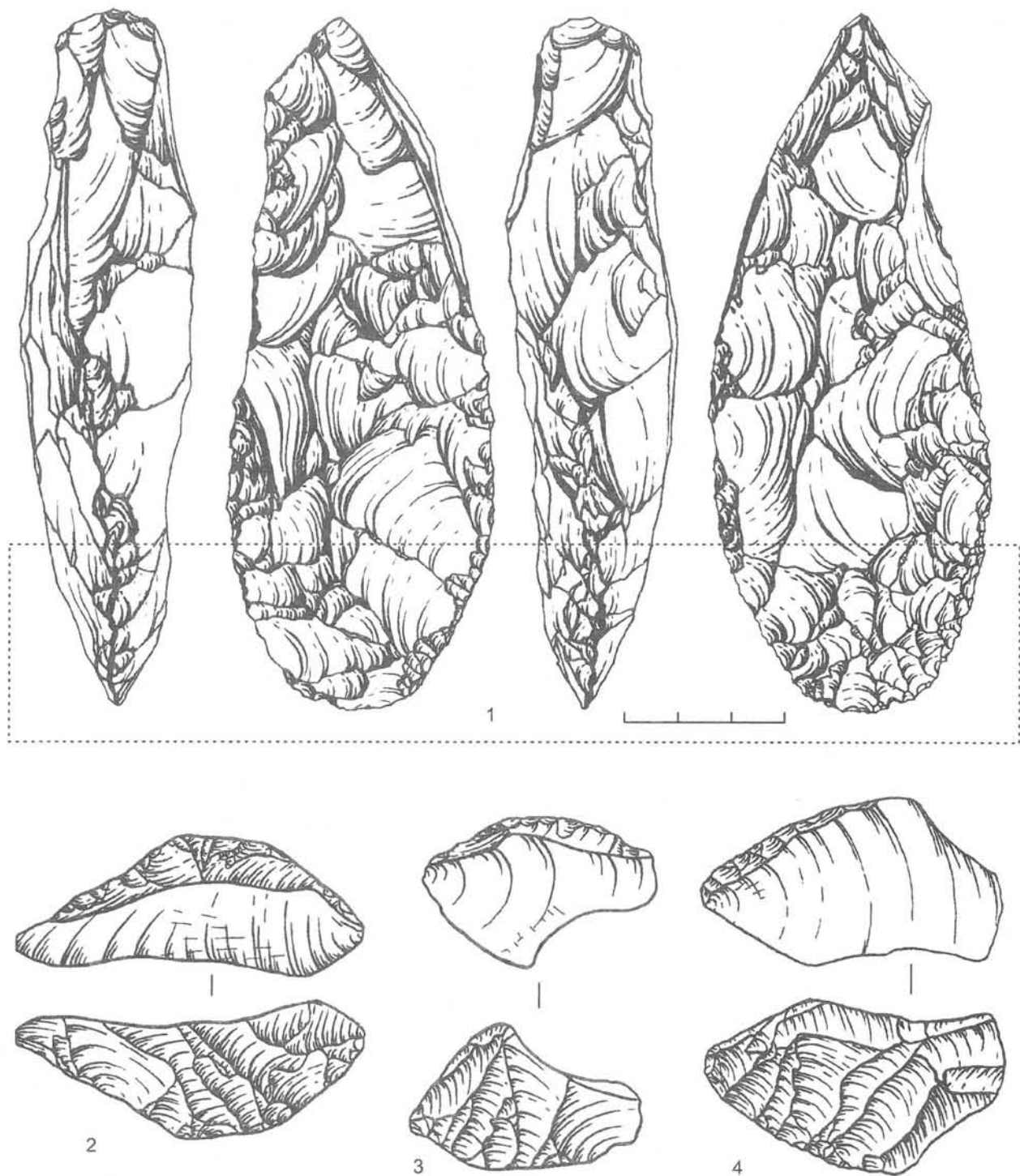

Рис. 1. 1. Изделие из Костенок 1 (верхний слой), определенное С. А. Семеновым как «топор». Штриховая линия очерчивает зону распространения следов износа; 2—4. Сколы с изделий типа «костянокаменных топоров», со следами износа на дорсальных поверхностях.

Fig. 1. 1 — An artefact from Kostenki 1 (upper layer), defined by Semenov as an «axe»; shading denotes zone of wear traces distribution. 2—4 — specialised spalls from artefacts of the 'Kostenki axe' type with traces of wear on their dorsal surfaces.

экспериментально-трасологический анализ предполагает использование единой методики для изучения следов использования и следов обработки (включая расщепление камня). То есть, он не разграничивал трасологический и технологический подходы, не разделял их. Тем не менее, в интересах анализа, его эксперимен-

тально-трасологическая методика может быть разделена на две части: собственно трасологическую и технологическую.

Не случайно и в России, и за рубежом С. А. Семенов известен прежде всего как функциолог, его технологические реконструкции были либо не всегда точны, либо сильно

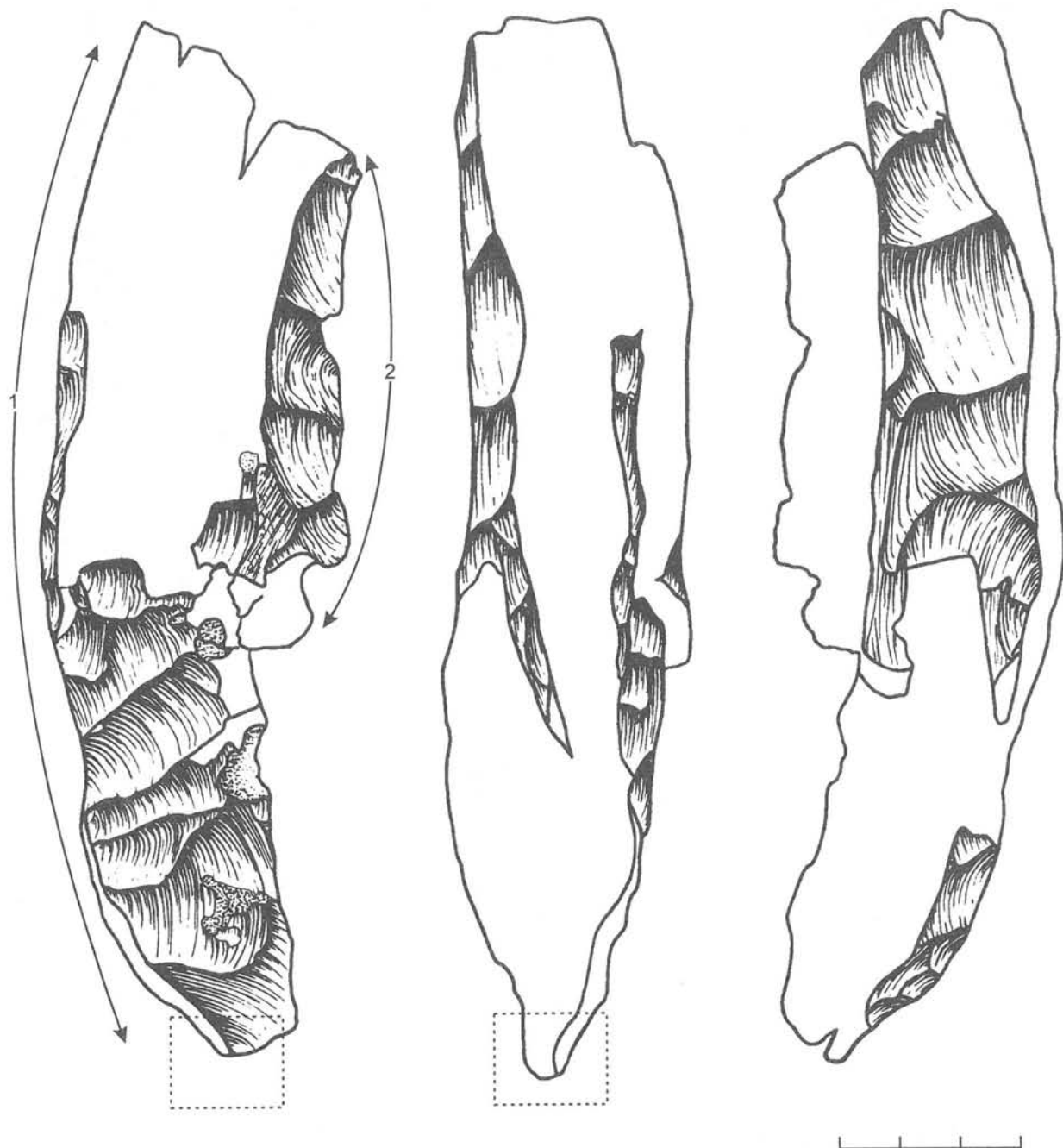

Рис. 2. Складень из пластин, найденных в кладе, реконструирующий форму пренуклеуса-«топора костенковского типа». Штриховая линия очерчивает место расположения остатков поверхности со следами износа. 1 — переднее ребро; 2 — заднее ребро.

Fig. 2. Refitting composed of blades found in one cache — reconstruction of the precore shape — 'Kostenki axe'. Shading denotes remains of areas with traces of wear.

уступали в новизне функциональным. Более того, как это ни парадоксально звучит, его функционально-трасологические и технологические разработки, вопреки воле автора, практически всегда жили «раздельной жизнью». Иногда эти две составляющие метода С. А. Семенова даже вступали в противоречие друг с другом — трасологические данные опровергали его же технологические представления. К примеру, С. А. Семенов не точно интерпретировал назначение абразивной обра-

ботки при производстве призматических пластин (Semenov 1970: 3), вообще отрицал возможность ручного отжима пластин из кремня (Семенов 1968: 46), выдвигал иные фантастические гипотезы о способах расщепления (Семенов 1957: 71; 1968: 56, рис. 12). Отчасти, тому виной то, что сам он кремль расщеплять не умел или не любил.

Основная же причина этих неудач заключалась именно в методе исследования. Сама природа происхождения следов утилизации и

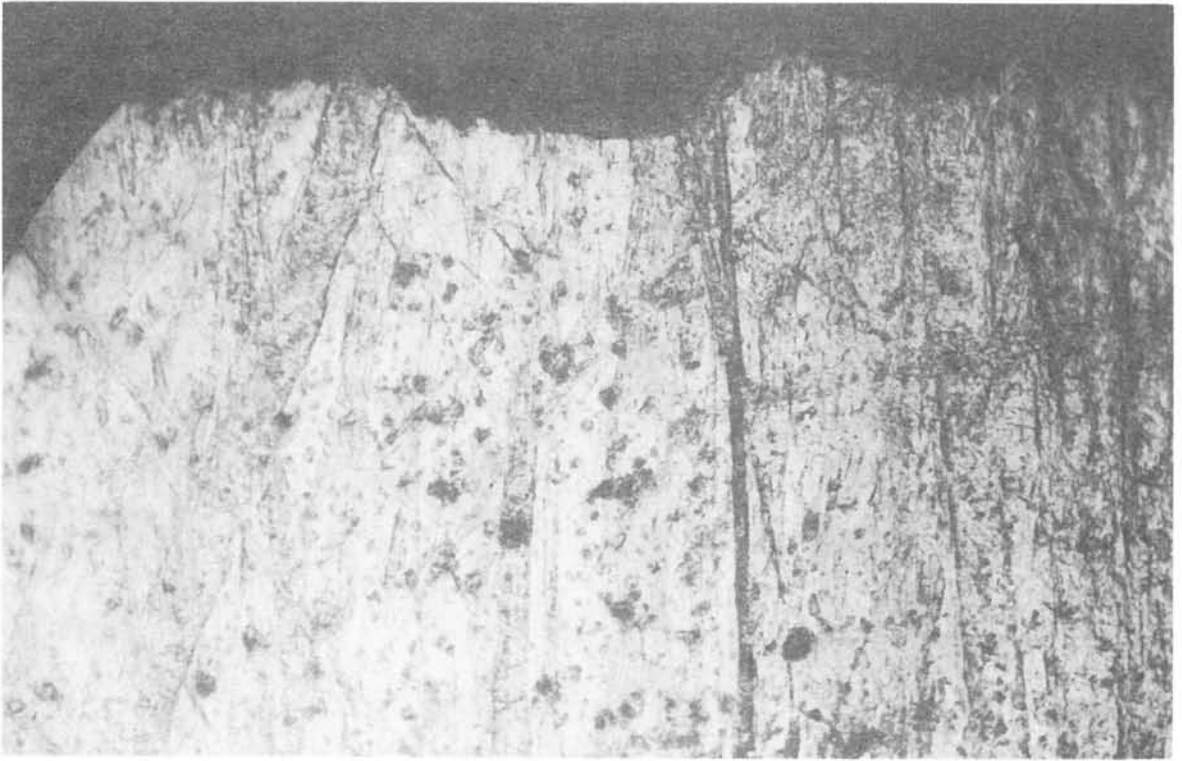

Рис. 3. Следы износа на одном из «костенковских топоров». Снимок участка, удаленного от кромки рабочего края на 1 см. Увеличение в 50 раз, встроенное (через объектив) освещение.

Fig. 3. Use-wear traces on a 'Kostenki axe'. Photo of an area at a distance of 1 cm from the working edge; enlarged 50 times, incident lighting (through the objective).

Рис. 4. Следы износа на экспериментальном изделии типа «костенковского топора». Копание-рыхление суглинка. Оружие было закреплено в рукояти как наконечник палки-копалки. Время работы — 2 часа. Снимок участка, удаленного от кромки рабочего края на 1 см. Увеличение в 50 раз, встроенное (через объектив) освещение.

Fig. 4. Use-wear traces on an experimental 'Kostenki axe' type tool after 2 hours of work — digging and hoeing of loamy soil. The tool was fixed in the shaft like the point of a digging stick. Photo of an area at a distance of 1 cm from the working edge; enlarged 50 times, incident lighting (through the objective).

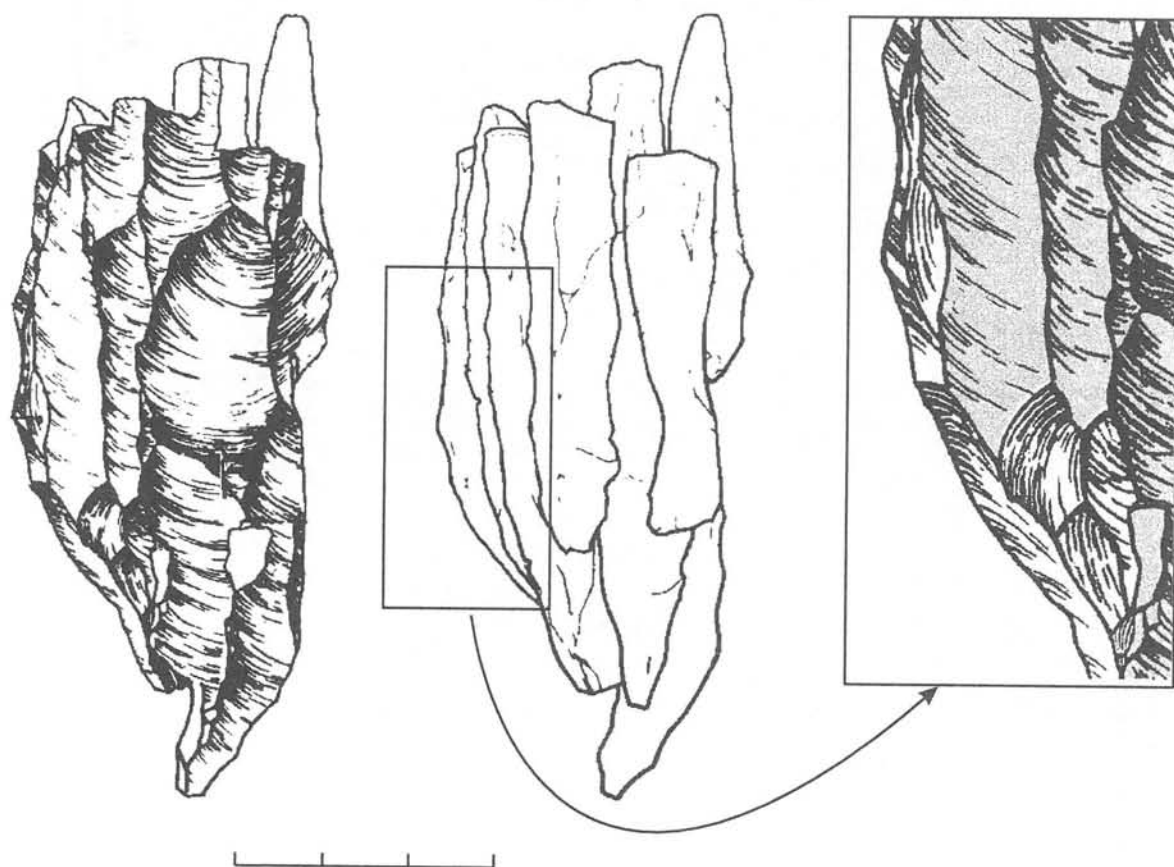

Рис. 5. Складень из пластин, найденных в кладе, с сохранившимися частями поверхности пренуклеуса со следами транспортировки.

Fig. 5. Refitting (composed of blades found in the cash) showing remains of the surface of a pre-core with traces of transportation.

следов обработки настолько различна, что они не могут и не должны изучаться по одной методике. То, что подлежало технологическому анализу, изучалось С. А. Семеновым сквозь «призму функции». В результате возникали досадные недоразумения. Парадоксальность семеновского подхода этим не исчерпывается. С одной стороны, во многом уповая на трасологию, он почти столь же свято верил в доказательность археологического эксперимента: не смогли отжать ни одной пластины — значит это невозможно вообще. С другой — в иных ситуациях, казалось бы безусловно требующих экспериментальной проверки, он экспериментов не делал, полагаясь на чистую аналитику.

Тенденция функциональной интерпретации как типологических так и технологических проблем безусловно доминирует в работах С. А. Семенова (Семенов 1957: 5—13; 1970: 4—5; 1968: 5; 1983: 6—7). При определении типов орудий, функция имела для него особое, определяющее значение. Он даже настаивал на присвоении типам двойных наименований, первое из которых должно было быть функциональным, а второе — морфологическим (Семенов 1970: 6). Иными словами, он предлагал

классифицировать не только и не столько формы, сколько следы. Сравнивая, коррелируя формально-типологические типы со следами на конкретных изделиях, С. А. Семенов пришел к выводу о «полифункциональном характере многих палеолитических орудий» (Семенов 1983: 6).

Определение типов изделий каменной индустрии верхнего слоя стоянки Костенки 1. Занимаясь анализом артефактов из верхнего слоя стоянки Костенки 1, мы никогда не ставили себе задачу проверить правильность определений С. А. Семенова. Однако, нам совершенно невольно приходилось анализировать аналогичный материал, а в некоторых случаях буквально те же самые предметы, которые когда-то, пятьдесят и более лет назад были в его руках. Цель наших исследований была отчасти такой же, как и у С. А. Семенова — определить основные типы изделий из камня и их назначение. Однако, по прошествию стольких лет, задачи и методы исследования несколько изменились. Опираясь на опыт С. А. Семенова, мы не стремились связать формально-типологические типы с определенными функциями, а пытались построить интегрированную клас-

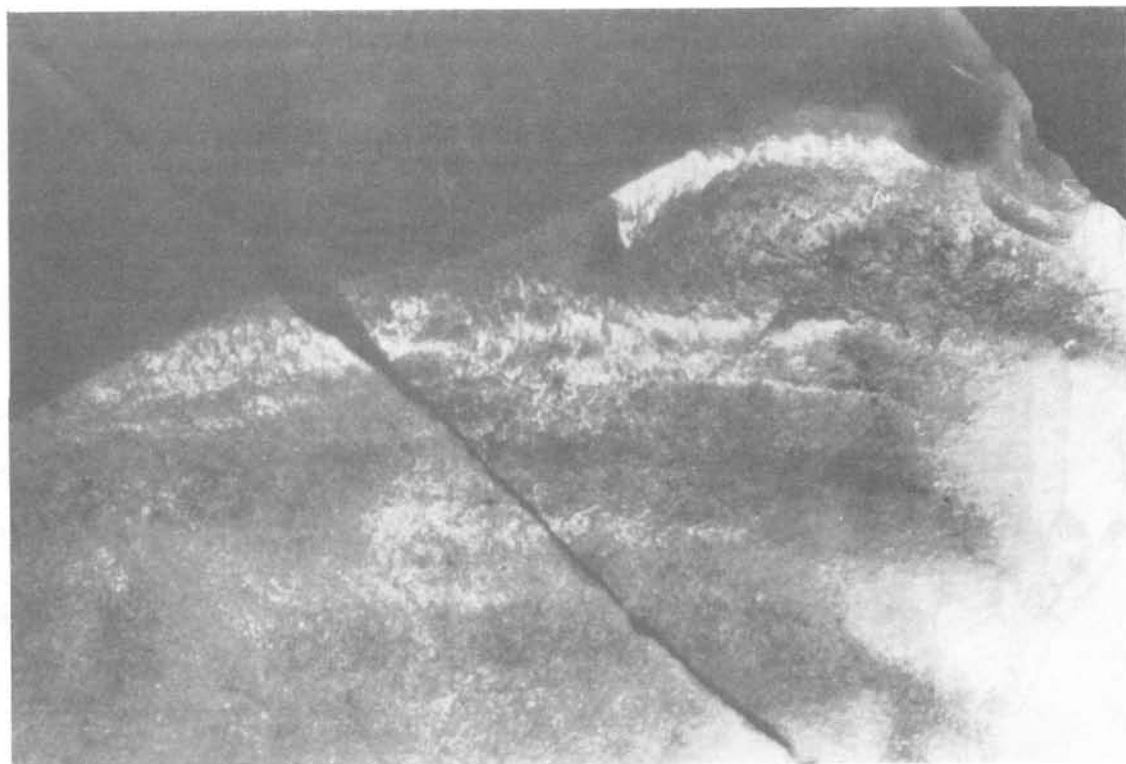

Рис. 6. Пятна сплошной заполировки (типа «G» или «bright spot»), разделенные двумя пластинами. Складень из пластин, найденных в кладе. Сохранились остатки поверхности пренуклеуса со следами транспортировки. Макро-фото, увеличение в несколько раз, косое освещение.

Fig. 6. Spots of compact polish («G» type or «bright spots») separated by two blades. Refitting (composed of blades found in the cash) showing remains of the surface of a pre-core with traces of transportation. Macro-photo enlarged several times, oblique lighting.

сификацию, учитывающую комплекс различных оснований — всех тех, что были доступны в ходе наших исследований. Таким образом, при учете результатов технологического и функционального анализов (следов утилизации и следов обработки), в качестве основ для наших классификаций были использованы не аналогичные формы изделий или следов самих по себе, а признаки, безусловно отражающие аналогичные типы древнего поведения.

Топор или нуклеус? Одной из наиболее известных форм артефактов из Костенок I (слой 1) является изделие, определенное С. А. Семеновым как «топор» (рис. 1: 1), (Семенов 1950; 1957: 150—155).

Последние исследования этого предмета и ряда подобных ему форм показали, что все они использовались в качестве нуклеусов, точнее — заготовок для нуклеусов (пренуклеусов). Это подтверждается наличием достаточного количества складней пренуклеусов, собранных из пластин, обнаруженных в ходе последних раскопок Костенок I (слой 1) под руководством А. Н. Рогачева и Н. Д. Праслова. Один из таких складней показан на рис. 2 — отдельные пластины в сборе восстанавливают поверхность пренуклеуса, оформленного негативами снятий с переднего и заднего ребра.

В ходе раскопок первого слоя Костенок I, пластины, полученные от расщепления одного нуклеуса, были неоднократно найдены «in situ» в специальных местах хранения — «кладах». Все или почти все они были использованы как орудия в различных операциях, чаще всего как ножи для резания мяса, шкуры и/или строгания дерева.

Семеновский «топор» и другие пренуклеусы имеют в своей нижней части (рис. 1: 1; 2) весьма выразительные следы использования (рис. 3). Это очень интенсивная далеко заходящая (2 см и более) мягкоабразивная заполировка, сильно сглаживающая ребра и выступы на поверхности орудия, проникающая внутрь мелких депрессий, с многочисленными линейными следами различной ширины и глубины, и микро ямками нерегулярной формы. Кромка рабочего края, в тех местах, где она сохранилась, очень сильно скруглена. Такие же следы обнаружены и на ряде специализированных сколов, морфология которых свидетельствует о том, что они были сняты именно с нижних частей пренуклеусов, с переднего или заднего ребра (рис. 1: 2—4). Конечно же, эти следы не могут интерпретироваться как следы от рубки дерева. Вероятно, столкнувшись со столь впечатляюще яркой картиной следов, во время исследования «топора», С. А. Семенов просто

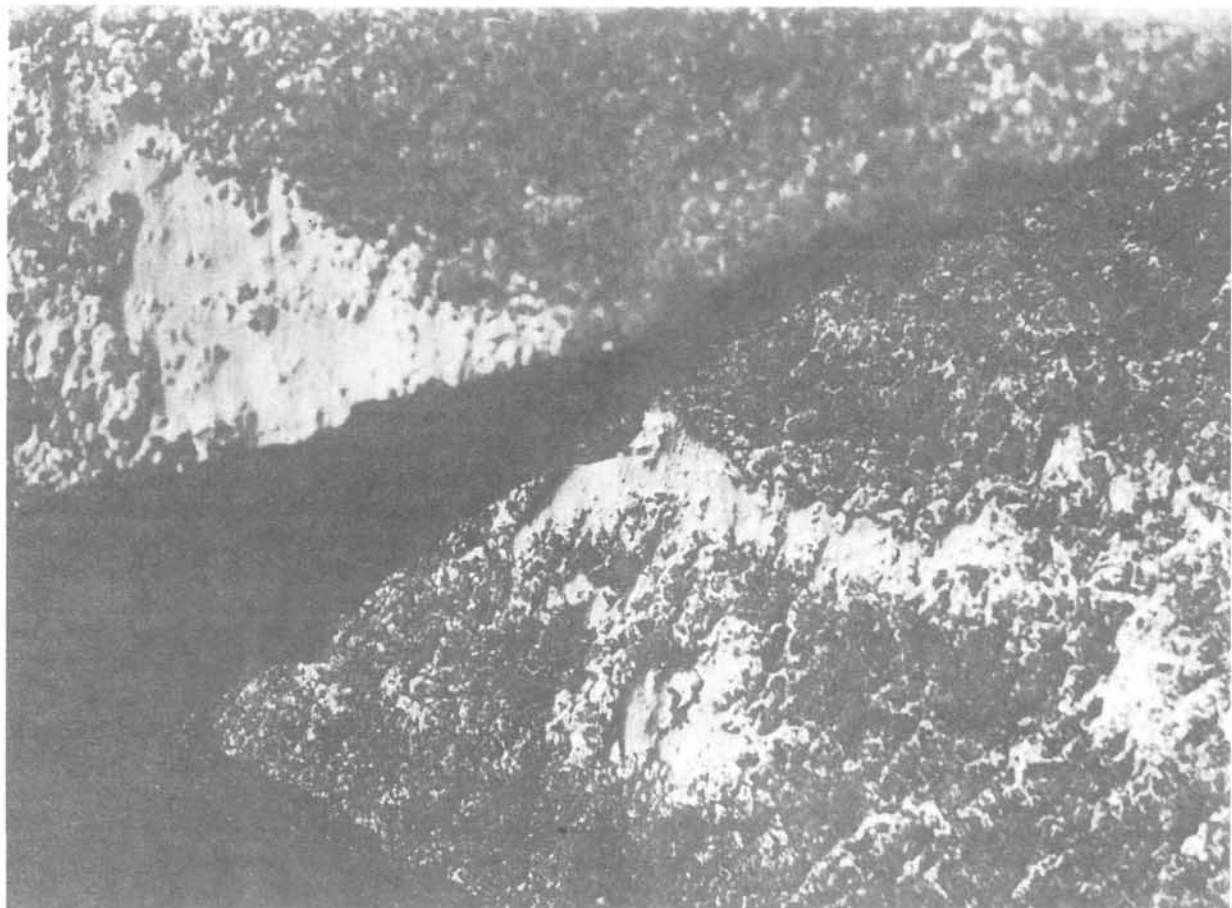

Рис. 7. Пятна сплошной заполировки (типа «G» или «bright spot»), разделенные двумя пластинами. Складень из пластин, найденных в кладе, с сохранившимися частями поверхности пренуклеуса со следами транспортировки. Видны трещины и направленность заполировки, а также царапины на ее поверхности. Микрофото, увеличение в 50 раз, встроеное (через объектив) освещение.

Fig. 7. Spots of compact polish (of «G» or «bright spot» type) separated by two blades. Refitting (composed of blades found in the cash) showing remains of the surface of pre-core with traces of transportation. Cracks and the orientation of polish are visible, as well as scratches on the surface. Micro-photo — enlarged 50 times, incident lighting (through the objective).

не делал экспериментов. По выражению Щелинского, в те годы метод С. А. Семенова был аналитическо-трасологический (В. Е. Щелинский, *личное общение*). Работая в Костенках, нам удалось получить весьма близкие следы в ходе экспериментов по копанию суглинков (рис. 4).

На одном из костенковских складней призматического нуклеуса, сохранившем остатки поверхности пренуклеуса-топора (рис. 5), был отмечен резкий контраст в трасологическом облике двух указанных поверхностей. Поверхность пренуклеуса (негативы от снятия сколов оформления — отщепов) выглядела сильно изношенной: многочисленные короткие глубокие царапины, затертость всей площади и особенно — ребер, множество микроконических и кольцевых трещин. В то же время, поверхность нуклеуса (негативы от снятия заготовок — призматических пластин) — имела почти совершенно «свежий» вид.

На поверхности пренуклеуса имелось большое пятно сплошной заполировки, очень по-

хожее на следы от «залегания в слое» или хорошо известной всем трасологам заполировки типа «g», «bright spot» (рис. 6). На поверхности данного пятна прослежены отдельные царапины и кольцевые трещины от микроконусов (рис. 7). Это пятно никогда бы не привлекло особого внимания, если бы не одно обстоятельство — оно располагалось на поверхности сразу двух соединенных в складень пластин. То есть — пятно существовало еще до того, как данные пластины были сняты с нуклеуса, во время расщепления пятно было разделено пластинами. Все пластины, составляющие данный складень нуклеуса, как и многие другие, были обнаружены в ходе раскопок у самого входа в жилище, в «кладе», внутри полости черепа мамонта. Часть пластин является орудиями и имеет следы использования. Две пластинки, разделившие пятно сплошной заполировки, лежали в одном месте, но не рядом. В индустриях нижележащих слоев Костенок I использовали кремль иного качества. Данный тип нуклеуса не чужеродный для индустрии Косте-

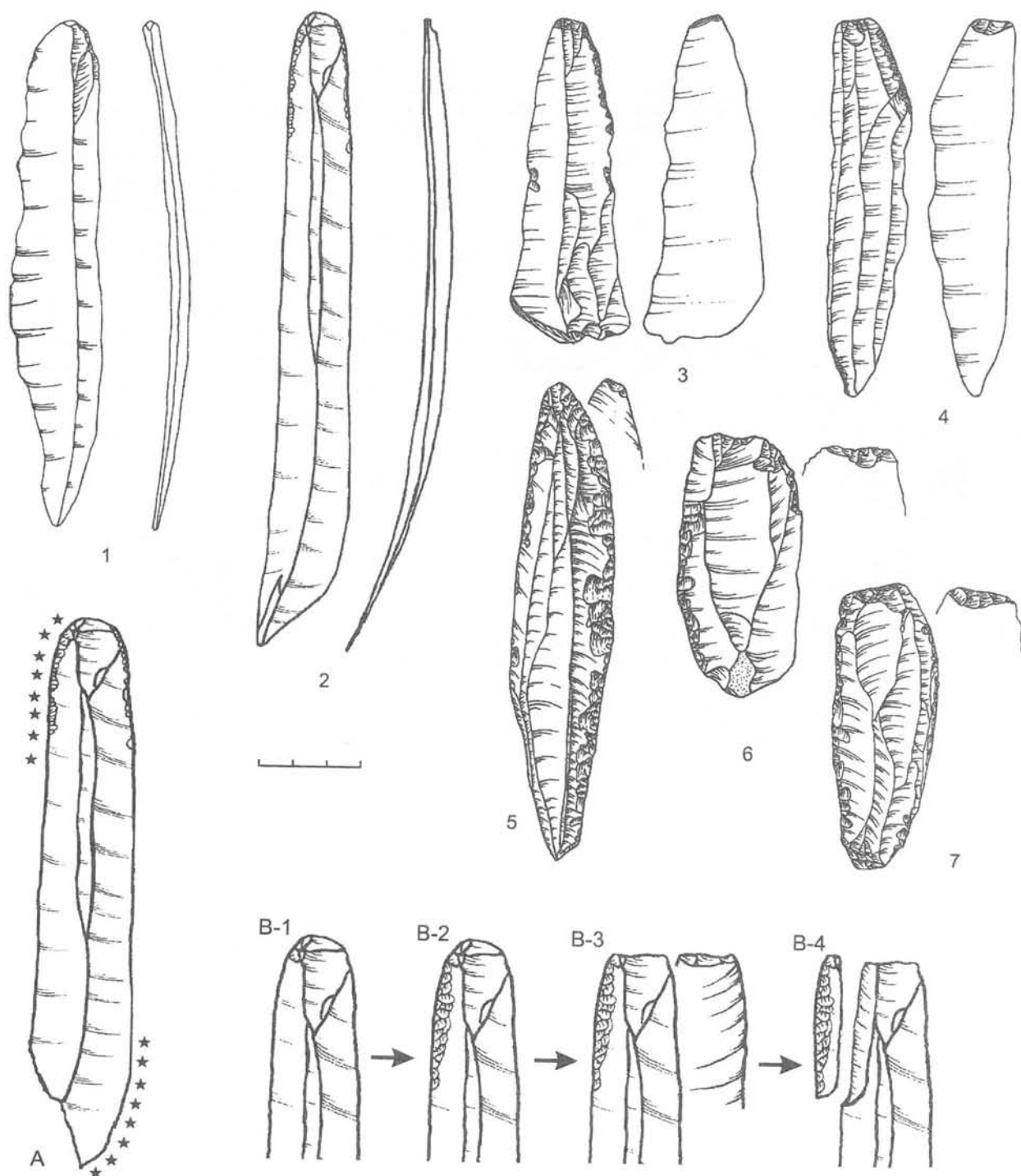

Рис. 8. Ножи костяного типа (1—7). А — схема наиболее типичных мест расположения рабочих кромок. В — схема технологической последовательности — способ приострения орудий типа «костяных ножей».

Fig. 8. Knives of the Kostenki type. A — scheme showing the most typical positions of working edges. B — scheme showing technological sequence — the way of the 'Kostenki knives' type tools sharpening.

нок 1 (верхний слой), он является единственным и характерным для этой технологии типом. Маловероятно, что это ядрище долго лежало в слое, приобрело описанные следы, после чего было найдено обитателями Костенок 1 (верхний слой) и использовано для производства пластин. На пренуклеусах из «местного» (моренного) цветного кремня таких следов обнаружено не было. Ближайшие выходы

мелового кремня данного типа находятся в 350—500-х километрах от Костенок.

Контраст в трасологическом облике указанных поверхностей может быть объяснен совместной транспортировкой нескольких таких пренуклеусов в мягкой таре, где они, находясь в плотном контакте, ударялись и терлись друг о друга. Экспериментальным путем нам удалось получить весьма похожие

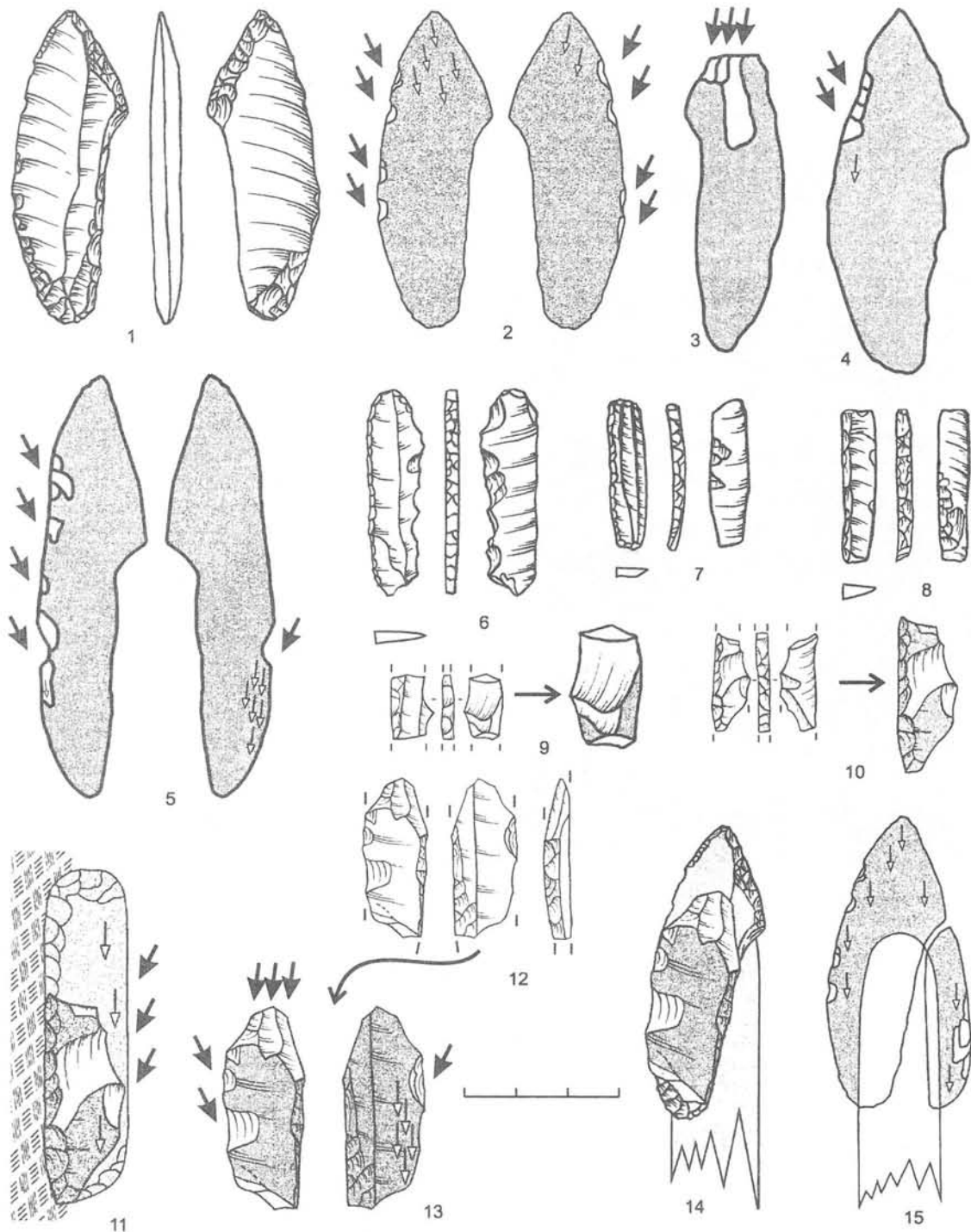

Рис. 9. Наконечники с боковой выемкой и пластинки с притупленным краем из Костенок I (1-й слой). 1—2. Наконечник с боковой выемкой и схема расположения плоской чешуйчатой выкрошенности, линейных заполировок и продольных царапин на его поверхностях; 3 — Метательный износ — схема чешуйчатого выкрашивания типа spin-off; 4—5 — Метательный износ — схемы расположения бокового чешуйчатого выкрашивания, продольных царапин и линейных микрозаполировок; 6—8 — Пластинки с притупленным краем со следами метательного износа — боковой чешуйчатой выкрошенности; 9, 9a-10, 10a — Части пластинок с притупленным краем, фрагментированные в результате метательного износа; 11 — Схема реконструкции ППК по сохранившемуся фрагменту и расположение следов метательного износа; 12 — Обломок наконечника с боковой выемкой, фрагментированный в результате метательного износа (spin-off — боковая чешуйчатая выкрошенность); 13 — Схема расположения следов метательного износа — чешуйчатой выкрошенности, линейных заполировок и царапин, на фрагменте наконечника с боковой выемкой; 14 — Схема реконструкции НБВ по сохранившемуся фрагменту; 15 — Гипотетическая реконструкция возможного совместного использования ППК и НБВ в едином составном наконечнике.

Fig. 9. Shouldered points and backed blades from Kostenki I (1). 1—2 — a shouldered point and scheme of distribution of the flat scars of edge damage, linear polishes and lengthwise scratches on its surfaces. 3 — projectile damage (scheme illustrating the position of the lateral flaking of the 'spin-off' type, lengthwise scratches and linear micro-polishes. 6—8 — backed blades with traces of projectile damage (lateral flaking of the backed blade on the basis of a fragment preserved) and the distribution of traces of projectile damage. 11 — scheme showing reconstruction of a backed blade (on the basis of a fragment preserved) and the distribution of traces of projectile damage. 12 — fragment of a shouldered point broken owing to projectile use (spin-off and lateral flaking). 13 — scheme of projectile use-wear traces distribution (breakage, flaking, linear polishes and scratches) on a shouldered point fragment. 14 — scheme of shouldered point reconstruction, made on the basis of the preserved fragment. 15 — hypothetical reconstruction of possible combined use of a shouldered point and backed blades in a single composite point.

Рис. 10. Метательный износ — микрофото поверхности наконечника с боковой выемкой (рис. 9: 1). Чешуйчатая выкрошенность, а также связанные с ней продольные царапины и линейная заполировка в 1 см от острия по левому краю спинки. Микрофото, увеличение в 50 раз, встроенное (через объектив) освещение.

Fig. 10. Projectile use-wear traces — micro-photo of the shouldered point surface (fig. 9: 1). Flaking and related lengthwise scratches and linear polish, 1 cm from the edge on the left side of the dorsal side. Micro-photo enlarged 50 times, incident lighting (through the objective).

следы на поверхности кремневых изделий в ходе их продолжительной транспортировки. Оказалось, что одним из решающих условий для возникновения подобного износа является вес. Куски кремня должны быть более 1 кг. Наибольшие пятна сплошной заполировки были получены от контакта «корка кремня — кремень».

Таким образом, суммируя все вышесказанное о костенковских «топорах», можно констатировать, что данная форма достаточно четко коррелируется с различными действиями: транспортировкой, рытьем земли и получением призматических пластин. Последние служили в качестве орудий и заготовок для орудий, использовались различным образом, при этом, по крайней мере некоторое время, хранились вместе, в специально подготовленных местах.

То есть, в данном случае, мы наблюдаем связь одной формы артефакта с несколькими типами древнего поведения, — достаточно определенными, но различными по сути действиями.

Ножи костенковского типа. Ножи костенковского типа — наиболее часто встречаемый тип кремневых изделий, обнаруженных *in situ* в кладах. С. А. Семенову принадлежит «пальма первенства» в определении функции и назначения этой категории изделий. Трудно согласиться лишь с технологической частью его выводов, точнее — с его трактовкой «подтески» как способа выпрямления костенковских пластин (Семенов 1957: 81—83). В результате новейших трасологического и технологического анализов удалось установить, что «ножи костенковского типа» — не статичная форма изделия. Это — способ приострения лезвия затупившейся пластины. Иными словами, это не только и не столько форма / морфология изделия сама по себе, сколько способ, технология ее изменения, имеющая свою определенную последовательность (Bradley 1997).

В начальной фазе — это просто пластина (рис. 8: 1), использовавшаяся в качестве ножа для резания мяса и/или строгания дерева (рис. 8: А).

Чаще всего, на одном орудии использовалось два лезвия, как это показано на рисунке-схеме 8: А. По мере использования, когда орудие затуплялось, острота рабочего лезвия возобновлялась путем простого ретуширования края (рис. 8: В-2; 2). Настоящую приостряющую ретушь — реально изменяющую угол рабочего края, костенковцы делать не умели, поэтому угол лезвия, хотя и «освежался» (удалялась скругленная износом рабочая кромка), но становился более тупым. По всей видимости, приострение ретушью могло производиться два-три раза. После чего на конце пластины, путем ее усечения, создавалась специальная площадка (рис. 8: В-3; 3) с которой впоследствии снимали плоский резцовый скол (рис. 8: В-4; 6, 7). Благодаря этому, лезвие пластины практически полностью восстанавливалось, хотя ширина рабочей части орудия несколько уменьшалась. В коллекции Костенок 1 (слой 1) имеются сотни сколов с ножей костенковского типа с хорошо развитыми следами износа. Ретушная подправка могла возобновляться и после снятия плоского резцового скола, возможно на это указывают сильно зауженные концы некоторых ножей (рис. 8: 5). Существовали ли ножи костенковского типа, имеющие только ретушную подправку, с которых ни разу, вплоть до полного износа орудия не снимался плоский резцовый скол, сказать сложно: скорее «нет», чем «да». Изменение форм ножа в ходе его подправки может быть признано стадийным, поскольку на одном из этапов

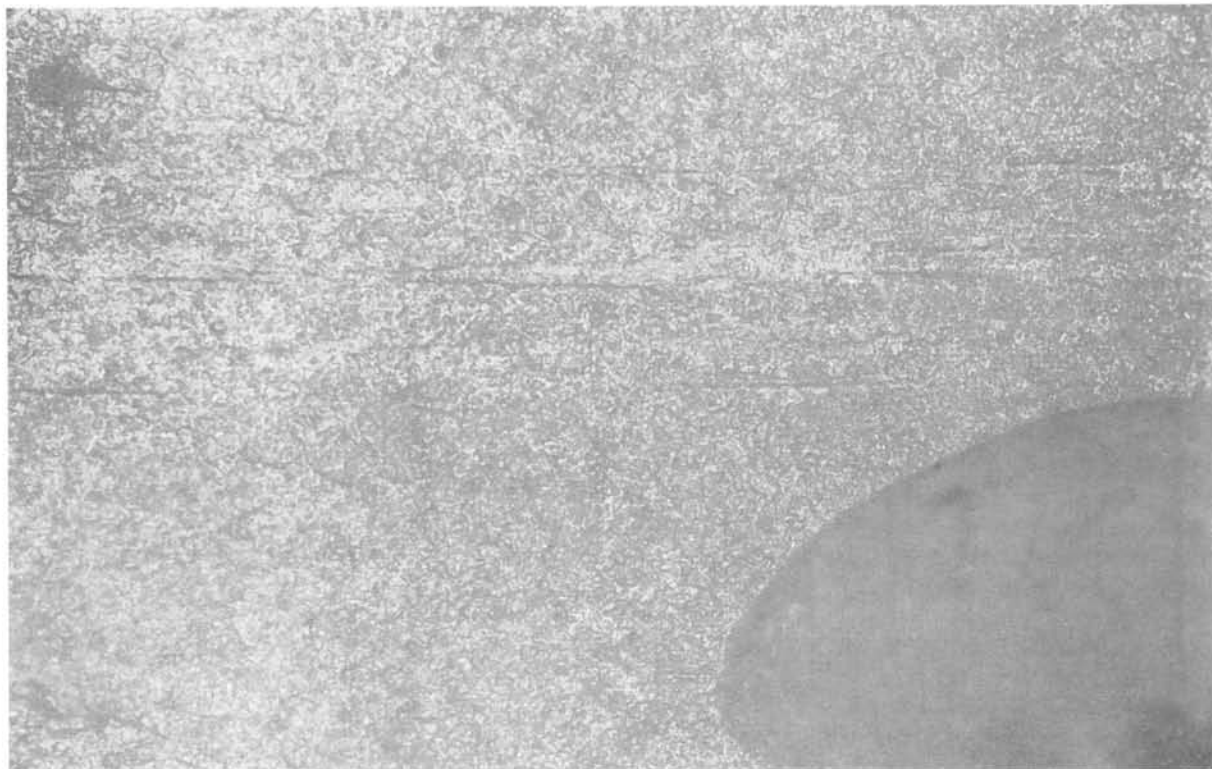

Рис. 11. Метательный износ — микрофото поверхности пластинки с притупленным краем. Чешуйчатая выкрошенность, а также связанные с ней продольные царапины и линейная заполировка в 2 мм от кромки края на спинке. Микрофото, увеличение в 100 раз, встроенное (через объектив) освещение.

Fig. 11. Projectile use-wear traces — micro-photo of a backed blade surface. Flaking and related lengthwise scratches and linear polish, 2 mm from the edge on the dorsal side. Micro-photo enlarged 100 times, incident lighting (through the objective).

снимался скол заранее определенного типа. Каждая предыдущая форма ножа, в данном контексте, являлась технологически необходимой для производства последующей формы. Иными словами — между всеми формами существовала технологическая связь.

Таким образом, основываясь на реконструированных типах поведения, «нож костенковского типа» может быть определен путем корреляции определенной технологии (включающей последовательность изменения формы изделия) и функции. Имея аналогичные по форме рабочие участки, эти изделия имеют различную морфологию (Амирханов 2000: 159—163), в зависимости от того, на какой стадии срабатывания орудие попало в культурный слой.

Все ножи этого типа имеют ряд общих признаков:

- они изготовлены на аналогичных заготовках — пластинах;
- принадлежат к аналогичным технологическим последовательностям;
- имеют аналогичные рабочие участки;
- использовались в аналогичных, хотя и различных функциях — они служили ножами.

При формально-типологической классификации различные формы ножей попадут в различные «ящики», к категории «нож костенков-

ского типа» будут отнесены лишь изделия с площадками или только изделия с плоскими резцовыми сколами, что зависит от «вкуса» типолога.

Наконечники с боковой выемкой и пластинки с притупленным краем. Благодаря значительному прогрессу в современных исследованиях следов, возникающих на наконечниках метательного вооружения (Fisher, Hansen, Rasmussen 1984; Нужный 1992), удалось установить, что наконечники с боковой выемкой (НБВ) и пластинки с притупленным краем (ППК) из каменных индустрий Костенок 1 (слой 1) имеют достаточно стабильно повторяющийся «метательный» износ. Следы от резания мяса, описанные С. А. Семеновым для НБВ, присутствуют и на ППК, что не противоречит их использованию в качестве оснащения метательных орудий. Яркие, хорошо развитые следы обоих типов встречаются на более чем 30% указанных изделий.

На изделиях типа НБВ (рис. 9: 1—5) зафиксированы:

- «spin-of» (рис. 9: 3) и другие, менее сложные виды концевой выкрашивания,
- плоская чешуйчатая выкрошенность на боковых сторонах наконечников (рис. 9: 2, 4, 5),

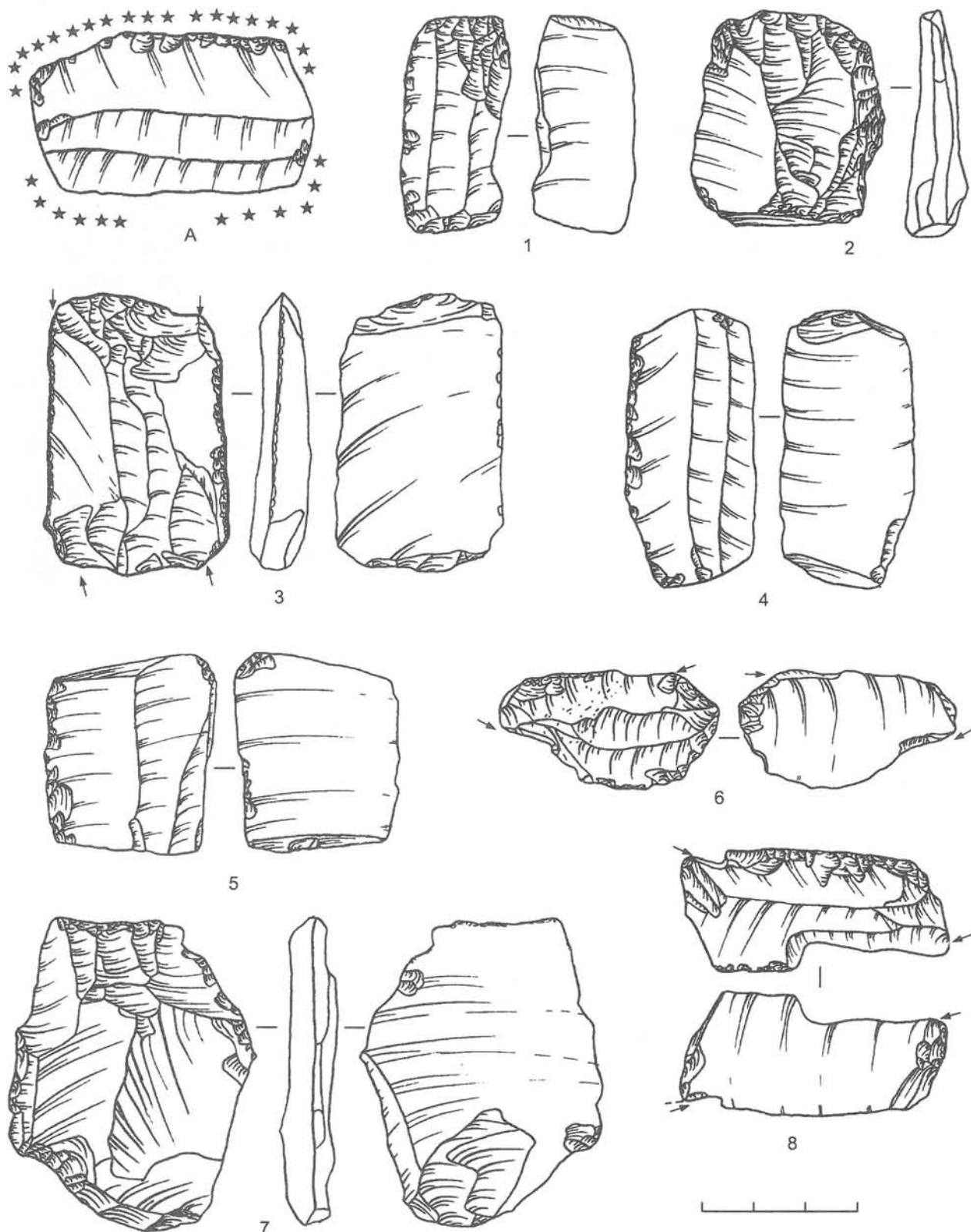

Рис. 12. Орудия для резания-пиления дерева-кости из Костенок I (1-й слой). А — схема наиболее типичных мест расположения рабочих кромок.

Fig. 12. Tools for cutting and sawing of wood/bone from Kostenki I (the 1st layer). A — scheme of the most typical positions of working edges.

— линейные следы, связанные с «метательным» изломом и без него, в виде грубых царапин и линейных заполировок более-менее параллельных продольной оси орудий (рис. 9: 2, 4, 5; 10).

На изделиях типа ППК обнаружены:

— плоская чешуйчатая выкрошенность (рис. 9: 6—11),

— линейные следы аналогичные таковым на НБВ (рис. 9: 9, 10, 11; 11).

В результате можно констатировать, что НБВ и ППК, представляя собой изделия различные по форме, морфологии и по размерам, несомненно были связаны функционально и, отчасти, технологически:

1 — вертикальная притупляющая ретушь вдоль края,

2 — приостряющая, компенсирующая изгибы заготовки ретушь концов и участков края (редко),

3 — основной режущий край — необработанный край пластины.

Благодаря новым находкам, сделанным в ходе последних работ Авдеевской и Зарайской экспедиций, впервые для костенковской культуры обнаружены бивневые острия с пазами (М. Д. Гвоздовер 1995, *личное общение*; Амириханов 2000: 180). То есть, теперь ясно как выглядели оправы для ППК. В Костенках таких находок нет, возможно это были деревянные изделия. Тем не менее, исходя из общности следов использования и характера формообразования ППК и НБВ, есть основания выдвинуть гипотезу об их возможном совместном использовании в одном составном наконечнике (рис. 9: 15). Доказать существование подобных наконечников в костенковских индустриях столь же трудно, как и опровергнуть такую вероятность.

Орудия без названия. Последняя группа костенковских орудий, на которую нам хотелось бы обратить внимание, наиболее необычна по способу выделения и, к тому же, не имеет определенного названия (рис. 12). Лишь отдельные разновидности таких орудий (рис. 12: 1, 2, 4) имеют формально типологическое название — «стамески и долота» (Гвоздовер 1961: 114). Однако, судя по следам износа, это — орудия, использовавшиеся для резания-пиления кости, бивня и/или дерева.

Рабочим участком являлся угол и прилегающее к нему лезвие. В большинстве случаев на одном изделии использовалось два-три или даже четыре рабочих участка (рис. 12: А).

Эти изделия объединены нами в одну группу на основе:

— аналогичных следов использования;

— аналогичных рабочих участков (аналогичных элементов формы);

— некоторого подобия общей формы (все они более-менее прямоугольные).

Здесь мы не имеем технологической связи между различными формами. Эти орудия могли изготавливаться как из отщепов (редко), так и из пластин. В отдельных случаях — это просто фрагменты пластин безо всякой намеренной ретуши. Однако, в большинстве своем, — это оформленные орудия, их создавали:

— простой краевой ретушью (рис. 12: 3);

— плоскими резцовыми сколами с подготовленной площадки (как у ножей костенковского типа) (рис. 12: 1, 2, 6);

— простыми резцовыми сколами (рис. 12: 7, 8).

В коллекции Костенок 1 (верхнего слоя) имеются сколы с орудий этого типа с аналогичными следами износа. То есть, эти орудия также подправлялись, что, в некоторых случаях, весьма значительно изменяло их морфологию (рис. 12: 7, 8).

Таким образом, выделение данного типа производится на основе корреляции аналогичных следов износа с аналогичными элементами формы, и, отчасти, некоторой аналогии общей формы. Морфология этих изделий различна.

Методами формально-типологической классификации выделение этой группы просто невозможно. Как уже указывалось ранее, лишь работающие с особой тщательностью типологи выделяют одну из разновидностей этих орудий (Гвоздовер 1998: 259).

Учение С. А. Семенова и современное российское палеолитоведение. Общеизвестно, что на протяжении всей своей научной карьеры С. А. Семенову приходилось защищать свою методику, доказывать необходимость ее применения. Защищать от кого? — от своих же коллег-археологов, по крайней мере, от тех из них, которые никогда не видели следы износа своими глазами — не верили в их существование либо не желали верить (Столяр 1999: 16). Эти люди — типологи. «Чистые типологи» — так называют археологов, полагающих, что для решения основных проблем, связанных с анализом артефактов, вполне достаточно традиционной типологии. Для них, трасология, эксперимент — это лишь нечто дополнительное, хорошее, но не обязательное приложение.

Каковы же причины существования неприятия трасологии, недоверия к результатам трасологического анализа? Безусловно, дело не в том, что трасологический анализ — дело трудоемкое, не быстрое, трасологов мало, необходимо специальное оборудование и т. д. Равно как и не в ошибках определения следов — ошибаются и/или не сходятся во мнениях как типологи, так и трасологи (не ошибаются лишь те, кто ничего не делает).

Истинные причины гораздо глубже. Создав методику экспериментально-трасологического анализа, С. А. Семенов, по сути, открыл спо-

соб привлечения к археологическому исследованию давно известных, но редко использовавшихся ранее видов археологических источников — следов использования и следов обработки. При этом, достаточно быстро стало понятно, что классификации археологических объектов, сделанные на основании следов, не совпадают с теми, в основу которых положен анализ форм или морфологий. Именно это обстоятельство смущало и продолжает смущать «чистых типологов», — у них и без того достаточно проблем. Чего стоят одни только попытки подвести материалы различных эпох под единые, всемирно унифицированные тип-листы? Бессмысленное, в силу своей методической несостоятельности, стремление выработать единый и универсальный тип-лист изделий только на основе морфологии / формы артефактов привело типологов к давно затянувшемуся «кризису жанра».

Ведь кроме того, что аналогичные по форме артефакты, могут иметь различные следы, они могут быть еще и сделаны различными способами. Сами «типы», создаваемые типологами для удобства работы, могут быть различны по сути, в зависимости от того, что положено в основу классификации. Но при этом, полноценному сравнению подлежат только лишь равнозначные разновидности типов — те из них, что выделены на аналогичных основаниях.

Орудия на ранних стадиях использования, такие как пластина или отщеп, могут не иметь никаких следов дополнительной обработки. «Формальный» типолог просто не видит их. В российской археологии сейчас уже достаточно широко известна стоянка на о. Жохова. Памятник, относящийся к каменному веку Арктики, где практически вообще нет ретушированных сколов (Питулько 1998). Что делать «чистому» типологу в этом случае?

«Раскопав памятник, типолог может сравнивать найденные вещи между собою, давать им названия, делать сопоставления с предметами из других памятников, говорить о локальных различиях, находить аналогии, догадываться об относительном возрасте находок. Но он не может объяснить почему возникают эти сходства и различия между предметами, то есть почему изменяются самые формы и типы, так как остаются не раскрытыми формообразующие процессы. Следовательно, задачи типолога находятся в стороне от того, что мы называем установлением причинной связи явлений» (Семенов, «О задачах и методах археологической науки», черновик рукописи. Рукописный Архив ИИМК РАН, фонд 90).

Если археолог признает, что его задачей является не создание тип-листа, а исследование и реконструкция древнего поведения — актов деятельности человека, действительно произо-

шедших в древности, он, не обманывая себя сам, просто не имеет права игнорировать данные трасологического и технологического анализов. Необходимо подчеркнуть, что эти данные должны учитываться до, во время и для выделения типа изделия. Рассмотрению и учету подлежат только те факты, которые безусловно отражают древнее поведение, связанное с данными формами артефактов. И этнографические данные, и ссылки на находки в Африке или во Франции имеют вторичное значение. Только тогда, когда установлена связь конкретных форм с конкретным поведением, можно выявлять типы, отражающие культурные нормы древней деятельности. Нормы не среди «чистых форм», а среди форм с содержательными характеристиками.

Что же необходимо делать трасологам, для более широкого признания значимости результатов их работ? Опираясь на опыт С. А. Семенова, во избежание ошибочных определений, современным трасологам следует более внимательно относиться к разделению следов обработки и следов использования. Во всех случаях, пусть даже самых очевидных, необходимо делать эксперименты, иметь эталонные аналоги изучаемых следов. В экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН, к примеру, под руководством Г. Ф. Коробковой создана многотысячная коллекция экспериментальных орудий, но и она, порою, оказывается не достаточной.

Результаты анализа не должны заключаться только лишь в определении следов износа и построении «функциональной классификации». Классификации, выполненные только на основе различия в следах, также как и формально-типологические, всегда неизбежно односторонни и недостаточно информативны сами по себе. Трасолог — не инвентаризатор, развешивающий «бирочки» с названием функций на артефакты.

К сожалению, в большинстве случаев, поиски компромиссов, попытки примирения формальной и функциональной типологий путем корреляции следов и формальных типов изделий оказываются малопродуктивными. Поэтому, уже в самом начале анализа не имеет смысла тратить время на поиски строго определенного назначения пусть традиционных, но «формально» выделенных типов. Если следы устойчиво не соответствуют традиционно выделяемым типологами формам — значит за этим «что-то стоит». Причем, вовсе не трудно догадаться что именно — это несоответствие формально выделенных типов древним поведенческим нормам. Иными словами — несоответствие метода исследования природе изучаемого объекта. Стоит попытаться взглянуть на вещи шире, попробовать найти корреляции не только между следами износа и морфология-

ми, но и между следами и формами и/или их элементами.

В идеале, современное изучение каменных индустрий должно вестись как минимум двумя-тремя специалистами: трасологом, технологом и, при необходимости, типологом.

Но, для воплощения подобного рода коллективных исследований в жизнь существует масса препятствий. Прежде всего — это ретроградность организации палеолитоведческих институтов, в особенности — академической науки. Наша наука основана на представлениях, отражающих устаревшие научные реалии, когда один археолог, работая на государственные деньги, находил памятник, сам вел его раскопки, сам анализировал всю информацию, сам описывал все доступные источники и т. д. вплоть до монографической публикации. В силу развития науки, этот подход давно не воплотим в жизнь, хотя осознают это немногие. Еще меньше археологов понимают опасность, явный вред от бытования подобных представлений в научной среде. Широко распространенный менталитет «археолога-энциклопедиста», мастера на все руки и пресловутое «право первой ночи», к сожалению, все еще мешают развитию науки. В результате, для многих стоянок ожидание «первой ночи» затянулось настолько, что превратилось в пожизненное заключение в «гареме». Специалисты-трасологи и/или технологи, лишенные возможности в полной мере участвовать в анализе «чужих» материалов, сами идут в «раскопщики». Поскольку, считая определение типов и описание индустрий своей «вотчиной», типологи желают иметь от них лишь список определений, и не более того. Круг, таким образом, замыкается.

Ситуация, создавшаяся в российской науке о каменном веке достаточно удручающая, но, тем не менее, небезнадёжна. Хорошо уже то, что палеолитоведы понемногу привыкли к обычаю делиться. Оказалось, что по крайней

мере естественнонаучные — геологическую, зоологическую, ботаническую и т. д. части исследования можно и должно отдавать «на откуп варягам» из иных наук. По неписаному «кодексу чести» это допустимо, и даже желательно, ведь иначе, если за все братья самому, можно прослыть дилетантом. Но почему же никого не смущает дилетантизм, проявляемый в изучении форм артефактов и следов — основных видов археологических источников. Если общая форма изделий еще как-то и описывается типологами, хотя и в отрыве ее от технологического контекста, то следы, в подавляющем большинстве случаев, просто игнорируются. Между тем, следы в их макро и микро проявлениях — это тоже элементы формы артефакта. Чем же эта форма хуже?

Отдельные и, при этом, наиболее успешные исследования индустрий каменного века уже сейчас проводятся не одиночками-универсалами, а группами единомышленников. Но, из-за несовершенства организации и косности структуры исследовательских институтов, собрать коллектив квалифицированных работников, способных решать задачи подобного рода на современном уровне, непросто.

Когда-то в нашем институте была организована первая в мире экспериментально-трасологическая лаборатория. Создавалась она не без проблем, но зато каков теперь результат! Осталось не столь много стран, где бы ни были открыты «дочерние отделения» семеновского начинания. Первые Семеновские чтения, ставшие поистине международным событием, показали, что для многих зарубежных исследователей лаборатория, носящая имя ее создателя — С. А. Семенова — визитная карточка нашего института. Поэтому, быть может, именно наш институт имеет наибольший потенциал стать инициатором новых организационных подходов в палеолитоведении. Сделав первый шаг, пора делать и второй.

Амирханов, Х. А. 2000. Зарайская стоянка. Москва: Издательство Научный Мир.

Гвоздовер, М. Д. 1961. Специфические черты каменного инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // Краткие сообщения Института археологии 82: 112—119.

1998. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт: 234—278. Москва: Издательство Научный мир.

Коробкова, Г. Ф. 1999. Вклад С. А. Семенова в создание и развитие экспериментально-трасологического метода // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Сергея Аристарховича Семенова. 30 января — 5 февраля 2000 г. Санкт-Петербург: 3—5. Санкт-Петербург.

Нужный, Д. Ю. 1992. Розвиток мікролітично техніки в кам'яному віці. Вид. Київ: Наукова думка.

Питкулько, В. В. 1998. Жоховская стоянка. Санкт-Петербург: Издательство Дмитрий Буланин.

Семенов, С. А. 1950. Топор в верхнем палеолите // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 31: 168—173.

1957. Первообытная техника. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.

1968. Развитие техники в каменном веке. Ленинград: Наука.

1968. Введение // Технология производства в эпоху палеолита: 3—8. Ленинград: Наука.

Столяр, А. Д. 1999. «MEA CULPA» // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Сергея Аристарховича Семенова. 30 января — 5 февраля 2000 г. Санкт-Петербург: 12—16. Санкт-Петербург.

Bradley, B. A. 1997. Kostenki Knife: type or technique? // Восточный граветт. Тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск-Москва: 73—75. Москва. ИА РАН.

Fisher, A., P. V. Hansen, P. Rasmussen, 1984. Macro and Micro Wear Traces on Lithic Projectile Points // Journal of Danish Archaeology 3: 19—44.

Semenov, S. A. 1970. The forms and Function of the Oldest Tools (A reply to Prof. F. Bordes). QUARTAR. Bd.21: 1—20.

SEMENOV — KOSTIONKI — PALAEOOLITHIC SCIENCE

E. JU. GIRIA, ANA RESINO LEON

A jubilee conference commemorating Professor Sergei Aristarkhovich Semenov is unique both for the number of participants and their composition. Nevertheless, is traceology really generally recognised nowadays? Can we say with certainty that ancient artefacts use wear studying has become an obligatory and normal archaeological practice? No, we cannot. Till now, a position of traceology in science is far from being as such, neither in Russia, nor in other countries.

S. A. Semenov himself had never exclusively narrowed his method down to use wear. Traceology is the principal component but not the only one of his experimental-traceological method. According to S. A. Semenov, experimental-traceological analysis means the use of a single method for studying both *traces of use* and *traces of manufacture* (knapping included). That is, he did not differentiate between traceological and technological analyses. Nevertheless, his method of experimental-traceological analysis can be subdivided into a traceological method proper and a technological one. Both home and abroad, S. A. Semenov is known primarily as a traceologist probably due to the fact that his technological reconstructions had been either wrong or much less innovative as traceological ones. Sometimes, these two components of S. A. Semenov's method contradicted each other: traceological data refuted his own technological reasons. For instance, S. A. Semenov misinterpreted the purpose of abrasion in prismatic blades making (Semenov 1970: 3), denied a possibility of manual pressure blades making from flint (Semenov 1968: 46). The reason of those mistakes rested in the method itself. The origin of *traces of use* and that of *traces of manufacture* is so different, they simply cannot and should not be studied according to one and the same method. Practically, in all the cases S. A. Semenov favoured traceological data. Basing on the results of traceological studying of edges of the core platform of upper Palaeolithic nuclei with abrasion (overhang removing), he stated the use of a pressure tool or punch technique. Besides, his dislike and probably inability to knap flint can explain the reason of

S. A. Semenov's mistakes in the technological part of his experimental-traceological analysis. He mostly preferred a functional approach.

A functional interpretation of both typological and technological problems undoubtedly dominates A. Semenov's works (Semenov 1957: 5—13; 1970: 4—5; 1968: 5; 1983: 6—7). For him, the function had a specific, determining meaning in defining types of tools. He even insisted on giving the types double names, one for a function, the other for morphology (Semenov 1970: 6). In other words, he offered to classify not so much forms, as interpretations of traces.

One of the most well known Kostionki forms of artefacts is an item defined by S. A. Semenov as an axe (Semenov 1950; 1957: 150—155). Recent studying of this item and forms similar to it revealed they were all used as nuclei (cores), to be more exact, as precoces. Presence of refitting blades confirms it. Separate blades when put together restore the surface of a precore with flake scars removed from front and back ridges.

Semenov's «axe» and other precoces have very expressive traces of use at their lower part. These traces had certainly not been left by chopping wood. It simply shows that, while studying the «axe», S. A. Semenov did not make experiments. We managed to receive very close traces in the course of experimental loam digging. Kostionki «axes» rather accurately correlates with different actions: transportation, ground digging, prismatic blades receipt. The latter served as tools and preforms for tools, were used differently and were kept together, at least for some time, in specially prepared places. In this case we are dealing with a connection of one form of an artefact with several types of ancient behaviour, quite definite, but essentially different actions.

In the course of traceological and technological analyses it was found out that «Kostionki type knives» did not belong to a static shape of an item. They present a way to re-sharpen the tip of a blunt blade. That is, it was not so much a shape / morphology of an item as it is, but rather a way, a technology to change it, having a definite succession of its own. At the beginning

it was just a blade used as a knife for carving meat and/or planing wood (the ratio of these function is still to be found out). When used, the tool got blunt, the working edge sharpness was refreshed simply by retouch. Apparently, retouch re-sharpening could be repeated two-three times, after that on truncating the edge of a blade a special platform was produced from which later on a flat burin spall was removed. Thus, the edge of a blade became practically fully restored, though the tool width somewhat reduced. A Kostionki I (upper horizon) collection includes hundreds of spalls from Kostionki type knives with well-developed wear traces. Retouch could as well be resumed after a flat burin spall had been removed, some greatly narrowed tips of knives can serve as an indication. Transformation of the form of a knife by retouch can be considered going in stages, since at one of the stages a predetermined flat burin spall is removed. Each preceding form of a knife was technologically stipulated for the manufacture of the succeeding ones. In other words, there is a technological connection between all the forms. Thus, based on the reconstructed behavioural types, a Kostionki type knife can be defined by correlation of a certain technology (a succession of item morphology transformation) and a function. While having analogous forms of working parts, these items have different morphology (depending on which stage of wear the tool hit a cultural layer).

All the knives of this type have a number of features in common: They are manufactures on analogous preforms — blades. They belong to analogous technological sequences. They have analogous working parts. They were used for analogous functions. Under a formal typological classification different forms of knives will fall into different categories. Only items with platforms or only items with flat burin spalls will be categorised as a Kostionki type knife, depending on the typology specialist's taste.

The final group of Kostionki tools worth paying attention to is very unusual from the classification view point, besides, it has no definite name. Only a few of the tools have formal typological names «chisels» and «gouges» (Gvozdover 1961: 114). However, due to wear traces, these tools were used for bone, ivory and/or wood cutting (sawing). A corner and an adjacent blade served as a working part. Mostly, one or two, or sometimes four working parts were used on one and the same tool. We refer these items to the same group because of: Analogous wear traces. Analogous working parts (analogous elements of form). A certain similarity of form (they all are more or less rectangular). In this case we have no technological connection between different forms. These tools could be manufactured from flakes (seldom) or blades. In some cases, they were simply blade fragments

without any deliberate retouch. However, for the most part, they are complete tools, created by means of: Simple edge retouch. Flat burin spalls from the prepared platform (similar to Kostionki type knives). Simple burin spalls. A Kostionki I (upper horizon) collection includes spalls from the tools of this kind with analogous wear traces. That is, these tools were also retouched, which, in some cases, changed their morphology very considerably. Thus, classification of this type is done on the basis of correlation of analogous wear traces with analogous elements of form and, partly, some analogy of the general form. Morphology of these items is different. It is not possible to classify this group purely by means of a formal-typological classification.

It is common knowledge that throughout his life in science S. A. Semenov had to defend his method prove its necessity. To defend who from? From his own colleagues, at least from those, who had never seen wear traces with their own eyes, did not believe they existed or did not wish to believe. These people are typology specialists. There is another term in the Russian archaeology, «pure typology specialists». This term denotes archaeologists who consider that solving problems of artefacts analysis requires solely typology: traceology, experiments are treated as something additional, a decoration which is nice but not necessary, like a cream rose on top of a cake.

What are the reasons for non-acceptance of traceology, distrust to the results of traceological analysis? The reason is not that traceological analysis is labour- and time consuming, that there are very few traceologists, that special equipment is needed, etc. Nor are there mistakes that matter: both typology specialists and traceologists make mistakes; differences in opinion are very common as well. The real reason lies much deeper. Having created a method of experimental-traceological analysis S. A. Semenov discovered a way to attract well known but seldom used archaeological sources: traces of use and traces of use manufacture. Besides, it became clear very quickly that archaeological objects classification based on traces did not coincide with those based on form and morphology analysis. It was this circumstance which bewildered and keeps on bewildering «pure typology specialists», they have got their hands full as it is. Let us just recall the attempts to bring materials of different epochs to the world unified type lists. At least thirty years were wasted at the Soviet Russian archaeology on it. The strive to work out a uniform type list brought typology specialists to a long lasting «genre crisis». Apart from the fact that artefacts having analogous forms can have different traces, they can be differently manufactured. It means, the «types» created conveniently by the archaeologists, can be differently manufactured, depend-

ing what classification they are based upon. In this case only types classified on one and the same basis can be compared. Besides, the tools of early stages of use, like a blade or a flake, can have no additional traces of use manufacture. A formal typology specialist simply does not see them. We know an Arctic Stone Age site with practically no retouched spalls (Pitul'ko 1998). If it had not been for the permafrost, having kept wood, bone and other organic matter, we would have only nuclei and blades. What would a «pure typology specialist» do in this case? «Having excavated a site, a typology specialist can compare the found items, give names to them, refer to the items from other sites, speak about local differences, find analogues, guess about relative age of the found items. But he cannot explain why these similarities and differences between items occur, that is why the forms and types themselves change, as the formation processes are still left hidden. Consequently, the tasks of a typology spe-

cialist lie apart from what we call stating the causation of phenomena » (Semenov, «On Tasks and Methods of Archaeological Science», a manuscript draft. Manuscript Archives of the Research Institute for the Material Culture, the Russian Academy of Sciences, depository 90).

If an archaeologist assumes his task to be research and reconstruction of the ancient behaviour, human actions really taking place in the ancient time, and not to create a formal type list, he (if he wants to escape self-deceit) has no right to ignore traceology and technology analyses data. When classifying types of artefacts it is necessary to find support in the data that absolutely reflect the ancient behaviour connected with the forms involved. Only after finding out the connection of certain forms and certain behaviour can one classify types, reflecting cultural norms of ancient activities. Norms among the forms of significant characteristics, not among «the pure forms».

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И АБСОЛЮТНОЙ ДАТИРОВКИ ТАЗАБАГЪЯБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

(по материалам могильника Кокча 3)

Ю. Г. КУТИМОВ¹

В конце 30-х годов XX века, в ходе археологических исследований Хорезмской экспедицией территории Южного Приаралья, на правом берегу низовий Амударьи археологи обнаружили остатки разветвленных стоянок, на которых была найдена лепная плоскодонная керамика с геометрическим орнаментом, по своему внешнему облику весьма близко напоминавшая керамику степных памятников Поволжья и Казахстана. С. П. Толстов назвал культуру, к которой принадлежали эти археологические комплексы, тазабагъябской и указал на наличие в её керамическом материале большого числа сходных мотивов с керамикой срубной и андроновской культур эпохи поздней бронзы степной зоны Евразии (Толстов 1939: 174, 175; Толстов 1940: 70, 71).

Происхождение тазабагъябской культуры первоначально связывалось с неолитической кельтеминарской культурой, при этом не исключалось, что в ее формировании приняли участие отдельные группы населения срубно-андроновской культурной общности (Толстов 1948: 76). Однако в дальнейшем появилась точка зрения, что тазабагъябская культура обязана своим появлением на территории Южного Приаралья приходу сюда из степей смешанных срубно-андроновских племен и синтеза их с местной суярганской культурой. Вступив в контакт, срубно-андроновское население полностью поглотило и ассимилировало в своей среде влившуюся в него часть местного суярганского элемента (Толстов 1962: 57, 59; Итина 1977: 139, 140; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 150; Кузьмина 1988: 50).

Погребальные комплексы тазабагъябской культуры на территории Южного Приаралья

известны по раскопкам единственного, обнаруженного здесь, могильника Кокча 3, исследованного Хорезмской экспедицией в 1954—55 и 1977 годах под руководством М. А. Итиной. Результаты этих раскопок опубликованы в материалах и трудах Хорезмской экспедиции (Итина 1961: 3—96; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 123—152).

Могильник Кокча 3 расположен в низовьях древней дельты Амударьи, в одном из ее сухих русел — Акчадарье. Всего на площади могильника было обнаружено 118 погребений. Хорошую сохранность имели только 53 погребения, в которых были захоронены 74 человека. В остальных погребениях частично сохранился только инвентарь, из них, судя по размерам могильных ям, большинство захоронений были детскими. Конструкция погребальных сооружений могильника Кокча 3 одинакова для всех захоронений и представляла собой простые грунтовые ямы прямоугольной или подквадратной формы с округленными углами со средними размерами 1,9 × 1,5 × 0,5 м без надмогильных сооружений. Длинные оси могил ориентированы с востока на запад. Из числа хорошо сохранившихся погребений 37 принадлежали взрослым и 16 детям. Большинство могил содержали одиночные захоронения — всего 32 погребения — из них 14 мужских, 5 женских и 13 детских (рис. 1: 3, 4), но присутствовали также и двойные захоронения (всего 21 погребение), из которых 15 разнополых парных погребений взрослых (большинство из них одновременные), а также 2 женских, 3 детских и 1 погребение женщины с ребенком. Все умершие похоронены по обряду трупоположения, костяки в могилах лежали скорченно,

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

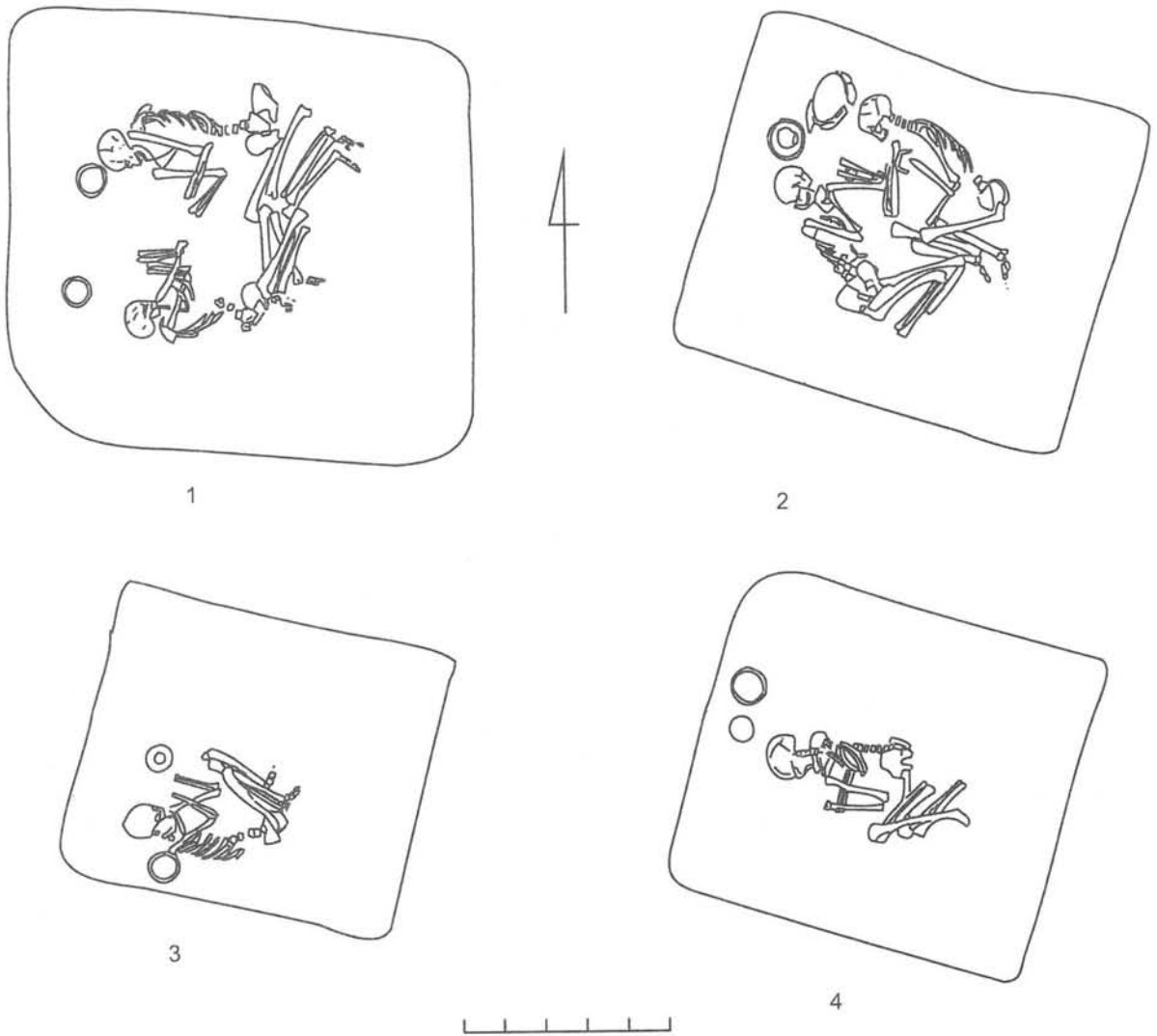

Рис. 1. Типы погребений могильника Кокча 3: 1, 2 — парные разнополюе погребения; 3, 4 — одиночные погребения.
 Fig. 1. The types of burials of the Kokcha III burial-ground: 1, 2 — paired heterosexual burials; 3, 4 — single burials.

мужчины на правом боку, женщины на левом, кисти рук расположены под головой или перед лицом. Ориентировка погребенных западная, с некоторыми (по всей видимости, сезонными) отклонениями к югу и северу. Характерной особенностью парных разнополюх погребений могильника Кокча 3 является однообразное положение умерших: скорченно на боку, мужчина на правом, женщина на левом, лицом друг к другу (рис. 1: 1, 2) (Итина 1961: 11—49, рис. 3, 6, 8, 11, 13, 15; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 123—137, рис. 32, 36).

Сопроводительный инвентарь могильника Кокча 3 представлен разнообразной по форме лепной плоскодонной посудой и металлическими изделиями.

Керамический комплекс могильника составляют 118 сосудов. В погребениях посуда (обычно от 1 до 3 сосудов) почти всегда стоит около головы умершего. Тесто сосудов содержит большую примесь толченых раковин и дресвы.

Обжиг их неравномерен, внешняя поверхность пятнистая. Наибольшую часть керамического комплекса представляют сосуды с изогнутым либо прямым горлом, небольшим, слегка отогнутым венчиком, крутыми плечиками и узким дном. Также присутствует посуда других форм: близкие к баночным сосуды, имеющие иногда сглаженный уступчик на месте плеча (рис. 2: 1—5) и биконические сосуды. Орнамент на сосудах расположен зонально на шейке и плечиках, между зонами проходят параллельные ряды горизонтальных желобчатых полос. Орнаментальные элементы составляют равнобедренные и незамкнутые треугольники, треугольники с «ресничками», ломанные линии, «елочка», в единичных случаях меандр. Техника нанесения орнамента резная, гребенчатое исполнение зафиксировано всего лишь на четырех сосудах (Итина 1961: 63—74, рис. 4, 5, 7, 9, 10, 12, 14; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 142—147, рис. 33, 35, 37, 38).

Комплекс металлических изделий могильника Кокча 3 состоит, главным образом, из женских украшений, изготовленных из бронзы. Это височные подвески восьмеркообразной формы (рис. 3: 1—3), выпукло-вогнутые пластинчатые браслеты с незамкнутыми заходящими концами, украшенные маленькими насечками вдоль наружных краев поверхности (рис. 3: 4, 5), колечки, а также несколько бронзовых игл. Кроме этого, в женских погребениях были найдены разнообразные бронзовые, каменные, пастовые и глиняные бусы. Сопроводительный инвентарь мужских погребений, кроме посуды, включал в себя бронзовые шилья с костяной рукояткой (рис. 3: 6, 7). Предметы украшения обнаружены только в женских захоронениях: при умершей лежало, в среднем, два браслета, надетые на запястья рук, и две подвески, расположенные в области височных костей (Итина 1961: 74—89, рис. 23—28; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 147—149, рис. 34).

Антропологические исследования костных останков погребенных могильника Кокча 3 показали, что здесь смешаны два типа населения: 1) неизвестный и 2) протоевропейский (андроновский). Преобладающий тип — второй (Трофимова 1961: 143).

Датировка тазабагьябской культуры, предложенная авторами раскопок в работах ранних лет, остается практически без изменения и в их более поздних публикациях. М. А. Итина первоначально датировала тазабагьябскую культуру серединой—концом II тыс. до н. э. (Итина 1959: 54), затем серединой—второй половиной II тыс. до н. э. (Итина 1977: 22), либо же XIV—XI вв. до н. э. (Итина 1998: 85). Близкой датировки тазабагьябской культуры придерживается Е. Е. Кузьмина: XV—XI вв. до н. э. (Кузьмина 1988: 50), или XV—XIII вв. до н. э. (Кузьмина 1994: 229). Материалы могильника Кокча 3 М. А. Итина относит к XIII—XI вв. до н. э., оставляя эти хронологические рамки в своих работах традиционно неизменными (Итина 1961: 89; Итина 1977: 22; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 147, 150; Итина 1998: 85).

На фоне существенных успехов в исследовании степных обществ эпохи поздней бронзы Евразии, достигнутых за последние два десятилетия, состояние дел в изучении археологических комплексов степного типа эпохи поздней бронзы Средней Азии в настоящее время вряд ли следует считать удовлетворительным. Вследствие значительного отставания в данной области археологических изысканий, возникает необходимость качественно нового переосмысления существующих по сей день старых научных теорий, связанных с изучением древних культур Средней Азии. Встав на эти позиции, мы должны признать, что культурная интерпре-

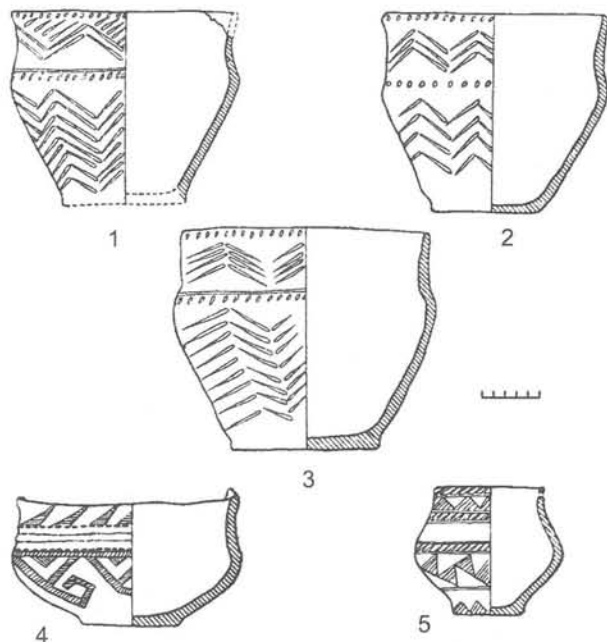

Рис. 2. Керамика из погребений могильника Кокча 3: 1—3 — сосуды позднеалакульского типа; 4—5 — сосуды с федоровскими элементами орнаментации.

Fig. 2. The pottery from graves of the Kokcha III burial-ground: 1—3 — vessels of the late Alakul type; 4—5 — vessels with the elements of decoration of Fedorovo type.

тация и хронологические даты, предлагаемые для тазабагьябской культуры, являются, исходя из современного уровня знаний о степных культурах эпохи поздней бронзы Евразии, не совсем оправданными.

Традиция погребения в простых грунтовых ямах могильника Кокча 3 не находит себе прямых аналогий в памятниках степной зоны Евразии эпохи поздней бронзы. Погребальный обряд срубной культуры характеризуется сооружением сложных погребальных конструкций: сверху могильные ямы часто перекрывались накатами из бревен, внутреннее пространство могил содержало различного рода опорные столбы, балки, срубы — рамы. Дно большинства могил выстилалось древесной корой или травой. Весьма широко использовалась подсыпка из мела, охры и золы. Иногда применялась кремация покойного. Обязательным элементом погребального обряда срубных племен являлась курганная насыпь, под которой могло размещаться до 25 отдельных погребений. Положение покойника в могиле и его ориентировка сохранялись без изменений на всем протяжении существования срубной культуры: умершего, вне зависимости от пола и возраста, укладывали скорченно на левый бок, головой на восток, север, либо северо-восток (Семенова 1983: 12—15; Горбунов 1992: 26).

Погребальные комплексы андроновской культурной общности также содержат боль-

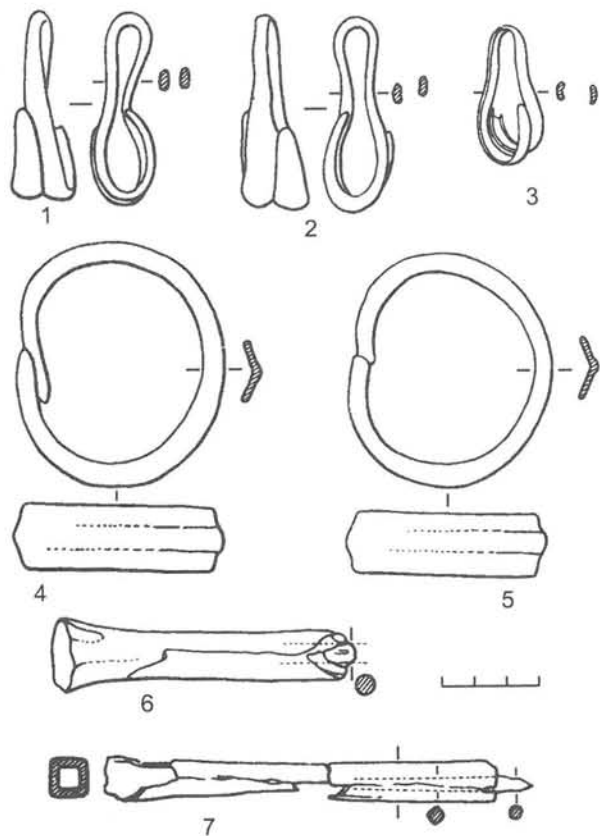

Рис. 3. Погребальный инвентарь могильника Кокча 3: 1—восьмеркообразные височные подвески; 2—желобчатые браслеты; 3—шилья с костяной ручкой.

Fig. 3. The grave goods from the Kokcha III burial-ground: 1—3—temporal pendants; 4—5—convex-concave lammellate bracelets; 6—7—awls with bone handle.

шее разнообразие обрядовых элементов, при этом отдельные черты андроновской традиции захоронения умерших сохранились в процессе смены всех ее хронологических этапов.

Погребения петровского времени характеризуются наличием глиняных обмазок стенок и пола камеры, бревенчатых обкладок — срубов, использованием каменных плит для перекрытий, курганных захоронений с круговой планировкой могил. Погребенные вне зависимости от пола лежат на левом боку, скорченно, головой обычно на запад и северо-запад. Алакульский погребальный обряд имеет много общего с петровским: круговая планировка кладбищ, курганные захоронения и погребения в каменных оградах с пристройками, использование деревянных рам и каменных ящиков. Погребенные, как мужчины, так и женщины, лежат в большинстве случаев на левом боку, скорченно, головой преимущественно на запад. В некоторых случаях применялась кремация умерших. Федоровские погребения большей частью представлены земляными курганами с каменными

обкладками и захоронениями в каменных оградках различных форм, которые иногда составляют целые коридорные группы. Отличительной чертой федоровских могильников являются погребения в цистах — ящиках, сложенных из каменных плиток, а также в могилах с каменными обкладками стенок. Обряд кремации в федоровское время достигает пика своего развития. Ориентировка могильных ям по линии восток — запад отличается устойчивостью по всему региону распространения носителей федоровской культуры (Зданович 1988: 134—147).

Ближайшие территориальные аналогии погребениям в виде простых прямоугольных ям могильника Кокча 3 известны в алакульском могильнике Тасты-Бутак (Актюбинская область, Западный Казахстан). Однако здесь все погребения имеют надмогильные сооружения в виде оградок из сложенных камней, большинство из которых являются коллективными, объединяющими несколько могил в группы (Сорокин 1962: 28).

Таким образом, традицию погребения умерших в простых грунтовых ямах без надмогильных сооружений могильника Кокча 3 следует рассматривать в качестве местного обряда захоронения, в чистом виде присущего только племенам тазабагыябской культуры.

Западная ориентировка умерших, в целом, характерна только для андроновской культуры, стало быть подобное направление ориентировки погребенных в могильнике Кокча 3 объясняется андроновским влиянием. Что касается четко выраженной в могильнике Кокча 3 традиции укладывания мужчин на правом, а женщин на левом боку, то на территории Средней Азии, кроме могильника Кокча 3, такое положение умерших имеет широкое распространение в погребальных комплексах местного оседло-земледельческого и скотоводческого населения эпохи поздней бронзы, а именно культуры Сапалли на территории Южного Узбекистана — могильники Джаркутан и Бустан (Аскарлов 1977; Аскарлов, Абдуллаев 1983) и бишкентской культуры в Южном Таджикистане — могильник Ранний Тулхар (Мандельштам 1968). Исходя из этого, М. А. Итина делает вывод о культурном влиянии земледельческих культур юга Средней Азии на тазабагыябские племена Южного Приаралья, в результате которого тазабагыябцы перенимают и усваивают данную традицию погребального обряда (Итина 1977: 214—216; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 149, 150; Итина 1987: 68). По мнению М. А. Итиной, это подтверждается находками в тазабагыябских комплексах отдельных предметов, свидетельствующих о не-

посредственных контактах тазабагъябского населения с южными земледельческими культурами. В число этих немногочисленных находок входят единичные фрагменты гончарной керамики типа Намазга VI, найденные на поселениях Кокча 15 и 15А, литейная форма для отливки булавки с биспиральным навершием с поселения Кокча 15А, бронзовая булава с лопаточковидным навершием с поселения Джанбас 35, фрагменты фигурок животных из необожженной глины с поселения Джанбас 30 и пр. (Итина 1986: 132). Однако количество находок такого рода на территории Южного Приаралья невелико, найдены они все в нестратифицированных и, большей частью, разветренных слоях жилищ, что вызывает некоторые сомнения в их тазабагъябской принадлежности (в погребениях могильника Кокча 3, например, нет ни одной подобной вещи). Поэтому у нас нет оснований рассматривать эти находки в качестве свидетельства существования развитых культурных связей. Если бы действительно имело место культурное взаимодействие между двумя группами разнородного населения, в ходе которого тазабагъябские племена выступали в качестве реципиента культурных традиций земледельческих племен юга Средней Азии, то в данном случае этот процесс должен был оставить более глубокий след в материальных комплексах тазабагъябской культуры.² Таким образом, достоверно говорить о глубоком и разностороннем влиянии местных среднеазиатских культур на пришлое тазабагъябское население Южного Приаралья невозможно, так как мы не имеем для этого достаточно убедительного фактического материала.

В связи с отсутствием на данном уровне знаний доказательств культурного влияния на тазабагъябские племена земледельческих культур Средней Азии, представляется возможным выдвинуть в качестве гипотезы следующее объяснение появления в погребальном обряде тазабагъябской общности традиции укладывания в могилу мужчин на правом, а женщин на левом боку.

В погребениях андроновской культуры на алакульском этапе ее развития в одиночных захоронениях умершие — как мужчины, так и женщины — в большинстве случаев лежат на левом боку. Наряду с этим, в среде алакульских племен достаточно часто практиковалось положение погребенных и на правом боку. Например, в упомянутом выше мо-

гильнике Тасты-Бутак количество погребенных на левом боку составляло 73,6 % от общего числа, на правом боку — 26,4% (Сорокин 1962: 35). В раннеалакульском Ветляньском могильнике (нижнее течение р. Илек, Уральская область) большинство умерших также было уложено на левом боку, на правом боку лежало только 22,6% погребенных (Горбунов 1992: 27). Вместе с тем, в парных разнополюх алакульских погребениях существовал обычай, согласно которому женщина в могиле укладывалась всегда лицом к мужчине. Данная черта погребального обряда наблюдается практически на всей территории обитания алакульских племен (Сальников 1952: 63; Сорокин 1962: 92; Евдокимов 1984: 11; Зданович 1988: 143). Соответственно, если в парных разнополюх алакульских погребениях мужчина лежит на левом боку, то женщина на правом, и наоборот, если мужчина на правом боку, то женщина на левом. Например, в могильнике Тасты-Бутак обнаружено семь парных разнополюх погребений, из них в пяти погребениях мужчина лежал на левом боку, а женщина на правом, и в двух погребениях мужчина на правом, а женщина на левом боку (Сорокин 1962: 92).

Данный обряд строго соблюдается в могильнике Кокча 3, где во всех пятнадцати парных разнополюх погребениях умершие лежат лицом друг к другу — мужчина на правом боку, а женщина на левом (Итина 1961: 56; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 138). По всей видимости, семантика этого обряда близко связана с идеей противопоставления мужчины и женщины в древнем обществе — идеи двух изначально противоположных знаковых систем. Исходя из этого, можно предположить, что традиция мужского и женского труположения в погребальном обряде тазабагъябской культуры Южного Приаралья, где фиксируется четкое противопоставление мужского и женского положения в могилу, является определенно рода трансформацией обрядовых норм парного разнополого захоронения алакульской культуры. Ментальное переосмысление старых и устойчивых представлений, существовавших в среде алакульцев (вероятно, связанных со статусом общественных отношений мужчины и женщины), выразилось в появлении новой формы погребальной практики у тазабагъябского населения, в сложении которого основное участие приняли алакульские племена. В степной зоне такое положение по-

² Ярким примером материального отражения контактов пришлое степного и местного земледельческого населения в эпоху поздней бронзы на территории Средней Азии, в процессе которых произошла синкретизация двух различных культурных групп населения, являются археологические комплексы, обнаруженные на территории Южного Таджикистана — могильники Дашти-Кози, Кумсай, Тандырйул, поселения Кангуртут, Тегузак и др. (Исаков, Потемкина 1989; Виноградова, Пьянкова 1990; Виноградова 1991; Пьянкова 1999; Виноградова 2000).

гребенных характерно только для алакульской культуры, в срубных парных разнополюх погребениях оба умерших — и мужчина и женщина — укладывались в большинстве случаев на левый бок, женщина всегда за спиной мужчины.

На территории Средней Азии парные разнополюе погребения подобного рода, где мужчина и женщина лежат лицом друг к другу, известны, главным образом, в так называемых «ямах со спуском» Раннего Тулхарского могильника бишкентской культуры, среди которых имеются как одновременные, так и разновременные захоронения (Мандельштам 1968: 7—34, рис. 4, 8, 9, 11, 18, 20, 22, 24). В погребениях сапаллинской культуры парных разнополюх захоронений весьма мало и практически все они разновременны. Большая часть из них «двухуровневые», то есть в одиночной могиле, где уже лежал один усопший, подсыпался слой земли, на котором размещались останки второго. В тех же немногочисленных парных погребениях, где оба костяка лежат на одном уровне, можно отметить, что по отношению друг к другу в одних случаях умершие расположены лицом, а в других спиной (Аскарлов 1973: 52, рис. 23, табл. IV; Аскарлов 1977: табл. II; Аскарлов, Абдуллаев 1983: 10, 48, табл. I). На наш взгляд, расположение мужчины и женщины в парных погребениях бишкентской и сапаллинской культуры обуславливалось принципами погребального обряда при совершении захоронений в могилах катакомбного типа (ямы со спуском Раннего Тулхарского могильника в таком случае можно рассматривать как вариант катакомбных погребений). Данный принцип погребальной практики исходил, как нам представляется, из правила взаимного расположения мужчины и женщины в пределах одного погребального пространства. В сапаллинской культуре умершие в одиночных погребениях катакомбного типа всегда укладывались вдоль стенки, противоположной входу в камеру: мужчина спиной ко входу, а женщина — лицом. Общая картина парного погребения, в таком случае, зависела от очередности захоронений: если первым был похоронен мужчина, то умершие лежат спиной друг к другу, если первой была женщина — тогда лицом. В бишкентской культуре в одиночных погребениях умершие — и мужчина и женщина — в большинстве случаев укладывались в могиле лицом ко входу (спуску), вдоль стенки камеры, противоположной спуску, мужчина всегда на правом боку, а женщина на левом. Однако в парных погребениях мужчина укладывался в соответствии с традицией одиночного захоронения — вдоль стенки камеры, противоположной входу, лицом ко входу, а женщина рядом с ним, но уже спиной ко входу и лицом к мужчине. В некоторых одиночных

погребениях могильника Ранний Тулхар отмечается положение женщины спиной ко входу (мог. № 29, 30, 48). Данные погребения, по всей видимости, следует рассматривать в качестве символически «парных», где тело мужчины отсутствует, но для него как бы оставлено место в могиле.

Таким образом, несмотря на факт общего сходства мужского и женского труположения в сапаллинской, бишкентской и тазабагыябской культурах, у нас все же нет оснований для определения достоверных генетических связей в погребальном обряде названных археологических комплексов. Следует также указать на очевидный хронологический разрыв между тазабагыябской и бишкентской культурами (вторая по ряду признаков синхронизируется с саргаринским временем развития андроновской культурной общности).

Особенности тазабагыябской культуры проявляются также в керамическом комплексе могильника Кокча 3, в материалах которого присутствует определенный набор признаков, позволяющих уточнить хронологические рамки ее существования. Во-первых, следует отметить полное отсутствие валиковой посуды, массовое распространение которой в степной зоне происходит начиная только с XIV—XIII вв. до н. э., то есть со времени сложения так называемой «общности культур валиковой керамики», основными носителями которой являлись саргаринско-алексеевская и ивановская культуры. Во-вторых, наличие в керамических комплексах могильника Кокча 3 горшковидных сосудов со сглаженным уступчиком на месте плечика и елочным орнаментом по тулову, традиция которых в степной зоне четко датируется позднеалакульским временем (рис. 2: 1—3) (Зданович 1988: 112). Резная техника нанесения орнамента также сближает тазабагыябскую керамику с алакульской. В-третьих, на посуде могильника Кокча 3 присутствует относительно небольшое число орнаментальных элементов (например, косых заштрихованных треугольников по венчику вершинами вверх; геометрического меандра; групп треугольников на тулове, соединенных углами; зигзагообразных линий), которые в большей степени характерны для керамики федоровской культурной традиции (рис. 2: 4, 5).

Что касается женских металлических украшений, обнаруженных в могильнике Кокча 3, то все они имеют андроновскую принадлежность. По заключению Н. А. Аванесовой, которая провела типологический анализ металлических изделий андроновской культуры, бронзовые восьмеркообразные височные подвески (типа IB2 по Аванесовой) являются

«этнической особенностью алакульских памятников» (Аванесова 1979: 17; Аванесова 1991: 54). Данный тип подвесок был широко распространен в контактной зоне обитания алакульских и срубных племен и хронологически появляется только на поздних этапах развития алакульской и срубной культуры. Пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты с заходящими концами (типа IIIA2 по Аванесовой) также появляются в алакульское время (Аванесова 1991: 68), хотя позднее они достаточно часто встречаются и в федоровских комплексах.

Таким образом, анализ погребальных комплексов могильника тазабагыябской культуры Кокча 3 показывает, что данный материал содержит определенное число признаков, которые находят себе аналогии в культурных традициях различных родственных (андроновских) групп степного населения Евразии эпохи поздней бронзы — алакульской (на ее позднем этапе развития) и, отчасти, федоровской. Отдельные элементы культурных традиций этих групп степного населения, смешавшись, составили неповторимое своеобразие тазабагыябской культуры.

Шкала относительной периодизации андроновских памятников степной зоны Евразии в настоящее время имеет достаточно устойчивые хронологические рамки. Н. А. Аванесова, опираясь на результаты типологического анализа металлических изделий, разделила андроновскую общность на ряд культурно-хронологических этапов: а) петровский: XVII—XVI вв. до н. э.; б) алакульский: XV—XIV вв. до н. э.; в) кожумбердинский: XIV в. до н. э.; г) федоровский: конец XIV—XIII вв. до н. э.; д) замараево-бегазинский (валиковой керамики): XII—IX вв. до н. э. (Аванесова 1979, 1991). Г. Б. Зданович на основе стратиграфического изучения андроновских поселений северного Казахстана установил следующую последовательность развития андроновской общности: а) петровская культура: XVII—XV вв. до н. э.; б) алакульская культура: XV—XIV вв. до н. э.; в) федоровская культура: XIV—XII вв. до н. э.; г) саргаринско—алексеевская культура: XII—IX вв. до н. э. (Зданович 1988).

Полученные во второй половине 90-х гг. новые результаты радиоуглеродного анализа ряда погребений могильника Синташта позволяют несколько удревнить традиционные хронологические рамки существования андроновской культурной общности. Исходя из калиброванных данных радиоуглерода, раннеандроновские (синташтинско-петровские) комплексы могут быть датированы XXI—XVIII вв. до н. э. (Трифонов 1997: 95, табл. 1). Вследствие этого вниз сдвигается вся шкала андроновской хронологии, в соответст-

вии с которой алакульская культура будет датироваться XVII—XVI вв. до н. э., федоровская культура — XV—XIV вв. до н. э., саргаринско-алексеевская культура — XIV—XIII вв. до н. э.

Таким образом, материалы погребений могильника Кокча 3 показывают, что появление тазабагыябской культуры на территории Южного Приаралья по шкале хронологии андроновской культуры следует относить к позднеалакульскому — раннефедоровскому периоду развития андроновской культурной общности, то есть к концу XVI — началу XV вв. до н. э.

Общий период существования тазабагыябской культуры на территории Южного Приаралья, по всей видимости, был непродолжительным. В пользу этого заключения свидетельствуют, с одной стороны, практически абсолютная типологическая идентичность керамики могильника Кокча 3 и тазабагыябских стоянок, неоднократно отмечаемая самими авторами раскопок (Итина 1961: 72; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 143—147), позволяющая синхронизировать материалы стоянок и могильника, а с другой — полное отсутствие динамики развития погребального обряда могильника Кокча 3, где совершенно одинаковый набор обрядовых признаков характерен для всех погребений. Однообразие погребального обряда выражается в конструкции погребений (обычная грунтовая яма), способе трупоположения (мужчина на правом боку, женщина на левом), ориентировке погребенных (строго на запад), составе погребального инвентаря (браслеты и подвески в женских погребениях, шилья с костяной ручкой в мужских), принципе размещения сопроводительного инвентаря в погребениях (посуда стоит около головы умершего).

Непродолжительное существование тазабагыябской культуры, кроме того, подтверждается математическим расчетом палеодемографической модели коллектива, оставившего в процессе своей жизнедеятельности могильник Кокча 3, которая вычисляется по формуле: $\frac{N}{n} = \frac{T}{\Delta t}$, где N — количество погребенных в могильнике; n — количество людей, составлявших общину за все время функционирования могильника; T — продолжительность функционирования могильника; Δt — средний возраст погребенных. Если мы, преобразуя данную формулу, рассчитаем значение n исходя из предложенных М. А. Итиной хронологических рамок функционирования могильника Кокча 3 в пределах XIII—XI вв. до н. э. (то есть, T = 300 лет), то, принимая за средний возраст погребенных цифру в 40 лет и зная примерное их количество (всего обнаружено 118 могильных ям, в них сохранились остатки

74 человек), получим следующий результат: $n = \frac{\Delta t}{T} N = \frac{40}{300} 118 = 15,7$ человек. Данные цифры, конечно же, не претендуют на абсолютную точность, но даже с учетом всех возможных поправок значений Δt и N коэффициент расхождения значения n при $T = 300$ лет составит не более 20% от полученного, что в любом случае будет являться недопустимо малой величиной. Вследствие этого, широкая датировка могильника Кокча 3 в пределах нескольких сот лет выглядит сомнительной. Надо полагать, общая продолжительность функционирования могильника Кокча 3 не превышала нескольких десятилетий, что, как уже было отмечено выше, подтверждается однообразием погребального обряда данного памятника, в захоронениях которого наблюдается ярко выраженная консервативность обрядовых признаков.

Подводя общие итоги работе, представляется возможным сделать следующие выводы. Тазабагьябские племена, судя по материальной культуре, отраженной в могильнике Кокча 3, существовали на территории Южного Приаралья весьма непродолжительное время. Судьба их, надо полагать, в общих чертах сходна с судьбой федоровских племен, проникнувших в ходе миграций на территорию Южной Сибири, где, оторвавшись от основной территории обитания и исчерпав собственные людские ресурсы, они вскоре исчезли, не оказав значительного влияния на местное население.³ По всей видимости, аналогичная ситуация складывалась и в среде тазабагьябской культуры: отдельная группа степных племен позднеалакульского облика, достигнув Южного Приаралья, осваивает эту область, но через определенный промежуток времени в силу различных причин прекращает свое существование на данной территории.

На территории Средней Азии археологические комплексы тазабагьябского типа, кроме Южного Приаралья, известны в низовьях р. Заравшан, где обнаружено более 20 сильно разветвленных стоянок (Гуджайли, Пайкент, Большой Тузкан, Малый Тузкан и др.), с поверхности которых была собрана коллекция керамики, имеющей значительное сходство с керамикой тазабагьябской культуры, а также небольшой (всего 5 погребений) могильник Гуджайли и отдельное погребение в местечке Кызыл-Кыр, инвентарь которых, кроме керамики, составляли пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты и восьмеркообразные височные подвески тазабагьябского вида (Гулямов, Исламов, Аскарлов 1966: 187—207, 224, таб.

XXIII—XXXVIII). Наибольшее же число находок керамики тазабагьябского типа в глубинных районах Средней Азии концентрируется на территории юго-восточного Туркменистана в земледельческих оазисах дельты Мургаба времени Намазга VI, где значительное количество фрагментов посуды тазабагьябского облика было собрано с такыров, окружавших древнеземледельческие поселения (Кутимов 1999: 321). Таким образом, территория Южного Приаралья для тазабагьябских племен являлась своего рода промежуточным пунктом на пути их миграционного движения из степной зоны во внутренние районы Средней Азии, которое, как видно, большей частью было направлено к земледельческим оазисам древней дельты Мургаба времени Намазга VI. По всей видимости, с территории Южного Приаралья тазабагьябские племена продвигались вглубь Средней Азии, следуя вдоль русла Амударьи. Какая-то часть этих племен, добравшись до устья Заравшана, поднялась вверх по реке, другая группа, повернув на юго-запад, постепенно достигла земледельческих оазисов дельты Мургаба.

Основным культурным компонентом, принявшим участие в сложении тазабагьябской общности, является позднеалакульский субстрат, что находит наиболее полное отражение в материальных комплексах могильника Кокча 3. Наличие в керамическом материале тазабагьябских погребений небольшого числа орнаментальных мотивов федоровского типа свидетельствует либо о возможном незначительном включении носителей федоровской культуры в тазабагьябскую среду, либо, что более вероятно, федоровские племена не принимали непосредственного участия в сложении тазабагьябской культуры, а имели место только определенного рода культурные контакты между тазабагьябским и федоровским населением, в результате которых тазабагьябцы заимствовали отдельные элементы федоровской традиции керамического производства. В целом, датировка тазабагьябской культуры укладывается в пределах конца XVI—начала XV вв. до н. э.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в рамках данной статьи была затронута лишь небольшая часть проблем, связанных с изучением тазабагьябской культуры эпохи поздней бронзы Южного Приаралья. Круг этих проблем, однако, значительно шире и все они требуют своего решения. В работе, например, намеренно не рассматривался такой немаловажный вопрос, как степень участия срубных племен в сложении тазабагьябской культуры. Несомненно, что наряду с позднеа-

³ Отдельные группы федоровских племен с территории Южной Сибири впоследствии мигрировали на юг Западной Сибири.

лакульским субстратом какая-то часть носителей срубной культуры приняла участие в формировании тазабагьябской общности. Однако вопрос о том, насколько полно данный процесс отразился в материальных комплексах тазабагьябской культуры, остается пока открытым. В свое время С. П. Толстов сделал вывод, поддержанный впоследствии М. А. Итиной и Е. Е. Кузьминой, что срубно-андроновские племена пришли на территорию Южного Приаралья уже в смешанном виде, их синкретизация произошла в процессе миграций на территории, лежащей к северу от Аральского моря, где-то в Южном Приуралье или Западном Казахстане (Толстов 1962: 57, 59; Итина 1977: 139, 140, 176; Кузьмина 1988: 50). А. М. Мандельштам, со своей стороны, пришел к заключению, что срубный компонент в

тазабагьябской культуре «вторичный и поздний, влившийся в состав ранее передвинувшихся в Хорезм носителей какого-то локального варианта андроновской культуры» (Мандельштам 1972: 7). Во всех случаях эти выводы были сделаны исходя из большей или меньшей степени поверхностного анализа тазабагьябских комплексов, конкретных исследовательских работ по этой теме еще не проводилось. Для решения этой проблемы необходима более детальная проработка тазабагьябского материала, в первую очередь керамики. В целом, комплексного рассмотрения требуют вопросы периодизации не только тазабагьябской общности, но и всех остальных археологических культур эпохи бронзы Южного Приаралья.

- Аванесова, Н. А.* 1979. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент.
- Аскарлов, А. А.* 1973. Сапаллитепе. Ташкент.
1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
- Аскарлов, А. А., Б. Н. Абдуллаев.* 1983. Джаркутан. Ташкент.
- Вишгородов, А. В., М. А. Итина, Л. Т. Яблонский.* 1986. Древнейшее население низовий Амударьи // Труды Хорезмской экспедиции XV. Москва.
- Вишгородова, Н.* 1991. Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии 18: 68—88. Москва.
- Вишгородова, Н. М.* 2000. Исследование контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: 89—109. Москва.
- Вишгородова, Н., Л. Пьяикова.* 1990. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии 17: 98—112. Москва.
- Горбунов, В. С.* 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Гулямов, Я. Г., У. Исмаилов, А. Аскарлов.* 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент.
- Евдокимов, В. В.* 1984. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Зданович, Г. Б.* 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.
- Исаков, А. И., Т. М. Потемкина.* 1989. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология 1: 145—167.
- Итина, М. А.* 1959. Первобытная керамика Хорезма // Труды Хорезмской экспедиции IV: 5—62. Москва.
1961. Раскопки могильника тазабагьябской культуры Кочка 3 // Материалы Хорезмской экспедиции 5: 3—96. Москва.
1977. История степных племен Южного Приаралья // Труды Хорезмской экспедиции X. Москва.
1986. Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «варварской» периферией в эпоху бронзы // Древние цивилизации Востока: 129—137. Ташкент.
1987. Бронзовый век Средней Азии в свете контактов земледельческого юга и скотоводческого севера // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: 66—68. Алма-Ата.
1998. К истории изучения бронзового века Южного Приаралья // Приаралье в древности и средневековье: 78—90. Москва.
- Кузьмина, Е. Е.* 1988. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // Вестник древней истории 2: 35—59. Москва.
1994. Откуда пришли индоарии? Москва.
- Кутимов, Ю. Г.* 1999. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // Stratum Plus 2: 314—322. Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса.
- Мандельштам, А. М.* 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР 145. Москва — Ленинград.
1972. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва-Ленинград.
- Пьяикова, Л. Т.* 1999. Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана // Stratum Plus 2: 286—297. Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса.
- Сальников, К. В.* 1952. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии СССР 24: 51—71. Москва-Ленинград.
- Семенова, А. П.* 1983. Погребальный обряд племен срубной культуры лесостепной зоны левобережья Волги. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Сорокин, В. С.* 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак в Западном Казахстане // Материалы и исследования по археологии СССР 120. Москва-Ленинград.
- Толстов, С. П.* 1939. Древнехорезмийские памятники Кара-Калпаки // Вестник древней истории 3: 172—199. Москва.
1940. Хорезмийская экспедиция 1939 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР 6: 70—79.
1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва.
1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва.
- Трифонов, В. А.* 1997. К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и археология. Археологические изыскания 37: 94—97. Санкт-Петербург.
- Трифимова, Т. А.* 1961. Черепа из могильника тазабагьябской культуры Кочка 3 // Материалы Хорезмской экспедиции 5: 97—146. Москва.

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT AND ABSOLUTE DATING OF THE TAZABAGYAB CULTURE OF THE SOUTHERN ARAL REGION

(on materials from the Kokcha III burial-ground)

YURI G. KUTIMOV

In the late 1930-s, on the right bank of the lower Amu Darya a number of scattered settlements were discovered by the Khorezm Expedition during archaeological investigation of the Southern Aral region. From the surface of this sites handmade flat-bottomed pottery with geometrical ornamentation was gathered. S. P. Tolstov denominated this culture as «Tazabagyab» and noted that the found artefacts have certain resemblance to material complexes of the Srubnaya and Andronovo cultures of the late Bronze Age of steppe zone of Eurasia (Толстов 1939: 174, 175; Толстов 1940: 70, 71).

At first, the origin of Tazabagyab culture was considered to be connected with the Kelteminar Neolithic culture, thus no one could rule out that some separate groups of Srubnaya and Andronovo population also took part in the formation of the Tazabagyab culture (Толстов 1948: 76). However, later the hypothesis was proposed that the emergence of the Tazabagyab culture in the Southern Aral is linked to the penetration of mixed Srubnaya-Andronovo tribes from the steppe zone and their amalgamation with the local Suyargan culture. Gradually, the Srubnaya-Andronovo tribes completely assimilated with the Suyargan population (Толстов 1962: 57, 59; Итина 1977: 139, 140; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 150; Кузьмина 1988: 50).

The burial complexes of the Tazabagyab culture in the region of the Southern Aral are known from excavations of the Kokcha III burial-ground which was investigated by the Khorezm Expedition in 1954—55 and 1977 (Итина 1961: 3—96; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 123—152).

The Kokcha III cemetery is situated in the lower part of the ancient Amu Darya delta. In the area of the burial-ground 118 graves have been revealed, among which only 53 burials with 74 dead were preserved fairly well. The grave features of the Kokcha III are quite similar for whole number of the burials. These are simple earth pits of rectangular or square shape with rounded corners, devoid of any over-grave structures. Most of the graves contained a single burial (32 burials, of which 14 were male, 5 female

and 13 children's), but there were also 21 double burials, from which 15 were burials of adult pairs (mostly simultaneous), 2 female, 3 children's and 1 burial of a woman with a child. All the dead were inhumed. The skeletons lay flexed — each man on his right side and each woman on her left. The bodies were oriented to the west with slight deviations to the south or north. The posture of the dead in paired heterosexual burials at Kokcha III was uniform: they lay flexed on one side (a man on his right and a woman on her left) turned to one another with their faces (fig. 1: 1, 2) (Итина 1961: 11—49, fig. 3, 6, 8, 11, 13, 15; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 123—137, fig. 32, 36).

The grave goods from Kokcha III are represented by various forms of handmade pottery and metal objects. The ceramic assemblage includes 118 vessels. The pottery was made of clay tempered with great amounts of pounded shell and marl. The vessels were non-uniformly fired and had a spotty outer surface. The predominant part of the pottery were vessels with a bent or straight throat, a small slightly out-curved rim, a sharply curved shoulder and a narrow bottom. Other shapes also were found: can-like vessels with a smoothed ledge in the area of their shoulder (fig. 2: 1). The decorations were arranged in zones on the necks and shoulders. The ornamental elements were composed of isosceles and open-ended triangles, triangles with «eyelashes» and crooked lines. Some examples had a meander. The execution of ornamental decoration on the vessels is carved (Итина 1961: 63—74, fig. 4, 5, 7, 9, 10, 12, 14; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 142—147, fig. 33, 35, 37, 38). The collection of metal objects from Kokcha III consisted mostly of bronze women's adornments, including temporal pendants (fig. 3: 1), convex—concave lamellate bracelets with open meeting ends decorated with small inlays along the outside edges (fig. 3: 2), and rings. In addition, various bronze, stone, paste and clay beads as well as a number of bronze needles were found in women's burials. The inventory of the men's graves, in addition to the pottery, included bronze awls with bone handles (fig. 3: 3). Adorn-

ments were found only in women's graves: each of the dead usually had two bracelets on their wrists and two pendants located in the area of the temporal bones (Итина 1961: 74—89, fig. 23—28; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 147—149, fig. 34).

The datings of the Tazabagyab culture, proposed in the earlier works by authors of the excavations and by other researchers, practically have not changed in their later publications. М. А. Итина dated the Tazabagyab culture at first to the middle—the end of the 2nd millennium В. С. (Итина 1959: 54), then to the middle—the second half of the 2nd millennium В.С. (Итина 1977: 22), or the 14th—11th centuries В. С. (Итина 1998: 85). Е. Е. Кузьмина adheres to a similar dating of the Tazabagyab culture: the 15th—11th centuries В. С. (Кузьмина 1988: 50), or 15th—13th centuries В. С. (Кузьмина 1994: 229). According to М. А. Итина's opinion the whole period of existence of the Kokcha III cemetery can be related to the 13th—11th centuries В.С. and she traditionally abides by such dates in all her publications (Итина 1961: 89; Итина 1977: 22; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 147, 150; Итина 1998: 85).

The tradition of burying in simple earth pits at Kokcha III has no direct parallels at sites of the late Bronze Age Srubnaya and Andronovo cultures in the steppe zone of Eurasia. The burial customs of these cultures were linked to a greater variety of structural elements. The nearest parallels to the simple rectangular pits of Kokcha III are known from the Alakul cemetery of Tasty-Butak (Akt'yubinsk region, Western Kazakhstan). However there, all the burials had some over-grave structures e.g. stone enclosures, and were mostly collective with several graves united into groups (Сорокин 1962: 28). Thus, the tradition of burying dead in simple earth pits without over-grave structures found at Kokcha III should be considered as a local burial custom which was peculiar only to tribes of the Tazabagyab culture.

The westward orientation of the dead in graves, in general, is characteristic only of the Andronovo culture, therefore the similar orientation of the dead at the cemetery of Kokcha III may be explained by an Andronovo influence. Another question concerns the Kokcha III tradition of laying men on their right side and women on their left. Throughout Central Asia, beside the Kokcha III cemetery, this posture of the dead was often found in burial complexes of the local settled agricultural and cattle-breeding populations of the late Bronze Age, namely in the Sapalli culture in Southern Uzbekistan and the Bishkent culture in Southern Tajikistan. On the basis of this fact, М. А. Итина came to the conclusion that the agricultural population of the south of Central Asia exerted certain cultural influence upon Tazabagyab tribes of the Southern

Aral which resulted in the adoption the described burial tradition by the latter tribes (Итина 1977: 214—216; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 149, 150; Итина 1987: 68). According to М. А. Итина's opinion such conclusion is confirmed by finds of certain objects in Tazabagyab complexes which may be regarded as an evidence of direct contacts between the Tazabagyab population and southern agricultural cultures by means of which the Tazabagyab tribes could borrow such feature of burial custom from agricultural ones (Итина 1986: 132). However, the amount of these finds in the Southern Aral region is very insignificant, all of them having been uncovered in unstratified and mostly scattered layers of dwellings. That is why there are certain doubts in their Tazabagyab belonging (in burials of Kokcha III, for instance, similar things have not been found at all). Therefore, there are no reasons to regard these finds as an evidence of developed cultural relations. It is impossible to speak authentically about deep and versatile influence of local Central Asia cultures over Tazabagyab population of the Southern Aral, because no convincing enough materials are actually available.

In view of the absence of proofs of a cultural influence of Central Asian agricultural cultures over Tazabagyab tribes, it is possible to put forward the following hypothetical explanation of the appearance of the custom of burying men on their right and women on the left side in the Tazabagyab culture.

In single graves dating to the Alakul period of the Andronovo culture, the dead (both men and women) in most cases lay on their left side. However, burying the dead on their right side was also widespread in the Alakul society. For example, at the cemetery of Tasty-Butak, 73,6% of the total number of the dead were lying on their left side and 26,4 % were on their right (Сорокин 1962: 35). At the Alakul cemetery of Vetlyansk (in the lower reaches of the Ile River, Ural region) most of the deceased also were lying on their left side, while only 22,6 % were on their right (Горбунов 1992: 27). At the same time, in double heterosexual Alakul graves women usually were buried facing the men. This burial rite was observed practically throughout the entire territory of occupation of Alakul tribes (Сальников 1952: 63; Сорокин 1962: 92; Евдокимов 1984: 11; Зданович 1988: 143). Accordingly, if in double heterosexual Alakul graves a man was buried on his left side then a woman was on her right, and vice versa, if a man was laid on his right side then a woman was on her left. For example, at the Tasty-Butak burial-ground, seven double heterosexual burials have been discovered, of which in five graves men were lying on their left side and women on their right, and in two burials

men were lying on their right and women on their left side (Сорокин 1962: 92).

The described custom is strictly observed at the cemetery of Kokcha III, where in all the fifteen double heterosexual burials, the dead were lying face-to-face — men on their right side and women on their left (Итина 1961: 56; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 138). By all appearances, the semantics of this custom is closely connected with the idea of an opposition between man and woman in the ancient society — it is an idea of two systems of initially opposite signs. This leads us to the assumption that the tradition of the male and female inhumations in the burial custom of Tazabagyab culture in the Southern Aral region, with its strictly fixed opposition of postures of men and women, is a transformation of the ritual norms of double heterosexual burials of Alakul culture. A new understanding of the old and steady notions which had existed among the Alakul population (probably, connected with the status of public relations of man and woman in the ancient society) became the reason for the appearance of a new burial practice among the Tazabagyab population, in the formation of which Alakul tribes took the basic part. In the steppe zone such postures of the dead are characteristic only of the Alakul culture; in double heterosexual burials of the Srubnaya culture the deceased (both men and women) lay mostly on their left sides — the women always buried behind of men's back.

Some developmental features of the Tazabagyab culture are expressed in the ceramic assemblage from the Kokcha III possessing a certain combination of characteristics, which allow us to identify the chronological frameworks of this culture. First of all, one should note the complete absence of the shaft-type pottery which in the steppe zone is found from the beginning of the 14th—13th centuries B.C. It is during this period that in the steppe zone there appeared the so-called «community of cultures of shaft-type pottery», tribes of Sargarino-Alekseevo and Ivanovo cultures being its basic representatives. Secondly, the presence of pot-like vessels with a smoothed ledge on the shoulder and herring-bone pattern on the body in the ceramic complex from Kokcha III allows us to date this tradition precisely to the late Alakul period (fig. 2: 1). The carved technique of decoration also makes the Tazabagyab pottery to resemble the Alakul's one. Thirdly, on the pottery from Kokcha III cemetery, a small number of ornamental elements (e.g. slanting shaded upturned triangles on the rim, geometrical meanders, groups of triangles contiguous with their angles on the body, zigzags) are present which in a greater degree are characteristic of pottery of the Fedorovo cultural tradition (fig. 2: 2).

As to the women's metal adornments found at Kokcha III, they all belong to the Andronovo

culture. According to N. A. Avanesova who has carried out a typological analysis of metal artefacts of the Andronovo culture, the bronze temporal pendants are an «ethnic feature of Alakul sites» (Аванесова 1991: 54), and lamellate convex-concave bracelets with meeting ends also are encountered among artefacts of the Alakul period (Аванесова 1991: 68), though later they are fairly common also in Fedorovo assemblages.

Thus the analysis of burial complexes of Tazabagyab culture from the Kokcha III showed that these complexes possess a number of features which find parallels in cultural traditions of various related (Andronovo) steppe populations of the late Bronze Age Eurasia: 1) in Alakul (at the later stage of its development), and 2) partly, in Fedorovo. Separate elements of cultural traditions of these groups of steppe population, having mixed up, formed the unique originality of the Tazabagyab culture.

The relative periodisation of the Andronovo culture of the Eurasian steppe zone has at present steady chronological frameworks, on the basis of which the development of the Andronovo community can be dated in the following sequence: a) the Petrovo culture of the 21st—18th centuries B.C.; b) the Alakul culture of the 17th—16th centuries B.C.; c) the Fedorovo culture of the 15th—14th centuries B.C.; d) the Sargarino-Alekseevo culture of the 14th—13th centuries B.C.

Thus the evidence from Kokcha III burial-ground shows that the emergence of the Tazabagyab culture in the area of the Southern Aral should be correlated with the late Alakul — early Fedorovo period of the development of the Andronovo cultural community (i. e. the end of the 16th — beginning of the 15th centuries B. C.).

The entire period of the existence of the Tazabagyab culture in the Southern Aral region, to our opinion, was fairly short. This conclusion is confirmed, firstly, by the almost absolute identity of types of the pottery from the Kokcha III and that from Tazabagyab settlements; this fact, repeatedly noted by the authors of the excavations (Итина 1961: 72; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 143—147), allows us to synchronise these materials. The second argument is the absolute absence of any dynamics in the development of the burial rites at Kokcha III, a completely identical combination of ritual features being peculiar to all the burials. The stagnation of the burial custom is expressed in all its components: the shape of burials (common ground pit), postures of the inhumed (the man on his right side and the woman on her left), orientation of the dead (strictly westward), composition of the grave goods (bracelets and pendants in women's burials, and awls with a bone handle in men's graves), the spatial arrangement of the accompanying inventory (pottery put near the head of the deceased).

On the basis of the facts described above we can arrive at the following conclusions. Tazabagyab tribes (in that kind as their material culture has been reflected in the Kokcha III burial-ground) were occupying the region of the Southern Aral for an extremely short period. Their fate, in general, was similar to that of the Fedorovo tribes, which during their migrations penetrated to Southern Siberia, where, having been torn away from their basic territory and exhausted of their human resources, they soon disappeared, without having influenced significantly the local population. By all appearances, the tribes of the Tazabagyab culture underwent a similar evolution: a separate group of steppe tribes reached the territory of the Southern Aral and due to various reasons disappeared after a certain segment of time.

In Central Asia, archaeological complexes of the Tazabagyab type, besides the Southern Aral region, are found on the Lower Zarafshan (territory of modern Bukhara area), where over 20 scattered settlements and one small cemetery of Gudjaili (only 5 graves) have been discovered (Гулямов, Исламов, Аскарлов 1966: 187—207). The greatest amount of pottery of the Tazabagyab type found in the inner areas of Central Asia. It is concentrated within south-east Turkmenistan, in agricultural oases of the Murghab delta belonging to Namazga VI period; here nu-

merous fragments of the Tazabagyab type pottery were gathered from the surface around ancient agricultural settlements (Кутимов 1999: 321). Thus, the area of the Southern Aral must have been an intermediate point for Tazabagyab tribes on their migration route from the steppe zone to the internal areas of Central Asia — mainly, to agricultural oases of the ancient Murghab delta of Namazga VI period. It seems, that from the Southern Aral, the Tazabagyab tribes penetrated deep into Central Asia along the banks of the Amu Darya. Some of these tribes, having reached the mouth of the Zarafshan, further proceeded upstream towards the territory of modern Bukhara oasis; another group turned south-west and gradually reached ancient agricultural oases of the Murghab delta.

The late Alakul tribes were the basic cultural component of the Tazabagyab community. A small number of vessels of the Fedorovo type found among the Tazabagyab pottery suggest an insignificant inclusion of Fedorovo tribes as part of the Tazabagyab community, or, more probably, that it were just cultural contacts between the Tazabagyab and Fedorovo populations, which resulted in Tazabagyab people borrowing some elements of the Fedorovo tradition of pottery-making. In general, the dating of Tazabagyab culture should be placed within the end of the 16th—the first half of the 15th century B. C.

КАКОМУ БОЖЕСТВУ ПОКЛОНЯЛИСЬ ОЛЬВИОПОЛИТЫ В СВЯТИЛИЩЕ НА ГИППОЛАЕВОМ МЫСУ?

М. В. СКРЖИНСКАЯ¹

В отечественной и зарубежной историографии давно уже отпали сомнения в том, кому поклонялись ольвиополиты в святилище на Гипполаевом мысу. Все исследователи во второй половине XX в., касаясь этого вопроса, писали о святилище или храме Деметры (Штигельман 1956: 257; Русяева 1979: 6, 71; Русяева 1992: 85, 114—115; Крыжицкий, Лейпунская 1999: 117 и др.). Они исходили из единственного сохранившегося свидетельства об этом в «Истории» Геродота (IV, 53).

В изданиях греческого текста «отца истории» (Herodotus 1898, 1933, 1949, 1963), в русских (Геродот 1885, 1972; Доватур, Каллистов, Шишова 1982), украинских (Геродот 1993) и западноевропейских переводах (Herodotus 1967, 1971 и др.), осуществленных в конце XIX—XX вв., действительно написано о святилище Деметры. Геродот указал, что оно находится на Гипполаевом мысу, выдвигающемся, подобно корабельному носу, между слиянием рек Гипаниса и Борисфена, а напротив него живут ольвиополиты, называемые историком борисфенитами (τὸ δὲ μεταξύ τῶν ποταμῶν τούτων ἓὸν ἔμβολον τῆς χώρας Ἰππώλεω ἄκρῃ καλέεται, ἐν δὲ αὐτῇ ἰσὸν Διμήτρος ἐνίδρυσται. πέρην δὲ τοῦ ἰσοῦ ἐπὶ τῷ Ὑπάνι Βορυσθενεΐται κατοικῆνται).

Однако в более чем сорока сохранившихся рукописях «Истории» в этом месте существуют разночтения. Часть рукописей называет богиню не Деметрой, а Матерью (Herodotus 1857: 414). Издатели XX в. сочли это ошибкой переписчиков, пропустивших первый слог в имени божества — Μητρός вместо Διμήτρος. Но можно предположить и другое: средневековым писцам была известна античная богиня Деметра, а о Матери (богов), или Кибеле, они плохо помнили и поэтому исправили мало понятное Μητρός на Διμήτρος.

Во времена Геродота ольвиополиты поклонялись обеим богиням, и поэтому, по справедливому замечанию В. В. Латышева (Латышев 1887: 25, прим. 6), невозможно окончательно

решить, какому чтению следует отдать предпочтение.

Анализ приведенной Геродотом новеллы об Анахарсисе (IV, 76), а также новые находки граффити с именем Матери богов позволяют, на наш взгляд, привести более основательные доводы в пользу Кибелы. О почитании же Деметры в районах восточнее Гипаниса в V в. до н. э. ничего не известно. Во всяком случае, следует признать ошибочным отсутствие указаний на разночтение в отечественных переводах и комментированных изданиях.

Кульτ Матери богов, которую называли также Кибелой, существовал у ольвиополитов уже в VI в. до н. э. и был заимствован из метрополии. На западном теменосе Ольвии находился священный участок богини. Там на обломках сосудов архаического периода обнаружены граффити с посвящением Матери богов, а также найдены две небольшие вотивные стелы из местного известняка, изготовленные во второй половине VI в. до н. э. На них по милетским образцам изображена сидящая Кибела. Кроме того, на фрагменте чернолаковой чаши первой половины V в. до н. э. сохранилась процарапанная надпись, в которой Мать богов названа «владычицей Гилеи». Из письма на стенке амфоры третьей четверти VI в. до н. э. известно, что в Гилее ольвиополиты поставили алтари Матери богов, Геракла и речного божества Борисфена. Автор письма — ольвийский жрец; в своем послании, отправленном в Ольвию, он сообщил о разрушении этих алтарей (Русяева 1992: 144—145).

Ольвиополиты называли Гилеей лесную область в низовьях Борисфена (Her. IV, 9.19, 54, 55, 76; Mela II, 5; Plin. NH. IV, 83). Некоторые исследователи полагают, что Гилея располагалась на левом берегу Днепра; по нашему мнению, следует согласиться с учеными, локализовавшими Гилею по обоим берегам реки (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 232—233). Ведь Гилея, буквально лесная область, не должна была оканчиваться территорией за Борисфеном, потому что леса росли на обоих его

¹ Украина. 254210. Киев. пр. Героев Сталинграда, д. 12. Институт археологии НАН. Отдел античной археологии.

берегах. Скорее всего, ольвиополиты считали Гилеей лесной массив, лежавший напротив их города и его сельской округи и простиравшийся на восток за Борисфен.

Поклоняясь Матери богов в Гилее, колонисты уподобили окрестности своей новой родины тем лесистым горам в Малой Азии, где чтили Кибелу (Strab. X, 3, 12; С. 469). Она олицетворяла дающую неиссякаемое плодородие владычицу гор, лесов и всего живого. Празднества в ее честь представляли одну из древних форм почитания производящих сил природы. Лукиан в «Разговорах богов» (гл. 12) изобразил Кибелу мчащейся по малоазийской горе Иде в сопровождении своих спутников корибантов, которые гудят в рога и стучат в тимпаны. Наверное, ольвиополиты устраивали подобные процессии в Гилее. При свете сосновых факелов шествия и танцы сопровождались громкими восклицаниями, ударами в тимпаны, стуком кроталов и пронзительными звуками аулосов, исполнявших мелодии во фригийском ладе (Pind. Dithyr. 70 b. V. 8—14).

Культ Кибелы, как и Диониса, частично был общедоступным, но некоторые ритуалы и празднества могли справлять лишь посвященные в таинства богини. Свою причастность к таинствам поклонники Кибелы ощущали так же, как хор трагедии «Вакханки» Еврипида:

Счастлив, если приобщен ты
Оргий Матери Кибелы;
Если тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь Дионису

Перевод И. Атенского.

Для прояснения вопроса о святилище на Гипполаевом мысу следует привлечь записанную Геродотом в Ольвии новеллу о скифе из царского рода Анахарсисе (Скржинская 1998: 102). Ольвиополиты рассказывали, как Анахарсис, посетив многие страны и стяжав славу мудреца, возвращался на родину. Во время стоянки корабля в Кизике Анахарсис стал свидетелем празднества Матери богов; он поклялся совершить в ее честь подобное празднество, если благополучно возвратится на родину. Вернувшись в Скифию, Анахарсис исполнил свой обет: он отправился в Гилею и там произвел обряды, повесив на себя изображение Матери богов и ударяя в тимпан. Один скиф увидел это и донес царю Савлию. Тот прибыл в Гилею и, убедившись в истинности доноса, выстрелом из лука убил Анахарсиса за приверженность неотеческой религии. Так, по мнению рассказчика, скифы расправляются с теми, кто воспринимает чужие обычаи.

В новелле, как и в любом фольклорном произведении, нет определенных указаний на время ее действия. Но его можно определить по косвенным данным Геродота. Через ольви-

ополита Тимна, доверенного скифского царя Ариапифа, историк узнал, что Савлий был братом Анахарсиса и отцом победителя персов Идантирса. Таким образом, Анахарсис поклонялся Кибеле и погиб примерно в середине VI в. до н. э., потому что в последней четверти этого века Идантирс уже унаследовал власть от отца и воевал с Дарием.

Наверное, поступок Анахарсиса послужил лишь поводом для его устранения (Скржинская 1998: 106), но внешне гнев царя, вероятно, сопровождался не только расправой с родичем, но и уничтожением греческих алтарей в Гилее. Возможно, скифы не раз так поступали, и об одном из таких разрушений говорится в упомянутом выше граффито, близком по времени сюжету новеллы об Анахарсисе.

До сих пор не обращалось должного внимания на то, что Анахарсис дал обет поблагодарить Кибелу в случае благополучного возвращения на родину, то есть богиня должна была обеспечить безопасность плавания корабля. Ведь Анахарсис оказался в милетской колонии Кизике потому, что там останавливались все суда перед выходом в рискованное плавание по бурному Понту, где часто случались кораблекрушения. Во времена Анахарсиса Понт еще нередко называли не Евксинским, а Аксинским, то есть негостеприимным (Скржинская 1998: 19—20). Корабли тогда следовали вдоль берега; направляясь в Скифию, они выходили из пролива Боспор Фракийский и шли вдоль западного побережья Понта мимо весьма опасного места близ фракийского города Салмидесса, где античные корабли часто тонули не только в VI в. до н. э., но и в более поздние времена (Strab. VII, 6, 1).

Итак, из новеллы об Анахарсисе мы узнали о функции Кибелы — защитницы мореплавателей. Таким образом, ее покровительство всему живому распространялось не только на сушу, но и на водные пространства. Греки приписывали также подобную функцию Кабирам, культ которых был сходен с культом Кибелы, и их зачастую почитали в одном храме. Так было, например, в известном во всем эллинском мире святилище Кабиров на острове Самофракии (Lehman 1954: 91—95), где находилось множество благодарственных даров от спасенных на море (Cic. De nat. Deor. III, 37; Diod. Laert. VI, 59). С архаического периода Кабиров чтили на Березани, Боспоре и в Ольвии (Передольская 1960: 23—27; Русяева 1979: 92—100), а в их святилище в Нимфее найдены терракоты с изображением Кибелы (Худяк 1958: 87).

Гипполаев мыс отождествляется с современным мысом Станиславским. Для греков он был словно создан самой природой для помещения на нем святилища божества, покровительствующего счастливому плаванию. Ведь

мыс находится на пересечении трех водных путей при впадении в лиман Буга и Днепра. Два из них, по Гипанису и Борисфену, вели вглубь Скифии, и по ним осуществлялась торговля с местными племенами. Третий путь, по лиману, выводил в Понт, откуда корабли могли плыть в черноморские порты и любые пункты Средиземноморья, в том числе и в метрополию Ольвии Милет. Само очертание острого каменистого мыса (Dio Chrys. XXXVI, 2) напоминало эллинам нос корабля. Это сравнение, услышанное от ольвиополитов, дважды встречается в античной литературе: в «Истории» Геродота (IV, 53) и через несколько столетий — в начале Борисфенитской речи Диона Хрисостома. Таким образом, мыс в виде носа корабля гармонировал с храмом богини, покровительницы мореплавания.

Археологам пока не удалось найти каких-либо остатков святилища на Гипполаевом мысу. По-видимому, оно обрушилось в воду из-за интенсивного размывания прибрежной полосы (Штительман 1956: 257). По той же причине сейчас нельзя разглядеть очертаний каменистого выступа, сходного с носом корабля, входящего в воды Днепро-Бугского лимана.

Геродот указал на Гипполаевом мысу *ἱρόν*; это слово у историка может означать и храм, и священный участок без здания храма (V, 119). Поэтому в переводах его передают либо как храм (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 119; Herodotus 1971: 255), либо как святилище (Геродот 1885: 321; 1972: 200). Надо думать, что сначала, в VI в. до н. э., ольвиополиты огородили на мысу священный участок с алтарем. Возможно, там Анахарсис исполнил свой обет. В V в. до н. э. на мысу, скорее всего, стоял храм, и его имеет в виду Геродот. Возвышаясь на оконечности мыса, храм служил маяком для судов. В качестве аналогии можно напомнить храм Посейдона того же времени на мысе Сунион, южной оконечности Аттики. Там афиняне, выходя в открытое море, приносили жертвы владыке морей, а возвращаясь, благодарили его за благополучное завершение плавания. На храм Посейдона ориентировались корабли, державшие путь в афинский порт Пирей.

В пользу мнения, что на Гипполаевом мысу высилось здание храма, говорит упомянутое выше граффито V в. до н. э., в котором

Мать богов названа владычицей Гилеи (Μητρί θεων μεθεούση Ὑλαίης). Ведь владыками какого-нибудь места обычно назывались божества, имевшие храмы с принадлежавшими им землями. Напомним, что на пребывавшем под покровительством ольвиополитов острове Левка (о. Змеиный близ устья Дуная) стоял широко известный в древности храм Ахилла. Этого героя называли владыкой острова в греческой поэзии (Pind. Nem. IV, 49), в найденных на Левке граффито на чернолаковом лекифе первой четверти V в. до н. э. (Ἀχιλλῆι μεδέοντι Λευκῆ — Яйленко 1980: 84—85) и в надписях IV—II вв. до н. э. (IPE 12. № 326, 672). Начиная с V в. до н. э., храм Ахилла, построенный из мраморовидного известняка, служил маяком для мореходов, следовавших вдоль западного побережья Понта (Охотников, Островерхов: 106—108).

Итак, имеются, на наш взгляд, веские доводы в пользу предпочтения тех рукописей Геродота, в которых написано о храме Матери богов. Историк назвал богиню одним словом Мать — так же, как мы читаем на многих ольвийских граффито VI—V вв. до н. э. На Гипполаевом мысу ольвиополиты поклонялись богине, считая ее покровительницей всего живого на суше и на воде. К ней, как к Кабирам на Самофракии, обращались с просьбой защитить от опасностей во время морских путешествий. Главным доказательством подобной функции богини следует считать сообщение Геродота об обете Анахарсиса в случае благоприятного возвращения на родину справить праздник Кибелы так же, как он видел в Кизике. Этот город, подобно Ольвии, был милетской колонией. По всей вероятности, кизикенцы и ольвиополиты, заимствуя культ Кибелы из своей метрополии, особо выделяли ее функцию защитницы от опасностей на море.

Отправляясь на кораблях по рекам в Скифию или по морю в греческие города, ольвиополиты приходили на Гипполаев мыс просить Кибелу о счастливом плавании, а на обратном пути их и приезжих купцов встречал храм Матери богов, служивший маяком и знаком того, что рейс корабля близок к завершению. Из-за отсутствия письменных и материальных источников неизвестно, сколько времени просуществовал храм на Гипполаевом мысу после V в. до н. э.

Геродот. 1885. История. Перевод и предисловие Ф. Г. Мищенко. Москва.

Геродот. 1972. История. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Ленинград: Наука.

Геродот. 1993. Історії. Переклад, передмова та примітки А. О. Білецького. Київ: Наукова думка.

Доватур, А. И., Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Москва: Наука.

Крыжицкий, С. Д., Н. А. Лейтунская. 1999. Нижнее Побужье в классическое время // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье: 98—157. Киев: Наукова думка.

Латышев, В. В. 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. Санкт-Петербург.

Охотников, С. Б., А. С. Островерхов. 1993. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев: Наукова думка.

- Переодольская, А. А.* 1960. Следы культа Кабиров на Березани // Сообщения Государственного Эрмитажа 13: 23—27.
- Русяева, А. С.* 1979. Земледельческие культы в Ольвии до-гетского времени. Киев: Наукова думка.
1992. Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка.
- Скржинская, М. В.* 1998. Скифия глазами эллинов. Санкт-Петербург: Алетей.
- Худяк, М. М.* 1958. Два святилища на акрополе Нимфея // Труды Государственного Эрмитажа 2: 83—87.
- Штительман, Ф. М.* 1956. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // Материалы и исследования по археологии СССР 50: 255—272.
- Яйленко, В. П.* 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // Вестник древней истории 2: 72—99.
- Herodotus.* 1857. *Musae.* Bd. 2. Ed. F. Creuzer. I. Baehr. Lipsiae.
- Herodotus.* 1898. *Historiarum libri IX.* Ed. H. R. Dietsch. H. Kallenberg. Lipsiae.
- Herodotus.* 1933. *Historiae. Recognovit C. Hude.* Oxford.
- Herodotus.* 1949. *Historien.* Ed. J. J. Hondius. J. A. Schuusma. Groningen.
- Herodotus.* 1963. *Historien.* Ed. J. Felix. München.
- Herodotus.* 1967. *Das Geschichtswerk.* Übersetzung von Th. Braun, H. Barth. Berlin; Weimar.
- Herodotus.* 1971. With an English translation by A. D. Godley. L.: The Loeb Classical Library.
- Lehman, K.* 1954. The Mystery Cult of Samothrace // *Archaeology* 3: 91—95.

WHAT DEITY WAS WORSHIPPED BY OLBIAPOLITIAN AT THE SANCTUARY ON THE HIPPOLAUS'S CAPE

M. V. SKRZHINSKAYA

According to some manuscripts of the Herodotus's «*Historia*», on the Hippolaus's Cape there was a temple of Demeter, according to other it was a temple of the Great Mother of Gods — Cybele (IV, 53). Both in Russian and foreign modern publications and translations of the Herodotus's work, the version of the temple of Demeter is preferred, although without any grounds, except for our knowledge that Olbiapolitians did worship this goddess.

In this article, arguments are presented in favour of the temple of the Mother of Gods in her quality of a protectress of seafarers. In this connection, an especial consideration is paid to the Herodotus's story of Anaxarsis (IV, 76), which tells that a Scythian, who came to Cyzicus, appealed to Cybele for his successful return to

Scythia across the perilous Black Sea and then made in Hylea thanksgiving festivities in honour of the Mother of Gods.

Olbian graffiti confirm the existence of an altar of the Mother of Gods in Hylea already in the 6th cen. B. C. The temple of the 5th cen. B. C. stood on the Hippolaus's Cape at the crossroad of river routes to Scythia via Hypanis and Borysthenes and the way down the liman, leading to the Black and Mediterranean seas. Here, Cybele was worshipped as the protectress of all living on land and in water. The Mother of Gods was appealed for a successful voyage by rivers and seas. Her temple, erected on the promontory which Olbiapolitians likened to a ship prow, served as a lighthouse for ships arriving to Olbia.

ОЛЬВИЯ И СКИФЫ В V в. ДО Н. Э. К ВОПРОСУ О СКИФСКОМ «ПРОТЕКТОРАТЕ»

С. Д. КРЫЖИЦКИЙ¹

V в. до н. э. в истории Ольвийского государства являлся временем, когда в полисе происходили важнейшие изменения практически во всех сферах жизни. Среди тех из них, наличие которых базируется непосредственно на результатах раскопок, наиболее важными являются переход в городе от массового полужемляночного строительства жилых домов к наземному и фактическая ликвидация большой хоры с последующим ее постепенным восстановлением.

Помимо этих изменений, твердо установленных археологически, в истории Ольвии предполагается наличие еще одного события, достоверность которого не столь очевидна и нуждается в серьезной аргументации. Это проблема скифского «протектората» над Ольвией. Использование термина «протекторат» в данном случае носит условный характер. Ю. Г. Виноградов считал, что зависимость от скифов заключалась в уплате им ольвиополитам дани в обмен на защиту полиса с их стороны от вражеских варварских объединений без вмешательства во внутренние и внешнеполитические дела (Виноградов 1989: 107; Vinogradov 1996: 429, 430). Однако, из-за недостатка источников определить его конкретную форму и содержание (если даже протекторат имел место) в настоящее время вряд ли возможно. Поэтому мы понимаем под этим термином просто какую-либо форму зависимости — покровительства Ольвии от скифов.

Как известно, в настоящее время по этому поводу существуют две крайних точки зрения. Одна из них, согласно которой предполагается существование «протектората», в современной литературе наиболее последовательно и исчерпывающе изложена в работах Ю. Г. Виноградова, в частности в его монографии (Виноградов 1989: 82—121), а также в статье К. К. Марченко (Марченко 1999). Этого нельзя сказать о другой точке зрения, отрицающей такую возможность, которая нашла лишь частичное отражение в печати и поэтому требует четкого изложения и обобщения (Анохин 1989: 15—17; Русяева 1992: 126; Крыжицкий, Лейпунская 1997: 23, 24; Крыжицкий, Зубар, Русяева 1998: 97—10; Крыжицкий, Русяева, Кра-

пивина, Лейпунская, Скржинская, Анохин 1999: 94—97, 152—154).

Прямые свидетельства существования скифского «протектората» над Ольвией отсутствуют. Поэтому сторонники «протектората», кроме общен исторических построений, основанных главным образом на данных нумизматики и скифском логосе Геродота, ощущают необходимость привлечения и интерпретации целой свиты косвенных археологических фактов. Однако, трактовка этих фактов отнюдь не столь однозначна и, как представляется, дает возможность прийти к иным выводам. Целью настоящей статьи является попытка систематизировать и обобщить именно эти косвенные археологические факты.

Проблема в хронологическом и содержательном отношении распадается на три части. Это так называемая «скифская угроза», которая по логике вещей должна была предшествовать «протекторату», согласно точке зрения Ю. Г. Виноградова, начинается с конца VI—начала V вв. до н. э. (510—490 гг.), и существует до начала «протектората», связываемого с именем Ариапифа (480—470 гг.) (Виноградов 1989: 120). Здесь основной вопрос заключается в том, насколько эта угроза была реальна в действительности. Вторая часть проблемы связана со Скилом, время контактов которого с Ольвией определяется примерно второй четвертью V в. (470—450 гг.) (Виноградов 1989: 120). Речь идет о царе скифов, существование которого и факт наличия каких-то контактов с Ольвией абсолютным большинством исследователей (в том числе и автором настоящей статьи) сомнению не подвергаются. Вопрос заключается только в определении формы этих контактов — можно ли их рассматривать как определенную зависимость-протекторат. Третья часть проблемы связана с предполагаемым существованием в первом десятилетии третьей четверти V в. (450—440 гг.) (Виноградов 1989: 121) «протектората» скифского царя (или наместника) Эминака. В этом случае возникает вопрос не только о возможности существования «протектората», но и о реальности самого скифского правителя (или наместника), носившего имя Эминак.

¹ Украина. 254210. Киев, пр. Героев Сталинграда, д. 12. Институт археологии НАН. Отдел античной археологии.

Начнем со скифской военной угрозы для Ольвии в первой половине V в. до н. э. Привлекаемая для этого конкретная аргументация, систематизированная К. К. Марченко (Марченко 1999), насчитывает 9 позиций и сводится к следующему: 1. перерыв с первой трети V в. н. э. до его конца в функционировании сельских некрополей ольвийской округи и трансформация погребальных сооружений; 2. появление во второй четверти V в. в Нижнем Побужье целой серии погребений кочевых скифов, якобы «тесно обступивших северную границу Ольвийского государства», как образно написал Ю. Г. Виноградов (Виноградов 1981: 59); 3. наличие насильственно убитых скифским оружием в некрополях Ольвии и Березани; 4. находка в Большой Черноморке 2 в хозяйственной яме скелета убитого; 5. строительство в Старой Богдановке 2 сооружения с «мощными» стенами; 6. исчезновение из состава лепной керамики с начала V в. до н. э. фракийского и лесостепного компонентов; 7. первое разрушение Истрии в начале V в. до н. э.; 8. заметное пополнение просопографии Ольвии негреческими и полугреческими именами; 9. значительная редукция территории Березанского поселения (Марченко 1999: 147, 148). Имеется в виду также запустение ольвийской хоры.

Казалось бы, все это в комплексе действительно говорит о скифской экспансии. Однако, при более пристальном рассмотрении всех этих фактов возникает ряд несоответствий и вопросов, ставящих под сомнение возможность их согласованности между собой и интерпретации в пользу наличия скифской военной угрозы. Тем самым принцип комплексности в системе доказательств этого положения отпадает. Рассмотрим последовательно перечисленные позиции.

Так, по поводу перерыва в функционировании сельских могильников, прежде всего, отметим, что речь в данном случае может идти о выборочном исследовании всего двух могильников — Аджигольского и Матросовского — и вследствие этого говорить о каком-либо перерыве в функционировании сельских могильников вообще вряд ли оправданно. Что же касается трансформации погребальных сооружений — появления подбоев и склепов (или катакомб), то, во-первых, подбой возникает в Ольвии не с начала V в. до н. э. (Марченко 1999: 164), а с конца VI в. до н. э. (Скуднева 1988: 7), склепы же появляются только в начале IV в. до н. э. (Козуб 1974: 15). Массовое же распространение этих сооружений отнюдь не может являться свидетельством постоянного присутствия в Ольвии или ее округе самих варваров, как это считает К. К. Марченко (Марченко 1999: 165). Иначе нам осталось бы признать, что в первой половине V в. до н. э.

в Ольвии 33% (Козуб 1974: 12) населения составляли варвары, а позднее эта цифра дошла бы вообще до 45%. К этому добавим главное — никаких изменений в сторону варваризации в погребальном обряде и инвентаре ольвийского некрополя в V в. до н. э. не происходит!

Относительно якобы «тесно обступивших северную границу Ольвийского государства» (Виноградов 1981: 59) «в начале — первой половине V в. до н. э. многочисленных погребений кочевых скифов в степных районах Нижнего Побужья» (Марченко 1980: 142, сн. 58). Прежде всего отметим, что даже и в том случае, если бы скифские погребения действительно «тесно обступили» бы северную границу Ольвийского государства, это вряд ли могло бы свидетельствовать о каком-либо обострении отношений между скифами и Ольвией. Скорее наоборот — именно о мирных контактах. Ведь не зря скифы держали в тайне место захоронения своих царей — Герр (Herod., IV, 53, 56, 71). Иначе говоря, при наличии конфронтации скифы вряд ли стали бы хоронить своих родичей вблизи обитания потенциальных противников.

Но все дело в том, что на самом деле эти погребения располагаются отнюдь не вдоль северной границы Ольвийского государства. Они относительно близко подходят к этой границе только в одной — северо-восточной точке, в районе современного с. Ковалевки, которое находится по меньшей мере на 50 километров севернее г. Николаева, то есть возможной северной границы Ольвийского государства. Далее — так называемая «многочисленность» скифских погребений V в. до н. э. в этом районе исчерпывается всего девятью погребениями, из которых 4 датируются первой половиной V в. до н. э., 2 — серединой V в. до н. э., 2 — в целом V в. до н. э. и 1 — концом V—IV вв. до н. э. (Ковпаненко, Бунятян 1978: 133, 135, 140, 141, 145), то есть на целое столетие для района Бугского Правобережья фиксируется всего 9 (!) погребений. Авторы раскопок специально отмечают, что вообще скифских погребений на правом берегу, кроме района Ковалевки, немного и что курганы там появляются с конца VI в. (Ковпаненко, Бунятян 1978: 147 и сл.), то есть практически одновременно с резким расширением ольвийской хоры. Естественно, на основании столь малых выборок вряд ли методически оправданно строить какие-либо выводы исторического плана. В связи с этим необходимо иметь в виду, что, по имеющимся данным (на 1986 г.), из 2300 скифских погребений Северного Причерноморья к V в. до н. э. относится всего 61 погребение, а к Побужью, как уже отмечалось, только 9; основной же массив — 2042 погребения

ния относится к IV—III вв. до н. э. (Черненко, Бессонова и др. 1968: 345).

Отметим в связи с этим также, что район Ковалевки, скифские погребения которого Ю. С. Гребенников относит к степной группе, чем-то был привлекателен не только для скифов, но и вообще для древних народов. Так, помимо двух с половиной десятков погребений скифского времени, здесь открыто около ста тридцати погребений других эпох — от ямных до позднекочевнических (Ковпаненко, Буянтян, Гаврилюк 1978: 128). Очевидно, это объясняется не случайными причинами, а какой-то общей закономерностью, возможно расположением неподалеку переправы через Южный Буг и, как следствие, гибелью людей при переправах.

Следует также подчеркнуть, что погребений, подобных могильнику у с. Ковалевки, на территории непосредственно сельской округи Ольвии нет в принципе. Мнение о том, что на опустевшей ольвийской хоре во второй четверти V в. до н. э. появляются скифские курганные могильники (Виноградов 1989: 107, сн. 114) не соответствует действительному положению вещей. Во-первых, в публикации, на которую ссылается Ю. Г. Виноградов, речь идет лишь об одном — Матросовском могильнике, чего для любых обобщений недостаточно. Во-вторых, этническую принадлежность погребенных авторы раскопок этого могильника ввиду отсутствия выразительного сопровождающего материала определяют на основании лишь заключения о том, что в середине V в. до н. э. хора Ольвии не существует! В своей диссертации Ю. С. Гребенников, выделяя приольвийскую группу, состоящую из 17 погребений (имеются в виду Марицынский [Аджигольский] и Матросовский могильники), характеризует их в противоположность степной группе как погребения *слабовооруженного* населения (Гребенников 1989: 7, 8).² Ю. С. Гребенников датирует предположительно Аджигольский могильник началом первой четверти — началом второй четверти V в., а Матросовский — второй — началом третьей четверти V в. и предположительно же определяет этническую принадлежность погребенных как «местную»(?) (Гребенников 1989: 10). Последнее не совсем понятно, поскольку, если в данном случае имеется в виду варварский этнос покойников, то этому противоречит тот факт, что в рассматриваемых погребениях античная керамика

представлена целыми сосудами, а лепная — только *фрагментами* (Гребенников 1989: 9), что позволяет предполагать случайность ее попадания в могилы. Кроме того, поскольку, например, в ольвийском некрополе курганы появляются уже в V в., а «ямные» погребения в первой половине V в. составляли больше половины общего числа могил (54% — Козуб 1974: 9) (и то, и другое почему-то считается прерогативой скифского погребального обряда), то возникает вопрос — так ли уж уверенно можно рассматривать погребения Марицынского (Аджигольского) и Матросовского могильников как варварские, а сопровождающий инвентарь считать соответствующим рядовым скифским погребениям (Мурзин 1984: 43)? Ведь факт наличия в мужских погребениях оружия в данном случае может свидетельствовать не столько об этносе погребенных, сколько об условиях их существования в не имеющих укреплений сельских поселениях и представлявших собой легкую добычу для различных бродяг. По-видимому, совсем не случайно в марицынских погребениях именно этого времени отсутствуют детали конской упряжи, кони и напутственная пища (Яценко 1959: 72), наличие которых типично для погребений кочевников.

В связи с этим отметим интересные результаты, полученные относительно недавно при раскопках курганов первой четверти V в. до н. э. в урочище Чертоватое, расположенном к северу от Ольвии. Работы, проведенные здесь, показали, что черты погребального обряда исследованных погребений находят прямые аналогии не только в Ольвии или в Марицынском могильнике, но и в античных некрополях Греции и Истрии. Все это в целом позволило исследователям, во-первых, определить этническую принадлежность погребенных в курганах в урочище Чертоватое, как греческую, а, во-вторых, пересмотреть интерпретацию Марицынского могильника как «локального варианта скифской культуры» (Липавский, Снытко 1990: 4—7).

Наконец, следует подчеркнуть, что и вообще при всем значительном спектре мнений по поводу возможной этнической характеристики населения сельской округи Ольвии и, в частности, каллипидов Геродота (IV, 17) (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 224 и сл.), речь в любом случае идет не о номадах, а об оседлом населении, появление которого в Нижнем По-

² Вообще говоря, проблема привязки к определенным поселениям, этнической атрибуции, датировки и трактовки курганных захоронений Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э. в историческом контексте весьма интересна но, к сожалению, пока никем специально не исследовалась. В диссертации Ю. С. Гребенникова (Гребенников 1989) эта тема прозвучала в контексте громадного хронологического диапазона, что и ограничило возможности ее раскрытия. Кроме того, это в значительной мере объясняется весьма скудными сведениями о данной категории источников. Исключение в последнем случае представляет собой только Марицынский могильник, раскопанный Эбертом (1913), однако, не имеющий удовлетворительной интерпретации и датируемый обычно довольно широко — концом VI—V вв. до н. э. (Мурзин 1984: 43).

бужье никак не может свидетельствовать о наличии скифской угрозы.

Коснемся использования в качестве доказательства существования скифской экспансии факта наличия захоронений убитых людей в некрополях Ольвии и Березани. Крайняя малочисленность подобных погребений, а также их разновременность, могут свидетельствовать лишь о насильственных смертях, но никак не о том, в результате каких событий они произошли.

Так, в Ольвийском некрополе В. М. Скуднова упоминает всего три захоронения с убитыми, причем в одном случае датировка определяется широко V в. до н. э., а в двух других — отсутствует в принципе (Скуднова, 1960, Приложение 2). Естественно, в случае наличия серьезной конфронтации со скифами в ольвийском некрополе можно было бы ожидать существенно большего количества погребений убитых. Весьма немногочисленны подобные захоронения и на Березанском некрополе (Виноградов 1989: 87), где их в восьмидесятые годы обнаружено 6 и датируются они временем рубежа VI—V вв. до н. э. (Доманский, Виноградов, Соловьев 1989: 59, 60), то есть они появились за четверть века до начала запустения ольвийской хоры. Вряд ли может служить серьезным доказательством военной скифской угрозы и находка в хозяйственной яме на поселении Большая Черноморка 2 костяка убитого (Ганжа, Мошкова, Отрешко 1978: 310).

Из всего этого следует, что при том значительном количестве населения, которое могло проживать в последней четверти VI — первой четверти V вв. как в городе, так и на хоре, и по самым заниженным оценкам, составлять не менее десятка тысяч человек (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 31—36),³ количество обнаруженных при раскопках убитых составляет ничтожную долю процента от общего числа погребенных и может объясняться, скорее, любыми другими причинами, в том числе и нападениями отдельных кочующих скифов, чем глобальной скифской экспансией.

Относительно изложенного выше есть еще два достаточно существенных замечания. Во-первых, вряд ли требуются специальные доказательства того, что убийство скифской стрелой совершенно не обязательно должно было быть осуществлено скифом. Не секрет, что наиболее часто на античных поселениях встречаются наконечники стрел так называемого скифского типа (Черненко 1981: 134). Но подобные наконечники, найденные в архаическом некрополе Ольвии, которые принято считать скифскими, известны как в Греции, так и в Передней Азии (Скуднова 1988: 28). Это же относится и к наконечникам стрел из архаических поселений Нижнего Побужья (Назаров 1988: 179). То есть в любом случае нет сомнений в том, что и жители античных центров Северного Причерноморья пользовались так называемым скифским оружием. Во-вторых, работами антропологов установлено, что наконечник стрелы не всегда являлся непосредственной причиной смерти и, обволакиваясь костной тканью, мог еще много лет находиться в теле здорового человека. А это, в свою очередь, говорит о том, что наличие нескольких одинаково датируемых погребений с наконечниками стрел в костяках далеко не всегда может означать синхронность полученных ран и, соответственно, событий, которые к этому привели.

По-видимому, вообще при оценке степени репрезентативности материалов некрополей в отношении установления наличия каких-либо значительных конфронтаций, логичнее было бы исходить из необычно резкого увеличения числа погребенных, чем из наличия застрявших в костяках наконечников стрел — ведь смерть могла наступать и, очевидно, чаще всего наступала от поражения и мягких тканей.

В завершение темы о насильственно погибших отметим, что вряд ли можно уверенно трактовать реконструкцию эпитафии стелы Лекса — сына Мольпагора в качестве свидетельства о непосредственной угрозе Ольвии со стороны скифов, поскольку, как признает и сам автор (Виноградов 1989: 88, 89), бесспорно,

³ По подсчетам В. М. Отрешко, население только одной сельской округи Ольвии (без учета Ольвии и Березани) могло достигать десятка тысяч человек (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 36). Разумеется, как и любые другие палеодемографические расчеты эту цифру нельзя абсолютизировать. Но и согласиться с К. К. Марченко в том, что число переселенцев в позднеархаическое время составляло всего несколько сотен, или в лучшем случае 1—2 тысячи (Марченко 1994: 98), оснований нет. Это-то при 107 сельских поселениях! Отметим, что из этих 107 поселений 45 имели площадь до 1 га, 10 — 1 га, 17 — до 2 га, 11 — до 3 га, по одному поселению — до 4, 6, 7, 8, 9, 10, 20 (два поселения), 50 и 70 га, 6 поселений имели площадь до 5 га (Крыжицкий, Буйских, Бураков 1990: табл.1—4). Всего, таким образом, суммарная площадь поселений составляла примерно 356 га. Отсюда следует, что даже если исходить из того, что на один ойкос могло приходиться в два раза больше площади, чем это было установлено раскопками (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 36), то есть — порядка 0,4 га, то и в этом случае количество населения хоры составит около пяти тысяч человек (356: 0,4 × 5 = 4450). Это при минимальном составе семьи в 5 человек и минимальной плотности застройки сельских поселений. Очевидно, не меньшее количество населения могли иметь в сумме Ольвия и Березань, где плотность застройки была городской, а территория отдельного ойкоса, судя по ранним домам, не превышала 0,01—0,02 га (о принципах подсчета городского населения см. Крыжицкий 1985а).

что Леокс погиб вдали от родины. А ответы на вопросы, где и почему это произошло, находятся в весьма широкой сфере догадок.

Вряд ли также можно принять и другие дополнительные аргументы сторонников «протектората».

Так, не может также служить доказательством существования именно скифской угрозы появление в районе современного с. Старая Богдановка наземного сооружения с «мощными» стенами (Марченко, Доманский 1981: 66 и сл.). Во-первых, эти глинобитные стены, толщиной всего около метра, не могли являться существенной преградой для сколько-нибудь серьезного отряда варваров.⁴ При такой толщине возможность устройства защитной площадки исключена, оснований же предполагать, что оборонительная площадка могла быть пристроена с внутренних сторон стен, нет. Вряд ли также высота этих стен могла достигать величины более двух с половиной — трех метров (если следовать Филону Византийскому, высота оборонительной стены должна составлять две ее толщины). В данном же случае стена подобной высоты была вполне доступна для преодоления всадниками непосредственно со спины лошади (без использования лестниц). Во-вторых, в данном сооружении совершенно очевидно отсутствие не только оборонительной башни, но и какой-либо жилой функции. Скорее всего, эта постройка была связана с содержанием скота (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 55), чего, кстати, не исключают и сами авторы раскопок.

Неоднозначное объяснение имеет также исчезновение к началу V в. до н. э. гето-фракийских и лесостепных (из района Правобережья Днестра) элементов в материальной культуре жителей Нижнего Побужья и замещение их в V в. до н. э. формами, близкими к керамике Каменского городища, что объясняется «перекрытием номадами традиционных путей пополнения сельского населения этого района» (Марченко 1988: 114—117, 121—123; 1999: 147). Этот процесс на основе анализа лепной керамики сопоставляется частью исследователей с этническими изменениями в составе населения региона. Но, во-первых, эта смена элементов культуры происходит задолго до Скила и запустения большой хоры Ольвии. Во-вторых, как отмечает сам К. К. Марченко, процент лепной посуды в слоях Ольвии остается стабильным на уровне 3% от всей керамики (кроме амфор), как в VI, так и в V вв. до н. э. (Марченко 1988: 121). Уже сам по себе этот факт не дает оснований для вывода о на-

личии каких-то кардинальных демографических изменений в регионе, тем более связанных со скифской экспансией. Так, если допустить, что номады действительно перекрыли с запада и севера традиционные пути пополнения сельского населения Нижнего Побужья, то возникает вопрос, откуда же могло пополняться это земледельческое население, да еще с постоянной интенсивностью? Ведь, как известно, Каменское городище возникает не ранее конца V в. до н. э. И, более того, та керамика, которую можно связать со скифами, в Побужье в VI—V вв. до н. э. лишь появляется, и только в IV в. до н. э. горшки скифского облика распространяются на всю степь (Гаврилюк 1999: 248, табл. 5, 10).

Что касается первого разрушения Истрии, то это совершенно иной, достаточно далекий от Ольвии регион со своей историей и он вряд ли может служить аналогией даже при допущении гипотезы К. К. Марченко о размещении в Добрудже массива скифских племен (Марченко 1999: 155 и сл.).

Не является доказательством существования скифской угрозы и увеличение количества негреческих имен в рассматриваемое время, поскольку вообще количество известных нам имен жителей Нижнего Побужья крайне мало и не может претендовать на статистическую достоверность. Однако, главным является то, что процентное соотношение варварских и греческих имен и для VI, и для V вв. до н. э. примерно одинаково и составляет один к одному (в VI в. до н. э. 2 имени греческих и 2 варварских, в V в. до н. э., соответственно, 12 и 10 — Книпович 1956: Приложение 1; Виноградов 1981a: 134, 135). Вряд ли в этом отношении что-либо меняет то, что со времени выхода статьи Ю. Г. Виноградова фонд негреческой антропонимии немного пополнился (Виноградов 1989: 105, прим. 107). При том количестве населения, которое в это время проживало в Нижнем Побужье, о чем речь шла выше, три-четыре десятка имен совершенно случайной выборки делают весьма рискованными любые выводы относительно движения этносов. Кроме того, следует также иметь в виду, что, во-первых, далеко не всегда происхождение имени соответствовало этносу его носителя, а во-вторых, и сам Ю. Г. Виноградов в ряде случаев не был абсолютно уверен в этнической атрибуции носителей имен. Показательно и то, что в последующее время, когда количество варваров в составе населения Ольвии несомненно возрастает, количество не-

⁴ Представляет интерес их конструкция. Каменные цоколи с двух сторон стен являлись не несущей конструкцией, а облицовочной. Они служили для защиты низа стен от разрушения при атмосферных осадках. Как известно глинобитные (или сырцовые) стены при отсутствии такой защиты начинают разрушаться в первую очередь в месте прилегания к земной поверхности.

греческих имен в процентном отношении резко уменьшается.

Наконец, если бы существовала скифская угроза, то наряду с прекращением жизни на поселениях региона следовало бы то же самое ожидать и на Березанском поселении. Однако, на Березани в V в. до н. э. имела место не редукция территории, как это считала Л. В. Копейкина на основании исследования северо-западного участка (Копейкина 1974: 193 и сл.), а перемещение застройки, когда прекращение жизни на северо-западном участке совпало с освоением новых территорий в южной и юго-западной части поселения. В частности, на этом основании В. В. Лапин пришел к выводу о расцвете экономики Березани именно в V в. до н. э. (Лапин 1966: 121).

Что касается запустения большой хоры Ольвии и стягивания ее населения в город (Марченко 1980: 142; 1991: 23; Виноградов 1989: 83), то это может быть следствием не только экспансии скифов и их желания подчинить себе экономически Ольвию, но и, как мы уже не раз отмечали (Крыжицкий 1985: 63; Крыжицкий, Отрешко 1986: 15; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 95; Крижицкий, Лейпунська 1998: 301—302), могло быть вызвано причинами, связанными с необходимостью внутреннего развития полиса, становления Ольвии как города. Вряд ли можно сомневаться в очевидной необходимости превращения Ольвии из фактически земляночного поселка в настоящий город античного облика. Несомненно, для этого требовалось весьма значительное количество рабочей силы. И начало этого процесса — переход в городе от массового земляночного строительства к обычному наземному сырцово-каменному — совпадает по времени с редукцией большой хоры.

Нельзя исключать и вполне возможное стремление к реорганизации хоры. Последнее представляется вполне оправданным — перейти от аморфно и разреженно заселенных земель большой сельской округи к хорошо организованной и плотно освоенной приольвийской хоре небольшого радиуса (Крыжицкий, Отрешко 1986: 14, 15). Очевидно, не случайно в середине — второй половине V в. до н. э. в непосредственной близости от Ольвии в районе поселения Чертоватое 7 появляется первый строительный комплекс, который можно охарактеризовать как хозяйственно-усадебный

(Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 122, 123).

Кроме того, следует сказать, что скифам в принципе не выгодно было бы ликвидировать большую хору Ольвии. Функционирование сельской округи не могло чем-либо помешать «вывозу в Эгеиду продуктов присвоения скифов-номадов» (Виноградов 1989: 104), как вследствие отличия этих продуктов от производимых ольвиополитами, так и в силу большой емкости средиземноморских рынков относительно натурального сырья. Вообще возможные статьи именно массового экспорта у кочевых скифов были в принципе весьма ограничены. Собственного зерна они не производили. Что касается возможности получения экспортного зерна, то есть пшеницы, из лесостепи, то достаточно убедительных данных о ее возделывании там нет (Гаврилюк 1999: 268 и сл.). Иначе говоря, как это уже ранее отмечалось (Щеглов 1987: 99—121; Крыжицкий, Щеглов 1991: 54; Отрешко 1994: 114; Лейпунська 1995: 20), возможности скифской хлебной торговли весьма сомнительны. Какую-то роль мог играть экспорт продуктов скотоводства, возможно, минерально-сырьевых ресурсов (Гаврилюк 1999: 266, 267). По мнению Н. А. Гаврилюк, основной статьей экспорта могли являться в основном рабы (Гаврилюк 1999: 271 и сл.). Но для организации экспорта подобных товаров через Ольвию не требовалось осуществления каких-либо специальных экстраординарных мер, вроде разгрома сельской округи Ольвии или установления протектората и превращения Ольвии в торгового трансagenta.

Отсутствие скифской угрозы находит косвенное подтверждение и в возникновении еще в конце VI—начале V вв. до н. э. ольвийского предместья, основная застройка которого датируется серединой — второй половиной V в. до н. э. (Крыжицкий 1985: 63).⁵ Поскольку, судя по топографии окружающей территории, нет совершенно никаких оснований предполагать возможность наличия укреплений этого предместья, вряд ли его появление было бы возможным в случае существования реальной скифской угрозы вне зависимости от правового статуса и этноса жителей предместья. По поводу характеристики жителей ольвийского предместья К. К. Марченко было высказано предположение о нахождении их на более низкой, по сравнению с жителями собственно го-

⁵ По мнению Ю. И. Козуб, здесь в конце VI в. до н. э. на короткое время возникает поселок. Начало же застройки предместья относится в основном к середине — второй половине V в. до н. э. (Козуб 1979: 4—7). Однако, основным доводом в пользу хронологического разрыва является всего лишь факт наличия тонкой стерильной лессовой прослойки, отделяющей полуземлянки поселка от полуземлянок предместья. Кроме того, судя по сопровождающему материалу, датировка ранних комплексов слишком занижена (Крыжицкий, Русева 1978: 23). Это, учитывая крайне малое количество ранних комплексов по сравнению с более поздними, вряд ли может служить достаточным основанием для вывода о наличии существенного хронологического разрыва. И ранние, и более поздние комплексы принадлежали одной и той же структуре — предместью.

рода, социальной ступени, и вообще о преимущественно варварском этносе (Марченко 1982: 135). Если с первым положением — более низким социальным статусом жителей предместья — можно вполне согласиться, то в вопросе определения их этноса аргументация автора явно недостаточно убедительна и противоречит фактическому материалу. Комплекс материальной и духовной культуры населения предместья, включая жилища и лепную керамику (!) (основной, по мнению К. К. Марченко, этнокритерий), полностью идентичен такому у жителей города (Козуб 1979: 29). Поэтому, вопреки имеющимся материалам, характеризовать жителей предместья как варваров, а предместье как «резервацию» (Марченко 1999: 154) на основании, главным образом, того, что предместье было сознательно вынесено за город (при наличии в самом городе свободных территорий), находилось по сравнению с городом в худших природных условиях (отсутствие воды и естественных оборонных рубежей), не имело каменного строительства и что длительность его существования в «земляночном виде» составила около 75 лет (Марченко 1999: 152 и сл.), на наш взгляд, достаточных оснований нет. Во-первых, для размещения подавляющей части жителей сельской округи, любых свободных территорий внутри города не хватило бы. Тем более, что работы последних лет показали, что уже в конце VI в. до н. э. какая-то часть террасного города Ольвии была застроена (Крыжицкий, Назарчук 1994). Иначе говоря, появление предместья за пределами Ольвии было обусловлено не волевым решением, а просто недостатком свободных территорий внутри города. Во-вторых, длительность существования земляночной застройки предместья и отсутствие строительства в камне вполне могут объясняться низким социальным и экономическим статусом жителей этого образования. В связи с этим отметим, что установленная нами в свое время закономерность появления на начальной стадии развития античных городов Северного Причерноморья земляночной застройки с ее последующей сменой обычным наземным строительством (Крыжицкий 1982: 19 и сл., 150 и сл.; 1993: 55 и сл.) в последнее время нашла и свое довольно четкое хронологическое выражение. Так, Ю. А. Виноградов определяет время существования земляночной застройки для почти всех северопричерноморских городов на начальной стадии их развития равным примерно 70—80 годам (Виноградов 1999: 106 и сл.).

В этой ситуации, учитывая все сказанное выше, представляется более реальным объяснять возникновение предместья необходимостью размещения здесь населения, деятельность которого была связана не только с сельским

хозяйством, но и со строительством в самой Ольвии. В данном случае, видимо, показательным является факт совпадения времени существования предместья с этапом активного строительства в городе — с началом массового наземного строительства в Ольвии в первой половине V в. до н. э. и с окончательным становлением ее как античного города к началу — первой трети IV в. до н. э., когда, в частности, осуществляется строительство сырцовых оборонительных стен (Крыжицкий 1985: 68, 86). Именно жители предместья могли составлять основной контингент строителей.

Ну и, наконец, военное давление скифов, якобы приведшее к ликвидации хоры, должно было бы найти отражение в археологических источниках. Однако, каких-либо следов катастрофической гибели поселений нигде не обнаружено. Поселения разрушались постепенно. Не исключено также, что некоторые поселения (таких предположительно насчитывается около десятка) в различных частях большой хоры продолжали существовать, возможно, с небольшими перерывами, и на протяжении почти всего V в. до н. э. (Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 43). Последнее, однако, требует дополнительных исследований.

В связи с этим небезынтересно подчеркнуть следующее. Как известно, в IV в. до н. э. при Атее Великая Скифия достигла наивысшего уровня развития (Черненко 1998: 65). Очевидно, в это время следовало бы ожидать и максимальной степени, по крайней мере, экономической, подчиненности Ольвии скифам. А в этом случае, если следовать логике сторонников «протектората», Ольвия не должна была бы иметь своей хоры. В действительности же происходит обратное явление — с последней трети V в. до н. э. начинает постепенно вновь возрождаться большая ольвийская хора. Иначе говоря, мы не видим достаточных оснований связывать возможные враждебные действия скифов с сокращением большой хоры Ольвии или, тем более, сокращением хоры доказывать наличие этих действий.

Сторонниками гипотезы о скифской угрозе акцентируется внимание на якобы имеющей место комплексности косвенных причин. Из перечисленных выше имеются в виду, в частности, одновременность прекращения жизни поселений хоры, редукции территории Березанского поселения, роста ольвийского предместья, изменения комплекса лепной керамики — господства форм, близких распространенным на Каменском городище, возведения вокруг Ольвии оборонительных стен (Доманский 1981: 160).

Однако, как было показано выше, именно комплексность этих причин отсутствует, поскольку прекращение жизни поселений сельской округи Ольвии и резкое увеличение ее

предместья хронологически разделены не менее, чем четвертью века — рост предместья относится к середине-второй половине V в. до н. э. и может объясняться скорее необходимостью размещения рабочей силы для широкого городского строительства. Не наблюдается также, как уже говорилось, и редукции территории Березани. Не может свидетельствовать о наличии комплексности косвенных причин в пользу скифской угрозы господство в Ольвии форм лепной керамики близких Каменскому городищу, поскольку возникновение последнего относится ко времени не ранее рубежа V—IV вв. до н. э. (Гаврилюк 1999: 61). Кроме того, в культурных слоях Ольвии по-прежнему невысоким остается процент лепной посуды, связываемый нашими оппонентами с варварами. Это косвенно свидетельствует об отсутствии каких-либо катастрофических изменений варварской составляющей в составе населения, если следовать положению о том, что варварская лепная керамика невозможна без ее носителей.

Из всего перечисленного остается только строительство оборонительных стен, о существовании которых мы можем судить лишь на основании данных Геродота. Нет никаких прямых археологических или письменных доказательств возведения в Ольвии в первой четверти V в. до н. э., то есть во время предполагаемой конфронтации со скифами, оборонительных стен. Это можно допускать только теоретически. Единственное, что можно утверждать, это то, что во время посещения Ольвии Геродотом, то есть спустя какое-то время после гибели Скила в середине V в. до н. э., Ольвия уже имела укрепления. Но в связи с этим следует заметить, что строительство оборонительных стен не может служить однозначно доказательством существования конфронтации со скифами. Как известно, в греческой градостроительной традиции возведение оборонительных стен являлось одной из первоочередных задач после основания города, и, коль скоро строительство стен может относиться ко времени становления Ольвии как города, в этом вряд ли следует искать какие-либо внешние причины.

Таким образом, факты, которые были приведены выше, ни по отдельности, ни в комплексе не могут служить доказательством существования достаточно реальной скифской угрозы.

Переходя к вопросу о возможности наличия скифского «протектората» при Скиле, отметим, что начало попыток поставить Ольвию под скифский «протекторат» относится еще к прошлому веку. Они базировались лишь на сообщении Геродота о Скиле (IV, 78—80) и были подвергнуты критике еще В. В. Латышевым (Латышев 1887: 45). Действительно, ус-

мотреть в рассказе о Скиле какие-либо непосредственные свидетельства в пользу зависимости Ольвии от этого скифского царя трудно. Предложенный же Ю. Г. Виноградовым высокопрофессиональный и остроумный анализ рассказа о Скиле (Виноградов 1989: 95 и сл.) основан на таком большом количестве допущений, в лучшем случае альтернативных, что без дополнительной пристрастной информации из других источников достаточно убедительной фактической информации вряд ли может свидетельствовать в пользу предполагаемого автором установления Скилом экономического контроля над Ольвией, контроля, приведшего якобы к свертыванию хоры и превращению Ольвии в торгового трансagenta скифов (Виноградов 1989: 104). В качестве такой дополнительной информации привлекаются примерно все те же аргументы, речь о которых шла выше, относительно скифской военной угрозы, существование которой обосновывается, в частности, как уже говорилось, наличием погребений кочевых скифов, якобы «тесно обступивших северную границу Ольвийского государства» (Виноградов 1981: 59), захоронений убитых в некрополях Ольвии и Березани, возведением вокруг Ольвии оборонительных стен, запустением ольвийской хоры, редукцией территории Березанского поселения.

Обо всем этом и, в том числе, о маловероятности превращения Ольвии в торгового трансagenta скифов, уже говорилось, и здесь нет необходимости повторяться. У нас нет сколько-нибудь надежных конкретных фактов в пользу установления Скилом «протектората» над Ольвией.

Это не следует ни из рассказа Геродота о Скиле, где о возможном протекторстве Скила над Ольвией может свидетельствовать практически одна фраза о закрывании городских ворот Ольвии во время пребывания там Скила в трактовке Ю. Г. Виноградова, ни из гипотезы о протекторстве Скила над Никонием (Виноградов 1989: 105—107).

В эпизоде с запираемостью ворот во время пребывания Скила в Ольвии Ю. Г. Виноградов дословному переводу фразы «запирал ворота» (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: IV, 78, 4) противопоставляет, исходя только из своего концептуального подхода, подразумевающего «диктат скифских царей», который представляет собой не более, чем одну из гипотез, произвольный перевод Мищенко, Бесмертного, Стратановского — «*велел, приказывал запереть ворота*» (Виноградов 1989: 105). Однако, императивная форма предлагаемого перевода не согласуется с контекстом данного отрывка. Кроме того, даже, если принять этот вариант перевода, что в общем-то является насилием над источником, то здесь возможен и другой смысл. Естественно, в тексте Геродота

подразумевалось при любом переводе, что Скил вряд ли сам закрывал ворота. Вопрос состоит в том, кому он мог приказывать (а, может быть, не приказывать, а поручать или просить) сделать это? Поддержка же Скила ольвиополитами, которые охраняли ворота, чтобы никто из скифов не увидел Скила в эллинской одежде, свидетельствует скорее о дружественных равноправных отношениях, чем о какой-либо зависимости ольвиополитов от скифов. Равным образом и тот факт, что скифы восстали против Скила не сразу после того, как узнали о его посвящении в таинства Диониса Вакхического, а только после его возвращения домой, свидетельствует не столько о наличии сильной опоры у Скила в Ольвии, которой могли бы опасаться скифы, сколько о естественном стремлении скифов решать свои внутренние проблемы в собственном мире.

Что касается протектората Скила над Никонием, то эта гипотеза, учитывая наличие конкретной исторической личности и совпадающих по времени монет с ее именем, найденных в Никонии (Карышковский, Клейман 1985: 44, 45; Карышковский 1987: 68), представляется более вероятной, чем в отношении Ольвии. Логичным выглядит в связи с этим и предположение В. А. Анохина о том, что Скил, скорее всего, на базе греческого Никония собирался строить «свою, независимую от Ольвии, торговую и финансовую политику» (Анохин 1989: 77). Действительно, для экономических целей скифского царя, в частности, торговых, безусловно, больше мог подходить небольшой городок, располагавшийся на каботажном морском пути ближе к античным средиземноморским городам, чем Ольвия. Но из этого — факта выпуска в Никонии монеты и возможного, но в целом тоже гипотетичного, «протектората» Скила над Никонием никак не вытекает установление «протектората» и над Ольвией — большим античным центром. Более того, если протектор Скил отливал там монету со своим именем, причем по образцу ольвийской, то почему он этого не делал в Ольвии?

Переходя к заключительному этапу «протектората», связанному с предполагаемым скифским правителем (или наместником) Эминаком, отметим, что и здесь ни одного прямого свидетельства в пользу существования «протектората» пока неизвестно. Более того, в своей монографии Ю. Г. Виноградов строит систему доказательств в пользу существования «протектората» Эминака, в значительной степени базируясь на анализе истории со Скилом (?!). Как этот, так и все остальные привлекаемые факты носят косвенный характер. Они

разновременны, в большинстве ненадежно датированы, а их интерпретация многозначна.

Аргументация сторонников наличия «протектората» Эминака сводится к следующему (о «протекторате» Скила речь шла выше). Это, во-первых, чеканка в Ольвии серебряных статеров с именем Эминака и изображением Геракла в львиной шкуре (якобы мифологического предка скифского царя Эминака), натягивающего тетиву лука (Карышковский 1988: 49, 50). Во-вторых, находка фрагмента мерного сосуда — ойнохойи, на котором имеется отпечаток реверса упомянутой монеты (Виноградов 1989: 90; Карышковский 1988: 50). Кроме того, помимо аргументов, рассмотренных выше в связи со скифской угрозой и Скилом (использование большинства из которых в случае с Эминаком методически не оправданно), приводится также в качестве доказательства, относительное увеличение числа негреческих имен в просопографии Ольвии V в. по сравнению с другими этапами и исчезновение из состава жителей фракийцев. Привлекается еще один аргумент — расширение ольвийской агоры.

Что касается статеров Эминака, то наиболее уязвимым местом является их датировка. Дело в том, что из 25 известных на сегодняшний день монет Эминака (Карышковский 1984: 79)⁶ всего лишь две из них найдены в археологическом контексте — это монеты из раскопок Ольвийской экспедиции 1971 и 1989 годов (Карышковский 1984: 78; Лейпунська, Назарчук 1993). В первом случае попадание монеты в культурный слой городища, судя по наиболее поздним вещам археологического контекста, может датироваться временем не ранее третьей четверти V в. до н. э. Именно к этому времени относится наиболее поздний материал из заполнения ямы, в которой была найдена монета (Русяева 1979: прим. 11 к с. 141). Во втором случае, судя по стратиграфическим условиям находки, попадание монеты в культурный слой вряд ли могло произойти ранее первой четверти IV в. до н. э. Авторы последней находки отмечают, что монета находилась в отверстии (диаметром 5—6 см), служившем для установки жерди и находившемся в полу помещения, которое было перестроено не позднее первой четверти IV в. до н. э. (Лейпунська, Назарчук 1993: 116). Иначе говоря, монета попасть в это отверстие могла только после того, когда жердь при перестройке была вынута из своего гнезда.

Отсутствие достаточного количества надежно датированных по археологическому контексту монет обусловило их датировку на основании главным образом стилистического

⁶ П. О. Карышковский перечисляет 24 монеты. Однако, после выхода этой его работы в Ольвии в 1989 г. была найдена еще одна монета (Лейпунська, Назарчук 1993).

анализа изображений и соответственно привело к большому хронологическому разбросу — от начала V в. до н. э. — до середины IV в. до н. э. (Карышковский 1988: 50). П. О. Карышковский сузил этот интервал, датируя монеты Эминака в двух последних работах серединой V в. до н. э. (Карышковский 1984: 85)⁷ или 460—440 гг. (Карышковский 1988: 50). В связи с последней датировкой следует сказать, что не вполне понятно, почему исследователь, помещая статеры Эминака между кипрскими монетами Баалмелека (479—449 гг.) и фиванскими статерами (446—426 гг.), произвольно определяет верхнюю границу выпуска статеров Эминака 460 г. Здесь логичнее говорить о середине или даже третьей четверти столетия, особенно, если учитывать датировку, определяемую по археологическому контексту, сопровождавшему две упомянутые выше монеты. В связи с этим также отметим, что датировка по стилистическим особенностям безусловно заслуживает внимания. Однако, в нашем случае следует учитывать то, что статеры Эминака выпускались не в государстве близком к Фивам или Кипру. Это была монета государства, расположенного на краю ойкумены, и поэтому включать ее в общий стилистический ряд с монетами Средиземноморья, имея в виду определение ее датировки, довольно рискованно.

Учитывая все сказанное, следует констатировать, что, во-первых, датировка статеров Эминака обладает далеко не стопроцентной достоверностью, а, во-вторых, наиболее вероятно относить ее все-таки к сороковым годам V в. до н. э. (или даже к его третьей четверти).

Нет однозначного решения и вопроса о том, с чем связано появление изображения на статерах Эминака Геракла, натягивающего тетиву лука. Во-первых, как отмечал и сам П. О. Карышковский, подобные изображения известны не только в Ольвии, но и на фиванских статерах, а также монетах Баалмелека (Карышковский 1984: 84, 85), то есть ольвийские монеты по своим стилистическим особенностям находятся в ряду античной иконографии.

Во-вторых, если исходить из предположения о том, что на аверсе монет Эминака нашла отражение легенда о происхождении скифов (там изображен Геракл-Таргитай, демонстрирующий, как нужно натянуть тетиву лука), то возникает вопрос, почему, если следовать легенде изложенной Геродотом, на монетах Эминака на лучнике нет изображения пояса с золотой чашей. Ведь Геродот упоминает не только лук, но и пояс с чашей, как два неперемняемых условия передачи власти сыну

(Herod., IV, 9, 10). На возможность наличия пояса с чашей ни на одной из монет Эминака нет и намека. Как справедливо отмечает А. С. Русяева, отсутствует на изображении Геракла и второй лук, о котором упоминает Геродот (Русяева 1979: 141). Наконец, данная этногоническая легенда является только одной из трех приводимых Геродотом легенд о происхождении скифов, в реальности которой он сам сомневается, хотя эту легенду он услышал от ольвиополитов (Herod., IV, 11).

Однако, все эти вопросы и противоречия отпадают, если согласиться с результатами анализа понтийской легенды о Геракле, недавно осуществленном А. С. Русяевой. Исследовательница пришла к выводу о том, что оснований для отождествления Геракла с Таргитаем нет, а, следовательно, отсутствуют и основания предполагать, что на статерах Эминака нашла отражение этногоническая легенда о происхождении скифов (Русяева 1991: 100 и сл.). Как считает А. С. Русяева, «Таргитай — первопродок трех правителей одного племени, Геракл — родоначальник (Stammvater) трех эпонимов», в именах которых «представлены названия трех различных племен — агафирсов, гелонов, скифов (= сколотов), которых лишь благодаря мифологической традиции эллинов возводят к одному роду» (Русяева 1991: 101). При этом характерно, что близкие по содержанию мифы содержатся у Диодора и Дионисия Галикарнасского, но в отношении Сицилии и Италии (Русяева 1991: 102). Естественно, если бы статеры Эминака принадлежали скифскому правителю, то на их аверсе логично было бы ожидать отражение сцены не из понтийской легенды, а из скифской мифологии. Таким образом, изображение на статерах Эминака Геракла, скорее всего, отношения к Таргитаю и легенде о происхождении скифов не имеет.

Нет также веских оснований считать носителя имени Эминака скифским, или вообще варварским, царем. Это имя, помимо ольвийских статеров, больше нигде в Северном Причерноморье не встречается, зато известно в Малой Азии, и даже, если допустить его варварскую этимологию, то его носитель совсем не обязательно должен был быть варваром по своему этническому происхождению (Анохин 1989: 15, 16; Русяева 1992: 124—126). Но и варварская этимология этого имени не находит единодушного признания у специалистов. В частности, В. Ф. Столбой допускается возможность принадлежности этого имени греческому языку и, во всяком случае, подчеркивается, что определяющий при этом критерий не может служить этнодиагностирующим призна-

⁷ В своей более ранней фундаментальной работе П. О. Карышковский относит статеры Эминака ко времени около 410 г. (Карышковский 1960: 189).

ком, поскольку свойственен не только иранскому языку (Столба 1991: 74—76). Более того, если исходить из предположения В. Ф. Столбы о греческом происхождении имени Эминак, то и изображение на статерах Геракла — героя-родоначальника дорийцев — вполне логично (Столба 1991: 75, 76).

Все это делает весьма вероятной гипотезу о том, что имя Эминак в данном случае могло принадлежать эпониму, который не был варваром (Анохин 1989: 15—17), и, следовательно, факт чеканки в Ольвии этих монет вряд ли может являться одним из решающих доказательств в пользу существования скифского «протектората».

Чем объяснить появление монет Эминака в Ольвии, — а их ольвийское происхождение в настоящее время, как кажется, ни у кого сомнений не вызывает, — сегодня сказать трудно. В связи с этим нам представляется продуктивной гипотеза, высказанная в свое время Орешниковым по поводу того, что Эминак мог быть магистратом (Орешников 1921: 225). Очевидно, есть перспективы развития версии о выпуске этих монет при эпониме Эминаке — представителе союза мольпов (Анохин 1989: 15—17; Русяева 1992: 126), а, может быть, и храмовом выпуске. Возможно, не случайно уже в середине VI в. до н. э. был сооружен в Гилее алтарь Геракла (Русяева, Vinogradov 1991: 201, 202). Что же касается скифской версии происхождения этих монет, она нам представляется в силу изложенной аргументации маловероятной.

По поводу второго аргумента сторонников «протектората» — штемпеля на горле ойнохойи с изображением реверса монеты Эминака с эмблематикой Ольвии — здесь можно только констатировать синхронность этих событий: выпуска монеты и клеймения сосуда. Что же касается факта наличия отпечатка реверса монеты на ойнохойе, то это как раз свидетельствует о том, что Эминак был, скорее всего эпонимом и «отвечал» за меры веса и объема.

Ну и, наконец, совершенно непонятно, чем может помочь в отношении решения вопроса о наличии или отсутствии «протектората» факт расширения ольвийской агоры. Факт, который в полной мере может объясняться внутренними потребностями самой Ольвии.

Закономерно возникает вопрос: если «протекторат», пускай даже только экономический, имел место на протяжении по меньшей мере четверти века — от Скила (вторая четверть V в. до н. э. — Виноградов 1980: 104 и сл.) до Эминака (середина — третья четверть V в. до н. э. включительно) и именно в это время Ольвию посетил Геродот,⁸ то весьма странно, по-

чему эта зависимость полиса от скифов, достаточно важная для тех и других, не нашла отражения в труде историка? Ведь, как отмечает Ю. Г. Виноградов, давно установлено, что Геродота причерноморские полисы сами по себе не интересовали — «их описание всплывает только тогда и только в той мере, в какой они связаны со Скифией» (Виноградов 1989: 98). Маловероятно, чтобы Геродот не отметил такое важное событие, как достаточно длительный протекторат скифов над Ольвией, если он действительно имел место.

Суммируя все сказанное выше, представляется, что трактовка археологических фактов в пользу реальности скифской военной экспансии и нахождения Ольвии в V в. до н. э. под скифским «протекторатом» вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Имеющиеся археологические факты, учитывая интерпретационную зыбкость исторических реконструкций, основанных в основном на скифском рассказе Геродота, вполне позволяют придерживаться точки зрения о том, что вторая-третья четверти V в. до н. э. в жизни Ольвии являлись временем мирного самостоятельного независимого развития полиса, связанного со становлением Ольвии как города.

Тенденция преувеличения степени зависимости Ольвии от варваров, в частности, в V в. до н. э., требует корректировки. В этой связи первоочередное значение имеет вопрос, который сторонники скифской экспансии ставят обычно на второе место, уделяя основное внимание доказательствам наличия угрозы и зависимости Ольвии. Это вопрос о том, от кого конкретно и насколько реально могла зависеть Ольвия как в военно-политическом, так и в экономическом отношении. Еще В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным отмечалось, что вплоть до середины V в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье отсутствует археологически выраженный центр кочевых скифов (Ильинская, Тереножкин 1983: 359). Естественно, в данном случае речь может идти лишь о кочевниках, поскольку земледелие в степи по археологическим данным еще отсутствовало (Гаврилюк 1999: 294). За время, прошедшее после издания монографии В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина, практически ничего не изменилось. По-прежнему, следуя за К. К. Марченко, можно сказать, что в северопричерноморской степи в конце VI — первой половине V вв. до н. э. нет явных следов единого мощного объединения номадов (Марченко 1993: 44; 1999: 155 и сл.), которое действительно могло бы представлять реальную угрозу для Ольвии.

⁸ Посещение Геродотом Ольвии может относиться ко времени около середины V в. до н. э. (Скржинская 1991: 89 и сл.).

Последнее дает все основания для сомнений в возможности наличия «целенаправленной и чуть ли не планомерной политики Скифского царства» по крайней мере в первой половине V в. до н. э. (Виноградов, Марченко 1991: 151). Более того, как справедливо полагают сторонники этого мнения, даже, если бы в V в. до н. э. и возникали отдельные объединения скифов, то они, «в условиях явного отсутствия сколько-нибудь значительной социально-экономической стратификации» степняков Северного Причерноморья, вряд ли могли быть долговременными (Виноградов, Марченко 1991: 151). Отсюда закономерно возникает вопрос, о какой тогда целенаправленной и планомерной политике скифов и тем более «протекторате» в отношении, в частности, Ольвии, может идти речь?

- Анохин, В. А. 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова Думка.
- Виноградов, Ю. А. 1999. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum plus* 3. Скифский квадрат: 101—115.
- Виноградов Ю. А., К. К. Марченко. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Советская археология 1: 145—155.
- Виноградов, Ю. Г. 1980. Перстень царя Скила // Советская археология 3: 92—109.
1981. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. // Вестник древней истории 2: 65—90; 3: 49—75.
- 1981а. Варвары в просопографии Ольвии // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации: 131—146. Тбилиси.
1989. Политическая история Ольвийского полиса. VII—I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. Москва: Наука.
- Гаврилюк, Н. А. 1999. История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н. э. Киев.
- Ганжа, А. И., Л. В. Мошкова, В. М. Отрешко. 1978. Раскопки архаического поселения на Березанском лимане // Археологические открытия 1977 г.: 310. Москва.
- Гребешников, Ю. С. 1989. Памятники степного Побужья IX—III вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Гребешников, Ю. С., М. И. Фридман. 1985. К вопросу о населении ольвийской периферии в середине V в. до н. э. // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы: 90, 91. Парутино.
- Доватур, А. И., Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Наука.
- Доманский, Я. В. 1981. Ольвия и варвары в V в. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации: 157—163. Тбилиси.
- Доманский, Я. В., Ю. Г. Виноградов, С. Л. Соловьев. 1989. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа: 33—60. Ленинград.
- Карышковский, П. О. 1960. О монетах с надписью ЕМІ-НАКО // Советская археология 1: 179—195.
1984. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья: 78—89. Киев.
1987. Монеты скифского царя Скила // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина 1: 66—68. Кировоград.
1988. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев: Наукова Думка.
- Карышковский, П. О., И. Б. Клейман. 1985. Древний город Тира. Киев: Наукова Думка.
- Книпович, Т. Н. 1956. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // Материалы и исследования по археологии СССР 50: 119—153.
- Ковпащенко Г. Т., Е. П. Буянтян. 1978. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге: 133—150. Киев.
- Ковпащенко Г. Т., Е. П. Буянтян, Н. А. Гаврилюк. 1978. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге: 7—132. Киев.
- Козуб, Ю. И. 1974. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. Київ: Наукова Думка.
1979. Передмістя Ольві // Археологія 29: 3—34.
- Копейкина, Л. В. 1974. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период (истоки строительной традиции) // Советская археология 2: 188—199.
- Крыжицкий, С. Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э.—IV в. н. э.). Киев: Наукова Думка.
1985. Ольвия. Историко-археологическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев: Наукова Думка.
- 1985а. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1982: 94—103. Тбилиси.
1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова Думка.
- Крыжицкий, С. Д., С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова Думка.
1990. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наукова Думка.
- Крыжицкий, С. Д., Н. А. Лейтунская. 1997. Ольвия. Раскопки. История. Культура // Николаевская библиотека 4. Николаев.
- Крыжицкий С. Д., В. И. Назарчук. 1994. Новый памятник строительства позднеархаической Ольвии // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества: 99—106. Одесса.
- Крыжицкий, С. Д., В. М. Отрешко. 1986. К проблеме формирования ольвийского полиса // Ольвия и ее округа: 3—16. Киев.
- Крыжицкий, С. Д., А. С. Русяева, В. В. Крапивина, Н. А. Лейтунская, М. В. Скржинская, В. А. Анохин. 1999. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев.
- Крыжицкий, С. Д., В. М. Зубар, А. С. Русяева. 1998. Античні держави Північного Причорномор'я. Київ.
- Крыжицкий, С. Д., Н. О. Лейтунская. 1998. Ольвия у другій чверті V ст. — 331 р. до н. е. // Давня історія України. Скіфо-антична доба 2: 300—315. Київ.

- Крижицкий, С. Д., А. С. Русяева.* 1978. Найдавніше життя Ольвії // *Археологія* 28: 3—26.
- Крижицкий С. Д., О. М. Щеглов.* 1991. Про зерновий потенціал античних держав Північного причорномор'я // *Археологія* 1: 54—67.
- Латин, В. В.* 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). Киев: Наукова Думка.
- Латышев, В. В.* 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. Санкт-Петербург.
- Лейтунська, Н. О.* 1995. Економіка Ольвійської держави в V ст. до н. е. // *Археологія* 3: 16—27.
- Лейтунська, Н. О., В. І. Назарчук.* 1993. Нова знахідка монети Емінака з Ольвії // *Археологія* 1: 115—120.
- Липавский, С. А., И. А. Снытко.* 1990. Курганы раннего времени в урочище Чертоватое и некоторые проблемы населения Ольвийской хоры // *Липавский С. А., Снытко И. А. Материалы по археологии Ольвии и ее окружи:* 1—7. Киев.
- Марченко, К. К.* 1980. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // *Вестник древней истории* 1: 131—143.
1982. К вопросу о так называемом предместье Ольвии // *Вестник древней истории* 3: 126—136.
1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII—первой половине I вв. до н. э.: По материалам лепной керамики. Ленинград: Наука.
1991. Греки и варвары северо-западного Причерноморья VII—I вв. до н. э. (проблемы, контакты, взаимодействия). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ленинград.
1993. К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье V в. до н. э. // *Петербургский археологический вестник:* 43—47. Санкт-Петербург.
1994. «Стихийная линия» греческой колонизации или к вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода // *Вестник древней истории* 4: 92—99.
1999. К проблеме греко-варварских контактов // *Stratum plus* 3. Скифский квадрат: 145—172. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса.
- Марченко, К. К., Я. В. Доманский.* 1981. Античное поселение старая Богдановка 2 // *Археологический сборник ГЭ* 22: 62—74. Ленинград.
- Музич, В. Ю.* 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова Думка.
- Назаров, В. В.* 1988. Новые находки наконечников стрел из архаических поселений Нижнего Побужья // *Античные древности Северного Причерноморья:* 179—183. Киев.
- Орешников, А. В.* 1921. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // *Известия Российской Академии истории материальной культуры* 1(1): 217—240.
- Отрешко, В. М.* 1994. Про основи економіки Березанського поселення // *Археологія* 2: 112—122.
- Русяева, А. С.* 1979. Земледельческие культуры в Ольвии догетского времени. Киев: Наукова Думка.
1991. Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // *Духовная культура древних обществ на территории Украины:* 96—116. Киев.
1992. Религия и культуры античной Ольвии. Киев: Наукова Думка.
- Скрябинская, М. В.* 1991. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев: Наукова Думка.
- Скудова, В. М.* 1960. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // *Записки Одесского археологического общества* 1 (34): 60—74.
1988. Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Ленинград.
- Стольба, В. Ф.* 1991. Херсонес и скифы в V—II вв. до н. э. (проблемы взаимоотношений). Дисс. ... канд. ист. наук // *Архив ИИМК РАН.* Ленинград.
- Черненко, Е. В.* 1981. Скифские лучники. Киев: Наукова Думка.
- Черненко, С. В.* 1998. Політична історія племен Північного Причорномор'я у скіфську епоху // *Давня історія України. Скіфо-антична доба* 2: 34—72. Кив.
- Черненко, Е. В., С. С. Бессонова, Ю. В. Болтрик, С. В. Поли, С. А. Скорый, Н. М. Бокій, Ю. С. Гребенников.* 1986. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова Думка.
- Щеглов, А. Н.* 1987. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII—V вв. до н.э. // *Причерноморье в VII—V вв. до н. э.:* 99—122. Вани-Тбилиси.
- Яценко, И. В.* 1959. Скифия VII—V веков до нашей эры. Археологические памятники степного Приднепровья VII—V веков до н. э. // *Труды Государственного исторического музея* 36. Москва.
- Ebert, M.* 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin // *Prachistorische Zeitschrift.* Bd. V.
- Rusjaeva, A. S., J. G. Vinogradov.* 1991. Der «Brief des Priesters» aus Hylaia // *Gold der Steppe Archaeologie der Ukraine:* 201, 202. Schleswig.
- Vinogradov, J.* 1996. Zur Klassifizierung der griechisch-barbarischen Abhängigkeitsverhältnisse der vorrömischen Zeit im pontischen Raum // *Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums* 9. — 14. März 1994 in Berlin: 427—437. Tübingen.

OLBIA AND SCYTHIANS IN THE 5th CENTURY B. C. TO THE QUESTION OF THE SCYTHIAN «PROTECTORATE»

S. D. KRYZHITSKIY

The 5th cent. B. C. was the period in the history of the Olbian state, when the major changes in its policy, as actually in all other spheres of life, took place. Besides the changes firmly established archaeologically, there is an event in the history of Olbia, the reliability of which is not quite obvious and requires serious arguments to

prove it. It is the problem of the existence of the Scythian «protectorate» in Olbia. There are two extreme points of view on this problem now. Some researchers assume that the «protectorate» did exist, others deny such a possibility. Since direct evidences of the existence of the Scythian «protectorate» are lacking, supporters of the first

standpoint attract general historic constructions, based on numismatic data and Herodotus's «Scythian Logo», to prove their case. In addition to these sources they allude to the entire aggregate of archaeological facts. But these facts cannot be interpreted quite unequivocally and, as it seems, may lead to absolutely contrary conclusions.

The problem of the substance and chronology of the Scythian «protectorate» has three aspects. Firstly, it concerns the so-called Scythian threat, which, by the logic of events, must have forerun the «protectorate» and which, according to Yu. G. Vinogradov, arose about 510—490 B. C. This threat was continuing till the appearance of another «protectorate», which is tied with the name of Ariapith (c. 480—470). The basic question here is to what extent this threat was actually real. The second aspect of the problem is connected with Skylos, whose activities took place about 470—450 B. C. We mean here the Scythian king, whose existence and certain contacts with Olbia are undoubted by the absolute majority of researchers (including the author of this article). The question is only about the form these contacts took. Finally, the third aspect is

connected with the presumable existence of Emi-nakos — the king (or governor) of the «protectorate» (c. 450—440).

In the opinion of supporters of the «protectorate» hypothesis, the latter is confirmed rather by the entire complex of facts than by any isolated ones. However, a more careful examination of the archaeological facts taken separately (and this is the subject of this article) reveals a number of discrepancies and disputable questions, which subject to doubt the possibility both of joining these heterogeneous facts together and of their interpretation in favour of the existence of Scythian military threat in general and of the «protectorate» particularly. Thus the complex approach comes into contradiction with the very system of proofs.

The available archaeological evidence, taking into account the interpretational unfoundedness of historical reconstructions based on Herodotus's Scythian Story, suggests with a fair probability that the second and third quarters of the 5th cent. B. C. were a period of peaceful and independent establishment and development of the Olbian polis, as well as of its peaceful contacts with Scythians.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ «ВОСТОЧНЫЙ ГРАВЕТТ»?

Восточный граветт (отв. редактор Х. А. Амирханов).
329 с. 166 илл. 15 табл. 1998. Москва: Научный мир.

Верхний палеолит Восточной Европы, несмотря на более чем столетнюю историю исследования, ставит много вопросов и среди них наиболее сложный — периодизация разновременных и разнокультурных памятников. Попытки соотнести как отдельные стоянки, так и стоянки, объединенные в археологические культуры, с общепринятыми широкими французскими культурно-временными периодами: ориньяка, перигора, солютре и мадлена, — потерпели неудачу, хотя в настоящее время, кажется, намечается прогресс, касающийся граветта, который связан с хронологическим диапазоном, имеющим примерные границы от 28 до 20 000 лет назад.¹

В литературе существует много путаницы в связи с понятием «восточный граветт», в которое вкладывается или чисто географическое или исключительно культурное содержание и которое нередко принимается как нечто бесспорное и само собой разумеющееся, что нашло отражение и в рецензируемой коллективной работе.

Выход в свет сборника «Восточный граветт» является значительным событием в области российского палеолитоведения. Эта важная тема для понимания культуры и судеб населения Восточно-европейской равнины в среднюю пору верхнего палеолита была широко рассмотрена и обсуждена во время Международного colloquium (1—7 сентября 1997 г., Москва—Зарайск), блестяще организованного и проведенного Х. А. Амирхановым, взявшим на себя труд ответственного редактора столь оперативной публикации. Х. А. Амирханову принадлежит и основная

статья сборника «Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы?» (с. 15—34).

Бесспорной удачей этой статьи является рассмотрение истории понятия «восточный граветт» и особенно истории изучения того культурного явления, на определение которого претендует данное понятие в отечественной науке. Главное внимание уделено изменению взглядов Г. П. Григорьева, и здесь, можно полностью согласиться с автором статьи, что понятие, которое стремится стать научным термином, возникло прежде, чем появилось его определение и прояснилась суть подразумеваемого под ним явления. Думается, что это положение касается и работ тех зарубежных исследователей, которые пытаются обобщить проблематику палеолита Центральной и Восточной Европы (см., например, Desbrosse, Kozłowski 1989). Для решения основного вопроса — характера памятников, отнесенных к «восточному граветту» или находящихся под его влиянием, Х. А. Амирханов привлекает главные индексы кремневого инвентаря, оговаривая трудности, которые встречаются при их установлении. Сравнение с базовыми оценочными показателями ориньякской и граветтской индустрий, даже отвлекаясь от конкретных руководящих форм, позволяет назвать эти памятники граветтоидными. К группе из 14 таких стоянок применен кластерный анализ, результатом которого явилась дендрограмма, где памятники выстроены по нескольким уровням сходства. Мне импонирует полученный вывод: «Понятие «восточный граветт» не содержит смысла иного, чем обозначение гравет-

¹ Французские исследователи, на которых наша наука о палеолите издавна привыкла оглядываться, не дают однозначного понятия крупных культурных подразделений верхнего палеолита. Это и культура, и культурная фация, и ансамбль культурных фаций и даже цивилизация. Отечественное палеолитоведение добавило к этому более узкое понятие археологическая культура. В дальнейшем изложении я буду лишать термины французского окончания, введя за первыми российскими исследователями, переведшими, например, ориньяк, а не ориньясен. По непонятной причине у нас укоренилось «граветсен», но, видимо, чувствуя неудобнопроизносимость всяческих *willendorfen*, *pouchkarien* или *kostenkien*, авторы находят приемлемое продолжение: индустрия, комплекс, культура.

тоидных памятников Центральной и Восточной Европы» (с. 32). В отличие от взглядов Г. П. Григорьева, «восточный граветт» представляет культурную непрерывность групп памятников со своими пространственными и временными измерениями, таких как костенковско-авдеевская, хотылевско-гагаринская, костенковско-борщевская и костенковско-александровская. Хотелось бы, правда, знать, почему Х. А. Амирханов не называет эти группы археологическими культурами?

М. В. Аникович предваряет свою статью «Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» (с. 35—66) теоретическими разработками касательно применяемых им понятий и терминов: археологическая культура (АК), технокомплекс (ТК) и историко-культурная область (ИКО), достаточно полно освещенных в его предшествующих работах. Далее дается характеристика предыстории сложения Днепро-Донской ИКО по материалам Восточной и Центральной Европы и подробное (может быть, даже излишне) описание Днепро-Донской ИКО, где автор статьи выделяет два хронологических этапа в 24—20 тыс. лет назад и 19—12 тыс. лет назад. Подавляющее большинство индустрий относится к граветтоидному ТК. Достаточно полный набор иллюстраций дает представление о материальной культуре обоих этапов. Остановлюсь лишь на двух моментах. М. В. Аникович допускает, что в Центральной Европе «виллендорфско-костенковская АК изначально формировалась из двух генетически разных корней, обусловивших изначально ее подразделение на два основных варианта: виллендорфский... и павловский» (с. 44). И в Восточной Европе «...намечаются два варианта развития единых культурных традиций (одной АК), функционировавших в тесной взаимной связи» (с. 53). У него не вызывает сомнений, что «костенковско-авдеевский вариант» — это тот же «виллендорфский в его дальнейшем развитии в новых условиях. Однако, прямая связь хотылевско-гагаринского варианта с «павловьеном» более проблематична. Мысль интересная, но действительно нуждается в обоснованном подтверждении. Все не так легко и просто. Второй момент касается «традиционности» определений, принятых М. В. Аниковичем для первого хронологического этапа — «восточный граветт» и для второго — «восточный эпиграветт», хотя в начале статьи он допускает «искусственный, условный характер этих терминов» и тут же обещает ответить на вопрос, возможна ли дефиниция «восточного граветта» в принципе (с. 37). Ответ неутешительный: «...нет никакой необходимости пытаться определить эти термины на понятийном уровне» (с. 63). С этим трудно согласиться. Во

всяком случае необходимо раскрыть, почему индустрии второго хронологического этапа ИКО могут быть обозначены как «восточный эпиграветт», а не как «восточный мадлен» — в этом кажется больше оснований. Вообще с эпиграветтом на Русской равнине получается нечто странное. Вполне возможно, что это не культурное понятие, а хронологическое — то есть время после граветтского заселения, поскольку далеко не все выделенные Р. Деброссом и Я. Козловским «единства» обладают граветтскими чертами, если только под последними они не понимают наличие пластин и пластинок с притупленной спинкой. Более поздние деснинские памятники могут быть связаны с предшествующим этапом только жилищами из костей мамонта, но не кремнем, в котором отсутствуют граветтские элементы, или обработанной костью и произведениям искусства, то есть элементами, которые тяготеют к мадлену.

В статье Е. В. Булочниковой «Вчера и сегодня понятия «восточный граветьен» (с. 67—72) очень кратко и не совсем точно (см. статью Х. А. Амирханова) изложена история появления и утверждения термина, справедливо отмечено отсутствие общепринятой четкой дефиниции и в настоящее время. Автор статьи оперирует такими понятиями как «группа памятников», «круг памятников», просто «граветьен» или «восточный граветьен», но заменяет «Pavlovien» А. Дельпорта на «павловскую индустрию». Затем на основе отечественного палеолитоведения появляются понятия «культуры» и «единства». Именно «виллендорфско-павловско-костенковское единство» составляет «ядро восточного граветьена», «специфическими формами инвентаря которого являются: нож костенковского типа, наконечник с боковой выемкой костенковского типа, листовидное острие павловского и костенковского типа» (с. 69). Кроме того «восточный граветьен включает в себя» стоянки, каменный инвентарь которых «скорее демонстрирует разную степень их вовлеченности» в сферу влияния «восточного граветьена» (с. 70). Так что же такое «восточный граветьен» как единица систематики?

Ответ на этот вопрос, казалось, можно найти в статье Г. П. Григорьева «Отношение восточного граветьена к Западу» (с. 73—80), но Г. П. Григорьев пошел по иному пути. Он принял определение граветта как «эпизод в середине развития верхнего палеолита в Европе» (с. 73), что сразу ставит под сомнение возможность назвать эпизодом культурное явление, охватившее всю Европу и развивавшееся в течение почти 10 тысяч лет. В этот граветтский эпизод Г. П. Григорьев включает памятники Центральной и Восточной Европы, расположенные к востоку от Рейна. В Западной Евро-

пе, главным образом, юго-западной Франции (Большой Перигор по Г. П. Григорьеву) в это время существовали этапы среднего и позднего перигора, то есть то, что сами французы называют граветтом. Основная мысль автора статьи — существование различной структуры этих явлений. В «граветте», распространенном за пределами Большого Перигора, представлена иерархия, в нижней части ее помещаются отдельные памятники, такие как Виллендорф или Спадзиста, которые не могут войти в какую-либо культуру. Выше идет археологическая культура, затем единство нескольких, притом родственных культур (виллендорфско-павловско-костенковское культурное единство). «И выше помещается сам граветьен, как единство всех памятников, в которых есть наконечник и листовидное острие или нож и пластинка с симметричными концами» (с. 75). В одновременных памятниках юго-западной Франции, говорит Г. П. Григорьев, типичными будут иные формы, которые показывают автохтонное развитие перигордийской культуры. Можно возразить, что перигордийская культура Франции неоднородна, она представлена не только в Большом Перигоре, но и в других областях, обладающих собственным развитием с различными привнесениями типичных форм орудий с севера и с востока (см., например, статью Ж. Оноратини и Ж. Комбье в этом томе). Построения Г. П. Григорьева вносят новую путаницу в понятие граветта.

Чтобы закончить сюжеты по общим вопросам, необходимо остановиться на оригинальной, если не сказать больше, статье Марселя Отта с интригующим названием «Граветтская судьба» (*Destinée Gravettienne* — с. 7—14). М. Отт выделяет и прослеживает в Восточной Европе три хронологические этапа технических и стилистических модификаций граветта, подкрепленные как новыми (Миток-Малул Галбен, Косауцы, крымские навесы), так и старыми (Молодова V) исследованиями памятников в степных районах, обращенных к Черному морю. Убеденный в решающей важности религиозной мысли (видимо, выраженной в художественных произведениях, дошедших до нас, но это не оговаривается) для подтверждения социальных основ любой исторической ситуации, М. Отт связывает с ней существенные черты граветтской эволюции. Особенно интересно положение, что в конце палеолита, вследствие географического разделения Европы появляются два различных способа адаптации, «две формы эволюции духа». Ограниченное пространство Запада порождает мифологическую и художественную стабильность, выраженную через настенное искусство, а затем мегалиты. Этот процесс устойчивости фиксирует связь между Землей и Космосом. Не иначе как завороченный необъятными степными

пространствами, М. Отт приходит к заключению, что на Востоке, напротив, в образе жизни сохраняется мобильность. «Анималистические поделки сопровождают еще таких путешественников (*gens du voyage*) как скифы, цыгане или сибирские шаманы. ...Особенности концепции мира отражаются до настоящего времени в животных, участвующих в повседневной жизни и иллюстрирующих мифологию степных популяций» (с. 13). Приведенные рисунки действительно забавны.

Ряд статей посвящен региональным особенностям граветта. В работе Жерара Оноратини и Жана Комбье «Граветты от Бургундии до Средиземноморья. Связи с восточным граветтом» (*Les Gravettiens de la Bourgogne à la Méditerranée. Relations avec le Gravette oriental* — с. 90—124) отмечается, что на указанной территории, вслед за относительно спорадическим заселением ориньякскими охотниками, значительная площадь была занята граветтцами. Диффузия граветтских групп началась, возможно, с севера по долинам Соны и Роны и со среднего течения Дуная через Лигурию в прибрежную средиземноморскую зону. Это привело к образованию двух ансамблей граветтских памятников различных традиций: первый, главным образом, на открытом воздухе, второй — чаще в гротах. С одной стороны, они представляют определенное культурное единство, основанное на технологии и типологии каменного инвентаря, обрядах и украшениях, что позволяет связать их с граветтом в широком смысле, а с другой стороны, их отличительные черты характеризуют два направления: северное и южное, идущие своими путями. Эти положения подробно документируются исходными материалами с экскурсами в историю исследования, с описанием важнейших стоянок в отдельных группах по регионам. Достаточно различные культурные традиции с собственной эволюцией особенно хорошо изучены в трех областях. В долинах Соны и Луары намечаются сходные черты в образе жизни и некоторых типах орудий (наконечники с боковой выемкой и орудия с подтеской) с характеристиками отдельных памятников восточного граветта. Вместе с тем устанавливаются связи и с граветтской группой Бельгии. В восточно-средиземноморской зоне граветтская культура существовала от 23 до 12 000 лет назад, дав рождение эпиграветту в зоне Прованс—Лигурия. В области к западу от Роны (Ардеш и Лангедок) на памятниках прослеживается симбиоз двух традиций, и граветтские слои перекрыты своеобразным нижнеронским солютре. Для нас совместные разработки двух крупных специалистов очень важны, чтобы еще раз сказать, что «восточный эпиграветт», по крайней мере, в центре Русской равнины, ни что иное как фикция.

В статье «Геохронология горизонта с наконечниками с боковой выемкой в Центральной Европе» (*La géochronologie de l'horizon a pointes a cran en Europe Centrale*, с. 81—89) Я. Козловский справедливо указывает, что геохронологическая модель, построенная на стратиграфических разрезах Бельгии, с трудом применима к Центральной Европе, хотя некоторые сходные явления могут наблюдаться к востоку от Эльбы. Работы, проведенные в Моравии (классические павловские разрезы), Западной Словакии (Мораваны-Лопата II, Банка-Копаница), в Южной Силезии и Южной Польше, показали, что в период между 30 и 20 000 лет назад ритмы осцилляций, температуры и влажности были различными и, следовательно, палеогеографические явления, такие как вечная мерзлота, солифлюкция, мерзлотные клинья и седиментация лесса были не синхронными, а диахроническими для каждого географического района. В сжатой форме, но очень емко в статье показана культурная эволюция, которая также представляет специфические региональные секвенции. Так, в Моравии после широкого развития павловских центров (30—25 000 лет назад) произошло сильное разрежение памятников, обладающих скудным инвентарем (25—20 000 лет назад). Западная Словакия, напротив, не знала значительного развития павловской культуры, и только после 24 000 лет назад появились выразительные стоянки с наконечниками с боковой выемкой (Мораваны, Нитра-Черман). В Силезии, которая в начале периода была периферийной зоной с мастерскими по обработке кремня, после 25 000 лет назад наблюдается разрежение стоянок и только к 21 000 лет назад — к концу горизонта с наконечниками с боковой выемкой — появляется Острава-Петржковице. Верхний бассейн Вислы очень редко посещался павловскими группами и только между 24 и 20 000 лет назад обнаруживаются важные центры горизонта с наконечниками с боковой выемкой. Я. Козловский приводит некоторые доказательства определенной непрерывности в культуре и образе жизни между павловом и этим горизонтом позднего граветта (например, наличие женских статуэток). Отмечены и различия между ними, связанные, как полагает автор статьи, в основном с адаптацией к холодным климатическим условиям начала верхнего пленигляциала.

Виола Добоши в своей содержательной статье «Восточный или центральный? Граветтские связи / Венгрия» (*Eastern or Central? Gravettian connections / Hungary* — с. 125—134) раскрывает особое географическое значение Карпатского бассейна как закрытой геоморфологической единицы. Она останавливается на истории использования термина «восточный граветт» в венгерской специаль-

ной литературе в течение 40 лет: «Типологические, стратиграфические и хронологические данные были «втиснуты» в прокрустово ложе общепринятой системы» (с. 125). После Второй Мировой войны стала доступна русская специальная литература, и культурная переоценка венгерских материалов оказалась неизбежной. В. Добоши дает обзор распространения стоянок среднего и позднего верхнего палеолита в Карпатском бассейне и на прилегающих территориях и намечает возможные направления и хронологию различных перемещений, сопровождаемые наглядными и поэтому очень ценными картами. Она подвергает сомнению понятие «виллендорфско-костенковская культура» из-за большого географического расстояния (1800 км по прямой) между эпонимными стоянками, которые она к тому же считает одновременными: «Отложив такое расстояние от Вахау на Запад мы окажемся в Атлантическом океане» (с. 133). Виллендорф и Костенки разделены областями с богатой и разнообразной культурой. Вряд ли возможно, продолжает В. Добоши, чтобы одна и та же популяция появилась в своем полном расцвете только в маргинальных зонах очень обширной территории. Поэтому термин «единство» более приемлем. Одновременные венгерские стоянки среднего верхнего палеолита могут рассматриваться как «филиалы» центрально-европейских центров. Ближайший «восточный» центр на Днестре, кажется, не оказывает влияния на события во внутренних частях Карпатского бассейна. Ответ на вопрос, был ли галечный граветт (шагварская группа) в позднем верхнем палеолите независимой фацией крупного культурного единства, представляется В. Добоши скорее утвердительным, но она признает, что эта группа еще загадочна.

В название статьи И. А. Борзияка вкралась досадная ошибка. Речь идет, конечно, о Поднепровье и следует читать «Граветт Поднепровья и его связи с «единством Виллендорф-Павлов-Костенки» (с. 135—141). И. А. Борзияк рассматривает памятники Карпато-Днестровского бассейна согласно двум генетически связанным этапам: ранний (Молодова V, слои 10—7; Миток-Малул Гальбен, слои 1—4 и др.), который он квалифицирует как макрограветт, и поздний (Молодова V, слои 6—1; Косоуцы, слои 5—1 и др.), называемый микрограветтом. В типологическом плане, продолжает автор статьи, эти памятники значительно отличаются от виллендорфско-павловско-костенковского единства и могут относиться к днестровской разновидности граветта. Наличие орудий, характерных для «единства» (ножи костенковско-го типа, наконечники с боковой выемкой), свидетельствует о его влиянии на днестровский граветт, хотя не исключено и явление конвер-

генции. Таким образом, вопрос остается открытым.

Ряд статей касается вопросов материальной культуры в рассматриваемый период. Из них две работы посвящены структуре поселений и жилищам. В статье В. Я. Сергина «Жилища на памятниках восточного граветта Русской равнины» (с. 151—176) отражены его многолетние изыскания, широко использующие архивные материалы и опубликованные данные об остатках жилых конструкций из костей мамонта. Последовательно и достаточно подробно описаны все памятники на Русской равнине, которые автор статьи относит к граветту. Выполненный анализ приводит его к выводу, что остатки жилищ встречены только в Гагарине, Пушкарях 1, Костенках 1 и Авдееве, причем лишь два последних могут быть отнесены к поселениям. Неясно, что имел в виду В. Я. Сергин, когда писал: «За исключением пушкаревского жилища, граветтские постройки Русской равнины связаны с виллендорфско-костенковскими памятниками» (с. 172), но это дало ему основание рассматривать и содержащие жилые конструкции стоянки Центральной Европы «той же группы», нисколько не смущаясь, что в Виллендорфе жилища не обнаружены, а в моравских стоянках, о которых идет речь, нет ничего похожего на жилые комплексы Костенок и Авдеева. При этом автор статьи считает последние поселения наиболее близкими к Павлову, совершенно не учитывая хронологии стоянок. Предположение В. Я. Сергина о «гагаринской линии развития», идущей параллельно костенковско-авдеевской или даже предшествующей ей (с. 174), неубедительно. О какой линии или «логике развития» можно говорить по единственному жилищу? Более того, гагаринское жилище было расположено на мысу, на ограниченном пространстве, и по сути своей не могло быть исходным для костенковско-авдеевских комплексов.

В статье «Структура Хотылевского верхнепалеолитического поселения» (с. 177—190) К. Н. Гаврилов использует архивные материалы Ф. М. Заверняева, справляясь со всеми трудностями, возникавшими при этом. В статье детально рассмотрены элементы культурного слоя: «зольники», ямы, ямки, скопления минеральной краски, вкопанные или вбитые кости, а также группы специально отобранных костей мамонта, интерпретируемые как следы некоей ритуальной деятельности. Заслуживает внимания вывод автора статьи о том, что структурные особенности Хотылевского поселения позволяют поставить вопрос о преемственности в развитии верхнего палеолита на Русской равнине, и что ключевую роль в этом вопросе может сыграть линия Хотылево-Пушкарки 1. Тем самым намечены пути дальнейших исследований.

Пять работ посвящены как технологии, так и типологии кремневого инвентаря. Е. Ю. Гиря и Б. Бредли в статье «Пластинчатая технология в Костенках 1/1, Авдееве и Зарайске» (Blade technology at Kostenki 1/1, Avdeev and Zaraysk — с. 191—213) на основе представительных серий кремневой индустрии посредством технологического анализа показали, что в привлеченных для рассмотрения памятниках имеются некоторые вариации в зависимости от сырья, но формы пренуклеусов, техника подготовки площадок и даже корректировка ошибочных действий не изменялись. Процессы производства убедительно продемонстрированы на примерах ремонта. Авторы статьи приходят к важным выводам: такая пластинчатая технология характерна для костенковско-авдеевской археологической культуры; она не имела продолжения на Русской равнине после 18 000 лет назад, но могла существовать в позднем палеолите Западной Европы как компонент мадленской археологической культуры. Эти несколько неожиданные, но очень интересные заключения в свете рассуждений об «эпиграветте» в Восточной Европе дают новые направления в интерпретации развития позднего верхнего палеолита Европейского континента.

В статье А. Б. Селезнева «Технология расщепления кремня на стоянке Хотылево 2» (с. 214—225) основное внимание уделено пластинам-заготовкам для 11 категорий орудий и групп внутри них. Согласно номенклатуре автора статьи, это концевые скребки, резцы: ретушные, двугранные, на сломе пластины; острия: тронке, с высокой и средней ретушью, с выделенным жалом, острия типа граветт, микроострия, пластины с регулярной ретушью и микропластинки с притупленным краем. Подсчеты коэффициентов от стандарта показали, что только острия типа граветт, микроострия, образованные притупляющей ретушью, и микропластинки с притупленным краем имели определенную степень стандартизации, поскольку они сделаны на заготовках, снятых со специально подготовленных форм нуклеусов. В связи с этим встает вопрос, почему такому анализу не подвергались пластины, имеющие все признаки заготовок, но без вторичной обработки? Неясно также, почему не указаны «специально подготовленные формы» в детально разработанной технологической схеме развития форм нуклеусов.

Тщательный, высоко квалифицированный анализ коллекций костенковско-авдеевской культуры в статье М. Д. Гвоздовер «Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки» (с. 234—278) дает всестороннюю характеристику различных категорий расщепленного кремня и орудий из двух объектов Авдеева и одного из Костенок 1.

М. Д. Гвоздовер справедливо отмечает: «Полное сходство всех компонентов: тип поселения, кремневый и костяной инвентарь, искусство, — свидетельствуют не просто о типологической близости стоянок, а скорее о полной их идентичности» (с. 234). Описание кремневого инвентаря по категориям сопровождается рассмотрением вопросов общего характера. Количественные подсчеты и четкая типология орудий, среди которых особое место уделено ведущим по своей значимости изделиям со стесанными концами (ножам костенковского типа), сопоставление с подобными орудиями на широкой территории приводит М. Д. Гвоздовер к вполне правдоподобному допущению, что применение подтески концов было «связано не только с общей культурной традицией, а возможно и с технической необходимостью, вытекающей из характера первоначальной заготовки» (с. 255). Интересна и типология сложной группы острий, из которых выделены листовидные как особая категория, но совсем не упомянуты острия граветт (к которым я бы отнесла рис. 23, 6,8). Определенная дискуссионность типологии острий, возможно, объясняется не всегда точными ссылками на рисунки (например, рис. 8, 2,3; 14, 4; 18, 7 вряд ли соответствуют дефинициям в тексте). Из общих вопросов большой интерес представляет призыв М. Д. Гвоздовер к осторожности при отнесении к костенковско-авдеевской культуре таких памятников на Русской равнине, которые имеют в инвентаре ножи со стесанными концами и наконечники с боковой выемкой, но вместе с тем значительно отличаются от Костенок 1 и Авдеево (с. 273). Подробный разбор этого положения с привлечением не только кремневого инвентаря, но и других материалов, приводит М. Д. Гвоздовер к выводу, что Гагарино, Молодова 5, слой 7 и Хотылево 2 входят в виллендорфско-костенковское единство, но с разной степенью причастности к культурам, составляющим это единство. Только Зарайская стоянка, скорее всего, относится к костенковско-авдеевской культуре, но вопрос не может быть решен до полной публикации материалов.

Существенным дополнением к работе М. Д. Гвоздовер служат статьи А. В. Трусова «Кремневый комплекс Зарайской палеолитической стоянки» (с. 279—298) и С. Н. Лисицына «Микропластинчатый инвентарь верхнего слоя Костенок 1 и некоторые проблемы развития орудий в верхнем палеолите Русской равнины» (с. 299—308). А. В. Трусов использует материалы, собранные на стоянке до 1995 г., чтобы показать разнообразие и соотношение элементов кремневой коллекции и по возможности выявить ее характерные черты. Особо подчеркивается значение близости стоянки к источникам кремневого сырья, в отличие от

ситуации в Костенках 1 и Авдеево. Присутствие в инвентаре представительной серии ножей костенковского типа, наконечников с боковой выемкой (хотя достаточно редких), листовидных острий и микропластинок с ретушью не оставляет у автора статьи сомнений, что эта стоянка принадлежит к костенковско-авдеевской культуре, что подтверждается и кумулятивным графиком.

С. Н. Лисицын строит свои выводы на анализе орудий небольших размеров и стандартизации приемов вторичной обработки. Детальное рассмотрение, главным образом, микропластинок с притупленным краем позволило ему провести сравнение с подобными орудиями из Авдеева, Виллендорфа 2, слой 9, Павлова, Хотылево 2 и Гагарина, то есть памятников, близких по культуре, и выявить достаточно отчетливо основные отличия костенковских изделий. В материалах был выделен и специальный тип нуклеуса для снятия микропластинок. Анализ материалов южных районов позволяет автору статьи сделать широкий вывод: «Микроиндустрия в большей степени, чем остальной инвентарь, отражает хозяйственно-функциональные особенности того или иного памятника» (с. 308). На общем фоне этой интересной статьи досадны мелкие погрешности: на рис. 1 приводит в изумление античная (вместо атипичной) заготовка; для рис. 2 следовало бы произвести более точный отбор предметов, удовлетворяющих дефиниции; в тексте (с. 306): тип ргани определен по кавказским материалам и, даже со ссылкой на Я. Козловского, заслуживает быть обозначенным на русском языке.

В отличие от кремневого, богатый костяной инвентарь и искусство граветта нашли отражение лишь в одной работе — статье Г. А. Хлопачева «Два подхода к построению женских статуэток на восточно-граветтских стоянках Русской равнины» (с. 226—233). Утверждая, что самый высокий категориальный уровень классификации — технологическая схема построения фигуры статуэтки, Г. А. Хлопачев исходит из формы бивневой заготовки скульптуры, имеющей характерные пропорции и размеры. Сравнительный анализ позволяет ему сделать вывод о существовании лишь двух технологических схем изготовления статуэток: хотылевскую и костенковскую, которые «фиксируют на Русской равнине две родственные, но различающиеся традиции» (с. 231). К сожалению, остается неясным, почему на одной и той же стоянке фигурки вырезались из бивня и по той, и по другой схеме.

Две статьи касаются вопросов, выходящих за рамки темы сборника. Работе А. А. Чубура «Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в осташковское время» (с. 309—329) большую

ценность придают карты распространения костей мамонта в районе Средне-русской возвышенности. В общей сложности 810 пунктов, но подавляющее большинство представляет лишь единичные и, видимо, случайные находки костей, а отмеченные кружками скопления нескольких особей редки (по моим подсчетам 36) и являются прежде всего разновременными палеолитическими стоянками. К сожалению, картирование только в самом общем плане подтверждает демонстрируемую автором статьи связь палеолитических поселений с районами концентрации местонахождений костей мамонта (с. 320). При этом не учитывается хронологический разброс и различие в стратегии собирания костей на каждой стоянке, находящейся в своих особых условиях. Легко читается основное стремление А. А. Чубура доказать, что огромные массивы костей мамонта на некоторых поселениях возникли не в результате охоты, а являются следами использования первобытными людьми мамонтовых «кладбищ». Подробно этот вопрос рассмотрен в другом месте (Абрамова, Григорьева 1997). Здесь же отмечу лишь, что приведенные А. А. Чубуром доказательства достаточности пищевых ресурсов без учета мамонта (с. 328) могут быть опровергнуты в том же порядке: 1) большинство стоянок со скоплениями костей мамонта исследованы на широкой площади, в том числе и вне жилищ; 2) в большинстве именно лессовых стоянок кости не истлели, сохранились даже мельчайшие обломки таких хрупких остатков как ребра песка или кости грызунов. Это свидетельствует о том, что культурные слои таких стоянок, столь же быстро как и Мезин, подвергались захоронению; 3) нет никаких признаков того, что кости растаскивались мелкими хищниками; 4) для топлива использовались намеренно расколотые кости мамонта. Все эти факторы отчетливо присутствуют на стоянке Юдиново, где малое количество костей травоядных говорит не о «голоде», не о скудном мясном рационе, но о широком использовании свежего мяса мамонта. Именно активная охота на это животное (о способах охоты можно только гадать) обеспечивала основной источник пропитания.

Особое место в сборнике занимает статья М. В. Александровой «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования (у истоков советской методики раскопок палео-

литических поселений)» (с. 142—150), в которой доказывается необходимость изучения «геоархеологического контекста» культурного слоя. М. В. Александрова подвергла, на мой взгляд, неоправданно резкой критике методику П. П. Ефименко, заложившую основы раскопок палеолитических стоянок на широкой площади, и отдавшего предпочтение «поселенческо-реконструктивному подходу», по определению М. В. Александровой. Безусловно необходимо скрупулезное изучение культурного слоя, но расчистка сложных объектов и комплексов требует ясного осознания целей и задач исследования. Поэтому представляется обязательным равноправное сочетание двух принципов, по возможности дополняющих и контролируемых друг друга, как это, например, проводится при раскопках Пенсевана, в основу которых А. Леруа-Гураном были положены идеи П. П. Ефименко. Важность тщательного изучения культурного слоя демонстрирует и статья К. Н. Гаврилова в настоящем сборнике. Нет нужды доказывать необходимость такого подхода, но значение статьи М. В. Александровой заключается в новом напоминании, что любые раскопки безвозвратно уничтожают уникальную картину древнего поселения.

По необходимости краткий обзор столь содержательного сборника со всей очевидностью показывает непрекращающееся развитие отечественного палеолитоведения. Статьи сборника раскрывают роль и значение граветтской культуры, широко распространенной на Европейском континенте и внесшей существенный вклад в историю человечества (появление и развитие жилых сооружений, усовершенствование кремневого инвентаря, своеобразное искусство, связанное с реальной жизнью). Авторы статей обнаруживают стремление к решению сути проблемы «восточного граветта», часто в их противоречивых суждениях прорастает зерно истины, особенно когда речь идет о конкретных ключевых памятниках, составляющих славу нашей науки: Костенках 1, Авдеево, Гагарино, Хотылево 2, к которым с полным правом примыкает теперь Зарайская стоянка. Несомненный интерес представляет и вклад наших зарубежных коллег, подходящих к проблеме «с другой стороны». Значение сборника трудно переоценить.

Абрамова, З. А., Г. В. Григорьева. 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. Санкт-Петербург.

Desbrosse, R., J. Kozłowski. 1988. Hommes et Climats a l'âge du mammoth. Paris.

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА НА РУБЕЖЕ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire: confrontation des modèles régionaux de peuplement. B. Valentin, P. Bodu, M. Christensen (Dir.). Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile-de-France, № 7. 364 pages. 2000. Nemours: Ed. A.P.R.A.I.F.

Последние десятилетия в европейской археологии отмечены активным исследованием памятников финального отрезка плейстоцена. Выяснилось, что между временем широчайшего распространения мадлена и началом собственно мезолита на континенте происходила сложная культурная перестановка с возникновением серии эпипалеолитических культур. Этот период был ознаменован неоднократными резкими изменениями климата, что позволяет проследить динамику взаимодействия древних сообществ и природной среды для достаточно «тонких» (по палеолитическим критериям) хронологических срезов. С точки зрения палеоистории, основным содержанием данной эпохи было продвижение первобытных групп на север, освоение ими территорий еще недавно непригодных для заселения из-за близости ледника. Ряд группировок памятников трех последних тысячелетий плейстоцена изучен детально и многопланово. Это дает возможность рассмотреть, помимо традиционных культурно-исторических сюжетов, такие аспекты, как характер расположения стоянок на местности, их функциональная дифференциация, облик жилищ, реконструировать виды охотничьей деятельности и технологию каменных индустрий.

Как это часто бывает в Европе, памятники единых в древности культур изучаются исследователями, разделенными национальными и языковыми барьерами. Иногда одни и те же культурные общности носят различные наименования. Отсюда понятна заинтересованность в развитии международного сотрудничества археологов. Рецензируемая книга представляет собой труды состоявшейся в 1997 г. в Немуре конференции, собравшей ученых из ряда стран Северной и Средней Европы (Англии, Бельгии, Голландии, Дании, Франции, Швейцарии, Германии и Польши). Статьи сборника сгруппированы по трем разделам. В первом помещены наиболее общие исследования, посвященные корреляции моделей расселения и хронологии финального палеолита в различных регионах Европы. Вторая часть тома объединяет статьи, характеризующие культурное развитие в пределах районов сосредоточения па-

мятников. Наконец, в третьем разделе помещены результаты раскопок наиболее полно изученных стоянок.

Первостепенное значение для прослеживания картины позднеледникового расселения человека имеет установление детальной хронологии с помощью радиоуглеродного метода. Этой теме посвящена большая статья О. Йориса и Б. Венингера, раскрывающая значение калиброванной радиоуглеродной шкалы для археологии. Уникальную возможность корреляции отложений аллереда в Средней Европе дает прослеживаемый на большой территории горизонт пеплов, образовавшихся при извержении вулкана Лахерзе в Германии.

Технологические особенности обработки камня в финальном палеолите раскрыты в статье Ж. Пелегрена. Автор рассматривает возможные причины перехода от характерного для мадлена использования рогового отбойника к употреблению отбойника из мягких пород камня, свойственного эпипалеолитическим культурам. По его мнению, такие технологические изменения были связаны с новыми приемами охоты, когда на место наконечников из рога и кости с пластинками-вкладышами приходит преимущественное использование каменных наконечников, для производства которых требовалось большое число мелких пластин.

Группа мадленских стоянок Парижского бассейна продолжает оставаться наиболее изученным сосредоточением поселений позднего палеолита в масштабе Европы. Б. Валентин и Н. Пижо приводят обзор относительной хронологии мадлена в регионе, основанной на большой серии новых радиоуглеродных датировок, стратиграфических наблюдениях и результатах изучения палеоклимата. В целом мадлен отнесен к интервалу от белинга до начала аллереда. При этом древнейшим комплексом является стоянка Этьоль, за ней следует основная серия памятников (Пенсеван, Вербери, Тиллуа и др.), а Марсанжи вероятно наиболее молодая мадленская стоянка в этой группе.

М. Олив, Ф. Одуз и М. Жюльен останавливаются на новых моментах в продолжаю-

щихся десятилетиями раскопочных кампаниях на опорных мадленских памятниках. По мере расширения вскрываемых площадей стало возможным перейти от детального изучения отдельных жилых и производственных комплексов к анализу общей организации древних поселений. Данные ремонтажа продуктов расщепления камня и костных остатков демонстрируют связи жилых и производственных скоплений. Различия в функции стоянок позволяют в общих чертах наметить характер годового цикла сезонных перемещений мадленских групп.

«Что же стало с мадленцами Парижского бассейна?» — такой давно волновавший археологов вопрос ставит П. Бодю в заглавие своей статьи. Действительно, в течение долгого времени между серией известных мадленских стоянок и мезолитическими комплексами существовал заметный пробел. Его заполняют материалы новой стоянки Клозе, где изучены остатки трех культурных слоев с индустрией федермессер. Примечательно открытие в нижнем культурном слое, датированном около 12 тыс. лет, двух выразительных жилых комплексов с очагами и внешними каменными обкладками, аналогичных скоплениям, вскрытым в Этьоле. Подобное сходство пространственной организации поселений дает возможность автору говорить о моментах преемственности между мадленом и азилом (федермессер).

Ж.-П. Фаньяр и П. Кудре представили обстоятельный очерк культурного развития в северной части Франции. Благодаря раскопкам последних десятилетий здесь выявлена следующая последовательность. В конце дриаса I и особенно в белинге после перерыва в заселении территория начинает активно осваиваться мадленскими группами. Около 12,2 тыс. лет, в конце белинга, они уступают место носителям культуры федермессер, комплексы которой преимущественно относятся к аллереду. Следы присутствия человека на протяжении дриаса III немногочисленны. Новая волна заселения в начале пребореала (9,8—10,2 тыс. лет) связывается с распространением культуры беллаузен с характерными крупными пластинами. Памятники данной оригинальной традиции пока представлены почти исключительно мастерскими. Этот пласт непосредственно предшествует мезолиту.

На смежной территории Бельгии первая волна послеледникового заселения также связывается с мадленом (статья И. Байона). Однако здесь как будто наблюдается сосуществование финального мадлена в районе Арденн и крезвельской культуры, выделенной по английским материалам (см. ниже), на равнинах. К более поздней культуре федермессер относится вскрытая на широкой площади стоянка Рекем в Лимбурге (статья Ж.-П. Каспара и

М. Де Би). Планиграфический и функциональный анализ серии скребков из одного из скоплений позволили реконструировать характер процесса обработки шкур.

На юге Голландии (статья Э. Ренсинк) позднепалеолитические находки представлены в основном подъемными материалами. Далее к северу, на основной территории Нидерландов, открыт ряд памятников гамбургской культуры, в том числе детально изученная стоянка Ольденхольтвольде (статья Д. Штаперта). Здесь расчищены остатки обложенного камнями сложного очажного комплекса и ряд скоплений расщепленного кремня. Наряду с местонахождениями федермессер и аренбургской культуры, в Голландии имеются следы присутствия крезвельской культуры.

На месте современного Северного моря в плейстоцене существовала огромная по площади осушенная территория, связывавшая Британские острова с материковой Европой. Это объясняет общность культурной истории в Англии и на континенте, охарактеризованную в статье Н. Бартона и С. Дюмон. По мнению авторов, первые следы человека после ледникового максимума здесь фиксируются около 12,6 тыс. лет. Эта волна заселения связывается с крезвельской индустрией, близкой позднему мадлену. Носители данной культуры в основном занимались охотой на дикую лошадь. В аллереде крезвельские индустрии сменяют памятники так называемой культуры «клинка перочинного ножа», сходной с федермессер. В условиях распространения лесных ландшафтов основной охотничьей добычей становятся благородный олень и лось. После нового вероятного перерыва в заселении финал молодого дриаса ознаменован распространением «культуры длинных пластин» или беллаузена, известного по северофранцузским материалам.

Другая часть этой суши ныне находится на территории Дании; краткий обзор немногочисленных здесь памятников палеолита дан в статье Л. Йохансен. В хронологическом порядке тут выделены комплексы гамбургской культуры, культур федермессер и бромме, и аренбургской культуры.

Второй после долины Сены по степени изученности регион Европы — область среднего течения Рейна. М. Стрит рассматривает хронологическую канву местного позднего палеолита. Новая серия датировок в диапазоне 17—19 тыс. лет по стоянке Ингштадт дает возможность коренного пересмотра утвердившегося в литературе тезиса о перерыве в заселении бассейна Рейна в эпоху максимума оледенения. Более того, необычный облик индустрии этого памятника находит ряд аналогий в комплексах самого раннего мадлена (бадегульена) во Франции. Опорные стоянки мадлена (Андернах и Геннесдорф), датированные временем

около 13 тыс. лет, считаются теперь предшествующими белингу. К мадлену относится также знаменитое двойное погребение из Оберкасселя, по которому недавно получена серия датировок от 11,6 до 12,2 тыс. лет. Интересно, что отсюда идентифицированы древнейшие остатки домашней собаки.

Х. Флосс обрисовывает этапы финального палеолита региона, основываясь в первую очередь на стратегии использования человеком каменного сырья. Мадленские памятники в основном относятся к дриасу I. За ними следуют стоянки федермессер, сопоставляемые по хронологической шкале с аллередом, а аренсбургские комплексы датированы дриасом III. Если в мадлене и аренсбурге преобладал дальний перенос кремня в виде подготовленных нуклеусов, то носители культуры федермессер использовали сырье из различных по степени удаленности источников, приносимое на место обитания в форме галек и желваков. Автор статьи связывает две стратегии использования кремня с различной степенью мобильности населения в холодные и теплые фазы плейстоцена.

М. Балес дает детальную характеристику серии памятников финала палеолита в районе Нойвида. Культура федермессер представлена разнообразными по пространственной структуре стоянками, вероятно заселявшимися небольшими группами охотников на благородного оленя в различные сезоны года. С наступлением похолодания в молодом дриасе их сменяют специализированные охотники на северного оленя — носители аренсбургской культуры. Эти группы обитали в основном в скальных убежищах в окружающих долину Рейна горных массивах.

Мадленские памятники и стоянки федермессер распространены в лежащих южнее областях Германии (статья Б. Эриксона) и прилегающих районах Швейцарии (статья Д. Лееш). Начиная с аллереда, мадлен сменяется здесь эпипалеолитическими индустриями. М.-И. Каттен представила предварительные результаты технологического анализа нуклеусов мадленских стоянок Шампревейр и Монрюз в Швейцарии.

Наконец, ряд статей посвящен материалам из восточной области распространения северо-

европейских культур финала палеолита, расположенной на территории Польши. Группа стоянок гамбургской культуры в долине Одера (Ольбранице 8, Сидленица 17 и 17а) стала объектом исследований Я. Бурдюкевича и Ч. Хермана. Памятники доставили остатки скопленных расщепленного кремня, сравнительный анализ состава которых позволил дифференцировать места выделки шкур, подготовки охотничьего вооружения и обработки кости.

К. Шимчак дает краткую характеристику разновидностей финального палеолита Польши. Автор выделяет следы пяти технокомплексов — мадленского технокомплекса, технокомплекса с наконечниками с боковой выемкой (представленного местонахождениями гамбургской культуры), технокомплекса с изделиями с притупленной спинкой (федермессер), эпиграветтского технокомплекса (витовская культура) и технокомплекса с черешковыми наконечниками. Последний подразделен на ряд культур — бромме, перстуницкую, аренсбургскую, волкушанскую и свидерскую. Оправдано ли столь детальное разделение, и каково истинное хронологическое соотношение всех этих вариантов — покажет время, поскольку в большинстве случаев речь идет о чисто морфологической классификации кремневого инвентаря, не подкрепленной стратиграфическими наблюдениями.

К данной статье по традиционной типологической направленности примыкает сравнительный анализ морфологии наконечников с боковой выемкой, происходящих из мадленских стоянок Парижского бассейна и комплексов гамбургской культуры в Польше (Я. Бурдюкевич и Б. Шмидер).

Рецензируемая публикация наглядно демонстрирует как большие успехи, достигнутые за последнее время в деле исследования финального палеолита, так и явную неравномерность в степени изученности отдельных областей. В свете сходства культурного развития на заключительном этапе плейстоцена, прослеживаемого далеко на восток, вплоть до Волго-Окского региона, было бы желательно в будущем привлечение к работе по межрегиональной корреляции исследователей из стран Балтии, Белоруссии, Украины и России.

С. А. Васильев

*Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел палеолита.*

НИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЛЕВАНТА И ЕВРОПЫ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

Towards Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400—50 k-years ago. Proceedings of a Congress held at the University of Haifa. November 3—9, 1996. Ed. by Avraham Ronen and Mina Weinstein-Evron. 236 pages and 106 figures. BAR International Series 850. 2000. Oxford: Archaeopress.

Основная тема рецензируемого сборника и одноименного конгресса, который скорее представлял собой небольшую конференцию, отражена в названии — это сопоставление современных взглядов на такие явления как Ябрудиан и Микок. Подобная постановка вопроса вызвана потребностью объяснить существенное сходство образующих эти феномены каменных индустрий при их весьма значительном временном разрыве и географической удаленности. Как уточняют в предисловии А. Ронен и М. Вейнштейн-Иврон, в непосредственную задачу участников входила также ревизия данных об индустриях, связанных с Ябрудианом и Микоком морфологическим сходством (мустье Кина) или хроностратиграфическим контекстом (пре-ориньяк и амудьен). Однако ряд представленных докладов и статей, да и значительная часть дискуссии были посвящены более широкой проблематике, которая порой даже выходит за рамки очерченного хронологического интервала (400—50 тыс. лет назад).

Первый раздел сборника объединяет как раз подобные работы и открывается статьей М. Отта, которая оказалась, пожалуй, наиболее далекой от заявленной тематики. Он рассматривает пространственное распределение в Евразии индустрий олдованского и ашельского типов (так называемая проблема «линии Мовиуса»). Подчеркивая концептуальное различие этих двух технических традиций, Отт считает, что укоренение в восточной зоне более архаичной галечной традиции связано с ранним (1—2 млн. лет назад) проникновением туда древнейших африканских мигрантов с индустриями олдованского типа. Согласно Отту, адаптировавшись в лесной и степной зонах Азии, их носители вскоре после 1 млн. лет назад двинулись в западном направлении — в Европу, о чем якобы свидетельствуют материалы таких стоянок как, например, Королево, Бильцингслебен, Атапуэрка и Изерния ла Пинета. Создатели же ашельских индустрий с рубилами и кливерами проникли в Европу

из Африки, как он полагает, только около 500 тыс. лет назад, что объясняется наличием «средиземноморского фильтра».

Следует заметить, что концепция доашельской миграционной волны, прокатившейся из Африки далеко на восток ранее 1 млн. лет, уже неоднократно обсуждалась в литературе и что она действительно подкрепляется ранними датировками архаичных галечных индустрий Дманиси (Южная Грузия), Кульдары (Таджикистан), а также ряда китайских памятников (см., например, Любин 1998). Однако вторая часть предлагаемого сценария — первоначальное заселение Европы из глубин Азии — кажется очень слабо обоснованной. Индустрии, приведенные в качестве примеров галечной азиатской традиции в Европе, весьма разнородны как в хронологическом отношении, так и по составу инвентаря. Особенно непонятна ссылка на индустрию Бильцингслебена, которая моложе 500 тыс. лет назад и содержит довольно богатый и развитый инвентарь, включая небольшие бифасы (см. статью Д. Маниа в этом же сборнике). Обратим также внимание на расположение большинства наиболее ранних памятников с доашельскими индустриями на самом юге Европы — Фуэнте Нуэва III, Гран Долина (уровень TD 6) в Испании, Монте Поджиоло, Изерния в Италии — и на диапазон датировок, предполагаемых для самых древних из них (0,7—1,2 млн. лет назад). Он вполне сопоставим с таковым для основной части древнейших восточно-азиатских стоянок. В целом, как кажется, имеющиеся на сегодня данные говорят скорее о непосредственно африканских истоках древнейших доашельских индустрий Европы, нежели о некоей возвратной азиатской волне. Далеко не бесспорно и рассмотрение всех ранних индустрий в рамках всего лишь двух технических традиций. Наконец, как заметил Г. Бозинский (Бозинский 1995), отсутствие рубил и кливеров в некоторых комплексах может означать проявление функциональной факультетности или ограничительную роль сырья.

Следующая статья, написанная Н. Конардом и Б. Фишер, представляет особый интерес. В самом ее названии — «Имеются ли rozpoзнаваемые культурные общности в среднем палеолите Германии?» — читается вызов широкой известной концепции Г. Бозинского, выделившего там ряд культурно-хронологических групп (Бозинский 1967). Сразу объявляя себя сторонниками теории «редукционной последовательности», предполагающей текучесть морфологических типов в среднем палеолите, авторы уже в начале статьи выражают явно скептическое отношение к возможности подразделения среднего палеолита на какие-либо культурные группировки и тем более, как это сделал Бозинский, на основе выделения устойчивых морфологических типов. Далее подчеркивается, что новые работы в Германии обнаружили ошибочность однолинейного построения этой схемы и что современные исследователи не разделяют ни подход Бозинского, ни даже само стремление к широким культурным обобщениям, сосредоточивая усилия на изучении отдельных памятников (вопросы хроностратиграфии, палеоэкологии, функциональных и технологических аспектов каменного инвентаря и т. п.). Ссылаясь на большой объем новых данных о среднепалеолитических индустриях, с одной стороны, и на сложность их интерпретации с точки зрения контекста и механизмов варибельности, с другой, авторы делают заключение о недостижимости и нежелательности идеальной классификационной схемы для среднего палеолита Германии.

Однако из достаточно банального вывода о невозможности идеальной классификации отнюдь не следует необходимость вовсе отказаться от классификации как инструмента анализа. Научный подход всегда включает ту или иную организацию исследуемого материала и, очевидно, осознавая это, авторы данной работы все же предложили взамен схемы Бозинского свой вариант. Как особо отмечено, на этот раз были использованы материалы только хорошо датированных и репрезентативных комплексов, благодаря чему установлено отсутствие предполагавшейся ранее корреляции между возрастом и индустриальным типом памятника. В то же время авторы новой схемы вступают, на мой взгляд, в определенное противоречие с последним заключением, подразделяя средний палеолит на ранний и поздний этапы прежде всего на основании возраста памятников. К раннему среднему палеолиту они относят рисские (кислородно-изотопные стадии 8—6) памятники, которые определяются как поздний ашель и раннее мустье. Чуть ниже выясняется, однако, что хотя позднеашельские памятники не прослеживаются как будто позднее стадии 6, но сходные индустрии с рубилами отмечены и среди отнесенных к позднему

среднему палеолиту. Рисское же, то есть раннее мустье (например, Эрингсдорф), как указывают сами авторы, не имеет явных отличий от позднего.

Особо выделяется специфическая промежуточная группа рисс-вюрмских индустрий с выраженной микролитизацией, классификацию которой авторы считают затруднительной, отвергая даже вошедший в литературу термин «таубахиан». В позднем среднем палеолите, целиком соотносимом в данной схеме с последним гляциалом, сосуществуют позднее мустье «с микокскими чертами», несколько пластинчатых индустрий (в долине Рейна), упомянутые неясные индустрии с бифасами, «Keilmesserggruppe» (то есть группа индустрий с ножами-бифасами), называвшаяся ранее микокской) и, наконец, индустрии с листовидными острьями. Отказ от термина «микок» мотивируется тем, что при его заимствовании Бозинский не вполне учел своеобразие описанной им группы центрально-европейских индустрий. Последние имеют намного более поздний возраст и заметные отличия в наборе и морфологии орудийных форм, где ведущая роль принадлежит не столько рубилам, сколько бифасиальным ножам. Надо отметить, что комментируя это предложение, Бозинский в общем согласился с его целесообразностью.

Такова вкратце новая схема подразделения среднего палеолита Германии. Авторы ее отказались от выделения более дробных единиц или типов индустрий, объясняя это — и в своей работе, и в ходе ее обсуждения — слишком сложным характером индустриальной варибельности и ее непрерывностью. Так, они совершенно отвергают предложенное Бозинским членение группы индустрий с ножами-бифасами на отдельные варианты, полагая вслед за Йорисом и Рихтером, что различия в морфологии ножей-бифасов отражают лишь этапы их редукции. На аналогичных основаниях авторы статьи отказываются и от классификации мустьерских индустрий. В заключении, как и во введении, вновь утверждается, что подразделения среднего палеолита не могут быть связаны с культурными общностями. Исключение сделано лишь для своеобразной группировки индустрий с листовидными острьями, которая, однако, по признанию авторов, относится многими уже к верхнему палеолиту.

При обсуждении данного доклада Г. Бозинский указал на чрезвычайную упрощенность новой схемы и игнорирование явных различий между индустриями, слагающими, в том числе, позднемустьерскую группировку и Keilmesserggruppe. Отвечая на это, Н. Конард согласился, в частности, с гетерогенностью позднего мустье Германии, но вновь настаивал на невозможности выделения в среднем палеолите не только культурных, но даже четких

пространственно-временных группировок. Ссылки Конарда на ряд объективных трудностей (смешанность многих комплексов, ненадежные датировки) правомерны, но главная причина его пессимистических заключений коренится все же, очевидно, в изначальной установке на непрерывность варибельности среднепалеолитических орудийных форм и индустрий в целом. Отсюда пренебрежение подробным технико-типологическим анализом комплексов, что, в свою очередь, просто не дает возможности увидеть их специфику. Упрощение классификационной схемы при одновременной констатации сложного характера варибельности среднепалеолитических индустрий Германии свидетельствует, как кажется, об определенном методологическом кризисе. Разумеется, он не может не касаться и соседних территорий, где распространены аналогичные или близкие индустрии. Особенно острой становится проблема выделения и классификации индустрий «микокского» типа в восточной Европе, о чем уже свидетельствует активизация соответствующих дискуссий (например, ряд статей в «Археологическом альманахе» № 8, 1999).

После доклада Конарда и Фишер состоялась довольно оживленная дискуссия, где произошел упомянутый обмен мнениями между Конардом и Бозинским. Однако основное время было уделено обсуждению намного более широкого круга проблем (понятие «средний палеолит», время появления и носители пластинчатых индустрий, роль сырья в облике индустрий и т. п.). Особенно горячо обсуждался вопрос о критериях выделения среднего палеолита. Бозинский, считающий таковым разнообразие орудий на отщепах, настаивал на среднепалеолитическом облике Ябрудиана. Это вызвало возражения исследователей палеолита Леванта, где Ябрудиан и хронологически и технико-типологически сопутствует ашелю, а средний палеолит начинается с появления Левантинского мустье, резко отличного от Ябрудиана развитой леваллуазской технологией и отсутствием бифасов.

Следующее сообщение, представленное Д. Маниа, — «Стратиграфия и палеолит среднего и верхнего плейстоцена в регионе Заале-Эльбы» — невелико и почти не содержит дискуссионных положений, за исключением некоторых вызвавших вопросы аспектов стратиграфической схемы. Помимо нее приведено также краткое описание основных памятников, начиная с нижнего палеолита и кончая ориньяком. Среди них такие важнейшие пункты как Эрингсдорф, Марклеберг, Шонинген, Ранис и, в особенности, относимая к позднему нижнему палеолиту (кислородно-изотопная стадия 11) стоянка Бильцингслебен, знаменитая своей богатой и своеобразной каменной индустрией,

а также находками костяных, роговых и деревянных орудий, остатками очагов и т. п.

Работа В. Добоши посвящена среднему палеолиту Венгрии. Автор выделяет в нем три основных традиции: 1. классическое мустье (Шубалюк); 2. индустрии с бифасами, включающие три отличных друг от друга варианта (Янковичан, Бабониан и ранний Селет); 3. галечные индустрии, представленные Таубахианом (Тата) и юго-восточноевропейским шарантьеном (Эрд). При описании каждого подразделения рассматривается расположение памятников, палеоэкологические свидетельства, основные технико-типологические характеристики индустрий, а также вопросы их происхождения и связей. Несмотря на краткость статьи, автор уделяет внимание тем спорам или вопросам, которые возникают по поводу выделения отдельных индустриальных типов (в особенности, Бабониан). Подчеркнуто также своеобразие развития среднего палеолита Венгрии. По мнению автора, оно состоит в следующем: приуроченность стоянок к северным районам страны, относительно узкие хронологические рамки — конец ресс-вюрма — первый холодный максимум (стадия 4) — и отсутствие на данной территории следов как более древних предковых индустрий, так и связи названных традиций с верхним палеолитом, который появляется здесь в виде ориньяка.

В статье Мартина Оливы исследованы вопросы использования различного сырья в среднепалеолитических памятниках Моравии (Кульна, Ширка и ряд других). Он заключает, что для всех памятников характерны разнообразие сырья и относительно небольшая удаленность от основных его источников (до 10—15 км). Лишь в очень редких случаях сырье доставлялось издалека (например, серый кремль в Кульне — с расстояния около 80 км). Любопытно заключение о том, что интенсивное обитание в среднем палеолите Моравии прослеживается только в обеспеченных сырьем регионах, а экзотическое сырье доставлялось из районов, где среднепалеолитические памятники неизвестны. Это, по мнению автора, свидетельствует о получении его не путем контактов с другими группами, а скорее в ходе охотничьих экспедиций. Замечу, однако, что неизвестность памятников еще не означает их действительного отсутствия. Интересно также наблюдение Оливы об игнорировании обитателями грота Ширка качественного местного кремня и предпочтении крупнозернистого роговика, что, возможно, отражает силу традиции в выборе сырья.

Последняя статья этого раздела написана В. А. Рановым и Й. Шефером и посвящена палеолиту позднего среднего плейстоцена (400—100 тыс. лет назад) в Средней Азии (Таджикистан). Представлена разрабатываемая в пос-

ледние годы новая хроностратиграфическая шкала лессовых стоянок региона. На основе корреляции с лессовыми разрезами Китая предложено значительно удревнить прежние возрастные оценки серии почвенных горизонтов, содержащих археологические находки. Так, например, 4-я почва с индустриями, характеризующимися как переходные от нижнего палеолита к среднему, датируется теперь уже не кислородно-изотопной стадией 5e (рисс-вюрм), а стадией 11 (миндель-рисс, или гольштейн, ~ 400 тыс. лет назад). Особое внимание авторы обращают на памятник Хонако III, где в уровнях, соотносимых с внутририсскими погрешностями (~220—190 тыс. лет назад), найдена выразительная пластинчатая индустрия с призматическими ядрищами. Выше ее залегают уровни с мустьерской индустрией на основе грубых леваллуазских сколов. Если возрастные корреляции верны, то пластинчатая индустрия Хонако III, как подчеркивают авторы, представляет собой совсем иное явление, нежели позднемустьерские пластинчатые индустрии переходного облика типа Огзи-кичика, Худжи или Оби-Рахмата. Она может быть сопоставлена с древними пластинчатыми индустриями Европы (Секлин, Рокур, Рейндален и др.), которые воплощают один из вариантов технологической вариативности среднего палеолита. Интересное сообщение Ранова и Шефера вызвало немало вопросов и замечаний, наиболее острые из которых, как и следовало ожидать, касались обоснованности новой хроностратиграфической шкалы. При отсутствии абсолютных дат корреляция среднеазиатских педокомплексов с кислородно-изотопной шкалой является, что осознают и сами авторы, пока лишь гипотетической.

Раздел второй целиком посвящен Ябрудиану. Его открывает довольно пространная статья Л. Копленд «Ябрудиан и связанные с ним индустрии: состояние исследований в 1996 г.». В начале ее автор дает краткий обзор всех памятников, доставивших ябрудийские комплексы (история изучения, стратиграфия, каменная индустрия). Особое внимание уделяется, конечно, материалам таких многослойных стоянок как Табун и Ябруд I. Копленд не скрывает, что первоначальные раскопки Д. Гаррод и А. Руста дали лишь очень поверхностное, а в последнем случае даже искаженное представление о культурной стратиграфии памятников. Важность новых наблюдений и корректив, сделанных в ходе последующих работ А. Желинека и Р. Солецки, безусловна, но они не могли, разумеется, в достаточной мере прояснить всю картину формирования уже во многом утраченных отложений. Особенно скудными оказались данные о планиграфическом распределении различных комплексов. Тем не менее, вывод о сосуществовании ябру-

дийских комплексов с пластинчатыми типа пре-ориньяка или амудьена (Мугаранская традиция по А. Желинеку) как будто не ставится под сомнение, находя подкрепление в материалах других памятников. Автор подчеркивает технологическое и типологическое своеобразие этой традиции, что позволяет довольно четко проследить ее локализацию — пещерные стоянки центрального Леванта и недавно обнаруженные стоянки открытого типа в оазисах Сирийской и Иорданской пустынь. В то же время показана внутренняя технико-типологическая вариативность как собственно Ябрудиана, так и сопутствующего ему пластинчатого компонента, которая пока не поддается объяснению и не увязывается ни с типами памятников, ни с ландшафтно-климатическими условиями. Это, кстати, служит Копленд косвенным аргументом в пользу трактовки сосуществования подобных комплексов в качестве фаций одной, хотя и не вполне гомогенной индустриальной традиции (мнение А. Желинека), а не симбиоза носителей Ябрудиана с современными им создателями пластинчатых индустрий, как полагала Д. Гаррод. Такой вывод, на мой взгляд, не является все же абсолютно бесспорным, если учесть вышеописанные проблемы со стратиграфическим расчленением культурных отложений и чрезвычайно слабое проявление пластинчатости в Ябрудиане как таковом. Наконец, в статье рассмотрены вопросы хронологии и приведены последние возрастные оценки (ТЛ-даты Табуна), которые существенно удревняют время бытования Ябрудиана (~330—210 тыс. лет назад или стадии 9—8). Копленд не считает, однако, что вопрос о возрасте Ябрудиана можно считать решенным. Несмотря на интенсификацию исследований, то же можно сказать и о многих других проблемах, касающихся характера и факторов вариативности этой индустриальной традиции, ее происхождения, локализации, дальнейших судеб и т. п.

В работе А. Шифрони и А. Ронена описывается небольшая коллекция (959 экз.), полученная из низов слоя Е Табуна на площади вскрытия в 2 кв. м. Любопытно, что в начале статьи высказано сомнение в правомерности сделанного А. Желинеком объединения Ябрудиана и Амудиана в единую Мугаранскую традицию. Этому, по мнению авторов, противоречит их резкое расхождение по наличию и роли пластин. Описываемая коллекция содержит типично ябрудийскую индустрию с доминированием характерных скребел. Большой процент орудий (> 33%) и сколов-заготовок при малочисленности отходов указывает на использование данного участка в качестве жилого пространства и доставку туда заготовок со стороны. Авторы обращают внимание на оформление орудий на наиболее крупных ско-

лах и на распространенное здесь (до 2/3 сколов) лицевое усечение базального конца отщепов. Данный прием отмечается как специфический для Табуна, хотя остается неясным, встречался ли он на изделиях из других участков и уровней с ябрудийской индустрией.

Статья А. Цапкина посвящена микроморфологическому анализу ашело-ябрудийских отложений пещеры Табун. Вслед за другими исследователями автор констатирует сложность их строения, что затрудняет корреляцию между различными участками стоянки. Установлено также резкое изменение характера осадконакопления в пределах слоя E, которое сопровождалось обводнением и эрозией отложений в средней части пещеры. Эти наблюдения очень важны, и остается лишь пожалеть, что на первоначальной стадии раскопок Табуна не производилось ни подобных, ни иных детальных литолого-стратиграфических исследований, без которых невозможно выяснение последовательности и взаимосвязи различных археологических уровней.

Л. Вишняцкий представил работу «Пре-ориньяк и Амудиан как внутри-ябрудийский эпизод». Он проанализировал пре-ориньякские коллекции Ябруда I и амудийские из новых раскопок Табуна, сопоставив затем свои наблюдения со всеми другими данными по этим индустриям. Автор пришел к выводу, что, несмотря на более или менее выраженные «верхнепалеолитические» типы орудий и пластинчатость, ни одна из этих индустрий не может быть сравнима с подлинным верхним палеолитом. С другой стороны, их облик, по его мнению, идеально соответствовал бы гипотетическим переходным индустриям от среднего палеолита к верхнему. При этом Л. Вишняцкий не сомневается ни в хроностратиграфической, ни в культурной приуроченности этих пластинчатых индустрий к Ябрудиану, трактуя их как «забегание вперед». В рамках такой позиции сформулированное автором определение данного явления как «внутри-ябрудийского эпизода» кажется как будто более удачным, нежели «фация» Желинека, поскольку сосуществование пластинчатых комплексов и собственно ябрудийских в большинстве случаев не носило длительного характера (исключая, быть может, Табун, где как будто прослеживается становление Амудиана). Однако гипотеза Вишняцкого о появлении этих индустрий «верхнепалеолитического» облика в результате резкой изменчивости Ябрудиана в ответ на некие экологические стрессы, все же не выглядит достаточно убедительной, что показали и последовавшие вопросы. Представляется также, что отсутствие надежной хронологической шкалы не позволяет настаивать на том, что все проявления Амудиана и Пре-ориньяка примерно синхронны и укладываются в рамки одного

«эпизода». Если же речь может идти о нескольких разновременных «эпизодах», то тем более сложно увязать их с природными факторами, которые могли бы вызвать столь существенные, но относительно недолговременные технико-морфологические мутации.

Третья часть сборника называется «Микок и Кина». Она открывается очень важной статьей Яна Бурдукевича, в которой освещается история вопроса о классификации и распространении комплексов с обушковыми бифасами в восточной Центральной Европе. Автор предпочитает использовать понятие «обушковые бифасы» как несомненно более широкое, чем «бифасиальные ножи» и, одновременно, намного более ясное. В этом он следует подходу С. Круковского, который при выделении среди центральноевропейских индустрий комплексов типа Прондник обозначал термином «прондники» весь набор обушковых бифасов, а также переходные бифасиальные формы. Впоследствии, однако, возобладало стремление выделить асимметричные обушковые бифасы в особую категорию «ножей», подразделяемую далее на несколько основных типов, один из которых стали называть прондником. Ян Бурдукевич считает, что этот подход, развиваемый Г. Бозинским, Я. Козловским, Л. Кулаковской и другими, не вполне адекватен реальной вариативности обушковых бифасов и что созданные на его основе классификационные и хронологические схемы весьма противоречивы. Отвечая на вопрос о наилучшем решении проблемы, автор склоняется к продолжению разработок Шильда и Вендорфа, которые, отталкиваясь от подхода Круковского, пытались наметить пути классификации всего массива обушковых форм через атрибутивный анализ.

Небольшая заметка, представленная Я. Козловским, Е. и Е. Фолтынами, посвящена раскопкам стоянки Дзерзислав I в верхней Силезии (Польша). В лессовых отложениях рисского времени (ТЛ-дата около 180 тыс. лет назад) там были обнаружены несколько изделий, включая два асимметричных бифаса, характерных для центральноевропейских микокских индустрий. Если этот возраст установлен правильно, то речь идет о наиболее древних проявлениях микока в Центральной Европе. До сих пор, напоминают авторы, все подобные памятники датировались первой половиной вюрма и более раннее начало (рисс-вюрм, или зем — стадия 5e) допускалось только для венгерского Бабониана. Весьма невелика и статья К. Валоха, представляющая собой краткое описание микокских комплексов Кульны, а также сосуществовавшей, очевидно, с поздним микоком пластинчатой индустрии, названной Бохунисьеном по эпонимной стоянке Бохунице. В этой индустрии биполярная леваллу-

азская технология сочетается с преобладанием верхнепалеолитических орудийных форм. К. Валох вполне резонно определяет Бохунисьен как переходную индустрию, сопоставляя ее с целым рядом аналогичных индустрий второй половины среднего вюрма, открытых в разных частях Европы — от Франции (Абри ду Марас) до Украины (Куличивка).

В статье А. Рингера рассмотрена индустрия микокского круга, установленная в северо-восточной Венгрии и именуемая Бабониан. В отличие от В. Добоши и некоторых других исследователей, автор не сомневается ни в чистоте относимых к Бабониану комплексов, ни в появлении этой индустрии в земском (рисс-вюрм) интергляциале и даже еще в до-земское время. Помимо стратиграфических наблюдений он ссылается и на соответствующие ТЛ-даты, полученные недавно для эпонимной стоянки. Будучи богат листовидными формами, Бабониан рассматривается Рингером как предшественник индустрии бюккского селета. Происхождение же Бабониана он объясняет смешением распространившейся сюда микокской традиции и местной индустрии, принадлежащей традиции с листовидными формами. Однако автор никак не обосновывает эту гипотезу, что свидетельствует, очевидно, об отсутствии в настоящее время подкрепляющих ее реальных материалов. Еще более спекулятивной выглядит его параллельная попытка связать Бабониан с Ябрудианом, опираясь на сходство отдельных форм и близость между предполагаемым временем появления первого и исчезновения последнего.

Очень интересны представленные целой группой авторов во главе с Р. Шильдом результаты комплексного изучения стоянки Зволен в центральной Польше. Немногочисленные изделия, включавшие характерные микокские бифасы, были рассеяны на большой площади в аллювиальных отложениях, датированных в интервале от 80 до 70 тыс. лет назад. Они сопровождалась довольно обильными костными остатками, среди которых абсолютно преобладали кости лошади. Авторы рассматривают Зволен как пункт, где происходила сезонная, преимущественно зимняя, охота на лошадей, а также — периодически — на мамонтов и носорогов. Здесь же расщепляли кремь, изготавливали и переоформляли орудия. Исследователи заключают, что создававшие микокские индустрии неандертальцы (судя по антропологическим остаткам из слоя 7а Кульны) были, как показывают материалы Зволена, а также некоторых других стоянок, активными охотниками на мегафауну. Причем сложность массовых охот на лошадей, свидетельства экономии сырья, его специализированной добычи и доставки на большие расстояния (40—80 км) — все это, по мнению авторов, противоречит

утверждениям ряда исследователей о примитивности неандертальцев. Напротив, все данные говорят в пользу весьма высокого уровня их умственных способностей и социальной организации, которые могут быть вполне сравнимы с таковыми у людей современного типа.

Индустриям Кина в сборнике посвящена только статья Н. Роллана, которая написана в духе его предыдущих работ по этой теме и по проблеме мустьерской вариабельности в целом. Он, напомним, отрицает культурный традиционализм в среднем палеолите, полагая, что в этот период вариабельность орудийных форм и их наборов определялась прежде всего адаптивно-экологическими факторами. Соответственно, Роллан считает, что все основные специфические черты индустрий типа Кина связаны отнюдь не с особой традицией и общими корнями, как думал Ф. Борд, а с конвергентным техническим развитием благодаря воздействию сходных экологических условий. Технический аспект рассматривается им с точки зрения «эффекта Коммона», означаящего производство различных типов заготовок — леваллуазских и не-леваллуазских, а также интенсивность их вторичной обработки в зависимости от качества и доступности сырья, типа стоянки, ландшафтно-климатических изменений и т. п. Рассматривая две различные группировки памятников Кина в Аквитании (юго-западная Франция) и в бассейне Мааса (южная Германия), Роллан заключает, что отбор крупных и массивных заготовок с их последующей интенсивной редуцией был в обоих случаях связан с относительно суровым климатом в период бытования там индустрий Кина и сезонным обитанием в пещерах, сопряженным с экономией сырья. В то же время, утверждая независимое развитие Кина в разных регионах, автор упоминает о более ранних, до-вюрмских и ранневюрмских индустриях подобного типа, что едва ли можно объяснить в рамках его экологической модели. На ограниченную применимость ее указал при обсуждении доклада А. Ронен, приведя пример Ябрудиана, сохранявшего свои близкие к Кина технические характеристики на протяжении большого интервала времени независимо от климатических сдвигов. Действительно, пример этот легко умножить, в то время как вряд ли можно назвать случаи явной согласованности развития индустрий с изменениями ландшафтно-климатической обстановки. На мой взгляд, вклад экологических факторов и, в особенности, сырья, в индустриальную вариабельность несомненен, но Роллан сильно преувеличивает их влияние в ущерб роли традиции благодаря определенной тенденциозности в отборе и оценке фактов.

Заключительная дискуссия затронула очень много разных аспектов. Говоря о Ябрудиане,

А. Ронен определил эту индустрию как традицию или культуру без пластин и леваллуазских сколов, но с четкой ориентацией на массивные заготовки, на которых оформлялись характерные типы скребел. Он также повторил свое неприятие объединения Амудиана и Пре-ориньяка в одно целое с Ябрудианом. Вновь разгорелись дебаты вокруг принадлежности Ябрудиана нижнему или среднему палеолиту. Утверждавший последнее Бозинский встретил дружный отпор со стороны А. Ронена и Н. Горен-Инбар, которые призывали решать этот вопрос исходя из характера развития палеолита в Леванте, а не в Европе. Обсуждалось также понятие «Keilmesserguppen», которое, возможно, следует применять только к германским памятникам. Отвечая на вопрос Ронена, Бозинский не нашел связей между данными индустриями и Ябрудианом. В конце дискуссии были высказаны разнообразные мнения по поводу пластинчатых индустрий. Однако лейтмотивом их было, пожалуй, заключение о необходимости более четко определять технологические характеристики пластин и их роль в составе инвентаря, чтобы соответственно дифференцировать такие индустрии.

Заключение к сборнику, написанное, А. Роненом и М. Вейнштейн-Иврон, не столько суммирует его содержание, сколько передает взгляды и размышления самих авторов. Ябрудиан трактуется как своеобразная нижнепалеолитическая индустрия, современная верхнему ашелю Леванта, но существенно отличная от последнего с технико-типологической точки зрения. Пре-ориньяк и Амудиан рассматриваются в качестве достаточно близких хронологически, но не типологически ранних пластинчатых индустрий, предшествовавших появлению таких комплексов в среднем палеолите Европы. Микок авторы характеризуют как внутренне неоднородное явление, с трудом поддающееся четкому определению. Наиболее характерны для составляющих его индустрий, пожалуй, все-таки бифасиальные ножи, или обушковые бифасы. Предполагается, что изначально эта традиция возникает в Восточной и Центральной Европе (начиная с рисс-вюрма), а уже позднее распространяется в Западную. Касаясь индустрий Кина, авторы

отмечают лишь большое сходство их с Ябрудианом наряду с большим интервалом во времени (стадии 4 и 9—8, соответственно). Как подчеркивается далее, это только часть общей проблемы интерпретации типологического сходства индустрий, далеких друг от друга хронологически. Наконец, высказываются очень важные соображения по поводу роли природного и культурного факторов в технико-типологическом облике индустрий. Хотя последние годы и господствовали адаптивно-экологические модели варибельности, вновь появляется, по мнению авторов, тенденция видеть в характеристиках каменных изделий отражение прежде всего культурного выбора. Приводя ряд примеров, авторы заключают, что технология обработки камня в первую очередь была социальным маркером, передаваясь во времени внутри определенных человеческих групп. В принципе этот вывод вытекает из восприятия создателей по крайней мере среднепалеолитических индустрий в качестве полноценных людей. Если это так, то в том, что они делали, не может не быть проявлений социального символизма и культурного детерминизма. Подобный подход представляется мне глубоко верным, тем более что культура в широком смысле включает и приспособление к окружающей среде, то есть все аспекты палеоэкологии и палеоэкономики.

Представленные в сборнике материалы конгресса показывают, что он не привел к какому-либо прорыву в решении обсуждавшихся проблем — как по причине их чрезвычайной сложности, так и из-за слишком разных позиций участников встречи. Тем не менее, это обсуждение помогло резче высветить многие узловые вопросы, проявить весь спектр мнений и обозначить возможные подходы к их решению. Очень важным представляется и то, что участники сборника не ограничились описанием новых материалов или ревизией старых, уделив немало внимания обсуждению дефиниций и терминов, неясность или запутанность которых существенно мешает взаимопониманию исследователей. Таким образом, данный сборник можно оценить как весьма полезный и ценный вклад в изучение актуальных проблем современного палеолитоведения.

Е. В. Беляева

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел палеолита.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ИНДЕЙЦЕВ ПЛАТО

Handbook of North American Indians. William C. Sturtevant, general editor.
Volume 12, Plateau, Deward E. Walker, Jr., volume editor. 791 p. 1998.
Washington: Smithsonian Institution.

«Справочник по индейцам Северной Америки» (далее HNAI) — один из самых масштабных проектов в изучении коренного населения Нового Света. Непростая судьба HNAI отражает процессы, характерные для современной гуманитарной науки, и несколько напоминает перипетии с публикацией «Археологии СССР».

Первый справочник по культуре индейцев появился уже в начале XX в. (Hodge 1907—1910), но наиболее известным образцом такого рода изданий служит «Справочник по индейцам Южной Америки» под редакцией Дж. Стьюарда (Steward 1946—1950). Его шесть томов (седьмой с указателями опубликован в 1959 г.) содержали не только исчерпывающие для своего времени данные по этнографии (и в меньшей мере — по археологии) континента, но и новую, неозволюционистскую концепцию доколумбовой истории. Появившийся в 60—70-х годах «Справочник по индейцам Центральной Америки» (Wauchope 1964—1976) несколько разочаровывал конспективным характером приводимых данных, особенно этнографических, и отсутствием ясной научной концепции. Характерно, что по прошествии многих лет после выхода основной серии томов дополнительные все еще допечатываются, выполняя по сути дела роль аннотированного библиографического указателя.

HNAI значительно превосходит предшествующие «Справочники» как объемом, так систематичностью. В этом 20-томном издании in quarto шесть томов отведены общим вопросам (экология, демография, языки, технология, искусство, происхождение индейцев, их взаимоотношения с европейцами), три заключительных должны включать указатели и биографический словарь, а основные одиннадцать посвящены археологии и этнографии американской Арктики (том вышел в 1984 г.), Субарктики (1981), Северо-западного Побережья (1990), Калифорнии (1978), Большого Юго-запада (два тома, 1979 и 1983), Большого Басейна (1986), Северо-востока (1978). Рецензируемый том — предпоследний из вышедших. В январе 2001 г. напечатан том по Великим Равнинам, а Юго-восток США, равно как и большинство общих томов — кроме Лингвистики

(1996) и Истории взаимоотношений индейцев и белых (1988) — еще ожидают своего часа.

Как видно из перечня томов, материал в HNAI организован в соответствии с концепцией культурных ареалов. В конце 19 в. ее предложил О. Мейсон, а затем разработали У. Холмс, К. Уисслер и окончательно — А. Кребер. Хотя концепция культурных ареалов, первоначально возникшая из потребности организовать экспозицию Музея Естественной Истории в Вашингтоне, так и не получила вполне удовлетворительного теоретического обоснования, на практике она продемонстрировала свою состоятельность. С поправками в пользу эволюционистской доктрины тот же принцип был, в сущности, использован и в экспозиции Музея этнографии (Кунсткамеры) в Ленинграде, по крайней мере, до ее частичного разрушения в 80—90-х годах. В конце 60-х годов Г. Уилли применил его же для описания археологических данных по Новому Свету (Willey 1966—1971). Его «главные традиции» получили временное измерение, а их этнографический срез как раз и соответствовал креберовским культурным ареалам.

HNAI был задуман в 1965 г., когда наука еще оставалась независимым и престижным общественным институтом. Ни ее главное назначение (получение новых знаний), ни объективный характер самого знания всерьез не оспаривались. Не забудем, что именно конец 60-х—начало 70-х годов были временем реализации одних из самых результативных археологических программ по изучению центров культурно- и политогенеза в Новом и Старом Свете.

С конца 70-х годов наука стала утрачивать автономию и оказалась в финансовой и даже юридической зависимости от самых разных общественных институтов и организаций. В археологии основные средства начали направляться не на фундаментальные разработки, а на рутинные раскопки в ходе хозяйственного освоения территории. Требование индейских общин передавать им для захоронения все обнаруженные при раскопках человеческие останки независимо от их возраста сделалось темой бесконечных судебных тяжб (напр., Clairborne 2000). В то же время методический уровень и техническая оснащенность исследо-

ваний значительно выросли. В этнологии исследования с позиции стороннего наблюдателя в основном уступили место интерпретации отдельных культур с позиции их носителей. От бесспорного утверждения о равновеликой ценности каждой культуры и о наличии в евроамериканской традиции определенных «иудеохристианских» корней (Sahlins 1996), все чаще следовал переход к утверждению, будто евроамериканская антропология не отличается от «этнонауки», то есть от традиционных представлений и верований, которые не отвечают критериям объективности, проверяемости и прогрессивного накопления знаний (Dawkins 1996: 31—32; Shermer 1997: 34—43). Проект типа HNAI в глазах многих потерял актуальность. Публикация некоторых томов задержалась на четверть века, и они устаревали еще до выхода из печати, особенно в археологической части.

Следует отдать должное редактору и авторам «Плато». В основном подготовленный к публикации в 1972 г., том был заново переписан в 90-х и в нынешнем виде вполне отражает современный уровень знаний.

Создатели HNAI следуют стьюардовским традициям в антропологии. При изложении материалов выдерживается определенная (для нас, впрочем, вполне естественная) субординация — от природных условий, средств и способов производства через социальные отношения к духовной культуре. Исторические процессы рассматриваются по возможности в адекватном пространственном и временном измерении. Заселению континента должен быть посвящен особый том, а, начиная с Архаики (иначе говоря, с голоцена), для каждого ареала и субареала прослеживается вся дальнейшая линия развития индейских культур вплоть до сегодняшнего дня. Каждой этноязыковой группе и археологии каждого субареала посвящена своя статья, подготовленная ведущими специалистами в данной узкой области. За обобщающей статьей по всему ареалу следуют статьи по субареалам, в которых те же материалы изложены более подробно. Это помогает читателю ориентироваться в колоссальном объеме данных. Сведения по лингвистике, археологии и этнографии большей частью даются в отдельных статьях, но в тома по каждому ареалу включены разделы по всем трем дисциплинам, что создает эффект полноценной исторической реконструкции.

Все датировки в HNAI приводятся по радиоуглероду с учетом поправки. Жаль, конечно, что хотя бы для ранних периодов не указаны и некалиброванные даты.

В рецензии невозможно остановиться на отдельных статьях (их 42) и наш обзор неизбежно имеет конспективный характер. Прежде всего, отметим, что этнография Плато содер-

жит уникальные сравнительные материалы по обществам, существовавшим в условиях умеренного климата, эксплуатировавшим богатые биоценозы, но незнакомым с производящим хозяйством. В Евразии подобные общества исчезли тысячелетия назад и известны только по материалам археологии. Именно Плато, а не Калифорния и Северо-западное побережье с их более своеобразными природными условиями предоставляет полезные аналогии для реконструкции хозяйства лесных и лесо-степных областей Европы в доземледельческую эпоху.

Плато — сравнительно небольшой ландшафтно-климатический и историко-культурный ареал на границе Канады (Британская Колумбия) и США (Вашингтон, Орегон, север Айдахо и северо-запад Монтаны), ограниченный с востока Скалистыми горами, а с запада Каскадными горами и Береговыми хребтами. Текущие в Тихий океан реки, прежде всего Колумбия и Фрейзер с притоками, на значительном протяжении доступны для миграции лососевых, что во многом определило хозяйственный потенциал области. Здесь много и других видов рыб, а местные осетры достигали 4 м в длину (с. 620). Ко времени появления европейцев северную и центральную, лесистую часть Плато занимали внутренние ээлиши. Индейцы южной, преимущественно лесостепной зоны, говорили на языках сахаптин и других, все или большинство которых могут относиться к макросемье пенути, хотя родство это в ряде случаев весьма отдаленное и не всеми лингвистами признанное. На востоке области был распространен язык кутенаи (изолят), а крайний северо-запад занимали северные атапаски — чилькотин и карьер. Этнографические материалы по этим последним группам вошли в том «Субарктика», но археологические — в «Плато», поскольку предшественниками атапасков на северо-западе Плато были, скорее всего, те же ээлиши.

На культурной истории ареала существенно отразились изменения климата (с. 42—48). На протяжении 9000—7500 до н. э. он отличался континентальностью — было значительно суше, чем ныне, летом жарче, а зимой холоднее, преобладала травянистая растительность. К 8200 до н. э. растаяли последние горные ледники. После 7500—7000 и, особенно, после 5800—5500 до н. э. увлажненность возросла. Около 4500—4300 до н. э. стало прохладнее, после 3400—3000 до н. э. количество осадков снова увеличилось, а после 2500—2100 до н. э. наступило резкое похолодание. Как увеличение количества осадков, так и падение температур способствовали уменьшению испарения, поэтому весь период с VII по II тыс. до н. э. характеризуется прогрессирующим распространением лесов. К началу I тыс. до н. э. климат был самым холодным и влажным за

всю эпоху голоцена, но, поскольку осадки выпадали, в основном, зимой в виде снега, а лето оставалось сухим, степные участки сохранялись. Современный климат установился между 800 до н. э. и 100 н. э. Малый Ледниковый Период сказался на Плато незначительно.

Продуктивность наземной охоты упала до минимума в период между 2500 и 800 до н. э. Наиболее негативные последствия это имело на востоке Плато, куда лососи почти не доходят. В более западных районах ресурсы лососевых в это время как раз возросли, а на юге в степях благоприятные условия сложились для собирательства. Его главным объектом были съедобные корневища камас (*Camasia quamatash*), нередко образующие большие скопления. Наиболее обширные участки сплошного произрастания камас сосредоточены на востоке Плато, что восполняло здесь недостаток иных продуктов. Возможность эксплуатации пищевых ресурсов разного происхождения — одна из главных особенностей экономики индейцев Плато.

В доевропейской истории Плато выделяют три основных периода: 9000—6000 до н. э., 6000—2000 до н. э. и 2000 до н. э.—1720 н. э.

По финальному плейстоцену и рубежу голоцена сведений пока недостаточно и в рецензируемом томе они почти не рассматриваются. В эпоху висконсинского (соответствует вюрмскому) максимума большую часть ареала покрывали ледники и приледниковые озера. Начальное заселение Плато шло, по-видимому, как с запада, так и с востока. Об этом свидетельствуют находки крупных бесчерешковых наконечников, характерных для раннего голоцена севера Великих Равнин, и микропластин, а также ланцетовидных наконечников, типичных для побережья. Весьма вероятно, что предки создателей тех и других разделились еще в Азии. На обращенных к Равнинам склонах Скалистых гор бесчерешковые наконечники (скоттсблаф, эден) встречены почти исключительно в подъемном материале и их хронология не ясна. Наконечники, очень похожие на эгейт-бейсин, которые на Равнинах датируют рубежом плейстоцена и голоцена, отнесены в одном случае к периоду 3000 л. до н. э., что довольно сомнительно (с. 123). Область распространения черешковых наконечников типа уиндаст и линд-коули тянется от юга и востока Плато дальше в пределы Большого Бассейна; происхождение этих форм, пожалуй, наименее понятно. Кловисские наконечники найдены лишь в подъемном материале на юге Плато (с. 103). Оставили ли кловисцы на Плато каких-то потомков, сказать невозможно. Охотники-собиратели раннего голоцена образовывали небольшие подвижные группы, строили жилища, напоминавшие чум или типи, и, по крайней мере, в некоторых случаях

(скальный навес Мармес, 9000 до н. э.) сжигали покойников, посыпая останки охрой.

К сожалению, древнейшие костные останки человека в пределах Плато невозможно убедительно сопоставить с каменными индустриями. Зато они свидетельствуют о расовом разнообразии населения. Если женский череп из Бул (Айдахо, 10,67595 л. н., дата не калибрована) сходен с современными североамериканскими (Neves, Blum 2000), то человек из Кенневик, штат Вашингтон (8,41060 л. н.), сперва считался чуть ли не европеоидом (Boldrurian, Cotter 1999: 120), а затем был признан близким айну и полинезийцам (Chatters а. о. 2000).

Между 6000 и 3000 до н. э. влажный север и засушливый юг Плато в природном отношении различались сильнее всего, причем возможности для охоты и собирательства на севере были лучше. После 3000 до н. э. эти различия несколько сгладились. На севере создатели традиции несикеп охотились на копытных и, скорее всего, являлись прямыми потомками более раннего населения. Материалы фазы лочнор (3550—2050/1550 до н. э.) свидетельствуют о проникновении вверх по р. Фрейзер сэлишей, ранее обитавших только в приморских районах. По-видимому, сэлиши переселялись туда, где можно было ловить лососей, хотя охота и собирательство играли в хозяйстве в то время не меньшую роль. Не позже 2550 до н. э. люди лочнор начинают использовать для жилья землянки, и эта традиция в итоге приводит к историческим сэлишам. То что сэлиши пришли на Плато с побережья, следует и из лингвистических данных (Cambell 1997: 117—118). На каких языках говорило до-сэлишское население мы не знаем, но, вполне вероятно, что значительная часть его относилась к пенути. К пенути принадлежит ушедший далеко на север, на побережье язык цимшиан (Tagrent 1997), а калифорнийские пенути проникли на юг в ходе трех отдельных и разновременных миграций, самая ранняя из которых относится к III тыс. до н. э. (Campbell 1997: 130; DeLancey, Golla 1997; Lathrap, Troike 1988: 97—100). Эти миграции пенути на юг и на север трудно считать следствием каких-то чисто экономических факторов, но они объяснимы давлением сэлишей. Язык кутенаи, возможно, проник на Плато с севера. Аргументом в пользу такого мнения служит использование кутенаи лыж при переселении с летних стоянок у рек на зимние, в районы охоты (с. 224). Если это так, то кутенаи могли быть потомками древнего населения канадской тайги, вытесненного или ассимилированного атапасками 2500—1500 тыс. лет назад.

С начала II тыс. до н. э. по всему Плато начинается освоение технологии заготовки и долговременного хранения припасов. Речь идет, прежде всего, о лососевых, но затем

стали заготавливаться и растительные продукты. Соответственно увеличиваются размеры как поселений, так и отдельных жилищ, развивается долговременная оседлость. Часто встречаются грузила и детали составных гарпунов. Судя по анализу коллагена в костях, на севере Плато лососевые составляли более половины белковой пищи. Хотя в это время впервые появляются импортные нефритовые кельты, в целом, обмен еще развит слабо и каменные орудия делаются из местного низкокачественного сырья. На востоке Плато развитие запаздывает лет на пятьсот, но тенденции его те же.

Промежуток между 500 до н. э.—500/1000 н. э. — время прогрессирующей интенсификации экономики и усложнения социальной структуры. Поскольку климат становится суше, в ареал проникают бизоны — важный объект охоты. Впервые появляются лук и стрелы — на юге к 400—100 до н. э., на севере и востоке к 500 н. э. Характерны находки больших печей для термообработки съедобных корней. Улучшается качество орудий из камня. В долинах Колумбии и Фрейзер главной отраслью хозяйства, безусловно, является ловля лосося. Именно здесь, особенно ближе к низовьям, обнаружены самые крупные поселения. Среди 115 землянок, раскопанных в Китли-Крик (долина р. Лиллуэт, притока нижней Фрейзер) есть достигающие 25 м в диаметре. Численность обитателей Китли-Крик могла превышать 1000 чел. (с. 99). На поселениях такого рода найдено больше всего импортных и престижных изделий, в том числе раковин денталии (главной первобытной «валюты» на западе Северной Америки), курительных трубок из стеатита, наварший палиц и различных предметов искусства из камня, рога, китовой кости. Богатства стекались, прежде всего, туда, где находились центры обмена. Материалы поселений и могильников указывают на значительное имущественное неравенство. Распространение наскальных изображений и появление больших могильников могло быть связано со стремлением групп людей продемонстрировать права на определенные территории. Укрепления на возвышенностях, поселения на речных островах, склады продуктов в пещерах, равно как и следы насильственной смерти на костях свидетельствуют об усилении вооруженных конфликтов. Можно полагать, что во второй половине I тыс. н. э. общественная организация сэлишей в долинах Фрейзер и Колумбии мало отличалась от известной по этнографическим данным организации квакиутль и других индейцев Северо-западного побережья с их родовой аристократией и ритуалами типа потлача.

После 900—1000 г. н. э. на севере Плато при сохранении прежней культурной традиции наблюдается определенный упадок: поселения

становятся меньше размером, захоронения — менее богатыми. В долине Фрейзер это могло быть связано с гигантским оползнем, перегородившим лососям путь вверх по реке (с. 100). Изменения в форме жилищ и каменном инвентаре указывают на вторжение атапасков, примерно в 15 в. вытеснивших сэлишей из северо-западных районов Плато. Возможно, что атапаски проникали и дальше, о чем свидетельствует их небольшой анклав (никала) в сэлишском окружении. Правда язык никала исчез в начале XX в. до начала серьезных исследований и может быть родственен не чилькотин, а атапаскам Калифорнии и Орегона (с. 220), прошедшим через Плато где-то в I тыс. н. э. На юге Плато с XI в. н. э. начинаются конфликты с северными пайют, то есть нумаязычными (северная ветвь юто-ацтеков) племенами Большого Бассейна. Вверх по Колумбии с побережья в это время движутся чинук. Все же в отличие от севера Плато, на юге и, в частности, в районе впадения р. Снейк и Колумбию упадок после 1000 г. н. э. менее — если вообще — заметен. После 500 г. н. э. здесь формируются крупные поселения. В наибольшем числе жители стекались на них в конце лета — начале осени, когда созревали съедобные корни. Круглые землянки постепенно уступают место длинным полуземлянкам, а затем и чисто наземным длинным домам. В период европейских контактов в подобных домах бывало до несколько сот обитателей (с. 115).

Итак, отдельные элементы, свойственные этнографически известной культуре Плато, постепенно внедрялись, начиная с заселения ареала людьми, и образовали единый комплекс к середине I тыс. до н. э. Усложнение социальной организации было следствием роста численности и плотности населения, а та, в свою очередь, — следствием технологического прогресса. В отличие от многих других регионов, подобный прогресс на Плато не был связан ни с переходом к использованию металла, ни с распространением скотоводства или земледелия. Появление лука и стрел также, скорее всего, не сыграло принципиальной роли. Для того, чтобы сформировалось сложное среднemasштабное общество, достаточным оказалось научиться сохранять впрок корни и рыбу. Естественно, что речь идет именно о лососях и о корневищах камас, использование которых вряд ли было менее эффективным, чем примитивное огородничество тропиков. Некоторый упадок после 1000 г. н. э. был вызван, похоже, частными причинами (природные катастрофы и этнические конфликты), но допустимо в нем видеть и результат превышения демографической плотности над оптимальной. Как и для других случаев подобного рода (мая в постклассическую эпоху, побере-

жье Перу до инков, культуры пуэбло на Юго-западе США после XIV в. н. э.), археологи не в состоянии пока сделать выбор между многими возможными факторами.

Как и повсюду в Северной Америке (что отличает ее от Южной), памятники наскального искусства Плато и, в частности, наиболее значительное собрание петроглифов в низовьях Колумбии в районе Даллес, относятся ко времени не ранее II тыс. до н. э. (с. 617). Среди характерных мотивов — двоянные антропоморфные фигуры на востоке Плато и фигуры с лучистым орелом вокруг головы на западе. В районе Даллес встречаются изображения с элементами стиля, типичного для этнографически известных индейцев Северо-западного побережья и, отчасти, также для внутренних сэлишей. О позднем времени их создания свидетельствуют луки со стрелами в руках персонажей. Древнейшие датированные (перекрытые вулканическим пеплом) петроглифы Плато относятся ко времени около 5000 до н. э., но это небольшие маловыразительные геометрические изображения.

Около 1730 г. через посредство шошонов Большого Бассейна индейцы Плато заимствовали лошадь, а с конца 16 в. ареал начали опустошать эпидемии европейских болезней. Оспа, распространявшаяся как с побережья, так и с востока, при первом контакте уничтожала примерно треть населения. Интересно, что высокая смертность привела в это время к развитию более разнообразных погребальных обрядов и появлению в могилах более богатого инвентаря. Если бы археологи не имели в своем распоряжении исторических данных, они бы, скорее всего, увидели в этом свидетельство не стрессовой ситуации, а подъема культуры. Обладание лошадью способствовало имущественной дифференциации, налаживанию более далеких контактов и интеграции автономных общин в племена и союзы племен, в том числе и полиэтничные. Некоторые племена, особенно кутенаи и нэ персэ, стали проникать на Равнины для преследования бизонов и приняли там участие в длительных и истребительных войнах сперва против шошонов, а затем, в союзе с кроу, против черноногих. Натиск черноногих на территорию собственно Плато заставил местные группы консолидироваться. С востока сюда добирались даже ирокезы и делавары. К середине XIX в. в межплеменных войнах гибла столь значительная часть мужчин, что соотношение полов заметно нарушилось в пользу женщин, особенно на юге, у сахаптин (с. 470). Быстрые перемены военно-политической обстановки, а также вулканическое извержение летом 1800 г, засыпавшее пеплом весь регион, равно как и контакты с европейцами — торговцами пушниной и проповедниками — способствовали распростране-

нию кризисных культов, веры в близкое обновление мира.

В середине XIX в. США и Великобритания договорились о разделе владений в пределах Плато, после чего сюда хлынул поток белых переселенцев. Вооруженные стычки с индейцами продолжались до конца 1870-х годов. Численность индейского населения достигла минимума в 1890-х годах, после чего стала расти, хотя антропологически многие уже имели европеоидную примесь. Интеграция сэлишей, кутенаи и в меньшей степени других групп в современное общество (прежде всего в индустрию туризма и в игорный бизнес) началась в середине XX в. К 90-м годам в резервациях проживало менее пятой части от 55—65 тыс. коренных обитателей ареала. Ныне индейцев Плато отличают низкая средняя продолжительность жизни (40 лет), высокая рождаемость и довольно низкая детская смертность.

Этнографические статьи HNAI включают до двух десятков подразделов типа «языковая принадлежность», «социальная организация», «средства транспорта» и т. д. — в зависимости от характера культуры и обилия данных. Самыми проблематичными, с нашей точки зрения, являются разделы о мифологии, которая была слабым местом и предыдущих «Справочников». Оставалось и остается неясным, что именно заслуживает упоминания, особенно если объем записанных у некоторых этносов текстов составляет сотни страниц. Мифологию трудно рассматривать в узком ареальном контексте, и главу о ней имело бы смысл поместить в один из общих томов, тем более, что существующие обзоры по североамериканской мифологии (напр., Vierhorst 1985; Thompson 1929) неполны или поверхностны.

Отметим те особенности мифологии Плато, которые можно поставить в связь с древней историей ее обитателей. Во-первых, ее достаточную однородность в отношении как персонажей (Койот в одной из главных ролей), так и наборов мотивов. Во-вторых, мифология Плато несколько более сходна с мифологиями тихоокеанского побережья (от северной Калифорнии до южной Аляски), чем с мифологиями Великих Равнин. Правда с последними (а также с мифологиями Большого Бассейна, Юго-запада и Калифорнии) ее сближает преобладание Койота в качестве протагониста при полном отсутствии Ворона и редкости Норки и Сойки, характерных для побережья. Зато набор сюжетообразующих мотивов ближе к прибрежному. Между мифологиями кламат, модок, сахаптин на юге Плато и мифологиями севера Большого Бассейна граница достаточно четкая. Учитывая отсутствие между обоими ареалами резко выраженных природных рубежей, это требует объяснений. По-видимому, нума (юто-ацтеки), относительно недавно

(1000 лет назад ?) расселившиеся по Большому Бассейну из южной Калифорнии (Kelly 1997), не только перекрыли более ранний субстрат (пенути?), но и сравнительно мало заимствовали от него. Среди возможных заимствований — мотив лягушки, которая видна на луне. Он характерен для ареала Плато с прилегающей частью тихоокеанского побережья, для северной Калифорнии, для центральных районов Великих Равнин (арапахо, кроу, хидатса, мандан), а в пределах Большого Бассейна — только для северных пайютов — павиоц. В то же время суммарные данные статистической обработки распространения мотивов по ареалам указывают на ряд специфических черт, объединяющих именно Плато и Большой Бассейн. По данным признакам оба ареала максимально противопоставлены Великим Равнинам. Например, индейцам Плато и Большого Бассейна почти незнаком мотив магического бегства (преследуемый бросает предметы, превращающиеся в препятствия). Этот мотив повсеместно известен в Сибири и на Дальнем Востоке, характерен для большинства индейцев Северной Америки и не характерен для востока Южной. Создается впечатление, что в Америку он проник не с самой ранней волной мигрантов, и его отсутствие на тех или иных территориях выглядит как свидетельство определенного «архаизма».

Комплекс мотивов, связанных с темой «выборов» будущего солнца и его первого появления на небосводе, сближает мифологии как береговых сэлишей (но не вакашей и не индейцев побережья Орегона), так и всех народов Плато с более южными мифологиями притихоокеанского пояса Америки, особенно с мезоамериканскими. Другой комплекс сближает мифологии Плато и прилегающей части тихоокеанского побережья с мифологиями Центральных Анд. В одних текстах этого комплекса рассказывается о том, как мужской персонаж с трюкстерскими чертами выпускает в реки или в море рыбу, которой раньше владела женщина. В других мужчина проводит реку или канал в селение, где хочет жениться, либо не проводит, если получает отказ.

В заключительных статьях тома, составляющих примерно четверть его объема, охарак-

теризованы такие разнообразные темы как музыка, азартные игры, плетение, традиционные формы и пути обмена, техника рыболовства и т. д. Одна из наиболее интересных — этнобиология и пищевые ресурсы (с. 525—536). При разграничении видов народные таксономии индейцев Плато почти всегда совпадают с научными, но местной особенностью является крайняя редкость иерархических, двухчастных обозначений (типа «рыжик еловый» или «заяц-беляк»), характерных как для научных наименований, так и для многих языков мира, в частности для индейцев американских тропиков. Отсутствуют общие термины для «лозы» и «травы», а слово «дерево» у сахаптин и вишрам буквально значит «стоящее вертикально». Не отрицая значения рыболовства, этнографические материалы показывают, что в питании индейцев Плато коренья и луковичи составляли большую часть диеты, причем некоторые растительные продукты подвергались сложной многоступенчатой обработке, а в сушеном виде заготавливались впрок и обменивались на дальние расстояния. Хотя всего для питания использовалось примерно 135 видов растений и грибов, главное значение имели пять-шесть видов лукович и кореньев. Благодаря собирательству, а не только одному рыболовству, плотность населения Плато к началу европейских контактов составляла 0,95 чел. на кв. км, что выше, чем у ряда земледельческих групп в Амазонии и на Ориноко (Козинцев 1980: 18—19). По-видимому, именно эффективность собирательства на западе Северной Америки блокировала распространение здесь земледелия. Если в раннем голоцене Южной и Центральной Америки собирательство тоже составляло основу хозяйства (а это почти наверняка так), то понятно, почему процесс становления земледельческой экономики в Новом Свете, начавшийся едва ли не 10 000 лет назад (Piperno, Pearsall 1998), привел к существенным переменам в культуре лишь во II тыс. до н. э.

Остается добавить, что все статьи тома снабжены гигантским количеством карт, схем, рисунков и особенно фотографий (черно-белых), многие из которых содержат уникальную этнографическую информацию.

Козинцев, А. Г. 1980. Переход к земледелию и экология человека // Ранние Земледельцы. Этнографические очерки. Отв. ред. Н. А. Бутинов, А. М. Решетов: 6—33. Ленинград: Наука.

Bierhorst, J. 1985. The Mythology of North America. New York: Morrow.

Boldrurian, A.T., & J. L. Cotter. 1999. Clovis revisited. New Perspectives on Paleoindian Adaptations from Blackwater Draw, New Mexico. Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania (University Museum Monograph 103).

Chatters, J. J., W. A. Neves, & M. Blum. 2000. The Kennewick Man: a first multivariate analysis // Current Research in the Pleistocene 16: 87—9.

Clairborne, W. 2000. FBI probes theft of ancient bones sought by tribes // The Washington Post, September 30, p. A3.

Dawkins, R. 1995. River out of Eden. A Darwinian View of Life. New York: Basic Books.

DeLancey, S., & S. Golla. 1997. The Penutian hypothesis: repect and prospect // International Journal of American Linguistics 63(1): 171—202.

- Hodge, Frederick Webb, ed.* 1907—1910. Handbook of American Indians North of Mexico. Parts 1—2. Washington D.C. Bureau of American Ethnology Bulletin 30.
- Kelly, R. L.* 1997. Late Holocene Great Basin prehistory // *Journal of World Prehistory* 11(1): 1—49.
- Lathrap, D.W., & R. C. Troike.* 1988. Californian historical linguistics and archaeology // *Journal of the Steward Anthropological Society* 15(1—2): 99—157.
- Chatters, J. J., W. A. Neves, & M. Blum.* 2000. The Kennewick Man: a first multivariate analysis // *Current Research in the Pleistocene* 16: 87—9.
- Piperno, D. R., & D. M. Pearsall.* 1998. The Origins of Agriculture in the Lowland Neotropics. San Diego etc.: Academic Press.
- Sahlins, M. D.* 1996. The sadness of sweetness. The native anthropology of Western cosmology // *Current Anthropology* 37(3): 395—428.
- Shermer, M.* 1997. Why People Believe Weird Things? Pseudoscience, Superstition, and Other Confusions of Our Time. New York: W.H. Freeman & Co.
- Steward, J. H.* 1946—1950. Handbook of South American Indians, Vols. 1—6. Washington: Smithsonian Institution. (Bureau of American Ethnology Bulletin 143).
- Tarpey, M.-L.* 1997. Tsimshianic and Penutian: problems, methods, results, and implications // *International Journal of American Linguistics* 63(1): 65—112.
- Thompson, S.* 1929. Tales of the North American Indians. Bloomington: Indiana University Press.
- Wauchope, R.* 1964—1976. Handbook of Middle American Indians, Vols. 1—16. Austin: University of Texas Press.
- Wiley, G.R.* 1966—1971. An Introduction to American Archaeology, Vol. 1. North and Middle America. Vol. 2. South America. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, Inc.

Ю. Е. Березкин

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

О СОВРЕМЕННОЙ ИРАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ — № 8/2, 1994, № 9/2, 1995; Mirâth-e Farhangi — № 14, 15, 1996 г.¹

Научное изучение археологических памятников в Иране началось в 1897 году, когда Франция получила концессию на археологические изыскания в Персии и начала раскопки Суз. Осознав значимость памятников, скрытых в земле Ирана, и другие западные страны стали посылать в Персию свои археологические миссии. До 1979 г. в Иране работали экспедиции из Франции, Германии, Англии, США, Бельгии, Японии и других стран. В Иране после второй мировой войны появились и свои ученые-археологи, образовалась государственная археологическая служба, в Тегеране был основан специальный археологический музей Иран Бастан. В 1960—70-е гг. наблюдался бурный подъем археологии в Иране. Однако ситуация изменилась после исламской революции 1979 года. Большинство иностранных

археологов спешно покинуло страну, местные ученые оказались в весьма невыгодном положении, практически все раскопки были заморожены. Изменилась и сама государственная идеология: на смену иранскому национализму, считавшему вершиной истории Ирана доисламский период, пришла идеология, делающая упор на исламскую общность народов Ирана. Считалось, что основные черты нынешнего иранского общества сформировались исключительно под влиянием ислама. Однако с течением времени, по окончании Ирано-Иракской войны и смерти имама Хомейни государственная идеология снова стала мало-помалу меняться. Ныне иранская идеология считает, что современный строй базируется как на исламской, так и на доисламской истории. В этом отношении показателен лозунг, повешенный

¹ Данная статья была завершена зимой 1997—98 гг. В течение последних трех лет продолжалось издание работ по археологии в Иране. Особо следует отметить первый выпуск *Gudhârishha-yi Bâstân-shinâsi* («Археологические отчеты»), изданной под патронажем организации Мирас-е Фарханги (см. ниже) 1997 г., книгу С. О. Фарда «Аршакидские хумные погребения в Герми» (*Gürkhumrehâ-yi Ashkânî dar Garmî*) — первое приложение к «Журналу по Археологии и Истории» (1998 г.), где изложены результаты раскопок оссуарных погребений парфянского времени уникальной сохранности. Все последние публикации по археологии на персидском языке, безусловно, нуждаются в отдельном освещении. Однако в целом последние статьи не меняют те общие положения, которые изложены в настоящей публикации.

над кассой персепольского музея-заповедника «Исламская революция — прямое продолжение дела Кира и Дария!». Вместе с тем, возобновились и некоторые раскопки: работает экспедиция в Сулеймание, начались долгожданные раскопки Хамадана. Теперь все экспедиции организованы иранскими организациями, в первую очередь, Мирас-е Фарханги (культурное наследие) — правопреемницей археологической службы Ирана шахского времени. Если ранее археологи Ирана старались писать научные статьи на западноевропейских языках, то теперь многое публикуется по-персидски.

В отличие от европейских коллег, российские археологи практически не имели возможности проводить раскопки в Иране, при том, что раскопки в таких близких Ирану в географическом и культурном отношении ареалах, как Средняя Азия и Закавказье до недавнего времени были монополией советских ученых. Однако многие отечественные историки и археологи обращались к результатам раскопок, проводившихся в Иране. Для неолита и эпохи бронзы это работы В. М. Массона, для ранне-железного века — работы И. М. Дьяконова, И. Алиева, М. В. Погребовой, И. Н. Медведской, для ахеменидского времени М. А. Дандамаева, для эллинизма Г. А. Кошеленко, А. Б. Никитина, для времени Сасанидов — труды К. А. Иностранцева, Н. В. Пигулевской, В. Г. Луконина и многие другие работы. Большинство этих работ было написано в нашем городе. В распоряжении автора было несколько номеров двух иранских археологических журналов, не поступающих в отечественные библиотеки.

Журнал по Археологии и Истории (*Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ*), издаваемый 2 раза в год иранским университетским центром, публикует, как правило, собственно археологические материалы. Чисто исторические статьи практически отсутствуют. В журнале помещаются как статьи иранских авторов, так и некоторые переводы статей западных ученых (которые, разумеется, не рассматриваются в данной работе), статьи реферативного, общего, учебного характера. В конце каждого журнала имеется библиография, краткие сведения о находках в Иране, резюме на английском языке. Темы статей не выходят за рамки границ страны. В распоряжении автора было два номера журнала (*Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ* № 8/2, весна-лето 1994, № 9/2, весна-лето 1995).

Журнал *Mirâth-e Farhangi* (букв. «Культурное наследие») посвящен в основном истории культуры и издается ежеквартально одноименной организацией — наследницей «Археологической службы Ирана» шахского времени. Организация Мирас-е Фарханги ныне весьма влиятельна, имеет свои отделы во всех шахри-

станах (то есть районах) Ирана, ей подчинены все государственные музеи. В нашем распоряжении было только 2 номера журнала — за зиму 1374 (1996) г. № 14 и за лето того же года № 15.

Все статьи реферируемых журналов написаны на фарси. Язык публикаций неодинаков. Некоторые авторы тяготеют к языку классической прозы, другие придерживаются современного стиля. На основе рассмотренного материала можно констатировать, что в персидском появился определенный набор археологических терминов, впрочем, еще не вполне устоявшийся. Преобладают персидские «кальки» из западноевропейских языков (английский, французский), а также собственная старая терминология различных ремесел (в первую очередь, гончарного дела и металлургии), есть несколько своих неологизмов, составленных, главным образом, в Академии языка «Фархангистан». Тематика статей охватывает практически все периоды истории Ирана, начиная от неолита вплоть до раннеисламского времени.

К числу работ по доисторической археологии относится статья Садека Шахмизади «Хронология Иранского плато: неолит до появления городской цивилизации» (*Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ*, 9/2, стр. 2—18). В статье наибольший интерес представляют сведения о раскопках в Тепе-Заге под Казвином, которыми руководил сам автор. В ранних слоях памятника (слои 9—12) обнаружена керамика, которую С. Шахмизади считает предшественницей раннесиалковской. Во-первых, тестом этой лепной керамики служила обычная земля этого района, а примесью выступали лишь солома и измельченная трава, как и в раннем горизонте Сиалка. Сосуды (чаши с плоским дном, невысокие «стаканы», котлы с низкими стенками) были обожжены в несовершенных печах, еще не было контроля за температурой обжига. Автор различает три типа керамики из ранних слоев Тепе-Заге: простая керамика, расписная и «стандартная». Первая группа характеризуется невысокими «стаканами», чашами, котлами. Внешняя поверхность этой керамики покрыта жидким ангобом. Вторая группа представлена простыми чашами с вогнутым донцем и изгибом у основания и небольшими кувшинами с вогнутым донцем, небольшим горлышком и выступающим широким венчиком. Поверхность этих сосудов покрыта слоем жидкой глины и отшлифована. Рисунки нанесены глиной охристого цвета. Выделяется 86 геометрических элементов, используемых в рисунках. Двадцать три типа рисунков наносились на придонную часть чаш. Кроме того, был найден еще один фрагмент со стилизованным изображением животного и фрагмент с рядом неких рогатых животных (козел, баран

или антилопа) на широком венчике сосуда. Последняя группа — «стандартная», керамика которой представлена всеми прежними типами с той разницей, что в верхней части поверхности кувшинов имеется желобок толщиной в один палец со следами песка.

Автор считает носителей культуры раннего Тепе-Заге представителями более древнего населения плато, чем то, что представлено в Сиалке, и предлагает считать период Тепе-Заге формообразующим периодом в истории иранского неолита. Далее С. Шахмизади обращается к керамике из тепе Чешме-Али к югу от Тегерана. Памятник раскапывался Э. Шмидтом в 1930-е гг., но, ввиду его скорострительной смерти, остался практически неопубликованным. Автор ознакомился с керамикой памятника в архиве музея Пенсильванского университета и выделил типы керамики, идентичные Сиалку-1 и Сиалку-2, а также поздним (8—1) слоям Тепе-Заге. С. Шахмизади определил этот тип как тип Чешме-Али, что позволило ему усомниться в правильности стратиграфии раннего Сиалка. Примесями в керамике этого типа служили измельченная трава и мелкий песок, толщина стенок варьирует. Более изящная керамика данного типа имеет примесь мелкого песка, глина хорошо отмучена. На внешней поверхности — ангоб из жидкой глины, а поверх него нанесен геометрический орнамент или стилизованные фигурки животных черного цвета. Краска, видимо, делалась из какого-то красящего материала и органической добавки (жира), в отличие от охры рисунков керамики типа Заге. Этот тип керамики известен на многих неолитических памятниках Иранского плато и в Прикаспии. Керамику типа Чешме-Али С. Шахмизади считает вторым этапом развития керамического производства на плато.

К третьему этапу развития керамики на плато автор относит появление гончарной керамики, характерной для Тепе-Сиалк III: с примесью мелкого песка, с черной росписью в виде геометрических узоров, животных, растений и людей. Этот период, по его классификации, соответствует «среднему периоду на плато» Маджидзаде.

Далее автор предполагает, что керамика Тепе-Заге имела и более древний, но точно не известный прототип, и останавливается на керамике из Мехранабада, которую он еще в студенческие годы обрабатывал в хранилище тегеранского университета. Керамика эта была без росписи, с примесью измельченной травы и соломы, плохо отмученным тестом, неровным ангобом и невысокой температурой обжига. Такую керамику принято называть «рыхлой». Подобная керамика была обнаружена Карлтоном Куном в пещере Камарбанд (слои от VI и выше) в Мазендаране, а керамика

Мехранабада остается пока неопубликованной. Поэтому данный этап, предшествующий Тепе-Заге, автор называет типом Камарбанд (или Ремня, англ. Belt-cave Type). Поскольку в более ранних слоях Камарбанд керамики не найдено, можно считать этот этап первым в развитии керамического производства на Иранском плато. Результаты исследований автор представляет в следующей таблице:

Период	Тип	Памятник
1. Докерамический неолит		Ранние слои пещер Камарбанд и Хату
2. «Рыхлая» керамика (формообразующий этап)		Пещера Камарбанд, Мехранабад
Лепная керамика	Тип Заге	Заге 12—9; Сиалк, северный холм, II; Чешме-йе Больболь, Озбаки, Мехранабад ?, Чешме-Али?
	Тип Чешме-Али	Заге 1—8; Северный холм Сиалка I 2—5, II 1—3; Чешме-Али А, Чешме-йе Больболь, Каратепе-йе Шахрияр, Исмаилабад, Барелкин, юж. Махмудийе; Хуриан, Кумис, Туранг-тепе и др.
3. Гончарная керамика	Тип ранний Сиалк	Сиалк III 1—3; Чешме-Али Б; Муртазагерд; Тепе-йе Кабристан, I 11—19; зап. Махмудийе
	Тип поздний Сиалк	Кабристан II—IV, Сиалк III 4—7; Гиссар I

Более общий характер носит статья Аббаса Ализаде «Корни земледелия и животноводства на Ближнем Востоке с точки зрения современной археологии» (*Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ*, 9/2, стр. 19—26). Автор знакомит читателя с современными теориями зарождения земледелия, скотоводства и оседлого образа жизни на рубеже мезолита и неолита, излагает теории Л. Р. Бинфорда, Р. Дж. Брейдвуда и К. Фланнери, используя чрезвычайно любопытную, достаточно самостоятельную современную иранскую археологическую терминологию, которую, как кажется, составил он сам.

Следующие публикации связаны уже с эпохой железа. Такова статья Мехрада Малекзаде «Андия — княжество в Большой Мидии и шедевры искусства Марлика» (*Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ*, 8/2, стр. 12—18). Принимаемая сравнительно позднюю датировку находок из Марлика и Амлаша на берегу реки Сефидруд в Гиляне (около 700 г. до н. э., согласно О. В. Мускарелла и Э. Херинку) и локализуя

(вслед за И. М. Дьяконовым) известную по ассирийским источникам область Андию в районе Сефид-руда, автор предполагает, что могильник в Чераг-Али (Марлик) был семейной усыпальницей царьков Андии. Находящееся недалеко от Марлика малоисследованное городище Пила-кал'е М. Малекзаде считает резиденцией царьков. Основываясь на искусствоведческом анализе металлических изделий из Марлика и скупых клинописных надписях на тех же шедеврах, автор видит Андию одной из частей большой Мидии, в то же время тесно связанной с Манной и Урарту.

Впрочем, первое исключает второе. Если находки из Марлика относятся к VIII—VII вв. до н. э., то Большой Мидии (то есть Мидийской Державы от Галиса на западе до глубин иранского мира на востоке) в это время еще не существовало, если же они относятся ко времени мидийского господства, то в это время уже не было ни Урарту, ни Манны.

Автор предлагает иранскую этимологию второго компонента имени правителя области Телусины (из древнеиранского *sakna* — симург, легендарная птица), хотя первую часть имени, Телу мы должны признать неиранской из-за наличия звука «л».

К этой работе тематически примыкает статья Сейфуллаха Камбахшфарда «Ювелирное дело, металлообработка и производство керамики в находках из Марлика» (*Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ*, 9/2, стр. 27—38). В ней разбираются особенности производства золотых и серебряных изделий, найденных в Марлике. Пользуясь трудом Абу ал-Касима Абдуллаха Кашани (автора исламского времени), посвященным, в том числе, металлообработке и ювелирному делу, С. Камбахшфард предполагает наличие у ремесленников Марлика различных методов обработки золота и серебра: плавка, горячая и холоднаяковка, чеканка, литье по утраченной модели, использование сплавов, пайка и др. Кроме того, предполагается использование ртути, киновари, свинца, олова, медного купороса, буры в различных ювелирных операциях. При производстве серебряных чаш использовалась селитра при плавке, выступающие части сосудов не были выкованы, а сделаны по отдельному шаблону и припаяны к тулову сосуда.

Далее рассматриваются сосуды из серебра с золотыми вставками и частями, которые были изготовлены отдельно и затем припаяны к серебряной основе. Разбирая небольшие украшения из драгоценных камней, автор выделяет использование золотых нитей и чеканку. Обращаясь к бронзовым изделиям, С. Камбахшфард предполагает два основных типа производства — литье по утраченной модели и ковку, причем в этих двух случаях использова-

лось различное количество добавок в медную руду.

Материалом для марликской коричневой керамики являлась глина с примесью кварца, добываемая в долинах рек, обжигалась керамика при температуре немногим выше 1000 градусов и, таким образом, получался фаянс. Сходство керамики предгорий Эльбурса и Загроса в раннежелезном веке автор объясняет наличием некоего племени, кочевавшего по Западнему Ирану и являвшегося носителем особого искусства в производстве керамики и золотых изделий.

К сожалению, С. Камбахшфард практически везде умалчивает о том, каким образом были получены его результаты, относящиеся к производству различного инвентаря погребений. Едва ли использовались методы химического анализа находок, металлографии, непонятно даже, имел ли автор в своем распоряжении доступ к самим предметам, чтобы пристально их рассмотреть. Занимаясь раннежелезным веком, этот ученый использует труды авторов исламского периода (Абу ал-Касим Абдуллах Кашани, Джабир б. Хаййан Туси, Закария Рази, почему-то отсутствует «Минералогия» Абу ар-Райхана Бируни), то есть много более позднего времени.

С исторической географией связана работа Мехрдада Малекзаде «Княжество Абдадана в Западной Мидии» (*Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ*, 9/2, стр. 39—47). Автор анализирует ассирийские источники, упоминающие эту область: надпись Салманасара от 843 г. до н. э., надпись на скульптуре Курба'иля того же времени, надпись Ададнирари III от 802 г., Тиглат-Паласара III 744 г., 737 г., Саргона от 714 г. Основываясь на упоминаниях в этих текстах областей, которые соседствуют с Абдаданой (Манна, Гизилбунда, Сангибуту, Парсуаш, Бит-Хамбан, Намар), М. Малекзаде локализует Абдадану в верховьях Диялы, выделяя для нее треугольник между Сенендеджем, Биджаром, Хамаданом и Керманшахом. Следует отметить, что верховья Диялы не вполне вписываются в этот треугольник, а из вышеперечисленных областей как будто только Гизилбунда и Парсуаш непосредственно соприкасались с Абдаданой. Далее автор обращается к этимологии названия Абдаданы и, ввиду того, что это имя кроме местности носил и один царек, живший в тех же районах, отвергает этимологию Хинца, производящего слово из др.-ир. **abda-dâna*, «великолепным [образом] данный», (либо «великолепное место»), и предлагает свою этимологию (весьма, впрочем, примитивную) — из * *âp* = *dâtâna*, «подаренный [богом] воды».

С новыми эпиграфическими находками связана статья Расула Башшаша Канзака «Чтение новой надписи на камне из деревни Мава-

на, или область Ар да или «аша» (Урмия)» (Mirâth-e Farhangi, 15, стр. 102—109). В начале статьи описывается недавно открытая стелла царя Русы (735—713 гг. до н. э.) в деревне Мавана недалеко от города Урмия, ее размеры, перевозка в музей города Урмия. Надпись сохранилась не полностью, однако автор делает попытку прочитать сохранившиеся аккадские и урартские фрагменты надписи. Из чтения видно, что стелла была воздвигнута царем Русой в Муцацире (Ардини) и посвящена его победе над правителем Муцацира Урзаной и исполненным им в том же городе (важном религиозном центре Урарту) церемониям в честь бога Халди. Далее автор дает указатель личных имен и географических названий надписи. Топоним Мусасир он объясняет из аккадского как *muu = sîru* — «место, где поднимается дракон», а слово Ардини он производит от арийского *arta* = — «закон, мощь, порядок». При этом ученый считает последнее слово арийским (но не иранским) заимствованием в хуррито-урартские языки, хотя подобные заимствования известны только для одного хурритского языка.

Более общий характер носит статья Камйара Абади «Новый взгляд на мидийскую эпоху» (Часть II. *Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ*, 9/2, стр. 19—35), в которой рассматриваются три составляющих мидийской археологии: керамика, искусство и архитектура древней Мидии. Для этого используются материалы из раскопок в Нуш-е Джане, Бабаджане и Годин-тепе, однако недавно возобновленные и расширенные раскопки Хамадана обходятся вниманием. Следует также отметить, что Бабаджан-тепе расположено в Луристане и его принадлежность к культуре Мидии выглядит сомнительной, эти районы не входили в Мидийский треугольник.

Рассматривая керамику мидийской поры (железный век 2—3 по классификации Р. Дайсона или слои поздней серой и светло-коричневой керамики по схеме Г. К. Янга, 1100—550 гг. до н. э.) и обращая внимание, прежде всего, на тесто и примеси, К. Абади делает вывод, что примесь слюды золотистого или серебристого цвета, ареал употребления которой расширяется в VII в. до н. э., есть показатель распространения влияния мидян.

Касаясь искусства мидян, автор, вслед за Мускарелла, считает атрибуцию многих предметов искусства как мидийских сомнительной, будь то находки из амударьинского клада, предметы, раскопанные в Зивие, головка Пазузу из Нуш-е Джана, шлем из Олимпии или хранящиеся во многих музеях и частных коллекциях мира предметы, купленные у антикваров. Последние квалифицируются как поздние подделки малоквалифицированных мастеров, которые не вполне могли подражать ахеменид-

скому искусству. К. Абада предполагает, что ученые (в особенности Э. Герцфельд и Р. Гиршман) считали мидийским всякий предмет, в чем-то выходящий за ахеменидский канон.

К сожалению, в данной публикации рассматриваются отнюдь не все находки, которые можно считать мидийскими. Во-первых, по нашему убеждению, к предметам искусства нужно относить не только ювелирные изделия и малые формы, на которых подробно останавливается автор, но и монументальное искусство, на наличие которого указывает сам К. Абади (стр. 33; изразцы на стенах в двухколонном зале в Бабаджане). Во-вторых, следовало бы остановиться на находках из Марлика и луристанских бронзах, которые также могут называться мидийскими. Если Марлик и не находился на территории мидийского объединения племен, то на луристанских бронзах нужно было остановиться потому, что находящийся в Луристане памятник Бабаджан-тепе автор относит к безусловно мидийским (что, впрочем, не бесспорно).

Рассматривая архитектуру мидян (на материале тех же памятников — Бабаджан, Нуш-е Джан и Године), автор приходит к выводу, что на всех трех городищах имеются общие планировочные и декоративные элементы: укрепления, колонные залы, культовые помещения. Наличие колонных залов во всех трех комплексах интерпретируется как характерная черта мидийской архитектуры, восходящая к архитектуре Междуречья и далее развивающаяся в огромных колонных залах — ападанах Ахеменидов. Особенностью мидийской архитектуры автор считает также и наличие фальшивых окон в колонных залах. Зафиксированные в Годин-тепе и Нуш-е Джане обширные хранилища К. Абади рассматривает как склады для дани из соседних областей. Наиболее странным кажется утверждение автора, что примитивное общество того времени не имело достаточных сил на строительство крупных крепостей, что предполагает наличие ассирийского организационного начала в строительстве. Однако сами ассирийцы изображают на своих рельефах достаточно мощные крепости в районе Загроса, построенные, видимо, без всякого участия ассирийцев. В разделе об архитектуре хотелось бы познакомиться с мнением автора относительно изображений мидийских крепостей в ассирийских рельефах, а также описаний Экбатаны в трудах Геродота и Полибия.

В заключении К. Абади пишет, что сведения ассирийских источников о раздробленных княжествах в горах Загроса подтверждаются и археологическими источниками. Крепости в Нуш-е Джане, Бабаджане и Године являлись резиденциями ассирийских (но не местных!)

правителей небольших областей. Объединение раздробленных мидийских племен в единое, сильное государство в середине VII в. до. н. э. отразилось в расширении сферы распространения керамики с примесью золотистой и серебристой слюды. Мидийское государство не было достаточно организованным, чтобы проявить свое культурное влияние на подчиненные высокоразвитые области. Последний тезис автора, безусловно, является спорным.

Ряд публикаций связан с эллинистической эпохой. Статья Джа'фара Мехркияна «Недавно открытый элимаидский наскальный рельеф в Ширину» (*Mirâth-e Farhangi*, 15, стр. 54—59) начинается с обзора истории открытия и изучения элимаидских рельефов. Далее следует описание района находки наскального изображения — яйлака (летней стоянки) бахтиярских кочевников между Шахр-е Курдом и Масджед-е Сулейманом, недалеко от реки Базофт. Затем идет описание самого скального рельефа. На выровненном участке скалы размером 145 × 200 см изображены три фигуры в фас. Левый персонаж изображен сидящим на небольшой табуретке на постаменте и держащим в правой руке копье. Средняя и правая фигуры стоят, прижав в знак уважения руки к груди, у среднего персонажа в правой руке поднят некий неизвестный предмет. У всех трех фигур почти идеально круглая шапка волос. Следует отметить, что изображения очень плохо сохранились. На прорисовке и фотографии практически не видно ни деталей рельефа, ни следов надписей. Основываясь на иконографических особенностях рельефа и, прежде всего, на сходствах с изображением на Танг-е Сарваке, автор относит его к элимаидскому времени (I—II вв. н. э.).

Эпиграфике эллинистического времени посвящена статья Расула Башшаша Канзака «Надпись на постаменте каменной статуи селевкидского времени» (*Mirâth-e Farhangi*, 14, стр. 46—49). Автор разбирает надпись на квадратном постаменте статуи, найденной в Хузестане. Сама статуя не сохранилась, но на постаменте явно видны углубления для ног фигуры. Надпись сделана на арамейском (элимаидском) языке. Ее перевод: «заказал Хас ибн Дак на 39 году царствования царей Антиоха и Селевка при помощи Лапи Хаби Хаб Бага, сына мубеда Лапи Картира Худа для жизни сатрапа, (далее — неразборчиво)».

Сасанидского периода касается статья Мехди Рахбара «Открытие новой резьбы по штукатурке сасанидского времени в Хорасанском Бандиане» (*Mirâth-e Farhangi*, 14, стр. 82—85). Раскопки иранской миссии в Бандиане начались в 1995 году, тогда же были найдены первые сасанидские изображения на штукатурке (ганч, или гач). Раскопки показали, что на памятнике фиксируются четыре слоя, парфян-

ский и сасанидские. Ганч найден в зале ранне-сасанидского времени. Позднее зал был перестроен: насыпан новый пол, появились новые стены из необожженного кирпича. В дальнейшем было еще одно поднятие пола, соотносимое с появлением кладок из кирпича размером 40 × 40 × 10 см. Зал размером 8,60 × 10,25 м ориентирован с северо-востока на юго-запад. К нему пристроены еще несколько комнат. На север зал сужается и, возможно, далее выходит к внутреннему двору. В северо-западной стене зала имеется углубление размером 250 × 170 см, напоминающее михраб. Рядом с михрабом обнаружен проход шириной 75 см в другое помещение с полом из известки, также частично раскопанное. На этом полу найдены печатки с изображением коровы и грифона, а также человека, вокруг головы которого идет пехлевийская надпись *Rôzbeh* (характерное зороастрийское имя. — П. Л.). С юго-западной стороны зала расположен вход в коридор, тянувшийся вдоль основного помещения. С юго-восточной стороны открыта еще одна комната. Потолок зала поддерживался четырьмя колоннами «лукообразной формы» на постаменте в виде трех квадратных ступенек.

Все стены зала были покрыты чрезвычайно красивым резным ганчем толщиной 2—4 см. Изображение начиналось на расстоянии 65—70 см от пола. Все изображения окаймлены линией узора из пальметок и меандра толщиной около 15 см. Изображены: сцена охоты с парой лошадей и оленей; конная схватка сасанидского правителя с неким чужеземным воеводой, под ногами которых находятся 5 убитых; победа правителя над врагом; Анахита, орошающая землю водой на фоне распускающихся цветов; надписанные на пехлеви изображения еще трех персонажей в михрабе; двухколонное здание; коронация с четырьмя персонажами, повязыванием ленты и чашей; плохо сохранившаяся сцена страшного суда. К сожалению, в статье не сказано, какова нынешняя судьба изображений, отреставрированы ли они, оставлены на месте или перевезены и кто руководит экспедицией в Бандиане.

Нумизматике исламского периода посвящена статья Абдуллаха Кучани «Область правления Абу-ан-Наджма б. Хасануе на основе его монет» (*Majalle-ye Bâstânênâsi va Tariḫ*, 8/2, стр. 47—65). В начале своего исследования монет одного из вассальных правителей династии Бундов, правившего в Западном Иране, Абу ан-Наджма Хасануе (370—405 гг. лунной хиджры — 988—1014 гг.), автор обращается к вопросу — какую сторону монеты следует считать аверсом, а какую — реверсом? При этом он отвергает старую теорию, что та сторона, на которой изображена первая часть шахады (нет Бога кроме Аллаха) является аверсом, а та, на которой выбита вторая часть той же

священной формулы (и Мухаммад — пророк Его), — реверсом. Привлекая одну саманидскую монету, на которой выбита арабская поговорка, причем первая часть поговорки выбита на той же стороне, что и вторая часть шахады, автор предлагает поменять понятия аверс и реверс монет исламского времени. Впрочем, для нумизматики (а исламской, не имеющей изображений, в особенности) понятия аверса и реверса являются, скорее, не предметом исследования, а некоторой условностью, облегчающей работу нумизмата, и поэтому, как нам представляется, едва ли имеет смысл менять уже устоявшуюся традицию в исследовании исламских монет.

Имеющиеся на монетах Абу ан-Наджма надписи *Hamsa* (пять, пятерница) или *Sitta wa Thalathonu* (шесть и две трети) А. Кучани интерпретирует как число серебряных дирхемов, подлежащих обмену на один золотой динар.

В коллекции насчитывается около ста пятидесяти монет Абу ан-Наджма, значительные собрания находятся в Иране (Тегеранский офис организации культурного наследия Ирана, музей Резы Аббаси), в Британском музее, в Тюбингене. Исследуя монетные дворы Абу ан-Наджма, автор делает вывод о том, что во многих городах имелось несколько чеканов, которые менялись чуть ли не каждый год. Анализируя названия мест чеканки, выбитых на монетах, автор проводит интересные исследования по исторической географии Загроса рубежа I—II тысячелетий нашей эры, соотносит названия городов на монетах с соответствующими пассажами из Ибн Хаукаля, Якута, Ибн-Хурдадбега, Хамдаллаха Казвини и др. В результате становится очевидным, что Абу ан-Наджм правил в районах Хамадана, Керманшаха, Луристана и северного Хузистана. Возможно, на монетах этого правителя впервые упомянут город Лур (в форме *Alur*), с которым связаны названия «Луритан» и «племя луров».

Мухаммад Рахим Сарраф, автор статьи «Новые раскопки на древнем городище Хагматанэ» (*Mirâth-e Farhangi*, 14, стр. 77—79), не дает даже приблизительной датировки раскопанных частей памятника. Раскопки тепе Хагматанэ (таково новое «ученое» название освобожденной для раскопок части Хамадана — Экбатаны, стилизованное под древнеперсидскую форму) начались в 1984 году и с перерывами велись 6 сезонов. Статья охватывает материалы, собранные вплоть до 1996 года. Раскопки проводились в северной, восточной, южной и центральной части холма. В центре холма были заложены десять шурфов размером 10 на 10 метров каждый. На глубине 2—5 м открыты два сооружения из обожженного и необожженного кирпича. Были найдены остатки двух комплексов сооружений на северо-

востоке и юго-западе раскопанного участка; определить назначение этих построек (дворец, святилище или архив), равно как и их размеры, пока невозможно. Оба комплекса сооружены независимо друг от друга, несмотря на то, что примыкают стена к стене и обладают сходной планировкой (небольшая квадратная комната у входа размером 520 × 470 см, ведущая к внутреннему дворику прямоугольной формы 5 × 7 м, в конце которого имеется углубление 3 × 1,5 м. С двух сторон входного помещения имеются еще два помещения, равно как по два и с обеих сторон главного двора.

Таким образом, на тепе Хагматанэ имеются остатки городской архитектуры с симметричной планировкой. Иранские археологи предполагают в ближайшие годы соединить центральный раскоп с восточным (в 40 м от него) и южным (на расстоянии 200 м), поскольку раскопки на южном участке выявили продолжение сооружений, обнаруженных на центральном раскопе. На восточном участке раскопаны остатки сырцовых крепостной стены и башни толщиной 8 метров. Внешняя поверхность стены изобилует выступающими и углубленными элементами из штукатурки, интерпретируемыми автором как украшения. К настоящему времени открыто только 42 метра стены, часть ее находится под фундаментами современных строений. Хотя археологи еще не дошли до уровня, на котором воздвигнута стена, уже сейчас ее высота достигает 7 метров. Стена ориентирована с севера на юг.

Как видно из статьи, раскопки Хамадана, к сожалению, не отвечают современным требованиям археологии. На протяжении 6 лет не составлялись архитектурные планы раскопок, археологи, не докопав один раскоп, принимались за другой, который тоже не заканчивали. Конечно, наличие хотя бы планов-набросков раскопанных строений дало бы гораздо больше информации по архитектуре памятника, чем путаное изложение размеров зданий, еще и усложненное странной терминологией (так, слово *fazâ* со значением «пространство» используется, очевидно, в значении «комплекс сооружений»), делающей статью малопонятной даже для читателя-перса.

Некоторые статьи касаются общих вопросов. Работа Юсуфа Маджидзаде «Методика раскопок в археологии. Часть третья» (*Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ*, 8/2, стр. 2—11) является скорее учебником, нежели научным исследованием. В данной части рассматриваются вопросы стратиграфической фиксации, работы с керамикой, с костями, составления полевых дневников. Дается описание мельчайших нюансов археологических раскопок (например, какого размера гвозди следует использовать для фиксации разрезов, сколько литров должно умещаться в ведре для мытья керамики и

т. д.). В статье использована, прежде всего, английская и американская литература по археологической методике.

В статье Х. Фазели «Введение в значение понятия «доисторический»» (Mirâth-e Farhangi, 15, стр. 40—47) излагается история развития западной мысли относительно хронологии первобытного общества и основных путей культурной эволюции начиная от Х. Томсона и кончая М. Фридом и Э. Р. Сервисом. Автор не касается различных теорий зарождения и эволюции человека, что можно объяснить тем, что креационизм все еще остается в Иране единственно разрешенной теорией, а Мирас-е Фарханги является весьма официальным журналом.

Насер Пазуки рассматривает краткую историю оборонительных сооружений Ирана, начиная от стен Тепе-Сиалка и кончая арком города Бама «Оборонительные сооружения Ирана» (Mirâth-e Farhangi, № 14, стр. 32—38). По его мнению, оборонительные сооружения можно разделить на четыре основных группы: 1 — стены, ворота и рвы; 2 — пещеры и пещерообразные равнинные крепости; 3 — горные крепости; 4 — долинныя крепости. В последнюю группу автор включает городские стены и цитадели-арки.

Мухаммад-Реза Рийази начинает статью «Великий Шелковый путь — его становление и прошлое» (Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ, 9/2, стр. 48—55) с изложения того, что известно о первых больших путях культурного обмена, существовавших на Ближнем Востоке, и, в первую очередь, — на путях движения обсидиана еще в палеолите. Далее рассматривается вопрос о появлении шелководства, о шелке из дикого шелкопряда, производившемся в Ассирии и Ахеменидском государстве; приводятся китайские легенды об изобретении и потере секрета шелководства. Автор останавливается на основных маршрутах шелкового пути, главных товарах, которые циркулировали по этой артерии. Станным выглядит утверждение авто-

ра, что среди прочего из Китая в Иран ввозились и абрикосы (непонятно, саженцы или сами плоды, может ли дерево и, тем более, сам плод выдержать многомесячное путешествие по достаточно неплодородным местам?), хотя сами китайцы знали абрикосы именно как «золотые персики Самарканда». Кроме того, в статье почти не упоминаются те достаточно важные артерии шелкового пути, которые шли по Евразийской зоне степей из Китая через Казахстан, к северу от Каспийского и Черного морей с выходом в Среднюю и Северную Европу и ответвлением на Северный Кавказ, хотя этот путь может сравниться по важности с дорогой, проходившей через Иран.

В некрологе «Ванден-Берге — великий археолог» (Majalle-ye Bâstânenâsi va Tariḫ, 8/2 стр. 72—79), посвященном замечательному специалисту иранской и месопотамской археологии Луи Ванден-Берге (1923—1993), один из его учеников, Али Мусави, который еще мальчиком вместе с отцом бывал в экспедициях Ванден-Берге, описывает жизненный путь бельгийского ученого, его основные полевые работы (раскопки в Фарсе, тепе-Хурвин, исследование могильников в Луристане, разведки в горах Загроса), значимость его открытий и т. д. В конце статьи дается список работ Ванден-Берге на четырех страницах. В библиографии отсутствуют работы Ванден-Берге, напечатанные по-русски (например, каталог выставки «Древности страны Луров» в Эрмитаже, перевод И. Н. Медведской, СПб, 1992). По малопонятным причинам культура луристанских бронз отнесена автором к бронзовому веку. Несмотря на то, что бронзовые изделия остаются наиболее характерным проявлением данной культуры, наиболее характерные ее черты появляются лишь в раннежелезном веке. Также кажется странной сама персидская передача имени археолога — Vn Den Berg, вместо более правильного Vn Den Berge.

П. Б. Лурье

*Россия. Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН.
Отдел Древнего Востока.*

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК—ЗАПАД

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ КАМЕННОГО ВЕКА. КОРРЕЛЯЦИЯ ПРИРОДНЫХ СОБЫТИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ» (Куртак, 22–31 июля 2000 г.)

Лессово-почвенные разрезы, вскрытые на левом берегу Красноярского водохранилища в районе пос. Куртак, давно привлекают внимание исследователей четвертичной геологии, палеогеографии и древнего человека. На базе организованного здесь Н. И. Дроздовым экспедиционного лагеря Красноярского педагогического университета в 1990 и 1992 гг. уже проводились представительные международные симпозиумы.

В работе нынешнего собрания приняли участие ученые из ряда научных центров нашей страны, в том числе сотрудники ИИМК РАН (С. Н. Астахов, Г. М. Левковская и автор), и зарубежные гости.

Открывая конференцию, академик А. П. Деревянко (Новосибирск), обрисовал результаты широкомасштабных изысканий новосибирских археологов, проведенных в последние годы в Монголии, Казахстане, Узбекистане и на Алтае. С. А. Лаухин (Москва) на серии карт показал основные этапы освоения древним человеком Северной Азии. П. Эзарц (Бельгия) в развернутом выступлении продемонстрировал значение ведущихся на Куртаке комплексных исследований для решения задачи корреляции лессов и палеопочв Евразии. Логическим продолжением доклада стало посещение участниками конференции опорного разреза 30, где вскрыта серия средне- и верхнеплейстоцено-

вых отложений, начиная с вишняковского педокомплекса, коррелируемого с тобольским межледниковьем. Наиболее детально разработанная хронология сложно построенного куртаского педокомплекса, датированного каргинским временем. Примечательно наличие в отложениях этого педокомплекса ископаемых остатков пней сосны. В. С. Волкова (Новосибирск) охарактеризовала палеоклиматы Западной Сибири эпохи последнего оледенения.

Большое место в работе совещания заняло обсуждение четвертичной фауны Сибири в связи с историей ископаемого человека. Л. А. Орлова (Новосибирск) дала картину пространственно-временного распределения остатков мамонта в Сибири. И. В. Форонова (Новосибирск) на основании морфометрического анализа зубов мамонта выдвинула гипотезу о среднплейстоценовом возрасте остатков с палеолитического местонахождения Усть-Ижуй I на Енисее. В. Н. Зенин и Л. А. Орлова (Новосибирск) рассказали о результатах изучения многослойного палеолитического местонахождения Шестаково. Исследователи склонны реконструировать памятник как место эксплуатации древним человеком естественного захоронения остатков животных. К. Тернер (США) предложил новую методику анализа тафономии костных остатков из пещер Алтая и Хакасии, ориентированную на разделение следов воздей-

ствия человека и пещерных гиен. В серии выступлений Н. Д. Оводова (Красноярск) были приведены сведения о находках костей ископаемого дикобраза, пещерного медведя и гиены в карстовых полостях Южной Сибири. Этот же автор продемонстрировал графический метод исследования полиморфизма остатков северного оленя в палеолите. В сообщении А. М. Клементьева и стендовом докладе Ф. И. Хензыхиной (Улан-Удэ) была дана информация о фауне каменного века Забайкалья. С. А. Васильев представил полную сводку данных о промысловой фауне палеолита Сибири на разных этапах его развития.

Г. М. Левковская рассказала о создании банка палинологических данных для среднего и раннего верхнего палеолита Евразии.

Ряд докладов содержал новые данные по древнекаменному веку различных частей Северной Азии. С. В. Лещинский (Томск) и В. Н. Зенин продемонстрировали материалы палеолитических местонахождений, открытых в Томь-Енисейском междуречье. А. В. Постнов (Новосибирск) сообщил о первых итогах возобновления раскопочных работ в Усть-Канской мустьерской пещере на Алтае. Начальные этапы заселения человеком территории Тувы стали темой доклада С. Н. Астахова. В выступлениях А. В. Константинова и И. И. Разгильдеевой (Чита) были представлены материалы нового многоочажного жилого комплекса, вскрытого на стоянке Студеное II в Западном Забайкалье. Ж. Жобер (Франция) говорил о раскопках верхнепалеолитической стоянки Доролж I на Селенге (Северная Монголия).

Серию докладов представили южнокорейские исследователи палеолита. Ли Юнг-джо рассказал о предполагаемых следах деятельности древнего человека на костях из пещерного комплекса Турубонг. Ли Хеон-юннд дал картину современной изученности среднего палеолита полуострова, представленного памятниками с галечными традициями. Большим событием в археологии верхнего палеолита Кореи стало широкомасштабное исследование стоянки открытого типа Волпионг (доклад Ли Джи-кил). Ли Юнг-джо и Конг Су-джин продемонстрировали серию черешковых наконечников из верхнепалеолитического слоя стоянки Суянгай.

Для участников симпозиума был организован ряд экскурсий с посещением палеолитических памятников Красноярского водохранилища (стоянки Абрашиха, Усть-Ижуйль, Трифоновка, Каштанка I, X и др.). Вниманию собравшихся были предложены обширные коллекции, полученные за последние годы. Среди них заслуживают упоминания древнейшие индустрии местонахождений Усть-Ижуйль I и Разлив. Из числа верхнепалеолитических материалов интересна необычная индустрия с бифасами, открытая на пункте Дербина V. После окончания работы конференции, ее участники в Красноярске могли ознакомиться с материалами, хранящимися в лабораториях Университета, и посетить место расположения классических стоянок на Афонтовой Горе. Новая, третья по счету, куртаская конференция наглядно продемонстрировала размах ведущихся Н. И. Дроздовым и его учениками исследований по палеолиту Енисея.

С. А. Васильев

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел палеолита.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ «ГРЕКИ И НЕГРЕКИ НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ» (Мюнстер, 15–16 января 2001 г.)

В последние годы обозначилось успешное сотрудничество ИИМК РАН с Вестфальским университетом (г. Мюнстер, Германия) в об-

ласти изучения античной культуры. Еще в 1998 г. между Археологическим семинаром университета и Отделом античной культуры

нашего Института был подписан договор о проведении совместных раскопок в рамках проекта «Древние греки и их соседи» на территории Таманского полуострова. В соответствии с договором раскопки в 1999—2000 гг. проводились на поселении Вышестеблиевская 11, они дали неплохие научные результаты и сейчас имеют хорошие перспективы для продолжения. Первые результаты совместных исследований предполагалось подвести на встрече в Мюнстере, что и произошло в январе 2001 г. Следует признать, что проведение встречи стало возможным только благодаря стараниям проф. К. Штэлера, проф. Д. Метцлера и Г. Гудриан, надо подчеркнуть и то, что немецкая сторона взяла на себя все расходы по пребыванию в Германии российской делегации.

Коллоквиум, однако, превзошел обычные для научных встреч такого рода камерные формы, — в нем принимали участие ученые не только из России и Германии, но также из Украины и Израиля, а на заседаниях присутствовали не только специалисты, но и большое количество студентов университета, а также слушателей, просто интересующихся античной археологией.

Проф. К. Штэлер, открывая Коллоквиум 15 января, обратил внимание собравшихся на большую научную значимость изучения культурных взаимоотношений во времена классической древности, на важность международного сотрудничества в этой области. Первый доклад научной программы — «Заселение Таманского полуострова греками и синдами» — был прочитан Я. М. Паромовым (Москва). Он продемонстрировал динамику развития античной системы расселения в районе от архаического до позднеримского времени, сосредоточившись, в основном, на характере землепользования, структуре и размерах земельных наделов.

Вопросы локализации святилища Апатур были рассмотрены К. Штэлером (Мюнстер). На основании анализа сообщений древних авторов и эпиграфических документов исследователь пришел к заключению, что святилище находилось в окрестностях станицы Вышестеблиевской. По его мнению, земли здесь принадлежали местному населению (синдам), а границу между греками и синдами маркировали знаменитые курганы Большая и Малая Близицы.

Ю. Устинова (г. Бершеба, Израиль) выступила с докладом «Аполлон Иатрос — греческий бог понтийского происхождения». Надо признать, что название хорошо выражает основную мысль исследовательницы, — Аполлон Иатрос (Врач), почитаемый в греческих колониях Северного Причерноморья, по ее мнению, являлся божеством синкретическим, на формирование образа которого повлияли ре-

лигиозные представления местного населения, в частности, фракийцев. М. И. Трейстер (Москва/Тюбинген) в сообщении «Прорастающая богиня» — новый серебряный рельеф из Крыма» продемонстрировал случайную находку пластинки с изображением женского божества, аналогии которому известны на многих памятниках античного искусства Северного Причерноморья. Значение находки для изучения особенностей иконографии «Прорастающей богини» не вызывает сомнения, остается лишь сожалеть, что этот интересный предмет находится сейчас в частной коллекции.

«Гете и скифы» — так назвал свой доклад проф. Д. Метцлер. В живой, непринужденной манере он рассказал об интересе великого деятеля немецкой культуры к скифской проблематике, о некоторых эпизодах его биографии, так или иначе с этим связанных, — в частности, его опытах стрельбы из лука, который достался И. В. Гете от башкирского кавалериста, принимавшего участие в Заграничном походе русской армии против Наполеона. Среди сочинений И. В. Гете, в которых нашел отражение его взгляд на скифов и эллинов, или, если сказать шире, на варварство и цивилизацию, весьма интересна пьеса «Ифигения», на анализе ее идейного содержания Д. Метцлер остановился весьма подробно.

Интереснейший комплекс погребений в склепе под городской стеной Херсонеса был охарактеризован в докладе Е. Я. Рогова (Санкт-Петербург). Этот склеп был открыт еще в конце XIX в., но до сих пор остается малоизвестным и малоизученным. Специальное исследование многочисленных золотых украшений, относящихся к женским костюмам, которые были обнаружены в погребениях, позволяет заключить, что здесь в последней трети IV—первой трети III вв. до н. э. были захоронены жрицы. Й. Форназир (Берлин) выступил с большим сообщением «Российско-германские раскопки в Танаисе», этот молодой исследователь с 2000 г. возглавляет немецкую часть совместного проекта Института археологии РАН и Немецкого археологического института. Он ознакомил собравшихся с историей археологического изучения Танаиса, рассказал об основных результатах раскопок последних лет и обозначил перспективы дальнейшего сотрудничества с российскими специалистами. О первых результатах раскопок на поселении Вышестеблиевская 11, в которых, как говорилось выше, принимали участие археологи из Мюнстера, рассказал С. В. Кашаев (Санкт-Петербург). Он продемонстрировал большую выборку импортной керамики V—IV вв. до н. э., обнаруженной при раскопках Вышестеблиевки, — аттические чернолаковые сосуды, амфоры различных центров и т. д.

Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Исследования Мирмекия», в котором речь, в основном, шла о результатах изучения ранних напластований на городище. Очень большой интерес в связи с этим приобретают находки второй четверти VI в. до н. э., а также материалы из ранних полуземлянок и остатки фортификации. Укрепления акрополя Мирмекия, возведенные во второй половине VI в. до н. э., являются сейчас одними из самых ранних среди обнаруженных на всех античных памятниках Северного Причерноморья. Проблемы основания Ольвии нашли отражение в сообщении А. В. Буйских (Киев). Исследовательница рассказала о новых открытиях в юго-восточной части Ольвийского городища, где во время раскопок последних лет было обнаружено около полутора сотен фрагментов восточногреческой керамики, относящихся к концу первой четверти—середине VI в. до н. э. Эти находки тем более важны, что происходят из полуземлянки и серии ям, иными словами, — они позволяют заключить, что начало заселения Ольвии следует относить к более раннему времени, чем это представлялось ранее, а именно — к 80-м гг. VI в. до н. э.

Два последних доклада вызвали бурную реакцию присутствующих. М. Кершнер обратил внимание, что в продемонстрированных находках расписной керамики доминируют материалы североионийских центров. Среди вопросов, затронутых в выступлениях К. Штэлера, М. Кершнера, Р. Зенффа, можно выделить такие как феномен земляночного домостроительства на греческих памятниках Северного Причерноморья, наличие в ранних комплексах большого количества лепной керамики, изготовленной в традициях местного варварского населения и др. Все эти проблемы самым непосредственным образом связаны с главной темой Коллоквиума, посвященного взаимоотношениям греков-колонистов с туземным населением северного берега Черного моря.

Большой доклад С. Б. Буйских (Киев) «Бейкуш — позднеархаическое святилище Ахилла в окрестностях Ольвии» завершил научную часть Коллоквиума. Раскопки поселения Бейкуш, которые многие годы проводи-

лись под руководством автора, дали многочисленные находки, определенно связанные с почитанием Ахилла. Общий вывод С. Б. Буйских о существовании здесь святилища этого божества представляется вполне обоснованным.

После завершения официальной части Коллоквиума ученые из Украины и Израиля покинули Мюнстер, российская делегация (Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев, Е. Я. Рогов, Я. М. Паромов) продолжила встречи с немецкими коллегами. В частности, была достигнута договоренность о проведении на античных поселениях Тамани геофизических разведок, которые планирует провести коллектив немецких специалистов, имеющих самое современное оборудование и опыт работ на памятниках Малой Азии.

Очень важным и впечатляющим оказался визит в Рурский университет (г. Бохум), где сейчас находится Центр по изучению Милета. Его глава Ф. фон Грэве и руководитель раскопок Р. Зенфф рассказали об основных результатах и перспективах исследования этого важнейшего памятника, что имеет самое непосредственное отношение к научным интересам нашей делегации, поскольку, как известно, Милет являлся метрополией большей части греческих колоний Северного Причерноморья. Надо признать, что организация исследований в Милете, система обработки и хранения информации о раскопках, основанная на отличной технической, прежде всего, компьютерной базе, производит очень большое впечатление. Увы, для российских археологов этот уровень сейчас представляется просто недостижимым.

Немецкие исследователи заявили о заинтересованности в расширении связей с петербургскими археологами-антиковедами, о возможности и желательности более тесного сотрудничества, в частности, о поездках российских специалистов в Милет. Положительным результатом прошедших встреч можно признать и то, что все участники единодушно высоко оценили работу Коллоквиума и высказали пожелание о продолжении научных встреч в Мюнстере.

Ю. А. Виноградов, Е. Я. Рогов, С. В. Кашаев

*Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел истории античной культуры.*

ИСТОРИЯ НАУКИ

АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАН И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА О ПЕРВОБЫТНОСТИ (из истории русско-французских научных связей в археологии)

С. А. Васильев¹

Имя Андре Леруа-Гурана, одного из крупнейших французских исследователей первобытности XX века, не нуждается в представлении. В его трудах, сочетающих данные археологии, антропологии и этнографии, как нельзя лучше проявилась тенденция комплексного междисциплинарного изучения древних обществ во взаимодействии с природной средой. Вклад А. Леруа-Гурана в развитие полевой археологии палеолита, изучение памятников раннего искусства, этнографию народов Тихоокеанского бассейна, анализ эволюции материальной и духовной культуры получил мировое признание. Его работы, ориентированные на реконструкцию облика палеолитических жилищ и поселений, в наибольшей мере способствовали выходу французской археологии за узкие рамки стратиграфо-типологического направления. Благодаря ему первобытная археология заняла свое место в системе общественных наук, что во многом определило облик современного французского палеолитоведения (Васильев 1997).

Несмотря на развитие археологии в рамках национальных исследовательских школ с присутствующими им особенностями и традиционными направлениями научного поиска, важную роль играют процессы взаимного влияния и обогащения. Цель данной статьи — осветить лишь одну страницу более чем столетней истории взаимодействия российской и французской школ в археологии. Это кажется особенно актуальным в наше время свободного научного

обмена и реализации ряда международных научных проектов.

Интерес А. Леруа-Гурана к России имел давние корни. Еще в 1931 г. он получил диплом по русскому языку в Школе живых восточных языков. Превосходное знание языка открыло для французского ученого массив литературных источников, недоступный для коллег. Уже в первом большом труде, «Культура северного оленя» (Leroi-Gourhan 1936), он широко использовал русские публикации по этнографии народов Северо-Востока Азии. Здесь же проявились черты, сближающие исследователя с советской наукой 30-х гг. Это тенденция к функциональному объяснению сходств в развитии культуры и нацеленность на синтез археологических и этнографических данных.

Пик интереса А. Леруа-Гурана к российской археологии падает на 50-е гг. Тогда он переводит описание землянки А Костенок I (Efimenko 1954), публикует ряд аннотированных списков советских публикаций по палеолиту (Leroi-Gourhan 1957, 1958), и посвящает специальную статью характеристике первобытной археологии в СССР (Leroi-Gourhan 1961). По его инициативе выходят в свет французские переводы сборника «Палеолит и неолит» (Палеолит и неолит; Okladnikov 1956) и монография П. И. Борисковского по палеолиту Украины (Boriskovskii 1958).

Такой интерес был в первую очередь связан с давно волновавшим исследователя вопросом об облике палеолитических жилищ. Вплоть до конца 50-х гг. фактические сведения

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

по этому вопросу в Западной Европе были крайне скудны. «Кроме документальных данных с территории СССР, история первобытного жилища практически полностью основывается на догадках» (Leroi-Gourhan 1962: 52). В своих работах А. Леруа-Гуран часто упоминает жилища Костенок, Гагарино, Пушкарей, Мальты, Добраничевки, Гонцов, Молодовы и других стоянок. Интересно отметить, что методика расчистки культурного слоя с индивидуальной фиксацией находок и оставлением вещей на местах их залегания, ориентированная на реконструкцию облика поселения, была предложена А. Леруа-Гураном в его учебнике по методике раскопок фактически в самом начале проведения собственных крупномасштабных полевых работ (Leroi-Gourhan 1950). Подобная заранее сформулированная нацеленность научного поиска привела к интересным результатам, и уже в 50-е гг. в Гроде Оленя в Арси-сюр-Кюр были открыты остатки жилища. Позднее широкомасштабное исследование мадленской стоянки Пенсеван принесет А. Леруа-Гурану всемирную известность и послужит переломным моментом в развитии французской археологии палеолита.

Тематика палеолитических жилищ и поселений для А. Леруа-Гурана не была узким историко-культурным сюжетом. Он видел в ней ключ к решению вопросов реконструкции древнего общества. В плане теоретического осмысления места археологии в системе наук, ее целей и задач, А. Леруа-Гуран высоко ценил историческую направленность советской археологии. В его представлении этнология являлась по преимуществу исторической наукой, а археологию он рассматривал как временное измерение этнологического исследования (Leroi-Gourhan 1952). С этой точки зрения его заинтересовала концепция «истории материальной культуры», призванная, по мысли наших теоретиков начала 30-х гг. (Равдоникас 1930), связать воедино археологию и этнографию. Сама идея возможности комплексной реконструкции социально-экономического строя древних обществ на основе изучения техники, явно импонировала французскому ученому, давно выражавшему неудовлетворенность традиционной французской доисторией, замкнутой в рамках хронологических и типологических штудий. Он рассматривал историю материальной культуры как аналог культурной антропологии в англоязычных странах (Leroi-Gourhan 1961a). Парадоксально, но для А. Леруа-Гурана была наиболее близка официальная советская версия статуса археологии как составной части исторической науки. Он даже утверждал, что «это истина, разделяемая всеми доисториками» (Schlumberger 1979: 52). Будет уместно привести мнение А. Леруа-Гурана о нашей археологии: «Очень важно еще

раз напомнить западному читателю то, что является наиболее ярким и оригинальным в новейших русских трудах, а именно изучение остатков материальной культуры как средство реконструкции истории техники и экономики обществ, для которых отсутствуют письменные источники» (Leroi-Gourhan 1961: 262).

Общеизвестно, что А. Леруа-Гуран воспринял методику раскопок палеолитических стоянок на широких площадях под воздействием советской археологии 30-х гг. Однако, речь в данном случае идет не о простом заимствовании, а о существенном переосмыслении и усовершенствовании методики.

С этой целью будет полезно напомнить основные моменты разработки приемов изучения палеолитических жилищ и поселений в России. Несмотря на господство в конце XIX—начале XX вв. стратиграфического подхода к изучению палеолитических объектов, планиграфическое направление исследований зародилось именно в нашей стране. Вряд ли это случайно, поскольку, в отличие от Западной Европы, где палеолитическая археология основывалась на изучении колонок пещерных памятников, в России с самого начала главными объектами раскопок выступали стоянки открытого типа.

Интересно отметить, что один из первых в мире опытов фиксации планиграфической ситуации с целью интерпретации характера памятника, связан с Россией. В 1896 г. Н. Ф. Кащенко (Кащенко 1901), проводя раскопки Томской стоянки, расчистил кости мамонта, оставляя находки на местах их залегания, и тщательно зафиксировал их положение при помощи квадратной сетки. В итоговой публикации он поместил исполненный в цвете план распределения остатков и на этой основе реконструировал картину расчленения трупа мамонта группой палеолитических людей.

Новые направления подхода к палеолитическим памятникам появляются в 20-е гг. С одной стороны, Г. А. Бонч-Осмоловский (Бонч-Осмоловский 1940) в 1924—1926 гг. в Киик-Кобе предложил новаторскую методику изучения пещерных комплексов, сочетающую стратиграфическое и планиграфическое исследование. Тщательная фиксация и сбор всех без исключения остатков позволили ему обрисовать картину освоения пещерной полости палеолитическим человеком и заняться статистическим анализом распределения находок на площади памятника. Он впервые привел в публикации поквadratные схемы распределения кремневого инвентаря и костных остатков.

С другой стороны, С. Н. Замятнин в 1927 г. при раскопках стоянки Гагарино проницательно определил вскрытое скопление культурных остатков как следы углубленного округлого жилища (Zamiatnine 1934). В 1931 г. П. П. Ефименко приступает к программе изу-

чения на широкой площади верхнего слоя Костенок I, что привело к открытию эффективного жилого комплекса. С этих пор проблематика палеолитических жилищ и поселений неразрывно связывается с методикой вскрытия больших площадей. Однако, приемы П. П. Ефименко не были свободны от недостатков, сказавшихся на развитии полевой археологии в нашей стране. Прежде всего, он рассматривал мощный культурный слой Костенок I как скопление отбросов, аккумулировавшихся вне жилья и, может быть, на его кровле и впоследствии заполнивших углубление, образованное в результате естественного разрушения остатков постройки. Соответственно, основной задачей археолога было признано выявление основания (так называемого «пола») культурного слоя с ямами, очагами, землянками, в то время как вопросы внутреннего строения самого слоя были сочтены несущественными. «Центр тяжести исследования стоянок должен переместиться от изучения «слоя» к изучению всего комплекса находок в их естественной связи» (Ефименко 1934: 67).

Интересно, что сам П. П. Ефименко, судя по воспоминаниям (Борисковский 1989), предложил альтернативную применявшейся в Костенках I методику вскрытия тонких, бедных остатками горизонтов залегания. Эта задача была блестяще реализована П. И. Борисковским (Борисковский 1941) при раскопках Боршево II в 1936 г. Тщательная расчистка и фиксация всех остатков слоя позволила выделить здесь различные функциональные типы скоплений и изучить вариацию состава находок в пределах поселения. Следует добавить, что, независимо от упомянутых работ Костенковской экспедиции, М. В. Воеводский (Воеводский 1948) самостоятельно выработал сходную методику при исследовании стоянки Чулатово II на Десне. Эта методическая линия, при которой в основу реконструкции кладется изучение пространственного распределения находок и объектов в культурном слое, несомненно, оказала влияние на выработку А. Леруа-Гураном приемов раскопок Пенсевана.

Говоря об отечественной археологии довоенного времени, нельзя обойти вниманием выдающийся вклад украинского исследователя М. Я. Рудинского. Еще в 1929 г. при раскопках стоянки Журавка на Удае он выдвинул идею разборки культурного слоя с досок, закрепляемых поверх изучаемого горизонта, и поквадратной фотофиксации слоя (Рудинский 1930). В 1933 г. в Пушкарях М. Я. Рудинский (Рудинский 1947) применил сплошную съемку расширенного слоя по участкам 2×2 м с помощью фотоаппарата, поднятого на переносной деревянной вышке. Полученные снимки были смонтированы в единый фотоплан раскопа 12×12 м. Парадоксально, что эта пер-

спективная методика прошла у нас не замеченной и никогда больше не применялась.

Вероятно, именно приемы М. Я. Рудинского и были взяты за основу А. Леруа-Гураном при начале работ в Пенсеване. Трудно сказать об этом с определенностью, так как прямых ссылок в работах А. Леруа-Гурана нет. Между тем, по воспоминаниям участников первых сезонов работ в Пенсеване, приспособление для фотофиксации слоя в вертикальной проекции было точной копией конструкции М. Я. Рудинского. Вместе с тем, для М. Я. Рудинского фотофиксация была лишь способом представления результатов разборки слоя, а не средством индивидуальной регистрации находок на фотоотпечатках, как это делал А. Леруа-Гуран.

Начиная с 70-х гг. прослеживается обратная связь, — труды А. Леруа-Гурана начинают оказывать заметное влияние на развитие отечественной археологии. В 1976 г. на страницах «Советской археологии» появляется пространная рецензия на публикации итогов раскопок в Пенсеване (Бадер, Сергин 1976). Блестящие результаты исследований в Пенсеване вдохновили на создание серии работ, посвященных планиграфическому анализу каменного инвентаря и костных остатков на площади верхнепалеолитических стоянок (Леонова 1977, 1994). В свою очередь, методические идеи Н. Б. Леоновой дали толчок к разработке целого спектра новых для нашей науки тем. Среди них назовем исследование неравномерности распределения кремневого инвентаря по комплексам в пределах позднепалеолитического поселения на примере Костенок XXI (Иванова 1985), планиграфический анализ и ремонт материалов корювской группы стоянок на Енисее (Гречкина 1984), изучение познавательных возможностей «метода связей» (Сергин 1984), сопоставление структур обитания памятников финального палеолита Евразии (Васильев 1994, Vasil'ev 1994).

Говоря о А. Леруа-Гуране, нельзя обойти стороной тему, которая на протяжении десятилетий была центральной для французского исследователя, — изучение палеолитического искусства. И здесь, как кажется, можно уловить «русский след», несмотря на то, что отечественные археологи в большей мере занимались изучением предметов мобильного искусства, а не пещерными росписями. Именно советские исследователи 30-х гг. поставили вопрос о социальном контексте палеолитического творчества. С. Н. Замятнин в вышедшей в свет на французском языке монографии о стоянке Гагарино выдвинул смелую гипотезу о целостном характере ансамбля рельефов из Лоссея (Zamiatnine 1934). Эта линия рассмотрения памятников древнейшего искусства как сложных композиционных ансамблей, вероятно, сказалась на формировании подхода А. Леруа-Гурана.

С 60-х гг. идеи А. Леруа-Гурана начинают влиять на изучение первобытного творчества в нашей стране. Вслед за рецензиями на основные труды французского ученого (Токарев 1965, Фролов 1966), на русском языке публикуется (к сожалению, с досадными неточностями) отрывок из «Религии доистории» (Леруа-Гуран 1971). Концепции А. Леруа-Гурана живо обсуждаются во всех основных отечественных книгах по первобытному искусству. Несмотря на разброс в оценках от положительной (Бадер 1965, Фролов 1992, Филиппов 1997) до умеренно критической (Окладников 1967) и даже явно скептической (Столяр 1985), реакция советских исследователей во многом была сходной. Высоко оценивая вклад французского ученого в установление хронологии памятников пещерного искусства, выделение стилей, статистический анализ сочетания изображений и т. д., интерпретация А. Леруа-Гураном знаков типа α и β как женских и мужских символов неизменно отвергалась. Говорилось даже о «фрейдистском» характере (Столяр 1978) толкования А. Леруа-Гураном палеолитического творчества. Разумеется, речь в данном случае не идет о концепциях З. Фрейда, ученого весьма далекого от А. Леруа-Гурана. Это не более чем принятый в советское время стандартный негативный ярлык, обозначающий все работы, в той или иной мере затрагивающие сексуальную тематику.

Касаясь более частных сюжетов, отметим, что З. А. Абрамова (Абрамова 1987) применила предложенную А. Леруа-Гураном методику графического сопоставления пропорций палеолитических женских статуэток, убедительно показав различия в композиции европейских и сибирских образцов.

Добавим, что влияние научного творчества А. Леруа-Гурана в России не ограничивалось первобытной археологией. Ведущий отечественный этнограф С. А. Токарев (Токарев 1973), внимательно следивший за работами французского ученого, опубликовал обстоятельный разбор двух томов «Эволюции и техники» и краткое изложение «Жеста и слова».

Может показаться странным, что одна из важнейших сторон научного творчества А. Леруа-Гурана, а именно изучение антропогенеза, почти не привлекала внимание российских исследователей. Вероятно, здесь сказалось затянувшееся господство так называемой «трудовой теории антропогенеза» Ф. Энгельса, жестко ограничивавшей рамки философского осмысления процесса становления человека. Остается надеяться, что в будущем заинтересованные ученые еще обратятся к идеям А. Леруа-Гурана относительно генезиса языка и символической деятельности.

Подводя итог, можно отметить, что прослеженная история наглядно показывает влияние новаторских разработок отечественных исследователей 20—30х гг. на европейскую науку. С другой стороны, налицо более позднее обратное воздействие методических приемов и идей А. Леруа-Гурана на развитие археологии в России.

Данная работа была предпринята по инициативе Ф. Одуз и Б. Стиглера, которым хотелось бы выразить самую глубокую признательность. Я также благодарен сотрудникам Лаборатории доисторической этнологии и участникам конференции, посвященной научному наследию А. Леруа-Гурана (Медон, 1995 г.).

- Абрамова, З. А. 1987. О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Антропоморфные изображения: 28—36. Новосибирск: Наука.
- Бадер, О. Н. 1965. Каповая пещера. Москва: Наука.
- Бадер, О. Н., В. Я. Сергин. 1976. Рецензия на: A. Leroi-Gourhan, M. Brézillon. L'habitation magdalénienne № 1 de Pincevent pres de Montereau (Seine-et-Marne). Paris, 1966; A. Leroi-Gourhan, M. Brézillon. Fouilles de Pincevent. Paris, 1972 // Советская археология 3: 333—339.
- Бонч-Осмоловский, Г. А. 1940. Палеолит Крыма, вып. 1. Грот Кник-Коба. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Борисковский, П. И. 1941. Палеолитическая стоянка Боршево II // Материалы и исследования по археологии СССР 2: 37—60.
1989. Петр Петрович Ефименко. Воспоминания ученика // Советская археология 3: 253—259.
- Васильев, С. А. 1994. Финальный палеолит Сибири и мадлен Франции: сравнительный анализ структуры стоянок // Археологические вести 3: 158—165.
1997. Современная французская археология палеолита // Проблемы археологии каменного века: 2—29. Уссурийск: Издательство Уссурийского государственного педагогического института.
- Воеводский, М. В. 1948. К методике раскопок открытых палеолитических стоянок // Доклады и сообщения института МГУ 7: 82—86.
- Гречкина, Т. Ю. 1984. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Ефименко, П. П. 1934. Итоги работ в Костенках // Проблемы истории докапиталистических обществ 4: 64—71.
- Иванова, М. А. 1985. Структура Гмелинского палеолитического поселения. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Кашенко, Н. Ф. 1901. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком. Записки АН по физико-математическому отделению XI/7.
- Леонова, Н. Б. 1977. Закономерности распределения каменного инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
1994. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Леруа-Гуран, А. 1971. Религии доистории // Первобытное искусство: 81—90. Новосибирск: Наука.
- Окладников, А. П. 1967. Утро искусства, Ленинград: Искусство.
- Равдоникас, В. И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры. Известия Государственной Академии истории материальной культуры 7/3—4.

- Рудинский, М. Я.* 1930. Журавка // Антропология III: 97—122.
1947. Пушкари // Советская археология IX: 171—198.
- Сергин, В. Я.* 1984. Применение метода «связей» при археологических исследованиях // Советская археология I: 11—25.
- Столяр, А. Д.* 1978. Эволюция формы «натурального макета» в генезисе верхнепалеолитического анимализма // У истоков творчества: 86—105. Новосибирск: Наука.
1985. Происхождение изобразительного искусства. Москва: Искусство.
- Токарев, С. А.* 1965. Рецензия на: A. Leroi-Gourhan. Les religions de la préhistoire. Paris, 1964 // Советская археология 3: 283—288.
1973. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом: 183—231. Москва: Наука.
- Филиппов, А. К.* 1997. Происхождение изобразительного искусства. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Фролов, Б. А.* 1966. Рецензия на: A. Leroi-Gourhan. Préhistoire de l'art occidentale. Paris, 1965 // Советская археология 3: 269—275.
1992. Первобытная графика Европы. Москва: Наука.
- Boriskovskii, P. I.* 1958. Le paléolithique de l'Ukraine. Paris: C.E.D.P.
- Efimenco, P. P.* 1954. Matériaux sur le peuplement paléolithique de Kostenki I. Sovetskaia archaeologia, II, 1949, p. 113—126 // Bulletin de la Société Préhistorique Française 51: 322—325.
- Leroi-Gourhan, A.* 1936. La civilisation de renne. Paris: Librairie Gallimard.
1950. Les fouilles préhistoriques. Paris: A. et J. Picard.
1952. Sur la position scientifique de l'ethnologie // Revue philosophique, oct.-dec.: 506—518.
1957. Recension d'articles intéressant la préhistoire, parus dans les périodiques soviétiques // Bulletin de la Société Préhistorique Française 54: 723—725.
1958. Compte rendu de lecture: recension de travaux intéressant la préhistoire parus récemment en U.R.S.S. // Bulletin de la Société Préhistorique Française 55: 481—482.
1961. Préhistoire et archéologie soviétiques // Cahiers du monde Russe et soviétique 11/2: 262—272.
- 1961a. L'histoire sans textes: ethnologie et archéologie // Histoire et ses méthodes: 217—249. Paris: Gallimard.
1962. Sociétés primitives // Histoire générale des techniques, t. I. Les origines de la civilisation technique: 9—53. Paris: PUF.
- Okladnikov, A. P.* (Dir.) 1956. Paléolithique et Néolithique de l'U.R.S.S. Paris, C.D.E.P.
- Schlumberger, E.* 1979. De Don a la Dordogne: Une interview du professeur André Leroi-Gourhan // Connaissance des arts 325: 49, 52.
- Vasil'ev, S. A.* 1994. Le Paléolithique final de Sibérie du Sud et le Magdalénien de France: parallèles aux structures d'habitat // L'Anthropologie 98/2—3: 486—497.
- Zamiatnine, S. N.* 1934. La station aurignacienne de Gagarino. Bulletin de l'Académie de l'histoire de la culture matérielle, fasc. 88. Moscou-Leningrad, Les éditions d'État.

ПАНОРАМА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ НА «ВЕЛИКОМ ПЕРЕЛОМЕ»

(по страницам книги В. И. Равдоникаса
«За марксистскую историю
материальной культуры»¹)

Н. И. Платонова²

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве и чертополоху
Украсить ее предстоит...

Анна Ахматова

Почему теперь, через 70 лет, надо вновь перелистывать пожелтевшие страницы книги В. И. Равдоникаса? Кажется, пора уж ей стать раритетом, а не возбуждать заново нешуточ-

ные страсти. Времена вульгарного социологизма давно прошли, споры отбушевали, оценки скорректированы. Сменилась эпоха... Но главная идея этой книги жива! Она живёт сегодня

¹ При финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 99—01—00247а «Очерки истории отечественной археологии. Первая половина XX века».

² Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры. Отдел славяно-финской археологии.

и в русской, и в мировой археологической науке и самым активным образом продолжает воздействовать на многие наши оценки и самооценки.

Парадоксально, но российскую археологию первой трети XX в. мы, в значительной степени, представляем себе «по Равдоникасу». И касается это не одних лишь прямых продолжателей заложенной им историографической традиции — как, например, покойного В. Ф. Генинга и его последователей! Это касается и многих из тех, кто все равдоникасовские суждения приемлет с точностью «до наоборот»! Ибо, кроме прямых утверждений и тех оценок, которые давным давно пересмотрены, В. И. Равдоникас ввел в науку общую концепцию, ту *схему*, в рамках которой и принято до сих пор мыслить отечественную археологию периода «до 1930 года».

Эмпиризм, отсутствие метода, эклектическое смешение идей, по сути — *археология без археологической мысли*. Единственное исключение — В. А. Городцов с его попыткой теоретического подхода. И, наконец, 1930 год — начало разработки основ научной методологии... Да, впервые все эти постулаты озвучил именно В. И. Равдоникас в книге «За марксистскую историю материальной культуры». Вторая половина XX в. переставила многие акценты, но сама схема, в значительной части, осталась непоколебленной.

Начиная с 1960-х, когда были сделаны первые попытки обобщения опыта развития науки в советский период, эти равдоникасовские идеи возвращаются к нам вновь и вновь — в трудах многих известных ученых... (Монгайт 1963; Klejn 1977; Массон 1980; Bulkin, Klejn, Lebedev 1982; Генинг 1982; Trigger 1989; Клейн 1993; Долуханов 2000). И еще они вернутся не раз, ибо книга В. И. Равдоникаса *талантлива*. А талантливое произведение способно находить отклик, независимо от того, во благо или во зло оно создавалось... Так или иначе, «За марксистскую историю материальной культуры» и сейчас остается настольной книгой всякого, кто обращается к истории отечественной археологии XX в. Ссылки на нее делаются постоянно. Даже сейчас, через 70 лет, это чтение возмущает, бесит, захватывает — но ни в коем случае не оставляет равнодушным.

В последние годы история археологической мысли в России 1910—1920-х гг. вышла, наконец, из забвения. Пришло время заявить, что историографическая схема В. И. Равдоникаса — это, на деле, один из мифов сталинской эпохи, умело внедренный в сознание нескольких поколений исследователей. Очень талантливый миф. Его детальное опровержение должно стать большой и, возможно, неблагодарной работой. Вот на этом этапе и появля-

ется самая настоятельная необходимость обратиться к первоисточнику. Именно в нем мы постараемся найти ответ на наши сегодняшние вопросы.

Оценка книги была неоднозначной с самого начала. Дерзнув выступить со своим «Евангелием от марксизма» (как тут же стали называть его книгу некоторые остряки), В. И. Равдоникас как бы перехватил инициативу у тех, кому по должности было положено внедрять марксистские постулаты в умы археологов. Фактическому руководителю ГАИМК, крупному партийному и профсоюзному деятелю Ф. В. Кипарисову он указал (кстати, вполне обоснованно!) на несостоятельность его ключевого тезиса, что археология (у него — «история материальной культуры») есть, собственно, не что иное, как «история технологии» (Равдоникас 1930: 14—15). Такие явные претензии на лидерство в теоретической области были встречены с плохо скрытой тревогой. Ряд стенографических материалов ГАИМК 1931 г. подтверждают факт личной неприязни к Равдоникасу со стороны Ф. В. Кипарисова и даже, как ни странно, Н. Я. Марра, официально считавшегося его научным руководителем (Дело Бонч-Осмоловского: 15—17).

Критическая часть выступления В. И. Равдоникаса была убийственно грубой, вполне в духе большевистской агитки. Полная едкого сарказма, книга производила на специалистов шоковое впечатление. Многие коллеги расценили ее как политический донос. Но, как ни парадоксально, обширная эрудиция автора, широта и серьезность его научной подготовки были очевидны тоже. Книгу писал профессионал — сие не подлежало сомнению. Ни обилие марксоидной фразеологии, неизбежной в произведении такого рода, ни приверженность марровскому учению о языке, обусловившая его крайние автохтонистские взгляды, не помешали В. И. Равдоникасу сформулировать в 1930 г. целый ряд ключевых положений, которые и сегодня, спустя 70 лет, звучат вполне современно.

К числу таких положений, в первую очередь, надо отнести следующие. Фундаментальной задачей археологии («истории материальной культуры») В. И. Равдоникас считал выяснение, *по каким законам шло развитие материальной культуры*. «Никакая другая наука не сможет взять на себя эту задачу, так как в вещном мире общества мы имеем ту объективно особую форму движения, в которой, по Энгельсу, нужно искать критерий для разграничения наук» (Равдоникас 1930: 15). Следствием этого было выделение археологии в качестве самостоятельной научной дисциплины, со своим особым *методом*.

В качестве такового (и как альтернативу прежнему «формально-типологическому»)

В. И. Равдоникас предложил так называемый «комплексный» метод. Этот последний подразумевал реконструкцию и последовательное изучение «культурных комплексов-разрезов» (или, выражаясь современным языком, построение культурной стратиграфии на базе ряда опорных комплексов). Важнейшими условиями выполнения этой задачи являлись, по мысли автора, максимально полный территориальный охват, точное выяснение условий находок, обязательный учет всех категорий памятников и использование типологического метода как *инструмента* для упорядочения и классификации материала (Равдоникас 1930: 30—31).

Как ни странно, но эти положения, абсолютно резонные и, пожалуй, даже рутинные с современной точки зрения, уже через год после выхода книги стали звучать почти крамольно. В этот период любые попытки сформулировать отдельные, самостоятельные задачи и методы археологии начали встречать резкий отпор (Смирнов 1932: 37—46; Быковский 1932: 3—6). Корни ликвидаторской тенденции заключались в том, что именно в 1929—1930 гг. рухнула (не без помощи В. И. Равдоникаса!) этнолого-антропологическая парадигма российской археологии эпохи НЭПа, рассматривавшая археологические работы как один из аспектов *комплексного изучения Человека* (Платонова 1997: 147—151). Новой концепции, способной сделать археологию хоть мало-мальски интересной для советского режима, на тот момент еще не было создано. Эта наука оказалась ненужной. На Всероссийском Археолого-этнографическом совещании 1932 г. марксисты официально «отказали» археологии даже в звании вспомогательной исторической дисциплины (Археолого-этнографическое совещание I: 28—58; Всероссийское археолого-этнографическое совещание 1932: 1—6).

Для В. И. Равдоникаса, лишь недавно сформулировавшего основные принципы «комплексного метода», это оказалось тем рубежом, дальше которого отступать уже невозможно. Конечно, он «калялся» в ошибках (и порою в самых сильных выражениях). Но при этом тут же возвращался в печати и публичных выступлениях к прежним своим взглядам в слегка перефразированном варианте (Равдоникас 1932: 49—60). Никакие изменения конъюнктуры не могли заставить его отказаться от мысли, что некий «собственный метод» в археологии необходим: «... Был формально-типологический метод, — заявлял он в 1932 г., — которым мы работали и с помощью которого могли подходить к типовому материалу конкретно. Каким образом мы теперь будем подходить — формально оперировать?..» (Археолого-этнографическое совещание I: 264). Здесь устами В. И. Равдоникаса явно и недвусмысленно говорил археолог-профессионал... Он и

был профессионалом, но вот что же подвигло его выступить в 1930 г. с едким, уничтожающим памфлетом на отечественную археологию? Какой путь пришлось ему пройти до того?

С начальным периодом деятельности В. И. Равдоникаса связано немало путаницы и домыслов. Целый ряд неточностей до сих пор кочует из одной публикации в другую. Иногда Владислава Иосифовича называют аспирантом ГАИМК и даже упоминают, что к моменту своего «исторического» выступления он едва успел покинуть студенческую скамью (Григорьев 1998: 47—48). Хотя, на деле, В. И. Равдоникас окончил университет еще в самом начале двадцатых. Аспирантом ГАИМК он никогда не являлся, ибо с 1929 по 1931 год состоял в аспирантуре АН СССР (Личное дело: 1—3, 11—11 об., 21—22). Кроме того, автора книги «За марксистскую историю материальной культуры» нередко называют провинциальным краеведом, шумно и нагло ворвавшимся в круговорот столичной науки (едва ли не по заданию ГПУ!). «Равдоникас стал одной из центральных фигур в советской археологии не в связи с его успешной работой, а в результате внедрения извне», — пишет А. А. Формозов. «...Были сняты со своих постов оба вице-президента ГАИМК... На их посты власть прислала более удобных для себя людей — профсоюзного босса Ф. В. Кипарисова и бывшего сотрудника ЧК С. Н. Быковского, преподававшего марксизм в Вятке. В том же призыве оказался и Равдоникас...» (Формозов 1995: 50—51; он же 1996: 198—199).

Свою собственную точку зрения я постараюсь сформулировать ниже. Вначале обратимся к фактам — как широко известным, так и тем, что до сих пор оставались в тени. Единственное, что я позволю себе отметить с самого начала: к моменту написания книги «За марксистскую историю материальной культуры» ее автора уже никак нельзя было без натяжек называть провинциалом или нахальным мальчишкой!..

Родился В. И. Равдоникас, действительно, в маленьком городке Тихвине. Но уже среднее образование он получил в Петербурге, в реальном училище А. С. Черняева. Круг интересов юноши сформировался, благодаря общению с замечательным человеком — тихвинским краеведом и просветителем И. П. Мордвиновым. Под его влиянием в 1915 г. Владислав Иосифович вступает в Новгородское общество любителей древности по Тихвинскому отделению (созданному в 1913 г., благодаря трудам и энергии его наставника) (Жерве 1988: 31—34). Тогда же, будучи студентом экономического отделения Петроградского Политехнического института, он проводит свои первые раскопки в Мелигеже и Дреглях.

Вскоре на заседании Тихвинского отделения НОЛД прочитан научный доклад — «Об археологическом и этнографическом исследовании Тихвинского уезда» (Равдоникас. Доклад: 1—11). Эти труды прерывает война. Уезжая в армию в 1916 г., молодой человек берет с собой книгу Г. де Мортилье «Первобытный человек» в русском переводе... Эта книга сохранилась в его личной библиотеке. На ней имеется надпись: «Подпоручик Равдоникас. Западный фронт».

Вернувшись домой в конце 1917 г., он становится членом коллегии по охране и использованию культурно-образовательных имуществ Тихвинского уездного исполкома. Коллегия работала по плану, разработанному И. П. Мордвиновым, но претворять его в практику, в значительной части, выпало на долю В. И. Равдоникаса. Он ездит по району, занимаясь обследованием и фиксацией культурных ценностей, создает в Тихвине «фондовый музей-архив», начинает преподавать на педагогических курсах (Жерве 1988: 35—38; Столяр 1988: 8—23; Отзывы о научной деятельности: 1—1 об.). Одновременно в 1918 г. Владислав Иосифович поступает в университет. С учебой его в Петрограде связан ряд любопытных и мало известных деталей.

Характерно, что во все времена, во всех своих автобиографиях и анкетах, В. И. Равдоникас неизменно отмечал, что в 1923 г. он окончил *историко-филологический факультет Петроградского университета по историческому отделению*. Именно историко-филологический, а не какой-то иной... Между тем, еще в 1921 г., постановлением Совнаркома РСФСР, все историко-филологические факультеты были в университетах официально упразднены. Еще раньше, в 1919 г., вышло постановление о ликвидации их исторических отделений (Алленова 1986: 73)!

Считалось, что теперь, с победой революции, историю следует преподавать по-новому. Но как именно по-новому преподавать историю — этого, в действительности, не знал никто, и, пожалуй, большевики знали тут меньше всех! В такой затруднительной ситуации советская власть приняла по-своему уникальное решение: упразднить историю вообще! «Мертвая история не заслуживает пощады!» — данный лозунг был озвучен не кем-нибудь, а самим «просвещенным» наркомом А. В. Луначарским (цит. по: Волобуев и др. 1986: 59). И вот историю начали «упразднять» повсеместно — как в ВУЗах, так и в средней школе — и заменять ее так называемым «обществоведением». В результате в 1923 г. В. И. Равдоникас получал свое выходное свидетельство уже на ФОНе (факультете общественных наук). В его дипломе имеются подписи ректора, декана ФОНа и председателя ОПО (общественно-пе-

дагогического отделения), где студенту Равдоникасу, по-видимому, и пришлось держать свои последние экзамены (Свидетельства и удостоверения: 17). Никакого историко-филологического факультета, никакого исторического отделения в Петрограде к тому времени давно не существовало.

Из этого следует ряд важных выводов. Вероятно, годами учебы Владислава Иосифовича в университете (или, по меньшей мере, годами наиболее интенсивной учебы!), действительно, следует считать 1918/1919 и 1919/1920 гг., когда факультет и отделение еще не были уничтожены. В дальнейшем он просто сдавал на ОПО недостающие зачеты и экзамены. В выходном свидетельстве, полученном в 1923 г., указано, что Равдоникас В. И. «выполнил все требования учебного плана, *установленного для бывшего историко-филологического факультета*» (курсив мой. — Н. П.). Если так, то учиться ему пришлось в самые тяжелые годы военного коммунизма, когда занятия приходилось совмещать с военной службой в Петрограде, с поездками на фронт, с отправлением экзотических должностей, таких, как, например: «начальник отряда коммунистов особого назначения», «помощник по артиллерийской части при начальнике Петроградского укрепрайона», «комиссар комиссии военноморской инспекции», «командир артиллерии Петропавловской крепости» и т. д. (Личное дело: 3 об.). Стоит ли удивляться, что не все экзамены оказались сданы им в срок?

Ясно и другое — в те военные годы властям еще было не до университетов. Поэтому студентов учили по добротным старым программам старые преподаватели факультета (в том числе А. А. Спицын). В бумагах В. И. Равдоникаса сохранился зачетный листок, свидетельствующий о том, что в декабре 1919 г. он сдавал три экзамена (по психологии, логике и введению в философию) — выдающемуся русскому философу проф. Н. О. Лосскому, в 1923 г. уже высланному из СССР. Во всех случаях знания студента получили высшую оценку — «весьма удовлетворительно» (Свидетельства и удостоверения: 15—16). Список учебных дисциплин, перечисленных в дипломе В. И. Равдоникаса, показывает, что он имел полное право считать себя выпускником «бывшего историко-филологического», получившим полноценное, вполне «старорежимное» высшее образование. В 1921—1923 гг. значительная часть этих исторических дисциплин уже не имела «прав гражданства» на ФОНах.

К моменту получения диплома это был зрелый, почти тридцатилетний человек. За спиной — две войны, революция, бурное начало карьеры партийца, затем, в 1922 г. — совершенно скандальный выход из партии... В

декабре этого года Тихвинский уком РКП(б) постановил: исключить В. И. Равдоникаса из партии без права вступления вновь в ее ряды (Личное дело: 12).

В позднейших анкетах Владислав Иосифович указывал: «Выбыл по собственному заявлению ввиду нежелания быть переброшенным с педагогической и научной работы на административную...» или еще: «Выбыл за нарушение партийной дисциплины...» Однако тогда, в 1922 г., он выражался куда более эмоционально.

Партийный приказ — за неделю свернуть все дела в Тихвине и переехать в Череповец в связи с централизацией печати и закрытием тихвинской уездной газеты «Красное знамя» — взбесил Равдоникаса. Да, с 1921 г. он редактировал эту газету, был даже заведующим местной партшколой, избирался делегатом от Череповецкой губернии на IX Всероссийский съезд Советов. Но все эти занятия проистекали от избытка энергии, от честолюбия, от неумной жажды деятельности. По-настоящему Владислава Иосифовича занимало совсем другое. В Тихвине находился педагогический техникум, где в марте 1922 г., решением педсовета, он был избран заведующим и председателем совета (или, выражаясь современным языком — директором!) (Отзывы о научной деятельности: 1). По некоторым свидетельствам, уровень преподавания в этом учебном заведении был весьма высок и приближался к институтскому. Здесь же, в Тихвине, находился краеведческий музей, созданный самим В. И. Равдоникасом и с 1921 г. официально им возглавлявшийся. Наконец, здесь был И. П. Мордвинов, немало сетовавший на своего «Владика» за его житейскую беспринципность, но все же — любивший его, несмотря ни на что!..³

«Будучи членом партии, нельзя быть ни ученым, ни педагогом!..» — так изливал В. И. Равдоникас свое возмущение в заявлении, посланном в Центральную Контрольную Комиссию РКПб. И еще: «Я хочу — и имею право хотеть — работать только по моей специальности, так как *только здесь я вижу результаты — и большие результаты — от своей работы... Я буду работать только по своей специальности...* (курсив мой. — Н. П.)» (Столяр 1994: 7—8). Так карьера партийца и общественного деятеля, начатая в годы революции, оказалась разом принесена в жертву — для того, чтобы и дальше заниматься наукой! Той самой, единственной, любимой наукой — археологией...

Таким образом, ученая деятельность В. И. Равдоникаса, действительно, началась в

провинции — она началась с обследования, картографирования и спасения памятников, с организации краеведческого музея и архива. Такое начало ученой карьеры было типичным для рубежа 1910—1920-х гг. Для многих интеллигентов в те времена подобная работа была воистину единственной экологической нишей. И здесь В. И. Равдоникас сполна отдал дань своему времени. Но не случайно еще в 1916 г. в его первом докладе, прочитанном на заседании Тихвинского отделения НОЛД, прозвучало следующее:

«Современная наука, при многочисленности ее отдельных дисциплин и при том огромном объеме накопленного... материала, может быть разрабатываема в настоящем смысле этого слова только учеными-специалистами, получившими многолетнюю специальную подготовку... Творческая деятельность в науке требует большой подготовительной работы, и только очень немногие из местных работников могли бы удовлетворить этому высокому требованию... *Собирание сырого материала* — так можно определить... задачу деятельности на местах...» (Равдоникас. Доклад: 1—2). Можно с уверенностью сказать: этот молодой человек с самого начала не собирался останавливаться в своих научных занятиях на краеведческом уровне.

По-видимому, смерть И. П. Мордвинова в 1925 г. явилась для его воспитанника большим потрясением. После этой смерти деятельность Тихвинского отделения НОЛД постепенно приходит в упадок. Исаакий Петрович, несомненно, был душой всего дела... Тем не менее, и в 1926, и в 1927 гг. В. И. Равдоникас продолжает свои ежегодные полевые исследования в Приладожье. В 1926 г. из печати выходит биография И. П. Мордвинова, изданная отдельной книжкой, затем сборник *Тихвинский край* с целой серией его статей... Кризис наступает позднее, осенью 1927 г. Именно тогда В. И. Равдоникас теряет свое основное место службы. Педагогический техникум, который он считал своим детищем, переводят из Тихвина в Белозерск...

Разумеется, известие об этом не застало его врасплох. Еще весной Владислав Иосифович начинает собирать документы для поступления в аспирантуру. Сохранилось официальное письмо от 11 апреля 1927 г., присланное ему из Москвы, из учебной части РАНИОН: «Тов. Равдоникасу. Список литературы высылаем. Всякого рода отзывы и рекомендации, научного и общественного, в том числе и партийного, порядка, безусловно, имеют значение. Присылайте их вместе с другими документами при

³ Автор выражает глубокую признательность Н. Н. Жерве за разрешение ознакомиться со снятыми ею копиями дневников И. П. Мордвинова, хранящихся в Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (Ф. 2253. Оп. 1. Ед. хр. 1—15).

заявлении. Анкету для поступающих выдает Комиссия по подготовке научных работников при ГУСе...» (Документы о прохождении аспирантуры: 1). Тогда же, в мае 1927 г., В. И. Равдоникас получает от своего учителя А. А. Спицына такую лаконичную рекомендацию:

«Мне известно давнишнее стремление В. И. Равдоникаса к чисто исследовательской научной деятельности. Точно так же я слежу за его занятиями по изучению древностей, в частности, за его раскопками с самого их начала. Равным образом мне ясно, что он обладает склонностью к обобщениям.

Все изложенное, взятое вместе, дает мне уверенность, что русская археология в лице В. И. Равдоникаса будет иметь со временем весьма полезного деятеля.» (Отзывы о научной деятельности: 3).

В бумагах В. И. Равдоникаса сохранилась только машинописная копия приведенного выше отзыва А. А. Спицына. Вероятно, подлинник был отослан в Москву. Но, как видно, эта первая попытка поступить в аспирантуру окончилась неудачей. Далее следуют несколько месяцев мытарств, попытка устроиться на работу в Гдове. И, наконец, в январе 1928 г. — переезд в Ленинград... Имеется глухое свидетельство, что переезду содействовал А. А. Спицын. Последнее кажется вполне правдоподобным.⁴

Найти в Ленинграде штатную должность в конце двадцатых было для археолога делом нелегким. Можно было рассчитывать лишь на работу «за штатом», то есть без всякого жалования. Именно на этих условиях В. И. Равдоникас и начал в 1928 г. свою ученую карьеру в ГАИМК и в Музее антропологии и этнографии АН СССР. По-видимому, он не сразу решился на такой шаг — как-никак, у него было трое детей, причем старшему исполнилось тогда 11, а младшей — 7 (Анкета КУИНС: 4, 9). Но в дальнейшем, по-видимому, на помощь пришел случай.

Летом 1928 г. в СССР приезжает известный шведский археолог Т. И. Арне, и вот МАЭ поручает своему внештатному сотруднику, уже много лет самостоятельно изучающему Приладожье, провести там раскопки совместно с зарубежным коллегой (Личное дело: 12 об.). Оказавшись на виду, В. И. Равдоникас, по-видимому, сумел показать себя во всем блеске. «Провинциализма» в нем, действительно, не было ни грама, зато был превосходный опыт, накопленный в провинции — опыт поле-

вого исследователя, педагога, музейщика, публициста и оратора...

«...Музей антропологии и этнографии имел достаточно высокую возможность наблюдать научную деятельность В. И. Равдоникаса... — гласит отзыв о нем, подписанный осенью 1929 г. директором музея акад. Е. Карским. — В научно-технической работе... он проявил пунктуальность и методическую точность, соответствующую современным требованиям. В выполнении экспедиционных заданий он показал настойчивость, гибкость и умение с минимальной затратой средств привозить много ценного палеоэтнологического и антропологического материала. В научных сообщениях своих по поводу разрабатываемых им коллекций и, особенно, в докладе Совету МАЭ 18 декабря 1928 г. на тему о Приладожских культурах, он показал серьезное знание палеоэтнологической научной литературы — как русской, так и иностранной (последнее благодаря его знанию двух языков — немецкого и французского), а также самостоятельность и глубину теоретической мысли. Наконец, В. И. Равдоникас, работая в науке совершенно бескорыстно, при этом в последние два года, по-видимому, в обстановке материальных лишений, доказал свою любовь и преданность делу палеоэтнологических исследований...» (Отзывы о научной деятельности: 6).

В 1928—1929 гг. В. И. Равдоникас начинает активно сотрудничать в зарубежных археологических журналах и, по-видимому, очень заботится о том, чтобы создать себе за границей должное реноме. Так, характерно, что небольшое сообщение об исследованиях Дорос-Феодоро в Крыму (Равдоникас 1929: 18—24) он опубликовал на пяти языках — русском, немецком (дважды), английском, французском и финском!.. Тогда же в короткий срок им подготовлена достаточно серьезная монография о норманнах в Приладожье. Уже через год ее немецкий перевод будет издан в Стокгольме, в издательстве Шведской Академии наук (Ravdonikas 1930). Тут, по-видимому, сказались результаты короткого знакомства с Т. И. Арне, а, точнее, поддержки, оказанной мэтром средневековой скандинавской археологии своему молодому коллеге! Кстати, параллельного русского издания «Норманнов...» в СССР так и не появилось. Позже вышла брошюра, текст которой очень мало напоминает первоначальный вариант, да и сокращен почти в три раза, по сравнению с немецким (Равдоникас 1934). По-видимому, автор превосходно отдавал себе отчет: выход книги за границей

⁴ В беседе со мной Надежда Александровна Спицына подтвердила, что В. И. Равдоникас достаточно часто бывал у них в доме, и отец ее принимал близко к сердцу его дела. Иногда А. А. Спицын запирался с учеником наедине и проводил с ним беседы на шекотливые темы. В этих случаях домашние говорили: «Папа воспитывает Равдоникаса...» (Записано автором в марте 1989 г.).

повышает его авторитет в научных кругах, но, появившись она на русском языке, ему не миновать зачисления в «буржуазные археологи»!

В сентябре 1929 г. В. И. Равдоникас получает штатную работу — старшим ассистентом на археологическом отделении Ямфака (факультета языка и мышления) ЛГУ. Его способности как исследователя оценены достаточно высоко. И МАЭ, и ГАИМК дают ему рекомендации в аспирантуру АН СССР. Одновременно он слушает лекции Н. Я. Марра, присутствует на докладах в Яфетическом институте и Комакадемии и проявляет большой интерес к «новому учению о языке». В результате сам Н. Я. Марр становится руководителем нового аспиранта (Документы о прохождении аспирантуры: 2—14). И вот тогда, в конце 1929 г., 35-летний ученый неожиданно для всех выступает в ГАИМК с докладом, явившимся основой его будущей книги-памфлета. Докладом, вызвавшим бурю возмущения и в одночасье сделавшим его знаменитым.

В этом докладе все русские археологи (как умершие, так и благополучно здравствовавшие) уверенно «классифицировались» социологически. Под пером автора появились «феодалская» археология, «буржуазная», «мелкобуржуазная»... Безошибочно находя в чужих работах слабые места, Равдоникас ехидно и свысока высмеивал специалистов, имевших перед наукой неизмеримо большие заслуги, чем он сам. Всем им, как правило, объявлялся один безжалостный приговор: *идеализм!* (автор явно подражал тут полемическому стилю ленинских философских работ!). Именно эта, критическая, часть придавала особую силу позиции новоявленного теоретика. Ни один из партийных функционеров не смог бы с такой доказательностью, с таким знанием дела не оставить камня на камне от всей русской археологической науки... Содержание книги «За марксистскую историю материальной культуры» хорошо известно специалистам и в России, и за рубежом. Не станем его в очередной раз пересказывать. Для историка науки гораздо важнее понять, о чем *умолчал* В. И. Равдоникас, безусловно, знавший реальное положение дел в российской археологии 1920-х гг. лучше, чем многие другие.

Первое, что бросается в глаза при внимательном чтении книги — это крайне тенденциозный подбор сюжетов. Выступая в ГАИМК, В. И. Равдоникас, несомненно, претендовал на то, чтобы дать более или менее цельную картину современного состояния российской археологии. По сути, именно так и была воспринята его книга большинством читателей. Именно так она воспринимается и сейчас нашими современниками, а зарубежными археологами — тем паче. Однако, стоит взглянуть на эту «панораму» более-менее искусственным

глазом, как в ней тут же высвечиваются пробы — и не случайные, а явно нарочитые!

Давая оценку положению дел в археологической науке 1920-х гг., было бы естественно начать разбор с первобытной археологии. Именно первобытная археология стремительными темпами развивалась в России в I трети XX в. Она не просто освоила, но и успела усовершенствовать методику раскопок, принятую в Европе. Вернувшись в 1926 г. из командировки во Францию, молодой палеолитовед Г. А. Бонч-Осмоловский с гордостью отмечал: «...Французские методы работы значительно отстают по технике и учету материала от принятых у нас...» (Тягеева. Материалы 1: 41). В. И. Равдоникас и сам недвусмысленно упоминает в своей книге о высоком уровне ведения раскопок археологами-первобытниками (Равдоникас 1930: 37—39). Кажется: вот о чем бы ему рассказать при обозрении исторического пути русской археологии! Но... именно об этом он молчит. Восполним же досадный пробел в книге В. И. Равдоникаса и перечислим хотя бы вкратце главнейшие достижения указанного периода в области методики полевых исследований.

Именно в середине 1920-х гг. А. А. Миллером впервые детально были разработаны методы раскопок многослойных поселений со сложной стратиграфией. «...*Не имея до сих пор ни в русской, ни в иностранной археологической практике какого-нибудь образцового примера исследований земляных городищ*, — писал он тогда, — пришлось этот сложный вопрос разрабатывать на месте, во всей ответственности за его применение...» (курсив мой. — Н. П.). Отсылаем всех интересующихся к миллеровской публикации (Миллер 1926: 73—74). Заметим лишь от себя, что археологу XXI века мало что остается добавить к изложенной там всесторонне разработанной исследовательской схеме. Перед нами одно из ярких свидетельств высокого уровня развития археологического источниковедения в СССР в указанный период. И это отнюдь не единичный пример. Обратимся теперь к другой области полевой археологии — к области раскопок палеолита.

Устоявшейся, проверенной методики изучения пещерных памятников в России начала 1920-х гг. не существовало. Значительный вклад в дело ее разработки внес Г. А. Бонч-Осмоловский. Этот исследователь начал вести раскопки нестратифицированных слоев по пластам 25—30 см, причем каждый пласт обязательно нивелировался. Чтобы проследить контуры отдельных жилых комплексов, Г. А. Бонч-Осмоловский предложил фиксировать каждый археологический предмет, измеряя его залегание от постоянной нулевой точки. В результате каждая находка получала свой высотный замер. В ходе раскопок для

каждого квадрата заводилась особая карточка. Учитываться стали абсолютно все находки кремня и кости: «В палеолите нет бросового материала!..» (Бонч-Осмоловский 1940: 71—98; Васильев 1994: 202—207; Платонова 1995: 135.).

Тщательный анализ стратиграфии, использование поквadratных карточек и комплексный подход к изучению культурного слоя сделались в 1920-х гг. неперенными особенностями работы экспедиций Антропологического научно-исследовательского института при МГУ (где руководителем Палеознотологической лаборатории был Б. С. Жуков, ученик Д. Н. Анучина). Именно здесь получили «путевку в жизнь» многие специалисты, которым предстояло в дальнейшем стать известными советскими учеными. У Б. С. Жукова проходили научную и полевую школу М. В. Воеводский, О. Н. Бадер, А. Е. Алихова, Е. И. Горюнова, М. В. Талицкий, А. В. Збруева, С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, приехавший из Иркутска Г. Ф. Дебец и др.).⁵

Стремительное освоение новых методов являлось одной из характерных черт научной жизни 1920-х гг. в России. Порой даже трудно установить, кем был впервые применен тот или иной прием. Но иногда приоритеты бесспорны. С. Н. Замятин прошел полевую школу в экспедициях А. А. Миллера. Затем, в 1927 г., он впервые провел раскопки открытой позднпалеолитической стоянки у с. Гагарино широкой площадью. В результате тогда им впервые в мировой практике были зафиксированы остатки разрушенного жилища палеолитических охотников (Праслов 1999: 8). Обозначение этого приоритета, кстати, разрушает многоразов повторенное в советской литературе стереотипное утверждение, что раскопки стоянок широкой площадью и фиксация палеолитических жилищ явились якобы завоеванием социологического, «марксистского» подхода к материалу. На деле С. Н. Замятин на практике осуществил этот прием *до того*, как его начали интенсивно «перековывать» и обучать марксизму.

Г. П. Григорьев специально отмечает в своем эссе отсутствие в книге В. И. Равдоникаса разностной критики в адрес исследователей палеолита. Задаваясь вопросом о причинах столь удивительной скромности автора, он склоняется к мысли, что тому просто не хва-

тило духу ввязываться с ними в спор. «...Загадочный палеолит останавливал сурового аспиранта, — пишет он. — Можно и глупостей напороть в этом туманном мире резцов и скребков, другое дело — серебряная чаша из Керчи, там все понятно!..» (Григорьев 1998: 45). Однако, на мой взгляд, дела обстояли как раз наоборот. Будучи профессионалом, В. И. Равдоникас прекрасно понимал всю силу и перспективность указанного направления в отечественной археологии. Он старался не обращаться к нему лишней раз именно потому, что вся его схема безнадежно отсталой «старой» науки (а таков был социальный заказ — куда не денешься!) трещала по швам от одного соприкосновения с этим материалом.

Важно не забывать: совершенствование полевой методики никогда не происходит на пустом месте! Напротив, в атмосфере безыдейности, отсутствия емких концепций, помогающих осмыслению материала, даже очень хорошо разработанная методика постепенно деградирует, требования к ней неуклонно снижаются... То, что происходило в нашей археологии в эпоху НЭПа, свидетельствует о прямо противоположном. Русские исследователи 1920-х гг. уже не просто декларировали необходимость восстановления облика древних культур — они разработали целый ряд методов для практической работы в этом направлении.

В первую очередь тут следует упомянуть усиление интереса к работе с массовым материалом. Впервые археологи начали оперировать не отдельными характерными предметами, а комплексами. «...Особенно рискованно то значение, которое иногда придают единичным орудиям... — писал в 1928 г. Г. А. Бонч-Осмоловский. — В основу моего исследования западноевропейских индустрий был положен учет количественных соотношений различных типов орудий, свойственных данной стоянке. Весь инвентарь их классифицировался на отдельные группы и затем высчитывалось процентное соотношение каждой группы к общему количеству орудий...» (Бонч-Осмоловский 1928: 150—151). Таким образом, ориентация на массовый материал закономерно стимулировала первые опыты применения математических методов исследования — пусть даже поначалу это были простейшие статистические подсчеты.⁶

Б. С. Жуков, в свою очередь, признавал массовый керамический материал «самым по-

⁵ Значительная часть материалов Антропологической комплексной экспедиции Б. С. Жукова, включая полностью подготовленную к печати книгу с публикацией результатов работ 1925—1928 гг., в настоящий момент утрачена. Утрачен и его личный архив. Краткие отчеты АКЭ хранятся в РА ИИМК РАН (ф. 2, оп. 1). Часть дневников и другой полевой документации (включая поквadratные карточки) находится в Научном архиве Государственного музея антропологии при МГУ (оп. X).

⁶ Первая значительная работа, содержащая попытку применения математических методов при построении археологической классификации, была опубликована в СССР еще в 1926 г. Это статья П. П. Ефименко о рязанских могильниках (Ефименко 1926).

казательным» при изучении культур эпохи неолита. В 1926—1928 гг. им (вместе с его сотрудником М. В. Воеводским) была сделана попытка выделить *серию главнейших признаков*, характеризующих эту категорию материала. Всякая выборочность при работе с керамикой заранее исключалась. Керамический материал «брался послойно по участкам и притом полностью, без оставления каких-либо объектов на месте». По ходу исследования производилась *оценка значимости признаков*, их корреляция с различными сторонними факторами (качеством глины, наличием примесей, особенностями почвы и пр.). Сосуды по возможности тщательно склеивались и реконструировались. В целом можно сказать, что не только российская, но и мировая археологическая практика того времени не знала примера более продуманного подхода к анализу массового керамического материала, чем тот, что был осуществлен в Палеоэтнологической лаборатории при И МГУ (Жуков 1929: 54—77).

Оглядываясь назад, мы можем констатировать: введением понятия «цельного комплекса» в археологию наука обязана именно русским ученым 1920-х гг. Безусловно, это было важнейшим (в мировом масштабе) достижением археологической мысли указанного периода. Другим исключительным достижением представляется то, что в 1928—1929 гг. в СССР был осуществлен *опыт статистико-комбинаторной обработки археологического материала — первый в мировой практике*. Нельзя обойти стороной этот интереснейший эпизод, который теперь предстает перед нами этаким историографическим казусом, своего рода скверным анекдотом, над которым вовсе не хочется смеяться.

Пионером в области археологической комбинаторики стал 25-летний русский палеоэтнолог М. П. Грязнов, ученик С. А. Теплоухова и С. И. Руденко (кстати, стоит упомянуть: А. М. Тальгрэн, внимательно следивший в 1920-х гг. за работами этого молодого человека, называл его тогда «будущим русским Монтелиусом»). В 1928 г. М. П. Грязнов обрабатывал материал сравнительно небольшой (425 экз.) коллекции бронзовых кельтов — все случайных находок, обнаруженных на поверхности развееваемых ветром дюн, в обрывах рек и оврагов, при разных земляных работах и т. п. Коллекция представляла собой совокупность смешанного материала, заранее исключавшую возможность априорного установления каких-то линейных закономерностей.

Поставив целью расположить этот материал в хронологической последовательности, М. П. Грязнов пошел по пути выяснения *взаимной обусловленности* изменений отдельных признаков. Он сравнил кельты между собой по 40 признакам орнаментации, 19 признакам

формы и 3 признакам техники. Выполненное таким образом исследование оказалось «обозримым и проверяемым... в любом звене, от начала до конца, как это принято в естественных науках, но как ни в археологии, ни в этнографии в то время еще никто не делал...» (Шер 1992: 88—90). В мае 1929 г. исследователь отправил готовую статью, названную им *Опыт применения корреляционного метода в палеоэтнологии*, в издательство... Однако всякий, кто хоть немного знаком с основными событиями лета и осени 1929 г., поймет, насколько бурным и тяжелым было это время — «чистки», аресты, начало раскручивания «Академического дела» и т. д.

В январе 1930 г. М. П. Грязнову пришел ответ, что «работа имеет *узко-научное* значение» (курсив мой. — Н. П.) и, соответственно, опубликована не будет. Вскоре арестовали его учителя С. И. Руденко. Позднее был арестован и сам М. П. Грязнов, однако он сумел выжить, вернуться в Ленинград и даже опубликовать описанные выше материалы в составе более обширной работы, подготовленной накануне войны (Грязнов 1941). Она вышла одним годом позже статьи А. Кребера *Статистическая классификация*, появившейся в *American antiquity*. Поэтому в мировой науке «стартовой точкой отсчета» применения комбинаторных методов в историко-культурном исследовании доньше считается 1940 год. Между тем на сохранившемся машинописном экземпляре статьи М. П. Грязнова имеется официальная пометка о сдаче в издательство *20 мая 1929 г.* (Шер 1992: 91). Вот какая судьба постигала новаторские разработки «русских Монтелиусов» в те самые месяцы, когда В. И. Равдоникас чеканно формулировал в своем памфлете на русскую археологию: «Монтелиусов у нас нет!»... (Равдоникас 1930: 34).

Действительно, в книге В. И. Равдоникаса не упомянуто имя М. П. Грязнова. Там имеется лишь собственное утверждение автора, что корреляционная статистика должна занять «подобавшее место» в археологическом исследовании (Равдоникас 1930: 35). Тем не менее, есть все основания полагать, что многие подробности кипучей научной жизни середины и второй половины двадцатых были известны автору книги достаточно хорошо. В течение ряда лет он учился, а затем и работал в Ленинграде бок о бок с А. А. Миллером, П. П. Ефименко, Г. А. Бонч-Осмоловским, С. Н. Замятниным, М. П. Грязновым... Конечно, «лицом к лицу лица не увидать» — это известно! Но после всего, изложенного выше, сам подбор В. И. Равдоникасом материала для анализа современного ему (подчеркиваем: *современного!*) состояния археологической науки выглядит странным и нарочитым. Так,

например, *единственным* сюжетом, посвященным полевым исследованиям 1920-х гг. в СССР, оказывается в книге очерк о работах Д. Н. Эдинга на Сарском городище (Равдоникас 1930: 58—60).

Эти раскопки, действительно, были проведены на явно недостаточном для своего времени методическом уровне — без должного внимания к стратиграфии, без правильного учета и фиксации находок. Возмущаясь данным фактом, В. И. Равдоникас был, в сущности, совершенно прав. Но он был бы, действительно, прав, если бы рассмотрел по контрасту *различные подходы* к ведению раскопок, которые существовали в его время и о которых он просто не мог не знать. Официальные требования к полевым отчетам в 1920-х гг. еще не успели ужесточиться. Но, как «проговаривается» тут же сам Равдоникас, «эта методика у нас неплохо развивалась...» Мало кто из читателей замечает эту оговорку, а вот едкие пассажи автора о Д. Н. Эдинге запоминаются всем. Стоит ли говорить, что в результате общая картина состояния полевой методики в СССР выглядит в его книге совершенно искаженной?

«Оговорки» В. И. Равдоникаса представляют немалый интерес для историка науки. Как и его «умолчания», они бывают весьма красноречивы. За ними недвусмысленно просвечивают истинные воззрения автора на отечественную науку. Чего стоят хотя бы такие неожиданные признания: «...Лишь сейчас у нас начинается *настоящий расцвет* буржуазной методологии... *До последнего времени* эта методология все же плохо у нас прививалась... Собственно, *только после революции или очень незадолго до нее эта методология стала давать у нас свои настоящие плоды*. Все учение о русском палеолите... развилось лишь в советскую эпоху, когда у нас выработался целый ряд хорошо подкованных археологов-палеолитчиков... То же... можно сказать и о бронзе... Точно так же и *формально-типологическая методология — этот твердый фундамент буржуазной археологии — по-настоящему, в массовых работах, применяется у нас лишь теперь...* (курсив мой. — Н. П.)» (Равдоникас 1930: 41, 61—62, 69).

Такие «случайные» оговорки, в действительности, разбросаны по всей книге. Но они буквально тонут в цветистых, полных едкого пафоса обличениях русской археологии как якобы «чисто описательного вещеведения, вещеведения решительно без всякого метода» (Равдоникас 1930: 34). И мало искусственному читателю уже трудно, уже невозможно понять, что, на самом деле, автор лукавит, что подобная оценка отечественной археологической науки является для конца 1920-х гг., по меньшей мере, устаревшей. Ведь, роняя отдельные фразы о достижениях буржуазной методологии

на русской почве, Равдоникас предпочитает не распространяться о них подробно. Иначе пришлось бы признать, что, и сам он, и другой марксист, А. В. Арциховский, утверждавший тогда, что русская археология «за вещами не видит отношений между людьми» (Арциховский 1929: 322—323), по сути, воюют тут с ветряными мельницами.

В действительности, такую археологию в России 1920-х гг. надо было искать с фонарем. В лице ее обличали не реального противника, а некий придуманный для этой цели фантом... Сейчас, когда разрушен целый ряд стереотипов, уходящих корнями в сталинскую эпоху, становится очевидным: формулируя свой «комплексный метод» в качестве нового и марксистского, В. И. Равдоникас, по сути, изобретал велосипед. К 1930 г. из печати уже вышли работы других (по его классификации, *мелкобуржуазных!*) археологов, успешно применявшие к конкретному материалу те самые методологические принципы, которые он четко и доходчиво изложил в своей монографии.

В самом деле, наивно было бы считать, что основополагающий исследовательский подход, описанный в книге, а именно — необходимость построения культурной стратиграфии региона на базе ряда опорных комплексов — представляет собой собственную идею В. И. Равдоникаса. Первые опыты такого рода в России, в действительности, были приняты еще В. А. Городцовым в начале 1900-х гг. и им же позднее обобщены в итоговой монографии (Городцов 1916). Безусловно, именно они, наряду с разработкой морфологической классификации материала, являются главной заслугой Василия Алексеевича перед отечественной наукой. Но как раз об этом в книге В. И. Равдоникаса нет ни слова. Из всего, сделанного В. А. Городцовым, автор выбирает лишь «типологические законы» и едко иронизирует над высказыванием старого ученого, что якобы до его работ типологический метод исследования «научно не существовал» (Городцов 1927: 3; Равдоникас 1930: 42—43).

Конечно, этот последний афоризм вызывает у современного читателя только улыбку. Хотя, справедливости ради, можно вспомнить — после опубликования брошюры В. А. Городцова в 1933 г. в английском переводе, американец К. Клакхон написал: «...Я не знаю работы, кроме одной-единственной (и чьей — русского!) в которой была бы сделана хоть неловкая попытка рассмотреть подтекст типологического метода» (цит. по: Клейн 1991: 45). В. И. Равдоникас безошибочно подметил некоторую искусственность городцовских классификаций с их непременно трехчленным делением. Однако совершенно неправомерно было утверждать,

что Василий Алексеевич в своей работе являлся лишь ухудшенной копией О. Монтелиуса. «Городцов не только оформил сужение понятия «тип», — отмечает современный исследователь, — но и сделал тип, действительно, ячейкой классификации, чего у Монтелиуса не было...» (Клейн 1991: 43).

Тенденциозность В. И. Равдоникаса проявляется, в данном случае, не только в его «перехлестах» и не только в общем тоне его критики. Она проявляется в его умолчаниях, в целенаправленном подборе сюжетов. Ведь читателю надо обладать очень хорошей подготовкой в области археологии, чтобы понять самому: осмеянный в книге В. А. Городцов в реальности был зачинателем того самого «комплексного» исследовательского подхода, который с помпой включается автором в марксистский арсенал.

Заслуга дальнейшего развития метода «культурной стратиграфии» на русской почве принадлежала таким археологам 1920-х гг., как Б. С. Жуков, С. А. Теплоухов, Б. Э. Петри, В. В. Гольмстен и др. Именно тогда были изданы их работы, каждая из которых представляла собой образец претворения этого подхода в практику (Петри 1926; Гольмстен 1928; Жуков 1929; Теплоухов 1929). Знал В. И. Равдоникас об этих работах? — Конечно, знал! Но в книге этот вопрос обойден им начисто.

О реальных успехах *формальной типологии* в 1920-х гг. читателю остается только догадываться. Равдоникас и тут «проговорился», с большим уважением упомянув в этой связи работы Г. И. Боровки, а в другом месте — П. Д. Рау, В. В. Гольмстен... Так, значит, ценил «теоретик № 1» типологические разработки? — Да, конечно, ценил! Вот только в книге этот вопрос полностью заслонен, потоплен в злобных, многословных нападках на одного-единственного исследователя, применявшего на практике типологический метод (в интерпретации В. А. Городцова) — А. В. Арциховского (Равдоникас 1930: 62—67). Вчерашнего аспиранта, только что издавшего свою первую большую работу *Курганы вятичей* (Арциховский 1930). И одновременно — достаточно активного и напористого «марксиста»...

Заметим попутно, что, скорее всего, именно это последнее обстоятельство и лежит в основе «непримиримости» В. И. Равдоникаса как к А. В. Арциховскому, так и к его учителю В. А. Городцову. Напомним, что вплоть до 1930 г. последний официально признавался «ближайшим попутчиком» марксизма, а его младшие ученики, аспиранты РАНИОН, претендовали на то, чтобы стать провозвестниками марксистского метода в археологии. Насколько реальна была такая перспектива — в этом убеждает нас то, что еще в мае 1930 г.,

в ходе «чистки» ГАИМК, Ф. В. Кипарисов заявлял: «В Москве есть некоторое количество работников научных, иногда очень ценных, которые, будучи марксистами, являются новой сменой наших ученых, но которые не входят в Академию, потому что входят в Московский Институт археологии... Мы... лишаемся сотрудничества очень ценных археологов, которые могли бы нам оказать существенную помощь... в Ленинграде...» (Материалы по чистке сотрудников ГАИМК: 21).

Именно разносная критика В. И. Равдоникаса в адрес москвичей, по-видимому, переломила тенденцию к благожелательному сотрудничеству с ними, проявленную ранее партийной верхушкой ГАИМК... Не Ф. В. Кипарисов, не С. Н. Быковский были главными соперниками В. И. Равдоникаса в борьбе за звание теоретика-марксиста № 1 в археологии. Эти не были профессионалами, и, волей-неволей, им пришлось довольствоваться в науке ролью «инструкторов» и организаторов. Профессионалами были молодые марксисты — ученики В. А. Городцова... Однако продолжим наш разбор по существу.

Высказанная в книге мысль о том, что необходимо проследивать *законы развития материальной культуры*, тоже не являлась находкой В. И. Равдоникаса. Работая в 1920-х гг. в МАЭ и вращаясь в кругах российских этнологов «школы Волкова» и «школы Штернберга-Богораза», он, конечно, не мог не знать, как формулировалась ими конечная цель этнологического исследования, основанного на синтезе этнографических и археологических данных. В Москве существовала «школа Преображенского», установки которой были в 1920-х гг. широко известны всем специалистам (Иванова 1999: 235—264). Указанная проблема трактовалась русскими этнологами в едином ключе: выведение на практике *законов развития живых этнических культур и изучение их отражения в культуре материальной* (Платонова 1997: 147—151).

В отличие от В. А. Городцова и его последователей, выделявших археологию как самостоятельную и «точную» дисциплину, приверженцы этнологического направления в археологии (палеоэтнологическая школа) представляли ее неотъемлемой частью единой, систематической науки о Человеке. Названия этой синтетической науке давались в 1920-х гг. самые разные.

«Этнографии нередко противопоставляют так называемую археологию, — писал в 1925 г. С. И. Руденко. — ...Критерием служит: *бытует* ли данное явление или *бытовало*, хотя чаще руководятся критерием еще более примитивным: все, что из земли или из могилы — археология, а что на поверхности земли, то этнография... Здесь несомненная путаница про-

исходит от смешения понятий «метод» и «источник»... Человеческая культура — единый процесс, и для того, чтобы осознать отдельные ее моменты, надо знать все ее прошлое...» (Руденко. Природа этнографического музея: 3—4).

Для того, чтобы понять, какова была степень разработанности отдельных *теоретических* проблем археологии в России 1920-х гг., следует обратиться именно к этнологической литературе тех лет. Здесь мы найдем различные определения таких важнейших понятий, как «этнос», «культура», «культурное единство», а также идею *равновесия* культуры, представление о культурном *скрещении* как ключе к пониманию всякого естественно-исторического и культурно-исторического развития, указания на то, какое место занимает археология (здесь — «палеоэтнология») в системе наук, и многое другое (Широкогоров 1923; Генко 1923; Богораз-Тан 1928; Преображенский 1929 и др.). Однако, очерчивая панораму российской археологии 1920-х гг., В. И. Равдоникас вообще исключает из рассмотрения всю этнологическую литературу и все дискуссии общего плана, нашедшие в ней отражение.

Это можно расценить как своего рода «запрещенный прием». По сути, из-за определенной терминологической разногласности от отечественной археологии начисто (и совершенно необоснованно!) оказалась отсечена почти вся ее теоретико-методологическая часть. В результате автором совершенно искусственно было сконструировано пресловутое «вещеведение без всякого метода». Отсюда и берет начало живучий миф о господстве «ползучего эмпиризма» в российской археологии до ее «перевода на марксистские рельсы» (а, точнее, до появления книги В. И. Равдоникаса!). Отзвуки этих представлений мы постоянно встречаем и до сих пор — особенно, в зарубежной археологической литературе.

Почему эти утверждения В. И. Равдоникаса о якобы полной теоретической беспомощности российской археологической науки не встретили немедленных возражений в печати? — Ответ очевиден. Всего за несколько месяцев до выступления В. И. Равдоникаса, здесь же, в стенах ГАИМК, проходило так называемое Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (апрель 1929 г.). Устами В. Б. Аптекаря, безграмотного выскочки, открыто гордившегося тем, что он не получил *никакого образования вообще*, там было заявлено: «...Поскольку этнология претендует на звание отдельной от социологии дисциплины, она должна быть признана не чем иным, как буржуазным суррогатом обществоведения, поставленным на голову, знаменующим невозможность построить науку об обществе средствами буржуазной науки.» Решения совещания впе-

рвые в истории отечественной науки были признаны «обязательными для каждого этнографа, желающего активно содействовать социалистическому строительству в СССР...» (Совещание этнографов 1929: 115—144).

Резолюции Совещания этнографов серьезно изменили ситуацию и конъюнктуру в науке. Свообразным откликом на них в Москве стало выступление учеников В. А. Городцова в Коммунистической академии (октябрь 1929 г.). На сей раз дошел черед до палеоэтнологии. После доклада А. В. Арциховского на заседании социологической секции общества историков-марксистов она была официально признана «суррогатом в квадрате» того самого буржуазного обществоведения, с которым «необходимо бороться» (Арциховский 1929: 324—325). Разумеется, в таких условиях ни о каких публичных выступлениях в защиту теоретических установок отечественной этнологии речи уже не шло.

Создается впечатление, что группа археологов — недавних аспирантов Института археологии и искусствознания РАНИОН — иницировавшая в стенах Комакадемии этот приговор палеоэтнологической школе, была искренне убеждена в своей правоте. Изначальное неприятие ими палеоэтнологии, по-видимому, коренилось в давних разногласиях московских этнологов — Д. Н. Анучина и его школы — с их учителем В. А. Городцовым. Вплоть до 1930 г. Василия Алексеевича неизменно признавали «близким марксизму». Соответственно, «образ врага», той самой «буржуазной археологии», с которой необходимо бороться, автоматически персонафицировался у аспирантской молодежи в лице Б. С. Жукова, постоянного (и порою очень язвительного) оппонента их старого учителя (Жуков 1925: 206—209; Городцов 1926: 462—464).

В своем докладе А. В. Арциховский обвинил палеоэтнологию в том, что она «отрицает право археологии на самостоятельное социологическое обобщение» (т. е. на обобщение, сделанное без учета этнографических данных. — *Н. П.*) (Арциховский 1929: 322—323). Для самих аспирантов РАНИОН, прошедших семинары по марксизму у В. М. Фриче, такое «право» археологии на прямые социологические обобщения, по-видимому, не подлежало сомнению. Методика исследований Б. С. Жукова, по их представлениям, могла быть сведена к примитивному «наложению» этнографического комплекса на археологический. Вполне возможно, что младшие ученики В. А. Городцова и всерьез так считали. Но вряд ли так считал В. И. Равдоникас!

Сказалось тут влияние окружения или что-то иное — сейчас трудно судить. Конечно, в 1928—1929 гг. он работал в разряде палеоэтнологии ГАИМК и в МАЭ, где считали, что

«из него выработается незаурядный палеоэтнолог»!.. (Отзывы о научной деятельности: б). Так или иначе, очень трудно поверить, что наш «марксист № 1 в археологии» принадлежал к числу добросовестно заблуждавшихся. Нет, он был одним из тех, кто, действительно, ведал, что он творит. Об этом свидетельствуют все многочисленные «оговорки», рассыпанные по тексту книги, все немногословные, но подчеркнута высокие оценки достижений «настоящей» буржуазной методологии в СССР... Выполняя социальный заказ, он был попросту совершенно беспринципен.

Конечно, он счел необходимым посвятить несколько страниц критике отечественной палеоэтнологической школы. Иначе и быть не могло: по его собственному признанию, эта школа «имеет у нас сильнейшее влияние, благодаря точности применяемых ею методов обработки археологического материала и внешней научности ее построений...» (курсив мой. — Н. П.) (Равдоникас 1930: 76). Не сделав хотя бы попытки расправиться с ней, нечего было и претендовать на звание марксиста №1 в советской археологии. Палеоэтнологию требовалось заклеить, и, вероятно, автор хорошо понимал: если не сделает этого он, то обязательно сделают другие!..

Для разбора им была взята работа Б. С. Жукова. В 1929 г. это имя и так оказалось у всех на слуху. Б. С. Жуков неоднократно попадал под огонь «марксистской» критики учеников В. А. Городцова. Теперь и Равдоникас присоединяется к ней. Он указывает: палеоэтнология изучает «развитие мифического этноса, а не общественных форм», в то время, как «подосновой культурных явлений служит общество, а не народность, ... это — азбука». Далее следует непреложный вывод: основные установки Б. С. Жукова «идеалистичны и буржуазны»... Эта критика построена в стиле «марксистского» начетничества, достаточно характерном для нашего автора. Но, пожалуй, на сей раз в ней недостает обычного равдоникасовского яда, едкого сарказма, грубой издевки. А чего стоит нежданная оговорка: «В очень многом ее, палеоэтнологии, установки сходны с установками «Siedlungsarchaologie», однако субъективно, по крайней мере, наша палеоэтнология чужда явным империалистическим тенденциям последней...» (курсив мой. — Н. П.) (Равдоникас 1930: 78). И тут же огонь главной критики как бы невзначай смещается с Б. С. Жукова на его главного противника — А. В. Арциховского...

Археологи последующих поколений, читавшие в юности книгу Равдоникаса, вполне могли вообразить — и многие воображали! — что в 1920-х гг. в СССР был только один настоящий палеоэтнолог — Б. С. Жуков. Ведь автор ни разу напрямую не указал на принад-

лежность к этой научной школе, например, А. А. Миллера или П. П. Ефименко. Хотя сами они, будучи учениками Ф. К. Волкова, несомненно, причисляли себя именно к ней. А имен целого ряда других выдающихся палеоэтнологов — С. И. Руденко, Г. А. Бонч-Осмоловского, Б. А. Куфтина — и вовсе нет в книге. С. А. Теплоухов упоминается лишь вскользь... В результате картина опять получается неполной, а точнее — намеренно искаженной. Правда, не исключено (хотя и мало вероятно!), что В. И. Равдоникас не случайно не стал лишним раз указывать на принадлежность того или иного исследователя к уже осужденному направлению. Если это, действительно так, то винить его не стоит. Вот только жаль, потомки поздовато стали вдумываться в подтекст... Но имеющий глаза — да увидит!

Возможно однако, что в критике Равдоникасом палеоэтнологической школы была своя доля искренности. Он, действительно, находился тогда под сильным влиянием учения Н. Я. Марра и, по-видимому, всерьез считал установку на изучение этнических культур прямым путем к расизму. Однако методику палеоэтнологических исследований он сумел по достоинству оценить. Потому и попытался по возможности включить ее в арсенал методов «марксистской истории материальной культуры». Основные положения его «комплексного метода» были сформулированы, в основном, на базе конкретных исследований, произведенных в 1920-х гг. русскими археологами-первобытниками, причислявшими себя к палеоэтнологической школе. Отказаться от этих положений он так и не смог никогда, потому что втайне всегда считал их верными. Никакие «марксоидные» спекуляции, никакие нападки разубедить его в том не могли.

Именно поэтому достаточно странной и неожиданной выглядит в книге «критика» одного из старейших представителей петербургской палеоэтнологии — А. А. Миллера (никак, впрочем, не соотношенная с критикой самого этого направления). По первому впечатлению, это грубый разнос. Однако на практике дело обстоит чуть сложнее.

В книге В. И. Равдоникаса А. А. Миллеру вменяется в вину «эмпиризм». Автор искренне недоумевает: ну, как можно, при таком опыте и эрудиции, при такой любви к делу и таком доскональном знании материала, до сих пор не выдать на-гора обобщающий труд? «...Ему-то, что называется, и карты в руки!..» — раздраженно восклицает В. И. Равдоникас. (Читай между строк: «Вот, будь на его месте я, я бы давно это сделал!..»). А. А. Миллер — признанный наставник целого поколения ленинградских археологов. К возмущению автора применяется дурной местный патриотизм (котрый, мнится, и лежит в основе всего этого

пассажа!): «...Историк Готье выпускает компилятивные и реакционные общие курсы по археологии,.. а настоящие археологи,.. (курсив мой. — Н. П.) с большим стажем, с большими знаниями, прекрасно владеющие материалом и обладающие как будто всеми предпосылками для полноценного научного синтеза, предпочитают... в тягучих отчетах обсасывать свой собственный раскопачный материал — и ни одного шагу далее.» (Равдоникас 1930: 52—53).

Возможно, для несведущего читателя подобные претензии автора к А. А. Миллеру могли бы выглядеть обоснованными (если не по форме, то по сути!). Но приведем простой подсчет. Обширные исследования Северо-Кавказской экспедиции, охватившие Подонье, Прикубанье, Предкавказье и часть побережья Черного моря, начались в 1923 г. В первый сезон пришлось ограничиться разведками, но и в 1924—1925 гг., за отсутствием средств, раскопки носили достаточно ограниченный характер. В дальнейшем они развернулись сразу на нескольких городищах — многослойных поселениях со сложной стратиграфией (одно из них — древний Танаис). Разведочное обследование территорий шло полным ходом. Получаемые ежегодно данные заставляли серьезно корректировать все имевшиеся дотоле представления. Между тем А. А. Миллеру представлялось особенно важным создать *новый корпус источников*, располагать материалами, добытыми на высоком методическом уровне. В активе его к моменту первого выступления В. И. Равдоникаса было не более пяти полноценных полевых сезонов. Как можно было в таких условиях требовать немедленного выхода монографии?.. Вот в том-то и заключалась главная беда археологов тех лет — они уже знали, что надо делать, и знали, как... Синтетические работы стояли на повестке дня. Но ученым катастрофически не хватало времени, чтобы изложить и издать результаты своих исследований до наступления «Великого перелома».

Мы не будем подробно рассматривать прочие сюжеты, выбранные В. И. Равдоникасом для демонстрации отсталости современной русской археологии. Скажем лишь, что повод для критики найдется всегда — была бы охота! В ряде случаев Равдоникас, выражая свой взгляд в недопустимо грубой форме, был, по сути, кое в чем и прав. Так, работа А. В. Шмидта о Туйском всаднике, действительно, неудачна. Обладая феноменальной памятью и разнообразными знаниями, этот исследователь был, на свою беду, лишен самого главного — интуиции. Однако непонятно, какой смысл был включать данный частный сюжет в равдоникасовское «Евангелие от марксизма»? Что в нем поучительного?

Но наибольшее возмущение всегда вызывали у читателей оскорбительные выпады

В. И. Равдоникаса по отношению к маститым ученым — В. А. Городцову, Ю. Н. Готье, Л. А. Мацулевичу. Что ж, учебник археологии Ю. Н. Готье не лишен ряда досадных пробелов — это, пожалуй, и не удивительно, если принять во внимание, что он писался в первые послереволюционные годы... «Типологические законы», сформулированные В. А. Городцовым, как уже упоминалось выше, представляют собой не самую сильную сторону его наследия. Однако, как в первом, так и во втором случае деятельность исследователя *не исчерпывалась* тем, что было с таким едким сарказмом выплеснуто на страницы равдоникасовского памфлета. Вместо объективного разбора получилось втаптывание в грязь.

Что касается сюжета о серебряной чаше из Керчи, исследованной Л. А. Мацулевичем, то здесь Равдоникас пошел по следам И. И. Мещанинова. Незадолго до этого, в 1928 г., Иван Иванович опубликовал программную работу, своеобразный «манифест яфетидологии». Там он со всей силой обрушился на европейских археологов, якобы привыкших делать ответственные выводы на основании *единичных вещей*... (Мещанинов 1928: 190—237.). Как же мог наш теоретик № 1 пройти в своей книге мимо подобной проблемы!? Ему обязательно надо было найти современную работу, чтобы показать, как сей непростительный грех процветает и на отечественной почве... Однако сюжет оказался выбран весьма неудачно. Равдоникас не учел специфики источника, как раз позволявшей сделать целый ряд выводов, даже при условии единичного характера памятника. Поэтому критика выглядит несправедливой во всех смыслах — как по форме, так и по сути.

Самое поразительное заключается в следующем. Меньше, чем за год до выхода книги в свет В. И. Равдоникас в своем плане подготовки аспиранта указывал, что очень хотел бы «организовать в каких-то узаконенных формах возможность непосредственного общения с учеными специалистами,.. которые явятся как бы частными руководителями подготовки» (курсив мой. — Н. П.). Он называет имена таких желательных руководителей. Ими оказываются П. П. Ефименко, А. А. Миллер, В. А. Городцов. В другом месте в качестве возможного консультанта упомянут Л. А. Мацулевич... (Документы о прохождении аспирантуры: 3—12). По-видимому, в тот момент будущие взаимоотношения со всеми названными лицами еще мыслились Владиславу Иосифовичу совсем иначе — на основе взаимного уважения, соблюдения традиций и правил приличия... Решение как-то вдруг кардинально переменить свой имидж и предстать перед всем археологическим миром в роли высшего судьи-громовержца, несомненно, было принято им позднее. И Равдоникас провел его в жизнь со всей решительнос-

тью в течение считанных месяцев. После этого карьера «сурового аспиранта» пошла, как по маслу. Очень скоро он становится научным сотрудником I разряда ГАИМК, затем заведующим ее подразделением, профессором и т. д. Дух и тон наступившей эпохи были угаданы им безошибочно.

Так или иначе, обозревая сейчас все сюжеты, включенные В. И. Равдоникасом в его книгу, можно заявить категорически: настоящей «панорамы» отечественной археологии 1920-х гг. на такой основе построить нельзя. Точнее, она получается ущербной, выхолощенной. Из нее, словно намеренно (а, на деле, именно намеренно!), изъято многое из того, что было в те времена наиболее ценным. При этом добавлено много случайного, маловажного. Превратность и необъективность трактовок В. И. Равдоникасом первобытной археологии (за вычетом авторских «оговорок») уже были показаны выше. Но это далеко не единственное «умолчание» нашего автора!

У читателя не создается ни малейшего представления о том, каково было развитие классической и скифо-сарматской археологии в России в указанный период? Между тем, в начале XX в. это направление являлось в русской археологии одним из передовых. Именно в этой области исключительно успешно решались проблемы междисциплинарного синтеза. Здесь уже к началу 1920-х гг. были созданы важнейшие работы, реализующие культурно-исторический подход к материалу. Равдоникас знал о них — и как же не знать!? Ведь в 1925 г., благодаря неустанным трудам и хлопотам С. А. Жебелева и Б. В. Фармаковского, в РАИМК, наконец, вышла в свет монография М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор»... Но указанная «проблема» была решена им в книге с изящной простотой. «...Общие синтетические схемы... — пишет Равдоникас, — в русской археологии исходили до недавнего времени не от археологов, а от историков, плохо знавших археологический материал... Едва ли не единственное исключение — *Ростовцев, автор действительно важных археологических обобщений, но он всем своим складом, своей судьбой и направленностью интересов стоит ближе к западно-европейским буржуазным ученым, чем к русским археологам*» (курсив мой. — Н. П.) (Равдоникас 1930: 33). Вот так — одна фраза, и проблема закрыта! И нет уже М. И. Ростовцева в русской науке!.. А такие ученые с мировым именем, как, скажем, Н. П. Кондаков, Б. В. Фармаковский, В. В. Латышев, Я. И. Смирнов — немало потрудившиеся над проблемой междисциплинарного синтеза — те уж и вовсе не стоят упоминания!..

Что касается настойчивых обвинений в «эмпиризме», в отсутствии тяги к синтезу, бросааемых автором русским археологам 1920-х

годов, то они, по большому счету, несправедливы... В действительности, методология археологии в СССР в этот период развивалась достаточно бурно. Она служила предметом споров на конференциях и в стенах научных учреждений. Она инициировала совершенствование полевой методики. Отдельные важные замечания на этот счет имеются в этнологической литературе тех лет. Они разбросаны также в стенограммах, в информационных статьях, в хроникальных заметках. По сути, утверждения В. И. Равдоникаса оказались верны лишь в одном: сводные, обобщающие труды, которые заключали бы в себе исследовательские программы, за редким исключением, так и не были созданы. Но — заметим от себя — совсем не по вине археологов.

Подведем итог. Книга В. И. Равдоникаса является своеобразным памятником своей эпохе. В ней имеется несколько планов — и явных, и скрытых. Она писалась в трудное время, писалась человеком очень умным, очень талантливым, очень энергичным и очень неразборчивым в средствах. Человеком, который, по-видимому, обладал ясным взглядом на вещи, но одновременно слишком многое (и многих) откровенно презирал. На мой взгляд, нет оснований считать его «внедренным со стороны» в советскую археологию. Он внедрил себя сам, безошибочно уловив момент, когда прапорщик может стать генералом. Он во все времена и любой ценой желал быть в рядах победителей. И это фатально сочеталось у него с другим — с любовью к науке, с обширными знаниями, с чутьем и талантом исследователя...

Сохранилось одно любопытное свидетельство. Принадлежит оно археологу-краеведу М. А. Миллеру, эмигрировавшему из СССР во время Великой Отечественной войны. В 1952 г. он опубликовал в Мюнхене небольшой очерк об А. А. Миллере, уже замученном к тому времени тюрьмой и ссылкой. Михаил Александрович вспоминал, что в 1935 г., получив известие о смерти брата, от приехал из Таганрога в Ленинград на очередной Пленум ГАИМК. По обыкновению, заседание продолжалось до полуночи. А затем... академик М. предложил группе товарищей поехать к нему домой. В час ночи на квартире у М. было устроено импровизированное заседание памяти погибшего ученого. И на нем *известный археолог Р.* экспромтом произнес доклад. Его речь кончалась словами, что придет еще время, когда можно будет сказать правду об А. А. Миллере, о том, какую роль, на деле, сыграл этот человек в развитии отечественной археологии!.. И вот тогда он, Р., обязательно о нем напишет!.. (Миллер 1958: 130).

Имена, упомянутые в этом рассказе, расшифровываются без труда. Не было среди ар-

хеологов Ленинграда другого «академика М.», кроме И. И. Мещанинова, и не было в ГАИМК «известного археолога Р.», кроме В. И. Равдоникаса... Да, чужая душа — потемки! Но правды, обещанной тогда, в 1935 г., он так и не написал. До самого конца не написал. Видать, в какой-то момент все это просто потеряло для него значение.

После смерти В. И. Равдоникаса мне довелось услышать рассказ о том, что у Владисла-

ва Иосифовича, по собственному его утверждению, хранилась объемистая рукопись воспоминаний. В ней было «все». При жизни автор будто бы никому не хотел ее показывать, а после смерти просил забрать. Однако, когда В. И. Равдоникас умер, подобную рукопись так и не нашли... Что ж, в 1970-х гг. он уже был в Ленинграде живой легендой. Не удивительно, что имя его обрастает легендами и после кончины.

- Алленова, В. А. 1986. Реформа высшего образования 1934—1940 гг. и предшествующий опыт университетской подготовки кадров историков // Развитие исторического образования в СССР: 72—83. Воронеж: Воронежский университет.
- Арциховский, А. В. 1929. Новые методы в археологии. Доклад А. Арциховского (заслушан 11.10.1929 в социологической секции общества историков-марксистов). Краткое изложение доклада и дискуссии // Вестник Коммунистической академии 35—36: 322—325.
1930. Курганы вятичей. Москва: РАНИОН. Институт археологии и искусствоведения.
- Богораз-Тан, В. Г. 1928. Распространение культуры по земле. Основы этногеографии. Москва, Ленинград: Госиздат.
- Бонч-Осмоловский, Г. А. 1928. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек 2/4: 147—186.
1940. Грот Киик-Коба. Москва, Ленинград: Академия наук СССР.
- Быковский, С. Н. 1932. О предмете истории материальной культуры // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры 1—2: 3—6.
- Васильев, С. А. 1994. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // Российская археология 1: 202—207.
- Волобуев, О. В., А. С. Кузина 1986. Методическая секция общества историков-марксистов в борьбе за преподавание истории в школе (1926—1931 гг.) // Развитие исторического образования в СССР: 58—71. Воронеж: Воронежский университет.
- Всероссийское археолого-этнографическое совещание 1932. Сообщения Государственной академии истории материальной культуры 7—8: 1—6. Ленинград.
- Генинг, В. Ф. 1982. Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е - первая половина 30-х годов. Киев: Наукова думка.
- Генко, А. Н. 1923. К вопросу о языке скрещении (два случая с греческим языком) // Яфетический сборник. 2: 121—136. Петроград.
- Гольмстен, В. В. 1928. Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. 4: 125—137.
- Городцов, В. А. 1916. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Москва.
1926. Письмо в редакцию. Ответ Б. С. Жукову // Новый Восток 13—14: 462—464.
1929. Типологический метод в археологии. Серия методическая 6. Рязань: Общество исследователей Рязанского края.
- Григорьев, Г. П. 1998. Петербургская школа изучения палеолита. Прерывистость и незавершенность // Академические научные школы Санкт-Петербурга. К 275-летию Академии наук: 43—52. Санкт-Петербург: РАН, Санкт-Петербургский научный центр.
- Грязнов, М. П. 1941. Древняя бронза Минусинских степей. Бронзовые кельты // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа 1: 237—271.
- Долуханов, П. М. 2000. Истоки этноса. Санкт-Петербург: Европейский дом.
- Ефименко, П. П. 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии 3(1): 59—84. Ленинград.
- Жерве, Н. Н. 1988. Тихвинское отделение Новгородского общества любителей древности (1913—1929) // Тихвинский сборник 1. По материалам историко-географической конференции. Археология Тихвинского края: 31—38. Тихвин.
- Жуков, Б. С. 1925. Рецензия на книгу: Городцов В. А. «Археология. Т. I. Каменный период» // Печать и революция 8: 206—209.
1929. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография 1: 54—77.
- Иванова, Ю. В. 1999. Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы: 235—264. Москва: «Восточная литература» РАН.
- Клейн, Л. С. 1991. Археологическая типология. Ленинград: Академия наук СССР.
1993. Феномен советской археологии. Санкт-Петербург: ФАРН.
- Массон, В. М. 1980. У истоков теоретической мысли советской археологии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 163: 18—26.
- Мецаионов, И. И. 1928. О доисторическом переселении народов // Вестник Коммунистической академии 29(5): 190—237.
- Миллер, А. А. 1926. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры 1: 71—142.
- Миллер, М. А. 1958. Александр Александрович Миллер. 1875—1935 // Вестник института по изучению СССР. 3(28): 127—130. Мюнхен.
- Монгайт, А. Л. 1963. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР 4: 75—94.
- Петри, Б. Э. 1926. Сибирский неолит // Известия биолого-географического НИИ при Иркутском университете. 3 (1): 39—75.
- Платонова, Н. И. 1995. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология: 121—144. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.
1997. Об одной попытке уточнения методов в русской археологии (по материалам журнала «Человек» за 1928 год) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии 2: 147—151. Санкт-Петербург—Псков.
- Прислов, Н. Д. 1999. Сергей Николаевич Замятин: основные вехи жизни и творчества (21. 04. 1899—5. 11. 1958) // Локальные различия в каменном веке. Тезисы докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Н. Замятина: 6—11. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
- Преображенский, П. Ф. 1929. Курс этнологии. Москва, Ленинград: Госиздат.
- Равдоникас, В. И. 1929. Дорос-Феодоро — столица готов в Крыму. Новейшие открытия в области крымской археологии // Человек и природа 2: 18—24.
1930. За марксистскую историю материальной культуры // Известия Государственной академии материальной культуры 7 (III—IV). Ленинград:

1932. На новый этап // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры 1—2: 49—60.
1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // Известия Государственной академии истории материальной культуры 94. Москва. Ленинград: СОЦЭГИЗ.
- Смирнов, И. И. 1932. Возможна ли «марксистская история материальной культуры»? (по поводу книги В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры») // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры 1—2: 37—46.
- Советские этнографы. 1929. Собрание этнографов Ленинграда и Москвы (5—11 апреля 1929) // Этнография 8 (2): 111—144.
- Столяр, А. Д. 1988. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник 1. По материалам историко-географической конференции. Археология Тихвинского края: 8—23. Тихвин.
1994. Предисловие // Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник памяти В. И. Равдоникаса. Проблемы археологии 3: 5—11. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.
- Теплоухов, С. А. 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии 4 (2): 41—62.
- Формозов, А. А. 1995. Русские археологи до и после революции. Москва: Институт археологии АН СССР.
1996. К 100-летию юбилею В. И. Равдоникаса // Российская археология 3: 197—202.
- Шер Я. А. 1992. К вопросу о приоритетах // Вопросы истории археологических исследований Сибири: 86—92. Омск: Омский университет.
- Широкогоров, С. М. 1923. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай: типография «Сибпресс».
- Bulkin, V. A., L. S. Klejn, G. S. Lebedev. 1982. Attainments and problems of Soviet archaeology // World Archaeology 13 (3): 272—295.
- Klejn, L. S. 1977. A Panorama of Theoretical Archaeology // Current Anthropology 18: 1—42.
- Ravdonikas, V. I. 1930. Die Normannen der Vikergerzeit und das Ladoga-gebiet. Stockholm: K. Vitterhets historie och antikvitets Akademien handlingar.
- Trigger, B. G. 1989. A history of archaeological thought. Cambridge: Cambridge University Press.
- Архивные материалы:**
- Анкета КУИНС. Равдоникас Владислав Иосифович. ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. № 563: 4—9.
- Археолого-этнографическое совещание 1: Стенографический отчет археолого-этнографического совещания (конференции). Ч. 1. 7—9 мая 1932 г. РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1932. № 201.
- Дело Бонч-Осмоловского: Личное дело Бонч-Осмоловского Г. А. РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. № 76.
- Документы о прохождении аспирантуры АН СССР [В. И. Равдоникас]. Рекомендация, план работы, отчет и др. ПФА РАН. Ф. 1049. № 11.
- Личное дело Равдоникаса В. И. РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. № 252.
- Материалы по чистке ГАИМК (стенографические отчеты общих собраний, протоколы и переписка). РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1930. № 4.
- Отзывы о научной деятельности и трудах Равдоникаса В. И. ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 2. № 51.
- Равдоникас, В. И. Доклад, читанный на общем собрании Тихвинского отделения НОЛД 21 марта 1916 г. Об археологическом и этнографическом исследовании Тихвинского уезда. ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 1. № 1.
- Руденко, С. И. Природа этнографического музея и система его построения. 1925 г. ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. № 65: 1—7.
- Свидетельства и удостоверения [В. И. Равдоникаса] об учебе и окончании реального училища. Политехнического института и Петроградского университета. ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 2. № 3.
- Тазеева. Материалы 1: Тазеева Н. В. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как археолог-доисторик. Материалы. Т. 1. РА ИИМК РАН. Ф. 71. № 61.

PANORAMA OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY AT THE «GREAT TURN»

(after the book by V. I. Ravdonikas
«For the Marxist History of Material Culture»)

N. I. PLATONOVA

The article by N. I. Platonova presents a new analysis of the book of a well-known Soviet archaeologist V. I. Ravdonikas «For the Marxist History of Material Culture» («За марксистскую историю материальной культуры», Ленинград, 1930). In historiography, both Russian and foreign, this work is usually considered as an important methodological guide which opened a new stage in the development of archaeology in the USSR. It introduced into the science a new general conception or historiographic scheme according to which, before accepting the sociological («Marxian») method of research, Russian archaeology had been entirely dominated by empiricism,

i. e. excavations were carried out, but there was no *archaeological idea*. Even now this statement is considered trustworthy in the world science. Only certain particular evaluations and formulations have been corrected. In many respects, Ravdonikas's work determined the modern views about Russian archaeology of the first third of the 20th century, which were reflected in works of L. S. Klein, B. Trigger, P. M. Dolukhanov, and others.

Instead of studying the history of archaeology in Russia after Ravdonikas, this paper proposes to the reader rather to check what the author of the book passed over in silence when describing

the state of our science in the USSR in 1920s. As a result one finds out that the 'panorama of the Russian archaeology' shown by Ravdonikas has serious flaws. It lacks in many facts that now seem the most important and valuable, including those of which the author really could not be unaware.

This paper presents materials indicating that actually archaeology was developing quite rapidly in Russia during 1920s. It is during this period that A. A. Miller, B. S. Zhukov, G. A. Bonch-Osmolovsky, S. N. Zamyatnin and others developed a brilliant in their time technique of field researches. During the NEP period, Russian scholars began successful studies of the *mass archaeological evidence*. They introduced the conception of a complete set of artefacts into the scientific literature, and practically realised the method of tracing the cultural-stratigraphic columns on the basis of a series of guiding archaeological complexes. In 1926—29 the first attempts of employing mathematical methods in archaeological studies were made. In 1929, a work applying (for the first time in the world practice) the combinatorial statistic method to archaeological materials was completed and sent to press in Leningrad. Nevertheless, owing to the political situation in the country, this article written by M. P. Gryaznov was published only much later — in 1941.

Ravdonikas was, in fact, excellently informed about how things stood in Russian archaeology. His true views become clear due to his 'slips of the tongue' which are abundant in his book:

«...Only now we are entering the real golden age of the bourgeois methodology...» (p. 41).

«...Actually, only after the Revolution or just shortly before it this methodology began yielding its true fruits here...» (p. 62).

«... Only now the formal typological methods — this firm base of the bourgeois archaeology — have found here their real application in the mass studies...» (p. 69). Etc.

The like slips, being scattered throughout the entire book, however sink down among florid and caustic accusations of Russian archaeology as allegedly «a purely descriptive things-knowledge... devoid of any method» (p. 34 etc.). Having dropped isolated phrases about the achievements of the 'bourgeois' methodology on the Russian soil, Ravdonikas prefers not to enlarge upon the subject. We may conclude that, stating the retrograde character of Russian archaeology, the author of the book simply was fulfilling a social order of the epoch of the 'Great Turn'. His historiographical scheme is actually one of the myths of the Stalin's era, skilfully inculcated in the mind of several generations of scholars.

The present paper presents some unknown before materials and documents concerning Ravdonikas's activities in 1920s. These materials confirm, in particular, that the decision to appear in the quality of a Marxist and severe judge before his colleagues was taken by him rather spontaneously in the late 1929 and was entirely called forth by the political situation of the time.

ПЕРСОНАЛИИ

АЛЕКСАНДР НАТАНОВИЧ БЕРНШТАМ

ИЗ ПЛЕЯДЫ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ
СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(К 90-летию со дня рождения)

Одним из базовых направлений российской археологической науки является ориентальная археология. Ее успехам и фундаментальности способствовало в первую очередь наличие в России, прежде всего, в Санкт-Петербурге мощного центра современного востоковедения. Это обстоятельство, в частности, благоприятствовало развитию таких смежных с археологией дисциплин, как нумизматика и эпиграфика. Основным информационный блок ориентальной археологии России обеспечивали археологические исследования в Центральной Азии, в меньшей мере — в Восточном Туркестане, а главным образом, в субрегионе, который носил наименование сначала Туркестана, а затем Средней Азии. Формирование соответствующего информационного блока шло постепенно и первоначально в значительной мере за счет усилий краеведческого характера. Своего рода «большой скачок» произошел в 30—40-е годы, в первую очередь, за счет усилий трех научных центров — Ленинграда, Москвы и Ташкента. Главным инструментом исследований здесь стали крупномасштабные экспедиции, охватывающие памятники широкого территориального и хронологического диапазона. Одну из таких экспедиций, работавшую на территории Киргизии и Южного Казахстана, возглавил А. Н. Бернштам.

А. Н. Бернштам родился в Керчи в 1910 году. Он рано проявил интерес к музейной деятельности, работал, в частности, экскурсоводом на знаменитой севастопольской Панораме. Этой тематике посвящена и его первая печатная работа «Принципы построения археологических подотделов в краеведческих музеях», опубликованная в 1929 г. в «Трудах кружка студентов краеведов» географического

факультета Ленинградского университета. Выпускником этого факультета и стал А. Н. Бернштам. В аспирантуре Государственной Академии истории материальной культуры А. Н. Бернштам изучал памятники древнетюркской письменности, что способствовало защите в 1934 г. кандидатской диссертации «Социально-экономический строй древнего тюркского (терминология 30-х годов. — В. М.) общества Туркми в Монголии». Переработанный текст этой работы увидел свет в 1946 г. под заглавием, уже более традиционным для советской историографии «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок в VI—VIII веках».

Активный и жизнедеятельный, А. Н. Бернштам был в полной мере человеком той эпохи и той ситуации, которая разворачивалась в стране с конца 20-х годов и которая в полной мере проявилась в бурлящей жизни ГАИМК. Стремление к новым аспектам исторической интерпретации сочеталось с догматически-начетническим использованием научного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса и со все усиливающейся политизацией науки. Бурные события и дискуссии порой приводили к проявлению тенденций своего рода политического килерства, на чем иные деятели стремились сделать карьеру, которая зачастую по принципу «не рой другому яму» для них самих заканчивалась трагически. Молодые аспиранты ГАИМК с энергией и запальчивостью вовлекались в этот процесс, составляя своего рода печатные труды, отнюдь не украшающие их научную биографию. Примером может служить опубликованная в «Известиях ГАИМК» статья А. Н. Бернштама «Руденко и руденковщина в этнографии». Как справедливо сказал

А. Твардовский, участвовавший в деидеологизации культа личности, а затем отдавший все силы прогрессивным начинаниям в возглавлявшемся им журнале «Новый мир», — «тут не убавить, не прибавить. Так это было на земле». Другое дело, что не это определило творческую биографию и творческий вклад действительно видных ученых, будь то В. И. Равдоникас, П. И. Борисковский и тот же А. Н. Бернштам. Фундаментальные разработки, яркие интерпретационные построения, теоретический порыв которых, безусловно, был стимулирован творческими поисками 30-х годов, определяли значение этих ученых первого советского поколения и их вклад в науку.

А. Н. Бернштам в этом отношении является особенно ярким примером. В 30-х же годах начинается его активнейшая экспедиционная деятельность, охватившая северную часть среднеазиатского региона, в первую очередь Киргизию и Южный Казахстан. Это был прорыв первооткрывателя, исколесившего многие тысячи километров маршрутных поездок с рас-

копками в тех или иных масштабах вновь открываемых памятников. Это была одна из составляющих «большого скачка» среднеазиатской археологии. Полевые открытия шли вровень с непрестанно ведущимися поисками новых аспектов их исторической интерпретации. Размах творческого потенциала ученого ярко демонстрируют работы, увидевшие свет в 1940 г. Здесь и небольшая книжка о кенкольском могильнике, ставшем эталонным памятником древнекочевнической археологии Средней Азии. Среди публикаций 1940 г. имеется проблемная статья о согдийской колонизации Семиречья, о тюркешских монетах, о бане средневекового Тараза, о золотой диадеме из элитного погребения в урочище Карагалы. С тем же проблемно-хронологическим размахом писались и книги, посвященные этому кругу памятников, в том числе монументальные труды в серии «Материалы и исследования по археологии СССР». Для А. Н. Бернштама была характерна четко организованная работоспособность, отраженная, в частности, в

датах, проставляемых на крупных рукописях, где фигурируют дата начала работы и дата ее окончания. На заседаниях Сектора Средней Азии и Кавказа в 50-х годах можно было видеть А. Н. Бернштама сидящим за обширным письменным столом, заваленным бумагами, и непрерывно пишущим. Это не мешало ему активно участвовать в обсуждении докладов и сообщений. Тысячи километров, проложенных по степям и горам, археологическим первопроходцем оставили эталонные открытия, вроде высокогорного андроновского могильника Арпа и могильника сакского круга Тамды на памирском высокогорье.

Скончался А. Н. Бернштам в весьма раннем для академического зубра возрасте — в 1956 г. Он был человеком кипучего жизнелюбия, что, конечно, требовало отдачи огромных жизненных сил. Нелегкой оказалась и академическая судьба ученого. Его в полной мере поразили те волны политического килерства, которому он сам не был чужд в аспирантские годы. В Киргизии была организована своего рода разгромная дискуссия по проблеме этногенеза кыргызского народа, и ученый, который столь много сделал для республики и организационно стоял у истоков создания ее Академии наук, оказался вне рамок этого научного учреждения. Сокрушающий удар был нанесен публикацией в журнале «Коммунист» уничтожающей рецензии на его книгу о гуннах. Это было сделано с далеко идущими политическими выводами. Соответствующие репрессии не замедлили последовать: А. Н. Бернштам был

отстранен от преподавания в университете, как идеологически несостоятельному лицу ему было запрещено иметь учеников. Один из его последних аспирантов — Ю. А. Заднепровский — был передан К. В. Тревер, хотя он фактически, по всем показателям, был учеником (и неизменным участником экспедиций) именно А. Н. Бернштама. Неумолимый каток политизации науки и общества безусловно не благоприятствовал сохранению здоровья энергичного и инициативного ученого.

Будучи по дипломному образованию этнографом, А. Н. Бернштам с большим уважением относился к обычаям повседневного бытия народов, на землях которых разворачивались его «археологические путешествия». Жители горного Алая с уважением вспоминают ученого, который, сидя на полу далекой от гигиены юрты, ел с ними мясо из одного котла, принимая его из рук гостеприимного хозяина. Соответственным образом было объективно оценено и его научное наследие в Киргизии, где он был в свое время подвергнут политическому остракизму. В 1995 г. был издан в Бишкеке сборник статей, посвященный его памяти, а затем были переизданы отдельным томом его печатные труды. Именно они и открытые памятники составляют надежное творческое наследие ученого независимо от тех корректировок и уточнений, которым подвергаются и будут подвергаться его построения и творческие гипотезы.

В. М. Массон

ХРОНИКА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 2000 г.

В 2000 г. деятельность ИИМК РАН велась в рамках семи научных направлений и 27 общих крупных тем. Тематика научной работы сотрудников Института определялась 126 индивидуальными заданиями, работа по которым нашла отражение в многочисленных публикациях (более 400), в том числе монографиях — как сданных в печать, так и опубликованных в различных российских и зарубежных изданиях.

В 2000 году в ИИМК РАН, благодаря целевому финансированию со стороны Президиума РАН, РГНФ, РФФИ и хоздоговорам были организованы 29 экспедиций и отрядов; многие сотрудники также приняли участие в работах совместных и международных экспедиций в различных регионах Европейской России, в Сибири и Арктике, на Украине, в странах Центральной Азии, в Польше и Швеции.

Значительное научное открытие было сделано во время работы одного из отрядов Тувинской экспедиции (начальник — с.н.с., к.и.н. Семенов В. А.) в Шарыповском районе Красноярского края. В местности под названием Каратагские Дальние горы было обнаружено уникальное местонахождение прекрасно сохранившихся наскальных рисунков-петроглифов (106 изображений), относящихся ко времени от начала II тыс. до н. э.—до рубежа н. э. На Северо-Западе России при работах Новгородской областной экспедиции (начальник — чл.-корр. РАН Носов Е. Н.) на известном Рюриковом городище — предшественнике Новгорода были открыты остатки уникальных дубовых оборонительных конструкций конца IX в. Плодотворно продолжалось исследование всемирно известных Костенковских позднепалеолитических стоянок (Воронежская обл.) двумя экспедициями Института (начальники — в.н.с., д.и.н. Аникович М. В. и с.н.с., к.и.н. Синицын А. А.). В Краснодарском крае продолжалось многолетнее успешное изучение памятников эпохи бронзы. Западно-Кавказская экспедиция (начальник — с.н.с., к.и.н. Трифонов В. А.) работала на уникальном дольмен-

ном комплексе в долине р. Жанэ под г. Геленджиком, предпринимая, наряду с раскопками, реконструкцию дольменов, а Майкопский отряд (начальник — с.н.с., к.и.н. Резепкин А. Д.), при участии французских коллег, раскапывал новые майкопские поселения на территории Адыгеи.

В 2000 г. продолжалась активная деятельность ИИМК РАН в области международных научных контактов. В Институте проходили стажировку и работали с материалами исследователи из США, Испании, Болгарии, Дании, Норвегии, Финляндии и стран СНГ. Многие сотрудники Института принимали участие и выступили с докладами на ряде международных симпозиумов, конференций и совещаний, как в России, так в странах СНГ и дальнего зарубежья.

Большим событием в научной жизни ИИМК РАН стали организация и проведение сотрудниками Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН (зав. Лабораторией — д.и.н., проф. Коробкова Г. Ф.) в январе-феврале 2000 г. международной научной конференции «Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии (в развитие идей С. А. Семенова). Первые Семеновские чтения», собравшей более 70 участников, среди которых было около 50 зарубежных коллег из многих стран Европы, США и Австралии. По существу, конференция явилась первой международной встречей ученых-трасологов такого масштаба. К началу работы конференции были опубликованы ее материалы объемом 10 п. л.

В октябре 2000 г. сотрудники Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа (зав. Отделом — д.и.н., проф. Массон В. М.), при поддержке МИД России, приняли участие в организации и проведении крупной международной конференции «Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы)» (Ашгабат, октябрь 2000 г.), которая собрала несколько сотен участников

почти из всех стран СНГ, Азии и Европы. Все печатные материалы конференции были подготовлены сотрудниками ИИМК РАН (с.н.с., к.и.н. Кирчо Л. Б.) и изданы в Санкт-Петербурге (20 п. л.). Одним из результатов работы этого форума стало решение о создании в Туркмении Института изучения культурного наследия во главе с проф. Массоном В. М. и издании журнала, что стало уже воплощаться в жизнь.

В ноябре 2000 г. была проведена конференция «Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе в конце римского времени и в раннем средневековье» по археологии и истории ранних славян, посвященная 60-летию со дня рождения к.и.н. Е. А. Горюнова, организованная сотрудниками Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН (зав. Отделом — д.и.н., проф. Кирпичников А. Н.). В ее работе приняли участие более 50 ученых, в том числе из Франции и Украины.

Большое научное звучание получила международная конференция «Хронология неолита Восточной Европы», посвященная памяти д.и.н. Н. Н. Гуриной, успешно проведенная в декабре 2000 г. сотрудниками Отдела археологии палеолита ИИМК РАН (зав. Отделом — к.и.н. Тимофеев В. И.) и сотрудниками Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (зав. Лабораторией — к.х.н. Зайцева Г. И.). В ее работе приняло участие 70 специалистов по мезолиту-неолиту из многих регионов России, Белоруссии, Украины, стран Балтии, а также Англии, Норвегии, Финляндии и Польши. К началу работы конференции был выпущен сборник ее материалов объемом 14 п. л.

В 2000 г. в Институте выполнялись 29 проектов РГНФ РФФИ и международных фондов, которые соответствовали основным направлениям деятельности ИИМК РАН, 12 из них успешно выполнены. Сотрудниками Экспериментально-трассологической лаборатории окончена работа над международным проектом INTAS «Особенности расщепления камня в палеолите Европы и Азии» (координатор — н.с., к.и.н. Гирия Е. Ю.), в выполнении которой принимали участие специалисты из Санкт-Петербурга, Новосибирска, Украины, Бельгии и Франции.

В 2000 г. в рамках Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997—2000 гг.» (ФЦП «Интеграция») в ИИМК РАН завершены работы по двум проектам полевых исследований: раскопки Старой Ладоги совместно с Ленинградским областным госуниверситетом (руководитель — д.и.н., проф. Кирпичников А. Н.) и на территории музея-заповедника Пушкинские

горы совместно с Санкт-Петербургской государственной Академией культуры (руководитель — в.н.с., д.и.н. Белецкий С. В.).

В отчетном году ИИМК РАН проводил издательскую деятельность как самостоятельно, так опираясь на гранты РГНФ, РФФИ и ряд договоров о сотрудничестве с другими научными учреждениями России и зарубежных стран. В 2000 г., при финансовой поддержке РГНФ, вышел из печати очередной ежегодник «Археологические вести» (выпуск 7, объем 48 п. л., отв. редактор — чл.-корр. РАН Носов Е. Н.), который содержит статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, нумизматики и сфрагистики. Публикуются новые материалы по памятникам эпохи палеолита, а также периодов энеолита и бронзы. В ряде статей освещаются различные аспекты античной культуры Северного Причерноморья. Вводятся в научный оборот интересные материалы по археологии эпохи средневековья.

Среди изданных монографий, появившихся в серии «Труды ИИМК РАН», том 3, следует отметить важнейшее монографическое исследование д.и.н., проф. Любина В. П. (совместно с Геде Ф. Й.) «Палеолит республики Кот д'Ивуар. Западная Африка», (20 п. л.) (грант РФФИ), которое подводит итог первым масштабным исследованиям палеолита в Западной Африке, проведенным в рамках двухгодичной работы совместной российской-ивуарийской экспедиции. В этой же серии (том 4) была издана монография, безвременно ушедшего от нас, д.и.н. Лисицына Н. Ф. «Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья» (24 п. л.), в которой подведен итог многолетним работам автора на юге Сибири.

В 2000 г., в Германии вышло в свет монографическое исследование д.и.н. Марченко К. К. (совместно с В. Г. Житниковым и В. П. Копыловым) «Елизаветовское городище на Нижнем Дону» (40 п. л.). Эта книга, содержащая параллельные тексты на русском и немецком языках, подводит итоги многолетних раскопок поселения и вносит большой вклад в разработку проблем археологии раннего железного века и греко-варварских взаимоотношений в Северном Причерноморье.

В конце 2000 г. в Германии вышла из печати монография с.н.с., к.и.н. Резепкина А. Д. «Северный Кавказ в эпоху ранней бронзы» на немецком языке (32 п. л.), посвященная изучению «майкопских древностей» на Кавказе.

Среди прочих изданий ИИМК РАН, вышедших из печати в 2000 г. можно упомянуть: «Славяне, финно-угры, волжские булгары. Доклады Международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории, 11—14 мая 1999 г. Пушкинские горы»; Кирпичников А. Н. «Крепость древнего Гдова»; «Древ-

ние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)» (отв. редактор — д.и.н., проф. Массон В. М.); «Культурное наследие Российского государства» (отв. редактор — чл.-корр. РАН Носов Е. Н. и д.и.н., проф. Кирпичников А. Н.); методические пособия «Далекое прошлое Пушкиногорья» выпуски 5 и 6 (отв. редактор — в.н.с., д.и.н. Белецкий С. В.); «Изучение памятников морской археологии», выпуск 4 (отв. редактор — н.с., к.и.н. Сорокин П. Е.); «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург» (отв. редактор — с.н.с., к.и.н. Длужневская Г. В.).

Признанием высокого уровня получаемых Лабораторией археологической технологии ИИМК РАН результатов стала организация с 2000 г. издания журнала «Radiocarbon and Archaeology». Журнал (том 1, номер 1; 10 п. л.), выходящий на английском языке, содержит статьи по актуальным проблемам радиоуглеродного датирования археологических культур Евразии, ответственный редактор с.н.с., к.х.н. Зайцева Г. И.

В Фотоархиве ИИМК РАН (заведующая — к.и.н. Длужневская Г. В.) была интенсифицирована работа по переносу фотографических изображений на электронные носители с целью сохранения уникальных фотоматериалов. В течение года состоялся переезд Фотоархива и части фондов библиотеки в новые отреставрированные помещения.

Ученый совет ИИМК РАН (в количестве 19 членов) в 2000 г. провел 9 заседаний, на которых, наряду с организационными вопросами, были заслушаны 3 научных доклада ведущих сотрудников Института: в.н.с., д.и.н. Васи-

льев С. А. «Заселение палеолитическим человеком Америки», с.н.с., к.и.н. Миняев С. С. «Актуальные проблемы археологии сунну», с.н.с., к.и.н. Скакун Н. Н. «Некоторые итоги раскопок и изучения материалов энеолитического поселения Бодаки»; и доклад проф. В.-Д. Немеяера (Археологический институт Гейдельбергского университета, Германия) «Милет в бронзовом веке: мост между Эгеидой и Анатолнией».

Два расширенных заседания Ученого совета были посвящены памяти сотрудников ИИМК РАН: 60-летию со дня рождения безвременно скончавшегося к.и.н. Горюнова Е. А. и 90-летию со дня рождения д.и.н. Бернштама А. Н.

В 2000 г. Диссертационный совет ИИМК РАН (Д 200.15.01) провел защиты 4-х докторских и 4-х кандидатских диссертаций.

В истекшем году диссертации на соискание степени кандидата исторических наук защитили два сотрудника ИИМК РАН:

1. Поплевко Г. Н. по теме «Методика комплексного исследования каменных индустрий и реконструкция древнего хозяйства поселений» на заседании Диссертационного совета ИИМК РАН;

2. Лисицын С. Н. по теме «Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья» на заседании Диссертационного совета исторического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета.

В 2000 г. в аспирантуре ИИМК РАН проходили подготовку 22 соискателя ученых степеней, 4 стажера и 1 аспирант на контрактной основе

*Ученый секретарь ИИМК РАН,
к.и.н. С. А. Кулаков*

РАБОТЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЯХ (1941–1991 гг.)

В 50-х—90-х годах сотрудниками Библиотеки ИИМК (ЛОИА) опубликовано 10 томов библиографического указателя «Советская археологическая литература», где с достаточной полнотой отражены работы отечественных археологов, опубликованные за период 1918—1987 гг. В указателе, за исключением первого тома (1918—1940) не отражены работы отече-

ственных исследователей, опубликованные за рубежом. Между тем это значительный пласт публикаций, расширяющий наше представление о развитии отечественной археологии за 50 послевоенных лет.

В основу данного указателя положена картотека «Rossica», ведущаяся в Библиотеке ИИМК с конца 1940-х годов. Картотека состо-

ит из четырех частей: 1 — работы отечественных археологов, опубликованные зарубежом; 2 — работы иностранных ученых, связанные с изучением археологических памятников на территории бывшего СССР; 3 — рецензии иностранных ученых на работы советских археологов; 4 — зарубежные публикации, посвященные советским ученым (personalia). Основным источником картотеки являются фонды Библиотеки ИИМК, а в силу этого не все работы могли быть нами учтены. Информация собиралась при просмотре de visu монографий, журналов, сборников статей практически на всех европейских языках, опубликованных в Европе, Азии и Америке. Работы, опубликованные на недоступных нам по языку изданиях во Вьетнаме, Китае, Корее, Японии, учтены только при наличии перевода заглавия на русский или европейские языки. Также в настоящей публикации учтены сведения, полученные при просмотре списков литературы, прилагавшимся к авторефератам и другим работам, публиковавшимся в СССР. Эти издания, не просмотренные de visu, отмечены значком — *. Часто сведения, полученные из вторичных источников, фрагментарны и не дают возможность дать полное библиографическое описание изданий, однако мы сочли возможным включить их в указатель. Также приведены сведения о рецензиях иностранных ученых на включенные в данный указатель работы советских археологов.

Настоящий указатель (часть I) составлен сотрудниками библиотеки ИИМК О. Н. Сажинной и Р. Ш. Левиной и служит существенным дополнением к библиографическому указателю «Советская археологическая литература».

Абдуразаков А. А.

1. — Indian and Central Asian connections: A study based on chemical analyses of glasses // *Archaeometry of glass: Proc. of the archaeometry session of the XIV Intern. Congr. New Dehli, 1986*: 37—43.

2. — Medieval glasses from the Tashkent Oasis // *JGS. 1969. Vol. 11*: 31—36: ил.

См. также №: 215.

Абрамишвили Р. М.

3. — Au pay du fer // *DossA Paris. 1984. № 88*: 46—53: ил.

Абрамова З. А.

4. — Локальные особенности палеолитических культур Сибири // *Actes du VII Congr. intern. des sciences préhist. et protohist. Prague, 1970. T. 1*: 327—330. Библиогр.: 330.

5. — L'art mobilier paléolithique en URSS // *Quartär. 1967. Bd. 18*: 99—125, 5 л. ил.: ил. Библиогр.: 125.

6. — Les corrélations entre l'art et la faune dans le paléolithique de la plaine Russe: La femme et le mammouth // *La contribution de la zoologie et l'éthnologie à l'interprétation de l'art de peuples chasseurs préhistoriques. Fribourg, 1984*: 333—342: ил.

7. — *Découvertes paléolithiques dans la région de Kiakhta // *Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957*: 237—244: ил.

8. — Une espèce de décor de l'art paléolithique de l'Europe // *Anthropologie (Brno). 1991. T. 29. № 1/2*: 79—83: ил. Библиогр.: 83.

9. — Judinovo: [1987—1989] // *ERAUL. 1991. № 52*: 11—12.

Соавт.: Григорьева Г. В.

10. — Krasnyi Iar — new Palaeolithic site on the Angara // *Arctic Anthropology. 1965. Vol. 3. № 1*: 122—128: ил. Библиогр.: 128.

11. — Palaeolithic art in the USSR // *Arctic Anthropology. 1967. Vol. 4. № 2*: 1—179: ил. Библиогр.: 105—115.

Рец.: Balout A. // *L'Anthropologie. 1969. T. 73. № 5/6*: 422—423.

12. — Periodization on Siberian Palaeolithic sites // *Nippon shuhen no kyusekki bunka. Tokyo, 1976. Vol. 4*: 182—188. Яп.

13. — Problèmes relatifs à l'étude du Paléolithique dans la région de l'Iénissei (Sibérie) // *L'Anthropologie. 1983. T. 87. № 2*: 207—213: ил. Библиогр.: 213.

14. — Le Professeur Pavel Boriskovsky: (1911—1991) // *BSPF. 1991. T. 88. № 9*: 262: портр.

Соавт.: Праслов Н. Д.

15. — Résultats de fouilles récentes sur le gisement de Kostienki I // *BSPF. 1974. T. 71. № 8/9*: 226.

16. — The steppes in the Late Palaeolithic // *Antiquity. 1989. Vol. 63. № 241*: 783—792: ил. Библиогр.: 784.

Соавт.: Борзияк И. А., Праслов Н. Д., Сапожников И. В., Станко В. Н.

17. — Zoomorphic-anthropomorphic images in the Palaeolithic art // *The World archaeol. Congr. 1986. Final papers. Southampton, 1986. Vol. 2*: 1—6. Библиогр.: 6.

18. — Zur Jagd im Jungpaläolithikum: Nach Beispielen des jungpaläolithischen Fundplatzes Kokorevo I in Sibirien // *AKorrBl. 1982. Jg. 12. H. 1*: 1—9: ил. Библиогр.: 9.

Авалишвили Г. Б.

19. — The elements of the Kolhida-Koban art in the Scythian «Animal style» // *FoIA. 1990. № 13*: 25—29.

Авдиев В. И.

20. — Международные связи Пунического Карфагена (Карфаген и Египет) // *Acta Ant-Hung. 1967. T. 15. F. 1/4*: 263—272.

Авдусин Д. А.

21. — Археологические данные о внешних связях Гнездова // *SborBrno*. 1989/90. С. 34/35 (1990): 53—60. Библиогр.: 59.

22. — Археологические данные о возникновении древнерусских городов // *Slované* 6.—10. století. Brno, 1980: 7—16.

23. — Gnezdovo — der Nachhar von Smolensk // *ZfA*. 1977. Bd. 11. H. 2: 263—290; ил. Библиогр.: 289—290.

24. — Material culture in the towns of Ancient Rus (in the light of the excavations at Novgorod) // *Varangian problems*. Copenhagen, 1970: 95—106.

25. — Smolensk and the Varangians according to the archaeological data // *NAR*. 1969. Vol. 2: 52—62; ил.; 1970. Vol. 3: 113—117; 1971. Vol. 4. № 2: 65—68.

26. — Three chamber graves at Gniozdovo // *Fornvännen*. 1988. T. 83. № 1: 20—33; ил. Библиогр.: 31—32.

Соавт.: Пушкина Т. А.

Авилова Л. И.

27. — О погребальном обряде культуры Гумельница // *StPraehist*. 1984. T. 7: 153—163.

28. — О социальной структуре позднетрипольского общества (по данным погребальных памятников) // *StPraehist*. 1990. № 10: 200—218.

Агаджанян А. К.

29. — Quartäre Kleinsäuger aus der Russischen Ebene // *Quartär*. 1977. Bd. 27/28: 111—145; ил. Библиогр.: 143—145.

Агларов М.

30. — Les avars du Caucase, quelques aspects de leur histoire ethnique et politique // *MAInst-UngAk*. 1972. Beih. 1: 151—152.

Адаменко О. М.

31. — Korolevo un des plus anciens habitats acheuléens et moustériens de transcarpatie Soviétique // *L'Anthropologie*. 1990. T. 94. № 4: 689—712; ил. Библиогр.: 711—712.

Соавт.: Гладилин В. Н.

Азарян Л. Р.

32. — Khatchkar (Croci di pietra). — Milano, 1969. — 63 с.: ил. (Documenti di architettura armena; 2).

Соавт.: Манукян А.

Акимова Л. И.

33. — Roman bronze statuettes discovered in Bosphorus // *Intern. Tagung über Antike Bronzen: Kurzfassungen der Referate*, 10. Freiburg, 1988: 2.

Акимова М. С.

34. — Matériaux anthropologiques dans le cimetière de Tankeevka // *StA*. 1977. Vol. 6: 223—236; 1 л. ил. Библиогр.: 235—236.

Акишев К. А.

35. — Les nomades à cheval du Kazakhstan dans l'Antiquité // *Nomades et sédentaires en Asie Centrale*. Paris, 1990: 15—18.

36. — Study of the Medieval relics of Kazakhstan // *JCentrAs*. 1986. Vol. 9. № 2: 111—129; ил. Библиогр.: 118—123.

Аксенов М. П.

37. — New data on the pre-Neolithic period of the Angara Region // *Arctic Anthropology*. 1968. Vol. 5. № 1: 213—223; ил. Библиогр.: 222—223.

Алексеев В. П.

38. — Некоторые итоги изучения краниологии восточнославянских народов // *Anthropos (Brno)*. 1967. И. 19. (N. S.): 9—13. Библиогр.: 13.

39. — The craniology of the Asiatic Eskimo // *Arctic Anthropology*. 1964. № 2: 120—125. Библиогр.: 123—124.

40. — The craniology of the Orochi // *Arctic Anthropology*. 1964. № 2: 126—132. Библиогр.: 123—124.

41. — On Eskimo origins // *CAnt*. 1979. Vol. 20. № 1: 158—164. Библиогр.: 164.

42. — In memoriam Viktor Valerianovich Bunak // *Anthropologie (Brno)*. 1980. T. 18. P. 1: 97—98.

Соавт.: Гохман И. И., Лебединская Г. В.

43. — Morphologische Aspekte des Sexualdimorphismus beim paläolithischen Menschen // *SUFG*. 1985. Bd. 41: 71—74. Библиогр.: 73—74.

44. — Physical anthropology of Soviet Asia. — München, Wien: Oldenburg, 1983. — 166 с., 10 л. ил.: ил. — (Rassengeschichte der Menschheit; Lfg. 9. Asien II).

Соавт.: Гохман И. И.

Рец.: 1. Jelinek J. // *Anthropologie (Brno)*. 1985. T. 23. № 2: 191.

2. Stloukal M. // Там же: 188—189.

45. — Vulf Venjaminovii Ginzburg (1904—1969) // *Anthropologie (Brno)*. 1969. T. 7. № 3: 90—91.

Соавт.: Гохман И. И., Трофимова Т. А.

Алексеева Е. М.

46. — La ville antique de Gorgippia redécouverte // *Archeologia (Paris)*. 1988. № 240: 5—6; ил., карт.

Алексеева Т. И.

47. — Славяне и их соседи (по данным антропологии) // *Anthropologie (Brno)*. 1966. Vol. 4. № 2: 3—32; ил.

Алексидзе А.

48. — Martha-Maria: A striking figure in the cultural history of Georgia and Bizantium //

Koromila M. The Greeks in the Black Sea from the Bronze Age to the early 20th century. Athens, 1991: 204—212.

Алексин В. А.

49. — Beginnings of early class societies in Mesopotamia and in Anatolia: According to evidence of burial customs // The World Archaeol. Congr. 1986. Final papers. Southampton, 1986. Vol. 3: 1—10. Библиогр.: 9—10.

50. — Burial customs as an archaeological source // *CAnt.* 1983. Vol. 24. № 2: 137—145, 148—149. Библиогр.: 148—149. Reply to comments // Vol. 24. № 3: 377—379. Библиогр.: 379; Vol. 24. № 5: 666. Библиогр.: 666.

51. — On burial practices and archaeology: Reply // *CAnt.* 1983. Vol. 24. № 4: 526.

52. — Изучение социальной и классовой дифференциации по погребальным обрядам древних обществ // *ŠZ AÜSAV.* 1988. Т. 25: 59—64. Библиогр.: 64—65.

Алпатов М. В.

53. — À propos de deux icônes de Chilandar // Хиландарски зборник. 1978. Т. 4: 63—74, 8 л. ил.

54. — Die «Apokalypse» des Moskauer Kremls und das antike Erbe in der europäischen Kunst // *JÖBG.* 1962/1963. Bd. 11/12: 211—227, 4 л. ил.

55. — Die Fresken von Volotovo in Novgorod.: Versuch einer Deutung // *JÖBG.* 1966. Bd. 15: 303—321, 4 л. ил.

56. — Geschichte der Kunst. Übs von Kurt Küppers. Bd. 1. Die Kunst der Alten Welt und des Mittelalters. 2 Aufl. — Dresden, 1964. — 461 с.: ил.

57. — Trésors de l'art russe. — Paris: le Club français du livre, 1967. — 183 с.: ил.

Альбаум Л. И.

58. — Wächter des Goldes. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker vor dem Islam. — Berlin: VEB, Deutscher Verl. Des Wiss., 1972. — 280 с.: ил.

Рец.: 1. Glaesser G. // *East and West.* 1973. Vol. 23. № 3/4: 384—389.

2. Kühn H. // *Ipek.* 1973. Bd. 23: 216—217.

Аманжолов А. С.

59. — «Шумеро» — тюркские соответствия и изобразительные логограммы // *SchrOr.* 1974. № 5: 65—71.

Амашукели Н.

60. — Problèmes de restauration et de conservation des monuments de Vani // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 287—288.

Соавт.: Кипиани Г. Г.

Амиранашвили Ш. Я.

61. — *Georgian metalwork from antiquity to the 18th century. — London: Hamlyn, 1971. 175 с., 109 л. ил.

Рец.: Blaiz c. // *AntJ.* 1973. Vol. 53. P. 1: 135.

62. — Poklady Gruzie. — [Praha]: Obelisk, 1971. — 175 с.: ил., карт. Библиогр.: 168.

Андреев Г. И.

63. — 1959 field work of the section of the Far Eastern expedition in the maritime territory // *Arctic Anthropology.* 1965. Vol. 3. № 1: 129—135: ил. Библиогр.: 135.

Соавт.: Андреева Ж. В.

Андреев Ю. В.

64. — Проблема становления города в свете марксистской исторической науки // *ŠZ AÜSAV.* 1988. Т. 25: 67—72.

65. — Urbanization as a phenomenon of social history // *OJA.* 1989. Vol. 8. № 2: 167—177. Библиогр.: 176—177.

Андреева Ж. В.

См. №: 63.

Аникович М. В.

66. — Костенковско-стрелецкая археологическая культура // *Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur européen: colloque intern.* Cracov, 1989: 21—22.

67. — Место археологии в системе исторических наук // *ŠZ AÜSAV.* 1988. Т. 25: 73—78. Библиогр.: 78.

68. — About character of hunting armament at the sites of the Kostenki — Streletskaya culture // *La chasse dans la préhistoire: Colloque intern.* Pre-actes. Treignes, 1990: 6.

69. — Au sujet des liens culturels entre certains industries du Paléolithique supérieur d'Hongrie et de l'Europe d'Est // *BibA Iass.* 1991. Т. 4: 72—89: ил. Библиогр.: 79—80.

Соавт.: Григорьева Г. В.

Анисюткин Н. К.

70. — Индустрии с листовидными острями среднего палеолита Юго-Запада Европейской части СССР // *Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur européen: Colloque intern.* Cracovie, 1989: 7—8.

71. — La chronologie du moustérien de la zone du Dniestr // *BibA Iass.* 1990. Т. 4: 52—55. Библиогр.: 55.

72. — Les industries moustériennes à pointes foliacées du Sud-Ouest de la partie européenne de l'URSS // *ERAUL.* 1990. № 42: 31—41: ил. Библиогр.: 35—36.

73. — Le moustérien du Sud-Ouest de l'URSS // *L'Anthropologie.* 1990. Т. 94. № 4: 713—737: ил. Библиогр.: 735—737.

74. — Moustierske nálezisko Tupča na Zakarpatskey Ukrajině // Východoslovenský pravek. 1971. T. 2: 5—11: ил.

75. — De nouvelles données sur le Paléolithique ancien de la Moldavie // L'Anthropologie. 1987. T. 91. № 1: 69—74: ил. Библиогр.: 74.

76. — Paléolithique: le temps des mammoths // Avant les Scythes: Préhistoire de l'art en USSR: Catalogue. Paris, 1979: 25—29: ил.

Анохин В. А.

77. — *The Coinage of Chersonesus: IV century B. C.—XII century A. D. — London: BAR, 1980. — 182 с., 16 л. ил. — (BAR; Intern. ser.; 69).

Рец.: Bridge R. N. The coinage of Chersonesus // NumChron. 1981. Vol. 141: 182—187.

78. — Die Münzen der skythischen und sarmatischen Könige // HambBeitrA. 1991. Bd. 18 (1996): 141—150, 1 л. ил.: ил.

Антейн А. К.

79. — Дамасская сталь в древней Прибалтике // Actes du XIe congrès intern. d'histoire des sciences. Wrocław: i i., 1968: 268—272: ил.

80. — Наконечники копий с посеребренными втулками в древней Прибалтике и исследование дамаскирования их перьев // StAWrocław. 1967. T. 2: 289—305: ил. Библиогр.: 303—304.

81. — Der Geschichte der Rennöfen in Lettland // MatA. 1991. № 26: 87—88: ил. Библиогр.: 88.

82. — Die Kurischen Rhombischen Lanzen spitzen mit damaszierten Blatt // Gladius. 1968. T. 7: 5—26: ил. Библиогр.: 26.

83. — Im Ostbaltikum gefundene Schwerter mit damaszierten Klingen // WK. 1966. Bd. 8. H. 2: 111—125: ил.

Антонова Е. В.

84. — Die neolithischen, kupfer-und bronzezeitlichen Statuetten aus Turkmenistan // AVA-Beitr. 1990. Bd. 9/10: 5—24, 15 л. ил.: ил.

Соавт.: Сариниди В. И.

Антонова И. А.

85. — Field research by the Cherson museum // Museum (UNESCO). 1966. Vol. 19. № 3: 172—178: ил.

Анфимов Н. В.

86. — Основные этапы развития меотской культуры эпохи раннего железа на Северо-Западном Кавказе // Congr. intern. des sciences préhist. et protohist; 7. Prague, 1971. T. 2: 865—870.

Аракелян Б. Н.

87. — Мозаичный пол в крепости Гарни (Армения) // Klio. 1959. Bd. 37: 232—240, 2 л. ил.: ил.

88. — Alkuni risultati della ricerca archeologica ad Armavir // SMEA. 1971. F. 14: 41—56, 4 л. ил.: ил.

89. — Armenian mosaic of the Early Middle Ages // Atti del I Simposio intern. di arte Armena 1975. Venezia: Lazzaro, 1978: 1—9, 5 л. ил.

90. — *Die Ausgrabungen in der Festung Garni // Sowietwissenschaft, gewi. Abt. 1950. H. 4: 131—133.

Арешян Г. Е.

91. — Les éleveurs non sédentaires et les civilisations agricoles à l'Age du Bronze sur le plateau armenien et au Caucase méridional // Nomades et sédentaires en Asie Centrale. Paris, 1990: 19—25.

92. — Die frühe Klassengesellschaft im nordöstlichen armenischen Hochland // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1977. № 1: 97—108.

Арсеньева Т. М.

93. — Das antike Tanais: Forschungen und Geschichte // Klio. 1988. Bd. 70. H. 2: 372—403: ил.

Арсланов Х. А.

См. №: 441.

Артамонов М. И.

94. — Восточные славяне и кочевники причерноморских степей до татарского завоевания // Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław: i. i., 1969. T. 2: 355—358.

95. — Этническата принадлежност историческото значение на пастирската култура // Археология (София). 1969. Год 11. Кн. 3: 1—10: ил.

96. — Гелони, агатирси и сигини // Археология (София). 1976. Год 18. Кн. 2: 1—9. Библиогр.: 8.

97. — К вопросу о происхождении скифского искусства // Omagiu lui George Oprescu cu prilejul implinirii a 80 de ani București, 1961: 31—46: ил.

98. — К предистории скифо-сибирского звериного стиля // Mélanges offerts à K. Michałowski. Warszawa, 1966: 239—251: ил.

99. — Произведения китайского искусства в Эрмитаже // Чжунсу юхао. 1958. № 5: 30—32. Кит.

100. — Славяне и болгары в Поднепровье // Intern. kongr. für slaw. Archäologie. 2. Berichte. Berlin. 1970. Bd. 1: 119—132.

101. — Тюрко-болгары и славяне в Западном Причерноморье // Славяните и средиземноморският свят VI—XI вв. София, 1973: 267—270.

102. — L'archeologia scitico-siberiana nell'Unione Sovietica // Ulisse. 1966. An. 19. Vol. 9. F. 57: 107—118. Библиогр.: 116—117.

103. — L'art barbare scythe, de la Sibérié à la mer Noire // Les origines du Far-west russe. Paris: Cercle d'art, 1971.

104. — *Einführung // Charrière G. Von Sibirien bis zum Schwarzen Meer. Die Kunst der Skythen. — Köln: Du Mont Schauberg, 1974.

105. — Frozen tombs of the Scythians // Scientific American. 1965. May: 101—109; ил.

106. — Frozen tombs of the Scythians // Avenues to Antiquity. San Francisco, 1976: 248—256; ил. Библиогр.: 326.

107. — *Goldschatz der Skythen in der Eremitage. — Prag: Artia; Leningrad: Sowetskij Chudoshnik, 1970. — 154 с.: ил.

Рец.: Häusler A. // WissZHalle. 1979. Bd. 20. H. 2: 167—169.

108. — Khazar — Festningen Sarkel // Viking. 1955. Vol. 19: 99—120, 10 л. ил.

109. — Na marginesie zadanienia pochodzenia słowian wschodnich [Рец.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. — М; Л., 1948] // Swiatowit. 1949. T. 20: 359—390.

110. — *Die neuen Ausgrabungen in Sarkel — Belaja Wesha // Sowjetwissenschaft, gewi. Abt. 1950. H. 3: 108—117.

111. — *Szarkel — Belaja Veza // Szovjet rezeszet. 1960. № 16: 39—65.

Арутюнов С. А.

112. — Ancient cemeteries of the Chukchi Peninsula // Arctic Anthropology. 1964. Vol. 2. № 1: 143—154; ил.

Соавт.: Левин М. Г., Сергеев Д. А.

113. — Das Problem der archäologischen Kriterien mit ethnischer Spezifik // EAZ. 1981. Jg. 22. H. 4: 669—685. Библиогр.: 683—685.

Соавт.: Хазанов А. М.

114. — Two millenia of cultural evolution of Bering Sea hunters // Arctic Anthropology. 1968. Vol. 5. № 1: 72—75.

Соавт.: Сергеев Д. А.

Арутюнян Н. В.

115. — Einige Fragen der Geschichte der Spätzeit von Urartu // Intern. Tagung der Keilschriftforscher der sozialist. Länder. Budapest, 1974: 32—33.

116. — Nouveau lexique dans les tablettes cuneiformes ourartéenes // AltOrF. 1988. Bd. 15. H. 1: 119—123.

117. — La nouvelle inscription ourartéene découverte en Arménie soviétique // Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients. 1982. Bd. 15: 89—93, 1 л. ил.

118. — Problèmes concernant la dernière période de l'histoire d'Urartu // ActaAntHung. 1974. T. 22. F. 1/4: 415—428.

То же: Wirtschaft und Gesellschaft im Alten Vorderasien. Budapest, 1976: 415—428.

Арциховский А. В.

119. — *Ausgrabungen in Nowgorod // Sowjetunion. 1953. № 3: 22—23.

120. — *Funde in Nowgorod // Sowjetunion. 1955. № 4: 32—33.

121. — *Gross-Nowgorod nach archäologischem Tatsachenmaterial // Sowjetwissenschaft. 1949. H. 3: 83—91.

122. — Каогусюе тунхунь // Пекин: Касюе чубаньшэ, 1956. — 308 с.: ил. Кит. — Библиогр.: 275—308.

123. — Kultura wczesnosredniowiecznego Nowgorodu // Dawna kultura. 1954. Z. 1: 20—29; ил.

124. — Znaleziska u Nowogrodzie // Dawna kultura. 1955. Z. 3: 139—144; ил.

Аскарлов А. А.

125. — Andronovo culture near the Zravshan River // Russian translation ser. of the Peabody museum of Archaeology and Ethnology: Harvard univ. 1966. Vol. 3. № 1: 81—93; ил.

126. — Kućuk-Tepe, spätbronzezeitliche Siedlung in Süd-Usbekistan // AVA-Beitr. 1982. Bd. 4: 1—22; ил. Библиогр.: 22.

127. — Southern Uzbekistan in the second millennium B. C. // The Bronze Age civilization of Central Asia. New York, 1981: 256—272; ил.

Асратян М. М.

128. — Gandzazar. — Milano, 1987, 67 с.: ил. — (Documenti di architettura Armena; 17).

Соавт.: Улубанян Б. А.

129. — Pubblicazioni di A. L. Jakobson // Ricerca sull'architettura Armena. 1986. № 25: 2—15; портр.

Атагарриев Е. А.

130. — Древности Туркмении в свете археологических раскопок // WissBeitHalle. Reihe 1. 1980. № 30: 35—57; ил. Библиогр.: 51—53.

131. — The archaeological exploration of Turkmenistan in the years of Soviet power // East and West. 1970. Bd. 20. № 3: 285—306, 1 л. ил.

Соавт.: Бердыев О. К.

Атаханов Т. М.

132. — Note sur la découverte fortuite d'éléments d'un trône préislamique au Tadjikistan // ArtAs. 1988. T. 43: 156—157; ил.

Аулих В. В.

133. — К вопросу о раннеславянских городищах Северной Вольны и Полесья // SIAnt. 1988. T. 30: 87—91.

134. — Der slawische Burgwall aus dem 6.—7. Jahrhundert u. Z. im Ort Zimne in Westwohlyenien // Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej. Wrocław: i.i., 1970. T. 3: 28—33. Библиогр.: 33.

Афанасьева В. К.

135. — Gilgameš and Enkidu in Gliptic art and in the epic // Klio. 1971. Bd. 53: 59—75.

Ахвледзани Д. В.

136. — Les tuiles estampilées de Vani // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 283—285.

Бадалянц Ю. С.

137. — Вопросы хронологической классификации родосских керамических клейм // Klio. 1989. Bd. 71. N. 1: 226—240.

138. — Развитие родосской керамической эпиграфики // Klio. 1983. Bd. 65. N. 1: 81—105.

Бадер Н. О.

139. — Soviet investigations in North-East Syria, 1988 // AAS. 1987/88. Vol. 37/38: 190—223: ил.

Соавт.: Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.

Бадер О. Н.

140. — Фатьяновский металл и его средне-европейские связи // SborNM Praha. Řada A. 1966. Sv. 20. № 1/2: 79—83.

141. — Abitanti dell'estremo Nord dell'Europa nel Paleolitico // RScPreist. 1971. Vol. 26. F. 2: 325—345: ил.

142. — *Altsteinzeit in Nordosteuropa: Ideen des exacten Wissens // Wissenschaft und Technik in der Sowietunion. 1972. № 1: 21—36: ил.

143. — *Fyndet i Sungir // Forsking och Framsteg, 1975: 2.

144. — Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. — Helsinki, 1957. — 40 с: ил. (Suomen muinaismuistoydistyksen aikakauskirja; 59, 1).

145. — Neolithische Gräber des Ural- und Wolgagebietes // JSchrVgHalle. 1976. Bd. 60: 299—304: ил. Библиогр.: 304.

146. — New data on the original inhabitation of the North-East Europe // Quartär. 1968. Bd. 19: 181—197: ил.

147. — Nouvelles sépultures paléolithiques en URSS // Archeologia (Paris). 1965. № 4: 61—64: ил.

148. — The Palaeolithic of the Urals and the peopling of the North // Arctic Anthropology. 1965. Vol. 3. № 1: 77—90: ил. Библиогр.: 80—82.

149. — Die paläolithischen Höhlenmalereien in Osteuropa // Quartär. 1967. Bd. 18: 127—138: ил.

150. — Pitture rupestri paleolitiche negli Urali // RScPreist. 1966. Vol. 21. F. 2: 365—378: ил.

151. — *Les problèmes du peuplement primitif de l'Europe du Nord, à la lumière des dernières découvertes // VIIIe Congr. INQUA. Paris, 1969: 359.

152. — Soungir, une station du Paléolithique supérieur de la Russie centrale // Report of the 6 intern. Congr. on Quaternary. Łódź, 1964. Vol. 4: 229—240: ил.

Соавт.: Громов В. И., Сукачев В. Н.

153. — Eine ungewöhnliche paläolithische Bestattung in Mittelrussland // Quartär. 1967. Bd. 18: 191—193: ил.

154. — Das zweite Grab in der paläolithischen Siedlung Sungir im mittleren Russland // Quartär. 1970. Bd. 21: 103—104.

Байпаков К. М.

155. — La ville et la steppe au Moyen Âge (d'après les matériaux du Kazakhstan du Sud et du Semirech'e) // Nomades et sédentaires en Asie Centrale. Paris, 1990: 49—52.

См. также №: 36.

Балагури Э. А.

156. — Актуальные вопросы истории исследования памятников эпохи бронзы Верхнего Потисья // SlovA. 1988. Roč. 36. Č. 1: 9—17. Библиогр.: 16—17.

157. — Исследование археологических памятников Закарпатья за годы Советской власти // SlovA. 1975. Roč. 23. Č. 2: 261—282: ил. Библиогр.: 276—280.

158. — Клад бронзовых изделий из поселения эпохи поздней бронзы с. Медведовцы Мукачевского района Закарпатской области УССР // ActaArchHung. 1968. T. 20. F. 1/4: 149—152: ил.

159. — Новые данные об изучении памятников конца III — начала II тыс. до н.э. в Верхнем Потисье (Восточнословацкая курган. группа) // Thracia Praehistorica. Sofia. 1982: 209—220. (Pulpudeva; Suppl. 3).

160. — Памятники племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье // Actes du VII-e Congr. intern. des sciences préhist. et protohist. Prague, 1970. T. 1: 636—641.

161. — Этно-культурная карта Северо-Восточных Карпат на рубеже нашей эры // Rapports du III-e Congr. intern. d'Archéologie Slave. Bratislava. 1980. T. 2: 35—41. Библиогр.: 40—41.

Балонов Ф. Р.

162. — Богове, гиганты и крилати коне у «черноморските варвари» // Изкуство. 1986. Год. 36. № 8: 9—13: ил.

Бандрицкий Н. С.

163. — Наскальные изображения гальштатского периода в Карпато-Балканском регионе // 7-mes semaines Philippopolitaines de l'histoire et de culture thrace: Résumés. Plovdiv. 1990: 8—9.

Банк А. В.

164. — Два литика из недавних раскопок // ZborMuzBeograd. 1979. T. 9: 221—224, 1 л. ил.

165. — *Находки мелкой пластики в Херсонесе и в Болгарии (XI—XIV вв.) // Byzantino-Bulgarica. 1981. T. 7:

166. — Новые черты в византийском прикладном искусстве XIV—XV вв. // Моравска школа и нјено доба. Београд, 1972: 55—59.
167. — Об одной группе византийских статитов // Зограф. 1982. № 13: 7—8: ил.
168. — Об одной группе перегородчатых эмалей X века // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984: 170—172: ил.
169. — Об одном неизвестном памятнике византийского чеканного искусства // Зограф. 1979. № 10: 7—10: ил.
170. — Рец.: Stichel R. Studien zum Verhältnis von Text und Bild spät- und nachbyzantinischer Vergänglichkeitsdarstellungen. — Wien, 1971. — 154 с. // Byzantinoslavica. 1974. Т. 35. № 1: 70—73.
171. — Un bas-relief byzantin de la collection de l'Ermitage // DeltChrA. 1964. Т. 4: 277—280, 1 л. ил.
172. — Byzance et les civilisations avoisinantes: arts mineurs // JbÖByz. 1982. Bd. 32. H. 5: 113—120.
173. — Bizantinischer Kunstexport in Russland und Transkaukasien // WissBeitrHalle. 1978. № 13 (K 4): 24—30.
174. — Une icône en pierre représentant le Christ Pantocrator // DeltChrA. 1981. Т. 10: 53—58: ил.
175. — *Les modèles de Constantinople et les copies locales // Actes du XXII-e Congr. intern. d'histoire de l'art. Budapest, 1972. Т. 1: 179—180.
176. — Les monuments de la peinture byzantine du XIII-e siècle dans les collections de l'URSS // L'Art byzantin du XIII-e siècle: Symp. de Sopocáni. Београд, 1967: 91—101, 6 л. ил.
177. — Quelques monument de l'art appliqué byzantin du IX—XII ss. provenant des fouilles sur le territoire de l'URSS durant les dernières dizaines d'années // Actes du XII-e Congr. intern. des Études Byzantines. Београд, 1964. Т. 3: 13—21, 3 л. ил.
178. — Nouveaux travaux concernant la glyptique byzantine // Byzantinoslavica. 1962. Т. 23. № 1: 52—59.
179. — Quelques problèmes des arts mineurs byzantins au XI-e siècle // The Proceedings of the XIIIth intern. Congr. of Byzantine studies. London, 1967: 235—241, 2 л. ил.
180. — Quelques problèmes des arts mineurs Byzantins au XIV-e siècle: L'argenterie // Actes du XIV-e Congr. intern. des Études Byzantines. București, 1975. Т. 2: 39—46, 2 л. ил.
181. — Relief en marbre à l'image de Saint Luc, évangéliste // JbÖByz. 1972. Bd. 21: 7—11, 2 л. ил.
182. — Les stéatites: Essai de classification, methodes des recherches // Corsi di cultura sull'arte ravennate e byzantina. Ravenna, 1970: 355—381: ил.
- Барамидзе М. В.**
183. — L'Établissement de Pitchori // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 189—193.
- Баран В. Д.**
184. — Истоки пражской культуры: по материалам Днестра и Прута // Studia nad etnogenezą słowian i kultura Europy wresnośredniowiecznej. Wrocław, 1987. Т. 1: 35—51: ил.
185. — К вопросу об истоках славянской культуры раннего средневековья // ActaAcad. 1981. Т. 21: 67—88: ил.
186. — Некоторые итоги изучения раннеславянских древностей Верхнего Поднепровья и Западной Волыни // ARozhl. 1968. Roč. 20. Š. 5: 583—593: ил.
187. — О соотношении культур римского и раннесредневекового времени на территории Северного Прикарпатья и Юго-Западной Волыни // Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej; 1. Wrocław: i. i., 1969. Т. 2: 238—257: ил.
188. — Раннеславянские памятники на Западном Буге // SlovA. 1965. Roč. 13. Š. 2: 319—376: ил.
189. — Раннеславянские поселения Поднепровья и Западной Волыни // SlAnt. 1988. Т. 30: 75—87: ил.
190. — Славяне между Днепром и Вислой // Rapports du III-e Congr. intern. d'Archéologie Slave. Bratislava, 1979. T.1: 77—85: ил.
191. — Die frühslawische Siedlung von Raškov, Ukraine // AVABeiträge. 1986. Bd. 8 (1989): 73—175: ил.
192. — Siedlungen der Černjachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr // ZfA. 1973. Bd. 7. H. 1: 24—66: ил. Библиогр.: 65—66.
193. — Wypowiedź na zamknięcie obrad symposium «Problemy kultury wielbarskiej» // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981: 273—277.
194. — Zur Frage nach dem Ursprung der Černjachovkultur // SUFG. 1977. Bd. 309—315: ил.
- Баранов И. А.**
195. — Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска — Преслав. София, 1981. Т. 2: 57—71: ил.
196. — Die Keramik der Saltovo-Majaki-Kultur in der Krim // VAN. 1990. № 3: 23—45: ил.
- Баркова Л. Л.**
197. — Frozen Tombs. The culture and art of the ancient tribes of Siberia: [Catalogue]. — London: British Museum, 1978. — 102 с.: ил. — Библиогр.: 101—102.
- Соавт.: Завитухина М. П.
- 197 а. — Collezione delle antichità degli Altai del VI—IV secolo a. c. // Tesori d'Eurasia: 2000

anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo. Milano: Mondadori, 1987: 89—112: ил.

Бартикян Р. М.

198. — У истоков армяно-болгарского сотрудничества: по лапидарным надписям ханов Крума и Омуртага // Сборник в память на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984: 40—45.

Барышников Г. Ф.

199. — Les mammifères du Paléolithique inférieur du Caucase // L'Anthropologie. 1989. T. 93. № 4: 813—829. Библиогр.: 828—829.

200. — Vertebrate remains from the Mousterian site of Il'skaya I (Northern Caucasus, USSR): New analysis and interpretation // JAS. 1991. Vol. 18. № 2: 113—147: ил. Библиогр.: 143—147.

Соавт.: Потапова О.

См. также №: 563.

Басилов В. Н.

201. — The culture of Eurasian peoples: Prehistoric times through the Middle Ages // Nomads of Eurasia. Los Angeles, 1989: 1—18: ил.

Бахта В. М.

202. — Рец.: Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. — М.; Л., 1957. 223 с. // Каогу. 1959. № 3: 163—166. Кит.

Бахтеев Ф. Х.

203. — Discoveries of cultivated plants in the early farming settlements of the Jarym-Tepe I and Jarym-Tepe II in Northern Iran // JAS. 1980. Vol. 7. № 2: 167—178: ил. Библиогр.: 177—178.

Баянов Д.

204. — On Neanderthal vs. Paranthropus // CAnt. 1976. Vol. 17. № 2: 312—318: ил.

Соавт.: Бурцев И.

205. — [Замечания к статье Б. Ф. Поршнева: The trogloditae and the hominidae in the taxonomy and evolution of the higher primates: CAnt. 1974. Vol. 15. № 4: 449—450]. // CAnt. 1974. Vol. 15. № 4: 452—456.

Соавт.: Бурцев И.

Бегунов Ю. К.

206. — Древнее изображение Александра Невского // Byzantinoslavica. 1981. T. 42. № 1: 39—42: ил.

Безбородов М. А.

207. — Археологическая технология стекла // Międzynar. kongr. Archeologii słowiańskiej. I. Wrocław /i. i./ 1972. T. 7: 129—160.

208. — *Ancient and medieval glass of Middle Asia // Archaeological chemistry. Philadelphia, 1967: 29—57. Библиогр.: 46—56.

Соавт.: Заднепровский Ю. А.

209. — *Chemical and technological study of ancient Russian glasses and refractories // Journal of the Society of Glass Technology. 1957. Vol. 41. № 199: 168—184: ил.

210. — Chemie und Technologie der antiken und mittelalterlichen Gläser. — Mainz: Zabern, 1975. — 327 с.: ил. — Библиогр.: 183—223.

Рец.: Mackensen M. // BayVgBl. 1978. Jg. 43: 186—187.

211. — Découvertes archéologiques récentes de verres en URSS // Bull. des Journées intern. du Verre. 1963. № 2: 126—132. Библиогр.: 130—132.

Соавт.: Заднепровский Ю. А.

212. — Découvertes archéologiques de verres. Faites récemment en URSS // Bull. des Journées intern. du Verre. 1964. № 3: 91—102. Библиогр.: 94—102.

Соавт.: Заднепровский Ю. А.

213. Early stages of glassmaking in the USSR // SIAnt. 1965. T. 12: 127—142. Библиогр.: 139—142.

214. — Glasherstellung bei den slawischen Völkern an der Schwelle des Mittelalters // WissZBerl. 1958/59. Jg. 2/3: 187—193.

215. — Newly excavated glassworks in the USSR // JGS. 1964. Vol. 6: 64—69: ил.

Соавт.: Абдуразаков А. А.

Беленицкий А. М.

216. — L'art de Piandjikent à la lumière des dernières fouilles (1958—1968) // ArtAs. 1971. T. 23: 3—39: ил.

Соавт.: Маршак Б. И.

217. — Nouvelles découvertes de sculptures et de peintures murales à Piandjikent // ArtAs. 1958. T. 5. F. 3: 163—182: ил.

218. — The paintings of Sogdiana // Azarpay G. Sogdian painting. Berkeley, 1981: 13—77: ил.

219. — Zentralasien. — München; Paris: Nagel, 1968. — 253 с., 50 л. ил. (Archäologia Mundi). — Библиогр.: 231—239.

Рец.: 1. Bonnet J. // Archeologia (Paris). 1968. № 23: 77.

2. Brentjes B. // Orientalische Literaturzeitung. 1973. Jg. 68. № 9/10: 525—528.

3. Harper P. O. // Artibus Asiae. 1969. Vol. 31. № 4: 326—327.

4. Hausler A. // ZfA. 1970. Bd. 4. H. 2: 321—323.

Беленькая Д. А.

220. — Сложение Великого посада Москвы (конец XII—XV вв.) // Rapports du III Congr. intern. d'Archéologie Slave. Bratislava. 1979. T. 1: 87—91.

Белов Г. Д.

221. — Die Ausgrabungen in Chersonesos 1961 // BiblClOr. 1967. Jg. 12. H. 3: 174—175.

222. — Eine sinopische Amphora aus Chersonesos // *BibClOr.* 1967. Jg. 12. N. 2: 72—73.

223. — Die Glasfabrikation in Chersonesos // *BibClOr.* 1967. Jg. 12. N. 2: 101.

Белозор В. П.

224. — Скiфська скульптура // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 161—164; ил. Библиогр.: 164.

Беляева Е. И.

225. — Die Nashorner (Rhinocerotidae) aus dem Faunenkomplex von Tiraspol // *Quartärpaläontologie*, 1975. Bd. 1: 157—175; ил. Библиогр.: 168—170.

Соавт.: Давид А. И.

Беляева Т. В.

226. — Ancient fabrics from the Nur-Tepe settlement // *JCentrAs.* 1986. Vol. 9. № 2: 131—134. Библиогр.: 134.

Бердыев О. К.

См. №: 131.

Береговая Н. А.

227. — Contributions to the archaeology of the Soviet Union: with special emphasis on Central Asia, the Caucasus and Armenia. — Cambridge, Mass., 1966. — 177 с.: ил. — (Russian transl. ser. of the Peabody Museum Archaeology and Ethnology. Harvard Univ. Vol. 3. № 1).

Соавт.: Исламов У. И., Каландадзе А. Н.

228. — *Extrémités de harpons des anciennes populations du Cap Baranov (fouilles de l'expédition de la Kolyma en 1946) // *Paléolithique et Néolithique de l'URSS.* Paris, 1957: 354—381; ил.

229. — Paleolithic sites in the USSR // *Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology.* Harvard Univ. 1966. Vol. 3. № 1: 1—79. Библиогр.: 56—79.

Березанская С. С.

230. — Культура тшинцеко-комаровского типа в северных районах Украины // *Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej.* Wrocław, 1969. T. 2: 18—31; ил.

231. — Die einheimische Grundlage der Entstehung der Mitteldnepr-Kultur // *ActaACarp.* 1975. T. 15: 219—220.

232. — Kultura trzciniecka na Ukrainie // *APolski.* 1972. T. 17. Z. 2: 259—307, 1 л. ил.: ил.

233. — Osada kultury wschodniotrzcinieckiej nad Dnieprem // *Z otchłani wieków.* 1967. Rok 33. Z. 4: 205—211; ил.

234. — Siedlungen der Srednedneprowje-Kultur // *Actes du VII Congr. intern. des sciences préhist. et protohist.* Prague, 1970. T. 1: 492—494.

Березкин Ю. Е.

235. — Идеологические системы и хозяйственно-культурные общности (по материалам мифологии Нового Света) // *ŠZ AUSA V.* 1988. T. 25: 87—93. Библиогр.: 93—94.

Березовец Д. Т.

236. — Славяне и племена салтовской культуры // *Славяните и средиземноморският свят VI—XI в. София,* 1973: 271—274.

Беридзе В. В.

237. — The figurative arts [of Georgia] // *Art and architecture in Medieval Georgia. Publications d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Univ. Catholique de Louvain.* Louvain-la-Neuve, 1980: 25—84; ил.

238. — The fortifications of Georgia // *Art in architecture in Medieval Georgia. Publications d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Univ. Catholique de Louvain.* Louvain-la-Neuve, 1980: 225—240; ил.

Берлев О. Д.

239. — Several Middle Kingdom stelae of the Moscow Fine Arts Museum // *AltOrF.* 1975. Bd. 3: 5—18, 2 л. ил.

Соавт.: Ходжаш С. И.

Бернякович К. В.

240. — Древнеславянские памятники Закарпатской области (СССР) // *SlovA.* 1957. Roč. 5. № 2: 435—450; ил.

241. — Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten Ufergebiet des oberen Theisstales (Karpattoukraine, USSR) // *SlovA.* 1960. Roč. 8. № 2: 325—392; ил.

Рец.: Zaki A. // *ActaACarp.* 1963. T. 5. F. 1/2: 145—146.

242. — Hromadné nálezy z doby bronzovej z územia na pravom brehu hornej Tisy (Zakarpatská oblasť USSR) // *ŠZ AUSA V.* 1961. T. 4: 5—108; ил.

243. — Skarb brązowy z Użhorodu (obw. zakarpacki USSR) // *ActaACarp.* 1962. T. 4. F. 1/2: 203—219; ил.

Беспальный Е. И.

244. — The barrows with Roman imports excavated by the expedition of the Asov Regional Museum in 1979—1984 // *Raev B. A. Roman imports in the Lower Don Basin.* Oxford, 1986: 75—78; ил. (BAR. Intern. ser.; 278).

Бессонова С. С.

245. — Скiфські вірування і культури // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 151—152.

Бибииков М. В.

246. — Болгария, Русь, Византия, половцы в системе международных отношений в Юго-

Восточной Европе XII—первой половины XIII вв. // Руско-български връзки през вековете. София, 1986: 91—106.

247. — Die alte Rus' und die russischbyzantinischen Beziehungen im Spiegel der byzantinischen Quellen (Ende 11.—13. Jh.) // JbÖByz. 1985. Bd. 35: 197—222.

Бибиков С. Н.

248. — Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. — Токио, 1985. — 160 с.: ил. Яп.

249. — Древние кремневые выработки в Среднем Поднестровье // SborNM Praha. Řada A. 1966. S. 20. № 1/2: 3—6.

250. — The Paleolithic of Eastern Europe, a contribution to the study of the settlement of the region // Bericht über den 5. intern. Kongr. für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1961: 97—99.

251. — *A stone age orchestra. The earliest musical instruments were made from the bones of mammoths // Readings in physical anthropology and archaeology. New York, 1978: 59—63: ил.

Бибикова В. И.

252. — Про джерела геометричного стилю в палеолітичному мистецтві Східної Європи // SborNM Praha. Řada A. 1966. S. 20. № 1/2: 7—15: ил.

253. — Formen der Viehzucht bei den äneolithischen Stämmen Südosteuropas // Moderne Probleme der Archäologie. Berlin, 1975: 237—245.

254. — *Nouveaux matériaux sur la faune quaternaire de Transbaikalie (Ochourkovo, Tolgoi) // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 396—409: ил.

Соавт.: Верещагин Н. К., Гарутт В. Е., Юрьев К. Б.

255. — On the history of horse domestication in South-East Europe // Telegin D. Ja. Dereivka. Oxford, 1986: 163—182. (BAR. Intern. ser.; 287). Библиогр.: 182.

256. — A study of the earliest domestic horses of Eastern Europe // Telegin D. Ja. Dereivka. Oxford, 1986: 135—162: ил. (BAR. Intern. ser.; 287). Библиогр.: 161—162.

Биджиев Х. Х.

257. — Хумаринское городище (VIII—X вв.) // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984: 115—124: ил.

Биштейн В. Я.

258. — On the technology of Central Asian wall paintings: the problem of binding media // Studies in conservation. 1975. Vol. 20. № 1: 8—19. Библиогр.: 17—19.

Бнягов Л. Н.

259. — Einige technologische Parameter altarmenischer Keramik der Eisenzeit: Anfang 1 Jhr. v.u.Z. // AltorF. 1983. Bd. 10. H. 2: 223—229.

260. — Über die Natur des Gottes Haldi und der Götten 'Arubani-Barbartu // Oikumene. 1978. № 2: 149—152.

Блаватская Т. В.

261. — Стеклянная чаша с греческой надписью из Лео // Klio. 1964. Bd. 42: 329—336: ил.

262. — Architects in autonomous poleis in the third and second centuries B. C. // Greece and Italy in the Classical World. London, 1979: 233.

263. — *Die Sklaverei in hellenistischen Staaten im 3.-1. Jh. v. Chr. — Wiesbaden: Steiner, 1972. — 289 с.: ил. — (Übers. Ausländischer Arbeiten zur antiken Sklaverei; 3).

Блаватский В. Д.

264. — Афинские тиранофилы конца VI—начала V вв. до н. э. // Mélanges offerts à K. Mihałowski. Warszawa, 1966: 281—285.

265. — *Граффито Афродисии // Listy filologicke. 1961. R. 9. S. 1: 47—48.

266. — Древнейшее свидетельство о Синдике // Исследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958: 703—706.

267. — *За подводната археология // Подводен спорт. 1960. Т. 2. № 2: 3—6.

268. — О развитии эллинского храма // Изв. на Болгарския археол. ин-т. 1950. Кн. 16: 70—74.

269. — О римских войсках на Таврическом полуострове // АРол. 1973. Т. 14: 215—222.

270. — Сосуд с надписью ΕΦΩ // Исследования в памет на Карел Шкропил. София, 1961: 95—99: ил.

271. — Уничтоженное граффито // Omaggio lui Constantin Daicoviciu cu prilejul împlinirii a 60 de ani. București: Acad. RPR. 1960: 37—39.

272. — *Ancient Greek towns on the Northern coast of the Pontos // Greek heritage. Amer. quart. of Greek culture. 1965. Vol. 2. № 5: 4—14.

273. — L'archéologie dans la contrée du nord de la mer Noire au cours des dernières dizaines d'années // AEphem. 1953/54. T. 92/93 (1961): 212—221, 5 л. ил.

274. — L'art grec en ville et chora // Greece and Italy in the Classical World. London, 1979: 196—197.

275. — Ausgrabungen in Apollonia in Illyrien (1958) // Klio. 1962. Bd. 40: 271—291.

276. — Badania antycznych zabytkow na północnych wybrzeżach Morza Czarnego w ostatnim czterdziestolecu // Archeologia (Wrocław). 1959/60. № 11: 13—35: ил.

277. — Crimea // Enciclopedia universale dell'arte antica classica e orientale. Roma, 1959. T. 2: 930—936.

278. — Le culte des empereurs romains au Bosphore // Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à André Piganiol. Paris, 1966. T. 3: 1541—1545.

Рец.: Colin J. // *L'Antiquité classique*. 1967. Т. 36. F. 1: 209—210.

279. — Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la mer Noire. — Leiden: Brill, 1966. — 36 с.: ил. (Études prélim. aux religions orientales dans l'Empire Roman; 8).

280. — Despre situatia proprietății bosporanilor în secolele VI—II î. e. n. // *StCercIstor*. 1959. An. 10. № 2: 295—303.

281. — Gërmimet në Apolloni dhe Orik gjatë vitit 1958 // *Bul. i Univ. shtetëror të Tiranës*. Ser. shkencat shoqerore. 1960. № 1: 51—92.

282. Greco-bosporani e scitici centri // *Encyclopedia universale dell'arte antica classica e orientale*. Roma, 1961. Vol. 6: 765—783.

283. — Hellenic art in city and in chora // *ActaAntHung*. 1979. Т. 27. F. 1/3: 103—108: ил.

284. — Kultúrna vrstva antického mesta // *O metodike terenneho výstumu sovietskej archeologie*. Bratislava, 1954: 100—105.

285. — Osnivanje Apolonije Ilirske // *VjesDal*. 1966. Т. 68 (1973): 143—146.

286. — Il periodo del protoellenismo sul Bosporo // *Atti del Settimo Congr. intern. di archeologia classica*. Roma, 1961. Vol. 3: 49—66.

287. — Le processus du développement historique et le rôle des états antiques situés au nord de la mer Noire // *Congr. intern. des sciences histor.* 11. Rapports. Uppsala, 1960. Т. 2: 98—116.

288. — Quelques traits de la religion des Scythes // *Études prélim. aux religions orientales dans l'Empire Romain*. 1978. Т. 68. Vol. 1: 60—66.

289. — Le rayonnement de la culture antique dans les pays de la Pontide du Nord // *Congr. intern. d'archéologie classique*. 8. Rapport et communications. Paris, 1963: 139—149.

То же: Le rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques: *Congr. intern. d'archéologie classique*. Paris, 1965: 393—403: ил.

290. — Les traditions antiques dans l'argenterie byzantine de l'Europe Orientale // *Congr. intern. d'archéologie classique*; 9. Rapports. Damas, 1969: 136.

291. — An underwater expedition to the Azov and Black Seas // *Archaeology*. 1963. Vol. 16. № 2: 93—98.

292. — Zur Herkunft der bosporanischen Archaisaktiden // *Klio*. 1970. Bd. 52: 33—36.

Бобринский А. А.

293. — Из истории технологии восточноевропейского гончарства в эпоху железа // *SIAnt*. 1980. Vol. 27 (1981): 173—190: ил.

Бобров В. В.

294. — On the problem interethnic relations in South Siberia in the third and early second millennia B. C. // *Arctic Anthropology*. 1988. Vol. 25. № 2: 30—43: ил. Библиогр.: 43—46.

Боброва Л. В.

295. — On some new works in the social history of the Old Babilonian Period // *AltorF*. 1989. Bd. 16. H. 1: 51—60.

Богословский Е. С.

296. — Hundred Egyptian draughtsmen // *ZAS*. 1980. Bd. 107. H. 2: 89—116.

297. — On the process of appearance of money in Ancient Egypt // *AltorF*. 1987. Bd. 14. H. 2: 227—236.

298. — On the system of the ancient Egyptian society of the epoch of the New Kingdom. According to documents from Deir el-Medina // *AltorF*. 1981. Bd. 8: 5—21.

Бокий Н. М.

299. — 10-th century graves of a nomadic warriors family in the Ingul river valley // *AERT*. 1989. Vol. 116: 86—98: ил.

Болотин Н. И.

300. — Закономерности в истории развития древних мер длины, применявшихся в строительстве, землемерии, ремесле и торговле // *Klio*. 1967. Bd. 49. 1967: 313—328.

301. — Латентные зависимости между линейными и денежно-весовыми единицами мер у древних народов // *Klio*. 1975. Bd. 57. H. 1: 249—260.

302. — Меры длины Египта и использование их в IV—XVII вв. на Востоке и Средней Азии // *Klio*. 1973. Bd. 55: 159—195. Библиогр.: 195.

Болтрик Ю. В.

303. — Der Oguz-Kurgan: Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas // *HambBeitrA*. 1991. Bd. 18 (1996): 107—129, 5 л. ил.: ил.

Соавт.: Фиалко Е. Е.

304. — Огуз-курган скіфського царя кінця IV ст. до н. е. // *Золото степу*. Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 178—180: ил.

Соавт.: Фиалко Е. Е.

Болтунова А. И.

305. — Древняя Грузия и североиранский мир // *Studia in honorem V. Beševliev*. Sofia, 1978: 421—428.

306. — К истории Танаиса: по данным эпиграфики // *Klio*. 1964. Bd. 42: 195—208: ил.

307. — Надгробная эпиграмма Диндиана // *Studii clasice*. 1973. Т. 15: 125—130, 1 л. ил.

308. — Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственным доходами Боспорского царства // *Eirene*. 1968. Т. 7: 67—76, 1 л. ил.

309. — Documents épigraphiques sur les constructions de la ville de Tanais // *Das Nachleben*

des Lateinischen in der Feudalgesellschaft: Görhlitzer Eirene Tagung. Berlin, 1967: 81—89.

310. — L'épigraphie en URSS // Klio. 1969. Bd. 51: 299—309.

311. — L'influence de l'art antique sur la toreutique du Caucase des premiers siècles de notre ère // Congr. intern. d'archéologie classique, 8. Paris, 1965: 427—432: ил.

312. — Une peliké du style de Kertch représentant la scène de la délivrance de Thésée par Héraclès // Mélanges offerts à K. Mihałowski. Warszawa, 1966: 287—292: ил.

313. — Quelques notes sur l'inscription de Vespasien, trouvée a Mtsketha // Klio. 1971. Bd. 53: 213—222: ил.

Бонгард-Левин Г. М.

314. — Античная традиция и религиозно-философические течения в раннемаурийскую эпоху // WissZ Halle. 1973. Bd. 22. H. 3: 7—14.

Бондарь Н. Н.

315. — *Zur Frage der Herkunft der Mittelneper Kultur // Musaica. 1976. T. 25.

Борзьяк И. А.

316. — Bifacial stone tools of Late Palaeolithic in Dniestr-Prut Interfluve // ERAUL. 1990. № 42: 125—136: ил. Библиогр.: 130—131.

317. — Quelques données préalables sur l'habitat tardi-paléolithique pluristratifié de Cosseoutsy sur le Dniestr Moyen // BiblAIass. 1990. T. 4: 56—71: ил. Библиогр.: 65.

См. также: № 16.

Борисковская С. П.

318. — Новое в изучении архаических италийских бронз: Замечания к книге G. Colonna. Bronzi votivi umbro-sabellici a figura umana. Firenze, 1970. — Vol. 1. Periodo arcaico // Eirene. 1976. № 14: 125—137, 4 л. ил.

319. Alexandra Ilinichna Voschinina: 1905—1974 // StEtr. 1976. Vol. 44: 491—492.

320. — Etruscan bronzes in the Hermitage Museum // Greece and Italy in the Classical World. London, 1979: 194—195.

321. — Etruscan relief pithoi from Caere: «red ware» // WissZRostock. 1970. Jg. 19. H. 8: 567—572.

322. — Le «Maitre des Duels» corinthien // BMusHongr. 1965. № 27: 7—12.

323. — On trade connections between the Greek cities of the Northern Black Sea coast and Corinth in the Archaic period // WissZRostock. Ges.- und sprachwiss. Riehe. 1967. Jg. 16. H. 7/8: 425—429, 6 л. ил.

Борисковский П. И.

324. — Вопросы охраны исторических памятников // Vãn Hóa. 1962. № 6: 15—16. Вьет.

325. — Вопросы периодизации палеолита // Каогу Тунсинь. 1956. № 4: 77—86. Кит.

326. — Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // Каогу. 1960. № 6: 42—52: ил. Кит.

То же: Кокогаку кенкиу. 1962. Т. 8. № 3 (31): 6—26. Яп.

327. — Некоторые проблемы изучения каменного века Вьетнама // Nghiêncúu lich sú'. 1961. № 24: 25—32. Вьет.

328. — Некоторые проблемы каменного века Вьетнама // SborNM Praha. Řada A. 1966. S. 20. № 1/2: 23—27.

329. — Новое о происхождении человека // Переводы статей по палеонтологии. 1955. № 2: 43—46: ил. Кит.

330. — Основы археологии. — Ханой: Просвещение, 1961 [обл. 1962]. — 576 с. Вьет.

331. — Палеолит Вьетнама // Khào cò' hoc. 1971. № 11/12: 43—46. Вьет.

332. — À propos des récents progrès des études paléolithiques en URSS // L'Anthropologie. 1965. T. 69. № 1/2: 5—30: ил.

Рец.: Chavaillon J. // BSPF. 1965. № 7: CCXXIII—CCXXIV.

333. — Abitazioni paleolitiche nel territorio dell'URSS e loro paralleli etnografici // RScPreist. 1958. Vol. 13. F. 1/4: 55—69: ил.

334. — Basic problems of the prehistoric archaeology of Vietnam // Asian perspectives. 1966. Vol. 9: 83—85. Библиогр.: 85.

335. — Datation of Mount Do // Khào cò' hoc. 1987. № 2: 1—3. Вьет.

336. — Despre epoca și condițiile formării societății omenești // Probleme de istorie. 1956. № 11: 106—109.

337. — Die jungpalaolithische Siedlung mit dem Begräbnis eines Cromagnonmenschen in Kostenki II am Don (UdSSR) // Anthropozoikum. 1958. Bd. 8 (1959): 17—22, 3 л. ил.

338. — Les monuments les plus anciens de la culture paléolithique dans la partie européenne de l'URSS // Mélanges Pittard. Brive, 1957: 71—79: ил.

339. — *Některé otázky vzniku Člověka // Sovětska věda. 1951. № 5: 491—495.

340. — *Neues über die Entstehung des Menschen // Die Presse der Sowjetunion. 1955. № 76: 1655—1633.

341. — New data on the Stone Age of Guinea // West African Journal of Archaeology. 1978. Vol. 8: 51—74: ил. Библиогр.: 74.

342. — New problems of the Palaeolithic and Mesolithic of the Indochinese Peninsula // Archaeology of physical anthropology in Oceania. 1971. Vol. 6. № 2: 102—106. Библиогр.: 105—106.

343. — On the Clactonian // CAnt. 1980. Vol. 21. № 3: 375—376. Библиогр.: 376.

344. — Le Paléolithique de l'Ukraine: Esquisse historique et archéologique. — Paris,

1958. — 370 с., 26 л. ил. — (Annales du Service d'inform. géol. du Bureau de recherches géol., géophys. et minières; 27). Библиогр.: 354—367.

345. — Problemele paleoliticului superior și mezoliticului de pe coasta de nord-vest a Marii Negre // StCercIstor. 1964. An. 15. № 1: 5—17: ил.

346. — Problems of the Palaeolithic and of the Mesolithic of Southeast Asia // Archaeology at the XI science Congr. Honolulu: Univ. of Hawaii. 1967: 41—46. (Asian and Pacific archaeology ser.; 1). Библиогр.: 45—46.

347. — Some problems of the Palaeolithic of South and Southeast Asia // Early Palaeolithic in South and East Asia. Paris, 1978: 87—95. Библиогр.: 94—95.

348. — Quelques problèmes du Mésolithique de l'Ukraine // Mélanges offerts à A. Varagnac. Paris, 1971: 75—81: ил. Библиогр.: 81.

349. — *La station paléolithique de Borchevo II // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 44—91: ил.

Соавт.: Ефименко П. П.

350. — The study of the Palaeolithic in the USSR // Eastern Anthropologist. 1970. Vol. 23. № 3: 261—284.

351. — *Der Ursprung des Menschen und die ältesten Niederlassungen der Menschheit // So-wietwissenschaft. Abt. 1954. H. 1: 130—131.

352. — Vietnam in primeval times. Pt. 1—7 // Soviet Anthropology and Archaeology. 1968—1971. Vol. 7. № 2: 14—32, № 3: 3—19: ил., Vol. 8. № 1: 70—95: ил., № 3: 214—257: ил., № 4: 355—366: ил., Vol. 9. № 2: 154—172: ил., Vol. 9. № 3: 226—264: ил. Библиогр. в рт. 1: 29—32.

353. — Рец.: Pfeiffer J. The Emergence of man. — New York, 1969 // CAnt. 1971. Vol. 12. № 3: 378.

Борухович В. Г.

354. — Пифагор в Египте // Studii clasice. 1972. № 14: 41—48.

355. — Die ägäische Kolonisation // Klio. 1988. Bd. 70. H. 1: 86—144.

Боряз В. Н.

356. — Теория познания диалектического материализма — методологическая основа разработки гносеологических проблем археологии // ŠZ AŮSAV. 1988. T. 25: 101—105.

357. — Основные направления исследований объективноисторических (мировоззренческих) проблем в советской археологии на современном этапе // ŠZ AŮSAV. 1988. T. 25: 95—99.

Бочкарев В. С.

358. — Hroby kovalitců doby bronzové // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. T. 2: 103—110. Библиогр.: 108—110.

359. — Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. — München: Beck, 1980. 97 с., 11 л. ил. — (Prähistorische Bronzefunde; 19, 1).

Соавт.: Лесков А. М.

Рец.: 1. Bouzek J. // ARozhl. 1981. Č. 6: 695.

2. Harding A. F. // PPS. 1984. Vol. 50: 423—424.

3. Kemenczei T. // ActaArchHung. 1982. T. 34. № 1/4: 404—405.

4. Pittioni R. // AAustr. 1982. Bd. 66: 162.

360. — K otázce systému základních archeologických pojmů // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. T. 2: 205—213: ил.

Брабич В. М.

361. — Ein Medaillon Gordians III. aus Adrianopolis // BiblClOr. 1967. Jg. 12. H. 2: 68—69.

362. — Ein Münzschatz des 3. Jahrhunderts v. u. Z. Aus Mirmekion // BiblClOr. 1966. Jg. 11. H. 2: 86.

Брагинский С. Н.

363. — The comparison of archaeomagnetic data with the representation of the geomagnetic field for the last 2000 years // Archaeometry. 1978. Vol. 20. Pt. 1: 73—83: ил.

Соавт.: Бурлацкая С. П.

Брайчевский М. Ю.

364. — К истории чешско-украинских научных связей (В. В. Хвойка) // SborNMPraha. Rada A. 1966. S. 20. № 1/2: 207—210.

365. — Культурное воздействие античного Причерноморья на племена восточноевропейской лесостепи от конца гальштата до римского периода // Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej. Wrocław, 1969. T. 2: 359—378.

366. — Проблема кельтов в Северо-Восточном Прикарпатье // ActaACarp. 1966. T. 8. F. 1/2: 57—64.

367. — Stosunki ekonomiczne w obrębie południowej grupy plemion wschodniosłowiańskich w pierwszej połowie i w połowie pierwszego tysiąclecia n. e. // Prace i materiały Muzeum archeol. i etnogr. w Łodzi. Ser. archeol. № 13: 5—41.

368. — Zum Problem der feudalen Synthese // Das Altertum. 1968. Bd. 14. H. 2: 97—103.

Брашинский И. Б.

369. — В поисках скифских сокровищ // Токуо: Wakou Anazawa, 1982. — 214 с., 8 л. ил.: ил. — Яп. — Библиогр.: 209—214.

370. — За икономическите връзки на гръцките градове от Юго-западното Черноморие в предримската епоха // Археология (София). 1970. Кн. 2: 7—19.

371. — Импорт вина из Средиземноморья в Причерноморье в архаическую эпоху // Thracia Pontica. 1979. T. 1: 17—18.

372. — К интерпретации боспорской проксении IOSRE II, I // *Klio*. 1970. Bd. 52: 41—47.

373. — Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // *Eirene*. 1965. Т. 4: 89—110.

374. — Новые материалы к изучению экономических связей Ольвии в VI—IV вв. до н. э. // *Archeologia* (Wrocław). 1968. Т. 19: 45—60: ил.

375. — Ролята на Черно море в древността. Краят на IV хилядолетие пр. н. е.—началото на IV в. от н. е. // *Черное море*. Варна, 1978: 406—451: ил.

376. — Чернофигурные килики из Елизаветовского могильника в дельте Дона // *Travaux du Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Acad. Polonaise de sci.* 1984. Т. 26; *Étude et travaux*. Т. 13: 40—45: ил.

377. — Die Beziehungen Athens zu den Griechenstädten des nördlichen Schwarzmeergebietes zur Zeit der Perserkriege // *Klio*. 1967. Bd. 49: 53—61.

378. — Einige Besonderheiten des Handels zwischen den Griechen und den Thrakern // *Intern. thrakologischer Kongr.*; 3. Wien, 1980: 23—24.

379. — Elisavetovskoje: Skythische Stadt im Don-Delta. — München: Beck, 1984. — 82 с.: ил. — (AVA-Materialien; 27). — Библиогр.: 80—81.

380. — Epigraphical evidence on Athen's relations with the North Pontic Greek states // *Acta of the Intern. congr. of Greek and Latin epigraphy*; 5. Oxford, 1971: 119—123: ил.

381. — The Progress of Greek ceramic epigraphy in the USSR // *Eirene*. 1970. Т. 11: 111—144.

382. — Recherches soviétiques sur les monuments antiques des régions de la mer Noire // *Eirene*. 1968. Т. 7: 81—118.

383. — *Szkifa kincsek nyomában. — Budapest: Helikon Kiadó, 1985. — 124 с.: ил.

384. — Urartian pithoi: a study in metrology and standartization // *OrLovPer*. 1978. Vol. 9: 33—49.

385. — Рец.: Wąsowicz A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. — Paris, 1975 // *КНKM*. 1976. R. 24. № 4: 621—630.

Бретаницкий Л. С.

386. — The Shirvanshah Palace in Baku, Azerbaijan // *Archaeology*. 1973. Vol. 26. № 3: 163—169: ил.

Брыкина Г. А.

387. — Anthropomorphic figurines in Ferghana burials // *Antiquity*. 1990. Vol. 64. № 244: 591—597: ил. Библиогр.: 596—597.

Брунов Н. И.

388. — Zum Problem des Kreuzkuppelsystemes // *JÖBG*. 1967. Bd. 16: 245—261: ил.

Брюсов А. Я.

389. — Немного о мезолите // *SborNM Praha*. Rada A. 1966. S. 20. № 1/2: 21—22.

390. — Concerning the relationships and ethnic makeup of the tribes of the Northern European part of the USSR during the Neolithic and Early Bronze Age // *Bericht über den 5. intern. Kongr. für Vor- u. Frühgeschichte*. Berlin, 1961: 162—166.

391. — Eines der Merkmale des gemeinsamen Ursprung der vorgeschichtlichen Stämme im europäischen und westsibirischen Teil der Sowietunion // *Finkst museum*. 1955. Bd. 52 (1956): 79—89: ил.

392. — Geschichte der neolithischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. — Berlin: Akad. — Verlag, 1957. — 327 с.: ил.

Рец.: 1. // *Ipek*. 1954/1959. Bd. 19 (1959): 114—115.

2. Häusler A. // *JbSchwUrgesch*. 1958/1959. Bd. 47.

3. M[áš]k N. // *ARozhl*. 1958. R. 10. S. 2: 276—277.

393. — *«Geschichte». 1. Urgesellschaft und Sklavenhaltergesellschaft. 2. Periode des Feudalismus // *UdSSR: Grosse Sowjet Enzyklopadie*. 1959: 140—163.

394. — Neolithic dwellings in the forest zone of the European part of the USSR // *PPS*. 1956. Vol. 21: 77—83: ил.

395. — Ein neolithischer Kahn aus dem Historischen Museum in Moskau // *MANthrWien*. 1962. Bd. 92: 47—52: ил.

396. — The problem of drinking water in antiquity // *Bericht über den 5. intern. Kongr. für Vor- und Frühgeschichte*. Berlin, 1961: 159—162: ил.

397. — Quelques mégalithes de l'URSS // *Antiquités nationales et internationales*. 1960. F. 2: 35.

398. — Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie: Die Entstehung der Fatjanovo-Kultur // *ActaA*. 1954. Vol. 25: 309—321: ил.

Будько В. Д.

399. — Верхний палеолит Северо-Запада Русской равнины // *Actes du VII-e Congr. intern. des sciences préhist. et protohist*. Prague, 1970. Т. 1: 317.

400. — The Palaeolithic period of Byelorussia and adjoining areas // *The origin of Homo sapiens: Proc. of the Paris symp.* Paris, 1972: 187—198: ил. Библиогр.: 198.

Булкин В. А.

401. — Attainments and problems of Soviet archaeology // *WorldA*. 1982. Vol. 13. № 3: 272—295. Библиогр.: 292—295.

Соавт.: Клейн Л. С., Лебедев Г. С.

402. — On the classification and interpretation of archaeological material from the Gnezdovo cemetery // *NAR*. 1973. Vol. 6. № 1: 10—13. Библиогр.: 13.

Бунак В. В.

403. — Die anthropologische Erforschung Osteuropas // *MANthrWien*. 1967. Bd. 96/97: 12—20.

404. — The Fossil man the Sunghir settlement and his place among other Late Palaeolithic fossils // *Physical anthropology of European populations*. The Hague, 1980: 245—256. Библиогр.: 256.

405. — The genesis and evolution of the Neolithic population of the Eastern Baltic lands // *Physical anthropology of European populations*. The Hague, 1980: 271—277. Библиогр.: 277—279.

Бурлацкая С. П.

406. — Археомagnetизмът в служба на археологията // *Археология (София)*. 1966. Год. 8. Кн. 4: 1—5: ил.

Соавт.: Нечаева Т. Б., Петрова Г. Н. См. так же №: 363.

Буров Г. М.

407. — Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических и лингвистических данных // *Acta linguistica Acad. Sci. Hungaricae*. 1967. T. 17: 301—380.

Соавт.: Серебрянников Б. А.

408. — Der Bogen bei den mesolithischen Stämmen Nordosteuropas // *Mesolithikum in Europa: Intern. Mesolithikum Symp.*; 2. Berlin, 1981: 373—387: ил. Библиогр.: 388.

409. — Mesolithic art from the European North East // *Mesolithic miscellany*. 1989. Vol. 10. № 1: 27—30: ил. Библиогр.: 29.

410. — Die mesolithischen Kulturen im ausersten europäischen Nordosten // *The Mesolithic in Europe: Intern. Mesolithic Symp. Warsaw*, 1973: 129—149: ил.

411. — Some Mesolithic wooden artifacts from the site of Vis I in the European North East of the USSR // *The Mesolithic in Europe: Intern. Mesolithic Symp.*; 3. Edinburg, 1985: 391—401: ил. Библиогр.: 400—401.

Бурчак-Абрамович Н. И.

412. — Fossil birds in the caves the USSR // *Problems speleol. research*. Brno, 1966. Pt. 2: 231—245.

413. — Die pleistozäne Vogelfauna der UdSSR // *Quartärpaläontologie*. 1975. Bd. 1: 87—105: ил.

Бутримас А.

414. — Mesolithic graves from Spiginas, Lithuania // *Mesolithic miscellany*. 1989. Vol. 10. № 2: 10—11: ил.

Былкова В. П.

415. — Об одном из «городов» степной Скифии // *7mes semaines Philippopolitaines de l'histoire et de culture thrace: Résumés*. Plovdiv, 1990: 20.

Вага В. Я.

416. — *Die mittelalterliche Stadtbefestigung Rigas // *Nordisk medeltid*. — Uppsala, 1967: 310—320: ил.

417. — Die mittelalterlichen Stadtbefestigungen Tallins: Ein Kommentar zu R. Zobel «Tallinna keskaegsed kindlustused» [Tallinn, 1980] // *Fornvännen*. 1985. Årg. 80: 289—295.

Вайнштейн С. И.

418. — The Turkic peoples, 6th to 12th centuries // *Nomads of Eurasia*. Los Angeles, 1989: 55—65: ил.

Вайткунскене Л. М.

419. — К вопросу о балто-славянских культурных отношениях в IX—XIII веках // *Congr. intern. d'Archéologie Slave*; 3: Rapp. Bratislava, 1980. T. 2: 461—469: ил. Библиогр.: 468—469.

Вакуленко Л. В.

420. — Проблема преемственности черняховских и раннесредневековых древностей в свете новых исследований на среднем Днестре // *SlovA*. 1985. R. 33. C. 1: 71—137: ил. Библиогр.: 104—105.

Рец.: 1. Castiglione L. // *ActaArchHung*. 1975. T. 27. F. 1/2: 248—250.

2. Pinelli P. // *RA*. 1977. F.1: 148—150.

Василенко Т. С.

421. — Examen technique de deux peintures murales de Pendžikent au cours du travail de restauration // *ArtAs*. 1990. T. 45: 41—47: ил.

Васильев С. А.

422. — The development of Stone Age culture during the Final Pleistocene — Early Holocene in the Upper Yenicey Area // *Early Man News*. 1990. № 15: 27—33: ил. Библиогр.: 30.

423. — Le Paléolithique final du bassin supérieur de l'Enissei d'après les fouilles pres du village Maina // *L'Anthropologie*. 1990. T. 94. № 4: 763—781: ил. Библиогр.: 781.

424. — Une statuette d'argile paléolithique de Sibérie du Sud // *L'Anthropologie*. 1985. T. 89. № 2: 193—195: ил.

Васильевский Р. С.

425. — Охотская культура, ее происхождение и взаимоотношения с культурами соседних территорий // *Bull. of the Inst. for the study of North Eurasian cultures Hokkaido Univ*. 1978. № 12: 1—38: ил.

426. — A contribution to the history of the ancient culture of the Okhotsk Coast: Based on

the archaeological materials from M. G. Levin's collection from Zav'ialova Island // *Arctic Anthropology*. 1969. Vol. 6. № 1: 165—170; ил. Библиогр.: 170.

427. — The origin of the Ancient Koryak Culture on the Northern Okhotsk Coast // *Arctic Anthropology*. 1969. Vol. 6. № 1: 150—164; ил. Библиогр.: 154—155.

428. — The Pacific microlithic traditions and their Central-Asian roots // *Intern. Congr. des sciences préhist. et protohist.*; 9. Nice, 1976. Coll. 7: 131—153; ил. Библиогр.: 152—153.

429. — The Palaeolithic of the Southern maritime regions // *Early Man News*. 1990. № 15: 23—26. Библиогр.: 25—26.

430. — The Upper Palaeolithic cultures of the South-East maritime region // *The Pleistocene perspective. The World Archaeol. Congr. Southampton*, 1986. Vol. 1: 1—12. Библиогр.: 11—12.

431. — Рец.: Seonbok Y. On the Upper Palaeolithic of the Northeast Asia // *CAnt*. 1985. T. 26. № 3: 402.

Ваулина М. П.

432. — Bois grecs et romains de l'Ermitage. — Wrocław: Ossolineum, 1974. — 183 с.: ил.

Рец.: 1. Castiglione L. // *ActaArchHung*. 1975. T. 27. F. 1/2: 248—250.

2. Pinelli P. // *RA*. 1977. F. 1: 148—150.

Вейнберг И. П.

433. — Orient und Griechenland in hellenistischer Zeit // *Klio*. 1986. Bd. 68. H. 2: 575—580.

Векилова Е. А.

434. — *La station paléolithique de Borchevo I // *Paléolithique et Néolithique de l'URSS*. Paris, 1957: 92—113; ил.

Величко А. А.

435. — Dynamique des modifications naturelles dans le Pléistocène supérieur et problème du passage des néandertaliens à l'*Homo sapiens* // *The origin of Homo sapiens. Proc. of the Paris symp.* Paris, 1972: 265—270. Библиогр.: 269—270.

436. — Environmental conditions and human occupation of Northern Eurasia during the Late Valdai // *The World at 18000 B. P.* London, 1990: 255—265. Библиогр.: 264—265.

437. — Geocology of the Mousterian in East Europe and the adjacent areas // *ERAUL*. 1988. № 29: 179—206; ил. Библиогр.: 195—198.

438. — Late Pleistocene spatial paleoclimatic reconstructions // *Late quaternary environments of the Soviet Union*. Minneapolis, 1984: 261—285. Библиогр.: 284—285.

439. — The oldest man in Europe and his environment: First results of common French-So-

viet research efforts // *Interaction of the prehist. man a. his environment. Mexico*, 1981: 147—150.

440. — *On the relations of development stages of nature and society during the Pleistocene // *Congr. INQUA*; 8. Rés. des communications. Paris, 1969: 172.

441. Palaeoecology of the Acheulian cave site Sel-Ungur (Soviet Central Asia) // *Anthropologie (Brno)*. 1991. T. 29. № 1/2: 9—15; ил. Библиогр.: 14—15.

Соавт.: Арсланов Х. А., Герасимова С. А., Исламов У. И.

Верещагин Н. К.

442. — Primitive hunters and Pleistocene extinction in the Soviet Union // *Pleistocene extinctions: The search for a cause 7th Congr. INQUA*. New Haven; London: Yale Univ. Press., 1967. Vol. 6: 365—389.

См. также №: 254.

Вздорнов Г. И.

443. — Заметки о софийских святцах // *Byzantinoslavica*. 1979. T. 40. № 2: 204—220.

444. — Vom europäischen Charakter russischer Ikonen // *Entwicklungen: Die Zusammenarbeit Dt. Forschungsgemeinschaft mit der sowjetischen Akad. Wiss.* 1970—1990. Bonn, 1990: 68—75.

Вилинбахов В. Б.

445. — Раннесредневековый путь из Балтики в Каспий // *SlAnt*. 1974. T. 21 (1975): 83—110.

446. — Славяне в Ливонии: Некоторые соображения о венедах Генриха Латвийского // *SlAnt*. 1971. T. 18: 105—121. То же: *Acta Baltico-Slavica*. 1973. T. 8: 53—67.

447. — *Stowianie nadbałtyccy a Ruś w ujęciu historiografii rosyjskiej* // *PrzH*. 1971. T. 62. Z. 3: 509—530.

448. — Stara Ładoga: Kilka uwag z powodu neonormanicznej teorii prof. dr. A. Stender-Petersena // *MatZP*. 1964. T. 10: 299—323.

449. — Struktura kultury staroruskiej w wiekach X—XII // *KwH*. 1972. R. 79. № 4: 832—842.

Виноградов А. В.

450. — Les cultures de la fin de l'Age de la Pierre entre l'Hindukush et le Pamir-Alaï // *Archéologie de la Bactriane ancienne: Actes du Colloque franco-soviétique*. Paris, 1985: 64—75, 1 л. ил. Библиогр.: 72—75.

Соавт.: Ранов В. А.

451. — Reconstruction of pottery forms by small fragments // *Karhunhammas*. 1991. Vol. 13: 46—63; ил. Библиогр.: 63.

452. — Sociální norma a její odraz v materiální kultuře // *Malina J. Archeologie včera a dnes*. Brno, 1981. T. 2: 91—101; ил. Библиогр.: 99—101.

Виноградов В. Б.

453. — Altungarische Parallelen zu einigen Gräbern des alanischen Gräbenfeldes des Martančú // *ActaArchHung.* 1983. T. 35. F. 1/2: 211—220: ил.

Виноградов В. В.

454. — Некоторые вопросы аграрной истории Древнего Рима в трудах ученых ГДР // *Klio.* 1971. Bd. 53: 381—383.

Виноградов Ю. А.

455. — The Scythian period in the Northern Black Sea region (750—250 B. C.) // *Antiquity.* 1989. Vol. 63. № 241: 803—813: ил. Библиогр.: 811—813.

Соавт.: Марченко К. К.

Виноградов Ю. Г.

456. — Лист жерця з Гілеї // *Золото степу: Археологія України.* Київ; Шлезвиг, 1991: 201—202. Библиогр.: 202.

Соавт.: Русяева А. С.

457. — La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // *Centre de recherches d'histoire ancienne.* Paris, 1990. Vol. 100: 85—119: ил.

458. — Epigraphic in der UdSSR // *AVest.* 1980. T. 31: 301—316.

459. — Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes // *Congr. intern. d'épigraphie grecque et latine; 7.* București, 1979: 293—316.

460. — Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v. Chr. // *Chiron.* 1980. Bd. 10: 63—100.

461. — Olbia: Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer // *Xenia.* 1981. H. 1: 1—47: ил. Библиогр.: 44.

462. — Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // *Congr. intern. d'épigraphie greque et latine; 9.* Acta Centri historiae. Sofia, 1987. Vol. 1: 9—77.

463. — Sources écrites et archéologiques du Pont Nord-Ouest: Analyse comparative // *Centre de recherches d'histoire ancienne.* Paris, 1990. Vol. 100: 121—139.

Соавт.: Доманский Я. В., Марченко К. К.

464. — Die Stele des Leoxos, Molpagores' Sohn, aus Olbia und die skyhisch-griechischen Beziehungen im frühen 5 Jh. v. Chr. // *AA.* 1991. H. 4: 499—510: ил.

Виноградова Н. М.

465. — Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen- und Oasenkulturen in Mittelasien // *AVA-Beiträge.* 1983. Bd. 5 (1984): 35—55: ил.

466. — Bronzezeitgräber von Tandyriul, Tadzjikistan // *AVA-Beiträge.* 1982. Bd. 4 (1983): 23—26: ил.

Винокур И. С.

467. — Древние славяне лесостепного днестро-днепровского междуречья и номады (1-я пол. и сер. I тыс. н. э.) // *Плиска-Преслав,* 1981. Т. 3: 76—78.

468. — Древности первой половины I тысячелетия н. э. верховьев Днестра, Западного Буга и Вислы // *Zachodnia strefa osadnictwa kultury czerniachowskiej.* Lublin, 1986: 35—43.

469. — Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен III—IV веков н. э. // *Congr. intern. sciences préhist. et protohist; 7.* Prague, 1971. T. 2: 1016—1021.

470. — Новые находки языческих изваяний в среднем Поднестровье // *Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej; 1.* Wrocław, 1970. T. 5: 378—388: ил.

471. — Памятники рубежа и 1-й пол. I тыс. н. э. на территории междуречья Днестра и Западного Буга // *Annales Univ. M. Curie-Skłodowska. Sect. F.* 1983/1984. Vol. 38/39: 15—25.

472. — Черняховские традиции в памятниках середины и третьей четверти I тыс. н. э. лесостепного Днестро-Днепровского междуречья // *Congr. intern. d'Archéologie Slave; 3.* Bratislava, 1979. T. 1: 867—877: ил.

473. — Najnowsze odkrycia na stanowiskach z pierwszych wieków n. e. w dorzeczu środkowego Dniestru // *Z otchłani wieków.* 1967. R. 33. Z. 4: 198—204.

Вихров Ю. В.

474. — Z zagadnień konserwacji drewna archeologicznego // *Bibl. muzealnictwa i ochrony zabytków.* Ser. B. 1986. T. 80: 37—43.

Соавт.: Борисов В. А.

Вишняцкий Л. Б.

475. — The Bordes method? // *NAR.* 1989. Vol. 22. № 2: 107—118. Библиогр.: 117—118.

Соавт.: Колпаков Е. М.

476. — Current theoretical discussion in Soviet archaeology: An essay // *FScandA.* 1990. Vol. 7: 17—25. Библиогр.: 24—25.

Соавт.: Колпаков Е. М.

477. The discovery of Palaeolithic handaxes in Western Turkmenia: A prelim. rep. // *Paléorient.* 1989. Vol. 15. P. 2: 95—98: ил. Библиогр.: 98.

478. — The Movius's theory and the Palaeolithic of Soviet Central Asia: With special reference to some recent finds in Turkmenia // *JCentrAs.* 1989. Vol. 12. № 2: 21—50. Библиогр.: 33—36.

Владыкин В. Е.

479. — Allunionssession der Abteilung Geschichte und der Institute für Archäologie und Ethnographie der Akad. der Wiss. der UdSSR,

Moskau, 1972 // EAZ. 1973. Jg. 14. N. 4: 708—712.

480. — Allunionssession der sowjetischen Archäologen, Ethnographen, Anthropologen und Folkloristen, Tbilissi, 1971 // EAZ. 1972. Jg. 13: 657—660.

Внуков С. Ю.

481. — Moulages en plâtre de Kara-Tobe (Crimée) // RA. 1900. F. 1: 27—50: ил.

Соавт.: Коваленко С. А., Трейстер М. Ю.

Воейкова И. Н.

482. — Формирование древнеболгарской системы монументальной росписи на основе эллинистических традиций // Междунар. конгр. по болгаристика; 1: Болгарската култура и взаимодействието ѝ със световната култура. София, 1983. Т. 1: 99—106.

Волкайте-Куликаускаене Р. К.

483. — Генезис феодальных отношений в Литве // Congr. intern. des sciences préhist. et protohist.; 7. Prague, 1971. Т. 2: 1070—1076.

484. — По вопросу самых древнейших шлемов в Литве // Liber J. Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Wrocław, 1968: 475—483: ил.

Волков В. В.

485. — Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. — Улан-Батор, 1967. — 148 с.: ил. — (Studia archaeol. Inst. historiae Acad. sci. Reip. Populi Mongoli; 5, 1).

486. — Курганы афанасьевского типа в Монголии // Археологийн судлал. 1980. Т. 9: 13—16.

487. — Оленные камни Монголии. — Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. — 253 с.: ил. — Библиогр.: 247—253.

488. — *Ulangom: Ein scythenzeitliches Gräberfeld in der Mongolei. — Wiesbaden, 1982.

Соавт.: Корневский С. Н., Мамонова Н. Н., Новгородова Э. А.

Волков И. В.

489. — A Late Sarmatian burial in Rostov-on-Don // Raev B. A. Roman imports in the Lower Don Basin. London, 1986: 73—74: ил. (BAR; 278).

Волков П. В.

490. — Functional determination of Mesolithic stone tools of the Soviet Far East // Aun. 1990. № 14: 163—166: ил.

491. — Recherche expérimentale sur une technique de débitage // 25 ans d'études technologiques en préhistoire. Juan-les-Pins, 1991: 379—390: ил. Библиогр.: 390.

Воробей Ю.

492. — La broche de Novgorod // Archeologia (Paris). 1968. № 24: 49—51: ил.

Воронин Н. Н.

493. — О терминологическом словаре древнерусского строительного дела [Рец.: Poppe A. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w. — Wrocław, 1962] // Acta Baltico-Slavica. 1965. Т. 2: 297—301.

Соавт.: Раппопорт П. А.

494. — Niektóre problemy metodyki wykopalisk grodu staroruskiego // Postępy Archeologii. 1955. № 1: 57—70.

Вошинина А. И.

495. — Лукулл или Ликтор?: По поводу одного портрета из собрания Эрмитажа // Mélanges offerts à K. Mihałowski. Warszawa, 1966: 701—708: ил.

496. — Фигурный сосуд из Добруджи в собрании Эрмитажа // Omagiu lui George Oprescu. București, 1961: 589—594: ил.

497. — Frühantike Glasgefäße in der Ermitage: Gruppe der Salbgefäße in der Sandkern-Technik // WissZRostock. 1967. Jg. 16. N. 7/8: 555—560, 8 л. ил.

498. — Mosaïques gréco-romaines trouvées en Union Soviétique // La Mosaïque gréco-romaine. Paris, 1965: 315—324: ил.

499. — Zwei Porträtstatuen aus Kerč. Zu Stil und Datierung // WissZRostock. 1970. Jg. 19. N. 8: 621—630.

Соавт.: Ходза Е. Н.

Вулих Н. В.

500. — Поэма Овидия «Метаморфозы» и римско-италийская стенная живопись // Philologus. 1985. Bd. 129. N. 1: 99—108.

Вызго Т. С.

501. — Mittelasien. — Leipzig: Dt Verl. für Musik, 1987. — 179 с.: ил. — (Musikgeschichte in Bildern; 2, 9). — Библиогр.: 162—173.

Соавт.: Кароматов Ф. М., Мешке-рис В. А.

Высоцкий С. А.

502. — *W sprawie kompozycji fundacyjnej Sofii kijowskiej // Builetyn historii sztuki. 1970. Т. 32. Z. 2: 202—205: ил.

Габрюнайте К.

503. — Локальные подражания раннесредневековых шлемов русского типа в Литве // Acta Baltico-Slavica. 1965. Т. 2: 115—133: ил.

Габуня Л. К.

504. — L'évolution du paléoenvironnement au cours de l'anthropogène en Georgie (Transcaucasie) // L'Anthropologie. 1990. Т. 94. № 4: 643—650: ил. Библиогр.: 649—650.

Гаврилюк Н. О.

505. — Про стравы та начиння степових скіфів // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 93—96; ил. Библиогр.: 96.

Гаджиев М. Г.

506. — О древней металлообработке в Дагестане // *StPraehist.* 1986. Т. 8: 32—49; ил.

Гаибов В. А.

507. — *Chilburj* // *BAAsInst.* 1990. N. S. Vol. 4: 21—36; ил.

Соавт.: Кошеленко Г. А., Новиков С. В.

Гайдукевич В. Ф.

508. — Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. — Варшава, 1959. — 123 с.: ил. — (Советско-польские раскопки Мирмекия; 2).

509. — Мирмекий — город виноделов // *Mélanges offerts à K. Mihałowski.* Warszawa, 1966: 397—409; ил.

510. — *Aschenaltäre in Myrmekion* // *BiblClOr.* 1966. Jg. 11. N. 3: 151—154.

511. — *Das Bosporanische Reich.* — Berlin: Akad.-Verl; Amsterdam: Hakkert, 1971. — 604 с.: ил. — Библиогр.: 538—572.

512. — *Einige Fragen der bosporanischen Wirtschaftsgeschichte* // *BiblClOr.* 1966. Jg. 11. N. 6: 341—346.

Галанина Л. К.

513. — *Frühskythische Zaumzeuggarnituren: Nach den Materialien der Kelermes-Kurgane* // *AMI.* 1985. Bd. 18 (1986): 87—117; ил.

514. — *Le antichità scite* // *Tesori d'Eurasia: 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo.* Milano: Mandadori, 1987: 71—88; ил.

Галеркина О. И.

515. — *Originalité et traditionnels dans la miniature de Maverannachre* // *ArtAs.* 1976. Т. 32: 189—202; ил.

516. — *Some characteristics of Persian miniature painting in the latter part of the 16th century* // *Oriental Art.* 1975. Vol. 21. № 3: 231—241; ил.

Галкин Л. Л.

517. — *Nomadischer Grabfund von Jenseits der Volga* // *ActaArchHung.* 1983. Т. 35. F. 3/4: 379—383; ил.

Гамкрелидзе Г. А.

518. — *Travaux hydroarchéologiques de localisation de l'ancienne Phasis* // *Centre de recherches d'histoire ancienne.* Paris, 1990. Vol. 100: 223—226.

Гарутт В. Е.

См. №: 254.

Гафуров Б. Г.

519. — *О связях Средней Азии и Ирана в ахеменидский период // *Atti del convegno sur tema la Persia greco-romano.* Roma, 1966: 183—212.

Гвоздовер М. Д.

520. — Использование кости на мустьерской стоянке Староселье в Крыму // *ARozhl.* 1960. R. 12. S. 3: 390—393, 397—403; ил.

Соавт.: Формозов А. А.

521. — *Avdeevov*: [1986—1990] // *ERAUL.* 1991. № 52: 7—9.

Соавт.: Григорьев Г. П.

522. — *Ornamental decoration on artifacts of the Kostenki Culture* // *Soviet Anthropology a. Archaeology.* 1989. Vol. 27. № 4: 8—31; ил. Библиогр.: 30—31.

523. — **Le travail de l'os et des articles d'os à la station d'Avdeevov* // *Paléolithique et Néolithique de l'URSS.* Paris, 1957: 168—197.

524. — *The typology of female figurines of the Kostenki Palaeolithic Culture* // *Soviet Anthropology a. Archaeology.* 1989. Vol. 27. № 4: 32—94; ил. Библиогр.: 93—94.

Генинг В. Ф.

525. — *Культурные контакты финно-угров и индо-иранцев во II тыс. до н. э. // *Congr. intern. fenno-ugristarum*; 5. Turku, 1981: 321.

526. — Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения // *ActaArchHung.* 1965. Т. 17. F. 1/4: 335—342.

527. — *Das Gräberfeld von Newolino. Ausgrabungen von A. V. Schmidt und der archäologischen Kama-Expedition.* — Budapest, 1969. — 93 с., 51 л. ил.: ил. (*Archaeologia Hungarica.* S. N.; 46).

Рец.: *Leben F.* // *AVest.* 1969. Т. 20: 299—301.

528. — *Magna Hungaria und das archäologische fundmaterial: Bemerkungen zur Konzeption von E. A. Halikova* // *AErt.* 1980. K. 105. S. 2: 260—263.

Герасимов И. П.

529. — *Ancient rivers in the desert of Soviet Central Asia* // *The environmental history of the Near and Middle East since the Last Ice Age.* London, 1978: 319—334; ил. Библиогр.: 333—334.

530. — *The past and the future of the Aral and the Caspian Seas* // *The environmental history of the Near and Middle East since the Last Ice Age.* London, 1978: 335—349; ил. Библиогр.: 349.

531. — **Role of natural environment in the development of human society in different historical periods* // *Interaction of the prehist. man and his environment.* Mexico, 1981: 1—14; ил. Библиогр.: 13—14.

Герасимов М. М.

532. — *The face finder. — London: Hutchinson, 1971. — 199 с., 16 л. ил.

533. — *Ich suchte Gesichter. Schädel erhalten ihr Antlitz zurück — Wissenschaft auf neuen Wegen. — Gütersloh: Bertelsmann, 1968. — 240 с., 16 л. ил.: ил.

Рец.: 1. Kühn H. // Ipek. 1973. Bd. 23: 170.

2. Ullrich H. // ZfA. 1969. Bd. 3. H. 1: 158—159.

534. — La reconstruction documentée de l'homme fossile et la formation de l'homme moderne // The origin of Homo sapiens. Proc. of the Paris symp. Paris, 1972: 287—290.

Герасимова С. А.

См. №: 441.

Гиголашвили Е. Г.

535. — Les coupes en argent de Vani // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris. 1990. Vol. 100: 279—281: ил.

Гиндин Л. А.

536. — К проблеме фракийского вклада в греческую культуру // Pulpudeva. 1980. Т. 3: 217—219.

537. — A propos d'une des originels foyers de la langue et de la culture indoeuropéennes dans la Méditerranée de l'est et les données paléobalkaniques et anatoliennes // Tribus paléobalkan. entre la mer Adriatique et la mer Noire de l'énéolithique jusqu'à l'époque hellénistique. Sarajevo; Beograd, 1991: 119—124. (Centre d'étude balkanique; 14).

538. — Keteoio (= Hittites) and Paiones (≈ Proto-Armenians) — allies of Troy // Orpheus. 1990: 64—72.

Гинзбург В. В.

539. — Антропология современного и древнего населения Средней Азии // Anthropos. 1963. Т. 15 (N. S.; 7): 73—85: ил.

Гиоргадзе Г. Г.

540. — Die Begriffe «Freie» und «Unfreie» bei den Hethitern // Acta AntHung. 1974. Т. 22. F. 1/4: 299—308.

То же: Intern. Tagung der Keilschriftforscher der sozial. Länder. Budapest, 1974: 29—31.

541. — Keilschriftforschung in der Georgischen SSR // Das Altertum. 1972. Bd. 18. H. 4: 217—223: ил.

Гладилин В. Н.

542. — Происхождение позднелеолитических индустрий с листовидными наконечниками в Карпатском регионе // Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur européen: Colloque intern. Cracovie, 1989: 13—14.

Соавт.: Демиденко Ю. Е.

543. — Die Felsbilder der Kamennaja Mogila in der Ukraine // Ipek. 1966/1969. Bd. 22: 82—92.

544. — The Korolevo Palaeolithic site: Research methods, stratigraphy // Anthropologie (Brno). 1989. Т. 27. № 2/3: ил. Библиогр.: 102—103.

545. — On the origin of Early Upper Palaeolithic industries with leaf points in the Carpatho-Balkan region // ERAUL. 1990. № 42: 115—124: ил. Библиогр.: 119.

Соавт.: Демиденко Ю. Е.

546. — Site paléolithique de Korolevo en Subcarpatie: Industries du Günz au Riss // Les Premiers peuplements humains de l'Europe. Paris, 1989: 18.

547. — Upper Palaeolithic stone tool complexes from Korolevo // Anthropologie (Brno). 1989. Т. 27. № 2/3: 143—178: ил. Библиогр.: 177—178.

Соавт.: Демиденко Ю. Е.

См. также №: 31.

Глазунов В. В.

548. — Опыт дистанционной датировки гончарной печи по магнитной аномалии // ИИ. 1990. Кн. 17: 42—52: ил.

Гогодзе Э. М.

549. — Deux établissements de production artisanale: Un type nouveaux // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 195—200: ил.

Соавт.: Давлианидзе Ц. О., Панцхави Л. Н.

Голенко К. В.

550. — О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (по нумизматическим и археологическим данным) // Dacia. N. S. 1965. Т. 9: 373—382: ил.

Соавт.: Щеглов А. Н.

551. — Понтийская монета времени Митридата VI на Боспоре // Klio. 1965. Bd. 46: 307—322.

552. — Таманский клад монет 1970 г. // Klio. 1972. Bd. 54: 239—249: ил.

553. — Der Geldumlauf in Chersonesos im 1. Jahrhundert v. u. Z. // BiblClOr. 1967. Jg. 12. H.2: 68—69.

554. — Der Geldumlauf in der Kolchis in römischer Zeit // BiblClOr. 1966. Jg. 11. H 2: 93.

555. — The gold coinage of King Pharnaces of the Bosphorus // NumChron. 1972. Vol. 12: 25—43: ил.

Соавт.: Карышковский П. О.

556. — [Literaturüberblicke der griechischen Numismatik] Kolchis // Chiron. 1972. Bd. 2: 565—610.

557. — [Literaturüberblicke der griechischen Numismatik] Nordliches Schwarzmeergebiet: Sar-

matia Europea, Chersonesus Taurica, Bosphorus Cimmerius // *Chiron*. 1975. Bd. 5: 497—642.

558. — [Literaturüberlicke der griechischen Numismatik] Pontus und Paphlagonien // *Chiron*. 1973. Bd. 3: 467—499.

559. Ein Münzfund am Fusse des Berges Aju-Dag // *BiblClOr*. 1966. Jg. 11. H. 2: 87.

560. — The Numismatic Department of the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow // *NumChron*. 1973. Vol. 13: 208—214.

561. — «Sposób podrabiania starożytnych monet bosforańskich prez M. Sazonowa, opowiedziany prez niego samego» // *WiadNum*. 1973. T. 17. Z. 1: 13—15.

562. — Zufällige Münzfunde in Patraeus im Jahre 1951 // *BiblClOr*. 1966. Jg. 11. H. 2: 88.

Голованова Л. В.

563. — Le nouveau site moustérien en Grotte de Matouzka, Caucase septentrional: Résultats des fouilles de 1985—1987 // *L'Anthropologie*. 1990. T. 94. № 4: 739—762: ил. Библиогр.: 761—762.

Соавт.: Барышников Г. Ф., Левковская Г. М.

Голубев В. А.

564. — The preceramic complexes and problems on the original transmigration of man in Sachalin // *Cultura antiqua* (Kyoto). 1984. Vol. 36. № 6: 26—36: ил. Яп. Библиогр.: 34—35.

Голубева Л. А.

565. — The White Lake area and the Volga waterway // *Fenno-ugri et slavi* 1978. Helsinki, 1980: 42—48: ил. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22).

Голубцова Е. С.

566. — La communauté thrace en Asie Mineure // *Intern. Thrakol. Kongr.*; 3. Sofia, 1984. Bd. 2: 236—239.

567. — Die XIV. Internationale Eirene-Konferenz // *Eirene*. 1978. Bd. 16: 165—180.

Соавт.: Шелов Д. Б.

Горбунова К. С.

568. — Аттическая чернофигурная гидрия «Женщины у источника» // *WissZRostock*. 1968. Jg. 17. H. 7/8: 641—643: ил.

569. — Килик Олтоса из раскопок в Ольвии в 1968 // *WissZRostock*. 1970. Jg. 19. H. 8: 573—574: ил.

570. — Оносы из раскопок на Березани // *APol*. 1973. T. 14: 79—85: ил.

571. — Anna Aleksiejewna Pieriedolska (1894—1968) // *Archeologia* (Wrocław). 1968. T. 19: 199—209.

572. — Archaeological investigations on the northern shore of the Black Sea in the territory

of the Soviet Union, 1965—1970 // *Archaeological reports for 1971—1972*: 48—59: ил.

573. — *Classical sculpture from the Lyde Browne collection // *Apollo*. 1974. Dec.: 460—467: ил.

574. — Les fouilles archéologiques du musée d'Ermitage sur les bords de la mer Noire // *Comptes rendus Acad. des inscriptions et belles-lettres*. 1974. Juill.-oct.: 439—444: ил.

575. — Les fragments de la coupe de Sakonides provenant des fouilles à Olbia en 1973—1974 // *Greece and Italy in the Classical World*. London, 1979: 215.

576. — Les fragments des céramiques attiques de la première moitié du VI-e siècle av. J.-C. provenant de l'île de Bérézán // *RA*. 1973. F. 2: 195—202: ил.

Горбунова Н. Г.

577. — The culture of ancient Ferghana VI century B. C. — VI century A. D. — Oxford, 1986. — 365с.: ил. — (BAR. Intern. ser.; 281). — Библиогр.: 216—246.

578. — Enéolithique: Les agriculteurs du Sud // *Avant les Scythes: Préhistoire de l'art en URSS*: [Catalogue]. Paris, 1979: 75—81: ил.

Соавт.: Качалова Н. К.

Горелик М. В.

579. — The Mongol-Tatar states of the 13th and 14th centuries // *Nomads of Eurasia*. Los Angeles, 1989: 67—86.

Соавт.: Крамаровский М. Г.

Горячева В. Д.

580. — Die Entwicklung der Archäologie in der Kirgisischen SSR // *Das Altertum*. 1984. Bd. 30. H. 1: 17—27: ил.

Соавт.: Каниметов А. К.

581. — La pratique des sépultures en *naus* dans le Semiretchie // *Publ. de l'U.R.A.* 29: Mém. 1987. № 2: 73—79: ил.

Гохман И. И.

См. №: 42, 44, 45.

Грабарь И. Э.

582. — *Geschichte der russischen Kunst. — Dresden, 1957. Bd. 1.

Соавт.: Кеменов В. С., Лазарев В. Н.

Граков Б. Н.

583. — *Die Skythen. — Berlin, 1978.

Граудонис Я. Я.

584. — Финские и балтские племена на территории Латвии в эпоху бронзы // *Congr. intern. fenno-ugristarum*; 7. 2 .B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 160.

585. — Die befestigte Siedlung Mükukalns in Lettland // *Suomen Museo*. 1966: 40—56: ил.

Грач А. Д.

586. — *О понятии древнетюркского времени, его хронологических и этнокультурных границах // Юрасия (Евразия). 1972. Т. 7. Яп.

586а. — Сокровища Центральной Азии // Современная Монголия. 1968. № 7: 18—19: ил.

587. — Turchi antichi, centri e correnti // Enciclopedia universale dell'arte. Venezia; Roma, 1966. Vol. 14: 237—256.

Грач Н. Л.

588. — О местной скульптуре Боспора: К вопросу о статуях-полуфигурах // WissZRostock. 1970. Jg. 19. H. 8: 589—598.

589. — Antiche citta della costa settentrionale del Mar Nero // Tesori d'Eurasia: 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo. Milano: Mandadori, 1987: 123—156: ил.

Гречкина Т. Ю.

590. — Zusammengepasste Artefakte von Kokorevo I am Jenissei (Sibirien): Eine Episode aus dem Leben des paläolithischen Menschen // AKorrBl. 1991. Jg. 21. H. 1: 33—38: ил.

Григоренко Б. Г.

591. — The discovery of Palaeolithic in Korea: The Coulpou culture // Arctic Anthropology. 1969. Vol. 6. № 1: 128—133.

Соавт.: Ларичев В. Е.

Григорьев Г. П.

592. — К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности: По материалам палеолита // Congr. intern. des sciences préhist. et protohist; 7. Prague, 1970. T. 1: 292—298. Библиогр.: 298.

593. — The animal bones distribution as a reflection of the hunting activity // La chasse dans la préhistoire: Colloque intern.: Pre-actes. Treignes, 1990: 43.

594. — Migrations, indigenous development and diffusion in the Upper Palaeolithic // Arctic Anthropology. 1965. Vol. 3. № 1: 116—121. Библиогр.: 119—121.

595. — Le Paléolithique supérieur de la partie européenne de l'URSS // ERAUL. 1991. № 52: 13—15.

596. — A reconstruction of the aboveground dwelling of Kostenki I // CAnt. 1967. Vol. 8. № 4: 344—349: ил.

597. — Sungir // ERAUL. 1990. № 42: 137—139.

См. также №: 521.

Григорьева Г. В.

598. — Локальные культуры позднего палеолита юга СССР: Степная зона // Congr. intern. des sciences préhist. et protohist.; 7. Prague, 1970. T. 1: 334—337. Библиогр.: 337.

599. — Позднепалеолитические памятники Одесской области // SborNMPraha. Řada A. 1966. S. 20. № 1/2: 17—20.

600. — Корпач, un gisement stratifié du Paléolithique supérieur en Moldovie // L'Anthropologie. 1983. T. 87. № 2: 215—220: ил. Библиогр.: 219—220.

См. также №: 9, 69.

Гринбаум Н. С.

601. — Язык Пиндара и надписи Крита // Acta conventus XI «Eirene». Wrocław, 1971: 575—584.

Грицкевич А. П.

602. — Торговые связи Слуцка с городами Польши и Прибалтики в XVI—XVIII веках и их роль в иноземной торговле города // Acta Baltico-Slavica. 1969. T. 6: 51—73.

Громов В. И.

603. — История развития ископаемого человека на территории СССР // Congr. géol. intern. Comptes rendus de la dix-neuvième sess. Sect. V. Les préhominiens et les hommes fossiles. Commiss. pour l'homme fossile. Cat. des hommes fossiles. Alger, 1953: 1—30.

604. — *Problemes de discussion sur la détermination de l'âge géologique du Paléolithique en Europe // Intern. congr. on Quaternary; 6. Łódź, 1964. Vol. 4: 301—309.

605. — *Faune de vertébrés de la station tardénoisienne de Mourzak-Koba en Crimée // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 392—395.

См. также №: 152.

Громова В. И.

606. — Fossile Pferd aus dem Faunenkomplex von Tiraspol // Quartärpaläontologie. 1975. Bd. 1: 107—124: ил. Библиогр.: 124.

Грушевой А. Г.

607. — The tribe 'Ubaishat in Safaitic Nabataean and Greek inscriptions // Berytus. 1985. Vol. 33: 51—54.

Грязнов М. П.

608. — Der Grosskurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien // — München: Beck, 1984. 90 с.: ил. — (AVA-Materialien; 23).

609. — *La sculpture néolithique de Bateni sur l'Ienisei // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 282—285: ил.

610. — Southern Siberia. — Geneva, a. o.: Nagel, 1969. — 252 с., 68 л. ил. — (Archaeologia mundi).

Рец.: 1. Häusler A. // ZfA. 1971. Bd. 5. H. 1: 151—154.

2. Kühn H. // Ipek. 1973. Bd. 23: 218.

3. Markov G. E. // EAZ. 1974. Jg. 15. N. 2: 355—360.

Гугуев В. К.

611. — The burials in the Kobyakovo barrow semetery // Raev B. A. Roman imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986: 71—72: ил. (BAR; 278).

612. — Han mirrors and their replicas in the territory of South and Eastern Europe // Bulletin of the Metal Museum. 1991. Vol. 16: 32—50: ил. Библиогр.: 46—48.

Соавт.: Равич И. Г., Трейстер М. Ю.

613. — Ein reiches Sarmatengrab in Rostov am Don // Das Altertum. 1990. Bd. 36. N. 1: 37—42: ил.

Гуляев В. И.

614. — On the cult of the serpent // CAnt. 1976. Vol. 17. № 4: 742—744.

Соавт.: Серов С. Я.

615. — On the pre-Columbian Old World coins in America // CAnt. 1980. Vol. 21. № 4: 539.

Гулямов Я. Г.

616. — Archaeological investigations in Uzbekistan, 1963—1964 // Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology a. Ethnology, Harvard Univ. 1966. Vol. 3. № 1: 125—126.

Гумилев Л. Н.

617. — Единство и разнообразие степной культуры Евразии // Aert. 1969. K. 96. S. 1: 54—61. Венгр.

618. — К проблеме хронологии событий, предшествовавших восшествию Чингиз-хана на престол // Beiträge zur alten Geschichte u. deren Nachleben: Festschrift für Franz Altheim. Berlin, 1970: 238—247.

619. — Колебания степени увлажнения и миграции народов в Юго-Восточной Европе с II в. по VI в. // Congr. intern. des sciences préhist. et protohist.; 7. Prague, 1971. T. 2: 951—955.

620. — Опыт классификации общественно-политических систем древних кочевников Евразии // Studien zur Geschichte u. Philosophie des Altertums. Budapest: Akad. Kiadó, 1968: 262—269.

621. — Потомки хазар: Распределение осадков и вопрос этногенеза в Юго-Восточной Европе в VII—XVI вв. // Különlenyomat a Történelmi szemle. 1968. S. 1/2: 11—18. Венг.

622. — *Dzilie Dawnych turków. — Warszawa, 1972.

623. — Etnogeneze a biosféra Země // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. T. 2: 149—173. Библиогр.: 171—173.

624. — Les fluctuations du niveau de la mer Caspienne. Variations climatiques et histoire des peuples nomades au sud de la plaine Russe // Cahiers du monde Russe et Soviétique. 1965. Vol. 6. c. 3: 332—366.

625. — New data on the history of the Khazars // ActaArchHung. 1967. T. 19. F. 1/2: 61—103: ил.

626. — *Objevení země chazarů. — Praha: Mladá fronta, 1971. — 183 с.: ил.

627. — *Śladami cywilizacji wielkiego stepu. — Warszawa, 1973.

Рец.: Konopka M. // Z otchłani wieków. 1974. № 2: 177—178.

Гуревич Ф. Д.

628. — Древний Новогрудок // Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej; 1. [Warszawa, 1965]. T. 4: 376—389.

629. — К истории древнего Новогрудка // Światowit. 1962. T. 24: 557—575: ил.

630. — Об этническом составе населения древнего Новогрудка // Acta Baltico-Slavica. 1969. № 6: 219—222.

631. — Alsengemmen from ancient Russian towns // JGS. 1986. Vol. 28.: 24—29: ил.

632. — Badania archeologiczne w Nowogrodku na obszarze BSRR w latach 1956—1961 // Rocznik Białostocki. 1963. T. 4: 341—354: ил.

633. — New finds of glass medallions in the USSR // JGS. 1982. Vol. 24: 44—47: ил.

634. — Niektóre dane o osadach i grodziskach Sambii // Rocznik Olsztyński. 1959. T. 2: 205—220: ил.

Гурин М. Ф.

635. — Исследование трехполосных железных ножей Полоцкой земли // SlovA. 1984. R. 32. c. 2: 311—324: ил. Библиогр.: 324.

636. — Поиск критерия для разработок метода датировки железных предметов // Acta interdisciplinaria archaeologica. 1986. T. 4: 155—160: ил. Библиогр.: 160.

637. — Процесс крицеобразования в древней металлургии железа // SlovA. 1988. R. 36. c. 2: 363—377: ил. Библиогр.: 376—377.

638. — Badania metalograficzne przedmiotów żelaznych z Czaplina // Prace i materiały Muzeum archeol. i etnograf. w Łodzi. 1982. № 2: 97—104: ил. Библиогр.: 103—104.

Гурина Н. Н.

639. — Зависимость категорий и типов каменных орудий от сырья // Seminar on petroarchaeology; 3. Plovdiv, 1984: 176—184: ил. Библиогр.: 184.

640. — *К вопросу о непрерывности развития первобытных культур и их значение в формировании этноса: По данным археологии Северо-Запада СССР // Congr. intern. fenno-ugritarum; 5. Turku, 1981: 323.

641. — Кремнедобывающие шахты в СССР // Congr. intern. des sciences préhist. et protohist.; 1. Prague, 1970: 588—593.

642. — Кремневое сырье как исторический источник по материалам неолитических памятников Европейской части СССР // Folia fac. sci.

naturalium Univ. Purkynianae Brunensis. 1975. T. 16: 75—81. (Geologia; 27).

643. — Die archäologischen Forschungen in Ost-Karelien und im Leningrader Bezirk in den Jahren 1948—1957 // Finsk Museum. 1958. T. 65: 5—26.

644. — L'art decoratif des tribus préhistoriques des régions arctiques: D'après les matériaux de la presqu'île de Kola // L'Anthropologie. 1990. T. 94. № 1: 127—138: ил. Библиогр.: 138.

645. — L'art rupestre de la région arctique de Kola // L'Anthropologie. 1990. T. 94. № 4: 827—840: ил.

646. — Imitative art of ancient tribes on the Kola Peninsula // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 14—36: ил. Библиогр.: 36. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22).

647. — The main stages in the cultural development of the ancient population of the Kola Peninsula // FScandA. 1987. T. 4: 35—48: ил. Библиогр.: 48.

648. — Niektóre nowe materiały do pradziejów Mierzei Kurońskiej i Sambii // Rocznik Olsztyński. 1959. T. 2: 195—204: ил.

649. — Quelques pièces de l'art ancien en Carélie // L'Anthropologie. 1990. T. 94. № 4: 809—825: ил.

650. — *Sur la datation des labyrinthes de pierre de la mer Blanche et de la mer de Barentz // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 345—353.

651. — Till frågan om kolainvånarnas forntida förbindelser: Efter gravfyndet i viken Stora Peskonec // Festskrift tillägnad Matts Dreijer på hans 80-årsdag 31. 01. 1981. Marienhamn, 1981: 93—103: ил. Библиогр.: 102—103. (Ålands folkminnesförbund; 5).

652. — *Vestiges de l'art du métal ancien sur le rivage Nord de la presqu'île de Kola // Paléolithique et Néolithique de l'URSS // Paris, 1957: 293—344: ил.

653. — A vizimadarak népe // A vizimadarak népe. Budapest, 1975: 127—142: ил.

654. — Zur Frage der Genesis des Frühneolithikums in der Russischen Tiefebene: Oberes Wolgagebiet und Wolga-Oka-Zwischenstromland // Mesolithikum in Europa: Intern. Mesolithikum Symp.; 2. Berlin, 1981: 191—199: ил. Библиогр.: 199.

Гусаков М. Г.

655. — Heiligtümer im südlichen Ostseegebiet aus dem 1. Jt. u. Z. // JschrVgHalle. 1991. Bd. 74: 155—190. Библиогр.: 189—190.

Соавт.: Кулаков В. И.

Гуслицер Б. И.

656. — The northernmost Palaeolithic sites in the USSR // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 364.

Соавт.: Канивец В. И., Тимофеев Е. М.

Давид А. И.

См. №: 225.

Давидан О. И.

657. — Contacts between Staraja Ladoga and Scandinavia: On the evidence of archaeological material from Zemljanoe gorodisce // Varagnian problem. Copenhagen, 1970: 79—91: ил.

658. — Die Skandinavier und die Rus': Mit Katalog // Duisburg und die Wikinger. Duisburg, 1983: 71—82: ил. Библиогр.: 82.

Соавт.: Щукин М. Б.

Давидович Е. А.

659. — The first hoard of tetradrachmas of the Kusāna «Heraios» // ActaAntHung. 1980. T. 28. F. 1/4: 148—177, 9 л. ил.

Давлианидзе Ц. О.

См. №: 549.

Давудов О. М.

660. — Kimmerier, Skythen und Dagestan: Ein hohalpinisches Feuerheiligtum im Kontext der reiternomadischen Vorderasienzüge // HambBeitrA. 1991. Bd. 18 (1996): 47—56: ил.

Давыдов С. Н.

661. — *La protection des monuments culturels et des richesses des musées en URSS au cours de la Seconde guerre mondiale: Quelques problèmes techniques // Museum. 1956. № 4: 243—255: ил.

Соавт.: Мацулевич Ж. А.

Давыдова А. В.

662. — The Ivolga Gorodishche: A monument of the Hiung-nu culture in the Trans-Baikal region // ActaArchHung. 1968. T. 20. F. 1/4: 209—245: ил.

Дадабаев Р. М.

663. — On the history of the Tadjikistan architecture of the 9th—11th centuries (Hulbuck, Sayyod) // WissBeitHalle. 1983. Bd. I 21: 14—25.

Дальский А. Н.

664. — Felszeichnungen in Tadshikistan // Sowjetwissenschaft. 1949. H. 4: 77—92.

Дандамаев М. А.

665. — Сакские матросы // IranAnt. 1982. Vol. 17: 101—103.

666. — The cultural and social institutions at Ancient Iran. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. — 463 с.: ил.

Соавт.: Луконин В. Г.

667. — The dynasty of the Achaemenids in the Early Period // ActaAntHung. 1977. T. 25. F. 1/4: 39—42.

668. — Social stratification in Babylonia: 7th—4th centuries B. C. // ActaAntHung. 1974. T. 22. F. 1/4: 433—444.

То же: *Wirtschaft u. Gesellschaft im alten Vorderasien*. Budapest, 1976: 433—444.

669. — *Social stratification of the Neo-Babylonian society // Intern. Tagung der Keilschriftforscher der sozialist. Länder*. Budapest, 1974: 24—25.

670. — *Sušan in the Murašu documents // Fragmenta historiae elamicae*. Paris, 1986: 289—290.

Даркевич В. П.

671. — **Argonauti středověku*. — Praha, 1984. — 195 с.: ил.

672. — *Ostslaven, Rus und Araber // Welt der Slawen*. München, 1986: 228—232: ил.

Дашкевич Я. Р.

673. — **Бумага для царя или государева бумага? О начале производства бумаги в Московском государстве XVI в. // Russia mediaevalis*. 1987. Т. 6. Ф. 1: 221—250.

674. — *Каменные бабы причерноморских степей: Коллекция из Аскания-Нова*. — Wrocław ii.: Ossolineum, 1982. — 231 с., 35 л. ил.

Рец.: 1. Аладжов Ж. // *Археология (София)*. 1983. № 1/2: 110—111.

2. Szafranski W. // *Euhemer (Warszawa)*, 1983. № 3: 112—114.

Дворниченко В. В.

675. — *Savromaternas och sarmaternas gravar vid nedre Volga // Skyter och Sarmater*. Örebro, 1990: 25—34: ил.

Дебец Г. Ф.

676. — **Paleoanthropology of the USSR // Southwestern Journal of Anthropology (Albuquerque)*. 1952. Vol. 8. № 1: 52—67.

677. — *Die Sowjetunion // Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa*. Köln; Wien, 1973. Т. 8 а: 153—169: ил. Библиогр.: 168—169. (Fundamenta, Reihe B; 3).

Дедабришвили Ш. Ш.

678. — *Nahe und weite Verbindungen der Kura-Arax-Kultur // ActaA Carp*. 1975. Т. 15: 217—218.

Деемант К. Э.

679. — *Völkerwanderungszeitliche Gegenstände mit ostskandinavischen Ornamenten von Proosa (Nordestland) // Forvänneren*. 1985. Årg. 80 (1986): 243—252: ил. Библиогр.: 251—251.

Соавт.: Селиранд Ю. Я.

Демиденко Ю. Е.

680. — *О фрагментации скребков в позднем палеолите // ActaA Carp*. 1991. Т. 30: 5—16: ил.

Соавт.: Усик В. И.

См. также №: 542, 545, 547.

Денисова Р. Я.

681. — *О генезисе финно-угров // Congr. Intern. fenno-ugristarum; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen*, 1990: 151.

682. — **Основные антропологические типы прибалтийских финнов и их происхождение // Congr. intern. fenno-ugristarum; 5. Turku*, 1981. P. 2: 314.

683. — *Состояние антропологических исследований в Советской Прибалтике после Второй мировой войны // Acta Baltico-Slavica*. 1970. Т. 2: 243—268: ил.

684. — **Der anthropologische Typus und die Ethnogenese der Ostseefinnen // Studies in the Anthropology of the Finno-Ugrian peoples*. Helsinki, 1973: 165—182.

685. — *Migration of tribes in the Eastern Baltic in the 1st millenium A. D. // Turun historiallinen arkisto*. 1986. Т. 41: 26—40. Библиогр.: 37—38.

686. — **Principal anthropological types of the Baltic Finns // Congr. intern. fenno-ugristarum; 5. Turku*, 1981. P. 8: 317—329.

687. — *The reconstruction of the anthropological composition of the Bronze Age population: Burial grounds of Kivutkalns, Latvian SSR // Anthropologie (Brno)*. 1986. Vol. 23. № 2/3: 133—138. Библиогр.: 138.

Дергачев В. А.

688. — *Bestattungkomplexe der späten Tripolje-Kultur*. — Mainz am Rhein: Zabern, 1991. 108 с., 60 л. ил. — (AVA-Materialien; 45).

Рец.: Roman P. // *Thraco-Dacia*. 1991. Т. 13. № 1/2: 195.

689. — *Neolithic and Bronze Age cultural communities of the steppe zone of the USSR // Antiquity*. 1989. Vol. 63. № 241: 793—802. Библиогр.: 801—802.

690. — *Die Ockergrabkultur in Bulgarien: Darstellung des Problems // StPraehist*. 1984. Т. 7: 99—116: ил.

691. — *Recent results of Neolithic research in Moldavia (USSR) // OJA*. 1991. Vol. 10. № 1: 1—16: ил. Библиогр.: 15—16.

Соавт.: Ларина О. В.

692. — *Some aspects of Early Bronze Age funeral customs in Thrace // Pulpudeva*. 1980. Т. 4 (1983): 324—328: ил.

693. — *Le trésor de bronzes de l'époque du Bronze tardif près du village Dancu (R. Moldova) // Thraco-Dacica*. 1991. Т. 12. № 1/2: 39—55: ил.

Деревянко А. П.

694. — *New data on the archaeology of the Middle Amur // Arctic Anthropology*. 1965. Vol. 3. № 1: 136—141: ил. Библиогр.: 140.

695. — *The Novopetrovka Blade Culture on the Middle Amur // Arctic Anthropology*. 1969. Vol. 6. № 1: 119—127: ил. Библиогр.: 126—127.

696. — *On the migration of ancient man from Asia to America in the Pleistocene epoch // Early man in America from a Circum-Pacific perspective. Edmonton: Univ. of Alberta, 1978: 70—71.

697. — The problem of the Lower Palaeolithic in the South of the Soviet Far East // Early Palaeolithic in South and East Asia. Paris, 1978: 303—315: ил.

Джавахишвили А. И.

698. — Premiers agriculteurs de l'Europe // DossA Paris. 1984. № 88: 24—31: ил.

Соавт.: Кигурадзе Т. В.

Джандиери М. И.

699. — Familiengemeinschaftliche Turmhäuser in Vorderasien // Altorf. 1984. Bd. 11. H. 2: 242—281: ил.

Джанполадян Р. М.

700. — Craftsmanship in Medieval Dvin // Armenian Review. 1988. Vol. 41. № 1: 47—54.

701. — Mittelalterlicher Säbel mit einer armenischen Inschrift, gefunden im Subpolaren Ural // Gladius. 1972. T. 10 (1973): 15—23: ил.

Соавт.: Кирпичников А. Н.

Джапаридзе В. В.

702. — Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // JRGZM. 1989. Jg. 36. T. 1 (1992): 67—116: ил. Библиогр.: 113—116.

Соавт.: Бугианишвили Т. В., Ниорадзе М. Г.

Джапаридзе Г. И.

703. — Nouvelles additions à l'Ouvrage de Zambaur, «Die Münzprägungen des Islams» // BEtOr. 1980/1981. T. 32/33: 89—97.

Джапаридзе О. М.

704. — La civilisation Kouro-Araxe // DossA Paris. 1984. № 88: 32—37: ил.

Джумагулов Ч.

705. — Die syrisch-türkischen (nestorianischen) Denkmäler in Kirgisien // MIO. 1968. Bd. 14. H. 3: 470—480.

Диков Н. Н.

706. — *Ancestors of Paleo-Indians and Proto-Eskimo-Aleuts in the Palaeolithic of Kamchatka // Early man in America. Edmonton, 1978: 68—69.

707. — Archaeological materials from the Chukchi Peninsula // American antiquity. 1963. Vol. 28. № 4: 529—536.

708. — Asia joining America in ancient times: The Palaeolithic of Kamchatka and Chukotka related to the problem of the primary peopling of America // Intern. Congr. of prehist. a. protohist.

sciences; 11. The Pleistocene perspective. Southampton, 1986. Vol. 1: 13 с.: ил.

709. — The discovery of the Palaeolithic in Kamchatka and the problem of the initial occupation of America // Arctic Anthropology. 1968. Vol. 5. № 1: 191—203: ил. Библиогр.: 202—203.

710. — The first data on the stratigraphy of the Palaeolithic of Kamchatka // Arctic Anthropology. 1968. Vol. 5. № 1: 204—212: ил.

Соавт.: Ложкин А. В., Шило Н. А.

711. — New data on Pleistocene and Holocene archaeology of Kamchatka // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 362.

712. — On the road to America: Ice Age sites in Siberia provide glimpses of the Asians who may have crossed the Bering Land bridge // Natural history. 1988. Vol. 97. № 1: 12—15.

713. — Origini della cultura paleoeschimese // Boll. Del Centro Camuno di studi preistorici. Brescia. 1979. Vol. 17: 88—98: ил. Библиогр.: 98.

714. — The Palaeolithic of Northeastern Asia and its relations with the Palaeolithic of America // Inter-Nord (Paris). 1985. № 17: 173—177. Библиогр.: 177.

715. — Les pétroglyphes de Pegtymel et leur appartenance ethnique // Inter-Nord (Paris). 1972. № 12: 245—261: ил.

716. — Prehistoric rock pictures in Chukotka // Anthropologie (Brno). 1970. T. 9. № 1: 91—92: ил. Библиогр.: 92.

717. — Problems of the stratification and periodization of the Ushki sites // Arctic Anthropology. 1984. Vol. 21. № 2: 69—80: ил. Библиогр.: 78—80.

Соавт.: Титов Е. Е.

718. — The stages and routs of human occupation of the Beringian Land bridge based on archaeological data // Quaternary coastlines. London: Acad. Press, 1983: 347—364: ил. Библиогр.: 361—364.

719. — The Stone Age of Kamchatka and the Chukchi Peninsula in the light of new archaeological data // Arctic Anthropology. 1965. Vol. 3. № 1: 10—25: ил. Библиогр.: 21—25.

Дикова Т. М.

720. — New data on the characteristics of the Kanchalan site // Arctic Anthropology. 1965. Vol. 3. № 1: 91—97: ил. Библиогр.: 97.

Дмитриева Т. Н.

721. — Early man in the Soviet Union [Рец.: McBurney C. В. М. Early man in the Soviet Union: The implications of some recent discoveries. London, 1975.] // CAnt. 1980. Vol. 21. № 26: 828—829. Библиогр.: 830.

Добровольская М. В.

722. — Минералы костной ткани: по материалам древних погребений // Seminar on Pe-

troarchaeology; 3. Plovdiv, 1984: 16—23: ил. Библиогр.: 23.

Довженко В. И.

723. — *Свидетельства русско-византийских источников X в. о феодальных отношениях на Руси // Славяните и средиземноморският свят VI—XI в. София, 1973: 203—208.

724. — Черты хозяйства и общественной организации у славян Поднепровья в период заселения Балкан // ActaArchHung. 1965. Т. 17. F. 1/4: 29—35.

725. — Čučin — ancienne ville-fortresse sur le Dniéper // Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej. Wrocław, 1970: 33—41: ил.

726. — Über die grundlegenden Voraussetzungen der Entstehung von Klassen bei den Ostslawen // Veröff. Zentralinst. für Geschichte u. Archäologie. 1975. Bd. 7: 229—236.

727. — *Über die Zeit der Entstehung des Feudalismus in der Rus // Sowietwissenschaft. 1952. Bd. 20: 261—285.

Додонов А. Е.

728. — Early man in Soviet Central Asia // Scientific American. 1980. Vol. 243. № 6: 130—137.

Соавт.: Ранов В. А.

729. — *I primi insediamenti umani // Annu della Enciclopedia della scienza e della tecnica. Milano: Mondadori, 1978: 231—240: ил.

Соавт.: Ранов В. А.

Долгих Б. О.

730. — Problems in the Ethnography and Physical Anthropology of the Arctic // Arctic Anthropology. 1965. Vol. 3. № 1: 1—9. Библиогр.: 9.

Долуханов П. М.

731. — Днепро-донецкий неолит и культура воронковидных кубков к северу от Карпат // ActaArchHung. 1979. Т. 19: 37—50: ил. Библиогр.: 48—50.

Соавт.: Третьяков В. П.

732. — Неолитизация Европы: Хронологические и экологические аспекты // Роль Черного моря в праистории Средней и Юго-Восточной Европы. Междунар. симп.; 15. Толбухин, 1988: 11.

733. — *La chronologie absolue du Néolithique de l'Eurasie d'après les données de la méthode du radiocarbone et de la paléogéographie // Congr. intern. of the Union of Pre-a. Proto-historic Sciences; 8. Beograd, 1973: 29—32.

734. La chronologie absolue et la paléogéographie de l'époque Néolithique en Europe // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 363.

Соавт.: Микляев А. М., Хотинский Н. А.

735. — The ecological prerequisites for early farming in Southern Turkmenia // The Bronze Age civilisation of Central Asia. New York, 1981: 359—385: ил. Библиогр.: 383—385.

736. — Ecology and economy in Neolithic Eastern Europe. — London: Duckworth, 1979. — 212 с.: ил. (New approaches in archaeology).

Рец.: Makkay J. // ActaArchHung. 1982. Т. 34. № 1/4: 398—399.

737. — Evolution des systèmes éco-sociaux en Europe durant le Pléistocène récent et le début de l'Holocène // La fin des temps glaciaires en Europe. Paris, 1979: 869—876. Библиогр.: 875—876.

738. — Evolution of eco-social systems in Central Asia and in Iran in the course of Upper Pleistocene and Holocene // Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête uslamique. Paris, 1977: 13—22: ил. (Actes du Colloque intern.; 567).

739. — Foragers and farmers in West-Central Asia // Hunters in transition. Cambridge, 1986: 121—132. Библиогр.: 131—132.

740. — Human cultures and the natural environment in the USSR during the Mesolithic and Neolithic // Late Quaternary environments of the Soviet Union. Minneapolis, 1984: 319—327: ил. Библиогр.: 326—327.

Соавт.: Хотинский Н. А.

741. — The Late Mesolithic and transition to food production in Eastern Europe // Hunters in transition. Cambridge, 1986: 109—119: ил. Библиогр.: 119.

742. — *Leningrad and Soviet Carelia // The History of Baltic Sea. Uppsala, 1979: 115—126.

743. — Multivariate analysis of Upper Palaeolithic and Mesolithic stone assemblages. — Warszawa; Kraków, 1980. — 103 с. — (Univ. Jagielloński. Prace archeol.; 30). — Библиогр.: 99—103.

Рец.: 1. Gob A. // BSPF. 1980. Т. 77. № 6: 172.

2. Svoboda J. // Anthropologie (Brno). 1982. Т. 20. № 2: 190—191.

744. — Natural environment and the Holocene settlement pattern in the Nord-Western part of the USSR // Fennoscandia. 1986. № 3: 3—16. Библиогр.: 14—16.

745. — The Neolithic of the S. W. Asia and S. E. Europe as seen through the radiocarbon chronology // PACT. 1983. Vol. 8: 470—490: ил. Библиогр.: 487—490.

746. — The Neolithisation of Europe: A chronological and ecological approach // The Explanation of culture change: Models in Prehistory. London, 1973: 329—342: ил. Библиогр.: 341—342.

747. — Ökologie und Chronologie des Mesolithikums in Europa // Veröff. des Museums für Ur- u. Frühgeschichte Potsdam. 1981. Bd. 14/15: 211—216.

748. — Die ökologischen und ökonomischen Grundlagen der Neolithisierung Mittel- und Osteuropas // *Moderne Probleme der Archäologie*. Berlin, 1975: 73—82. Библиогр.: 81—82.

749. — Ökosoziale und soziokulturelle Systeme in der Urgeschichte // *Moderne Probleme der Archäologie*. Berlin, 1975: 67—72. Библиогр.: 72.

750. — Paleogeography and prehistoric settlement in Caucasus and Central Asia during the Pleistocene and Holocene // *Annali dell'Inst. orientale di Napoli*. 1980. T. 40 (N. S. ; 30): 49—87: ил. Библиогр.: 72—73.

751. — *Prehistoric civilisations in the Baltic Basin // *The History of the Baltic Sea*. Uppsala, 1979: 243—250.

Соавт.: Лийва А. А.

752. — Prehistoric ethnicity in the North-East of Europe: Comments on the paper by M. G. Nunez // *FScandA*. 1989. Vol. 6: 81—84: ил. Библиогр.: 84.

753. — Příčiny migraci // *Malina J. Archeologie včera a dnes*. Brno, 1981. T. 2: 141—147. Библиогр.: 146—147.

754. *Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology: P. 2 // *Radiocarbon*. 1970. Vol. 12. № 1: 130—155.

Соавт.: Романова Е. Н., Семенцов А. А.

P. 3 // *Radiocarbon*. 1976. Vol. 18. № 2: 190—201.

Соавт.: Маланова Н. С., Романова Е. Н., Свеженцев Ю. С., Семенцов А. А., Тимофеев В. И.

755. — Rudnaya-Serteya, a stratified dwelling-site in the Upper Duna Basin: A multidisciplinary research // *FScandA*. 1989. Vol. 6: 23—27: ил. Библиогр.: 27.

Соавт.: Мазуркевич А. Н., Микляев А. М.

756. — *Die Spiegelschwankungen der Ostsee und der Seebecken im nordostbaltischen Raum während des Holozäns // *Petermanns Geographischen Mitteilungen*. 1973. Jg. 117. H. 3: 169—179: ил. Библиогр.: 178—179.

757. — Upper Pleistocene and Holocene cultures of the Russian Plain and Caucasus: ecology, economy and settlement pattern // *Advances in World Archaeology*. 1982. Vol. 1: 323—358: ил. Библиогр.: 351—358.

758. — La zone aride de l'Ancien Monde: Son potentiel écologique et l'orientation de son évolution culturelle et économique // *Nomades et sédentaires en Asie Centrale*. Paris, 1990: 113—119. Библиогр.: 117—119.

759. — Zur absoluten Chronologie und Paläogeographie des Neolithikums im europäischen Teil der UdSSR // *EAZ*. 1971. Jg. 12. H. 2: 161—170. Библиогр.: 169—170; Nachtrag zum gleichnamigen Aufsatz // *EAZ*. 1971. Jg. 12. H. 3: 381—382: ил.

Доманский Я. В.

760. — De Age du Bronze à l'Age du Fer dans le Caucase // *Avant les Scythes: Préhistoire de l'art en URSS: Catalogue*. Paris, 1979: 141—147, 156—161: ил.

761. — *The Scythian theme in the art of Ancient Northern Black Sea cities // *Apollo*. 1974. Dec.: 454—459: ил.

762. — La collezione dei bronzi colchidici dell'Abkhazia // *Tezori d'Eurasia: 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo*. Milano: Mandadori, 1987: 63—71: ил.

См. также №: 463.

Драчук В. С.

763. — «Загадочные знаки» Северного Причерноморья. Ч. 1: Об исследовании тамгообразных знаков // *Archeologia (Wrocław)*. 1970. T. 21: 23—52.

764. — *Исследование Керкинитиды // *Concilium Eirene*; 16. Praha, 1983. Vol. 2: 109—114.

Соавт.: Кутайсов В. А.

765. — Царские знаки Боспора // *Eirene*. 1972. T. 10: 61—83.

766. — Untersuchungen zu den tamgaartigen Zeichen aus dem nordpontischen Randgebiet der Antiken Welt // *ZfA*. 1972. H. 2: 190—227: ил. Библиогр.: 224—226.

767. — Zu den Forschungsergebnissen über die Königszeichen des Kimmerischen Bosphorus // *Klio*. 1974. Bd. 56. H. 1: 55—85.

Дроздов Н. И.

768. — The Paleoecology in the Northern Angara region // *Early man news*. 1990. № 15: 33—38: ил. Библиогр.: 36.

Соавт.: Лаухин С. А.

Дубов И. В.

769. — Finno-Ugrians and Slavs of the Yaroslavl area on the Volga: Exchange of cultural traditions // *Iskos*. 1984. Vol. 4: 169—173. Библиогр.: 172—173.

770. — Merya and Rostov Land // *Fenno-ugri et slavi 1978*. Helsinki, 1980: 220—227. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22). Библиогр.: 220—227.

771. — A worshipped «blue stone» from Kleshchin, Yaroslavl region // *Iskos*. 1990. Vol. 9: 171—174.

Дуброво И. А.

772. — Mummuths trogontherii trogontherii (Pohlig) aus dem Pleistozän von Tiraspol // *Quartärpaläontologie*. 1975. Bd. 1: 125—155: ил. Библиогр.: 142—143.

Дундуа Г. Ф.

773. — Hellenistic coins from the site of Vani, in Colchis (Western Georgia) // *NumChron*. 1979. Vol. 19: 1—5: ил.

774. — Les kolkhidki // Dialogues d'histoire ancienne. 1982. № 8: 53—60; ил.

775. — Les Trésors monétaires // DossA Paris. 1984. № 88: 85—86; ил.

Дьяконов И. М.

776. — Ancient Near East in Soviet research // Archiv orientalni. 1959. Т. 27. № 1: 143—148.

777. — Earliest Semites in Asia. Agriculture and animal husbandry according to linguistic data: VIIIth—IVth millennia B. C. // AltorF. 1981. Bd. 8: 23—74; ил.

778. — The inscriptions of Gudea of Lagaš: Remarks on Falkenstein A. Die Inschriften Gudeas von Lagaš. 1. Einleitung. Rom, 1966 // МЮ. 1969. Bd. 15. Н. 3: 525—532.

779. — Mittelasiatische Archäologie: Vollversammlung des N. J. Marr-Inst. für Geschichte der materialien Kultur zu Leningrad // Sowietwissenschaft. 1949. Н. 1: 220—223.

780. — On Cybele and Attis in Phrygia and Lydia // ActaAntHung. 1977. Т. 27. F. 1/4: 333—340.

781. — On the interpretation of 70 the Bisutūn Inscription: Elamite version // Acta Antiqua. 1969. Т. 17. F. 1/2: 105—107; ил.

782. — *Das parthische Archiv aus dem antiken Nisá // Sowjetwissenschaft. 1954. Н. 4: 557—577.

783. — Patriarchal slavery in the Early Antiquity of the Near East // Intern. Tagung der Keilschriftforscher der sozialist. Länder. Budapest, 1974: 26—27.

784. — Sacrifices in the city of Teišebā (UKN 448): Lights on the social history of Urartu // AMI. 1991. Bd. 24 (1993): 13—21.

785. — Slaves, helots and serfs in Early Antiquity // ActaAntHung. 1974. Т. 22. F. 1/4: 45—78.

786. — Socio-economic classes in Babylonia and the Babylonian concept of social stratification // Bayerische Acad. der Wiss. Philos.-hist. Klasse Abh. N. F. 1972. Н. 75: 41—52; ил.

Дэрумс В. Я.

787. — Knochen tuberkulose im alten Baltikum // Anthropologie (Brno). 1973. Т. 11. № 1: 255—257; ил. Библиогр.: 256.

788. — Paleopathology of Bronze Age population in Latvia // Anthropologie (Brno). 1987. Vol. 25. № 1: 57—61; ил. Библиогр.: 61.

789. — Some macro- and microstructure of the lower extremity bones in the population of Latvia according to palaeoanthropological data // Anthropologie (Brno). 1982. Т. 20. № 1: 1—6; ил. Библиогр.: 5—6.

Евдокимов Г. Л.

790. — Нові половецькі святилища Північного Причорномор'я XI—XIII ст. // Золото

степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 264—268; ил.

Соавт.: Куприй Н. М.

791. — «...Співай же йому пісні половецькі» (Літопис Нестора) // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 281—283; ил.

792. — Grabräuber und Grabfrevler in den Skythenkurganen // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 181—183. Библиогр.: 183.

Соавт.: Загребельный А. Н.

Егорейченко А. А.

793. — *Poselenije u d. Ostrow Pinskogo r-na Brestskoi oblasti // Archaeoslavica. Kraków, 1991. Т. 1: 61—82.

Рец.: Porzeziński A. // MatZP. 1993. Т. 39: 414—417.

Елкина А. К.

794. — Тканині і золоте шиття із Соколової Могили // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 227—229; ил.

795. — Seidene Kaftane und Goldstickereien aus Byzanz // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 274—275; ил. Библиогр.: 275.

Ельницький Л. А.

796. — Интерес к скифам, скифская тема в искусстве и скифское культурное влияние в Греции // Klio. 1983. Bd. 65. Н. 1: 107—132.

797. — *Epigraphische Neuigkeiten aus Kertsch // Sowietwissenschaft. 1950. Н. 1: 89—93.

Ерицяв Б. Г.

798. — More on Stone tools and ethnic groups // CAnt. 1979. Vol. 20. № 3: 614—615.

799. — On the Palaeolithic of Central Asia // CAnt. 1979. Vol. 20. № 3: 603—604.

Есаян С. А.

800. — Gürtelbleche der älteren Eisenzeit in Armenien // AVA-Beitr. 1984. Bd. 6 (1985): 97—198; ил.

801. — Schutzwaffen aus Armenien // AVA-Beitr. 1990. Bd. 9/10: 83—109; ил.

Ефименко П. П.

802. Новое в вопросе о происхождении культуры позднего палеолита Средней и Восточной Азии: В связи с последними открытиями в СССР // ActaArchHung. 1956. Т. 7. F. 1/4: 281—289.

803. — Matériaux sur le peuplement paléolithique de Kostenki I // BSPF. 1954. Т. 51. F. 7: 322—325.

См. также №: 349.

Жаворонков П. И.

804. — Прибрежные малоазийские города Никейской империи и их архитектурные па-

мятники // *Bulgaria Pontica*. Sofia, 1988. Т. 2: 523—534.

Жербин А. С.

805. — *Советская наука о происхождении карел // *Происхождение Карелии: Финско-сов. семинар*. Joensuu, 1977: 19—40.

Соавт.: Шаскольский И. П.

806. — *Neuvostotieteen käsitys karjalaisten alkuperästä // *Karjalan synty*: Symp. 30. 6.—2. 7. 1976. Joensuu, 1977: 15—29.

Жижина Н. К.

807. — [Рец.]: Pinelli P., Wąsowicz A. *Musée du Louvre: Catalogue des bois et stucs greks et romains provenant de Kertch*. — Paris, 1986. — 187 с.: ил. // *Archeologia* (Warszawa). 1989. R. 40 (1991): 183—186.

Журавлев А. П.

808. — Предки древних финноугров в энеолите // *Congr. intern. fenno-ugristarum*; 7. 2. В. Summaria diss. Debrecen, 1990: 216.

Завитухина М. П.

809. — *Âge du Bronze // Avant les Scythes: Prêhistoire de l'art en URSS: Catalogue*. Paris, 1979: 107—117, 128—139: ил.

Соавт.: Пиотровский Ю. Ю.

810. — *La collezione siberiana di Pietro I // Tesori d'Eurasia: 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo*. Milano: Mandadori, 1987: 113—116, 145—146: ил.

811. — *Il sepolcro delle montagne di Oglachty sull'Enisej // Tesori d'Eurasia: 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo*. Milano: Mandadori, 1987: 117—122, 147—150: ил.

См. также №: 197.

Завьялов В. А.

812. — *Zur Darstellung eines baktrischen Musikanten mit Panflöte // Das Altertum*. 1986. Bd. 32. H. 3: 174—176: ил.

Соавт.: Мешкерис В. А.

Завьялов В. И.

813. — *The work of the Soviet Archaeological Expedition on the Spitsbergen Archipelago in 1989 // Tromura*. 1991. № 19: 171—178: ил.

Соавт.: Старков В. Ф., Черношвигов П. Ю.

Загний Г. Ф.

814. — *Archaeomagnetic results from some Prehistoric sites in Bulgaria // Archaeometry*. 1985. Vol. 27. P. 2: 179—184.

815. — *L'Archéomagnétisme et la chronologie relative // Thracia praehistorica*. Sofia, 1982: 288—291: ил. (Pulpudeva; Suppl. 3).

816. — *Intensity of the geomagnetic field in the Ukraine and Moldavia during the past 6000*

years // Archaeometry. 1973. Vol. 15. P. 2: 275—285. Библиогр.: 285.

Соавт.: Русаков О. М.

Загорска И. А.

817. — *The bone and antler inventory from Zvejnieki II, Latvian SSR // The Mesolithic in Europe: Intern. Mesolithic Symp.*; 3. Edinburg, 1985: 414—423: ил.

Соавт.: Загорскис Ф. А.

818. — *Das Frühmesolithikum in Lettland // Mesolithikum in Europa: Intern. Mesolithikum Symp*; 2. Berlin, 1981: 73—82: ил. (Veröff. des Museums für Ur- u. Frühgeschichte, Potsdam; 14/15). Библиогр.: 82.

Загорскис Ф. А.

819. — *Das Spätmesolithikum in Lettland // The Mesolithic in Europe: Intern. Archaeol. Symp. on Mesolithic in Europe*. Warsaw, 1973: 651—669.

См. также: № 817.

Загорульский Э. М.

820. — *La chronologie des origines des villes Biélorusses // Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej*. Wrocław, 1970. Т. 3: 24—28. Библиогр.: 27—28.

Заднепровская Т. Н.

821. — *Bibliographie de travaux sovietiques sur les Parthes // Studia Iranica*. 1975. Т. 4. F. 2: 243—260.

Заднепровский Ю. А.

822. — *Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э.—V в. н. э. // Congr. intern. des sciences préhist. et protohist.*; 7. Prague, 1971. Т. 2: 975—977.

823. — *Action réciproque des nomades et des civilisations anciennes et histoire ethnique de l'Asie Centrale // Nomades et sédentaires en Asia Centrale*. Paris, 1990: 235—240.

824. — *Chust culture of Soviet Central Asia // Indo-Asian Culture*. 1967. Vol. 16. № 4: 189—197.

См. также №: 208, 211—213.

Задонин О. В.

825. — *The earliest archeological sites in the Lena-Tunguska region // Early man news*. 1990. № 15: 11—14: ил.

Соавт.: Семин М. Ю.

Заец И. И.

826. — *Трипольские жилища на Южном Буге // StPraehist*. 1981. Т. 5/6: 48—60: ил.

Закарая П. П.

827. — *Zu den neuen Ausgrabungen in Archaiopolis // Das Altertum*. 1980. Bd. 26. H. 1: 49—54: ил.

Соавт.: Левкинадзе В. А., Ломоури Н. Ю.

Залеская В. Н.

828. — Български амулет преславски тип в Державния Ермитаж // Археология (София). 1980. Год. 22. Кн. 1: 48—51: ил.

829. — Objects byzantins «du style antique» dans l'aspect historique et culturel // JbÖByz. 1982. Bd. 32. N. 5: 15—22.

830. — Рец.: The Byzantine Black Sea: 12th Spring Symp. of Byzantine Studies in Birmingham; 1978. — Athenes, 1979. — 480 с. // Byzantinoslavica. 1982. T. 43. F.1: 78—81.

Соавт.: Якобсон А. Л.

Замятин С. Н.

831. — *Über die Entstehung lokaler Unterschiede im Paläolithikum // Sowietwissenschaft. 1953. N. 5/6: 900—932; 1954. N. 1: 96—129.

Зариня А. Э.

832. — Одежда населения Восточной Латвии в XI—XII вв. и некоторые ее сходные черты с одеждой славян // Congr. intern. d'Archéologie Slave; 3. Bratislava, 1980. T. 2: 503—513: ил.

Захарук Ю. Н.

833. — О моноэтнических археологических комплексах и культурах // Congr. intern. des sciences préhist. et protohist.; 7. Prague, 1970. T. 1: 115—118.

Захидов П. Ш.

834. — Prace konserwatorskie w Uzbekistanie // OchrZab. 1987. № 3: 204—209: ил.

Збенович В. Г.

835. — К характеристике земледелия трипольской культуры: Ранний этап // StPraehist. 1988. T. 9: 179—193: ил.

Соавт.: Пашкевич Г. А.

836. — Позднее Триполье и его связь с культурами Прикарпатья и Малопольши // ActaAcad. 1976. T. 16: 21—58: ил.

837. — Сложение трипольской культуры на территории СССР // Thracia praehistorica. Sofia, 1982: 45—61: ил. Библиогр.: 60—61. (Pulpudeva; Suppl. 3).

838. — Chronology and cultural relations of the Usatovo group in the USSR // Symp. über die Entstehung u. Chronologie der Badener Kultur. Bratislava, 1973: 513—524: ил.

Зеймаль Т. И.

839. — Adzhina Tera. Buddhist monastery VII—VIII c. A. D. in South Tadjikistan // Kushan culture and history. 1972. № 2: 83—100, 3 л. ил.

Соавт.: Литвинский Б. А.

Зимина Р. П.

840. — *Mountain natural ecosystems of the Caucasus, their anthropogenic transformation and protection // Interaction of the prehistoric man a. his environment. Mexico, 1981: 93—98.

Зиняков Н. М.

841. — Ferrous metallurgy and blacksmith production of the Altay Turks in the sixth to tenth centuries A. D. // Arctic Anthropology. 1988. Vol. 25. № 2: 84—99: ил. Библиогр.: 99—100.

Златковская Т. Д.

842. — К вопросу о возникновении государства у фракийцев // Congr. intern. des études balcan. et sud-est europ.; 1. Sofia, 1969: 297—305.

843. — Новогодний обряд хлестания у болгар и древнебалканская традиция // Pulpudeva. Sofia., 1980. T. 3: 253—260.

844. — W. Tomaschek über das thrakische Erbe und die moderne Ethnographie // Intern. Thrakol. Kongr.; 3. Sofia, 1984. Bd. 1: 53—61.

Значко-Яворский И. Л.

845. — Badanie zapraw budowlanych cerkwi w Tmutarakaniu i Kerczu oraz soboru w Kijowie // OchrZab. 1977. № 3/4: 154—157: ил.

846. — Experimentelle Untersuchung antiker Mörtel und Bindemittel // BiblClOr. 1966. Jg. 11. N. 3: 177—178.

847. — Untersuchungen alter Mörtel und Bindemittel auf dem Territorium der UdSSR // BiblClOr. 1966. Jg. 11. N. 3: 176—177.

Зограф А. Н.

847a. — Ancient coinage: P. 1—2. — Oxford, 1977. — (BAR. Intern. ser.; 33). P. 1—169 с.: ил.; P. 2: 170—422: ил. Библиогр.: 341—383.

Золотарев М. И.

См. №: 457.

Зубарь В. М.

848. — Пізні скіфи і сармати // Золоту степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 209—214: ил.

Иванов С. В.

849. — Традиционное искусство финно-угорских народов // Congr. quartus intern. fenno-ugristarum. Budapest, 1975. P. 1: 121—139: ил.

Иванова А. П.

850. — Gestalten der örtlichen Mythologie in der Kunst des Bosporos // Das Altertum. 1959. Bd. 5. N. 4: 233—241: ил.

851. — Das Grabrelief von Bosporus und Chersones // Das Altertum. 1962. Bd. 8. N. 2: 88—101: ил.

Иванова И. К.

852. — Étude géologique des gisements paléolithiques de l'URSS // *L'Anthropologie*. 1969. T. 73. № 1/2: 5—48: ил.

853. — *Das geologische Alter des fossilen Menschen. — Stuttgart, 1972. — 224: ил. — (*Archaeologia Venatoria*; 1).

854. — *Quaternary deposits and palaeolithic geology in the South of the European part of USSR // *Congr. INQUA*; 8. Paris, 1969: 366.

855. — *Role of geological structure and paleogeographical conditions in the dispersal of ancient man: As exemplified by the basin of the river Dniestr // *Intern. Congr. on Quaternary*. Łódź, 1964. Vol. 4: 311—323: ил.

856. — The Palaeolithic site of Molodova V on the Middle Dniestr (USSR) // *Quaternaria*. 1965. Vol. 7: 197—217: ил.

Соавт.: Черныш А. П.

857. — The significance of fossil hominids and their culture for the stratigraphy of the Quaternary Period // *Arctic Anthropology*. 1967. Vol. 4. № 2: 212—223. Библиогр.: 217—219.

Иванова М. Г.

858. — Animalischer Schnitzknochen Tscheppetsker Siedlungen im 9.—13. J. // *Congr. intern. fenno-ugristarum*; 7. 2.B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 162.

Иваньев Л. Н.

859. — *Палеонтологические и археологические исследования И. Д. Черского в Прибайкалье // *История русско-польских контактов в области геологии и географии: Польско-сов. симп., Варшава, 1969. Б. м., 1969: 34—35.*

Иевлев М. М.

860. — Природа України у давнину і сьогодні // *Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 17—23.*

Иерусалимская А. А.

861. — Погребальный культ и некоторые верования раннесредневековых племен Северного Кавказа: По материалам могильника Мощевая Балка, VIII—IX вв. // *IranAnt*. 1983. Vol. 18: 179—197, 4 л. ил.

862. — A propos de l'influence sasanide sur l'art des tribus alains: Une trouvaille au Caucase du Nord // *Archaeologia Iranica et Orientalis: Misc. in honorem L. Vanden Berghe*. Gent, 1989. Vol. 2: 897—916: ил. Библиогр.: 906—908.

863. — *Archaeological finds: Early Medieval woolen tapestries from North Caucasus // *Intern. Conf. on oriental carpets*. San Francisco, 1990. Abstr. 37.

864. — Le cafetan aux simourghs du tombeau de Mochtchevaja Balka // *Studia Iranica*. 1978. T. 7. F. 2: 183—211.

865. — «Moščevaja Balka» // *Tesori d'Eurasia: 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeolo-*

gia Sovietica: Catalogo. Milano: Mondadori, 1987: 212—217: ил.

866. — *Nouvelles excavations des sépultures des VII—IX siècles au Caucase Septentrional et le problème de datation des quelques groupes de soieries anciennes // *Conservation in archaeology and the applied arts. Prepr. of the contributions to the Stockholm Congr.* London, 1975: 27—33.

867. — *Une soierie récemment trouvée dans le tombeau de Mochtchevaja Balka // *Documenta Textilia: Festschrift für S. Müller-Christensen*. München, 1981: 123—128.

Измаилова Т. А.

868. — Рец.: Stichel R. Studien zum Verhältnis von Text und Bild spät- und nachbyzantinischer Vergänglichkeitsdarstellungen. — Wien, 1971. — 154 с. // *Byzantinoslavica*. 1974. T. 35. № 1: 70—73.

Ильинская В. А.

869. — О восточной границе расселения славян в раннем железном веке // *Międzynar. kongr. archeologii sioviańskiej*; 1. Wrocław, 1969. T. 2: 207—224: ил.

Ильюков Л. С.

870. — Grave 43 in the barrow cemetery «Novyj» // *Raev V. A. Roman imports in the Lower Don Basin*. Oxford, 1986: 79—80: ил. (BAR. Intern. ser.; 278).

Инаури Г. А.

871. — Le territoire de Vani: Un compte rendu des recherches archéologiques // *Centre de recherches d'histoire ancienne*. Paris, 1990. Vol. 100: 249—251.

Иоаннисян О. М.

872. — Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши // *ActaACarp*. 1988. T. 27: 185—218: ил.

873. — О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII—XIII вв. // *Студеница и визант. уметност око 1200 године*. Beograd, 1988: 287—294, 2 л. ил. (Српска Акад. Наука и уметности. Науч. скупови; 41).

Соавт.: Раппопорт П. А.

874. — Archaeological evidence for the development and urbanization of Kiev from the 8th to the 14th centuries // *From the Baltic to the Black Sea: Studies in Medieval Archaeology*. London, 1990: 285—312: ил. (*One World Archaeology*; 18). Библиогр.: 310—312.

Исаков А. И.

875. — Céramiques de Sarazm (Tadjikistan, URSS): Problèmes d'échanges et de peuplement à la fin chalcolithique et au début de l'Age du Bronze // *Paléorient*. 1988. T. 14. № 1: 31—47: ил. Библиогр.: 46—47.

876. — Excavations of Bronze Age settlement of Sarazm // *The Bronze Age civilization of Central Asia*. New York, 1981: 273—286: ил.

877. — Metallurgical analysis from Sarazm, Tadjikistan SSR // *Archaeometry*. 1987. Vol. 29. № 1: 90—102: ил. Библиогр.: 102.

878. — Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand // *ArtAs*. 1989. T. 44: 5—19: ил. Библиогр.: 20.

Исамиддинов М. Х.

879. — Fouilles de la Mission franco-soviétique à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): 1ère campagne, 1989 // *Compte-rendus de l'Acad des inscriptions et belles-lettres*. 1990: 356—379: ил.

880. — La prise de Samarcande par Gengis-khan // *L'Histoire* (Paris). 1991. № 149: 8—14: ил.

Исламов У. И.

881. — A multistratum campsite of Kelteminar Culture in Lower Zaravshan // *Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.* 1966. Vol. 3. № 1: 95—108.

882. — Sel'oungour, un nouveau site du Paléolithique inférieur en Asie Centrale // *L'Anthropologie*. 1990. T. 94. № 4: 675—687: ил. Библиогр.: 686—687.

См. также №: 227, 441.

Итина М. А.

883. — Zur Erforschung der Ur- und Frühgeschichte im südöstlichen Aralgebiet // *Das Altertum*. 1986. Bd. 32. H. 1: 5—13: ил.

II часть библиографического указателя печатается в сборнике «Археологические Вести № 10»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AA	— Archäologischer Anzeiger.	DeltChrA	— Δελτίον τῆς Χριστιανικῆς ἀρχαιολογικῆς ἐταιρείας.
AAS	— Les Annales archéologiques arabes syriennes. <i>Revue d'archéologie et d'histoire</i> .	DossAParis	— Les dossiers de l'archéologie.
AAustr	— Archaeologia austriaca.	EAZ	— Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift.
ActaA	— Acta archaeologica. København.	ERAUL	— Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège.
ActaACarp	— Acta archaeologica carpathica.	FoIA	— Folia archaeologica.
ActaAntHung	— Acta antiqua Academia scientiarum hungaricae.	FScandA	— Fennoscandia archaeologica.
ActaArchHung	— Acta archaeologica Academia scientiarum hungaricae.	HambBeitrA	— Hamburger Beiträge zur Archäologie.
AEphem	— Ἀρχαιολογικὴ ἐφημερίς.	Ipek	— Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst.
AErt	— Archaeologiai értesítő.	IranAnt	— Iranica antiqua.
AKorrBl	— Archäologisches Korrespondenzblatt.	JAS	— Journal of Archaeological Sciences.
AltorF	— Altorientalische Forschungen.	JbÖByz	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik.
AMI	— Archäologische Mitteilungen aus Iran.	JbSchwUrgesch	— Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Urgeschichte.
AntJ	— The Antiquaries Journal.	JCentrAs	— Journal of Central Asia.
APol	— Archaeologia polona.	JGS	— Journal of Glass Studies.
APolski	— Archeologia Polski.	JÖBG	— Jahrbuch der Österreichischen byzantinischen Gesellschaft.
ARozhl	— Archeologické rozhledy.	JRGZM	— Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.
ArtAs	— Arts Asiatiques.	JSchrVgHalle	— Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte.
AVA-Beitr.	— Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie.	KHKM	— Kwartalnik historii kultury materialnej.
AVA-Materialien	— Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie.	KwH	— Kwartalnik Historyczny.
AVest	— Arheološki vestnik.	MAInstUngAk	— Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften.
BAR	— British Archaeological Reports.	MANthrWien	— Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.
BAInst	— Bulletin of the Asia Institute.	MatA	— Materiały Archeologiczne.
BayVgBl	— Bayerische Vorgeschichtsblätter.	MatZP	— Materiały Zachodnio-Pomorskie.
BEtOr	— Bulletin d'études orientales.	MIO	— Mitteilungen des Instituts für Orientforschung.
BibIAIass	— Bibliotheca archaeologica iassensis.		
BibIClor	— Bibliotheca classica orientalis.		
BmusHongr	— Bulletin du Musée hongrois des beaux-arts.		
BSPF	— Bulletin de la Société préhistorique française.		
CAnt	— Current Anthropology.		

- NAR — Norwegian Archaeological Review.
 NumChron — The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society.
 OchrZab — Ochrona zabytków.
 OJA — Oxford Journal of Archaeology.
 OrLovPer — Orientalia lovaniensia periodica.
 PACT — Revue du Groupe européen d'études pour les techn., phys., chim. et math. appliquées à l'archéologie.
 PPS — Proceedings of the Prehistoric Society.
 PrzH — Przegląd historyczny.
 RA — Revue archéologique.
 RScPreist — Rivista di scienze preistoriche.
 SborBrno — Sbornik prací Filozofické fakulty Brněnské university. Řada archeologickoklasická (E).
 SborNMPraha — Sbornik Národního muzea v Praze.
 SchrOr — Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients.
 SlAnt — Slavia Antiqua.
 SlovA — Slovenská archeológia.
 SMEA — Studi micenei ed egeo-anatolici.
 StA — Studia archaeologica.
 StAWrocław — Studia archeologiczne. Wrocław.
 StCercIstor — Studii și cercetări de istorie veche și arheologie.
 StEtr — Studi etruschi.
 StPraehist — Studia praehistorica.
 SUFG — Schriften zur Ur- und Frühgeschichte.
 SZ AÚSAV — Študijné zvesti archeologického Ústavu Slovenskej Akadémie Vied.
 VAH — Varia archaeologica Hungarica.
 VjesDal — Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku.
 WiadNum — Wiadomości Numizmatyczne.
 WissBeitrHalle — Wissenschaftliche Beiträge. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.
 WissZBerl — Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt Universität zu Berlin.
 WissZHalle — Wissenschaftliche Zeitschrift. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.
 WissZRostock — Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock.
 WK — Waffen- und Kostümkunde.
 WorldA — World Archaeology.
 ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde.
 ZborMuzBeograd — Zbornik Narodnog muzeja Beograd.
 ZfA — Zeitschrift für Archäologie.
 ИИ — Интердисциплинарни изследовання. София.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ

№ 9

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской Академии наук*

Редактор *Н. В. Хвоцинская*
Художник *Г. А. Кузнецова*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Компьютерная верстка *Л. Ю. Егоровой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано к печати 20.07.2002. Формат 60 × 90^{1/8}.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 40. Уч.-изд. л. 28.
Тираж 400 экз. Заказ 350

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 235-15-86
E-mail: bulanina@nevsky.net